

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Алим Дононбаев

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

**Учебник
Часть 1**

*Допущено Министерством образования и науки
Кыргызской Республики в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений*

Бишкек 2015

УДК 327
ББК 66.4
Д 67

Ответственный редактор
А.И. Нарынбаев – д-р филос. наук, проф., почет. акад. НАН КР.

Рецензенты:
М.Т. Артыкбаев – д-р филос. и полит. наук, проф.,
С.Г. Иванов – д-р полит. наук, проф.,
А.Б. Элебаева – д-р филос. наук, проф.
Р.А. Бейбутова – проф.

Рекомендованно к изданию Ученым советом ГОУВПО КРСУ

Дононбаев А.
Д 67 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА: учебник. Часть 1. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. 586 с.

ISBN 978-9967-19-205-8

Раскрыты теоретико-методологические и конкретно-практические вопросы такой дисциплины, как международно-политическая наука. Изложен материал, связанный с практикой воплощения в международной реальности таких явлений, как модели систем международных отношений, мировой и международный порядок. Уделено внимание последовательному раскрытию узловых тем, анализирующих специфику предмета теории международных отношений, взаимосвязь внутренней и внешней политики, участников (акторов) международных отношений, системы международных отношений, закономерностей международных отношений. Введены такие новые темы, как методологические ориентации познания международной реальности и исторические концепции мирового порядка.

Д 0802000000-15

ISBN 978-9967-19-205-8

УДК 327

ББК 66.4

© ГОУВПО КРСУ, 2015

© Дононбаев А., 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. ЕДИНСТВО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ.....	5
РАЗДЕЛ I	9
ГЛАВА 1. НАУКА О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА)	9
Тема 1. Специфика предмета теории международных отношений (ТМО).....	9
Тема 2. Взаимосвязь внутренней и внешней политики в международных отношениях	29
Тема 3. Участники (акторы) международных отношений	50
Тема 4. Система международных отношений	71
Тема 5. Закономерности международных отношений.....	92
ГЛАВА 2. ПРИКЛАДНЫЕ МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ В ПОЗНАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	111
Тема 6. Методические инструментари и методологические ориентации в изучении международной реальности	111
Тема 7. Системный подход в международных отношениях.....	133
Тема 8. Геополитическое и геоэкономическое видение международных отношений.....	150
Тема 9. Формационное и цивилизационное измерение международных отношений.....	169
Тема 10. Мир-системный анализ международных отношений (концепция И. Валлерстайна)	192
ГЛАВА 3. ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	211
Тема 11. Политический реализм и неореализм.....	211
Тема 12. Либерализм и неолиберализм	233
Тема 13. Марксизм и неомарксизм.....	251
Тема 14. Социологическое направление.....	276
Тема 15. Транснационализм	294
Тема 16. Политический идеализм	316

РАЗДЕЛ II	336
ГЛАВА 4. МОДЕЛИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	336
Тема 17. Вестфальская модель системы мироустройства	336
Тема 18. Венская модель системы международных отношений	356
Тема 19. Версальская модель системы международных отношений	376
Тема 20. Ялтинско-Потсдамская (биполярная) модель системы международных отношений («старый мировой порядок»)	397
Тема 21. Европейская модель системы международных отношений (миропорядок по-европейски)	418
ГЛАВА 5. МИРОВОЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК: СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ	438
Тема 22. Мировой и международный порядок как предмет изучения	438
Тема 23. Древнекитайская концепция мирового порядка	459
Тема 24. Античная концепция миропорядка	479
Тема 25. Исламская концепция миропорядка	499
Тема 26. Православно-христианская концепция мирового порядка	519
Тема 27. Национально-государственная концепция мирового порядка	540
Тема 28. Новый мировой порядок: концепции и реалии	564

ПРЕДИСЛОВИЕ

Единство теории и практики в международно-политической науке

В «Фаусте» есть эпизод, где Гете вкладывает в уста Мефистофеля слова: «Теория, брат, сера, но вечно зеленеет древо жизни». Теория хочет закрепить, увековечить схваченное мгновение жизненной ситуации. Но никакая теория не может угнаться за вечно обновляющейся, зеленеющей жизненной практикой. И, тем не менее, цель теории – познание практики.

В научной методологии существует тезис, согласно которому теория оплодотворяется практикой. Если это действительно так, то глубинный смысл приобретают слова, что «нет ничего практичнее хорошей теории». В такой «хорошей теории» особенно нуждается современная наука о международных отношениях, которая ищет новое понимание исторического перелома в судьбах мира на рубеже XX–XXI вв. Как известно, в социальной науке XIX в. доминирующей методологической линией было стремление обнаружить так называемую «специфическую логику специфического предмета» (К. Маркс). Современный «сетевой взгляд» на природу изучаемых явлений выводит на передний план органическую взаимосвязь и взаимозависимость «внутренних» и «внешних» факторов международного сообщества.

Теории дают интеллектуальный контекст, в котором могут восприниматься международные события. Они играют важную роль в формировании определенной культуры поведения посредством создания традиций и обычаев.

Теория (греч. *theoría*, от *theoréo* – рассматриваю, исследую) в широком смысле – комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение какого-либо явления; в более узком и специальном смысле – высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существующих связях определённой области действительности – объекта данной теории. На основе знания, воплощённого в теории, человек способен создавать то, что не существует в налицо данной природной или социальной действительности, но возможно с точки зрения открытых теорий объективных законов.

Взятая в качестве определённой формы научного знания и в сравнении с другими его формами (гипотезой, законом и т. д.) теория выступает как наиболее сложная и развитая форма. Как таковую теорию следует отличать от других форм научного знания – законов науки, классификаций, типологий, первичных объяснительных схем и т. д. Эти формы генетически могут предшествовать собственно теории, составляя базу её формирования; с другой стороны, они нередко сосуществуют с теорией, взаимодействуя с нею в системе науки, и даже входят в теорию в качестве её элементов (теоретические законы, типологии, основанные на теории).

Переход от эмпирической стадии науки, которая ограничивается классификациями и обобщениями опытных данных, к теоретической стадии, когда появляются и развиваются теории в собственном смысле, осуществляется через ряд промежуточных форм теоретизации, в рамках которых формируются первичные теоретические конструкции, такие, как идеализация (типа математической точки), гипотетической сущности, служащие основой объяснения наблюдаемых в опыте явлений. В этом смысле зрелая теория представляет собой не просто сумму связанных между собой знаний, но определённый механизм построения знания, внутреннего развёртывания теоретического содержания, воплощает некоторую методологическую программу исследования; всё это и создаёт целостность теории и метода как единой системы знания.

В современной научной и учебной литературе отмечается, что структура теории обладает следующими основными компонентами: 1) исходную эмпирическую основу, которая включает множество зафиксированных в данной области знания фактов, достигнутых в ходе экспериментов и требующих теоретического объяснения; 2) исходную теоретическую основу – множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов теории, в совокупности описывающих идеализированный объект теории; 3) логику теории – множество допустимых в рамках теории правил логического вывода и доказательства; 4) совокупность выведенных в теории утверждений с их доказательствами, составляющую основной массив теоретического знания. Методологически центральную роль в формировании теории играет положенный в её основе идеализированный объект – теоретическая модель существующих связей реальности, представленных с помощью определённых гипотетических допущений и идеализаций¹.

Построение идеализированного объекта – необходимый этап создания любой теории, осуществляемый в специфических для разных областей знания формах. Теория может развиваться и действительно часто развивается в относительной независимости от эмпирического исследования – посредством знаково-символических операций по правилам математических или логических формализмов, посредством введения различных гипотетических допущений или теоретических моделей (особенно математических гипотез и математических моделей), а также путём мысленного эксперимента с идеализированными объектами.

Подобная относительная самостоятельность теоретического исследования образует важное преимущество мышления на уровне теорий, ибо даёт ему богатые эвристические возможности. Реальное функционирование и развитие теорий в науке осуществляется в органическом единстве с эмпирическим исследованием. Теория выступает как реальное знание о мире только тогда, когда она получает эмпирическую интерпретацию.

Как известно, всякая наука выстраивает собственную логику, подчиняющуюся внутренним закономерностям своего развития и не совпадающую с логикой раз-

---

¹ См. напр.: Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебник. М.: Гардарики, 2007; Основы общей теории международных отношений: Учебное пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

вития изучаемой ею реальности. Во всякой науке в той или иной мере неизбежно «присутствует» человек, привносящий в нее определенный элемент «субъективности». Сама же действительность выступает объектом науки, существует вне и независимо от сознания познающего ее субъекта, а становление и развитие этой науки, ее предмет определяются именно общественным субъектом познания. Объект познания существует до предмета исследования и может изучаться самыми различными научными дисциплинами.

Иногда в процессе познания субъективный момент отрывается от объективной стороны изучаемого предмета, а теория отходит далеко от практики. Результатом, как правило, становится доктрина, лишенная научности и не отвечающая нуждам практической политики. Такие доктрины перерождаются в идеологические догматы, иногда становятся правилами, из которых постоянно делают исключения. Однако они всегда в определенное им время уходят в прошлое, будучи либо громко низвергнуты, либо тихо забыты.

Человеческое общество всегда изменяется, самоперестраивается и требует различных рационализаций в каждую историческую эпоху. Мы знаем, что наш мир очень хрупкая ваза, которую мы можем разбить одним неловким движением. Разумеется, теория не может решить даже маленькую практическую проблему. Она не способна, например, предотвратить войну, остановить конфликт. Наряду с этим теория объясняет сущность современного мироустройства и мировой политики, раскрывает логику поведения государств и международных организаций, показывает общие причины таких явлений, как конфликт, война, сотрудничество, интеграция и т. д. Теория необходима для упорядочивания огромного объема информации, которая непрерывно обрушивается на наши головы¹.

Предметное содержание международных отношений включает в себя не только теорию, но и действие, а также врожденную тенденцию интеллектуалов сомневаться, прежде чем сделать что-нибудь, из страха допустить какую-либо ошибку. Теория выступает в роли своеобразного путеводаителя («нить Ариадны») относительно того, каковы должны быть ориентирующие факторы поведения государств на международной арене в той или иной исторической ситуации.

В учебнике сделана попытка связать в один органичный узел теорию и практику международных отношений. В этой связи теоретико-концептуальные проблемы рассматриваются в едином русле с изложением практического воплощения в международной реальности тех или иных явлений. Отметим, что практика современных международных отношений предстает в образе не просто «двуликого», а «многоликого» Януса. Теория значительно отстает в осмыслении практики международных отношений. Пока не удастся создать адекватную общую теоретическую модель этого «многоликого» явления.

Международные отношения, рассматриваемые как целостный объект изучения, «больше» суммы внешних политик государств – это положение общепризнано в современной международно-политической науке. Вполне уместно привести

---

¹ См. подробно: Мировая политика: проблемы теории и практики / Под ред. П.А. Цыганкова, Д.М. Фельдмана. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

цитату основателя синергетического направления в науке И. Пригожина: «Целое уже не равно сумме частей. Вообще говоря, оно не больше и не меньше суммы частей, оно качественно иное».

Внешняя же политика государства максимально «удобна» для исследования ее документированностью и относительной доступностью информации, многочисленностью источников. С практической точки зрения можно сводить международные отношения к политике ведущих государств того или иного периода как наиболее значимой для содержания и динамики международных отношений на данном отрезке истории. Однако подобный подход противоречил бы современным взглядам. Одна из особенностей глобализации проявляется в том, что она «втягивает» в орбиту активного взаимодействия все государства. Чем дальше разворачивается исторический процесс международной взаимозависимости и сотрудничества, тем больше будет расти роль каждого государства.

Исследователи, разрабатывающие теоретические аспекты функционирования системы международных отношений, сосредотачиваются преимущественно на сюжетах, касающихся современных процессов. Но проблема заключается в том, что создать корректную теорию этих процессов без опоры на конкретную историю невозможно. Теория имеет практическую ценность, только если она базируется на исторических фактах, находя в них свое подтверждение.

Настоящее издание построено на сочетании конкретно-исторических материалов с положениями, почерпнутыми из дисциплин, связанных с изучением теории международных отношений. Необходимо отметить, что излагаемые темы рассматриваются в динамике, ибо интересующему нас явлению – международным отношениям – имманентно чужда статичность. Эта сфера постоянно развивалась, обогащалась новыми гранями вместе с усложнением характера мировых процессов. Историческая «норма» – постоянная изменчивость обществ, форм их организации, образов жизни.

Поскольку мировые *тенденции* во все времена развиваются и обновляются, постольку международные отношения оказываются *процессом* и, следовательно, теория международных отношений становится изменяющейся концептуальной основой этого процесса. Но даже в XXI в. признать изменяющийся и трансформирующийся мир для ряда социально-политических сил и исследователей идеологически трудно, иногда невозможно. Из такого признания прямо следует, что самые совершенные порядки не вечны, что рано или поздно им на смену придет нечто иное, может быть, и не лучшее.

РАЗДЕЛ I

ГЛАВА 1. НАУКА О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА)

Тема 1. Специфика предмета теории международных отношений (ТМО)

1. Определение предметного содержания, познавательных функций и задач ТМО.
2. Взаимосвязь мировой политики и международных отношений.
3. ТМО как специфическая область международно-политической науки.

Люди внимательные давно заметили, что во второй половине XX в. и начале XXI в. события глобального, регионального и местного масштаба прямым, непосредственным образом все чаще и глубже оказываются взаимосвязанными. Из этого вытекает, что, казалось бы, какое-то малозаметное событие, происшедшее где-то в глубинке, на краю земли, неожиданным образом оказывает свое воздействие на планетарные процессы. И, наоборот, наступило время, когда мы уже не можем, как раньше, с относительным спокойствием наблюдать пусть за большими, но происходящими где-то далеко от нас событиями. Мы не ведаем, каким хитросплетением жизненных обстоятельств они отзовутся на наших делах. Но они отзываются. Планета становится слишком хрупкой. Уязвимость современного мира возрастает.

Как подчеркивают исследователи, в мире возникла новая география, целостность, определяемая не столько совокупностью физических просторов, сколько возможностью синхронного мониторинга событий в различных точках планеты в режиме реального времени, а также способностью цивилизации к оперативной проекции властных решений в масштабе всей планеты¹.

Как известно, главным содержанием современной эпохи является переход от биполярной системы мироустройства к многополярному миру. Однако именно область межгосударственных отношений характеризуется альтернативностью путей развития. Сейчас мы наблюдаем некое «хаотическое брожение» различных тенденций международной жизни. Особенно четко проявляет себя так называемое попятное движение. Вместе с тем в настоящий момент противостоят две мировые тенденции. Тенденцию «однополярности» («плюралистической однополярности»), или иначе «моноцентричности», пытались воплотить в жизнь США. Однако в последнее время отчетливо заявляет о себе вторая тенденция – «мно-

---

¹ См.: Неклесса А.И. Ordo Quadro – четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Полис. 2000. № 6.

гополярности», которая активно реализуется во внешнеполитической стратегии России, Китая и других ведущих государств.

Переходный характер существующего миропорядка обуславливает то, что можно было бы назвать его «многоукладностью», т. е. проявляющиеся ростки будущего и неисчезающие черты прошлого. Такая взаимная «переплетенность», «состыкованность» событий особенно в *сфере МО* с трудом поддается научному описанию и объяснению. Как полагает американский ученый И. Валлерстайн, это связано с тем, что в науке до сих пор доминирует *событийная*, а не *структурная ориентированность* в изучении международных процессов.

Сегодня, как подчеркивает Д. Розенау¹, возникают контуры новой «постмеждународной политики» – глобальной системы, в которой контакты между различными структурами и акторами осуществляются принципиально по-новому. Наряду с традиционным миром межгосударственных взаимодействий, на наших глазах рождается новый – «второй, полицентричный, мир» международных отношений, характеризующийся хаотичностью и непредсказуемостью, искажением идентичностей, переориентацией связей авторитета и лояльностей, которые соединяли индивидов. При этом базовые структуры «постмеждународных отношений» обнаруживают настоящую бифуркацию между соревновательными логиками этатистского и полицентрического мира, которые взаимно влияют друг на друга и никак не могут найти подлинного примирения. В этом случае конструктивной становится роль научно-теоретического обобщения многообразных эмпирических проявлений международных отношений.

Прежде чем рассматривать предмет теории МО, ответим на вопрос: что есть «предмет»? Предмет – видимая исследователю «реальность», составляющая часть «действительности». Предметы любой науки не являются статичными и окончательно определенными. По мере развития объекта развивается и предметное поле той или иной науки. Так произошло и с понятием «МО», являющимся «предметообразующим» для науки о МО². Претендуя на статус теории, соответствующая часть науки о МО должна отвечать философско-методологическим критериям, которые в любой науке позволяют различать ее теоретические компоненты от иных: методологии, эмпирики, частных концепций, прикладных форм.

Теория в широком смысле – комплекс идей и представлений, в совокупности дающих истолкование и объяснение какого-либо явления или класса явлений. В этом смысле все науки о МО (включая историю МО и внешней политики, дипломатии, исследования фактологически-описательного характера и т. д.) могут быть отнесены к теории: каждая из её дисциплин и все они вместе являются неким комплексом идей и представлений (причем именно комплексом, а не единым целым) и дают (порознь и в совокупности) систематизированное изложение, истолкование и объяснение (или сумму объяснений) своего предмета.

---

¹ Розенау Дж. Мировая политика в движении. Теория изменений и преемственности. М., 1992, С. 6–7.

² Косолапов Н. Теория международных отношений: предмет анализа и предмет теории (Введение в теорию) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11. С. 40.

Вместе с тем противоречивость и неоднозначный характер наблюдаемых в современном мире глобальных перемен с особой очевидностью высвечивают недостатки, присущие всякой теории. Это тем более верно, что всякая теория, по определению, имплицитно содержит в себе претензию на самодостаточность. Отмечается, что всякой теории присущи такие изъяны, как консерватизм, редукционизм и гегемонизм. Консерватизм – поскольку теория, как система непротиворечивых знаний, являясь результатом сложных и длительных усилий по обобщению множества аналитических исследований, естественно, стремится к сохранению накопленного, защищая его от проникновения чуждых ей концептов и выводов. Редукционизм – ибо всякая теория строится на основе одной или нескольких посылок аксиоматического характера и ее распространение на иную сферу, порождает умозрительность. Гегемонизм – потому что всякая теория основана на презумпции рационального. В этой связи любое явление, которое неорганично вписывается в ее объяснительные рамки, объявляется иррациональным и рассматривается в качестве маргинального, не влияющего на общие выводы, а то и подлежащего устранению. В результате всякой теории по указанным причинам угрожает опасность вырождения в теологию.

По мере теоретического изучения МО структура теории МО, видимо, будет стремиться к включению в нее следующих элементов:

I) раздела теории межуровневых переходов:

- концепции международной жизни как явления, охватывающего все сферы современности служащей базой, первоосновой явлений более сложного и «высокого» характера. Эту нишу сейчас отчасти заполняют конкретно-описательные исследования интернационализации, международных обменов, связей и коммуникаций;
- концепции международной политики в мировом, региональном и локальном измерениях последней (международных политических и иных взаимодействий, международного общения, многосторонних и/или международных организаций, общественных движений и т.п.);
- концепции отдельных актов, типов и видов конкретных международных взаимодействий (например, переговорного процесса, конфликтов, определенных видов поведения – санкций, сдерживания, разного рода принуждений и т.п.);

II) раздела, посвященного международным явлениям и процессам, основное содержание, которых, обнаруживается обычно лишь в социальном масштабе времени:

- концепции субъектов МО определенных эпохи, периода; эволюция типа субъектов МО сообразно эволюции самих МО и мировому развитию, включая концепции процесса формирования и осуществления внешней (международной) политики субъектов МО;
- концепции межгосударственных отношений, включая, как их традиционные военно-силовые формы, так и иные – сотрудничества, взаимозависимости, интеграции;

- концепции мирового порядка и стабильных структур МО как явлений, способных развиваться на основе относительно долгих периодов международной стабильности (понятие и содержание явления миропорядка, конкретные его виды, природа и значение для эволюции МО как явления структур типа ООН, а также ОБСЕ, НАТО, АСЕАН, иных региональных систем сотрудничества);

III) раздела, посвященного международным явлениям и процессам, основное содержание которых способно реализовываться только в историческом масштабе времени:

- концепции соотношения стабильности и безопасности, стабильности и перемен, безопасности и развития собственно в МО, а также на стыке МО, международной жизни в целом и мирового развития;
- концепции явления и процесса глобализации, последствий их для МО в целом, различных вариантов миропорядка и стабильных структур МО, для формирования иерархии (стратификации) субъектов МО, международных жизни и политики; формирование явления мирового политического процесса;
- концепции взаимосвязи МО, мирового развития в целом с идеологическими системами, в том числе идеологией устойчивого развития (sustainable development);

IV) теории межуровневых переходов, которые могут включать следующее:

- анализ предпосылок, условий и механизмов перехода явлений и процессов одной временной протяженности в другую, с ней смежную (например, перерастания текущих процессов в тенденции макросоциальных протяженности и значимости; этих последних – в исторические, или наоборот);
- качественный анализ зависимости МО, мирового развития и родовой жизни человека на планете от факторов экологического, природно-географического, космического, естественно-физического характера;
- представления о механизмах и закономерностях волновых (циклических) природы и характера процессов эволюции и развития МО, международной жизни, человечества в целом; особенно волновой природы присущих этим процессам переходных состояний и периодов.

Предмет ТМО – это научный поиск характерных, повторяющихся и необходимых для существования исследуемого объекта связей, отношений, зависимостей, закономерностей. В настоящее время наиболее обобщенное отражение закономерностей международных процессов предельно кратко выражается следующим образом:

- главным действующим лицом МО является государство, а формами его международной деятельности – дипломатия и стратегия;
- государственная политика существует в двух разновидностях – внутренней и внешней, между которыми наблюдаются как взаимосвязь, так и значительные различия, поэтому международная политика государства обладает весьма значительной автономией;

- основа основ международной деятельности государства зиждется на национальном интересе, основными элементами которого являются безопасность, выживание и суверенитет. Поэтому МО – это сфера столкновения, конфликтов и примирений национальных интересов различных государств;
- международные отношения – это силовое взаимодействие государств и баланс сил, в котором преимущества с точки зрения реализации национальных интересов имеют наиболее мощные державы;
- в зависимости от распределения мощи между великими державами баланс сил может принимать различные формы или конфигурации: биполярную, трехполюсную, мультиполярную и т. д.

Однополярность – тип мирового устройства, при котором власть сосредоточена в той или иной степени в одном центре – гегемоне. Такой расклад сил называется гегемонией. Другой вид однополярности – это мир со всемирным правительством, в котором все граждане равноправны, то есть не существует никакого гегемона.

Биполярность подразумевает разделение мира на сферы влияния между двумя полюсами силы: создание военно-политических блоков, иногда – строительство идеологического, религиозного, культурного барьеров. Наиболее известный исторический пример биполярного мирового устройства – «холодная война» между Советским Союзом и Соединенными Штатами (1946–1991). Вторая половина XX в. была единственным периодом в истории человечества, когда абсолютно мир был полностью разделен на два лагеря. Исключения из сфер влияния составляли лишь отдельные, чаще всего небольшие и малозначимые со стратегической точки зрения государства, объявившие о своем нейтралитете. Кроме того, биполярность в отдельных случаях может означать объединение двух противоборствующих лагерей на равноправных условиях, например противостояние Антигитлеровской коалиции (СССР – США – Великобритания) и «держав Оси» (Германия – Италия – Япония) во Второй мировой войне.

Многополярность – система мирового устройства, при которой множество (по крайней мере, не менее трех) государств обладает приблизительно равным экономическим и военным потенциалом. В теории она считается наименее стабильной из всех существующих. На протяжении истории многополярность предполагала, скорее войну, чем мирное сосуществование примерно равных по могуществу государств. С другой стороны, многополярная система – наиболее устойчива, она может существовать неограниченный период времени. Однако в биполярной системе рано или поздно будет выигравший, а однополярная система с течением времени неизбежно приходит к деградации и краху.

После заключения в 1991 г. Беловежского договора, приведшего к распаду СССР, баланс сил в мире значительно изменился. Мир перестал быть биполярным. США, пользуясь этой ситуацией, навязывают миру свои правила игры на международной арене.

Разумеется, с ранних времен международные отношения как объект исследования вызвали живой интерес. Международное общение уже в раннем обществе

неизбежно стимулировало потребность в реальном изучении природы и особенностей взаимодействующих племен и народов. В процессе перехода от родоплеменного к государственному строю ареал расширения международных отношений приобретает все более последовательный и систематический характер. Как показывает практика, происхождение наций, образование межгосударственных границ, формирование и изменение политических режимов, становление различных социальных институтов, обогащение культур, развитие искусства, науки, технического прогресса и эффективной экономики тесно связаны с торговыми, финансовыми, культурными и иными обменов, межгосударственными союзами, дипломатическими контактами и военными конфликтами, или, иначе говоря, с международными отношениями¹.

В современную эпоху уже признается очевидным то, что значение этих факторов возрастает, и чем дальше, тем больше. Как никогда прежде все страны и регионы вплетены в плотную, разветвленную сеть многообразных взаимодействий, влияющих на объемы и характер производства, виды создаваемых товаров и цены на них, на стандарты потребления, на ценности и идеалы людей и т.д. Что же касается самого термина «international relations» – «международные отношения», по общему признанию, он был введен английским философом Дж. Бентамом на рубеже XVIII–XIX вв. Появление данного термина в тот период не случайно, поскольку именно рубеж XVIII–XIX столетий стал важным этапом в эволюции самого феномена международных отношений. К тому времени в Западной Европе окончательно сложилась система суверенных национальных государств. На смену отношениям между царствующими династиями и правящими монархами пришли отношения между организованными в государства народами-нациями. Недаром в западноевропейском восприятии понятия «нация» и «государство» (nation-state) являются синонимами. Именно поэтому организованное сообщество стран получило название Лига Наций, а затем Организация Объединенных Наций (ООН). Параллельно с формированием наций завершился процесс становления гражданского общества, подчинившего себе и преобразовавшего в соответствии со своими потребностями государство².

Тогда же оформилась и та модель системы МО, которая до недавнего времени считалась эталонной и само собой разумеющейся. В соответствии с ней гражданское общество каждой страны наделяло государство всеми полномочиями в области обеспечения национальной безопасности и внешних сношений. Правительство одного государства в соответствии с этими полномочиями вступало в официальные связи с правительством другого государства, и именно по этому каналу осуществлялось большинство связей не только между государственными структурами, но и между различными субъектами гражданского общества этих стран.

Приступая к разговору о предмете ТМО, необходимо вначале разобраться с вопросом об объекте данной научной дисциплины. Нужно попытаться уловить

---

¹ См.: Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. М.: Радикс, 1994. С. 5.

² См., напр.: Мировая политика и международные отношения: Учебное пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009. С. 15–16.

смысловые оттенки, разграничивающие объектное и предметное содержание в изучаемом явлении. Иногда приходится встречаться с мнением, согласно которому разграничение предмета и объекта науки не имеет особого значения для осознания и понимания ее особенностей, более того, – что такое разграничение носит схоластический, умозрительный характер и способно лишь отвлечь от действительно важных теоретических и практических проблем. Думается, указанное разграничение все же необходимо и продуктивно¹.

Объективная реальность, существующая вне и независимо от нашего сознания, отличается от изучающих ее различные стороны научных дисциплин, которые, во-первых, отражают и описывают ее всегда с некоторым «запозданием», а во-вторых, – с определенным «искажением» существа происходящих в ней процессов и явлений. Человеческое познание дает, как известно, лишь условную, приблизительную картину мира, никогда не достигая абсолютного знания о нем. Кроме того, всякая наука, так или иначе, выстраивает собственную логику, подчиняющуюся внутренним закономерностям своего развития и не совпадающую с логикой развития изучаемой ею реальности. Во всякой науке в той или иной мере неизбежно «присутствует» человек, привносящий в нее определенный элемент «субъективности». Ведь если сама действительность, выступающая объектом науки, существует «вне» и независимо «от» сознания познающего ее субъекта, то становление и развитие этой науки, ее предмет определяются именно общественным субъектом познания, выделяющим на основе определенных потребностей ту или иную сторону в познавательном объекте и изучающим ее соответствующими методами и средствами. Объект существует до предмета и может изучаться самыми различными научными дисциплинами. Это положение надо понимать в том смысле, что в качестве объекта выступают некие целостные явления или процессы, отдельные аспекты, грани, стороны, черты которых становятся предметом изучения конкретно рассматриваемой науки.

Например, человек как целостное существо является объектом изучения целого ряда наук. При этом предметом каждой из наук выступает какой-то аспект, сторона данного объекта. Медицина исследует «аномальные», отклоняющиеся от нормы процессы в человеческом организме, т. е. болезни. Психология же делает предметом своего познания совокупность психических «идеально-эмоциональных» процессов, происходящих в человеческом сознании. В то же время эти же процессы в их «материально-реальных» проявлениях в человеческом мозгу изучаются физиологией высшей нервной деятельности. Биология же делает предметом своего интереса вообще жизненные процессы, протекающие в человеческом организме. И этот ряд можно продолжить.

В естественных науках фундаментальное значение приобрело обнаружение фактов, их последовательности и систематичности, причинно-следственной связи. В общественных науках стремление к «фетишизации фактов», предпринятое позитивистским направлением, по мнению Э. Карра, привело к негативным ре-

---

¹ Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. М.: Радикс, 1994. С. 100–105.

зультатам¹. Необходимо считаться с тем, что существует принципиальное различие между фактами природной и социальной среды. В природе предмет, вещь совпадают с фактами. Предмет и факт абсолютно объективны, независимы от действий человека. Содержательные и структурные характеристики предмета полностью проявляют себя в факте. Например, ученому в ходе научного эксперимента нужно строго следовать логике самого предмета, чтобы извлечь факт. В социальной же действительности ситуация иная. Во-первых, явления и процессы общественной жизни оказываются результатами сознания, воли и деятельности людей. В этом контексте рассмотрения они как объективны, так и субъективны. Во-вторых, предметы и явления социальной реальности как высшей формы движущейся материи, структурно и содержательно весьма сложны и находятся в бесчисленных, многообразных системных связях с другими событиями и процессами общественной жизни. Поэтому объективное содержание и структура в предметах и событиях социального мира как бы «проявляют» себя в общественном факте лишь с одной или нескольких сторон, свойств, связей, «ликов», «ипостасей», которые оказываются «востребованными» в данном конкретно-историческом контексте системного взаимодействия. В этом случае общественный факт не исчерпывает всех характеристик, присущих содержанию и структуре «социального предмета». В этой связи общественный факт не совпадает полностью с предметом, вещью, явлением.

Что же тогда выступает в качестве объекта изучения ТМО? Разумеется, в первую очередь и главным образом, все те реальные процессы, которые отражаются в понятии «международные отношения». Значение МО в последние десятилетия возросло в связи с тем, что государства различных социальных систем вынуждены совместно решать многие имеющие общечеловеческую значимость проблемы современного мирового развития. К ним относятся, прежде всего, такие проблемы, как предотвращение термоядерной войны, запрещение ядерного, радиологического, химического и бактериологического оружия. К этому ряду следует отнести и такие проблемы, как охрана окружающей среды, распределение продуктов питания, борьба с эпидемическими заболеваниями, энергетические проблемы, проблемы пресной воды, исследования космоса, регулирования климата и многие другие, которые уже приобрели международный характер. Поэтому выделение системы международных отношений как специфического предмета исследования, выявление закономерностей её функционирования и развития имеют большое значение как с точки зрения теоретической, так и с точки зрения политической.

С этих позиций определение понятия «МО», на первый взгляд, представленное в различных учебных и научных изданиях, не имеет каких-то особых трудностей. Чаще всего, если рассматривать вопрос в контексте обобщения, можно встретить определения следующего характера. Это – «совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических и иных связей и взаимоотношений между государствами и системами государств, между основ-

---

¹ Carr E.H. What is History? L., 1962. P. 3.

ными социальными, экономическими, политическими силами, организациями и общественными движениями, а также транснациональными корпорациями (ТНК), действующими на мировой арене». Или другое определение международных отношений как «составной части науки, включающей дипломатическую историю, международное право, мировую экономику, военную стратегию и множество других дисциплин, которые изучают различные аспекты единого для них объекта».

Естественно, сразу возникает ряд вопросов. Относятся ли, например, браки между людьми, принадлежащих к разным государствам, к сфере международных отношений? Относятся ли к ней туристические поездки и поездки по частным приглашениям граждан одной страны в другую? Вступает ли человек в международные отношения, покупая иностранный товар в магазине своей страны?

Попытка ответить на подобные вопросы обнаруживает зыбкость, условность, а то и просто «неуловимость» границ между внутренними общественными (внутриобщественными) и международными отношениями. Остаются без ответа и вопросы о том, в чем именно выражается специфика «совокупности связей и взаимоотношений между транснациональными корпорациями, действующими на международной арене», по сравнению с «организациями и движениями»? Что скрывается за терминами «социальные, экономические, политические силы»? Что такое «международная арена»? Все эти вопросы остаются как бы «за скобками» приведенного определения.

Не много ясности вносит и попытка более строгого определения международных отношений – как отношений «между государствами и негосударственными организациями, между партиями, компаниями, частными лицами разных государств»¹. По сути, оно лишь более явно, чем предыдущее, сводит совокупность МО к взаимодействию их участников. Главным недостатком подобных определений является то, что в конечном счете они неизбежно сводят все многообразие международных отношений к взаимодействию государств.

Попытка выйти за рамки межгосударственных взаимодействий содержится в определении международных отношений как «совокупности интеграционных связей, формирующих человеческое сообщество»². Такое понимание, оставляя открытым вопрос об участниках (акторах) международных отношений, позволяет избежать сведения их к межгосударственным отношениям. Кроме того, оно акцентирует внимание на одной из основных тенденций эволюции международных отношений. Однако данное определение является слишком широким, поскольку, по существу, не разграничивает внутриобщественные и международные отношения. В нем делается акцент не на участниках МО, а их взаимодействии друг с другом и, по сути, эти участники как бы «теряются». Между тем без правильного понимания того, кто является основными и второстепенными, закономерными и случайными участниками международных отношений, равно как и иерархических взаимодействий между ними (иными словами, без определенных главных и неглавных участников), выявить специфику международных отношений достаточно трудно.

¹ Курс международного права... М., 1989. С. 10.

² Шахназаров Г.Х. Грядущий миропорядок. М., 1981. С.19.

По мнению ряда ученых, МО возникают тогда, когда появляются хотя бы два внутренне оформленных социума, которые добровольно или вынужденно вступают в постоянные контакты, связи, отношения, взаимодействия друг с другом. Международные отношения как явление исчерпывают себя, если и когда все ранее участвовавшие в них социумы объединяются в единое, властно оформленное целое, где все связи, отношения принимают внутренний характер. Такое понимание МО дает возможность приблизительно очертить выраженную структуру общей теории международных отношений как процесса, в идеале и в историческом масштабе времени ведущего к трансформации совокупности изначально разрозненных, взаимно отчужденных социумов в интегрированное целое¹.

Наряду с многократными попытками определения объектного содержания международных отношений, по крайней мере, в течение предшествующего столетия ведется напряженная дискуссия о том, предметом какой науки является эта сфера человеческой деятельности? Множество высказываний, в конечном счете, можно свести к трем принципиально различающимся позициям. Согласно первой, международные отношения, будучи сложным, многоаспектным объектом, должны изучаться «комплексной» дисциплиной, которая включает международное право, международные экономические отношения (мировая экономика), историю международных отношений, международную политику, социальную психологию и др. Вторая позиция предполагает необходимость придерживаться социологического видения проблем международных отношений. Третья позиция в изучении сферы международных отношений отдает приоритет политологии. В последние годы большинство споров разворачивалось вокруг проблемы роли и места государства в международных отношениях. Проблема формулировалась следующим образом: является ли государство основным, центральным субъектом международных отношений? Одни исследователи утверждали, что государство является таковым, другие считали, что основным субъектом выступает нация. Первых обычно относят к представителям политологии, вторых – социологии.

Сторонники социологического подхода рассматривают государство как относительно самостоятельный социальный институт и притом один из многих. Поэтому социология международных отношений в предмет своего изучения включает отношения между исторически сложившимися формами общности людей – народностями, нациями – их институтами: государствами, неправительственными организациями, политическими, экономическими, социальными и культурными учреждениями и т. п.

С их точки зрения основные функции государства – это организация и регулирование международных отношений, но в пределах своей компетенции. Однако где же заканчиваются эти пределы? До какой степени государство может действовать самостоятельно, автономно в организации и регулировании международных отношений, имея в виду специфические интересы, соответствующую компетен-

---

¹ См.: Косолапов Н. Теория международных отношений: предмет анализа и предмет теории // МЭМО. 1998. № 11. С. 56; Он же. Субъекты мировой политики и международных отношений: явления, критерии, основы типологии // МЭМО. 1998. № 12. С. 126–127.

цию и значительную независимость других социальных институтов: бизнеса, образования, религии и т. п.? В последнее время отмечается, что основная сфера компетенции государства, в которой оно может действовать полностью самостоятельно, – обеспечение безопасности и стабильности. Как организующая сила в обществе действия государства должны соответствовать критерию эффективности. Следовательно, политическая составляющая деятельности государств на международной арене приобретает определяющее значение.

Международные отношения классифицируются либо по сферам общественной жизни (и, следовательно, содержанию отношений) – экономические, политические, военно-стратегические, культурные, идеологические отношения и т. п., либо в зависимости от их участников – межгосударственные отношения, межпартийные отношения, отношения между различными международными организациями, транснациональными корпорациями и др.

В зависимости от степени развития и интенсивности международных отношений выделяют их различные (высокий, низкий или средний) уровни. Однако более плодотворным представляется выделение уровней международных отношений на основе геополитического критерия: глобальный (или общепланетарный), региональные (европейский, азиатский и т. п.), субрегиональные (например, страны Карибского бассейна) уровни международного взаимодействия.

Наконец, с точки зрения степени напряженности можно говорить о различных состояниях международных отношений: например, состоянии стабильности и нестабильности; доверия и вражды, сотрудничества и конфликта, мира и войны и т.п.

Совокупность известных науке различных типов, видов, уровней и состояний международных отношений представляет собой особый род общественных отношений, которые в силу своей специфики отличаются от общественных отношений, свойственных той или иной социальной общности, выступающей участником международных отношений. В этой связи международные отношения можно определить как особый род общественных отношений, выходящих за рамки внутриобщественных взаимодействий и территориальных образований. Такое определение требует рассмотрения вопроса о том, как соотносятся международные отношения и мировая политика.

В этой связи в настоящее время все чаще сферу международных отношений в целом рассматривают как предметную область политической науки. В частности, теорию международных отношений относят к разряду международно-политических наук. Это связано с тем, что политику признают в качестве первичного фактора международной жизни. «Экономизация» международных отношений, развертывающаяся в условиях глобализации, вовсе не отрицает роль политического начала в жизни общества. Речь идет лишь о возрастающем значении во взаимоотношениях государств экономической политики. Говоря о необходимости комплексного анализа, подчеркивают, что наряду с всесторонним изучением явлений, поиском их внутренних связей, с определением их места в целостном социальном организме, нельзя не выделять как главный подход – политический. Именно он дает логическую нить, позволяющую понять существо происходящих

событий, составить их единую картину, ясно видеть их перспективу. Иначе в нашем представлении жизнь общества будет выглядеть не более чем механической суммой явлений, а сам комплексный подход рискует превратиться в эклектический. Со всей определенностью можно говорить, что в истории не существовало, за исключением первобытнообщинного строя, и не существует какого-либо «аполитического» общества, поскольку все сферы и области общественной системы в той или иной форме и степени пронизываются политическим началом. Общество едино в качестве политического сообщества. Политическое начало в жизни общества, а также, в частности, в сфере международных отношений, выполняет интегральную, интегрирующую функцию.

Следовательно, понимание политики как сложного и многогранного явления предполагает его анализ не только на общественном и личностном уровнях, но и на уровне международном. Объясняется это тем, что сама природа политики характеризуется взаимодействием и противоборством различных интересов и сил, как внутри той или иной страны, так и на международной арене. Поэтому важными составляющими выступает международная политика, ее природа, закономерности функционирования и развития.

Исследование политики на международном уровне имеет свои особенности, которые связаны с характером международных отношений, спецификой внешней политики. Если внутри стран государство имеет монополию на политическую власть, на всю политику в данном обществе, то на международной арене нет единого центра мировой политики, там действуют в принципе равноправные государства, отношения между которыми строятся различно. На международной арене взаимодействуют государства, внешняя политика которых строится в соответствии с их национальными интересами. Поэтому международная политика представляет собой некую конкретно проявляемую «аккумулирующую» суть всей сложной совокупности разнонаправленных внешнеполитических действий государств. В данном контексте осмысления понятия «международная политика» и «внешняя политика» отражают явления одного порядка.

Независимые государства не развиваются в вакууме, они взаимодействуют друг с другом и выступают субъектами политики более высокого уровня – мировой политики, то есть государства действуют в сфере международных отношений. Международные отношения – это совокупность экономических, политических, правовых, идеологических, дипломатических, военных, культурных и других связей и взаимоотношений между субъектами, действующими на мировой арене. Главной особенностью международных отношений является отсутствие в них единого центрального ядра власти и управления. Они строятся на принципе полицентризма и полииерархии. Поэтому в международных отношениях большую роль играют стихийные процессы и субъективные факторы.

Международные отношения – пространство, на котором сталкиваются и взаимодействуют на разном уровне (глобальном, региональном, многостороннем и двустороннем) различные силы: государственные, военные, экономические, политические, общественные и интеллектуальные. Международные отношения

можно разделить на два основных типа: отношения соперничества и отношения сотрудничества. Международная или мировая политика является центром международных отношений. Мировой политикой называют процессы выработки, принятия и реализации решений, затрагивающих жизнь мирового сообщества. В современной мировой политике действует огромное количество различных участников, но до сих пор превалирует точка зрения, что основными субъектами мировой политики являются государства и группы (союзы) государств.

Мировая политика – это совокупная деятельность государств на международной арене. Например, международная политика может развертываться в пределах взаимоотношений двух, нескольких и многих государств, образуя своеобразные «ярусы» политических структур. В отличие от нее, мировая политика выступает как интегральная результирующая всего спектра международных отношений. В ней воплощаются главные, основные тенденции развития международных отношений в глобальном, региональном и национальном масштабах. Эти тенденции пронизывают своим действием международные отношения национального, регионального и глобального уровней единой системой универсальных, всеобъемлющих процессов. Мировая политика включает политические отношения между государствами на надгосударственном и наднациональном уровнях – в рамках ООН и других глобальных и региональных организаций и учреждений.

Наряду с этим отметим, что понятие «мировая политика» принадлежит к числу наиболее употребляемых и одновременно до сих пор наименее ясных понятий политической науки. Действительно, с одной стороны, немалый опыт, накопленный в течение веков в процессе создания мировых империй, или в реализации социально-политических утопий, или богатый на глобальные события XX век, затрагивающий судьбы всего человечества – казалось бы, не оставляют сомнений в существовании выражаемого данным понятием всеобъемлющего, универсального феномена. Не случайно в теоретическом освоении так называемой «мироцельности» (мироведения или «мондиологии») – междисциплинарной области знания, привлекающей растущий интерес научного сообщества начиная с 70–80-х гг. XX столетия, – столь важную роль играют понятия «мировое гражданское общество» и «мировое гражданство»¹.

Но, как известно, гражданское общество представляет собой, по мнению Гегеля, диалектическую противоположность сферы властных отношений, или, иначе, оно неотделимо от этой сферы, как неотделимы друг от друга правое и левое, север и юг и т. п. Что же касается «мирового гражданства», то оно по определению предполагает лояльность социальной общности по отношению к существующей и воспринимаемой в качестве легитимной политической власти, т. е. в данном случае существование мировой политики в качестве относительно самостоятельного и объективного общественного явления.

С другой стороны, одна из главных проблем, которая встает при изучении вопросов, связанных с мировой политикой, это ее идентификация как объективно существующего явления. Действительно, как отличить мировую политику от меж-

---

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений... С. 42–44.

дународных отношений? Вопрос тем более непростой, что само понятие «международные отношения» является достаточно неопределенным и до сих пор вызывает дискуссии, показывающие отсутствие согласия между исследователями относительно его содержания. Ряд авторов придерживается точки зрения, согласно которой «мировая политика» – это взаимодействие государств на международной арене, а «международные отношения» – это система реальных связей между государствами, выступающих и как результат их действий, и как своего рода среда, пространство, в котором реализуется мировая политика. Кроме государств, субъектами, участниками мирового общения выступают различные движения, организации, партии и т.п. Мировая политика – активный фактор, формирующий международные отношения. Международные отношения, постоянно изменяясь под воздействием мировой политики, в свою очередь, влияют на ее содержание и характер.

Такая позиция облегчает понимание происходящих на мировой арене событий и вполне может быть принята в качестве исходной посылки в анализе мировой политики. Вместе с тем было бы полезно внести некоторые уточнения. Взаимодействие государств на мировой арене, двусторонние и многосторонние связи между ними в различных областях, соперничество и конфликты, крайней формой которых выступают войны, сотрудничество, в диапазоне которого и спорадические торговые обмены, и политическая интеграция, сопровождающаяся добровольным отказом от части суверенитета, передаваемого в «общее пользование», – все это сконцентрировано в термине «международная политика. Понятие «мировая политика» смещает акцент именно на ту все более заметную роль, которую играют в формировании международной среды такие глобальные факторы, которые возникают в процессе взаимодействия «традиционных» (государства и международные организации) и «нетрадиционных» (транснациональные корпорации, общественные движения, массовые индивидуумы) акторов.

Наряду с этим отдельные аналитики констатируют, что методологически корректно размежевать предметные поля «мировой политики» и «международных отношений» и предлагают вариант концепции мировой политики в виде определенных тезисов.

1. Эпистемология. Мировая политика характеризует новое качественное состояние международной среды.

2. Параметр нового качества. Характеристики состояния международной среды стали и продолжают становиться важнее, чем характеристики поведения отдельных, даже самых сильных, акторов (старых или новых, демократических или авторитарных, национальных или транснациональных).

3. Гносеология. В известном смысле мировая политика – не что иное, как современный этап развития того, что мы привыкли называть системой международных отношений.

4. Различение объектов. К началу 1990-х гг. объектами мировой политики считались: (1) изучение политических отношений между традиционными и новыми субъектами международного общения; (2) межсубъектные взаимодействия по

поводу решения общемировых проблем; (3) автономные свойства системы международных отношений. Сегодня – это не только сфера внешнеполитического взаимодействия, но и внутренняя политика государств, когда она становится объектом дипломатических переговоров.

5. Определение. Именно здесь объясняется, что же следует понимать под мировой политикой – сферу нерасчлененного взаимодействия между субъектами международных отношений. К этой сфере относятся их действия как в отношении друг друга и решения общемировых проблем, так и политики каждого из них в отношении собственных внутренних проблем¹.

Очевидно, что различия существуют не только между мировой политикой и международными отношениями, но и между внешней и международной политикой: внешняя политика той или иной страны представляет собой конкретное, практическое воплощение министерством иностранных дел (или соответствующим ему внешнеполитическим ведомством) основных принципов международной политики государства, вырабатываемых в рамках более широких структур и призванных отражать национальные интересы. Что касается негосударственных участников международных отношений, то для многих из них (например, для многонациональных корпораций, международных мафиозных группировок, конфессиональных общностей, принадлежащих, скажем, к католической церкви или исламу) международная политика чаще всего вовсе и не является «внешней» (или, по крайней мере, не рассматривается в качестве таковой).

Вместе с тем подобная политика выступает одновременно как «транснациональная», поскольку осуществляется помимо того или иного государства, а часто и вопреки ему; и как «разгосударствленная», поскольку ее субъектами становятся группы лидеров, государственная принадлежность которых носит, по сути, формальный характер. Впрочем, на современном этапе глобализации феномен «двойного гражданства» нередко делает излишней и такую формальность. Разумеется, внешняя и международная политика государства тесно связаны не только друг с другом, но и с его внутренней политикой, что обусловлено, в частности, такими факторами, как единая основа и конечная цель, единая ресурсная база, единый субъект и т. п. Именно этим объясняется и то обстоятельство, что анализ внешнеполитических решений возможен лишь с учетом расстановки внутривнутриполитических сил. С другой стороны, как это ни кажется парадоксальным, явление «транснациональной» и даже «разгосударствленной» политики все чаще становится свойственной и межгосударственному общению.

Внешняя политика все в меньшей степени является прерогативой министерств иностранных дел. В силу возросшей необходимости сообща управлять все более сложными и многочисленными проблемами она становится достоянием большинства других государственных ведомств и структур. Различные группы национальных бюрократий, имеющие отношение к международным переговорам, часто стремятся к непосредственному сотрудничеству со своими коллегами за

---

¹ См.: Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Под ред. А.А. Кокошина и А.Д. Богатунова. М.: Комкнига // URSS. 2005. С. 182.

рубежом, к согласованным действиям с ними. Это приводит к развитию связей и интересов, выходящих за рамки государственных границ, что делает внутреннюю и внешнюю (международную) сферы еще более «взаимопроницаемыми».

Становление науки фундаментальной (в отличие от прикладной) всегда диктуется закономерностями функционирования и развитием сферы сознания, логикой процесса познания, а не практическими потребностями «сегодняшнего» человека. Поэтому необходимыми и достаточными предпосылками возникновения нового направления такой науки являются наличие представляющегося важным, но мало или вообще не изученного и потому непонятого объекта наблюдения; значимость ответов на связанные с этим объектом вопросы для систематизации и развития добытых ранее знаний и методологии их получения, для философии и методологии познания в целом, а также доступных и достаточно надежных (на данных уровне и этапе познания) средств его изучения. Если все названные условия выполняются, у ученого возникает возможность определить специфический, отличный от установленных ранее применительно к тому же объекту, предмет исследования. Именно этот рубеж и может быть принят за момент становления новой науки.

Как целостный объект сфера международных отношений также подразделяется на различные части, которые становятся предметами изучения таких научных дисциплин, как теория международных отношений, социология международных отношений, политология международных отношений, история международных отношений, экономика международных отношений, политическая культура международных отношений, мировая политика, мировая экономика, геополитика, дипломатия, философия международных отношений и т. д. Все эти дисциплины органично встраиваются в единую, целостную науку о международных отношениях.

Теория международных отношений в данном контексте выступает в роли концептуального базиса этих дисциплин. Предметом своего изучения она делает совокупность идей, взглядов, принципов, норм, правил, механизмов, закономерностей, отражающих и выражающих систему функционирования и развития международных отношений. Причем теория – это определенная система мировоззренческих установок, упорядочивающая «хаотический разброс» на первый взгляд «неуправляемых», как будто не взаимосвязанных между собой событий международной жизни.

Следовательно, теория международных отношений понимается как совокупность множественных концептуально-мировоззренческих обобщений, представленных полемизирующими между собой теоретическими школами и составляющих предметное поле относительно самостоятельной дисциплины. Очевидно, что данное определение дает лишь приближенное представление о предмете рассматриваемой здесь дисциплины. Впрочем, требовать от любого определения глубины и всеохватности было бы неверно: ни одна дефиниция не в состоянии полностью раскрыть содержание определяемого объекта. К тому же было бы неверно абсолютизировать значение определения предмета науки. Ее задача – дать лишь первичное представление об этом объекте.

В этом отношении можно сослаться на то, что и столь «древние» отрасли знания, какими являются, например, математика или география, и более «молодые», как социология или политология, до сих пор вряд ли можно «дефинировать» окончательно и однозначно удовлетворительным образом. Это тем более верно, что предмет любой науки претерпевает изменения: меняется как сам ее объект, так и наши знания о нем. Поэтому при анализе международных отношений исследователи стремятся не столько дать «исчерпывающее» определение, сколько выделить критерии, на основе которых можно было бы понять их сущность и специфику. Вместе с тем указанное обстоятельство не отменяет необходимости обозначить круг тех проблем, которые составляют предметную область данной научной дисциплины.

Теория международных отношений, как считают некоторые аналитики, является одновременно и очень старой, и очень молодой. Исходя из сказанного, осмысление теоретических источников и концептуальных оснований международных отношений предполагает обращение к взглядам предшественников современной международно-политической науки, рассмотрение наиболее влиятельных сегодня теоретических школ и направлений, а также анализ современного состояния социологии международных отношений.

Как направление политической мысли, а также научно-исследовательской деятельности, сфера международных отношений относится одновременно к числу и старейших, и новых, родившихся уже в XX в. современных научных дисциплин. Формально ее возникновение датируется 1919 г.: именно тогда в Уэльском университете в Эйберсвите (Великобритания) была образована первая кафедра по истории и теории международных отношений. Но, естественно, люди и раньше не могли не задумываться о природе отношений между народами, странами и цивилизациями. Многочисленные наблюдения, понятия, попытки концептуализации, относящиеся к явлениям международной жизни, в изобилии представлены в дошедшей до нас литературе – от Библии и трудов философов Античности до Средневековья.

Как учебная дисциплина теория международных отношений (ТМО) впервые появляется в университетах США и Великобритании после Первой мировой войны, когда возникают исследовательские центры и университетские кафедры. Тогда же создаются программы соответствующих учебных курсов, в которых обобщаются и излагаются результаты нового научного направления. Новый импульс в своем развитии ТМО получила после Второй мировой войны. Лидирующие позиции США на мировой арене, убежденность политической элиты страны в ответственности Америки за судьбы мирового порядка вызвали у нее потребность осмыслить глубинные корни разрушительных международных конфликтов с целью их недопущения в будущем, найти пути мирного разрешения спорных вопросов в отношениях между государствами, повысить роль межправительственных организаций в достижении коллективной безопасности и, конечно, надежно защитить свои национальные интересы в условиях быстро меняющегося международного окружения. В такой обстановке крупные средства, выделяемые на изучение меж-

дународных проблем, в сочетании с гибкой университетской системой превратили США в крупнейший научный центр по исследованию мировой политики и международных отношений. Страны СНГ, в первую очередь Российская Федерация, включаются в процесс интенсивных научных разработок, формирования методических программ и преподавания ТМО как учебной дисциплины в университетах фактически лишь с 90-х гг. прошлого столетия.

Теория международных отношений, рассматриваемая как совокупность множества концептуальных обобщений, представленных полемизирующими между собой теоретическими школами и составляющих предметное поле относительно автономной дисциплины, имеет методологическое значение в развитии в целом науки о международных отношениях.

Одним из широко обсуждаемых сегодня в научном сообществе ученых-международников является вопрос о том, можно ли считать теорию международных отношений самостоятельной дисциплиной или это неотъемлемая часть политологии. На первый взгляд, ответ на него вполне очевиден: международные отношения, ядром которых являются политические взаимодействия, как бы «по определению» составляют неотъемлемую часть объекта политологии. Обусловлено это тем, что международная политика как выражение, или модус существования, международных отношений, подобно любой другой разновидности политики (экономической, социальной и т.п.), представляет собой соперничество и согласование интересов, целей и ценностей, в процессе которых взаимодействующие общности используют самые различные средства – от целенаправленного влияния до прямого насилия. Здесь так же, как и во внутренней политике, речь идет о столкновениях по поводу власти и распределения ресурсов.

Задумавшись над тем, почему же в существующей учебной литературе по политологии – а она, как известно, отражает наиболее устойчивые, апробированные результаты, а также нерешенные проблемы исследовательского процесса – международные отношения либо «блистательно отсутствуют», либо наличествуют чисто формально, в виде необязательного «довеска», зачастую во многом диссонирующего или коррелирующего слабо с основным содержанием учебников?

Видимо, ответ лежит на поверхности. Современная наука о международных отношениях не может похвалиться крупными успехами. Даже в рамках такого зрелого теоретического течения, как политический реализм, придающий исследованию внешней политики государства центральное место, ее понимание остается слишком общим, лишенным необходимой строгости. Главное, что удалось сделать наиболее крупным представителям указанного течения – Г. Моргентау, Р. Арону, А. Уолферсу и др., – показать сложность данного феномена, его неоднозначный характер, связанный с тем, что он имеет отношение и к внутренней, и к международной жизни, к психологии и теории организации, к экономической сфере и социальной структуре и т.п.

Долгое время значимость собственно международных отношений как бы затемнялась в сознании человека, подменялась значением бесспорно важной и практически очевидной проблемы войны и мира. Доступные массовые и в доста-

точной мере надежные средства сбора, переработки, хранения и использования необходимой для исследования международных отношений информации возникают только в XX в., преимущественно во второй его половине. Одновременно и международные отношения (с появлением ядерного оружия, развязыванием «холодной войны», развитием тенденций интернационализации и глобализации всех сторон современной жизни) претерпевают исторически беспрецедентные количественные и, главное, качественные перемены. Как следствие, именно вторая половина прошлого столетия может и должна быть по праву признана периодом становления науки о международных отношениях.

При этом представители критического направления ТМО считают важной причиной присущих ей недостатков то, что она остается, по их мнению, одной из последних дисциплин, все еще всерьез воспринимающих западные каноны – «теорией мертвых белых мужчин». Последние годы стали для мировой международно-политической науки этапом новых дискуссий между различными направлениями и теоретическими подходами, в центре которых – стремление определить характер и основные тенденции развития современных международных отношений, вывести ТМО за пределы западнцентричных представлений. В российской науке появились работы о «новых международных отношениях», об изменении мирового политического сообщества в «поствестфальскую эру», о трансформации государства и новой роли суверенитета международных отношений в эпоху глобализации.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита; пер. с англ.; общ. ред. и предисл. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002.

Теория международных отношений: Хрестоматия / Науч. ред. П.А. Цыганков. М., 2003.

Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений: Учеб. пособие. М.: Радикс, 1994.

Дополнительно рекомендуемая

Косолапов Н.А. Введение в теорию мировой политики и международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 1–5, 11, 12; 1999, № 2, 6, 10; 2000, № 2.

Хрусталеv М.А. Эволюция системы международных отношений и особенности ее современного этапа // Космополис: Альманах. 1999.

Интернет-ресурс: URL: nationalecurity.ru/library/00038/00038glob_mod12.htm

Тема 2. Взаимосвязь внутренней и внешней политики в международных отношениях

1. Теоретические основы внутренней и внешней политики.
2. Соотношение внутренней и внешней политики.
3. Цели, задачи и инструменты внешней политики.

Международная жизнь всегда включала как прямые отношения между обществами в их конкретно-исторической форме, так и внешние связи и факторы, которые были и остаются значимыми для внутренней эволюции каждого общества. Прямые отношения – это торговля, дипломатические связи, войны и конфликты, агрессии и порабощения, сопротивление агрессору. В наше время это еще и связи обществ с международными организациями. Внешние связи и факторы – это прямое и косвенное влияние сложившихся за рубежом явлений и процессов (материальных и духовных достижений, открытий и технологий, активности различных внешних сил) на жизнь и эволюцию общества.

Отмечая возрастающую роль анализа внешней политики как самостоятельного направления, ряд ученых приходит к выводу о том, что в настоящее время продолжается процесс его обособления из комплексной науки о международных отношениях¹. Наука о международных отношениях разделяется на три широких и взаимодополняющих аспекта: 1) традиционные эмпирические (исторические, описательные, реферативные) исследования внешней и мировой политики, дипломатии и международных отношений, отдельных проблем МО (войны и мира, разоружения, международного права, организаций и т.п.); 2) анализ внешней политики, в центре которого проблемы движущих сил, их формирования и осуществления, общих закономерностей и специфики внешней политики и/или «поведения» государств на международной арене; 3) собственно теория международных отношений, пытающаяся решить проблемы мирового сообщества в контексте его формирования как определенной целостности.

С точки зрения обогащения теоретических представлений о развитии внешней политики главным становится исследование процесса взаимодействия и взаимовлияния внутренних и внешних факторов, следовательно, эффект их *системного* воздействия на социально-историческую эволюцию государства и его положения в системе государств, а также в международных отношениях. Идея систем, – писал С. Хоффманн в этой связи, – несомненно, дает наиболее плодотворную концептуальную основу. Она позволяет провести четкое различие между *теорией*

---

¹ См. напр.: Косолапов Н. Анализ внешней политики: основные направления исследований // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 2. С. 77-85.

международных отношений и теорией внешней политики, а также способствует успешному развитию как той, так и другой¹. Говоря иначе, это проблема взаимовлияния внешней по отношению к государству среды (социально-политической, культурно-психологической) и «внутреннего мира» государства и общества в процессе их эволюции. Взаимосвязи во «внутреннем мире» изучают с позиции выявления закономерностей поведения государств во «внешнем мире».

В данной плоскости рассмотрения внешняя политика государств, по сути, предстает как проекция вовне противоречий и столкновений во внутренней сфере и, напротив, в условиях возрастающей взаимозависимости внутренняя жизнь государств в значительной мере определяется внешними воздействиями. Причем само государство здесь предстает как своеобразный «космос» с множеством сил, институтов, механизмов, в том числе и взаимопротиворечащих, движимых самыми разнообразными мотивами и интересами. В данном контексте внешняя политика складывается как результирующая множества внутри – межгосударственных взаимодействий, в том числе и случайного характера, далеко не все из которых, осознанно ориентированы на последовательное осуществление.

Акцентируя на факторе случайности, Г. Киссинджер отмечает: «Не существует такой вещи, как американская внешняя политика. Серия шагов, приведших к определенному результату, возможно, даже не планировалась ради достижения этого результата»². Предметом анализа внешней политики оказываются собственно не сами международные отношения как таковые, а та международная среда, в которой реализуется внешнеполитическая деятельность государств.

Таким образом, проблема взаимосвязи и взаимовлияния внутренней и внешней политики – одна из наиболее дискуссионных тем, которая продолжает оставаться предметом острой полемики между различными теоретическими направлениями международно-политической науки – традиционализмом, политическим идеализмом, марксизмом – и такими их современными разновидностями, как неореализм и неомарксизм, теории зависимости и взаимозависимости, структурализм и транснационализм. Каждое из этих направлений исходит в трактовке рассматриваемой проблемы из собственных представлений об источниках и движущих силах политики.

Осмысление вопросов соотношения, взаимосвязи и взаимовлияния внутренней и внешней политики всегда занимало одно из центральных мест в международно-политической науке. Это вполне объяснимо, ведь от того или иного решения данных вопросов зависит понимание ее объекта, а, следовательно, и ее предмета как относительно самостоятельной дисциплины.

В самом деле, если мы, например, вслед за ортодоксальным марксизмом будем исходить из рассмотрения внешней политики как простого продолжения внутренней, то, по логике политического реализма, мы, по сути, лишаемся воз-

---

¹ Hoffman S. Theorie et relations internationals // Revue francaise de science politique. P., 1961. Vol. 11. P. 428.

² Kissinger H. Bureaucracy and Policy-Making. The Effect of Insiders and Outsiders on the Policy Process // Kissinger H., Brodie B. Bureaucracy. Politics and Strategy. L.A., 1968, P. 1.

возможности анализа особенностей международных отношений, которые коренным образом отличаются от внутриобщественных отношений.

Если учитывать выводы сторонников либеральной парадигмы, то можно признать ошибочными выводы не только марксистов, но и реалистов: в отличие от первых, международные отношения, с точки зрения либералов, не являются «вторичными» и «третичными» а активно воздействуют на то, что происходит во внутриполитической жизни каждого государства, в противовес же вторым, разница между внутренними и внешними факторами политической жизни далеко не столь существенна, как это может казаться.

Различия в понимании рассматриваемой проблемы касаются не только конкурирующих парадигм в рамках науки о международных отношениях, но и ее трактовки представителями других дисциплин¹. Так, с точки зрения юридической науки, средой внешней политики является международное общество суверенных государств и межправительственных организаций, регулируемое особой системой норм, составляющих международное публичное право. Представители исторической науки, напротив, считают, что «между внутренним и внешним нет коренной разницы, как и непроницаемой перегородки, а есть их очевидное взаимодействие друг с другом, – взаимодействие, в котором, однако, наблюдается признанный примат первого над вторым»². При этом защитники обеих наук полагают, что характер взаимодействий на мировой арене и сама природа международных отношений определяются государствами, главным образом – великими державами.

Согласно концепции Дж. Розенау факторы, влияющие на определение внешнеполитического курса государства, можно сгруппировать по пяти категориям: внешние (международная обстановка), внутрисоциальные (общественное мнение, СМИ), административные (структура правительства, взаимоотношения между ветвями власти), ролевые (вес и позиция конкретного участника бюрократической системы), индивидуальные (персональные черты характера действующих лиц политического процесса).

Условно приведенные категории могут быть названы источниками внешней политики. Каждый из них включает в себя широкий кластер переменных, которые, взаимодействуя между собой, формируют поведение государства на международной арене. При этом образуется замкнутый круг, ибо государство, воздействуя на окружающий мир, само находится под его воздействием. Существуют два пути, каким образом источники внешней политики определяют поведение государства: а) генерируя необходимость принятия внешнеполитического решения, б) определяя формат процесса принятия решения. Эта теория скорее описывает процесс функционирования внешнеполитического механизма, выработки конкретных решений, нежели пути его эволюции.

Идеи Розенау следует разумно дополнить концептуальными разработками ученых, сделанными на основе достижений политологов и историков школы «по-

¹ См. подробно: *Laroche J. Politique Internationale*. P., 1998. P. 17–19.

² *Milza P. Politique interieure et politique etrangere*. Цит. по: *Laroche J. Politique Internationale...* P. 20.

литического реализма». Названный подход был основан на трактовке политики, в том числе международной, как процесса, обладающего своими законами, определяемыми не отвлеченными «идеалами» (свободы, демократии, прав человека, гуманизма и т.п.), а наоборот, так называемыми «реальностями» (военным и экономическим потенциалом, национальными интересами того или иного государства и т.д.). Наиболее полное изложение основных положений «реализма» сделано Г. Моргентау, выдвинувшему концепцию «силовой политики», в рамках которой приоритет отдан национальным интересам государства.

Для сторонников политического реализма внешняя и внутренняя политика, хотя и имеют единую сущность, которая, по их мнению, в конечном счете сводится к силовой борьбе, тем не менее составляют принципиально разные сферы государственной деятельности. По убеждению Г. Моргентау, теоретические положения которого остаются актуальными, внешняя политика определяется национальными интересами. Национальные интересы объективны, поскольку связаны с неизменной человеческой природой, географическими условиями, социокультурными и историческими традициями народа. Они имеют две составляющие: одну постоянную – императив выживания, непреложный закон природы; другую – переменную, являющуюся конкретной формой, которую эти интересы принимают во времени и пространстве. Определение этой формы принадлежит государству, обладающему монополией на связь с внешним миром.

Основа же национального интереса, отражающая язык народа, его культуру, естественные условия его существования и т. п., остается постоянной. Поэтому внутренние факторы жизни страны (политический режим, общественное мнение и т.п.), которые меняются в зависимости от различных обстоятельств, не рассматриваются реалистами как способные повлиять на природу национального интереса: в частности, национальный интерес не связан с характером политического режима¹. Следовательно, внутренняя и внешняя политика обладают значительной автономией по отношению друг к другу.

Другой версии детерминизма придерживаются сторонники геополитических концепций: теории «богатого Севера» и «бедного Юга», а также неомарксистских теорий зависимости, «мирового центра» и «мировой периферии» и т. п. Для них, по сути, источником внутренней политики являются внешние принуждения. Например, по мнению И. Валлерстайна, для того чтобы понять внутренние противоречия и политическую борьбу в том или ином государстве, его необходимо рассматривать в более широком контексте: контексте целостности мира, представляющего собой глобальную империю, в основе которой лежат законы капиталистического способа производства – «миро-экономика». «Центр империи» – небольшая группа экономически развитых государств, – потребляя ресурсы «мировой периферии», является производителем промышленной продукции и потребительских благ, необходимых для существования составляющих ее слаборазвитых стран.

Таким образом, речь идет о существовании между «центром» и «периферией» отношений несимметричной взаимозависимости, являющихся основным полем

---

¹ Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.-Y., 1948.

их внешнеполитической борьбы. Развитые страны заинтересованы в сохранении такого состояния (которое, по сути, представляет собой состояние зависимости), тогда как страны «периферии», напротив, стремятся изменить его, установить новый мировой экономический порядок. В конечном счете основные интересы тех и других лежат в сфере внешней политики, от успеха которой зависит их внутреннее благополучие. Значение внутривнутриполитических процессов, борьбы партий и движений в рамках той или иной страны, определяется той ролью, которую они способны играть в контексте «миро-экономики»¹.

Еще один вариант детерминизма характерен для представителей таких теоретических направлений в международно-политической теории, как неореализм и структурализм. Для них внешняя политика является продолжением внутренней, а международные отношения – продолжением внутриобщественных отношений. Однако решающую роль в определении внешней политики, по их мнению, играют не национальные интересы, а внутренняя динамика международной системы. При этом главное значение приобрела меняющаяся структура международной системы. Являясь опосредованным результатом поведения государств, а также следствием самой их природы и устанавливающихся между ними отношений, она в то же время диктует им свои законы. И, как итог, вопрос о детерминизме во взаимодействии внутренней и внешней политики государства решается в пользу внешней политики.

В свою очередь, представители концепций взаимозависимости мира в анализе рассматриваемого вопроса исходят из тезиса, согласно которому внутренняя и внешняя политика имеют общую основу – государство. Например, как считает Л. Дадлей, для того чтобы получить верное представление о мировой политике, следует вернуться к вопросу о сущности государства². Любое суверенное государство обладает двумя монополиями власти. Во-первых, оно имеет признанное и исключительное право на использование силы внутри своей территории, во-вторых, обладает здесь легитимным правом взимать налоги. Таким образом, территориальные границы государства представляют собой те рамки, в которых осуществляется первая из этих властных монополий – монополия на насилие – и за пределами которых начинается поле его внешней политики. Здесь кончается право одного государства на насилие и начинается право другого.

Поэтому любое событие, способное изменить то, что государство рассматривает как свои оптимальные границы, может вызвать целую серию беспорядков и конфликтов. Пределы же применения силы в рамках государства всегда обуславливались его возможностью контролировать свои отдаленные территории, что, в свою очередь, зависит от военной технологии. Поскольку сегодня развитие транспорта и совершенствование вооружений значительно сократило государственные издержки по контролю над территорией, постольку увеличились и оптимальные размеры государства.

---

¹ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуаций в современном мире. СПб., 2001.

² См. подробно: Dudley L. The Word and the Sword: How Techniques of Information and Violence Have Shaped Our World. Oxford, 1991.

Что же происходит со второй из названных монополий? В рамках того или иного государства часть общего дохода, который изымается фискальной системой, составляет пределы внутренней компетенции государства, поле его внутренней политики. Положение этого поля также зависит от технологий, но на этот раз речь идет об информационных технологиях. Доступность специализированных рынков, экспертной информации, высшего образования и медобслуживания дает гражданам те преимущества, которыми они не обладали в простой деревне.

Именно благодаря этим преимуществам уровень налогов может расти без риска вынудить индивидов или фирмы обосноваться в другом месте. Любое же необдуманное расширение этого поля, например, внезапное повышение налогов сверх определенных пределов, способное вызвать конфискацию совокупного дохода граждан, чревато риском внутренних конфликтов в стране. С этой точки зрения одной из причин распада Советского Союза стала его неспособность генерировать ресурсы, требуемые для финансирования своего военного аппарата.

Таким образом, для сторонников названных позиций вопрос о первичности внутренней политики по отношению к внешней, или наоборот, не имеет принципиального значения: по их мнению, и та, и другая детерминированы факторами иного, прежде всего, технологического характера. При этом если неореалисты признают, что в наши дни государство больше не является единственным участником мировой политики, то согласно многим представителям теорий взаимозависимости и структурализма, оно все больше утрачивает и присущую ему прежде основную роль в ней. Приоритет приобретают такие международные акторы, как межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, политические и социальные движения и т.п. Степень влияния этих новых акторов на мировую политику, усиливающаяся роль международных режимов и структур иллюстрируются, в частности, происходящими в ней сегодня и составляющими ее наиболее характерную черту интеграционными процессами.

Сторонники школы транснационализма считают, что в наши дни основой мировой политики не являются отношения между государствами. Многообразие участников (межправительственные и неправительственные организации, предприятия, социальные движения, различного рода ассоциации и отдельные индивиды), видов (культурное и научное сотрудничество, экономические обмены, родственные отношения, профессиональные связи) и «каналов» (межуниверситетское партнерство, конфессиональные связи, сотрудничество ассоциаций и т.п.) и взаимодействий между ними вытесняют государство из центра международного общения, способствуют трансформации такого общения из «интернационального» (т. е. межгосударственного, если вспомнить этимологическое значение этого термина) в «транснациональное» (т. е. осуществляющееся помимо и без участия государств). Для новых акторов, число которых практически бесконечно, не существует национальных границ. Поэтому на наших глазах возникает глобальный мир, в котором разделение политики на внутреннюю и внешнюю теряет всякое значение.

В начале 1990-х годов прошлого столетия Дж. Розенау была выдвинута концепция «постмеждународной политики», основанной на тезисе о разрыве, би-

фуркации между традиционным государственно-центричным миром и новым полицентричным миром «акторов вне суверенитета» и о смещении, вследствие такого разрыва, всей совокупности параметров, регулирующих международные отношения. Изучение взаимосвязи (link-age) между внутренней жизнью общества и международными отношениями, роли социальных, психологических, культурных и иных факторов в объяснении поведения участников этих отношений, анализ «внешних» источников, которые могут иметь определяющее влияние на «чисто внутренние» события, стало сегодня неотъемлемой частью международно-политической науки.

Значительно повлияли на подобный подход выдвинутые еще в 1969 г. Дж. Розенау идеи о взаимосвязи между внутренней жизнью общества и международными отношениями, о роли социальных, экономических и культурных факторов в объяснении международного поведения правительств, о «внешних» источниках, которые могут иметь чисто «внутреннее влияние», на первый взгляд, события и т. п. С точки зрения Розенау, на наших глазах происходит как бы «раздвоение мира»: речь идет о сосуществовании, с одной стороны, поля межгосударственных взаимоотношений, в котором действуют «законы» классической дипломатии и стратегии; а с другой – поля, в котором сталкиваются «акторы вне суверенитета», т. е. негосударственные участники. Отсюда и «двухслойность» мировой политики: межгосударственные отношения и взаимодействие негосударственных акторов составляют два самостоятельных, относительно независимых, параллельных друг другу мира.

Одним из следствий эрозии государственной монополии в определении характера международных отношений становится, по мнению Розенау, размывание границ между внутренней и внешней политикой. Огромное, почти бесконечное число негосударственных участников международных отношений, о которых можно с уверенностью сказать только то, что они способны влиять на международную деятельность, более или менее независимую от государства, влечет за собой формирование контуров глобальной системы, в которой контакты между различными структурами и акторами осуществляются принципиально по-новому.

Второй, «полицентричный мир» международных отношений характеризуется хаотичностью и непредсказуемостью, искажением идентичностей, переориентацией связей власти и лояльностей, которые соединяли индивидов прежде. Базовые структуры «постмеждународных отношений» обнаруживают настоящую бифуркацию между соревновательными логиками этатистского и полицентричного мира, которые влияют друг на друга и никак не могут найти подлинного примирения.

Значительный интерес представляют и идеи Дж. Розенау о глобализации современного мирового развития. Он проводит различие между смыслом этого понятия и тем содержанием, которое свойственно таким близким ему терминам, как «глобализм», «универсализм» и «сложная взаимозависимость»¹. Будучи тесно связанным с указанными терминами, понятие «глобализация» в его представлении приобретает менее широкое значение и более специфическое содержание. Оно

---

¹ *Rosenau J. Les processus de la mondialisation: retombées significatives échanges impalabelas et symbolique subline // Etudes internationales. 1993. № 3. P. 499.*

отсылает не к ценностям и структурам, а к процессам, к соединениям, которые зарождаются в умах и поведении людей, к взаимодействиям, которые возникают тогда, когда индивиды и организации заняты своими обыденными делами и стремятся достичь поставленных перед собой целей. Процессы глобализации отличаются тем, что они не знают никаких территориальных или юридических барьеров. Они легко преодолевают государственные границы и способны затронуть собой любую социальную общность в любом месте мира.

Нельзя не отметить тот факт, что идеи Розенау, которые встретили в Европе благоприятный отклик, в самих США были восприняты довольно скептически. Главный аргумент его американских критиков состоит в том, что эти идеи слишком сложны и плохо поддаются операционализации¹. Бесспорно, однако, что процессы глобализации мирового развития, связанные с ростом взаимозависимости, формированием ряда признаков всемирного гражданского общества и перегруппировкой основных элементов структуры государственного суверенитета, вносят новые нюансы в вопросы соотношения внутренней и внешней политики. В этих условиях исследование динамики взаимовлияния внутренних и внешних изменений приобретает особенно важное значение для осмысления специфики международно-политического развития конца XX в.

Стимулирующее влияние на подобное осмысление продолжают оказывать идеи Дж. Розенау о взаимосвязи между внутриполитической жизнью общества и международными отношениями, о роли социальных, экономических и культурных факторов в объяснении международного поведения правительств, о «внешних» источниках, которые могут иметь чисто «внутренние», на первый взгляд, события, и другие положения, выдвинутые им еще в 1969 г. в работе «*Toward the Study of National-International Linkages*», фрагменты которой приводятся ниже.

По мнению Розенау, в век постинтернациональной политики национально-государственные органы вынуждены делить глобальную арену и власть с интернациональными организациями, включая неправительственные структуры. Автор считает, что произошла бифуркация глобальных макроструктур на «государство-центричный мир» (отношения между США, Россией, ЕС, Японией, третьим миром и т. д.) и «полицентричный мир» (отношения между субгруппами, международными организациями, государственными бюрократиями, ТНК и т. д.).

Проводя грань между понятиями «глобализация», «глобализм», «универсализм» и «сложная взаимозависимость», Дж. Розенау вкладывает в первое из них специфическое содержание. С его точки зрения, любая совокупность взаимодействий, которая имеет потенциал неограниченного распространения, способна легко преодолеть национальные юрисдикции и затронуть любую социальную общность в любом месте мира, должна рассматриваться как процесс глобализации. Это мир «транснациональных потоков» (транснациональной субполитики), сосуществующий с обществом государств.

В нем задействованы такие транснациональные организации, как мультинациональные концерны, католическая церковь, «Гринпис», «Эмнести интер-

---

¹ Venesson P. Les processus de la mondialisation: retombees // Polytix. 1998. № 41. P. 176.

нешнл», ВБ, НАТО, ЕС, итальянская мафия и др.; возникают транснациональные «общности», основанные, например, на религии (ислам), на знании (эксперты), на стилях жизни (поп-музыка, экология), на родстве (семьи), на политической ориентации (движение за сохранение окружающей среды, потребительский бойкот и т.д.) и такие транснациональные структуры, как формы трудовой и производственной кооперации, банки, финансовые потоки, научные технологии на мировом пространстве, которые создают и стабилизируют деловые и кризисные взаимосвязи.

Таким образом, на место экономически управляемой системы мирового рынка Розенау ставит полицентрическую мировую политику, в которой политическую повестку дня определяют транснациональные проблемы и события, и подчеркивает приоритет технологического измерения глобализации – информационных и коммуникационных технологий.

Во второй половине XX – начале XXI в. научные исследования все больше доказывают правомерность тезиса, что внутренняя и внешняя политика неразрывно соединены друг с другом. При этом следует отметить, что невозможно понять природу внешней политики без раскрытия сущности политики внутренней. Разумеется, из этого вовсе не следует, что внутренняя политика всегда определяет политику внешнюю. В международных отношениях нередко можно наблюдать, как, напротив, внешняя политика определяет политику внутреннюю.

Все зависит от складывающейся международной ситуации. В одной ситуации внешняя политика государства оказывается продолжением его внутренней политики, а международные отношения страны – продолжением внутриобщественных отношений. И, наоборот, внутренняя политика может оказаться продолжением политики внешней.

Следовательно, одним из важных составляющих, определяющих характер поведения того или иного государства на международной арене, выступает взаимосвязь внутренней и внешней политики. Поэтому проблема взаимосвязи внутренней и внешней политики – одна из центральных не только в теории, но и в практике международных отношений. В наши дни повсеместно наблюдается феномен взаимопроникновения внутренней и внешней политики. В данной связи иногда теряет смысл само употребление терминов «внутренняя» и «внешняя» политика, оставляя возможность для представлений о существовании двух отдельных областей, между которыми существуют непроходимые границы, в то время как в действительности, речь идет об их постоянном взаимном переплетении и «перетекании» друг в друга.

Впрочем, внутренняя и внешняя политика всегда были органично связаны по своим источникам и ресурсам, отражая присущими им средствами единую стратегическую линию поведения на международной арене того или иного государства. Речь идет, конечно, о двух сторонах, двух аспектах политики как сферы и процесса деятельности, в основе которой лежит борьба различных интересов. Действия государства разворачиваются по внутреннему и внешнему направлениям, вместе с тем эти его функции не обособлены, а находятся в тесной взаимосвя-

зи¹. Это особенно актуально в условиях глобализирующего мира, когда экономизация, информатизация и демократизация международных отношений создают беспрецедентные возможности для развития взаимосвязи внутренней и внешней политики.

Внутренняя политика – совокупность направлений экономической, демографической, социально-интеграционной, социально-культурной, репрессивной и т.д. деятельности государства, его структур и институтов, ориентированных на сохранение или реформирование существующего социально-политического строя. Фундаментом внутренней политики являются соотношение социально-экономических укладов, сложившееся на данном этапе развития общества, и производное от него; соотношение господствующих общественных групп, определяющие приоритетность целей; выбор методов и средств; степень удовлетворенности промежуточными результатами внутривнутриполитического развития.

Фундаментом внутренней политики является соотношение социально-экономических укладов, сложившееся на данном этапе развития общества, и производное от него соотношение господствующих в обществе классов и других общественных групп, определяющие приоритетность целей, выбор методов и средств, степень удовлетворенности промежуточными результатами внутривнутриполитического развития.

В осуществлении целей внутренней политики государство использует широкий спектр средств, таких, как закрепление существующих отношений собственности либо их трансформацию на своей территории; налоговые рычаги и льготы; создание социально престижных и социально непристижных общественных статусов экономическими, пропагандистско-идеологическими и репрессивными средствами; регулирование занятости путем создания рабочих мест в государственном секторе экономики; направленная организация социального воспитания, общего и социального образования; мероприятия в сфере здравоохранения и спорта; организация следственно-розыскной, судебной и пенитенциарной системы; регламентация службы реадaptации лиц замеченных в девиантном поведении и т. д.

Необходимо отметить, что международные отношения и внутренняя политика государств находятся во взаимосвязи, влияют друг на друга. С одной стороны, международные отношения во многом отражают и выражают внутреннюю политику ведущих держав в ту или иную историческую эпоху; а с другой стороны – любое государство вынуждено учитывать сложившиеся мировые реалии взаимоотношений, нормы и принципы международного права, «правила мировой политической игры». Иначе говоря, речь идет о тесной взаимосвязи и взаимодействии внутренних и внешних факторов развития государства. Степень воздействия тех или других на формирование внешней политики зависит в каждом отдельном случае от конкретно-исторических обстоятельств. Вместе с тем следует признать, что внешние факторы оказывают возрастающее влияние на отношения внутри любой страны. Это связано с обострением экологических и сырьевых проблем, с наруше-

---

¹ См.: Мельвиль А.Ю. Политология. М., 2005. С. 243–246.

нием социального равновесия и серьезными конфликтами в различных регионах мира, с увеличением ответственности мирового сообщества за бедственное положение слаборазвитых стран, с невозможностью для одной страны справиться с последствиями природных катаклизмов, а главное, – с возрастающей взаимозависимостью государств – членов мирового сообщества.

Рассмотрение проблемы соотношения внутренней и внешней политики дает основание для следующих выводов.

Во-первых, детерминистские объяснения соотношения внутренней и внешней политики малопригодны. Каждое из них – идет ли речь о «первичности» внутренней политики по отношению к внешней или наоборот, – отражает лишь часть истины и потому не может претендовать на универсальность. Более того, уже сама продолжительность подобного рода полемики – а она длится фактически столько, сколько существует политическая наука, – говорит о том, что на самом деле в ней отражается тесная связь эндогенных и экзогенных факторов политической жизни. Любые сколь-либо значимые события во внутривнутриполитической жизни той или иной страны немедленно отражаются на ее международном положении и требуют от нее соответствующих шагов в области внешней политики.

Во-вторых, в современных условиях указанная связь становится настолько тесной, что иногда теряет смысл само употребление терминов «внутренняя» и «внешняя политика», оставляющее возможность для представлений о существовании двух отдельных областей, между которыми существуют непроходимые границы, в то время как в действительности речь идет об их постоянном взаимном переплетении и «перетекании» друг в друга.

В свою очередь, приоритеты в области внешней политики диктуются необходимостью продвижения внутривнутриполитических целей – политической демократии, рыночной экономики, социальной стабильности, гарантий индивидуальных прав и свобод, или, по меньшей мере, периодического декларативного подтверждения приверженности курсу реформ.

В-третьих, рост числа акторов «вне суверенитета» не означает, что государство как институт политической организации людей уже утратило свою роль или утратит ее в обозримом будущем. Отсюда следует, что внутренняя и внешняя политика остаются двумя неразрывно связанными и в то же время несводимыми друг к другу «сторонами одной медали»: одна из них обращена внутрь государства, другая – вовне.

И как верно подчеркивает французский политолог М. Жирар, «большинство интеллектуальных усилий, имеющих смелость или неосторожность либо игнорировать эту линию водораздела между внутренней и внешней политикой, либо считать ее утратившей актуальность, пытающихся отождествить указанные стороны друг с другом, неизбежно обрекают себя на декларации о намерениях или на простые символы веры»¹.

В-четвертых, нарастающая сложность политических ситуаций и событий, одним из источников и проявлений которой является отмеченное увеличение чис-

---

¹ См. подробно: *Girard M. (Sous la dir. dc). Les individus dans la politique internationale. P., 1994.*

ла и многообразия акторов (включая также мафиозные группировки, преступные кланы, амбициозные и влиятельные неформальные лидеры и т. п.), имеет своим следствием то обстоятельство, что их действия не только выходят за рамки национальных границ, но и влекут за собой существенные изменения в экономических, социальных и политических отношениях и идеалах и зачастую не вписываются в привычные представления.

Следовательно, происходящее в настоящее время размывание границ между внутренней и внешней политикой является одной из глобальных тенденций в современных международных отношениях. Усиление взаимозависимости различных обществ и возникновение новых проблем, решение которых не может быть найдено в рамках отдельных государств, приводят к выводу о прогрессирующей проницаемости границ между внутренней и внешней политикой.

Вместе с тем представления об упрощенном характере различий между внутренней и внешней политикой, о стирании в эпоху глобальной взаимозависимости всякой грани между ними, по-видимому, не соответствуют реальной действительности и отражают не только тенденции развития политического процесса, но и состояние самой науки о международных отношениях. Речь идет, в конечном счете, о двух сторонах, двух аспектах политики как сферы и процесса деятельности, в основе которой лежит борьба порой противоположных интересов. Таким образом, внутренняя и внешняя политика остаются двумя неразрывно связанными и в то же время несводимыми друг к другу «сторонами одной медали»: одна из них обращена внутрь государства, другая – вовне.

Согласно традиционным представлениям, государства выражают себя на международной арене через свою внешнюю политику, которая может принимать две основные формы: дипломатии и стратегии. Их назначение – удовлетворение национальных интересов, сохранение территориальной целостности страны, защита ее безопасности и суверенитета. Однако в наши дни такое понимание внешней политики и международных отношений обнаруживает явную узость, ибо внешняя политика уже не может не принимать в расчет проблемы экологии и научно-технического прогресса, экономики и средств массовой информации, коммуникаций и культурных ценностей. А главное – оно не способно отразить как тот факт, что традиционные проблемы международных отношений претерпевают существенные видоизменения под влиянием всех этих новых факторов, так и действительную роль и подлинное место негосударственных международных акторов.

Следует подчеркнуть, что международные отношения не сводятся к сумме внешних политик, проводимых государствами. Совокупность внешнеполитического поведения государств – лишь одна весьма существенная сторона в многоликом пространстве международных отношений.

В самом широком смысле внешняя политика есть способ регулирования отношений государства с внешним миром¹. Категория «внешняя политика» объективно имеет многоуровневое содержание. Кроме управления связями с окру-

---

¹ См. подробно: Основы общей теории международных отношений: Учебное пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

жающим миром цель внешней политики состоит в реализации функциональных качеств государства с наибольшей эффективностью и при наименьших затратах.

Следовательно, внешняя политика государства есть конкретно-историческая категория, она должна рассматриваться в связи с временными и пространственными характеристиками. Пространственный аспект внешней политики проявляется в том, что конкретное географическое положение государства во многом определяет характер его интересов в отношениях с непосредственными соседями. Несмотря на существование неизменных функциональных признаков государства и его долгосрочных интересов, внешняя политика не является абсолютно неизменной во времени. Она принадлежит только своему времени. Как комплекс действий она планируется и осуществляется в зависимости от того, как государство именно в это время представляет свои приоритеты в отношениях с внешним миром. Характер внешней политики определяется и тем, какой объем своей мощи государство может в тот или иной момент использовать для достижения целей во внешней среде, каковы эти цели, сколько их. Только с учетом «исторического времени», особенностей периода истории той или иной страны, исследователи могут правильно подойти к анализу ее внешней политики. Для понимания содержания и оценки характера действий государства на мировой арене необходимо рассматривать в каждом конкретном случае состояние комплекса из трех принципиальных внутренних источников внешней политики.

Первый из них – социально-экономический. Основным источником формирования внешнеполитических интересов являются состояние экономики и социальной сферы жизни государства, его положение в мирохозяйственных связях в тот или иной период. Социально-экономические параметры указывают на возможные пути проявления общих материальных интересов социальных групп и общества в целом во внешней политике страны.

Второй внутренний источник – состояние общественного сознания и той его части, которая может быть названа «идеологией внешней политики». В этом случае речь идет об основных компонентах «картины мира», представляющей обществу, политическим элитам, государственным лидерам. На основе видения мира и места страны в нем формируются базовые концепции внешней политики, избираются средства и методы достижения целей в отношениях с внешним миром, обеспечивается поддержка обществом проводимой государством внешней политики.

Третий источник – конституционно-правовые и институциональные основы осуществления внешней политики. Институциональные основы внешней политики государства – это комплекс государственных органов, наделенных теми или иными функциями и полномочиями в сфере внешней политики. Набор инструментов и методов осуществления внешней политики составляет довольно широкий спектр. На одном краю этого спектра находится целенаправленное использование силовых средств достижения целей (включая вооруженную силу и угрозу ее применения). На другом краю располагается дипломатия как комплекс ненасильственных инструментов и методов обеспечения внешнеполитических интересов государства.

Термин «дипломатия» – древнегреческого происхождения, и некогда слово «дипломат» было обозначением сдвоенных дощечек, покрытых воском, на которые наносился текст, подтверждающий полномочия посланников между государствами. В широком смысле дипломатию можно понимать и как способ управления внешними связями государства, в котором соединяются не только мощь страны, но и многие другие ее свойства и характеристики, необходимые для достижения внешнеполитических целей. В формально-организационном смысле дипломатия включает в себя официальную деятельность глав государств, правительств и специализированных органов по осуществлению переговоров, ведению дипломатической переписки, организации встреч глав государств, иных международных форумов, представительство государства в международных структурах. В нормативно-правовом отношении дипломатическая деятельность государства регулируется его внутренними законами (сведенными в конституционно-правовой механизм) и целым рядом долговременных международных соглашений, устанавливающих общепринятую систему дипломатических рангов, иммунитетов, протокола, этикета и пр. Внутренняя институциональная основа дипломатической деятельности состоит, как правило, из трех видов специализированных государственных органов: министерства иностранных дел и его подразделений, дипломатических представительств и консульских учреждений и постоянных представительств (миссий) страны в международных организациях.

Дипломатия в основном нацелена на регулирование неконфликтного взаимодействия государств, их сотрудничество и координацию действий для достижения общих целей, на выработку компромиссов. Дипломатия как вид деятельности, явно относящийся к сфере «мирных дел» государства, не полностью исключена и во время войны.

Таким образом, внешняя политика – деятельность государства на международной арене, регулирующая отношения с другими субъектами внешнеполитической деятельности: государствами, международными организациями и движениями, транснациональными корпорациями, зарубежными партиями и общественными организациями. Внешняя политика есть деятельность и взаимодействие официальных субъектов, имеющих или присвоивших право выступать от имени общества, выражать интересы общества, избирать определенные методы и способы их реализации.

Для того чтобы понимание особенностей внешней политики и международных отношений сделать более доступным, Р. Арон прибегает к сравнению их со спортом. При этом он подчеркивает, что, например, «по сравнению с футболом внешняя политика является еще более неопределенной». Цель действующих лиц здесь не так проста, как забивание гола. Правила дипломатической игры не расписаны во всех деталях, и любой игрок нарушает их, когда находит в этом свою выгоду. Нет судьи, и даже когда некая совокупность действующих лиц претендует на судейство (ООН), национальные действующие лица не подчиняются решениям этого коллективного арбитра, степень беспристрастности которого оставляет повод для дискуссии.

Если «соперничество наций действительно напоминает какой-либо вид спорта, то таким видом слишком часто является борьба без правил – кэтч...». Поэтому международные отношения являются «предгражданским» или «естественным» состоянием общества (в гоббсовском понимании: «война всех против всех»). В сфере международных отношений господствует «плюрализм суверенитетов», поэтому здесь нет монополии на принуждение и насилие, и каждый участник международных отношений вынужден во многом исходить в своих действиях из непредсказуемого поведения других участников.

Близкие мысли высказывают и многие другие исследователи, отмечающие, что международные отношения характеризуются отсутствием консенсуса между их участниками относительно общих ценностей, сколько-нибудь общепринятых социальных правил, закрепленных юридическими или моральными нормами, отсутствием центральной власти, большой ролью стихийных процессов и субъективных факторов, значительным элементом риска и непредсказуемости.

Однако не все согласны с Р. Ароном в том, что основное содержание международных отношений составляет взаимодействие между государствами. Так, по мнению американского исследователя Д. Капоразо, в настоящее время главными действующими лицами в международных отношениях становятся не государства, а классы, социально-экономические группы и политические силы. Д. Сингер, представитель бихевиористской школы в исследовании международных отношений, предложил изучать поведение всех возможных участников международных отношений – от индивида до глобального сообщества, – не заботясь об установлении приоритета относительно их роли на мировой арене. Другой известный американский специалист в области международных отношений Дж. Розенау высказал мнение, что структурные изменения, которые произошли в последние десятилетия в мировой политике и стали основной причиной взаимозависимости народов и обществ, вызвали коренные трансформации в международных отношениях. Их главным действующим лицом становится уже не государство, а конкретные лица, вступающие в отношения друг с другом при его минимальном посредничестве или даже вопреки его воле.

И если для Р. Арона основное содержание международных отношений составляют взаимодействия между государствами, символизируемые в фигурах дипломата и солдата, то Дж. Розенау приходит фактически к противоположному выводу. По его мнению, результатом изменений в сфере международных отношений становится образование так называемого международного континуума, символическими субъектами которого выступают турист и террорист.

Традиционно внешняя политика осуществляется в следующих формах: установление дипломатических отношений (или снижение их уровня, приостановка, разрыв и даже объявление войны при обострениях отношений с бывшими партнерами) между государствами; открытие представительств государства при всемирных и региональных международных организациях или членства государства в них; сотрудничество с дружественными государству зарубежными политическими партиями и другими общественными организациями; осуществление и поддержание на различном уровне эпизодических и регулярных контактов с

представителями государств, зарубежных партий и движений, с которыми данное государство не имеет дипломатических отношений или дружественных связей, но в диалоге, с которыми заинтересовано по тем или иным причинам.

Геополитическое положение государства исторически доминировало в выборе государством партнеров и развития взаимоотношений с его противниками. В настоящее время геополитическое измерение внешней политики усложнилось в своей конфигурации под влиянием ряда факторов. Наличие устойчивых каналов связи с зарубежными партнерами позволяет государству разнообразить сочетание методов и средств внешнеполитической деятельности: осуществление регулярного обмена информацией, обмен визитами на разных уровнях; подготовка и заключение двусторонних и многосторонних договоров и соглашений по широкому спектру вопросов, включая договоры и соглашения конфиденциального и секретного характера; способствование развитию возможности внутри- и внешнеполитической деятельности одних государств и блокированию аналогичных возможностей других (по тем или иным направлениям); подготовка и осуществление частичной или полной блокады; подготовка к войне и обеспечение благоприятной для ведения в военных действиях внешнеполитической обстановки и т. д.

В последнее время противоречия глобального развития заставили цивилизованных участников международной жизни уделять все большее внимание таким вопросам внешней политики, как предотвращение ракетно-ядерной войны; организация превентивных мер по предотвращению локальных конфликтов и их локализация; предотвращение техногенных катастроф и сотрудничество в целях скорейшей ликвидации их последствий; борьба с голодом, болезнями; современные мероприятия по охране окружающей среды и ликвидация источников и последствий ее загрязнения и т. д.

В управляющих структурах подавляющего большинства современных государств существуют: специализированные органы по осуществлению внешней политики и контролю этой деятельности; министерства иностранных дел (или внешних сношений) и, соответственно, парламентские комитеты по вопросам внешней политики; посольства и представительства, в составе которых нередко работают специалисты по военным вопросам, организаторы системы доверенных лиц и агентов (резиденты разведки и контрразведки), специалисты по вопросам экономического (торговые представители), культурного сотрудничества; научные и культурные центры за рубежом, работающие под контролем посольств и представительств по относительно самостоятельным программам; официальные и полуофициальные миссии (например, «Корпус мира» в США) и другие.

Внешняя политика также включает в себя инструменты или способы достижения международных целей. Внешняя политика регулирует отношения данного государства с другими государствами, обеспечивает реализацию его потребностей и интересов на международной арене. Средой внешней политики является международное общество суверенных государств и межправительственных организаций, регулируемое особой системой норм, составляющих международное публичное право.

Внешняя политика государства – совокупность действий государства и его институтов за пределами своей суверенной территории для реализации национальных интересов. Принято считать, что внешняя политика есть воплощение на практике специализированным внешнеполитическим ведомством страны ее целей и интересов во взаимоотношениях с другими государствами субъектами, международными организациями и т. д. К внешним функциям государства относятся отношения с различными субъектами мировой политики, прежде всего, с другими государствами и с международными организациями, внешнеэкономическая и военная функции.

Важнейшей задачей внешней политики государства является усиление его экономического и политического потенциала. От внешней политики и положения государства на международной арене зависит и экономическое развитие страны, и его политическая стабильность. Внешняя политика должна способствовать эффективному функционированию экономики, росту благосостояния общества. Поэтому в ее задачи входит обеспечение для государства более выгодного участия в разделении труда, поиск более дешевых условий сбыта продукции, сохранение стратегических ресурсов страны и т. п. Таким образом, внешняя политика выполняет также важную экономическую функцию.

Внешняя политика опирается на экономический, демографический, военный, научно-технический и культурный потенциалы государств. Сочетание последних обуславливает возможности внешней политики деятельности государств на тех или иных направлениях, иерархию приоритетов в определении и реализации внешнеполитических целей. Следует помнить, что анализ внешнеполитических решений возможен лишь с учетом расстановки внутривнутриполитических сил. Главной целью внешней политики всегда является создание благоприятных международных условий для успешной реализации государством целей и задач своей внутренней политики. Вместе с тем внешнеполитическая обстановка существенно влияет на политику внутреннюю.

Внешняя политика преломляет и отражает в постановке своих целей, в выборе средств и методов внутривнутриполитическую ситуацию в государстве; опирается на ресурсы, имеющие у него, на его кадровый потенциал. Ее нельзя рассматривать отдельно от внутренней политики государства. Внешнеполитическая деятельность по достижению поставленных целей реализуется различными средствами: политическими, экономическими, военными, информационно-пропагандистскими.

Внешняя политика суверенных государств является главным средством предотвращения войн, агрессии и разного рода конфликтов между государствами. Она призвана регулировать отношения каждого отдельного государства с другими государствами и народами на основе соответствующих принципов, методов и механизмов. Из вышесказанного следует, что внешняя политика охватывает весь комплекс вопросов, связанных с регулированием отношений данного государства с другими государствами.

Внешняя политика – это цель или серия целей, которые страна надеется достичь в отношении с другими странами и международными организациями. Одна-

ко страны не являются единственными действующими лицами внешней политики – внешняя политика страны выходит за пределы отношений с другими странами и включает в себя отношения с такими международными действующими лицами, как международные организации, многонациональные корпорации, объединения, региональные организации и др. Внешняя политика также включает в себя инструменты или способы достижения международных целей.

Международные отношения как систему нельзя понять без взаимосвязи с такой категорией, как «внешняя политика». Они складываются, прежде всего, из совокупности внешнеполитической деятельности государств, которые являются основными участниками международных отношений и в качестве самостоятельных субъектов, и как члены каких-либо организаций.

Внешняя политика регулирует отношения данного государства с другими государствами, обеспечивает реализацию его потребностей и интересов на международной арене. Внешняя политика есть деятельность и взаимодействие официальных субъектов, имеющих или присвоивших право выступать от имени общества, выражать интересы общества, избирать определенные методы и способы их реализации.

Внешнеполитическая деятельность по достижению поставленных целей реализуется различными средствами: политическими, экономическими, военными, информационно-пропагандистскими. К политическим средствам относится, в первую очередь, дипломатия. Дипломатия – это официальная деятельность государства в лице специальных институтов и при помощи специальных мероприятий, приемов, методов, допустимых с позиций международного права и имеющих конституционно-правовой статус. Дипломатия осуществляется в виде переговоров, визитов, специальных конференций и совещаний, встреч, подготовки и заключения двухсторонних и многосторонних соглашений, дипломатической переписки, участия в работе международных организаций.

Экономические средства внешней политики подразумевают использование экономического потенциала данной страны для достижения внешних политических целей. Государство, обладающее сильной экономикой, финансовой мощью, занимает прочное положение на международной арене. Даже небольшие по территории государства, небогатые материальными и людскими ресурсами, могут играть видную роль на мировой арене, если у них сильная экономика, которая базируется на передовых технологиях и способна распространять свои достижения далеко за свои пределы. Действенными экономическими средствами являются эмбарго, или наоборот, режим наибольшего благоприятствования в торговле, предоставление инвестиций, кредитов и займов, другой экономической помощи или отказ в ее предоставлении.

К военным средствам внешней политики принято относить военную мощь государства, которая включает в себя армию, ее численность и качество вооружения, моральное состояние, наличие военных баз, обладание ядерным оружием. Военные средства могут использоваться в качестве как прямого, так и косвенного воздействия. К первым относятся войны, интервенции, блокады. Так, за последние

55 веков человечество жило в мире всего 300 лет. На протяжении этих веков произошло 14,5 тысячи войн, в которых погибло 3,6 млрд. человек. Большинство людей на Земле согласно с мнением Дж. Бернала, что «война – всегда преступление против человечества, сейчас же она еще и безумие». Однако осознание губительности войн, а тем более ядерных, не означает отсутствия других точек зрения. Например, Гегель считал, что война – двигатель прогресса. По мнению Мальтуса, «война есть естественнонаучный закон борьбы против избыточного населения». В современном обществоведении и публицистике сохраняет влияние течение, по-прежнему рассматривающее войну, включая ядерную, как допустимое средство политики.

К косвенным военным средствам относится гонка вооружений, включающая испытание новых видов оружия, учения, маневры, угрозу применения силы. Например, военные расходы всего мира в последнее время составляли 1000 млрд. долл. в год, более половины ученых мира работали над созданием новых видов оружия массового поражения. К военным средствам внешней политики следует отнести разведку и шпионаж. Сегодня здесь применяются новейшие достижения науки и техники – от многотонных космических кораблей до микроаппаратов. Особое развитие в последние десятилетия получил промышленный шпионаж.

Пропагандистские средства включают весь арсенал современных средств массовой информации, пропаганды и агитации, которые используются для укрепления авторитета государства на международной арене, способствуют обеспечению доверия со стороны союзников и возможных партнеров. С помощью средств массовой информации формируют положительный образ своего государства, чувство симпатии к нему, а в случае необходимости – антипатии и осуждения по отношению к другим государствам. Часто пропагандистские средства используют, чтобы завуалировать те или иные интересы и намерения.

Понятие «внешняя политика» тесно связано с категорией «национальные интересы». К сожалению, содержание понятия «национальные интересы» в силу его кажущейся очевидности не обсуждается широкой общественностью, например, в странах СНГ, а принимается как данность. Между тем проблема национального интереса имеет не только внутренний, но главным образом внешний аспект, в том числе и в смысле наполнения понятия. Проблема заключается в том, чтобы верно определить национальные интересы в изменившихся условиях мирового развития. Национальные интересы любой страны – это интересы главные и второстепенные (что не значит – несущественные), разнообразны и подчас противоречивы. В современной науке принято считать, что понятие «национальный интерес» относится главным образом к внешней политике суверенных государств. Внутренняя же составляющая политики государства обычно именуется «общественным интересом»¹.

По мере того как менялась конфигурация мировой политики, тема национальных интересов, их обеспечения и ущемления занимала все более заметное место

---

¹ См. напр.: Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес» // Полис. 2000. № 1. С. 8–22.

в трудах ученых и выступлениях политиков. В научной литературе 90-х гг. оживленно обсуждались содержание национальных интересов, способы их оформления и консолидации, столкновение различных концепций национального и национально-государственного интереса, совпадение или несовпадение первого и второго, способность внешней политики реализовать такие интересы.

К числу национальных интересов первостепенной важности, которые реализуются посредством внешней политики, принято относить обеспечение государственного суверенитета и национальной безопасности, создание благоприятных внешних условий для всестороннего прогресса общества и всех его граждан, налаживание взаимовыгодного экономического, научного и культурного сотрудничества данного народа с другими народами и государствами.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Внешняя политика есть деятельность и взаимодействие официальных субъектов, имеющих или присвоивших право выступать от имени общества, выражать интересы общества, избирать определенные методы и способы их реализации. Таким образом, внешняя политика – деятельность государства на международной арене, регулирующая отношения с другими субъектами внешнеполитической деятельности: государствами, зарубежными партиями и иными общественными организациями всемирными и региональными, международными организациями.

Внешняя политика регулирует отношения данного государства с другими государствами, обеспечивает реализацию его потребностей и интересов на международной арене. Внешняя политика преломляет и отражает в постановке своих целей, в выборе средств и методов внутриполитическую ситуацию в государстве; опирается на ресурсы, имеющиеся у него, на его кадровый потенциал. Ее нельзя рассматривать отдельно от внутренней политики государства. Внешнеполитическая деятельность по достижению поставленных целей реализуется различными средствами: политическими, экономическими, военными, информационно-пропагандистскими.

Из вышесказанного следует, что внешняя политика охватывает весь комплекс вопросов, связанных с регулированием отношений данного государства с другими государствами.

В свою очередь, приоритеты в области внешней политики диктуются необходимостью продвижения объявленных режимом целей – политической демократии, рыночной экономики, социальной стабильности, гарантий индивидуальных прав и свобод, или, по меньшей мере, периодического декларативного подтверждения приверженности курсу реформ.

Завершая рассмотрение данной темы, резюмируем следующим заключением: внешняя политика полностью охватывает комплекс вопросов, связанных с регулированием отношений данного государства с другими государствами. Внешнеполитическая деятельность любого государства направлена, прежде всего, на обеспечение интересов данного народа (нации) в его (ее) отношениях с другими народами.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Современная мировая политика. Прикладной анализ: Учеб. пособие / Под ред. А.Д. Богатурова; МГИМО (У) МИД РФ. М.: Аспект-Пресс, 2009.

Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: ПЕР СЭ, 2005.

Дополнительно рекомендуемая

Косолапов Н.А. Введение в теорию мировой политики и международных отношений // Мировая экономика и международные отношения, 1998. № 1–5, 11, 12; 1999. № 2, 6, 10; 2000. № 2.

Поздняков Э.А. Внешняя и внутренняя политика. Парадоксы взаимосвязи // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 10.

Поздняков Э. Национальное и интранациональное во внешней политике // Международная жизнь. 1989. № 5.

Поздняков Э.А. Философия политики. М., 1994.

Попов Н. Внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 3–4.

Кобринская И. Внешняя и внутренняя политика России // Международная жизнь. 1993.

Прохоренко И. Традиции и внешняя политика: опыт постановки проблемы (на примере современной Испании) // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 4.

Косолапов Н. Внешняя политика России: проблемы становления и политикоформирующие факторы // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2.

Попов Н. Внешняя политика России (Анализ политиков и экспертов) // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4. Ст. 2.

Aron R. Paix et Guerre entre les nations. P., 1984.

Badie B. L'Etat importe, L'occidentalisation de l'ordre politique. P., 1992.

Braillard Ph. Relations internationales: une nouvelle discipline // Le trimesre du monde. 1994. № 3.

Burton N.J.W. World Society. Cambridge, 1972.

Caporaso J. Dependence, Dcpcndecy and Power in the Global System: A Structural and Behavioral Analisis // International Organisation. 1979. № 10.

Тема 3. Участники (акторы) международных отношений

1. Понятия «субъект» и «актор» международных отношений.
2. Государство как основной актор международных отношений.
3. «Нетрадиционные» участники международных отношений.
4. Цели и средства участников международных отношений.

Вопрос о роли «акторов» (участников) международных отношений является основным в определении предмета теории международных отношений. В международно-политической науке, как и в других социальных дисциплинах, сложилось несколько терминов, для обозначения изучаемых ими действующих лиц. По своему содержанию наиболее широким из таких терминов является термин «субъект» – индивид, группа, класс, общность людей, взаимодействующих друг с другом по поводу и/или при помощи того или иного объекта.

В исследованиях, посвященных международным отношениям, предложены достаточно ясные критерии, при соблюдении которых можно применять категорию «субъектность» по отношению к тем или иным акторам. Так, Н.А. Косолапов относит к системе соответствующих признаков следующее: «сложный социальный субъект – это такая (и только такая) реально существующая форма социальной структуры (организации), которая обладает одновременно и в целостности: (а) объективным внутренним структурно-организационным единством (объективной системностью); (б) осознанием себя как целостного и неделимого образования (системным самосознанием, системной идеологией); (в) способностью к высшему целеполаганию, отличному от суммы целей составляющих его компонентов и подсистем (системным целеполаганием); (г) способностью формировать и осуществлять долговременные, рассчитанные на достижение отдаленных макроцелей стратегии поведения, при необходимости ценой и средствами самопринуждения (системными стратегиями); (д) развитыми обратными связями внутри системы, позволяющими подчинять деятельность такой организации и саму структуру достижению общесистемной цели (системными обратными связями)».

Предложенный аналитический ракурс, с одной стороны, делает невозможным провозглашение этнической (этнополитической) субъектности фундаментальным свойством международных отношений и мировой политики. С другой стороны, при этом не исключается сама возможность того, что в некоторых обстоятельствах (подчеркнем – экстраординарных, по нашему мнению) этнические группы могут приобретать свойства, отвечающие подобным критериям. Во всяком случае, априорно отвергать саму потенциальную возможность этого было бы

нецелесообразно, точно так же, как и вполне реальную возможность политизации этничности, с чем, впрочем, мало кто серьезно спорит.

Один из основных критериев выделения субъекта, как считает Н. Косолапов, – это его наделенность сознанием и способностью к действиям¹. Под субъектом подразумевается «некто», имеющий способность познавать и действовать в собственных интересах и целях на основании результатов познания, а также осмысления накопленного исторического опыта.

Для сложных социальных структур нужно выделить комплекс объективных признаков, полный набор которых только и придает им качества субъективности. В свойствах и качествах сложного общественного субъекта должны проявиться практические формы жизни целостной системы, обладающей своеобразной структурой, целеустремленностью, волей и способностью к действию, которые создают внутреннее единство социальной организации.

Следует отметить, что участником событий, процессов, международных отношений в принципе можно оказаться помимо собственной воли и действий. В таком случае можно быть участником международных отношений, не выступая при этом ни актором, ни субъектом этих отношений. История международных отношений изобилует примерами, когда многие слабые государства оказывались в положении не субъекта, а скорее объекта воздействия со стороны сильных государств. Разумеется, мера перехода государств из состояния объекта воздействия в состояние субъекта действия с течением времени также подвергается изменению.

Применительно к сфере международных отношений такому определению субъекта могут отвечать государства, их союзы, интеграции, любые международные организации, транснациональные корпорации, общественные движения (при условии, что каждая соответствующая структура обладает всем комплексом необходимых и достаточных признаков).

Чтобы стать субъектом международных отношений, необходимо не только вступить в международные отношения, но и удержаться в них, что возможно лишь при наличии способности постоянно или достаточно регулярно, не эпизодически присутствовать и действовать во внешнем мире, влиять на других участников международных отношений.

В современных условиях для обозначения участников международных отношений чаще всего употребляется термин «актор». В переводе, например, с английского языка он звучал бы как «актер». Общеизвестно, что Шекспир в своих трагедиях и драмах представлял весь мир как сцену, а людей – её актерами. В русскоязычной же литературе по международным отношениям он практически не употребляется, а используется термин «актор»². «Актор» – по общему согласию – это любое лицо, которое принимает активное участие, играет важную роль. В сфере международных отношений под актором следует понимать любой авторитет,

---

¹ См. цикл его статей по теоретическим проблемам международных отношений, опубликованных в ж-ле «Мировая экономика и международные отношения» (МЭМО) // МЭМО. 1998. № 1–12; 1999. № 2, 3, 6, 10, 12; 2000. № 2.

² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974. С. 29.

любую организацию, любую группу и даже любого индивида, способного играть значимую роль, оказывать влияние.

Отмечают ряд достоинств термина «актор». Во-первых, он отражает широкий спектр взаимодействующих общностей и поэтому является достаточно широким. Во-вторых, в смысловом контексте его употребления выделяют признаки поведенческих ориентаций общностей. Следовательно, данный термин помогает понять сущность данной общности или организации, которая ведет себя определенным образом, предпринимает какие-то действия. Наконец, в-третьих, он помогает осмыслить то, что акторы играют разные роли: некоторые из них занимают авансцену и являются «солистами», другие же остаются рядовыми членами хоровой группы. И тем не менее в результате все они участвуют в создании законченного спектакля на мировой сцене.

Если социальная организация или общность оказывает определенное влияние на международные отношения, пользуется признанием со стороны государств и их правительств и учитывается ими при выработке внешней политики, а также имеет ту или иную степень воздействия и на других участников, обладает автономией при принятии собственных решений, то она может рассматриваться как международный актер.

Из такого определения видно, что если все акторы являются участниками международных отношений, то не каждый участник может считаться международным актором. Организация, предприятие или группа, имеющие какие-либо отношения с иностранными организациями, предприятиями или гражданами, не всегда могут выступать в роли международных акторов. И в то же время, эту роль может выполнять отдельный человек. Например, статусом международного актора обладал всемирно известный правозащитник и ученый А.Д. Сахаров. Благодаря своему заслуженному авторитету среди государственных руководителей многих стран и демократической общественности он оказывал известное влияние на отношение Запада к СССР. Более того, сегодня возрастающая роль индивида в международной политике может проявляться не только в действиях выдающихся личностей, но и самых обычных людей, что проявляется в таких феноменах, как увеличение трансграничных миграционных потоков, расширение потенциала международных неправительственных правозащитных организаций в отстаивании «правовых» притязаний рядовых людей.

Представители большинства теоретических направлений и школ считают, что типичными международными актерами являются государства, а также международные организации и системы. Так, Мортон Каплан различает три типа международных акторов: национальный (суверенные государства), транснациональный (региональные международные организации: например, НАТО) и универсальный (всемирные организации: например, ООН). М. Мерль в качестве типичных международных акторов рассматривает государства, международные организации и транснациональные силы (например, мультинациональные фирмы, а также мировое общественное мнение). Брайар и М.Р. Джалили добавляют к этим трем типам еще один – так называемых потенциальных акторов (таких, как националь-

но-освободительные движения, региональные и локальные общности, например, Европейский Совет коммун, Европейская Конференция местных органов власти). Дж. Розенау считает основными международными акторами государства, подсистемы (например, органы местной администрации, обладающие определенной автономией в международной сфере), транснациональные организации (такие, как, например, компания по производству микросхем «Европейские кремниевые структуры», существующая вне пределов государственной юрисдикции), когорты (например, этнические группы, церкви и т.п.), движения.

Государства, как замечает А. Вендт, – это ядро любой международной системы, поскольку они составляют те четкие объединения, без которых такая система не может существовать по определению. Вместе с тем из приведенных примеров видно, что указанное согласие относительно основных типов международных акторов касается прежде всего государства и межгосударственных (межправительственных) организаций. Что же касается вопроса о других участниках международных отношений, то он остается предметом теоретических расхождений. Однако гораздо более серьезные дискуссии ведутся по вопросу о том, какому типу актора следует отдавать предпочтение при анализе международных отношений.

Как мы знаем, для представителей политического реализма нет сомнений в том, что государство является главным, решающим, если не единственным, актором международных отношений. Это касается всех разновидностей политического реализма, хотя одни из теоретиков опираются в своей аргументации преимущественно на политические возможности государства (Г. Моргентау), другие делают акцент на его социальную сферу (Р. Арон), третьи апеллируют к экономическому потенциалу (Ж. Бертэн).

Более гибкой выглядит точка зрения представителей модернистского направления. Смещая акцент на функционирование международных отношений, опираясь на системный подход, моделирование, количественные методы в их изучении и т.д., представители модернизма не ограничиваются исследованием поведения государств, вовлекая в научный оборот проблемы, связанные с деятельностью международных организаций, международно-политическими последствиями экономической экспансии ТНК и т.д. Вместе с тем, во-первых, чаще всего вопрос о приоритетности того или иного международного актора является для них второстепенным. А во-вторых, многие представители данного, чрезвычайно гетерогенного направления близки либо к политическому реализму (Р. Каплан К. Райт), либо к другим теоретическим школам, например таким, как транснационализм и глобализм.

Согласно теориям транснационализма или взаимозависимости (Р. Кохэн, Д. Най, Э. Скотт, С. Краснер и др.) одной из характерных особенностей современного этапа в эволюции международных отношений является тот вызов, который бросают позициям государств международные неправительственные организации, мультинациональные фирмы и корпорации, экологические движения и т.д. По мере роста числа международных сделок позиции государств в мировой политике ослабевают, и, напротив, усиливается роль и значение частных субъектов международных отношений.

«Глобалисты» (Дж. Бертон, С. Митчелл и др.) представляют мир в виде гигантской многослойной паутины взаимных связей, соединяющих вместе государства и негосударственных акторов, из которой никто не может выбраться. Вместе с тем «транснационалисты» остались достаточно лояльными по отношению к политическому реализму и, следовательно, к его трактовке государства как главного международного актора. Что же касается «глобалистов», то они имеют тенденцию принижать значение понятия «международный актор» в пользу показа тенденций глобальной взаимозависимости.

В неомарксистских концепциях международных отношений главное внимание уделяется таким понятиям, как «мир-система» и «мир-экономика», государство же является лишь удобным институциональным посредником господствующего в международном масштабе класса, призванным обеспечить его доминирование над мировым рынком. Каждое из указанных теоретических направлений и школ отражает ту или иную сторону реальности международных отношений. Однако для того чтобы судить о том, насколько верно такое отражение, необходимо получить более полное представление об особенностях существа и функционирования основных участников взаимодействий на мировой арене.

Никакие отношения не существуют сами по себе, в отрыве от их участников. Основным «действующим лицом» (элементом) на арене международных отношений традиционно считалось государство¹. Многовековой монополизм государства в международных отношениях прежде ясно показывал, что международные отношения, дипломатия, внешняя политика, войны и мир – все это отношения между государствами. Участником событий, процессов, международных отношений в принципе можно оказаться помимо собственной воли и действий. Все это вызывает необходимость в стратификации субъектов международных отношений, систематизации международных отношений по типам участвующих в них субъектов.

Традиционно участие государства в международных отношениях складывалось в рамках сочетания дипломатии, военной политики и разведки. Однако к концу XX в. государство имеет также внешние экономическую, финансовую, научно-техническую, экономическую политику. К такому положению привело развитие института государства. Кроме того, государство является универсальной формой политической организации человеческих общностей: в настоящее время практически все человечество, за небольшими исключениями, объединено в государства. Государство является единственным общественным институтом, имеющим полномочия устанавливать и регулировать отношения с другими государствами и иными элементами международной среды, например международными организациями. Государство обладает своего рода «эгоизмом», то есть является элементом, нацеленным на реализацию только своих интересов².

Исторические формы государства характеризуются многообразием. В своем развитии оно прошло путь от мировых империй, предшествовавших античным городам-государствам (полисам), до европейских монархий в Новое время, воз-

¹ Введение в теорию международных отношений / Отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2001. С. 43.

² Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002. С. 237.

никновения национального государства (или государства-нации) в XIX в. Однако вплоть до XV–XVI вв. государства в силу отсутствия строгих территориальных границ, слабости центральной власти по отношению к периферии, господства общинной формы организации социума не являлись еще государствами в полном (современном) значении этого понятия.

Современная форма государственности связана с понятием суверенитета. Первоначально это понятие означало неограниченную власть монарха осуществлять свою волю внутри страны и представлять государство за его пределами (или, выражаясь современным языком, определять его внутреннюю и внешнюю политику) и отражало стремление правителей освободиться от господства феодалных обычаев и церковной иерархии. После окончания 30-летней религиозной войны в Европе возникает и получает свое закрепление в Вестфальском мирном договоре 1648 г. современная система межгосударственных отношений, основанная на взаимном признании юридического равенства и независимости каждого государства.

Процесс образования новых государств продолжается. Если в XV в. в мире существовало 5–6 государств, то в 1900 г. их становится уже 30, в 1945 г. членами Организации Объединенных Наций являлись 60 государств, в 1965 г. в ней состоит уже 100, в 1990 г. – 160, в 1992 г. – 175, а в 1996 г. – 185 государств. Для того чтобы стать членом ООН и, следовательно, получить признание в качестве субъекта международного права, государство должно обладать независимым правительством, территорией и населением¹.

В сфере межгосударственных отношений, мировой политики и международных отношений государство действует не непосредственно, а через своих представителей и уполномоченных: глав государств и правительств, министров, дипломатов, послов, глав делегаций на переговорах и т. д. В своей деятельности все перечисленные лица опираются на ведомства, занимающиеся внешними делами (министерства иностранных дел, обороны, финансов, органы разведки, внешней торговли) и другие структуры, которым даются полномочия для выделения дел и отношений в сферах их компетенции.

Осуществляя внешние сношения от имени и по поручению данного государства, каждое ведомство, каждый представитель государства приносят в официальный курс личные способности, кругозор, опыт, но они никогда не превращаются в самостоятельных субъектов межгосударственных отношений, мировой политики и международных отношений: таковым остается лишь государство. Даже высшие представители страны (главы государств и правительств) не являются самостоятельными субъектами: само их присутствие в этих сферах отношений возможно лишь постольку, поскольку за ними продолжает оставаться государство. Уйдя из власти, отдельные лица сохраняют или расширяют способность влиять на общественное мнение в мире, но действуют при этом уже в личном качестве как субъекты международной жизни, но не субъекты международных отношений и межгосударственных отношений.

---

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002. С. 231.

Распространение демократии в государствах еще больше расширило список участников международных отношений. В демократических странах с многопартийной системой появляется оппозиция с различными от правительства целями, интересами, задачами, с которыми приходится считаться не только внутри данного государства, но и внешним силам, другим государствам. Таким образом, оппозиция фактически влияет на соотношения демократии с другими участниками международных отношений.

В современную эпоху, наряду с государствами как главными действующими «лицами», все более заметную роль в формировании международной среды стали играть так называемые «нетрадиционные» участники, такие, как транснациональные корпорации (ТНК), конфессиональные общности, общественные организации, просто индивидуумы ¹ и т. д. Действительно, сходным пунктом поисков и одной из существенных особенностей международных отношений ряд исследователей считает их участников, то есть акторов. Они также влияют на среду международных отношений, действуя как внутри государства, так и за его пределами на уровне межгосударственных отношений, то есть, действуя в этой среде вместе с государствами и одновременно с ними.

Негосударственные элементы также являются участниками международных отношений. Их можно выделить в две большие группы:

«Субнациональные» (действующие внутри государства):

- человек (личность, индивид);
- социальная группа (элита, социальный слой, формализованная или неформализованная общественная и общественно-политическая организация).

«Наднациональные» или «транснациональные» (действующие на уровне отношений между государствами).

Наднациональные элементы включают следующее:

- международные формализованные объединения – военно-политические, экономические и иные долгосрочные союзы регионального и всемирного масштаба (НАТО, ЕЭС, Организация Объединенных Наций, ОАГ, Лига арабских государств и др.);
- международные режимы (под режимом понимается порядок, составленный из определенных и закрепленных в международном праве норм и процедур, регулирующих поведение государств по отношению к объекту установленного режима, например, к мировому океану, к атмосфере Земли и др.).

К транснациональным элементам относятся следующие:

- международные организации функционального назначения (Мировой банк, МВФ, МАГАТЭ, Интерпол, ФАО и др.);
- неправительственные международные организации, объединяющие группы и организации, действующие в отдельных государствах, например, Мировой евангелический союз, экологическая организация «Гринпис» и др.;

---

¹ См.: Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах // Индивиды в международной политике. рук. авторского колл. М. Жирар.; Международная педагогическая академия. М., 1996.

- транснациональные корпорации (включая транснациональные банки) также следует рассматривать в данной категории, поскольку их деятельность прямо или косвенно может влиять на поведение отдельных государств или иных негосударственных элементов в международных отношениях¹.

Ряд международных организаций также являются субъектами международных отношений. Например, Организация Объединенных Наций в лице своих главных органов имеет право заключения договоров с отдельными государствами и межгосударственными организациями. Но формально права ООН не могут превышать права отдельного государства.

Роль и функции человека как элемента международных отношений многообразна. Но, прежде всего, следует отметить, что отдельный человек не является прямо субъектом международного права. Место человека надо понимать из его определенных интересов и целей в том, что касается международных отношений. Существование таких интересов человека зачастую скрыто, не выглядит явным фактором воздействия на среду международных отношений, но может проявляться тогда, когда человек самостоятельно или в составе группы осознанно осуществляет политические действия, нацеленные на реализацию таких интересов. Они направлены на то, чтобы каким-то образом воздействовать на внешнюю политику государства, гражданином которого является человек, либо на характер поведения другого государства, международной организации и т.п.

Активность человека в связи с его явным или потенциальным воздействием на среду международных отношений наиболее полно проявляется в составе социальных и иных групп. Примеров такой коллективной (в составе формализованной либо неформальной группы) деятельности человека в сфере международных отношений множество. Так, в США группы лобби (в том числе и официально зарегистрированные) поддержки Израиля, арабских государств, Тайваня, Вьетнама, Латвии и т.д. В деятельности таких групп участвуют граждане – представители соответствующих эмигрантских этнических общностей, либо лица, заинтересованные в позитивном развитии указанных отношений с экономической и иных точек зрения.

Другие группы, ориентированные на достижение каких-либо коллективных целей в изменении внешнеполитического курса государства, могут приобрести форму общественно-политических или политико-академических объединений. Наиболее высокая форма групповой организации – массовое движение или политические партии.

Среди негосударственных участников международных отношений выделяют межправительственные организации (МПО), неправительственные организации (НПО), транснациональные корпорации (ТНК) и другие общественные силы и движения, действующие на мировой арене. Усиление их роли и влияния – относительно новое явление в международных отношениях, характерное для послевоенного времени. Данное обстоятельство в сочетании с длительным и практически безраздельным господством реалистской парадигмы объясняет то, что они все еще

---

¹ Введение в теорию международных отношений / Ответ. ред. А.С. Маныкин . М., 2001. С. 57.

сравнительно слабо изучены политической наукой. Отчасти это связано и с неочевидностью их подлинного значения, отражаемой в таких терминах, как «невидимый континент» (Й. Галтунг), или «второй мир».

Венский конгресс 1815 г., возвестил об окончании наполеоновских войн и рождении новой эпохи в международных отношениях и одновременно о появлении в них нового участника: Заключительным актом Конгресса было провозглашено создание первой МПО – Постоянной комиссии по судоходству по Рейну. К концу XIX в. в мире существовало более десятка подобных организаций, появившихся как следствие индустриальной революции, породившей потребность в функциональном сотрудничестве государств в области промышленности, техники и коммуникаций: Международная санитарная Конвенция (1853), Международный телеграфный союз (1865), Международное бюро мер и весов (1875), Всемирный почтовый союз (1878), Союз защиты промышленной собственности (1883), Международная организация уголовной полиции (Интерпол, 1923), Международный сельскохозяйственный институт и др.¹.

МПО политического характера создаются после Первой мировой войны (Лига Наций, Международная организация труда), а также в ходе и после Второй мировой войны, когда в 1945 г. в Сан-Франциско была образована Организация Объединенных Наций, призванная служить гарантом коллективной безопасности и сотрудничества стран-членов в политической, экономической, социальной и культурной областях. Параллельно с развитием ее специализированных органов и институтов создаются межправительственные организации межрегионального и регионального характера, деятельность которых направлена на расширение сотрудничества государств в различных областях: Организация экономического сотрудничества и развития, объединяющая 24 наиболее развитые страны мира (1960), Совет Европы (1949), Европейское объединение угля и стали (1951), Европейское экономическое сообщество (Общий рынок, 1957), Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом, 1957), Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ, 1960), Лига арабских государств (1945), Организация американских государств (1948), Организация африканского единства (1963) и др. С 1945 г. число МПО удвоилось, составив к началу 1970-х гг. 220 организаций. В середине 1970-х гг. их было уже 260, а в настоящее время – более 400.

Но следует иметь в виду, что наднациональные институты в международных отношениях являются редким исключением. Подобные институты существуют сегодня только в рамках Европейского сообщества. Комиссия, Совет министров и Суд этой организации обладают правом принимать обязательные для исполнения всеми государствами-членами решения в экономической, социальной и даже политической областях на основе принципа квалифицированного большинства. Тем самым происходит изменение взглядов на священный для международного права принцип государственного суверенитета, а органы ЕС все больше напоминают органы конфедерации, являясь выражением растущей интеграции современного мира.

---

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002. С. 239.

Существуют различные типологии МПО. И хотя, по признанию многих ученых, ни одна из них не может считаться безупречной, они все же помогают систематизировать знание об этом относительно новом влиятельном международном акторе. Наиболее распространенной является классификация МПО по «геополитическому» критерию и в соответствии со сферой и направленностью их деятельности. В первом случае выделяют такие типы межправительственных организаций, как универсальный (например, ООН или Лига Наций); межрегиональный (например, организация «Исламская конференция»); региональный (например, Латино-американская экономическая система); субрегиональный (например, Бенилюкс). В соответствии со вторым критерием различают общецелевые (ООН); экономические (ЕАСТ); военно-политические (НАТО); финансовые (МВФ, Всемирный банк); научные («Эврика»); технические (Международный союз телекоммуникаций) или еще более узкоспециализированные МПО (Международное бюро мер и весов)¹.

Указанные критерии носят достаточно условный характер. Во-первых, их нельзя противопоставлять, так как многие организации могут отвечать одновременно обоим критериям: например, являться и узкоспециализированными, и субрегиональными (Организация стран Восточной Африки по контролю за пустынной саранчой). Во-вторых, проводимая на их основе классификация достаточно относительна. Так, технические МПО могут брать на себя и экономические, и даже политические функции. Тем более это относится к таким организациям, как Всемирный банк или ГАТТ, которые ставят своей задачей создание условий для функционирования в государствах-членах либеральных рыночных отношений, являющихся политической целью. В-третьих, не следует преувеличивать не только функциональную, но и тем более политическую автономию МПО.

Специалисты отмечают и такое противоречие, явившееся обратной стороной принципа равноправия всех членов ООН, как ситуация, когда значительная часть членов ООН – малых или даже микросоциальных – обладает равными голосами с крупными странами. Тем самым решающее большинство может быть составлено теми, кто представляет менее десяти процентов мирового населения, что так же недопустимо, как и доминирование в этой организации небольшой группы великих держав². Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали отмечал, что «двусторонние программы помощи зарубежным странам нередко были инструментом «холодной войны» и до сих пор остаются под сильнейшим воздействием соображений, продиктованных интересами политического влияния и национальной политики»³.

Приведенные факты противоречий между формально-юридическим равенством и фактическим неравенством государств доказывают, что ее роль нельзя абсолютизировать. Исследования в области социологии международных отноше-

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002. С. 240.

² Нестеренко А.Е. Потенциал Организации Объединенных Наций // Международная жизнь. 1990 № 5. С. 18.

³ Бутрос-Гали. Б. Укрепление потенциала Организации Объединенных Наций // Мировая экономика. 1993. № 4. С. 11.

ний показывают, что во многих становящихся все более частыми ситуациях интересы людей и их «патриотизм» связаны не с государством, а с другими общностями, политическими или культурными ценностями, которые воспринимаются ими как более высокие. Это могут быть ценности панисламизма, связанные с чувством принадлежности к более широкой общности, чем нация-государство, но это могут быть и ценности, связанные с этнической идентификацией субгосударственного характера – как это имеет место у курдов или берберов. В этой связи сегодня все более ощутимо возрастает роль международных неправительственных организаций (МНПО).

В отличие от межправительственных организаций МНПО – это нетерриториальные образования, так как их члены не являются суверенными государствами. Они отвечают трем критериям: международный характер состава и целей; частный характер учредительства; добровольный характер деятельности. Именно поэтому их причисляют к новым акторам – акторам «вне суверенитета» (Дж. Розенау), «транснациональным силам» (М. Мерль), «транснациональным организациям» (Ш. Зоргбиб) и т. п.

Существует узкое и широкое понимание МНПО. В соответствии с первым к ним не относятся общественно-политические движения, транснациональные корпорации (ТНК), организации, созданные и существующие под эгидой государств. Так, Ф. Брайар и М.Р. Джалили под МНПО понимают структуры сотрудничества в специфических областях, объединяющие негосударственные институты и индивидов нескольких стран: религиозные организации (например, Экуменический совет церквей), организации ученых (например, Иагуошское движение); спортивные (ФИФА), профсоюзные (МФП), правовые (Международная амнистия) и т.п. организации, объединения, учреждения и ассоциации.

Таким образом, речь идет обо всех негосударственных участниках международных отношений, которые Дж. Розенау назвал (в противовес традиционному миру государственных международных акторов) «вторым миром», или «полицентричным миром», состоящим из огромного, почти бесконечного числа участников, о которых можно с уверенностью сказать только то, что они способны на международную деятельность, более или менее независимую от государства. Подобное понимание свойственно и теоретикам взаимозависимости, или транснационализма.

Однако и в «узком» понимании данного термина МНПО прошли значительную эволюцию с XIX в., когда появились первые международные неправительственные организации, и до наших дней. Так, Британское и Международное общество борьбы против рабства было образовано еще в 1823 г. В начале XX в. создается целый ряд добровольных обществ, в частности, ведущих свою деятельность в рамках конфессиональных институций. В 1905 г. насчитывается 134 МНПО, в 1958 г. их было уже около тысячи, в 1972 г. – от 2190 до 2470, а в конце 1980-х гг. – 4000¹.

МНПО различаются по своим размерам, структуре, направленности, деятельности и ее задачам. Однако все они имеют те общие черты, которые отличают их

---

¹ Бутрос-Гали. Б. Укрепление потенциала Организации Объединенных Наций // Мировая экономика. 1993. № 4. С. 244.

как от государств, так и от межправительственных организаций. В отличие от первых, они не могут быть представлены как акторы, во имя «интереса, выраженного в терминах власти» (Г. Моргентау). В отличие от вторых, их учредителями являются не государства, а профессиональные, религиозные или частные организации, учреждения, институты. Принимаемые ими решения, как правило, не имеют для государств юридической силы. И все же им все чаще удается добиваться выполнения тех задач, которые они ставят перед собой, – и не только в профессиональной, но и в политической области. Это касается и таких задач, которые требуют серьезных уступок со стороны государств, вынужденных в ряде случаев поступаться «священным принципом» национального суверенитета. Так, в последние годы некоторым удалось добиться «права на вмешательство во внутренние дела суверенных государств».

Основным «оружием» МНПО в сфере международной политики является мобилизация международного общественного мнения, а методом достижения целей – оказание давления на межправительственные организации (прежде всего на ООН) и непосредственно на те или иные государства. Именно так действуют, например, Гринпис, Международная амнистия, Международная федерация по правам человека или Всемирная организация борьбы против пыток (последняя показательна и в том отношении, что объединяет усилия более 150 национальных организаций, целью которых является борьба против применения пыток). Поэтому МНПО подобного рода нередко называют «международными группами давления». В политической социологии термин «группы давления» фиксирует отличие общественных организаций от политических партий. Если партии стремятся к достижению и исполнению властных функций в обществе, то группы давления ограничиваются стремлением, с целью защиты своих интересов, оказывать влияние на власть, оставаясь вне властных структур и институтов (например, профсоюзы, предпринимательские объединения, женские организации и т. п.). Аналогичный характер носят и МНПО с точки зрения как отношения к «власти» и методов действия, так и эффективности в достижении выдвигаемых целей.

Немалое влияние на существо и направленность изменений в характере международных взаимодействий оказывают такие специфические неправительственные организации, как транснациональные корпорации (ТНК), которые «подтачивают» национальный суверенитет государств в такой важной сфере общественных отношений, как экономика. Это предприятия, учреждения и организации, целью которых (в отличие от МНПО) является получение прибыли и которые действуют через свои филиалы одновременно в нескольких государствах, в то время как центр управления и решений той или иной ТНК находится в одном из них.

Крупнейшие ТНК обладают огромными экономическими ресурсами, дающими им преимущества в этом отношении не только перед малыми государствами, но нередко и перед средними и даже великими державами. Так, объем зарубежных продаж фирмы «Эксон» к середине 1970-х гг. достиг свыше 30 млрд долл., что превысило объем внутреннего национального продукта (ВНП) такой экономически

развитой страны, как Швейцария¹ и лишь немногим уступало ВНЦ Мексики. Это дает ТНК возможность оказывать в своих интересах существенное воздействие и на политическую сферу как в странах базирования, так и в мире в целом. Характерный пример в данном отношении – роль американской компании ИТТ в свержении правительства С. Альенде в Чили в начале 1970-х гг.

ТНК – явление достаточно противоречивое. Они, несомненно, способствуют модернизации стран базирования, развитию их народного хозяйства, распространению ценностей и традиций экономической свободы и политического либерализма. Одновременно они несут с собой и социальные потрясения, связанные со структурной перестройкой, интенсификацией труда и производства; новые формы господства и зависимости – экономической, технологической, а нередко и политической. В ряде случаев последствия их деятельности ведут к дальнейшему обострению уже имеющихся и возникновению новых экологических проблем, к разрушению национальных традиций, конфликту культур. Бесспорно и то, что ТНК усиливают экономическую взаимозависимость и единство мира в хозяйственном отношении, способствуют созданию предпосылок для становления единой глобальной культуры как планетарного, общецивилизационного явления. И это тоже приносит неоднозначные результаты, что и вызывает критику ТНК со стороны различных идейно-теоретических течений как марксистского и неомарксистского, так и либерально-демократического характера. В определенной мере результатом подобной критики явились попытки международного сообщества ввести некоторые ограничения для деятельности транснациональных корпораций, подчинив ее определенным правилам, некоему «кодексу поведения». Однако усилия, предпринятые с этой целью в рамках ОЭСР и ООН, не увенчались успехом, что неудивительно, если учитывать заинтересованность наиболее развитых в экономическом и наиболее влиятельных в политическом отношении стран в беспрепятственном функционировании рыночной экономики.

В современном мире насчитывается не менее 7 тыс. ТНК, имеющих около 26 тыс. филиалов в различных странах на всех континентах. Однако их непосредственная экспортно-импортная и инвестиционная деятельность затрагивает, главным образом, три экономические зоны, представленные США, ЕЭС и Японией, и вне этих зон касается еще около десятка развивающихся государств. Относительная защищенность рынков, развитость инфраструктур, образовательной, исследовательской и информационной сфер, обеспечивающих гарантии в необходимой высококвалифицированной рабочей силе, влекут за собой распространение передовых технологий, сходство в образе и уровне жизни и потребления во всех трех экономических зонах. Экономические процессы, контролируемые ТНК, охватывают большую часть мировой торговли, финансовых обменов и передач передовых технологий. Так, торговые связи между США и остальным миром в 80 % случаев сконцентрированы в руках ТНК. Указанные процессы способствовали ускоренной экономической интеграции в Европе, Америке и Азии, усилению

---

¹ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974. С. 77.

конкуренции и в то же время взаимозависимости между главными экономическими регионами современного мира. Вместе с тем они имели не менее серьезные последствия и политического характера.

Таким образом, ТНК обладают определенной автономией в своих решениях и деятельности, способны вносить изменения в международные отношения, учитываются государствами в их внешней политике, т. е. отвечают всем признакам влиятельного международного актора.

В меньшей степени этим признакам отвечают такие участники международных отношений, как национально-освободительные, сепаратистские и ирредентистские движения, мафиозные группировки, террористические организации, региональные и местные администрации, отдельные лица. Часть из них, например, национально-освободительные и сепаратистские движения, являются, скорее, международными субъектами в вышеприведенном социологическом (а не юридическом) значении этого термина, т. е. они стремятся стать акторами (в данном случае, суверенными государствами). С этой целью они добиваются членства или хотя бы статуса наблюдателя в авторитетных межправительственных организациях, считая участие в них важным звеном в обретении статуса международного актора. Так, ООП является членом Лиги арабских государств, организации «Исламская конференция», Движения неприсоединения и обладает статусом наблюдателя в ООН. Это, однако, не давало ей, вплоть до последнего времени, полной легитимности в глазах некоторых международных акторов (прежде всего, Израиля, но также, в известной степени, и таких арабских государств, как Оман и Иордания). Несмотря на провозглашение председателем ООП Я. Арафатом на сессии Национального Совета Палестины 15 декабря 1988 г. создания Палестинского государства и признание его большинством арабских государств, фактического образования такого государства не произошло.

Таким образом, одна из устойчивых тенденций международных отношений, существование которой (так же как и существование тенденции нарастающей взаимозависимости) признается сегодня всеми теоретическими направлениями международно-политической науки, состоит в росте числа и многообразия социальных субъектов, принимающих либо непосредственное участие в их функционировании, либо оказывающих существенное влияние на их состояние. Это касается традиционных международных акторов – государств и межгосударственных институтов, и еще в большей мере таких относительно новых участников, как транснациональные корпорации, неправительственные организации, различного рода ассоциации, устойчивые группы (вплоть до мафиозных структур) и выдающиеся личности. Но, пожалуй, еще более впечатляющими являются те изменения, которые вносят сегодня в характер и состояние международных отношений различного рода временные объединения и «неорганизованные» частные лица.

Как отмечают исследователи, наш мир, «особенно мир политики», определяется, по крайней мере частично, факторами, относящимися к так называемой основной, или абсолютной, случайности, как в биологической теории эволю-

ции. Впечатляющие изменения, которые вносит сегодня в характер и состояние международных отношений все более широкое участие в них различного рода временных объединений и «неорганизованных» частных лиц, связаны, прежде всего, именно с тем, что такое участие становится источником абсолютной случайности в этой сфере. В наши дни в международных отношениях наблюдается переход от ситуации риска, свойственной периоду «холодной войны», к ситуации сомнения. Отсюда сформулированный М. Николсоном «парадокс участия», в соответствии с которым рост открытости международной системы и увеличение числа и многообразия ее участников, выражающиеся в том числе в свободе передвижений, обменов и взаимодействий частных лиц различных государств, вносят беспорядок в международные отношения, увеличивают их хаотичность. Чем меньше количество участников системы и степень их разнородности, тем более упорядоченной оказывается сама система и легко предсказуемыми последствия отдельных действий. Если же система начинает пополняться все новыми членами, то предсказуемость, а заодно и совершение эффективных действий, становятся все более трудными.

Сегодня в роли международного актора может выступить любая социальная общность или индивид, если они имеют ту или иную степень автономии при принятии ими своих решений, если они оказывают определенное влияние на международные отношения, а также если их действия или намерения учитываются другими акторами при выработке собственной международной (мировой) политики. Возрастающая взаимозависимость приводит к развитию функционального и институционального международного сотрудничества, участниками которого выступают различные предприятия, фирмы, административные структуры и граждане приграничных зон соседних государств, а также регионы и отдельные города различных стран.

Все более важными субъектами в международных отношениях становятся международные организации. Они обычно разделяются на межгосударственные или межправительственные и неправительственные организации. Межгосударственные организации являются стабильными объединениями государств, основанными на договорах, обладают определенной согласованной компетенцией и постоянными органами.

Сложность межгосударственных отношений в политической сфере, потребность регулировать международную жизнь привели к созданию неправительственных организаций. Неправительственные организации имеют более сложную структуру, чем межгосударственные. Они могут быть и чисто неправительственными, а могут иметь смешанный характер, то есть включать и правительственные структуры, и общественные организации, и даже индивидуальных членов.

Как субъекты международных отношений международные организации могут вступать в межгосударственные отношения от своего собственного имени и в то же время от имени всех государств, входящих в них. Число международных организаций постоянно растет. Международные организации охватывают самые разные аспекты международных отношений. Они создаются в экономической, по-

литической, культурной, национальной областях, имеют определенные особенности и специфику.

В качестве примера различных международных организаций можно привести: *региональные организации*, такие, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, Общий рынок), Лига арабских государств (ЛАГ) и т. д.;

организации экономического характера, охватывающие сферу финансов, торговли и так далее, например: Международная торговая палата (МТП), Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР);

организации отдельных отраслей мирового хозяйства, например: Международное энергетическое агентство (МЭА), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), Организация стран экспортеров нефти (ОПЕК) и т. д.;

политико-экономические организации, например: Организация африканского единства (ОАЕ);

профессиональные организации: Международная организация журналистов (МОЖ); Международная организация криминальной полиции (ИНТЕРПОЛ);

демографические организации: Международная демократическая федерация женщин (МДФЖ), Всемирная ассоциация молодежи (ВАМ);

организации культуры и спорта: Международный олимпийский комитет (МОК), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО);

военные организации: Организация Северо-Атлантического Договора (НАТО), Тихоокеанский Пакт безопасности (АН-ЗЮС);

профсоюзные организации: Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП), Всемирная конфедерация труда (ВКТ);

организации в поддержку мира и солидарности: Всемирный совет мира (ВСМ), Пагоушское движение, Международный институт мира;

религиозные организации: Всемирный совет церквей (ВСЦ), Христианская мирная конференция (ХМК);

Международный красный крест (МКК) – организация, целью которой является помощь военнопленным, другим жертвам войны, катастроф и стихийных бедствий;

экологические организации: Гринпис и др.

Наиболее значимую роль в системе международных отношений играет Организация Объединенных Наций (ООН). Она стала практически первым в истории механизмом широкого многогранного взаимодействия различных государств в целях поддержания мира и безопасности, содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов.

Созданная в 1945 г., ООН превратилась в неотъемлемую часть международной структуры. Ее членами являются 185 государств, что свидетельствует о том, что она достигла практически полной универсальности. Ни одно крупное событие в мире не остается вне поля зрения Организации Объединенных Наций.

В рамках ООН сложился ряд организаций, которые органически вошли в систему международных отношений и как структуры ООН, и как самостоятельные организации. К ним относятся:

ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения);

МОТ (Международная ассоциация труда);

МВФ (Международный валютный фонд);

ЮНЕСКО (Организация, занимающаяся вопросами культуры и науки);

МАГАТЭ (Международная организация по атомной энергии);

ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию);

Международный суд.

Значимыми субъектами мировой политики выступают религиозные организации.

Чрезвычайно влиятельным субъектом формирования и функционирования мировой политики выступают и люди, которым по праву должна принадлежать решающая роль в выработке основных принципов внешнеполитической стратегии как своих стран, так и мира в целом.

Цель – категория во многом субъективная, и судить о ней можно лишь на основании действительных последствий тех действий, которые предпринимаются участниками международных отношений, причем и в этом случае степень достоверности такого суждения отнюдь не абсолютна и далеко не однозначна. Это тем более важно подчеркнуть, что результаты деятельности людей нередко сильно расходятся с их намерениями.

Тем не менее в социологической науке выработан такой подход к пониманию целей, который, не являясь абсолютной гарантией против субъективности, зарекомендовал себя как достаточно плодотворный. Речь идет о подходе с точки зрения поведения субъекта, то есть с точки зрения анализа последствий его поступков, а не его мыслей и декларируемых намерений. Так, если из нескольких возможных последствий какого-либо действия мы наблюдаем то, которое происходит, и имеем основание считать, что его бы не было без желания действующего субъекта, это означает, что указанное последствие и являлось его целью. В качестве примера можно назвать подъем популярности правительства М. Тэтчер в Великобритании в результате его действий по выходу из Мальвинского кризиса.

На основании такого подхода большинство представителей науки о международных отношениях определяют цели как предполагаемый (желаемый) результат действия, являющегося его причиной (побудительным мотивом). Это относится как к сторонникам политического реализма, так и к представителям других теоретических школ в науке о международных отношениях, в том числе марксистского и неомарксистского течений. Последние основываются, в частности, на положении К. Маркса, согласно которому «будущий результат деятельности существует сначала в голове человека идеально, как внутренний образ, как побуждение и цель. Эта цель как задача определяет способ и характер действий человека и ей он должен подчинять свою деятельность».

Средства – пути, способы, методы и орудия достижения целей. Цели и средства – диалектически взаимосвязанные категории. Никакая, даже самая реальная цель не может быть достигнута без соответствующих средств. В свою очередь, средства должны соответствовать цели. Специфика средств, потенциально или актуально находящихся в распоряжении международных акторов, вытекает из особенностей международных отношений и прежде всего из того обстоятельства, что они применяются к общностям, на которые в большинстве своем не распространяется власть отдельного государства. Разные специалисты называют многообразные типы средств, используемых участниками международных отношений в их взаимодействии. Однако в итоге это многообразие сводится к ограниченному количеству типов. В одном случае – это сила, убеждение и обмен, в другом – сила и переговоры, в третьем – убеждение, торг, угроза и насилие и т. д.

Нетрудно заметить, что по существу речь идет о совпадающей типологии средств, полюсами которой выступают насилие и переговоры. При этом насилие и угроза могут быть представлены как элементы силы, а убеждение и торг – элементы переговоров. Каждое из названных понятий отражает относительно широкую совокупность путей, методов, способов и инструментов достижения цели, которые в реальной действительности международных отношений используются в самых различных сочетаниях, поэтому выделение их в «чистом виде» – не более чем абстракция, служащая задачам анализа.

Так, следует отметить возрастающую роль убеждения и переговоров, иначе говоря, политических средств во взаимодействии современных участников международных отношений. Эти средства предполагают налаживание систематических, постоянных связей и контактов между ними, ведут к росту взаимного доверия. Успеху политических средств способствует наличие у сторон взаимных интересов. Например, именно общая заинтересованность участников ОБСЕ в безопасности и стабильности на Европейском континенте активно способствовала принятию в ноябре 1990 г. Парижской хартии для новой Европы, в которой признается окончание эпохи конфронтации между Востоком и Западом. С другой стороны, и несовпадение интересов не является препятствием для успешного применения политических средств участниками международных отношений. Более того, специалисты, занимающиеся теорией и методологией переговоров, именно в несовпадении интересов усматривают одну из предпосылок успеха, отмечая, что «удовлетворительное соглашение становится возможным потому, что стороны хотят разного... Различия в интересах и убеждениях открывают возможность того, что тот или иной аспект оказывается весьма выигрышным для вас, но малоценным для другой стороны».

Как уже отмечалось, категории «цели» и «средства» являются соотносительными. Они соответствуют не различным событиям, поведениям и действиям участников международных отношений, а их различному положению по отношению друг к другу. Определенное событие, поведение или действие является средством по отношению не к любой, а к определенной цели. Последняя, в свою

очередь, может выступать средством по отношению к другой цели. Установление соответствия между целями и средствами отражено категорией «стратегия». Специалисты в данной области отмечают, что характер и диалектику любой стратегии определяют: 1) существенное воздействие на кого-то или что-то; 2) средства и способы далеко идущего воздействия; 3) перспективно-динамичная ориентация цели. В общем виде стратегия может быть определена как долговременная линия поведения, соединяющая науку и искусство в достижении перспективной цели.

В настоящее время категория «стратегия» приобрела довольно широкий смысл, возникли понятия экономической стратегии, политической стратегии, стратегии развития предпринимательства, стратегии банковского дела... вплоть до «стратегии продажи арбузов в больших городах». Однако во всех случаях стратегия понимается именно как наука и искусство соотнесения целей с имеющимися средствами. Согласно классической военной науке, например, решающее условие высшей победы – это численный перевес над противником. В прямом кратковременном столкновении главным фактором является количество средств (живой силы и вооружений), имеющихся в распоряжении у каждого из противников. В то же время Наполеон выиграл итальянскую кампанию, не располагая необходимым перевесом над силами противника в целом. Дело в том, что он сумел так распределить свои силы, что при каждом прямом столкновении имел над ним локальное и временное превосходство. Таким образом, успешное достижение цели зависит не только от наличных средств, но и от того, как они используются, то есть от стратегии.

Вопреки встречающемуся иногда мнению, было бы ошибкой считать, что вплоть до середины XX в. стратегия в теоретическом и практическом смысле была исключительной принадлежностью военного искусства и войн¹. Традиционные постоянные интересы государств – безопасность и процветание – могли достигаться лишь при благоприятном соотношении сил. Поэтому традиционными средствами достижения целей были не только войны, но и «дипломатическо-стратегическая игра», направленная на достижение указанного соотношения. Роль стратегии того или иного актора международных отношений в данном случае заключалась в том, чтобы дипломатическими средствами противостоять давлению более сильных акторов, а также компенсировать собственные геополитические или демографические недостатки. И все же решающим средством участников международных отношений вплоть до последнего времени оставалась военная сила. Поэтому и основным направлением дипломатической стратегии было формирование коалиции и союзов, призванных обеспечить перевес в силе над потенциальным и актуальным противником, а война, в полном соответствии с известной формулой К. Клаузевица, стала продолжением политики иными средствами.

В новых условиях это положение коренным образом меняется. Взаимозависимость мира, его хрупкость перед разрушительными последствиями применения

---

¹ Кукулка Е. Проблемы теории международных отношений. М., 1980. С. 126.

современных средств массового уничтожения, перед опасностью других глобальных проблем требует от участников международных отношений решительного разрыва с прежними стратегиями в отношениях друг с другом. Изменяется и содержание понятия «сила».

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

Мурадян А.А. Самая благородная наука. Об основных понятиях международно-политической теории. М.: Междунар. отношения, 1999.

Современная мировая политика. Прикладной анализ: Учеб. пособие / Под ред. А.Д. Богатурова; МГИМО (У) МИД РФ. М.: Аспект-Пресс, 2009.

Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: ПЕР СЭ, 2005.

Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита; пер. с англ.; общ. ред. и предисл. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002.

Теория международных отношений: Хрестоматия / Науч. ред. П.А. Цыганков. М., 2003.

Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений: Учеб. пособие. М.: Радикс, 1994.

Баланс сил в мировой политике: теория и практика: Сб. стат. / Под ред. акад. АЕН России Э.А. Позднякова. М., 1993.

Бурлацкий Ф.М., Галкин Л.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.

Бурмистрова Т. Ю. Международные отношения: Метод. пособие. 2-е изд., доп. СПб., 1994.

Государственные, национальные и классовые интересы во внешней политике и международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 2.

Кукулка Е. Проблемы теории международных отношений. М., 1980.

Кунадзе Г. Новое мышление тоже стареет // Новое время. 1991. № 11.

Международные отношения: теории, конфликты, организации: Учеб. пособие / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Альфа-М, 2004.

Най Дж.С.-мл. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.

Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976.

Удалов В.В. Баланс сил и баланс интересов // Международная жизнь. 1990. № 5.

Цыганков А.Л. Ганс Моргентау: взгляд на внешнюю политику // Власть и демократия. Зарубежные ученые о политической науке. М., 1992.

Тема 4. Система международных отношений

1. Понятие международной системы.
2. Модели систем международных отношений.
3. Структура и функции системы международных отношений.
4. Среда системы международных отношений.

Начало третьего тысячелетия предлагает нам принципиально новую карту международной реальности, где действует созвездие сложных ансамблей сил, трендов, тенденций, векторов. Современные международные отношения отличаются не только беспрецедентная динамика, но и сложность и многомерность. Во взаимосвязи они представляют систему «вызовов» для мирового сообщества. И в этом контексте сфера международной жизни предстает как сложнейший комплекс взаимодействующих между собой сторон единого целого – *системы*¹.

В данной связи отмечается, что в этих условиях ученые не в состоянии вывести некую определенную формулу, которую можно было бы безоговорочно использовать при анализе конкретных ситуаций, складывающихся в международной жизни. Классическим стал пример, что крупнейшие события мировой истории конца XX – начала XXI в. не позволили теории международных отношений (ТМО) предвидеть падение Берлинской стены, окончание «холодной войны», исчезновение СССР и т.д.²

Разумеется, это не означает, что исследование международных проблем не имеет перспективы. Лишь изучая все тонкости и детали функционирования системного механизма, действующего в сфере международных отношений, исследуя его эволюцию, накапливая эмпирический материал, мы получаем возможность постоянно совершенствовать и усложнять свои теоретические построения, укреплять их достоверность.

Если рассматривать международные отношения как явление, то ему должны быть присущи постоянные, не изменяющиеся во времени черты, качества, особенности. Такие неизменные характеристики явления в науке XX в. называются *инвариантами*. В свою очередь, они оказываются основой любой системы. Международные отношения необходимо изучать как некую целостную систему, функционирующую по определенным закономерностям.

---

¹ См. подробно: Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009. С.39–48.

² Цыганков П.А. Эволюция западных теоретических подходов к исследованию международных отношений. Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 17.

Вопрос заключается в том, как применять понятие «система» к международным отношениям? Понятие системы широко используется представителями самых разных теоретических направлений и школ в науке о международных отношениях. Обычно в литературе систему определяют как совокупность элементов, компонентов, предметов, которые соединяются друг с другом и образуют тем самым некую целостность, и эти связи, образующие данную целостность, обусловлены характером господствующей *структуры*. Следовательно, система международных отношений – это совокупность составляющих ее элементов, между которыми существуют устойчивые связи, зависимости, отношения. Система обладает рядом таких признаков, как *целостность*; *упорядоченность*; *интегральность*; *структурность*.

Система позволяет выделить в непрерывной изменчивости МО три уровня констант: *структурный*, образуемый исторически накапливающимися «слоями» качественных перемен в международной жизни; *функциональный*, обеспечивающий жизнь и работу структуры безотносительно к ее социальному, политическому, иному содержанию; *связи и отношения со средой*, в которых данное явление возникло и существует.

Это означает, что (а) какая-то структура у международных отношений есть всегда, т. е. их можно подразделить минимум на «центр» и «периферию» своего времени и (б) эта структура с разной мерой жесткости, но диктует ее участникам свои «правила поведения», выражающиеся не столько в четких импульсах («что можно и чего нельзя»), сколько в наличии перед каждым из участников диапазона возможностей, использование которых зависит уже от самого этого участника.

Концепция международной системы базируется на идее об основополагающей роли структуры в познании ее законов. Структура позволяет понять и предсказать линию поведения на мировой арене государств и других акторов, обладающих неодинаковым весом в системе международных отношений. Именно состояние структуры международной системы является показателем ее устойчивости и изменчивости, сотрудничества и конфликтности. Именно в структуре выражаются законы функционирования и трансформации системы.

Р. Арон выделял три структурных измерения международных систем: 1) конфигурацию соотношения сил; 2) иерархию акторов; 3) гомогенность или гетерогенность состава. Он считал главным показателем конфигурацию соотношения сил. Именно она отражает существование «центров власти» в международной системе и накладывает отпечаток на взаимодействие между ее основными элементами – акторами и, прежде всего, суверенными государствами.

Нормальное функционирование структуры в системе международных отношений в определяющей степени зависит от такого действующего механизма, как *упорядоченность* взаимодействия компонентов, образующих данную целостность. Следовательно, выделение в содержательной части международно-политической науки, наряду с *системой международных отношений*, а также характеристик *международного и мирового порядка*, является вполне обоснованным и оправданным.

Система международных отношений характеризуется изменчивостью. Поэтому ей присуще состояние переходности от порядка к хаосу и, наоборот. Разумеется, сокращение «меры порядка» и возрастание «меры хаоса» ведет к разрушению функционирующей системы международных отношений. Однако жесткая дихотомия, резкое противопоставление хаоса порядку, абсолютизация одного или другого в системе международных отношений показали свою несостоятельность, неспособность прояснить сущность этих явлений, уловить богатство их взаимосвязей. В центр проблемного поля изменения и развития международных отношений ставятся уже не сами по себе порядок или хаос, а вопрос о системе «порядок-хаос», трансформирующийся в проблему взаимосвязи рационального и иррационального, стабильности и нестабильности, определенности и неопределенности, торможения и ускорения.

Система – не просто набор элементов. Между её элементами возникают особого рода отношения – *связи*. Чем больше элементов и, главное, чем насыщеннее и интенсивнее связи между ними, тем сложнее система. Такая система уже требует учёта её структуры (конфигурации связей) и функций (природы и содержания связей). Система как целостность обладает особыми интегративными (системными) качествами, которые отсутствуют у отдельно взятых элементов и которые проявляются только в рамках целого, что и позволяет отделять одну качественно определённую систему от других систем¹.

Система международных отношений включает в себя разнообразные виды и формы отношений государств, межгосударственных объединений – коалиций, союзов, интеграционных групп, а также различных международных и межправительственных организаций, транснациональных корпораций и т.д.².

В международных отношениях идея *системности* учитывает, что государства стремятся существовать и признавать правомерность интересов друг друга, чтобы гарантировать стабильность международных отношений. Следствием такого взаимного стремления является взаимозависимость государств и необходимость правовой регламентации базовых аспектов международной деятельности. Системность, как отмечает в этой связи А.С. Маныкин, практически безоговорочно стала ключевым понятием в теории международных отношений. Сама жизнь предопределила победу сторонников системного подхода к изучению международных отношений над историками-традиционалистами, которые сводили исследование всей сферы межгосударственных отношений лишь к анализу двусторонних контактов ведущих мировых держав.

Системность – понятие историческое. Вопросы о причинах, времени возникновения системности в международных отношениях являются предметом нескончаемых дискуссий. Причины возникновения системности в международных отношениях: *наличие комплекса устойчивых целей акторов; необходимость стабильности и предсказуемости долговременных взаимоотношений между го-*

---

¹ См.: Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Под ред. В.И. Гантмана, М., 1984. С. 16.

² См.: Там же. С. 18.

сударствами; наличие правовой регламентации международных отношений. В принципе сложно взаимосвязанный, взаимообуславливающий характер межгосударственные отношения приобрели достаточно рано, однако не сразу.

Конечно, определенные элементы системности можно найти в ранней истории международных отношений. Были даже отдельные, весьма неустойчивые и сравнительно недолговечные локальные протосистемы, например, города-государства в античной Греции или государства в Северной Италии в XIV–XV вв. Но не эти крохотные островки системности определяли положение дел на международной арене. Чтобы приобрести черты системности, системной взаимосвязи те или иные отношения и группы отношений должны были созреть – то есть приобрести, во-первых, *устойчивость* и, во-вторых, *достигнуть достаточно высокого уровня развития*. До середины XVII в. на этом поле царили хаос и анархия. Не особенно заботясь о последствиях, крайне неустойчивые и несовершенные политические образования спорные вопросы решали военно-силовым путем – других методов они практически не знали. Да и сами эти многочисленные конфликты носили сумбурный характер, сплошь и рядом порождались не столько реальными интересами государств, сколько династическими амбициями. Мир был предельно разобщен, какое-либо серьезное взаимодействие и взаимовлияние между различными регионами практически отсутствовали. Очевидно, что в такой ситуации не могло существовать устойчивых системных связей в сфере межгосударственных отношений.

Можно согласиться с мнением тех исследователей, которые склонны вести отсчет системности в международных отношениях с середины XVII в., точнее с момента окончания Тридцатилетней войны и заключения в 1648 г. Вестфальского мира. На чем основывается это утверждение? XVII век – время бурного развития капиталистических отношений в Европе, в короткий срок изменивших лицо континента. Именно они дали решающий импульс, приведший к оформлению в Западной Европе первых устойчивых национальных государств – Англии, Франции, Нидерландов, Швеции, Испании, которые взяли на себя роль несущих конструкций, держащих здание всей европейской системы.

Появление первых национальных государств серьезно видоизменило не только политическую карту Европы, но и характер межгосударственных отношений. От не мотивированных, кроме воли монарха, связей национальные государства постепенно начинают переходить к системному типу контактов, которые характеризуются рядом вполне определенных признаков и, прежде всего, относительной устойчивостью и предсказуемостью, что базировалось на появлении у них целого комплекса осознанных интересов. Это, в свою очередь, создает предпосылки для структурирования всей совокупности межгосударственных отношений, выстраивания определенной иерархии вокруг основных центров силы, т.е. государств, которые аккумулировали объем мощи, достаточный для оказания решающего влияния на развитие европейских событий.

Тем не менее время от времени в отдельных странах принципы системности ставились под сомнение. К руководству в этих странах приходили люди, твердо

убежденные, что именно на них возложена миссия переустройства мирового сообщества на неких универсалистских началах, и что ради этого, они вправе ломать все устоявшиеся нормы и принципы взаимоотношений между государствами. Происходило это обычно в переломные моменты существования человеческой цивилизации, когда решались вопросы о будущих магистральных направлениях общественного развития. Такие ситуации, как правило, сопровождаются мощными всплесками идеологической полемики, появлением полярных концепций, полностью отрицающих базовые положения друг друга. Когда они возводятся в ранг официальной государственной политики какой-либо из великих держав, это сразу резко увеличивает потенциал конфликтности в международных отношениях. Однако подобные моменты являются, скорее, исключением, чем правилом.

В роли основоположника *системной теории* западные исследователи чаще всего называют Людвига фон Берталанфи, работы которого в этой области получили широкое научное признание. В 30-е годы XX в. он выдвинул теорию открытых биологических систем, в конце 40-х сформулировал программу построения общей теории систем, включавшую принципы и законы их поведения. Однако это не означает, что системный подход не использовался раньше. Например, одна из глав известной работы Томаса Гоббса «Левиафан» была названа «О системах...» (XVII в.), а в 20-е гг. XX в. русский ученый А.А. Богданов издал двухтомный труд «Всеобщая организационная наука (тектология)», в котором были проанализированы все основополагающие понятия системного подхода, такие, как «система», «элементы», «связи», «структура», «среда», «устойчивость».

Краткое содержание основных понятий системной теории может быть представлено следующим образом: а) исходным для нее является понятие «система», которое Л. Берталанфи определил как «совокупность элементов, находящихся во взаимодействии друг с другом»; б) «элементы» – это простейшие составные части системы, ее субъекты, определенный тип отношений между которыми отделяет систему от внешней среды; в) «среда» есть то, что влияет на систему и с чем она взаимодействует; различаются два вида среды: внешняя среда (окружение системы – *environment*) и внутренняя среда – контекст; г) «структура» как понятие имеет несколько аспектов, отражающих различные степени сложности самой системы; 1) соотношение элементов системы, совокупность их связей; 2) способ организации элементов в систему; 3) совокупность принуждений и ограничений, которые вытекают из существования системы и ее элементов; д) «функции» системы – это ее реакции на воздействия среды, направленные на сохранение устойчивости системы, ее выживания.

В свою очередь, «функция» системы – это ее реакция на воздействия среды, направленная на сохранение определенного типа отношений между элементами системы, т.е. на сохранение «устойчивости» данной системы. С понятием «функция» тесно связано понятие «процесс». В рамках системного подхода процесс – это «взаимодействия между элементами, особенно прочные и периодически повторяющиеся модели таких взаимодействий». Используя понятие «процесс» (исследователь) рассматривает, как в действительности элементы взаимодей-

ствуют друг с другом в ограниченных рамках структуры и своих способностей к взаимодействию, и особенно уделяет внимание прочным и периодически повторяющимся моделям динамики взаимодействия».

Каждому качественно выраженному периоду международных отношений соответствует определенная *модель системы*. Это понятие означает *замкнутый тип структурной организации системы, развивающийся по определенному алгоритму, характерному для данной исторической эпохи*. Иными словами, понятие «модель» служит для того, чтобы отражать *отличия в уровне развития системности в международных отношениях*. Оно позволяет показать ту конкретную форму, которую принимает система международных отношений в данную историческую эпоху. Для описания той или иной модели используется ряд параметров, с помощью которых и осуществляется сопоставление состояния системы международных отношений на различных исторических отрезках, оценивается степень эффективности каждой конкретной формы организации мирового сообщества.

Решая проблему сравнения эффективности различных моделей системы международных отношений, необходимо учитывать, что это одна *из наименее организованных и структурированных общественных систем*. Отсюда и сложность четкого выделения сопоставимых критериев, с помощью которых можно было бы определять степень прогресса в развитии системности в международных отношениях в данный исторический момент. В том, что такой прогресс есть, сомневаться не приходится. Каждая новая модель системы международных отношений более организована, более структурирована, более предсказуема, чем предшествующая.

С вопросом о методике сопоставления различных моделей международных отношений тесно связана проблема определения степени их *эффективности*. Для сравнения чаще всего используют такие показатели, как стабильность, гибкость в решении конфликтов, способность адекватно реагировать на новые проблемы. Однако эти общие, вполне разумные критерии не особенно помогают при анализе конкретных вопросов, связанных с оценкой эффективности той или иной модели международных отношений.

Как, например, определить, насколько стабильна та или иная модель? По количеству военных или иных конфликтов? Очевидно, Первая мировая война по своим масштабам на много порядков превосходила все вместе взятые военные конфликты конца XIX – начала XX в. Означает ли это, что, например, серия коротких локальных войн, прокатившихся по планете в это время, может не учитываться при определении степени стабильности системного механизма той эпохи? Ясно, что чисто количественные подсчеты здесь вряд ли помогут прояснить ситуацию и адекватно оценить состояние действовавшей тогда модели международных отношений. Так, вполне сопоставимые по количественным показателям Война за испанское наследство и Семилетняя война в реальной истории имели совершенно разнонаправленные векторы влияния на эволюцию Вестфальской системы международных отношений. Первая фиксировала завершение фазы консолидации, а вторая знаменовала собой начало кризиса данной модели. Как объяснить этот факт? Понятно, что простые арифметические подсчеты здесь явно не подходят.

Необходимо сопоставление текущего состояния системы по целому ряду более сложных параметров. Сходная ситуация и в отношении двух других критериев – гибкости в разрешении конфликтов и способности той или иной модели реагировать на новые проблемы. Эти критерии легко декларировать, но не просто применить на практике. Поэтому, не умаляя важности теоретической проработки данной проблемы, подчеркнем, что только максимально детальный конкретно-исторический анализ каждой из известных моделей международных отношений может помочь найти убедительный ответ на вопрос о степени их эффективности.

Проблемы периодизации. В процессе исторического развития происходит смена одной модели системы международных отношений другой. Таким образом, вся история системности в международных отношениях естественным образом разделяется на ряд крупных этапов, каждый из которых существенно отличается друг от друга по своему внутреннему содержанию, динамике развития, уровню конфликтности и степени стабильности. В историографии нет единой точки зрения на проблемы периодизации международных отношений, причем диапазон расхождений достаточно велик. И это отнюдь не схоластические споры. За ними кроются принципиально разные взгляды на суть процессов, характеризующих и определяющих эволюцию международных отношений на том или ином отрезке. Большинство исследователей, однако, сходятся в том, что каждая модель международных отношений проходила в своем развитии вполне определенный цикл, состоящий из нескольких фаз: от фазы становления к консолидации, а затем к устойчивому развитию, после чего начинается кризис данной модели, переходящий в ее распад.

Исходной точкой каждого нового витка развития становится крупный военный конфликт (Тридцатилетняя война, наполеоновские войны, Первая мировая война, Вторая мировая война), в процессе которого происходила кардинальная перегруппировка сил, менялся баланс сил и интересов, радикально «перекраивалась» политическая карта мира. Исключение составляет переход от биполярной модели к некой новой форме организации мирового сообщества, происходящий в наши дни. Это, однако, предмет особого разговора. В остальных же случаях выход на новый виток развития происходил через масштабный военный конфликт.

Когда чисто военная стадия конфликта приближается к завершению, на повестку дня выходит вопрос о фиксации его итогов в договоре или серии договоров, которые победители считают необходимым закрепить в правовых актах. Иными словами, утверждается новый, долговременный статус-кво в отношениях как между победителями и побежденными, так и внутри лагеря победителей. Классическими примерами подобных событий можно считать конференции в Оснабрюкке и Мюнстере (1648), где вырабатывались условия Вестфальского мира, Венский конгресс (1815), поставивший точку в наполеоновских войнах, Парижскую мирную конференцию (1919), занимавшуюся проблемой мирного урегулирования после Первой мировой войны, и, наконец, Потсдамскую мирную конференцию (1945).

Например, в ходе наполеоновских войн Англия и Россия вынужденно действовали как союзники. Добившись победы, они стали творцами и главными

опорными элементами новой модели международных отношений. Принципы ее бытия достаточно детально прописаны и, казалось, в должной мере учитывали государственные интересы и Англии, и России. Сложность заключалась в том, что жизнь почти сразу начала ставить перед этими государствами новые вопросы, о существовании которых практически никто не подозревал, например проблемы национально-освободительного движения – на Балканах, в Италии, в Латинской Америке, Польше, Венгрии. Каждой из великих держав требовалось время для того, чтобы адаптировать собственные представления о том, как относиться и как реагировать на эти новые сложные и важные реальности международных отношений.

Приведем другой пример. В Ялте и Потсдаме, где партнеры по антигитлеровской коалиции обсуждали основные принципы послевоенного устройства мира, даже по очевидным и традиционным проблемам (судьба побежденных держав, послевоенные границы, принципы деятельности международной организации по поддержанию мира) между ними выявилось немало глубоких расхождений. Но к этим достаточно серьезным вопросам неожиданно прибавился еще один – вначале США, а затем СССР, стали обладателями ядерного оружия, в корне изменившего всю военную стратегию. А поскольку в середине XX в. вопросы внешней и военной политики стали в ряде случаев почти неразделимы, то и вся внешнеполитическая стратегия членов «ядерного клуба» стала быстро меняться. Естественно, участники Ялтинской и Потсдамской конференций не могли в полной мере предвидеть всех последствий создания ядерного оружия. Требовалось время для того, чтобы лидеры двух сверхдержав смогли методом проб и ошибок выработать модус своих взаимоотношений, адаптировать свои интересы к реалиям ракетно-ядерного века. Эти процессы и определили сущность фазы консолидации биполярной модели.

От темпов и степени разрешения новых проблем напрямую зависят длительность и эффективность *фазы консолидации*. В оптимальном варианте она создаст достаточно прочную основу для относительно бесконфликтного развития или по крайней мере среду, поддающуюся политико-правовому регулированию. Естественно, противоречия между составными элементами системы не исчезают, но они как бы сглаживаются. В развитии системы на этом отрезке возникает определенная альтернативность. Если консолидация новой модели осуществилась удачно (т. е. великие державы выработали прочный модус взаимоотношений, на основе которого сложился устойчивый баланс сил и интересов), то система переходит в *фазу стабильного развития*, что, однако, не исключает возникновения конфликтных и даже кризисных ситуаций и не ставит непреодолимого заслона на пути постепенно накапливающихся противоречий нового поколения. Стабильность применительно к нашей проблематике означает, что система и ее составные компоненты обладают достаточной прочностью и гибкостью для того, чтобы избегать лобового столкновения великих держав, решать спорные вопросы путем переговоров или в крайнем случае канализировать противоречия в локальные конфликты на периферии системы.

Как справедливо отмечает А.Д. Богатуров, «стабильность не равнозначна статус-кво. Она характеризует вид движения системы, а статус-кво – один из моментов этого движения»¹. Классическим примером подобного развития событий может служить Венская система. Вплоть до Крымской войны ее главным архитектором удавалось с большим или меньшим успехом находить развязки запутанных международных проблем и избегать прямой военной конфронтации великих держав. На ее периферии военные конфликты, естественно, возникали, но, во-первых, это происходило именно на периферии, во-вторых, это были локальные столкновения, в-третьих, удавалось избегать прямого столкновения великих держав. В результате Европа, являясь «становым хребтом» этой модели международных отношений, на несколько десятилетий была избавлена от масштабных потрясений и в то же время имела возможность для плавной, постепенной, достаточно предсказуемой эволюции.

Однако ситуация может развиваться и по другому сценарию. Если фаза консолидации прошла недостаточно успешно, то рассчитывать на долговременную стабилизацию системы не приходится. Подтверждением тому может служить судьба Версальско-Вашингтонской системы. Ее архитекторам так и не удалось найти решения очень многих новых проблем, порожденных выходом человеческой цивилизации на очередной, более высокий виток развития. Это и проблемы, связанные с выработкой модуса сосуществования двух социальных систем, и вызванная этим чрезмерная идеологизация внешнеполитических доктрин великих держав, и коллизии пробуждающегося Азиатского континента, и многое другое. Неразрешенность ряда кардинальных проблем постоянно давала о себе знать, обусловив тот факт, что фаза стабильного развития этой модели оказалась очень короткой, а разразившийся кризис быстро перерос в ее распад, который приобрел обвальный характер.

В каждой системе, в том числе и в системе международных отношений, действуют как *системообразующие*, так и *системоразрушающие* факторы. Первые консолидируют систему, увеличивают ее устойчивость, вторые дестабилизируют ее, ведут к распаду системных связей. К числу консолидирующих факторов следует, прежде всего, отнести объективно существующие, вполне определенные, осознанные и официально сформулированные государственные интересы. Их появление, как уже отмечалось, стало одной из основных предпосылок формирования долговременных политических союзов, центров силы, на которые ориентируются остальные государства. Взаимодействия между этими коалициями или блоками поддерживают баланс сил, своеобразное динамичное равновесие в рамках системного механизма, стабилизирующее его функционирование. Конечно, нет правил без исключений.

Например, сформулированные нацистским руководством государственные интересы Германии не только не консолидировали Версальско-Вашингтонскую систему (1919–1939), но были прямо нацелены на ее демонтаж. Но, во-первых,

---

¹ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 154.

этот случай как раз и попадает в разряд исключений. Во-вторых, когда мы говорим о консолидирующей роли государственных интересов, то предполагаем, что они отражают реальные потребности развития страны, а не надуманные идеологические схемы. Борьба за реализацию государственных интересов только тогда консолидирует систему, помогает ей удерживаться в состоянии равновесия, когда сами эти интересы исходят из того, что для государства выгоднее жить в системе, чем начинать борьбу за ее разрушение. В последние три с половиной века эта мысль достаточно прочно инкорпорировалась в политическую культуру европейских стран.

Концепция международной системы базируется на идее об основополагающей роли *структуры* в познании ее законов. Нескоординированная деятельность суверенных государств, руководствующихся своими интересами, формирует международную систему, главным признаком которой является доминирование ограниченного числа наиболее сильных государств, а ее структура определяет поведение всех международных акторов. Структура позволяет понять и предсказать линию поведения на мировой арене государств, обладающих неодинаковым весом в системе международных отношений.

Подобно тому, как в экономике состояние рынка определяется влиянием нескольких крупных фирм, формирующих олигополистическую структуру, так и международно-политическая структура определяется влиянием великих держав, конфигурацией соотношения их сил. Сдвиги в соотношении этих сил могут изменить структуру международной системы, но сама природа этой системы, в основе которой лежит существование ограниченного числа великих держав с несовпадающими интересами, остается неизменной. Именно состояние структуры международной системы является показателем ее устойчивости и изменчивости, сотрудничества и конфликтности. Именно в структуре выражаются законы функционирования и трансформации системы.

Разные подходы к системному изучению международных отношений обуславливают многообразие различных типологий международных систем. Действительно, в зависимости от пространственно-географических характеристик выделяют, например, общепланетарную международную систему и ее региональные подсистемы-компоненты, элементами которых, в свою очередь, выступают субрегиональные подсистемы.

Так, Ф. Брайар и М.Р. Джалили считают, что существование планетарной (глобальной) международной системы накладывает свой отпечаток на всю международную жизнь, и это стало бесспорной политической реальностью уже в начале противостояния СССР и США и приобрело новые черты с появлением новых самостоятельных международных акторов (бывших колониальных государств) на политической карте мира. В результате планетарная международная система вплоть до начала 1990-х гг. характеризовалась наличием двух главных конфликтных линий, или «осей», разделяющих, с одной стороны, Запад и Восток (идеологическое, политическое, военно-стратегическое противостояние), а с другой – Север и Юг (т.е. экономически отсталые и экономически развитые страны).

Следуя О. Янгу, Ф. Брайар и М.Р. Джалили считают, что, несмотря на целостность планетарной международной системы, в ней неизбежны разрывы, обусловленные тем, что ряд международных взаимодействий не вписывается в нее (иначе говоря, осуществляется автономно). Таково следствие существования региональных подсистем – «совокупности специфических взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая принадлежность». Ф. Брайар и М.Р. Джалили стремятся выявить и описать факторы, влияющие на формирование особенностей, не вписывающихся в планетарную систему взаимодействий в европейской, панамериканской, африканской, азиатских (южно-азиатской, ЮВА, ближневосточной), карибской и отчасти западноевропейских субрегиональных подсистемах.

В качестве относительно самостоятельной функциональной системы в литературе нередко рассматриваются такие виды международных (межгосударственных) отношений, как экономическая, политическая, военно-стратегическая и т.п. системы. Объектом исследований выступают также стабильные и нестабильные (революционные, по определению С. Хоффманна), конфликтные и кооперативные, открытые и закрытые и т.п. международные системы. Например, открытая система – это реальное образование, сохраняющее свои границы (т. е. свое отличие от среды) с помощью гомеостатического механизма сопротивления изменениям. Некоторые исследователи под «открытой» понимают «расплывчатую» систему, которая не имеет четких геометрических границ типа линий или площадей (например, сеть средств массовой информации, политическое объединение, атом водорода).

Закрытая система – это абстракция, так как под ней подразумевается отсутствие контактов данной совокупности элементов с окружающей средой, что лишает смысла само существование закрытой системы, ибо ее постоянное взаимодействие со средой – непереносимое условие. Близка закрытой системе существующая в реальной действительности автономная система, отличия которой в том, что ее структура-организация предполагает сохранение индивидуальности, не прерывая в то же время контактов и обменов с окружающей средой (сводя их до минимума при необходимости сохранения индивидуальности). Особый случай – хаотичная система – высокочувствительная к малейшим изменениям параметров. Ее эволюция может зависеть от самых незначительных изменений условий. В результате причинно-следственная связь носит преимущественно случайный характер.

М. Николсон в качестве критериев типологии некоторых видов систем выделяет случайность и детерминированность, с тем, чтобы подчеркнуть специфику социальных (в том числе и международных) систем¹. С этой точки зрения, полностью случайная система – это система, в которой исключена возможность влияния какого-либо элемента на ее функционирование, т.е. она абсолютно непредсказуема. Напротив, прогнозирование поведения полностью детерминированной системы не представляет затруднений, достаточно выявить причинно-

---

¹ Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах // Индивиды в международной политике / М. Жирар (рук. авт. колл.). М. 1996. С. 137–139.

следственные связи ее функционирования, а их симметричность и повторяемость защитит от каких-либо серьезных ошибок.

Однако, если случайная (точнее не полностью, или отчасти случайная) система имеет вполне определенное отношение к международной политике, то в отношении детерминированной системы, это, чаще всего, исключено. (В чистом виде детерминированные системы редко встречаются и в неживой природе: одно из немногих исключений составляет движение планет Солнечной системы.) К третьей разновидности относится так называемая структурированная система. Ей свойственна высокая степень предсказуемости, поскольку ее недавнее прошлое и современное состояния дают возможность делать достоверные выводы о ее будущем. Но в определенные моменты такая система может претерпевать серьезные трансформации под влиянием незначительных изменений в условиях ее существования. Однако поскольку моменты (точки) неопределенности немногочисленны, то можно говорить о высокой степени предсказуемости структурированной системы. Такая система создает для политического участника идеальную ситуацию: точки неустойчивости становятся теми моментами, когда возможно вмешательство в функционирование системы.

Именно в такие моменты некое политическое действие может реально изменить ход событий. Учитывая, что, преодолев точку неустойчивости, система вновь становится предсказуемой, политический участник получает возможность прогнозировать результаты своих действий и избегать как ситуаций политической беспомощности детерминистской системы, так и ситуаций абсолютной непредсказуемости полностью случайной системы. С увеличением числа точек неустойчивости в системе, естественно, растут и возможности вмешательства участника в ее функционирование. Однако если таких точек становится слишком много, вмешательство становится бесполезным, поскольку его последствия, проходя через точки неустойчивости, станут более зависимыми, даже от минимальных изменений в системе. Как считает М. Николсон, социальные системы следует рассматривать как локально структурированные: «Во всяком случае, мы стремимся исходить из того, что количество действующих переменных невелико, обеспечивается определенный уровень краткосрочной предсказуемости, и частота точек неустойчивости, связанных с совершением решающего выбора, является умеренной».

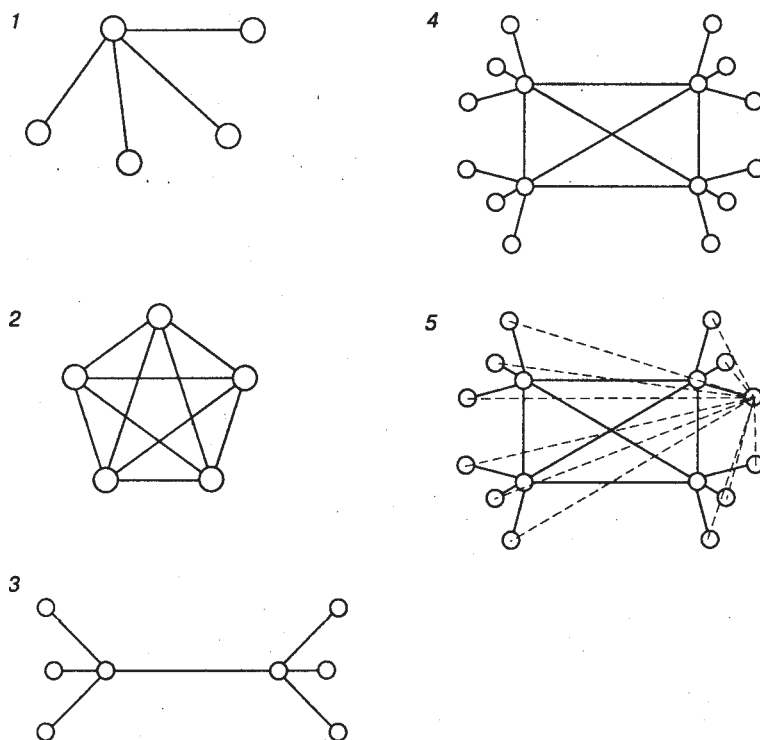
В то же время многообразие типологий международных систем не должно вводить в заблуждение. Практически на любой из них лежит печать теории политического реализма: в основе их выделения, какими бы внешними критериями оно не руководствовалось, лежат, как правило, определение количества великих держав или сверхдержав, распределение власти, межгосударственные конфликты и т.п. – понятия из словаря традиционного направления науки о международных отношениях.

Например, Ф. Брайара и М.Р. Джалили можно причислить, скорее, к французской историко-социологической школе. В качестве же основных детерминант, обуславливающих функционирование и изменение международных систем, они используют критерии политического реализма: с их точки зрения, развитие ЮВА

как субрегиональной подсистемы зависит от квази-сверхдержав – Японии (с экономической точки зрения) и Китая (с точки зрения демографического потенциала). В южно-азиатском субрегионе международная система, следуя их позиции, определяется бесспорным преобладанием Индии и ее соперничеством с другим членом системы – Пакистаном и т. д.

М. Николсон, помимо типов систем, различающихся по критерию детерминированности или случайности, выделяет и такие типы, в основе которых лежит иерархичность или взаимодействие. По его мнению, существует четыре типа международных систем: чисто иерархический; полного взаимодействия; простая реалистическая система; смешанная реалистическая система; и, наконец, комплексная система. В графическом виде они выглядят следующим образом:

Пятый тип, или комплексная система, возникает, когда правительства теряют способность влиять на взаимодействия между своими и чужими негосударственными элементами-участниками, при этом связи между внутригосударственными участниками расширяются и укрепляются. (На рис. 5 связи прямых взаимодействий, обуславливающие значительное усложнение международной системы в наши дни, частично изображены штриховыми линиями).

Сейчас в международно-политической науке широко используются понятия *биполярная, мультиполярная, равновесная и имперская* международные системы. Напомню, что в биполярной системе господствуют два наиболее мощных государства. Если же сопоставимой с ними мощи достигают другие державы, то система трансформируется в мультиполярную. В равновесной системе, или системе ба-

ланса сил, несколько крупных государств сохраняют примерно одинаковое влияние на ход событий, сдерживая «чрезмерные» претензии друг друга. Наконец, в международной системе имперского типа господствует единственная сверхдержава, далеко опережающая все остальные государства своей совокупной мощностью (размерами территории, уровнем вооружений, экономическим потенциалом, запасом природных ресурсов и т. п.).

Типология международных систем М. Каплана включает *шесть систем*, большинство из которых носит гипотетический, априорный характер. Первый тип – «система баланса сил» – характеризуется многополярностью. По мнению М. Каплана, в рамках такой системы должно существовать не менее пяти великих держав. Если же их число будет меньше, то система неминуемо трансформируется в биполярную. Второй тип – «гибкая биполярная система», в которой сосуществуют как акторы-государства, так и новый тип акторов – союзы и блоки государств, а также универсальные акторы – международные организации. В зависимости от внутренней организации двух блоков выделяют несколько вариантов гибкой биполярной системы, которая может быть как сильно иерархизированной и авторитарной (воля главы коалиции навязывается ее союзникам), так и неиерархизированной (если линия блока формируется путем взаимных консультаций между автономными друг от друга государствами).

Третий тип – «жесткая биполярная система». Для нее характерна та же конфигурация, что и для гибкой биполярной системы, но оба блока организованы строго иерархизированным образом. В жесткой биполярной системе нет неприсоединившихся и нейтральных государств, которые имели место в гибкой биполярной системе. Универсальный актор играет в третьем типе системы весьма ограниченную роль. Он не в состоянии оказать давления на тот или иной блок. На обоих полюсах осуществляется эффективное урегулирование конфликтов, формирование направлений дипломатического поведения, применение совокупной силы. «Универсальная система», или четвертый тип, фактически соответствует федерации, которая подразумевает преобладающую роль универсального актора, большую степень политической однородности международной среды и базируется на солидарности национальных акторов и универсального актора.

Например, универсальной системе соответствовала бы ситуация, в которой в ущерб государственным суверенитетам была бы существенно расширена роль ООН. При таких условиях Организация Объединенных Наций имела бы исключительную компетенцию в урегулировании конфликтов и поддержании мира. Это предполагает наличие хорошо развитых систем интеграции в политической, экономической и административно-управленческой областях. Широкие полномочия в универсальной системе принадлежат универсальному актору, который обладает правом определять статус государств и выделять им ресурсы, а международные отношения функционируют на основе правил, ответственность за соблюдение которых лежит также на универсальном акторе.

Пятый тип – «иерархическая система», которая, по сути, представляет собой мировое государство. Национальные государства теряют в ней свое значение,

становясь простыми территориальными единицами, а любые центробежные тенденции с их стороны немедленно пресекаются. Шестой тип международной системы – система «единичного вето», в которой каждый актор располагает возможностью заблокировать систему, используя определенные средства шантажа, при этом имея возможность самому энергично сопротивляться шантажу со стороны другого государства, каким бы сильным оно ни было¹. Иными словами, любое государство способно защитить себя от любого противника. Подобная ситуация может сложиться, например, в случае всеобщего распространения ядерного оружия.

Концепция М. Каплана оценивается специалистами достаточно критически, прежде всего, за ее умозрительный, спекулятивный характер, оторванность от реальной действительности и т. п. Вместе с тем признается, что это была одна из первых попыток серьезного исследования, специально посвященного проблемам международных систем с целью выявления законов их функционирования и изменения. Таким образом, именно *состояние структуры* международной системы является показателем ее устойчивости и изменений, стабильности и «революционности», сотрудничества и конфликтности в рамках системы; именно в ней выражаются законы функционирования и трансформации системы². Зависимость поведения акторов от структурных характеристик системы считается наиболее общей закономерностью международных систем.

Гомогенный (однородный, обладающий одними и теми же свойствами, не имеющий различий в строении) или гетерогенный (неоднородный, состоящий из различных по своему составу частей) характер международной системы выражает степень согласия, имеющегося у акторов относительно тех или иных принципов (например, принципа политической легитимности) или ценностей (например, рыночной экономики, плюралистической демократии). Чем больше такого согласия, тем более гомогенной является система. Чем более она гомогенна, тем больше в ней умеренности и стабильности.

В гомогенной системе государства могут быть противниками, но не политическими врагами. Напротив, гетерогенная система, разрывающаяся ценностным и идеологическим антагонизмом, является хаотичной, нестабильной, конфликтной. Сторонники либеральной парадигмы выдвинули понятие «режима» в качестве структурной характеристики международной системы. В его содержание они вкладывают совокупность регулирующих международные отношения формальных и неформальных принципов, норм, соглашений и процедур принятия решений. Это, например, правила, господствующие в международных экономических обменах, основой которых после 1945 г. стала либеральная концепция, давшая жизнь совокупности таких международных институтов, как МВФ, Всемирный банк, ГАТТ/ВТО и др.

На первый взгляд процесс структурирования новой модели начинается с нуля. Действительно, распад прежней модели подводит черту под существованием ее важнейших атрибутов, к коим относится и структура. Следовательно, все ее признаки уничтожаются. Вместе с тем при формировании новой структуры прежний

¹ См.: Алгулян Д.В. Современные международные отношения. М., 2001. С. 48–75.

² См. подробно: Kaplan M. System and Process in International Politics N.-Y., 1957.

исторический опыт, прежние знания людей о природе международных отношений, несомненно, оказываются востребованными и активно используются. Именно в таком виде и реализуется преемственность в ходе смены системных моделей международных отношений.

Процесс структурирования системы международных отношений набирал размах постепенно. Особенно мощный импульс ему дал Венский конгресс (1815). Четверть века бесконечных военных конфликтов, потрясавших перед этим Европу, неизбежно наводили европейскую политическую элиту на мысль о необходимости прочной стабилизации межгосударственных отношений, исключения из практики самой возможности возникновения нового общеевропейского военного столкновения.

Для этого предстояло вписать всю совокупность проблем, актуальных тогда для Европы, в рамки единой структуры, которая поддавалась бы правовому регулированию и в которой достаточно четко обозначалось персональное место, а, следовательно, и степень влияния каждого участника предполагаемого «европейского концерта». Эта идея нашла воплощение в практике созывов периодических общеевропейских конгрессов, где обсуждались спорные проблемы и делались попытки выработать приемлемые для великих держав решения. Иными словами, эти конгрессы постепенно брали на себя функции политико-правового арбитража.

Согласия среди исследователей по вопросу об *основных структурных формах системы международных отношений* не существует. Их моделирование может базироваться на количестве центров силы (т.е. полярности), факте доминирования державы-лидера в мирохозяйственных связях, общности или различии общественно-политического строя ведущих государств, наличии или отсутствии некоторых этических норм, которыми руководствуются великие державы в своей политике. Так, основатель неореализма К. Уолтц полагает, что система меняется с изменением полярности, и поэтому согласно его концепции, сформулированной в период до распада Ялтинской модели, в истории международных отношений с 1648 г. существовало лишь две системы – многополярная и биполярная. Учет не только количества центров силы, но и характера распределения мощи, интересов и конфликта между основными элементами системы, отличает традиционный для историков международных отношений подход, согласно которому выделяются четыре последовательно сменявших друг друга системы – Вестфальская, Венская, Версальско-Вашингтонская и биполярная. Вместе с тем в рамках школы «политического реализма», наряду с концепцией, в основе которой лежит представление о системах международных отношений как о системах взаимодействия великих держав, будь то биполярных или многополярных, существует теория, рассматривающая их под углом зрения гегемонии того или иного государства. История международных отношений предстает в этой схеме как последовательная смена периодов господства Голландии, Англии, США.

Различные подходы ученых к принципам определения структур международных систем обусловлены выбранными ими методами анализа, их мировоззрением.

Вместе с тем они являются следствием многообразия и комплексного характера самих международных отношений. Это позволяет рассматривать перечисленные выше структурные характеристики как отражающие грани сложной системы в русле современных тенденций изучения международных отношений, отличительной чертой которых является стремление к синтезу исследовательских подходов.

Понятие *среды* – одно из фундаментальных в системном подходе. Оно имеет важное методологическое значение, помогая уяснить функционирование международной системы и ее эволюцию. В международной системе действует закон гомеостазиса (способности системы поддерживать и сохранять внутреннее равновесие вопреки «возмущающим» воздействиям внешней среды), где осуществляется взаимодействие системы с ее элементами (субсистемами), между системой и внешней средой. Вопрос о связях системы МО со средой продолжает до сих пор оставаться во многом дискуссионным.

Исторически социум (позднее – государство, страна, общество) оформлялся в процессе своего самоотграничения от внешней среды, каковой как раз и были международные отношения ранних этапов истории. Позже, когда вся доступная человеку территория планеты оказалась поделенной между странами, народами, государствами, МО стали как бы самодостаточны. Если среда системы МО – общество, то над государством создается следующий, более высокий (наднациональный) уровень регулирования, чему государство как институт не может не сопротивляться.

В самом общем виде под средой международной системы понимается то, что ее окружает. Однако это слишком общее определение мало что дает без дальнейшей конкретизации. *Среда, в отличие от структуры, – это совокупность принуждений внесистемного характера.* В ходе конкретизации выясняется, что применительно как к общественным, так и к природным системам существует не только *внешняя*, но и *внутренняя* среда. Различают также *социальную среду* (совокупность воздействий, происхождение которых связано с существованием человека и общественных отношений) и *внесоциальную среду* (многообразие природного окружения, географических особенностей, распределения естественных ресурсов, существующих естественных границ и т. п.). В качестве промежуточного вида иногда рассматривают воздействия и принуждения, вытекающие из изменений технической базы общества; в других случаях техническая (а также экономическая, военнополитическая, дипломатическая и т. п.) среда понимается как элемент социальной (общественной) среды.

Внешняя среда (*энвайромент*) – это окружение системы, вменяющее ей определенные принуждения и ограничения: климат, ландшафт местности, конфигурация границ, полезные ископаемые и т.п. – оказывает бесспорное влияние на взаимодействие государств и других акторов международных отношений. Иногда такое влияние бывает чрезвычайно большим, если не определяющим: это свойственно обществу как на ранних ступенях его развития, так и в настоящее время – период необычайного обострения экологических проблем.

Внутренняя среда (*контекст*) – это совокупность принуждений, оказываемых на систему ее элементами. Например, деградация исполнительной или законода-

тельной власти может привести к разбалансированию и кризису политической системы. При этом в отличие от структуры, среда – это совокупность принуждений внесистемного характера. Это касается как внешней, так и внутренней (а также социальной и внесоциальной) среды. Влияние регионального соотношения сил на взаимодействие двух или нескольких государств, например, Латинской Америки, с этой точки зрения, является не воздействием среды, а принуждением, определяемым характером структуры данной подсистемы международных отношений. Наоборот, изменения в характере отношений между государствами под воздействием, например, природных факторов (подобных «тресковым войнам» между Исландией и Норвегией, связанным с промыслом уменьшающихся природных ареалов определенных видов рыбы) могут рассматриваться как ситуационные, то есть определяемые изменениями природной среды.

Таким образом, названные понятия облегчают понимание и объяснение процессов, происходящих в социальных отношениях. Вместе с тем необходимо помнить, что они отражают существующие реальности довольно приблизительно, и, следовательно, носят весьма условный характер, ибо действительность, описываемая ими, значительно сложнее. Это особенно верно, когда речь идет о международных отношениях. С этой точки зрения влияние регионального соотношения сил на взаимодействие двух или нескольких государств является не воздействием среды, а принуждением, которое определяется характером структуры данной подсистемы международных отношений¹.

Понятие среды имеет важное методологическое значение, помогая уяснить функционирование системы и ее эволюцию. Вот почему один из основателей системного анализа применительно к политическим наукам, Дэвид Истон, еще в пятидесятые годы XX в. обращал внимание на то, что политическая система испытывает влияние определенных внешних импульсов, идущих от общества, которые воздействуют на нее в виде требований и поддержек, обеспечивая ее бесперебойное функционирование.

В этой связи особую роль играет понятие «системная граница». Граница определяется путем выявления смежного расположения элементов системы. Элемент системной границы – это такой элемент, который соседствует, по крайней мере, с одним элементом системы и одним элементом среды. Как показывает Ж. Эрман, граница системы оказывается просто группой пограничных элементов последней. Система любого типа отношений (политических, экономических, культурных, общественных) обладает относительно динамичной, четкой и измеримой границей, которая, однако, может и не принимать никакой особой геометрической формы.

Существуют и «прерывающиеся границы, и блуждающие, хотя и четко определимые площади». С этой точки зрения национальное государство может быть представлено как сочетание топологического понятия границы и классического географического понятия территории. Как полагает Ж. Эрман, «несмотря на наличие тонкого слоя собственного воздушного пространства, национальное государство есть, прежде всего, отображение в двух измерениях системы социальных

---

¹ Цыганков П. А. Международные отношения. М.: Новая школа, 1996. С. 147–148.

потоков, что упрощает общественные отношения и увеличивает объем случайных взаимодействий элементов, находящихся в броуновском движении»¹.

Таким образом, понятия внешней и внутренней среды облегчают изучение и объяснение процессов, происходящих в социальных отношениях. Вместе с тем необходимо отметить, что они довольно приблизительно отражают реальность и поэтому носят условный характер. Действительность всегда сложнее любых описаний. И в первую очередь это относится к международным отношениям. Например, модель Европейского союза может быть определена как способ организации экономического, дипломатического, военно-политического, культурного и иного взаимодействия входящих в него государств.

Средой по отношению к ЕС будет выступать совокупность других государств, а также различных международных организаций и иных факторов на регионально-географическом (европейском), политическом (ООН и ее институты, Организация американских государств, Организация африканского единства, Лига арабских государств, ОСНАА и т.д.), экономическом (ОЭСР, ОПЕК, ЕАСТ, ЛАЭС и т.д.) и прочих уровнях. Каждый из элементов этой среды оказывает то или иное влияние на функционирование и развитие системы ЕС. Результатом этого будут как изменения, происходящие в данной системе, так и реакция («ответы») на эти влияния со стороны Европейского союза.

Г. и М. Спроут выдвинули идею «экологической триады», в которую входят международный фактор, окружающая его среда (энвайромент) и взаимодействия между ними. Они выделяют несколько типов такого взаимодействия. Первое взаимодействие связано с реальными возможностями существующего энвайромента, т. е. имеющейся совокупностью ограничений среды, которые данный фактор не может преодолеть. Например, персидский царь Дарий не мог уладить свои разногласия с Александром Македонским по телефону. Второе взаимодействие формируется под влиянием вероятностных тенденций данного энвайромента, т.е. в любой ситуации существуют ограничения среды, которые делают вероятным какой-то вполне определенный характер «нормально ожидаемого» поведения.

Третий тип – это тип осознанного поведения фактора, иначе говоря, своеобразие его личностного восприятия окружающей среды (которое может кардинально отличаться от того, чем она является на самом деле) и, соответственно, реакции на ее изменения. Б. Рассет и Х. Старр прибегают в подобной ситуации к аналогии с меню: личность (фактор), находясь в ресторане, «сталкивается» с меню (энвайроментом), которое не определяет его выбор, но ограничивает возможности. Исходя из этого, при условии знания «меню» и индивидуального процесса принятия решений фактором можно проанализировать его поведение.

Методологическая польза подобного рода теоретических моделей не вызывает сомнений. Трудности возникают, когда речь заходит о глобальной, или общепланетарной, международной среде и, прежде всего, о внешней среде глобальной международной системы, для которой описанные выше примеры явля-

---

¹ Эрман Ж. Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики / Пер. с фр. М., 1996. С. 56–57.

ются не более чем контекстом (внутренней средой). Как пишет М. Мерль, внешняя среда глобальной международной системы может быть найдена только в природном окружении: атмосфера, стратосфера, Солнечная система... Но тогда наука о международных отношениях должна будет совпасть с метеорологией или астрологией.

С учетом такого понимания Г. и М. Спруут полагают, что понятие среды операционально при анализе такой конкретной области, как экология, и малопродуктивно при исследовании глобальных международных отношений, которое требует гораздо более высокого уровня абстракции. С точки зрения Д. Сингера, понятие среды можно эффективно применять в изучении международных подсистем. Что же касается глобальной международной системы, то она может рассматриваться лишь как среда международных подсистем, но не как система в точном значении этого термина, так как она не может иметь отношений (взаимодействовать) с какими-либо родственными системами. Ф. Брайар, напротив, подчеркивает, что любая система, по определению, не может не иметь среды. Это, однако, не означает, что любая система обязательно находится во взаимодействии со своей средой.

Существуют не только открытые, но и закрытые системы. К числу последних и принадлежит глобальная международная система. Наконец, обозначим позицию Дж. Модельски, согласно которой к среде международных отношений относится все то, что выходит за ее рамки, т.е. существует независимо от нее, идет ли речь о географическом окружении или о политических отношениях.

Как видим, расхождения в понимании международной среды существуют. Однако они не затрагивают специфическую особенность социальной среды глобальной международной системы, ее «интрасоциетальный» (по выражению Д. Истона) характер. Иными словами, речь идет о «внутреннем окружении», или «контексте» – совокупности факторов, которая оказывает воздействие на глобальную международную систему, навязывая ограничения и принуждения ее развитию. Такую совокупность факторов можно назвать цивилизационными изменениями.

Действительно, относительно легко представить себе систему, структуру и среду межгосударственных, например, региональных отношений. Так, структура Европейского союза может быть представлена как способ организации экономического, дипломатического, военно-политического, культурного и иного взаимодействия входящих в него государств. По отношению к нему средой будет выступать совокупность других государств, а также различных международных организаций и иных акторов на регионально-географическом (европейском), политическом (ООН и ее институты, Организация американских государств, Организация африканского единства, Лига арабских государств, ОСНАА и т.д.), экономическом (ОЭСР, ОПЕК, ЕАСТ, ЛАЭС) и прочих уровнях. Каждый из элементов этой среды оказывает то или иное влияние на функционирование и развитие системы ЕС, результатом которого будут как изменения, происходящие в данной системе, так и реакция («ответы») на эти влияния со стороны Европейского союза.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Kaplan M. System and Process in International Politics. N.-Y., 1957.

Дополнительная

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В.Торкунов. М.:Просвещение, 2004.

Алгулян Д.В. Современные международные отношения. М., 2001.

Богданов А. Всеобщая организационная наука (тектология). Л.; М., 1927. Т. 2.

Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах // Индивиды в международной политике / М. Жирар (рук. авт. колл.). М., 1996.

Поздняков Э.А. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986.

Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Под ред. В.И. Гантмана. М., 1984.

Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2004.

Aron R. Paix et Guerre entre les nations. P., 1984.

Тема 5. Закономерности международных отношений

1. Определение «закона» и «закономерностей» в сфере международных отношений.
2. Взаимосвязь законов, тенденций и векторов в развитии международных отношений.
3. Изменчивость и устойчивость проявлений закономерностей международных отношений.

Кардинальные перемены, происходящие в мировом развитии на современном этапе, со всей остротой поставили как перед исследователями, так и перед политиками, вопрос о характере и закономерностях международных отношений. Обнаружить закономерности, которые определяют движение предмета исследования науки, – важнейшая задача любой отрасли знаний. Каждая наука направляет свои усилия на поиск существенных, повторяющихся, необходимых связей исследуемого ею объекта, или иначе говоря, на поиск законов его функционирования и развития. Только на этой основе она может выполнить свое главное предназначение: объяснение наблюдаемых явлений в реальных событиях и фактах жизни. Таким образом, анализ движущих механизмов и глубинных международных процессов завершается прогнозом их возможной эволюции.

Отмечая трудности, с которыми можно столкнуться в поиске закономерностей международных отношений, польский теоретик-международник Ю. Кукулка пишет: «в международной жизни – в отличие от других проявлений общественной жизни – нет центрального ядра власти и управления, а наличествует полицентризм и полиархия, в рамках которой весьма большую роль играют стихийные процессы и субъективные решающие факторы. Какие-либо закономерности или повторяемости трудноуловимы»¹. Из такого понимания вытекает, что сфера международных отношений являет собой своего рода не «детерминистскую», а «стохастическую вселенную». Иначе говоря, здесь господствует не принцип детерминизма в его жестком выражении, а принцип вероятности.

Как известно, вероятностный подход противостоит линейно-детерминистскому взгляду на причинно-следственные связи в социальных процессах. Случайность, с точки зрения линейного детерминизма, считалась второстепенным, побочным, не имеющим принципиального значения фактором. Существовало

---

¹ См.: Кукулка Ю. Проблемы теории международных отношений. М., 1980. С. 28; Badie B, Smouts M.-C. Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. P., 1992. P. 237–240.

убеждение, что случайности никак не сказываются, забываются, стираются, не оставляют следа в общем течении событий природы, науки, культуры. Неравновесность и неустойчивость воспринимались с позиций классического разума как досадные неприятности, которые должны быть преодолены. Это нечто негативное, разрушительное, сбивающее с пути, с правильной траектории. Хаос представлялся сугубо деструктивным началом мира. Казалось, что он ведет в никуда. Развитие понималось как поступательное, без альтернатив. Считалось, что пройденное представляет лишь исторический интерес. Если и есть возвраты к старому, то они являют собой диалектическое снятие предыдущего уровня развития и имеют новую основу. Если и есть альтернативы, то они – лишь случайные отклонения от магистрального течения, подчинены этому течению определяемыми объективными законами универсума. Все альтернативы, в конечном счете, сводятся, вливаются, поглощаются главным течением событий. Картина мира, рисуемая классическим разумом, – это мир, жестко связанный причинно-следственными связями. Причем причинные цепи имеют линейный характер, а следствие если не тождественно причине, то, по крайней мере, пропорционально ей. По причинным цепям ход развития может быть просчитан неограниченно в прошлое и будущее. Развитие ретросказуемо и предсказуемо. Настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым.

С точки зрения марксизма, исповедующего принцип детерминизма, законы международных отношений, как правило, носят характер закономерностей – необходимостей менее глубокого порядка, действующих лишь в приближении, в среднем, как равнодействующая многих пересекающихся законов. Это не означает, однако, что марксизм сомневается в существовании закономерной основы общественной, в том числе и международной жизни. Иной характер законов, проявляющих себя как закономерности, вовсе не ведет к отказу от детерминизма как основы основ марксистского понимания истории. Таким образом, марксистская точка зрения на проблему законов, действующих на мировой арене, сводится к концепции, согласно которой содержание международных отношений определяется, с одной стороны, содержанием внутренней политики взаимодействующих на мировой арене государств, в свою очередь детерминированной их экономическим базисом, а с другой – классовой борьбой между капитализмом и социализмом.

Отсюда формулировались такие «законы», как, например: во-первых, «превращение мировой системы социализма в решающий фактор общественного развития»; во-вторых, «возрастание роли развивающихся государств и движения «неприсоединения»; в-третьих, «усиление кризиса и агрессивности империализма»; в-четвертых, «мирное сосуществование государств с противоположным общественным строем» и т.п. Однако марксистский взгляд, что сфера ментальности, т.е. идеологии, психологии и мифологии, считавшаяся второстепенной идеальной надстройкой, практически полностью подчиненной материальному базису, не всегда подтверждается в реальности. Выясняется, что далеко не все законы общественной динамики, сформулированные теоретиками марксизма, действуют в условиях современности, что в какие-то моменты истории сфера сознания и пове-

дения выступает на первый план, отодвигая «объективные» основания развития социума на периферию.

Подчеркнем в этой связи, что степень приблизительности в сфере международных отношений так велика, что многие исследователи склонны говорить не столько о законах и закономерностях, сколько о вероятности наступления тех или иных событий. Но и тогда, когда наличие закономерностей не подвергается сомнению, существуют разногласия относительно их содержания.

В современной научной и учебной литературе стало общепринятым выделять динамические и статистические (вероятностные) законы¹. Так, камень, брошенный вверх, обязательно вернется на землю динамически, т. е. в силу однозначно действующего закона притяжения, а выпадение количества очков в брошенных игровых костях однозначно предсказать невозможно, поскольку здесь действует статистическая закономерность. Различие между динамическими и статистическими способами проявления часто применяется для противопоставления понятий закона и закономерности. В случае динамического, хотя бы в форме тенденции, проявления говорят о законе, в случае статистического говорят о закономерности. Закономерность, в отличие от закона, отражает не жестко детерминированный характер объективной необходимости, а лишь ту или иную степень вероятности ее проявления. Закон как необходимость в конкретном, действуя опосредствованно через случайное, выступает для этого конкретного как закономерность. Иными словами, закономерность – это закон, вставленный в драгоценную оправу случайностей, форма конкретного проявления закона.

Необходимо различать понятие тенденции и статистической вероятности: тенденция отражает сложный путь проявления однозначных динамических законов, которые так или иначе пробьют дорогу своему однозначному следствию сквозь хаос случайностей, а статистические законы предполагают альтернативную (как минимум, двузначную) вероятность конкретного события.

Закон проявляется в этом последнем случае не как обязательное появление именно данного события *A*, но как статистическая количественная закономерность в появлении равновероятных событий *A* и *B*. Указанное различие между динамическим и статистическим способами проявления необходимости часто применяется для противопоставления понятий закона и закономерности: в случае динамического, хотя бы и в форме тенденции, проявления говорят о законе, в случае статистического проявления говорят о закономерности.

В отличие от «детерминистской вселенной», рассматриваемая в сравнительном контексте «стохастическая вселенная» предстает как картина причудливого переплетения многообразных событий и процессов, причины и следствия которых носят несимметричный характер. Поэтому их описания и объяснения в духе детерминизма, предопределенности, безальтернативности, исключения случайности, неплодотворны. М.К. Мамардашвили в этой связи заметил, что познание глубоких человеческих явлений осуществляется не через идею детерминизма, но через учет множественности и несовпадения их детерминаций.

---

¹ См.: Спиркин А.Г. Основы философии: Учеб. пособие. М.: Полит. лит., 1988. С. 217–220.

Например, раскрывая динамическую гибкость внешнеполитической деятельности Петра Великого, Н.Н. Молчанов подчеркивает, что «в дипломатии, как и вообще в жизни, надо было кое-что оставить и на долю случайностей, которые обычно вмешиваются в ход событий из-за ошибок людей, из-за проявлений особенностей их психологического склада, из-за сумасбродства, в конце концов»¹.

Наличие этих трудностей, в какой-то мере объясняет то обстоятельство, что многие ученые, активно разрабатывавшие теорию и социологию международных отношений, исходят из того, что их исследования, чтобы считаться научными, должны быть эмпирическими. Раскрывая специфику общественных законов, известный советский историк Е.В. Тарле писал: «Для приложимости своей к каждому конкретному явлению, к каждому конкретному случаю, всякий закон требует определенной обстановки, определенных условий. Еще большее количество разных «если» требуется для предсказания конечных результатов действия такого закона»². Тем более значительны и многообразны эти «если», когда речь идет о столь подвижной, многообразной области общественной жизни, как международные отношения.

Важную роль в сохранении стабильности в международных отношениях и обнаружении в этой сфере каких-то закономерностей играет фактор институционализации. Политическая институционализация международных отношений имеет различные черты своего проявления. Одна из них выражается в том, что в историческом развитии превращение государства в ведущего «актора» мировой политики способствовало переходу от спонтанно-хаотического «броунова движения» к более или менее организованному и управляемому международным отношениям. Объективно-логическим следствием такого преобразования оказывается уже сам процесс институционализации международных отношений.

Решающую роль в формировании и функционировании институциональных структур играют живые люди, которые в ходе своей повседневной практической деятельности постоянно воспроизводят их. «Человеческое лицо» институционализации в значительной мере зависит от ценностей, т.е. субъективных предпочтений людей, их представлений о желательности или нежелательности тех или иных общественных явлений и значимости происходящих событий. Ведь в данном случае речь идет о действиях человека, а они в силу отмеченных обстоятельств, спонтанны, свободны. Поэтому любое состояние политической институционализации характеризуется вариативностью и нелинейностью. Это значит, что поведенческие ориентации людей направляются не только законодательными, но и культурно-цивилизационными институтами.

В последнее время становится очевидным, что нельзя абсолютизировать роль институциональных форм (парламент, институт президентства, судебная система и др. – по форме западного образца) в обеспечении эффективности действия механизма преобразований. Решающее значение приобрело наполняющее эти формы содержание, которое сообщает им действительную способность опти-

---

¹ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Междунар. отношения, 1984. С. 255.

² Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе // Тарле Е.В. Соч. М., 1958. Т. 4. С. 315–316.

мального выбора соответствующего варианта общественного развития. Именно содержание формирует характер менталитета, зрелость политической культуры, господствующие умонастроения и тому подобные факторы, образующие в своей совокупности духовную атмосферу, которая царит в обществе, характеризуя меру его цивилизованности.

Следовательно, процесс институционализации выходит за пределы установленных норм, унифицированных правил и вторгается в пространство человеческих нравов и ценностей. Но дело в том, что в самой жизненной практике эти уровни трудноразличимы. «Человеческий фактор» превращается в органическую составляющую той или иной институциональной среды. И наоборот, человеческая среда, конечно же, оказывает мощное влияние на деятельность институционального фактора. Здесь проявляется закономерность, согласно которой сам процесс становления характеристик деятельности институтов в значительной мере определяется ориентацией людей и, напротив, сама ориентация людей в значительной мере определяется процессом устоявшихся характеристик деятельности институтов. Ориентации входят в систему ценностей. В свою очередь, эти ценности, регулярно воспроизводясь в жизненной практике, трансформируются в систему установившихся норм, т.е. образуют своеобразную институциональную среду.

Причем становление определенной международной институциональной среды происходит не в результате действий самих по себе людей, или, напротив, функционирования каких-то обособленно рассматриваемых политических, экономических, культурных структур, а только в ходе их органического взаимодействия, даже «слияния». Институциональный процесс есть своеобразная целостность «включенности» экономических, политических, культурных и прочих структур в деятельную сущность человека и, наоборот, человеческих побуждений и деяний в сущностные характеристики экономических, политических, культурных структур.

Международные отношения складываются в определенную систему лишь в результате процесса превращения ограничений в стержневой принцип международного поведения государств и других субъектов мировой политики. Ограничения упорядочивают международные отношения, делают их относительно стабильными и предсказуемыми. Такое состояние обычно называют системой международных отношений. Рассматривая регулятивные действия и функции, присущие институтам, Д. Норт дает им такое определение: «Институты представляют собой созданные людьми ограничения, которые структурируют человеческую деятельность. Они состоят из формальных ограничений (правила, правовые акты, конституции), неформальных ограничений (нормы поведения, обычаи, добровольные поведенческие стереотипы) и санкций, принуждающих к их исполнению (enforcement). Институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь международной среды. Они организуют взаимоотношения между людьми в данной сфере. Следует подчеркнуть, что когда политическая культура международных отношений институционализируется, ее правила (нормы) определяют поведение людей, когда же, напротив, она не институционализируется, то поведение людей определяют ее правила.

Объективная реальность, существующая вне и независимо от нашего сознания, отличается от изучающих ее различные стороны научных дисциплин, которые, отражают и описывают ее всегда, во-первых, с некоторым «запозданием», а во-вторых, с определенным «искажением» существа происходящих в ней процессов и явлений. Человеческое познание дает, как известно, лишь условную, приблизительную картину мира, никогда не достигая абсолютного знания о нем. Кроме того, всякая наука, так или иначе, выстраивает собственную логику, подчиняющуюся внутренним закономерностям своего развития и не совпадающую с логикой развития изучаемой ею реальности. Во всякой науке в той или иной мере неизбежно «присутствует» человек, привносящий в нее определенный элемент «субъективности». Если сама действительность, выступающая объектом науки, существует «вне» и независимо «от» сознания познающего ее субъекта, то становление и развитие этой науки, ее предмет определяются именно общественным субъектом познания, выделяющим на основе определенных потребностей ту или иную сторону в познавательном объекте и изучающим ее соответствующими методами и средствами. Объект существует до предмета и может изучаться самыми различными научными дисциплинами. Это положение надо понимать в том смысле, что в качестве объекта выступают некие целостные явления или процессы, отдельные аспекты, грани, стороны, черты которых становятся предметом изучения конкретно рассматриваемой науки.

В процессе изучения специфических черт, присущих закономерностям международных отношений, два фактора в их органической взаимосвязи играют решающую роль. Во-первых, речь идет о том, что международные отношения являются, прежде всего, сферой политической жизнедеятельности мирового сообщества¹. Именно поэтому, рассматривая в целом область международных отношений, считают ее предметом международно-политической науки. Во-вторых, специфические черты закономерностей международных отношений удастся в достаточной мере выявить лишь в результате органичного включения в данный процесс человеческого начала. Иначе говоря, международный процесс выступает как единство институционального и поведенческого факторов.

В основе такого подхода необходимо рассмотреть следующее: понимание неразрывности субъекта и объекта; полидетерминизм; невозможность элиминировать присутствие субъекта в знании об объекте; стремление выразить разнообразными средствами внутреннюю активность, спонтанность, способность самоорганизации и саморазвития осваиваемого субъектом мира, присутствие в нем многого, не укладывающегося в пределы рациональности, не выразимого ее средствами, но фиксируемого или даже угадываемого человеческой интуицией, психикой, культурой. Жизнь есть состояние субъекта, «реальность, которой живут, которую проживают», то есть она всегда кому-то принадлежит, всегда является чьей-то жизнью. Жизнь – это не то, чем живут, но способ существования в мире субъекта деятельности, познания, оценки, переживания, мышления. Именно в данной связи, перефразируя известную формулу Ленина о том, что «...политика

---

¹ Алюшин А.Л. Гарольд Лассуэл о природе политической реальности // Полис. 2006. № 5. С. 158–170.

есть самое концентрированное выражение экономики», Э.Я. Баталов предлагает свое определение: «...политика есть самое концентрированное выражение человека»¹. Отмечается, что никакие законы, формулируемые специалистами социальных наук, не даны нам в истории напрямую, в отрыве от человеческого опыта. Они даны нам через опосредования человеческой психологии, мысли и культуры не только в индивидуальных, но и коллективных преломлениях. И политика, и экономика – не просто приятие и пополнение неизвестно кем принятых и неизвестно на что рассчитанных решений. Это – процессы человеческого взаимодействия, требующие понимания и учета психологии, традиций, интересов и внутренних смыслов больших и малых человеческих групп².

Исследователю международных процессов необходимо отслеживать не только статистику массовых явлений в разных странах, но и информацию об отдельных событиях, учитывать не только социологические данные, но и действия, установки, индивидуальные позиции политических деятелей, причем, казалось бы, вовсе незаметных³. Как подчеркивает Ю.М. Лотман, в тех сферах истории, где люди играют роль «частиц крупного размера», включенных в броуновское движение гигантских сверхличностных процессов, законы причинности предстают в своих простых, можно сказать, механических формах. Там же, где история предстает как множество альтернатив, выбор между которыми осуществляется интеллектуальной и волевой силой человека, необходимы поиски новых и более сложных форм причинности. Касаясь проблемы «выбора альтернатив», ученый писал о возрастании «удельного веса моментов исторических флуктуаций». Развивая эту же мысль, он замечает, что борьба с романтическими концепциями истории «толкала историческую науку к тому, чтобы отождествлять объективность с внеличностью исторических процессов». История общественных институтов, борьба социальных сил, идеологических течений как бы отменила историю людей, отдавая им роль статистов во всемирной драме человечества. Значение их, конечно, не отрицается, но напоминает театральную программку, где против ролей написано несколько фамилий исполнителей, которые могут с равным успехом сыграть одну и ту же роль в рамках одной пьесы.

Отмеченное характеризует понимание синергетики как подхода, связывающего выбор альтернатив с ролью конкретных людей, которые оказались в позиции выбирающих в «минуты тяжкие и роковые». Уникальность соответствующих ситуаций определяется тем, что, говоря языком театра, исполнитель у каждой роли один, а другой исполнитель может привести действие «исторической пьесы» к совсем другому финалу. И. Пригожин, основатель синергетического направления в науке, пишет: «История человечества не сводится к основополагающим закономерностям или к простой констатации событий. Каждый историк знает, что изучение исключительной роли отдельных личностей предполагает анализ

---

¹ Баталов Э.Я. Политическое – слишком человеческое // Полит. исследования. 1995. № 5. С. 10.

² Рашковский Е. И вновь о цивилизационном дискурсе... // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 1. С. 100–101.

³ Российский монитор. Архив современной политики. М., 1992. Вып. 1. С. 17.

социальных и исторических механизмов, сделавших эту роль возможной. Знает историк и то, что без существования данных личностей те же механизмы могли бы породить другую историю»¹. В сложной системе флуктуации на микроуровне ответственны за выбор той ветви, которая возникает после точки бифуркации.

Как известно, закон отражает одну или несколько групп строго идентифицированных феноменов, имеющих общий характер, т.е. освобожденных от признаков индивидуальности и поэтому поддающихся измерению. Когда же речь идет о международных событиях, то каждое из них предполагает присутствие человеческого разума, воли и эмоций. Иначе говоря, международное событие совершается тем или иным образом, проходя через сознание людей. В таком контексте понимания каждое международное событие предстает единичным, уникальным феноменом.

Поэтому в сфере международной жизни не существует идентичности и измеримости. Между несколькими событиями можно найти лишь аналогии: так обнаруживаются типы рассуждений, типы коммуникаций, типы насилия и т.д. Следовательно, поскольку в международной жизни доминируют факторы исключения, т.е. здесь мы сталкиваемся со сферой вероятностного знания, постольку адекватно отражающим суть происходящих процессов оказывается термин «закономерность». «Закономерность, – отмечает французский исследователь Ж.-Б. Дюрозель, характеризуя специфику международных отношений, – это и есть наличие длинного ряда подобий, которые как бы не зависят от особенностей той или иной эпохи и, следовательно, могут быть отнесены к самой природе “*homo sapiens*”»². Он подчеркивает, что в общественных науках законы не обладают той степенью строгости, которая характерна для наук о природе, и потому они не дают полного удовлетворения. Такое положение вещей объясняется самой сущностью отражаемых ими реалий. Поскольку речь идет о сфере вероятностного знания, в котором господствуют исключения и которое поэтому неотделимо от интуиции, в данном контексте гораздо больше подходит термин «закономерность».

Наряду с закономерностями, отражающими повторяемости или подобия типов событий, независимо от социального или технического уровня общества, политического режима или географического региона, существуют также «временные правила» и «рецепты». «Временные правила» отражают уровень менее общего порядка, чем совокупная история человечества. Они касаются одной из «структур», то есть «одной из фаз той длительной исторической эволюции, которую прошел мир» – данной эпохи, данного географического региона или данного политического режима.

Наконец, существует уровень отдельного действия в данный момент и в данных обстоятельствах. Люди должны действовать. Но для того чтобы эти действия были как можно более разумными, одних закономерностей и временных правил недостаточно. Поэтому, за отсутствием научных знаний, они опираются на принципы нормативного характера, которые могут быть названы «рецептами». В этом

¹ Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант*. М., 1994. С. 54–55.

² Duroselle J.-B. *Tout empire perira. Une vision thtorique des relations intemationales*. P., 1982. P. 34.

контексте необходимо отметить, что в науку о международных отношениях глубоко проник методологический скептицизм, согласно которому почти не признается существование законов функционирования и развития в этой сфере человеческой жизнедеятельности. Несмотря на широкораспространенный скептицизм относительно существования законов в сфере международных отношений, объясняемый спецификой этой сферы социального взаимодействия, на имеющиеся разногласия в понимании их значения для объяснения и прогнозирования наблюдаемых здесь событий и процессов, на дискуссии, касающиеся форм, характера проявления и степени «устойчивости» закономерностей, все же между исследователями есть согласие в ряде аспектов, существенно важных в контексте рассматриваемой проблемы.

Логика подобных представлений позволяет ряду ученых сформулировать тезис, что понятие «закона» в сфере международных отношений используется лишь в относительном смысле. По мнению К. Поппера, наука развивается путем выдвижения гипотез, которые могут быть опровергнуты на практике. Отсюда выдвинутый им «принцип фальсифицируемости»: подлинно научным высказываниями могут быть только те, которые можно опровергнуть опытом. Критический анализ такого подхода к изучению международных отношений приводит к выводу: значительно большую, инструментальную нагрузку и эвристическую ценность имеет не рассмотрение и последующее отбрасывание «гипотез», а уяснение стохастического, то есть вероятностного, статистического характера социальных законов, лежащих в их основе¹. «Исходя из строго логических оснований», – указывал в свое время К. Поппер, – ход истории предсказать невозможно». К. Поппер не сомневался в существовании тенденций в истории социального развития. Однако их нельзя рассматривать как законы, ибо тенденции зависят от сложившейся ситуации, т.е. многообразия конкретно-исторических условий. В реальной жизни существуют условия, как воспроизводящие данные тенденции, так и, напротив, препятствующие их реализации.

Главными признаками социальных законов, объединяющих их с законами природы, считаются наличие строго определенных условий, при которых их проявление становится неизбежным, а также частичная, приблизительная реализация условий, при которых действует закон. В современной глобальной ситуации спонтанно увеличивается возможность решающего влияния малых событий и действий на общее течение мировых процессов.

Вследствие этого особенно трудно обнаружить повторяемость тех или иных событий и процессов, и где поэтому главными чертами закономерностей являются их относительный, вероятностный, непредопределенный характер. Подчеркнем в этой связи, что степень такой приблизительности в сфере международных отношений настолько велика, что многие исследователи склонны говорить не столько о законах и закономерностях, сколько о вероятностях наступления тех или иных событий, или о тенденциях.

---

¹ Fisher D. *Historian Fallacies: Towards Logic Historical Thought*. N.-Y., 1982; Мурадян А.А. *Самая благородная наука*. М, 1990.

Следовательно, международный процесс предстает не как пространство «железных законов», а как поле возможностей, между которыми люди осуществляют свой выбор. Ни при каких условиях эти международные и государственные законы не перечеркивают действие таких человеческих свойств, как политическая воля и духовная решимость. В этой связи, как всякое сложное многогранное общественное явление, система международных отношений и процесс развития государственных институтов имеют свою объективную и субъективную стороны. Интерес государства на международной арене также является категорией объективно-субъективного порядка. Его выразителями выступают конкретные люди.

С одной стороны, внешнеполитическая деятельность государства проявляется в действиях его лидеров, которые располагают определенными степенями свободы в выборе национальных целей. При этом большое значение имеют система идеологии, ценностей, а также амбиции, темперамент, воля, широта и глубина мышления лидеров. С другой стороны, само их положение обуславливает то, что они стремятся создать впечатление, будто в основе всех их действий лежит национальный интерес. Ряд исследователей считает, что хотя интерес объективен, но он, по сути, труднопознаваем. Поэтому для ученого, исходящего из объективного интереса в объяснении поведения людей и государств сохраняется опасность соскользнуть на путь произвольного конструирования смысла и содержания национальных интересов. Иначе говоря, существует риск заменить субъективность мнений тех, кого изучает ученый, его собственной субъективностью.

В современной науке появляется новое понимание, в соответствии с которым существует, как правило, множество альтернативных путей развития, в том числе и для международной истории, которая тем самым как бы лишается предопределенности. Постепенно утверждается и новое понимание истории международных отношений как стохастического процесса – непредсказуемого, непредугаданного, непредопределенного¹.

Историческая необходимость лишена тех черт неотвратимости и неизбежности, которые присущи действиям необходимости в царстве природы. Представляется неправомерным противопоставление категорий «историческая альтернативность» и «социальный детерминизм». Ведь детерминирована сама многовариантность развития международных отношений. Другое дело, что признание альтернативности как универсального свойства международных отношений ведет к обогащению понимания самого принципа социальной детерминации. Нельзя упускать из виду роль детерминант, связанных с деятельностью субъективного фактора. Социально-экономические структуры составляют объективные рамки для этой деятельности, но полностью ее не определяют. А именно от этой деятельности в решающей степени зависит победа того или иного варианта международного развития.

Таким образом, признание многовариантности развития международных отношений несовместимо с представлением об исторической необходимости как фа-

---

¹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Ильей Пригожиным // Вопр. философии. 1992. № 12.

тальной силе, прокладывающей себе путь с железной неотвратимостью сквозь хаотическое сцепление случайностей, образуемое разнонаправленной деятельностью людей. Альтернативность в истории есть форма существования необходимости, так как последняя может выразить себя не иначе как в многообразии той социальной действительности, которая всегда выступает результатом деятельности человека.

В литературе последних десятилетий подчеркивается, что проблема закономерностей международных отношений, чем дальше, тем больше, предстает не просто одной из наименее разработанных и наиболее дискуссионных, но и запутанных в науке о международных отношениях¹. Так, наравне с государствами действуют и другие участники, поведение которых не всегда понятно. Это – различного рода религиозные движения, ТНК, международные организации для которых не существуют границ, а интересы переменчивы. Они могут изменять ход событий, не опасаясь национальных правительств. Последствием этого является включенность большей неуверенности системы международных отношений, источниками которой можно считать различные интересы, стремления и цели. Нельзя предсказать какие мотивы преследуют эти участники. Предвидеть реакцию излагаемого участника становится нелегкой задачей для тех, кто относится к другой культуре.

Французские исследователи Б. Бади и М.-К. Смутс в своей работе «Мир на переломе. Социология международной сцены» показали, что современные международные отношения дают все меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия, ибо сегодня происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования, в том, что ныне поставлено на карту².

Взаимодействие около двухсот государств, многочисленных международных организаций и движений, а также транснациональных корпораций, совместно с возрастающей активностью человеческого фактора, создают чрезвычайно усложненную и динамически развивающуюся сеть, где соотношение постоянно действующих и перемененно функционирующих факторов резко меняется в пользу последних. Например, парадокс Николсона провозглашает, что международная система оказывается более упорядоченной, а сами последствия действий акторов легко предугадываются при меньшем числе участников и, соответственно, степени их разнородности. Иначе говоря, предсказания и реализация эффективных действий усложняются, если в международную систему включаются все новые члены. Следовательно, уровень проявления на международной арене факторов случайного характера неизмеримо возрастает.

И. Пригожин постоянно указывает на то, что случайность, отдельные малые флуктуации могут играть существенную, определяющую судьбу системы роль

---

¹ См.: *Фельдман Д.М.* Закономерности и тенденции в развитии международных отношений // Введение в социологию международных отношений: Учеб. пособие. М., 1992, С. 67–68.; *Цыганков П.А.* Проблема закономерностей международных отношений (анализ конкурирующих теоретических парадигм) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 1998. № 3.

² *Badie B., Smouts M.-C.* Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale. Paris, 1992. P. 237–240.

вблизи моментов бифуркации. Он называет неустойчивостью состояние системы вблизи точки бифуркации, когда система совершает «выбор» дальнейшего пути развития. По его мнению, режимы движения переключаются, пути эволюции реальных систем бифуркируют, многократно ветвятся, в моменты бифуркации играет роль случайность, и вследствие этого мир становится загадочным, непредсказуемым, неконтролируемым. В определенном смысле дело обстоит действительно так. Малые флуктуации, случайности могут сбить, отбросить с выбранного пути, приводят к сложным блужданиям по полю путей развития. «Бифуркационная природа – та, в которой небольшие отличия и незначительные колебания могут, если они происходят при благоприятствующих обстоятельствах, распространяться на всю систему и приводить к новому способу функционирования»¹. Размышляя о неустойчивом характере мировых политических процессов, соотношении закономерного и случайного в их развитии, А.С. Панарин отмечал возникновение нового статуса случайности в постнеклассической науке: она оказывается в центре любого процесса, делая его нелинейным, неоднозначным и потому в существенных моментах непредсказуемым. В преломлении к современным международным отношениям данное состояние увеличивает возможность решающего влияния малых событий и действий на общее течение больших событий.

Но все возможные пути – пути Дао – открываются как бы с птичьего полета. Тогда становится ясным, что ветвящиеся дороги эволюции ограничены. Конечно, если работает случайность, то имеют место блуждания, но не какие угодно, а в рамках вполне определенного, детерминированного поля возможностей. Управление теряет характер «слепого вмешательства методом проб и ошибок или же упрямого насилования реальности, опасных действий против собственных тенденций систем и строится на основе знания того, что вообще возможно в данной среде». Управление начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем. Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший тип детерминизма – детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода на желаемое будущее. Это – детерминизм, который усиливает роль человека.

Таким образом, детерминизм, с позиций которого случайность в международных процессах изгонялась, в последние десятилетия серьезно потеснен в самих своих основаниях. В настоящее время в фундаментальных исследованиях наблюдается серьезная трансформация научной картины мира. Развитие синергетики – науки о возникновении порядка из хаоса, о самоорганизации – позволило увидеть мир не с детерминистской точки зрения. И. Пригожин показал, что в точках бифуркации детерминистские описания в принципе невозможны. Например, если в летящий снаряд попадает другой снаряд и происходит раздвоение (бифуркация) первого, то объяснить, как себя будут вести его части, в каком направлении они полетят – в принципе невозможно. Не потому, что наука еще не знает этого, а потому, что это непредсказуемо, когда мы имеем точки бифуркации. Только впо-

---

¹ См.: *Prigogine I., Stengers I. La Nouvelle Alliance*. P.: Gallimard, 1979. P. 271.

следствии, когда утвердится новая траектория полета указанных частей, станут возможными описания на основе известных законов, но не в этих точках.

В настоящее время большинство исследователей стремятся избежать употребления самого понятия «закон», предпочитая оперировать такими менее обязывающими терминами, как «закономерности», «тенденции», «правила» и т.п. Б. Рассет и Х. Старр отмечают, что даже в том случае, если бы теоретические исследования в науке о международных отношениях были развиты гораздо лучше, чем в настоящее время, все равно, скорее всего, ученые пришли бы не к формулированию законов, а к утверждению о приемлемости вероятностных тенденций: «В самом лучшем случае ученый-социолог может оценить не более чем вероятность, что за данным специфическим событием (угрозой, обещанием или уступкой) последует желаемый результат»¹.

Но и тогда, когда в сфере международных отношений отвергается наличие «законов», а присутствие «закономерностей» не подвергается сомнению, существуют разногласия относительно их содержания. Познание социальных законов не может не учитывать, что в различных общественных системах действуют, если так можно сказать, «неравномошные» законы, то есть далеко не всюду и не во все исторические периоды отдельные социальные законы проявляются с одинаковой принудительной силой².

В результате многолетняя дискуссия по проблемам социальных законов привела к выводу: если «закон» – одна из ступеней человеческого познания, отражающая существенное в явлении, то менее глубокую сущность, характерную для другой ступени познания, отражает понятие «закономерность». Это понятие характеризует такие существенные связи, суть которых находится ближе к поверхности явлений, менее абстрактна и обща. Закономерность конкретнее и потому богаче закона. Кроме того, закономерность является своего рода «промежуточным результатом» действия ряда законов, поэтому она носит комплексный характер³. Достигнутый к настоящему времени уровень развития науки о международных отношениях обуславливает то обстоятельство, что большинство теоретиков-международников говорит именно о закономерностях, а не законах в этой области действительности.

Вместе с тем не следует рассматривать закономерности международных отношений как нечто раз и навсегда заданное самим фактом взаимодействия на международной арене. Ведь общесоциологические законы развития и смены общественных формаций не могут не находить своего проявления в сущностях иного порядка – закономерностях международных отношений. И хотя закономерности интернационализации и развития национальных общностей и государств тесно связаны, «вплетены» в действие законов, определяющих раз-

---

¹ *Rasset B., Stair H. World Politics. Menu for Choice. San Francisco, 1981, P. 51.*

² *Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. С. 154.*

³ *Виноградов В.Г., Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. М., 1972; Улесов А.К., Попов В.Д. Социологические законы, познание и управление. М., 1979; Мурадян А.А. Самая благородная наука. М., 1990.*

витие и отдельных социальных общностей, и всей человеческой цивилизации в целом, их универсальный характер и относительно самостоятельная сфера общественных отношений, где они проявляются, дают основание считать эти закономерности специфическими для международных отношений. Таким образом, закономерности международных отношений не существуют и не проявляются вне конкретных социальных условий. Их действие определяется общественным строем, типом политического режима, природой внутриобщественных отношений, а также в значительной степени «человеческим материалом», т.е. политической культурой общества и людей, находящихся в процессе международного общения.

Таким образом, законы общественного развития и в том числе, разумеется, названные выше закономерности международных отношений, действуют в многообразных конкретно-исторических условиях, их проявление опосредованно сознательной деятельностью, происходит на фоне определенной экономической, политической, региональной и глобальной обстановки. Все это накладывает отпечаток на их действие, но не отменяет сами эти закономерности. Порой, обозревая картину исторической действительности, зачастую можно обнаружить прямо противоположное тому, что следовало бы ожидать, исходя из знания законов социального развития. Но если из этого сделать вывод, что социальные законы не обладают достаточной силой, значит, уподобиться школьнику, который, наблюдая воздушный шар, ставит под сомнение существование законов тяготения¹.

Понятие «закон», «закономерность» и «тенденция» в общественных науках, как уже отмечалось, тесно связаны, но не тождественны – социологические законы и закономерности проявляются как тенденции. По мнению Маркса, каждый такой закон обнаруживается как «некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянная колебаний», но не любая тенденция приобретает силу закона, а лишь та, которая проявляется как «господствующая тенденция», «влияние которой явственно выступает только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительного периода времени»². В свою очередь, Ф. Энгельс отмечал, что законы общественной жизни «не имеют иной реальности кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в непосредственной действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же и вследствие их природы как понятий»³. Все это характерно и для системы международных отношений.

Отмеченные тенденции, а также наметившиеся явления во взаимодействии акторов международных отношений, существуют и проявляются в основном как более или менее устойчивые, долговременные процессы, а закономерности, которые служат их основой, переплетаются и нейтрализуют друг друга. Чтобы вывести равнодействующую из действия различных тенденций в международных

---

¹ Гулыга А.В. Эстетика истории. М., 1977. С. 17.

² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 262.

³ Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту 12 марта 1895 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 365.

отношениях исследователь должен ясно понимать закономерную основу наблюдаемых им явлений и процессов. Он также обязан уметь разглядеть развитие системы международных отношений таким, каким оно изображается в документах, принимая во внимание тот факт, что в них присутствуют интересы данной социальной группы, государства, общественного движения и т. д.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, закономерности международной сферы общественных отношений носят стохастический, вероятностный характер. Выявление и анализ этих закономерностей опосредованы принятой парадигмой исследования. Во-вторых, основными из этих закономерностей являются глобализация и регионализация экономической, социальной, политической и всей общественной жизни. В-третьих, создание и укрепление национальных государств, развитие национальных общностей, реализующих свои интересы на мировой арене, – важнейшая тенденция, имеющая долговременный характер в сфере международных отношений.

Названные закономерности составляют основу проявления других закономерных связей, тенденций, устойчивых зависимостей, проявляющихся в международных отношениях. Современные позитивные тенденции международных отношений – демократизация, гуманизация, институционализация отнюдь не являются необратимыми. Их проявление опосредовано сложным и изменчивым комплексом внутриобщественных и международных факторов, важнейшими из которых являются реальные интересы акторов международных отношений.

И, наконец, цивилизационно-культурологический и геополитический методы исследования играют весьма значимую роль в процессе формирования и развития существенных черт политической культуры международных отношений. Обособляя государство от той цивилизационной и геополитической среды, в которой оно живет, и рассматривая его как единственного субъекта международных отношений, наука обедняет многокрасочный спектр исторической жизнедеятельности мирового сообщества. В мировой истории огромную роль играли факторы цивилизационных и геополитических различий, определяя в значительной мере характер и особенности международных отношений. Так, четко проявляющиеся различия, существовавшие между кочевой, аграрной и индустриальной цивилизациями, имели первостепенное значение в историческом развертывании международных отношений с древности до современности.

Напряженность научно-методологических дискуссий, развертывающихся вокруг неоднозначного толкования актуальных проблем международных отношений, отражает существующие различия и противоречия концептуальных позиций современных теоретических школ и направлений. Сегодня во многих областях международных отношений частные субъекты и небольшие государства располагают большими возможностями, чем раньше. Одновременно снижаются возможности великих держав использовать традиционные силовые потенциалы для достижения своих целей. Сила становится все менее применяемой, менее осязаемой и менее принудительной. Исследователи отмечают, что современный мир находится в поисках новых отношений и новых субъектов.

Закономерность национального интереса теряет свое прежнее значение. Многие современные элементы силы ускользают от государственного авторитета, оставляя межгосударственной системе очень мало средств эффективного влияния на происходящие процессы, заставляя прибегать к опосредованным и всегда дорогостоящим способам принуждения. Современные международные отношения дают все меньше оснований рассматривать их как межгосударственные взаимодействия, ибо сегодня происходят существенные и, видимо, необратимые изменения в способах раздела мира, принципах его функционирования. Краеугольные понятия, отражавшие сами основы, на которых веками покоились различные исторические типы международного порядка, такие, как «безопасность», «территориальная неприкосновенность», «государственный суверенитет», «лояльность власти», либо теряют свой смысл, либо приобретают совершенно новое значение.

Основа новых тенденций в международных отношениях – закономерность возрастающей взаимозависимости мира под влиянием микроэлектронной революции, революции в средствах связи, транспорта и коммуникации. Результатом становится вторжение в сферу мировой политики новых, нетрадиционных акторов – неправительственных организаций, финансовых фирм, мультинациональных корпораций, частных групп, демографических потоков, мафиозных структур и «рядовых» индивидов. Государства уже не могут, как прежде, контролировать их деятельность, которая все чаще осуществляется в обход и вопреки государственному суверенитету. Поэтому монополия государства в международных отношениях разрушается, хотя оно продолжает претендовать на эту монополию. Геостратегические приоритеты теряют смысл. Внутренняя и международная политика становятся все более взаимопроницаемыми, граница между ними стирается.

Сужение эффективных компетенций национальных правительств, эрозия силовых отношений в международных отношениях и увеличение числа и многообразия «факторов вне суверенитета» создают новую картину взаимодействий на мировой арене. Международные отношения становятся все более транснациональными и все менее управляемыми. Отсюда сформулированный Майклом Николсоном «парадокс участия». Он состоит в том, что чем меньше количество и степень разнородности участников международных взаимодействий, тем более упорядоченной является система международных отношений и тем более предсказуемы действия отдельных участников и их последствия. Если же международные отношения пополняются новыми участниками, то прогноз, а, следовательно, и совершение эффективных действий становится все более трудным.

Удивительно, что нарастание элементов хаотичности и разбалансированности, сопровождающее процесс глобализации международных отношений, имеет свою обратную сторону. За кажущимся хаосом и бессистемностью можно узреть некую упорядоченность и законосообразность. Как видно, история международных отношений делается целенаправленно по-разному, в соответствии с интересами и представлениями тех субъектов, которые ее делают. Но в итоге она не оказывается результатом своего рода «интенционального проекта», постоянно «ускользает» от попыток вести ее в задуманном направлении. Это означает,

что история международных отношений обладает внутренней логикой, которая может быть в каком-то приближении воспроизведена концептуальной теорией. Ориентируясь на эту трудноуловимую логику, все же просматривающуюся в творческих притязаниях международных субъектов, теория никогда не дает исчерпывающего знания реальности и в то же время обретает способ отгородить себя от абсолютного релятивизма.

Новая концепция международной теории, по-видимому, не будет похожа на прежние, претендовавшие на объяснение общественной жизни лишь в логике собственных категорий. Международная реальность достигла такой степени сложности и динамизма, при которой ее можно осмыслить достаточно глубоко и всесторонне, только сопоставляя ее видение с разных позиций. Каждая из них высвечивает какие-то существенные грани действительности, не воспроизводимые или односторонне воспринимаемые с иных позиций. Едва ли итоги подобного сопоставления оформятся в некую целостную доктрину. Скорее всего, это будет подвижная система понятий, фиксирующая результаты перманентного синтетического процесса взаимодействия различных идейных течений и школ.

Итак, взаимозависимость и транснационализация международных отношений; утрата государством его прежней роли «законодателя мод» во взаимодействиях на мировой арене; упадок значения силы, а, следовательно, и баланса сил, как регулятора этих взаимодействий; рост числа и многообразия «факторов вне суверенитета» и обусловленный им «парадокс участия»; стирание границ между внутренней и международной политикой – таков вклад транснационализма в познание закономерностей международных отношений. Следовательно, одной из групп таких закономерностей является рост взаимозависимости современного мира, выражающийся в неоднозначных и противоречивых явлениях глобализации экономических и финансовых процессов и экологических угроз, в демократизации и гуманизации международных отношений. В ядерный век неуязвимость одной, даже самой сильной в военном отношении державы, невозможна. Это означает, что в международных отношениях появляются общие интересы, которые могут быть достигнуты только совместными усилиями.

С этим связана другая группа закономерностей. Это вывод о том, что государства – уже не единственные участники международных отношений и что политика в отношении новых факторов – ТНК, национально-освободительных движений и т. п. – не может строиться на традиционном понимании внешней политики. Наряду с этим отмечается, что расширение числа и многообразия участников международных взаимодействий, «размягчение» государственного суверенитета и изменение содержания безопасности не вытесняют государства со сцены мировой политики, а лишь изменяют и усложняют их роль в поддержании стабильности.

Следующая группа закономерностей касается функционирования международных систем. Считается, что общей чертой всех международных систем является то, что происходящие в них процессы определяются наиболее мощными государствами и состоянием имеющихся между ними отношений. Наконец, допускается возможность разных типов международных систем и критериев их классифика-

ций. Напомним в этой связи, что именно политический реализм стал основой таких широко известных понятий, как «биполярная», «мультиполярная», «равновесная» и «имперская» международные системы. Как известно, в биполярной системе господствуют два наиболее мощных государства. Если же сопоставимой с ними мощи достигают другие державы, то система трансформируется в мультиполярную. Одна из главных идей, на которых базируется концепция международной системы, – это идея об основополагающей роли структуры в познании ее законов, которой придерживается абсолютное большинство исследователей. Структура международной системы навязывает всем странам такую линию поведения в экономической области, или в сфере экологии, которая может противоречить их собственным интересам. Структура позволяет понять и предсказать линию поведения на мировой арене государств, обладающих неодинаковым весом в системе характеристик международных отношений. Таким образом, именно состояние структуры международной системы является показателем ее устойчивости и изменений, стабильности и «революционности», сотрудничества и конфликтности. Именно в ней выражаются законы функционирования и трансформации международной системы.

Учебно-методическая литература

Основная

Кукулка Ю. Проблемы теории международных отношений / Пер. с польск. М.: Прогресс, 1980.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Фельдман Д.М. Закономерности и тенденции в развитии международных отношений // Введение в социологию международных отношений. М.: Междунар. отношения, 1992.

Дополнительная

Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А.Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

Современная мировая политика. Прикладной анализ: Учеб. пособие / Под ред. А.Д. Богатурова; МГИМО (У) МИД РФ. М.: Аспект-Пресс, 2009.

Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: ПЕР СЭ, 2005.

Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита; пер. с англ.; общая ред. и предисл. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002.

Теория международных отношений: Хрестоматия / Науч. ред. П.А. Цыганков. М., 2003.

Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений: Учебное пособие. М.: Радикс, 1994.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Косолапов Н.А. Введение в теорию мировой политики и международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 1–5, 11, 12; 1999. № 2, 6, 10; 2000. № 2.

Хрусталеv М.А. Эволюция системы международных отношений и особенности ее современного этапа // Космополис: Альманах. 1999.

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Мурадян А.А. Буржуазные теории международной политики. Критический анализ. М.: Наука, 1988.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Ильей Пригожиным // Вопр. философии. 1992. № 12.

Поздняков Э.А. Россия сегодня и завтра // Международная жизнь. 1993. № 2.

ГЛАВА 2. ПРИКЛАДНЫЕ МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ В ПОЗНАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Тема 6. Методические инструментари и методологические ориентации в изучении международной реальности

1. Методы и методология изучения ТМО.
2. «Методологическая дихотомия» в ТМО.
3. Взаимосвязь методических инструментариев и методологических ориентаций в ТМО.

Как известно, метод – это способ познания, исследования явлений природы и общественной жизни; прием, способ или образ действия. Познание – высшая форма отражения объективной реальности. Познание не существует отдельно от познавательной деятельности отдельных индивидов, однако последние могут познавать лишь постольку, поскольку овладевают коллективно выработанной, объективизированной системой знаний, передаваемых от одного поколения к другому. Существуют различные уровни познания: *чувственное познание, мышление, эмпирическое (опытное) познание, теоретическое познание*.

Выделяют также различные формы познания: познание, направленное на получение знания, неотделимого от индивидуального субъекта (восприятие, представление); познание, направленное на получение объективизированного знания, существующего вне отдельного индивида (например в виде научных текстов или в форме созданных человеком вещей). Объективизированное познание осуществляется коллективным субъектом по законам несводимым к индивидуальному процессу познания, и выступает как часть духовного производства. Различают такие типы познания, как *обыденное, художественное, научное (естественнонаучное и общественно-научное)*. Методология науки исследует структуру и развитие научного знания, средства и методы научного исследования, способы обоснования его результатов, механизмы и формы реализации знания в практике.

В современной науке вполне успешно работает многоуровневая концепция методологического знания. Методы научного познания могут быть разделены на пять основных групп: 1) *философские методы, к которым относятся: диалектика (античная, немецкая и материалистическая) и метафизика*; 2) *общенаучные подходы и методы исследования*; 3) *частнонаучные методы*; 4) *дисциплинарные методы*; 5) *методы междисциплинарного исследования*.

Научными методами эмпирического исследования являются *наблюдение, описание, измерение, эксперимент*. Определим эти понятия. *Наблюдение* – целенаправленное восприятие явлений объективной действительности. *Описание* – фиксация средствами естественного или искусственного языка сведений об объекте. *Измерение* – сравнение объекта по каким-либо сходным свойствам или сторонам. *Эксперимент* – наблюдение в специально создаваемых и контролируемых условиях, что позволяет восстановить ход явления при повторении условий. Существует шесть видов эксперимента: *исследовательский; проверочный; воспроизводящий; изолирующий; количественный; физический, химический и др.*¹.

Среди научных методов теоретического исследования выделяют *формализацию; аксиоматический метод; гипотетико-дедуктивный метод*.

Научным исследованием широко используются общенаучные *логические методы* исследования: *анализ и синтез; абстрагирование; обобщение; индукция и дедукция; аналогия и моделирование; идеализация; классификация; системный подход*

Существует представление, что каждая наука считается только тогда полноценной, когда она обладает своим специфическим методом (или методами) познания изучаемой реальности. Подчеркнем, международно-политическая наука еще не имеет такого собственного метода. В процессе изучения своего объекта исследования она применяет общенаучные методы и методы других наук. И одновременно развивающаяся *теория* международных отношений выступает в роли *метода* познания. Метод означает как сумму приемов, средств и процедур исследования наукой своего предмета, так и совокупность уже имеющегося знания. Это значит, что проблема метода, обладая самостоятельным значением, в то же время тесно связана с аналитической и практической ролью теории, которая также играет роль метода.

Помимо онтологической (выявление существа, специфики и особенностей своего объекта) и эпистемологической (выявление истоков, условий развития и функций самой теории) теория выполняет также методологическую роль. Методология – это совокупность приемов, способов и путей, иначе говоря, методов познания. Теория международных отношений использует самые различные методы – традиционные и научные, качественные и количественные, описательные и аналитические, формальные и рефлексивные и т. д. Значение проблемы методов трудно переоценить, ведь речь идет о путях и процедурах, которые призваны привести к наиболее надежным знаниям о международных отношениях.

В этой связи в науке о международных отношениях актуальной стала дискуссия между представителями различных теоретических школ и направлений по поводу так называемой «*методологической дихотомии*». Речь идет о противопоставлении *традиционно-классического историко-описательного, или интуитивно-логического подхода, модернистскому операционально-прикладному, или аналитико-прогностическому, связанному с применением методов точных наук, формализацией, исчислением данных (квантификацией), верифицируемостью (или фальсифицируемостью) выводов и т.п.*

---

¹ Алексеев П.В., Панин А. Теория познания и диалектика. М.: Высшая школа, 1991. С. 254–259.

«Традиционалисты» (Г. Моргентау, Р. Арон, М. Уайт, Х. Булл и др.) в своих умозаключениях отталкивались от достижений философии, истории и права, опирались на интуицию, здравый смысл, подчеркивали относительность и несовершенство наших знаний, которые, не могут рассматриваться иначе как гипотетические и неокончательные. «Модернисты» же (М. Каплан, Дж. фон Ньютон, Дж. Модельски, О. Моргенштерн и др.) придавали решающее значение в анализе сферы международных отношений положениям, основанным на количественных параметрах, математических доказательствах, формализации.

С их точки зрения, исследование международных отношений может считаться научным лишь в том случае, если оно поддается проверке при помощи строгих эмпирических процедур. Иначе говоря, модернизм как позитивистское течение связан со стремлением внести в социальные науки, к которым принадлежит и теория международных отношений, методы естественных и математических наук.

Традиционалисты же тяготеют к качественным, описательным, интуитивным методам, подчеркивая относительность и несовершенство всякого знания, и доказывают, что в теории международных отношений нет таких проблем, которые не решались бы с помощью классических подходов. Возражая им, модернисты аргументируют в пользу количественных, формальных методов и отмечают приверженность традиционализма к абсурдно широким обобщениям, которые ни подтверждаются и ни опровергаются эмпирическими данными, следовательно, не имеют отношения к науке. Традиционалисты отвечают, что модернистские критерии эмпирической верификации и строгого доказательства по существу не вносят ничего нового в научное знание, но и тормозят развитие теории международных отношений, замыкая в узкие рамки, не соответствующие сложности и богатству изучаемого объекта.

В результате развертывания такой «методологической дихотомии» появилась, например, точка зрения, согласно которой отмечается, что основным недостатком науки о международных отношениях стал затянувшийся процесс ее превращения в прикладную науку. Но как показывает процесс развития самой науки, подобного рода поспешные выводы являются преждевременными и страдают излишней категоричностью.

В действительности же в науке о международных отношениях с начала 50-х гг. XX века происходит усвоение многих релевантных результатов и методов социологии, психологии, формальной логики, а также естественных и математических наук. Одновременно начинается и ускоренное развитие аналитических концепций, моделей и методов, продвижение к сравнительному изучению данных, систематическое использование потенциала электронно-вычислительной техники. Все это способствовало значительному прогрессу науки о международных отношениях, приближению ее к потребностям практического регулирования и прогнозирования мировой политики и международных отношений.

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что данный процесс отнюдь не привел к вытеснению прежних, «классических» методов и концепций. К примеру, операциональность историко-социологического подхода к международным отноше-

ниям и его прогностические возможности были убедительно продемонстрированы представителями французской школы. Кроме того, один из ярких представителей «традиционного», «историко-описательного» подхода Г. Моргентау, указывая на недостаточность количественных методов, не без оснований отмечал, что они далеко не могут претендовать на универсальность. Столь важный для понимания международных отношений феномен, как, например, власть, представляет собой качество межличностных отношений, которое может быть проверено, оценено, угадано, но которое не может быть измерено количественно.

Разумеется, можно и нужно определить, сколько голосов может быть отдано политике, сколькими дивизиями или ядерными боеголовками располагает то или иное государство. Но если потребуется выяснить, сколько власти имеется у политика или у правительства, то исследователь должен будет отставить в сторону компьютер и счетную машину и приступить к обдумыванию социально-исторических процессов и, непременно, качественных характеристик. Действительно, существо политических явлений не может быть исследовано сколь-нибудь полно при помощи только прикладных методов.

В общественных отношениях вообще, а в международных отношениях в частности, доминируют *стохастические* процессы, не поддающиеся *детерминистским* объяснениям. Точнее, историческая необходимость лишена тех черт неотвратимости и неизбежности, которые присущи действиям необходимости в царстве природы.

Признание многовариантности развития международных отношений несовместимо с представлением об исторической необходимости как фатальной силе, прокладывающей себе путь с железной неотвратимостью сквозь хаотическое сцепление случайностей, образуемое разнонаправленной деятельностью людей. Альтернативность в истории есть форма существования необходимости, так как последняя может выразить себя не иначе как в многообразии той социальной действительности, которая всегда выступает результатом деятельности человека.

В данном контексте представляется неправомерным противопоставление категорий «историческая альтернативность» и «социальный детерминизм». Здесь нельзя упускать из виду роль детерминант, связанных с деятельностью субъективного фактора. Социально-политические и экономические структуры составляют объективные рамки для этой деятельности, но полностью ее не определяют. А именно от этой деятельности в решающей степени зависит победа того или иного варианта международного развития. Ведь детерминирована сама многовариантность развития, например, тех же международных процессов. Другое дело, что признание альтернативности как универсального свойства международных отношений, ведет к обогащению понимания самого принципа социальной детерминации.

В жизненной практике мировой порядок, складывающийся как определенный баланс взаимодействующих и разнонаправленных сил и тенденций, очень часто возникал как результирующая сумма переплетенных объективных и субъективных факторов исторического развития. Разумеется, на поверхности исторической реальности субъективная сторона человеческой деятельности всегда остается в

тени. Но исследования, проведенные во многих странах, показывают, что именно эта субъективная сторона, нередко игнорируемая в процессе осуществления международных контактов, оказывалась решающей причиной, приведшей, в конечном счете, к изменению самого рисунка и даже характера функционирующего мирового порядка.

В международных отношениях, как и в политике вообще, результат определяется не только складывающимися объективными обстоятельствами и объективно действующими факторами, но и субъективными, если угодно – волевыми моментами. В самом же многоцветном спектре международных отношений связующей основой всего мозаичного полотна сил и тенденций, как показывает опыт истории, очень часто оказывалось именно воздействие человеческого фактора.

Поэтому выводы социальных наук, в том числе и науки о международных отношениях, никогда не могут быть окончательно верифицированы или фальсифицированы. В этой связи здесь вполне правомерны методы, по выражению Н.А. Косолапова, «*широкой теории*»¹, сочетающие наблюдение и рефлексию, сравнение и интуицию, знание фактов и воображение. Их польза и эффективность подтверждается и современными изысканиями, и плодотворными интеллектуальными традициями.

Вместе с тем, как верно подмечено в ходе полемики между сторонниками «традиционалистских» и «модернистских» подходов в науке о международных отношениях, было бы абсурдно настаивать на интеллектуальных традициях там, где необходимы точные «квантификации» и корреляции между собранными фактами. Все то, что в сфере международных отношений поддается квантификации, должно быть квантифицировано. Здесь решающая роль принадлежит «*узкой теории*».

Методологически «широкая теория», как замечает Н.А. Косолапов, в большей степени опирается на философию и специальные (отраслевые) методы исследований; «узкая теория» – на формализованную методологию науки, логику, формализованные методы исследований. Следовательно, определение объекта и предмета исследований в первой носит преимущественно интуитивный или описательный характер, а во второй – выстраивается по четко формулируемым критериям. Содержание теории в первой образуют – эмпирические материалы, интерпретации, объяснительные схемы, в том числе и донаучного характера, во второй – выведенные, согласно принятой методологии, представления о возможных, вероятных и невозможных вариантах состояния данной сферы деятельности при определенных условиях и/или в определенный период ее развития.

Правомерен вывод о том, что и «широкая», и «узкая» теории выступают на равных основаниях, а анализ одной и той же проблемы может осуществляться двумя разными исследовательскими инструментариями независимо друг от друга. Более того, в рамках обоих подходов одной и той же дисциплиной могут использоваться в разных пропорциях различные методы. Взаимосвязь между общенаучными и аналитическими методами достаточно условна, поэтому и надо иметь в виду

---

¹ Косолапов Н. Теория международных отношений: предмет анализа и предмет теории (Введение в теорию) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 11. С. 48.

условность, относительность границ между ними, их способность «перетекать» друг в друга. Данное утверждение верно и для международных отношений. В то же время нельзя забывать и о том, что основное предназначение науки состоит в служении практике и, в конечном счете, в создании основ для принятия решений, имеющих наибольшую вероятность способствовать достижению поставленной цели.

Таким образом, выражаясь синергетическим языком, наука о международных отношениях развивается не линейно-детерминистским, а альтернативно-вероятностным путем. Можно наблюдать, что в науке о международных отношениях происходит не превращение ее из историко-описательной в прикладную, а уточнение и коррекция теоретических положений через прикладные исследования, возможные лишь на определенном, достаточно высоком этапе ее развития, и «возвращение долга» «прикладникам» в виде более прочной и операциональной теоретико-методологической основы.

Иначе говоря, международно-политическая наука «вбирает» в свой методический инструментарий и методологические ориентации такие приемы исследования, которые, на первый взгляд, кажутся противоречащими друг другу, даже несовместимыми, но затем оказываются плодотворными в процессе раскрытия содержательных характеристик международной реальности. Поскольку реалии международных отношений предстают перед исследователями как бесконечное многогранное, многоцветное явление, постольку неизбежна процедура взаимодействия различных аналитических методов, в итоге позволяющая обнаруживать некие синтетические характеристики изучаемого объекта.

При этом нетрудно заметить, что существует сходство методологических подходов и даже пересечение методов, свойственных двум отмеченным уровням исследования международных отношений. Это верно и в смысле, когда в обоих случаях одни из используемых методов отвечают всем поставленным целям, другие же эффективны лишь в той или иной конкретной плоскости применения.

Особенно важно в процессе изучения теории международных отношений обнаружить соответствующую меру взаимодействия в исследовательских процедурах *методических инструментариев* и *методологических ориентаций*. Что же касается методических инструментариев, то обоснованная концепция научно-исследовательского и учебно-методического характера была выдвинута и реализована в фундаментальном учебном пособии П.А. Цыганкова «Теория международных отношений»¹ и получила одобрение российского экспертного сообщества. Автор учебного пособия акцентировал внимание на определенной совокупности методических инструментариев, позволяющих выйти на уровень операционально-прикладного, аналитико-прогностического характера.

В анализе международных отношений, считает он, существуют особые, специальные методологические подходы, обусловленные тем, что международные политические процессы обладают своей спецификой, отличаются от внутренних

---

¹ См. напр.: Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002. С.46–76.

процессов, разворачивающихся в рамках отдельных государств. Для решения такой задачи необходимо подробное описание тех или иных методов, иллюстрируемое примерами их конкретного применения в исследовательской работе при анализе определенного объекта международных отношений, а во-вторых, практическое участие в том или ином научно-теоретическом или научно-прикладном проекте, поскольку, как известно, нельзя научиться плавать, не входя в воду. При этом следует иметь в виду, что каждый исследователь обычно использует свой излюбленный метод, корректируемый, дополняемый и обогащаемый им с учетом имеющихся условий и инструментария. Важно иметь в виду и то, что применение того или иного метода зависит от объекта и задач исследования.

В этой связи на основании хорошо известных выводов Р. Арона, можно утверждать, что в *прикладном плане* речь идет об изучении фактов, т. е. использовании «узкой» теории: анализа совокупности имеющейся информации; объяснения существующего положения (поиски причин, призванные избежать нежелательного и обеспечить желаемое развитие событий); прогнозирования дальнейшей эволюции ситуации (исследование вероятности ее возможных последствий); подготовки решения (составление перечня имеющихся средств воздействия на ситуацию, оценка различных альтернатив) и, наконец, принятия решения (которое также не должно исключать необходимости немедленного реагирования на возможные изменения ситуации).

Методология политических исследований в *прикладном выражении* основательно разработана в фундаментальном труде Дж. Б. Мангейма и Р. К. Рича «Политология. Методы исследования»¹. Разумеется, специфика международных отношений не во всех своих компонентах согласуется с тем методическим инструментарием, который применяется в работе данных авторов. Но поскольку международные отношения в определяющей степени преломляют в своих содержательных характеристиках *«политическое начало»*, постольку ТМО имеет возможность отталкиваться от тех формализованных методик, которые тщательным образом обоснованы этими исследователями.

В ТМО используются следующие виды методов: анализ ситуации; экспликативные методы; прогностические методы; анализ принятия решений.

1. Методы анализа ситуации. Ситуационный анализ использует определенную совокупность методов и процедур междисциплинарного характера, применяемых для накопления и первичной систематизации эмпирического материала («данных»). В этой связи их называют также «техниками исследования». Данная совокупность методов состоит как из простейших (наблюдение, изучение документов, сравнение), так и сложных (формирование банка данных, построение многомерных шкал, составление простых (Checklists) и сложных (Indices) показателей, построение типологий (факторный анализ Q) и т.п.

Наблюдение. Исследователь сначала *видит*, а потом *оценивает* события и процессы, происходящие на международной арене. *Прямое наблюдение* отличается от *косвенного*, которое проводится на основе информации, получаемой при

¹ См.: Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М.: Весь мир, 1997.

помощи интервью, анкетирования и т.п. Наблюдение бывает *внешним* (которое, например, ведут парламентские журналисты, или специальные корреспонденты в иностранных государствах) и *включенным* (*participant observation*), когда наблюдатель является прямым участником того или иного международного события: дипломатических переговоров, совместного проекта или вооруженного конфликта.

Задача исследователя, ведущего включенное наблюдение, – показать, как социальное действие в одном мире может быть понято, осмыслено с точки зрения другого мира. Наблюдатель здесь становится посредником между различными социальными мирами, расширяющим горизонты культурных традиций и способствующим их коммуникации. Мемуары известных деятелей, политиков и дипломатов позволяют получать интересную информацию по истории межгосударственных связей, современным проблемам международных отношений, анализировать ее, делать выводы теоретического и прикладного характера. В последнее время значительную роль здесь играет *инструментальное наблюдение*, осуществляемое с помощью технических средств. Такие события международной жизни, как встречи лидеров государств, международные конференции, деятельность международных организаций, международные конфликты и переговоры по их урегулированию, наблюдаются чаще всего в записи (на видеопленке), в телевизионных передачах.

В международных отношениях в основном возможно *косвенное и инструментальное* наблюдение. Основной недостаток данного метода сбора данных – большая роль *субъективных факторов*, связанных с активностью субъекта, его (или первичных наблюдателей) идеологическими предпочтениями, *несовершенством* или *деформированностью* средств наблюдения и т. п.¹. При этом наблюдатель может выступать в ролях, различающихся по степени закрытости-открытости исследователя для респондентов. *Полный участник* – цели и статус исследователя остаются неизвестными для информантов, а поэтому такую ситуацию можно назвать ситуацией скрытого наблюдения. *Неполный участник* – цели и статус исследователя остаются неизвестными для респондентов, но сам исследователь не вовлечен в ситуацию, наблюдает ее со стороны. *Полный наблюдатель* – респонденты осведомлены о целях и статусе исследователя, исследователь не принимает участия в ситуации или действии, наблюдая со стороны.

Контекст наблюдения включает в себя не только время, место и общую структуру взаимодействия, но и некую – обычно неявную – совокупность норм (нормативную структуру), регулирующих поведение людей в данных обстоятельствах места и времени. Разумеется, наблюдатель не может «влезть в шкуру» других людей, особенно принадлежащих к другой культуре или исторической эпохе. Но он может попытаться упорядочить и подвергнуть более глубокому и систематическому рассмотрению те выражения, символы и культурные формы, посредством которых изучаемые им люди описывают и передают свой опыт, делая это зачастую непоследовательно, случайно или не вполне осознанно. Наиболее очевидные не-

---

¹ См. напр.: Кукулка Е. Проблемы теории международных отношений / Пер. с польск. М., 1980. С. 50–58

достатки включенного наблюдения связаны с излишне описательным характером получаемых данных, опасностью подмены научных объяснений субъективными повествованиями.

Метод изучения документов играет большую роль в исследовании вопросов истории международных отношений, но для исследования современных проблем международной жизни его применение ограничено. Это объяснимо тем, что информация о внешней политике и международных отношениях часто относится к сфере государственной тайны и документы, содержащие подобную информацию, доступны ограниченному кругу лиц, особенно если речь идет о документах и материалах иностранного государства. Работа с большинством таких документов становится возможной только по прошествии времени, часто через десятки лет, т. е. тогда, когда они представляют интерес в основном для историков.

Наиболее доступными являются официальные документы: сообщения пресс-служб дипломатических и военных ведомств, информация о визитах. Вместе с тем широко используются и неофициальные письменные, аудио- и аудиовизуальные источники, которые так или иначе могут способствовать увеличению объема информации о событиях международной жизни: записи мнений частных лиц, семейные архивы, неопубликованные дневники. Важное значение могут играть воспоминания непосредственных участников тех или иных международных событий – войн, дипломатических переговоров, официальных визитов. Это касается и форм подобных воспоминаний – письменных или устных, непосредственных или восстанавливаемых и др.

Большую роль в сборе данных играют так называемые иконографические документы: картины, фотографии, кинофильмы, выставки, лозунги. Так, в условиях господствовавшей в СССР закрытости, повышенной секретности и, следовательно, практической недоступности неофициальной информации, американские советологи уделяли серьезное внимание изучению иконографических документов, например, репортажей с праздничных демонстраций и парадов. Изучались особенности оформления колонн, содержания лозунгов и плакатов, количества и персонального состава официальных лиц, присутствующих на трибуне и, разумеется, видов демонстрируемой военной техники и вооружений¹.

Сравнение. Главное достоинство данного метода состоит в том, что он нацеливает на поиск общего, повторяющегося в сфере международных отношений. Необходимость сравнения между собой государств и их отдельных признаков (территория, население, уровень экономического развития, военный потенциал, протяженность границ и т.д.) стимулировала развитие количественных методов в науке о международных отношениях, в частности измерения. Так, если имеется гипотеза о том, что крупные государства более склонны к развязыванию войны, чем все остальные, то возникает потребность измерения величины государств с целью определения, какое из них является крупным, а какое малым и по каким критериям. Кроме «пространственного» аспекта измерения, появляется необходимость измерения «во времени», т.е. выяснения в исторической ретроспективе,

---

¹ См. напр.: Баталов Э.А. Что такое политология? // Конфликты и консенсус. 1991. № 1.

какая величина государства усиливает его «склонность» к войне. В то же время сравнительный анализ дает возможность получить научно значимые выводы и на основе несходства явлений и неповторимости ситуации. Так, сравнивая между собой иконографические документы (в частности, фото- и кинохронику), отражающие отправление французских солдат в действующую армию в 1914 и в 1939 гг., М. Ферро обнаружил впечатляющую разницу в их поведении. Улыбки, танцы, атмосфера всеобщего ликования, царившая на Восточном вокзале Парижа в 1914 г., резко контрастировала с картиной уныния, безнадежности, явного нежелания отправляться на фронт, наблюдаемой на том же вокзале в 1939 г.

Поскольку указанные ситуации не могли сложиться под влиянием пацифистского движения (по свидетельству письменных источников, оно никогда не было столь сильным, как накануне 1914 г. и, напротив, почти совсем не проявляло себя перед 1939 г.), постольку была выдвинута гипотеза, согласно которой одним из объяснений описанного выше контраста должно быть то, что в 1914 г., в отличие от 1939 г., не существовало никаких сомнений относительно того, кто является врагом: враг был известен и идентифицирован. Доказательство данной гипотезы стало одной из идей весьма интересного и оригинального исследования, посвященного осмыслению Первой мировой войны.

2. Экспликативные методы (*explicatio* – лат., первоначально – развертывание, разъяснение, объяснение условных обозначений, употребляемых на картах, в планах и т.д.) – методы интерпретации получаемой информации. Распространенными являются такие методы, как *контент-анализ*, *ивент-анализ*, *метод когнитивного картирования и их разновидности*.

Контент-анализ. Исследователь может узнать об изучаемой стране много полезного, если он тщательно ознакомится, прежде всего, с доступными информационными источниками. Эти источники можно разделить на три группы: *источники внутреннего происхождения* (т.е. составленные индивидом, учреждением или правительством) и внутренне ориентированные (например, служебные циркуляры, отражающие сам процесс принятия решения); *источники внутреннего происхождения, но внешне ориентированные* (публикации, в которых информация намеренно подается таким образом, чтобы сформировать у людей вполне определенный имидж источника, и которые, следовательно, могут как точно отражать, так и затемнять процесс и результаты принятия решений) и, наконец, *источники внешнего происхождения, но внутренне ориентированные* (например, использование иностранных публикаций внутри страны в целенаправленном формировании «образа» внешнего врага). Каждая из этих категорий источников дает возможность глубокого проникновения в суть политического поведения.

Иногда доступные документы не дают возможности адекватно оценить намерения, цели, предсказать возможные решения и действия участников внешне-политического процесса. В этом случае уместным методом является *контент-анализ*, т. е. систематическая числовая обработка, оценка и интерпретация формы и содержания информационного источника¹. Контент-анализ снабжает методом

¹ См.: Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М., 1997. С.269–292.

(серией методов), обобщающих реальные проявления поведенческих ориентаций политических субъектов. Этот метод был разработан американскими социологами и использован в 1939–1940 гг. для анализа речей руководителей нацистской Германии, опубликованных в печати и передаваемых по радио. С невероятной точностью американские специалисты предсказали время нападения на СССР, место и порядок проведения многих военных операций, выявили секретные идеологические установки германского фашизма. Метод контент-анализа использовался специальными учреждениями США в целях разведки. Позже он стал применяться широко и приобрел статус методологии изучения общественных явлений.

В самом общем виде данный метод может быть представлен как систематизированное изучение содержания письменного или устного текста с фиксацией наиболее часто повторяющихся в нем словосочетаний или сюжетов. Далее частота этих словосочетаний или сюжетов сравнивается с их частотой в других письменных или устных сообщениях, известных как нейтральные, на основе чего делается вывод о политической направленности содержания исследуемого текста.

В научно-учебной литературе выделены следующие стадии применения метода контент-анализа: 1) структуризация текста, связанная с первичной обработкой информационного материала; 2) обработка информации при помощи матричных таблиц; 3) квантификация информационного материала, т. е. его анализ при помощи электронно-вычислительной техники. Степень строгости метода зависит от правильного выделения единиц анализа (термины, словосочетания, смысловые блоки, темы) и единиц измерения (слово, фраза, раздел, страница)¹.

Ивент-анализ. В основе метода ивент-анализа лежит отслеживание динамики событий на международной арене с целью определения главных тенденций развития политической ситуации в отдельных странах, регионах и в мире в целом. При помощи ивент-анализа можно, например, успешно изучать международные переговоры. В этом случае в центре внимания находится динамика поведения участников переговорного процесса, интенсивность выдвижения предложений, динамика взаимных уступок и т. д.

При проведении исследования интерес представляет информация об отдельных ситуациях, суть которых неполностью отражается в последовательном описании событий. Примерами могут служить случаи, возникающие в результате боевых действий, революций или восстаний, террористических актов, дипломатических демаршей, государственных переворотов или активности партий. Многие аспекты политического процесса здесь остаются закрытыми для внешних наблюдателей и, следовательно, степень неопределенности при принятии решений в динамично меняющихся условиях политической среды остается весьма высокой. Аналитики сконцентрировали внимание на частоте и уровне интенсивности событий, формирующих взаимодействие сторон в рамках конкретной ситуации. В этой связи источники информации стали обрабатываться под углом зрения чет-

---

¹ См.: *Боришполец К.П.* Методы, методики и процедуры прикладного анализа международных отношений // *Международные отношения: социологические подходы* / Ред. П.А. Цыганков. М., 1998; *Хрусталева М.А.* Системное моделирование. М., 1992.

кой классификации акций и их временной последовательности. Проекты, использующие этот метод, отличаются по типу изучаемых событий, числу рассматриваемых акторов, временных параметров, используемых источников, систем классификации данных и т. д.

Следовательно, ивент-анализ – методика, направленная на обработку информации о том, *кто говорит или делает, что говорит или делает, по отношению к кому и когда говорит или делает*. Систематизация и обработка соответствующих данных осуществляется по следующим признакам: субъект инициатор (кто); сюжет (что); объект (по отношению к кому); дата события (когда). Систематизированные таким образом события сводятся в матричные таблицы, ранжируются и подсчитываются при помощи ЭВМ. Эффективность данного метода предполагает наличие значительного банка данных.

В настоящее время ивент-анализ широко применяется при изучении военных конфликтов, проявлений политического насилия, массовых выступлений и динамики переговоров. Его популярность обусловлена тем, что методика позволяет осуществить сравнение различных событий, которые агрегируются (собираются), подсчитываются и описываются в терминах количества, численности участников, продолжительности и масштабов политического взаимодействия. Это облегчает, например, сравнение кратковременных действий или выступлений, потерпевших поражение с действиями, которые увенчались успехом, и тем самым создает дополнительные возможности в сфере тактического прогнозирования. Событийный анализ позволяет также выделить этапы развития ситуации и оценить новое качество (состояние) политического процесса как результата различного вида акций участников событий. В связи с этим возникает возможность построения многовариантных сценариев и повышается точность прогнозирования не только тактического, но и стратегического.

Когнитивное картирование. Этот метод направлен на анализ того, как тот или иной политический деятель воспринимает определенную политическую проблему. В основе принятия политическими лидерами решений может лежать не только, и даже не столько действительность, которая их окружает, сколько то, как они ее воспринимают. Базовое понятие в методологии когнитивного картирования – «когнитивная карта», являющаяся графическим изображением содержащейся в сознании человека стратегии получения, обработки и хранения информации и составляющая фундамент представлений человека о его прошлом, настоящем и возможном будущем. В исследованиях международных отношений когнитивное картирование используется для того, чтобы определить, как тот или иной лидер видит политическую проблему и, следовательно, какие решения он может принять в той или иной международной ситуации. При составлении когнитивной карты сначала выявляют основные понятия, которыми оперирует политический лидер, затем находят причинно-следственные связи между ними, далее рассматривают и оценивают значение этих связей. Составленная когнитивная карта подвергается дополнительному анализу, после чего делают выводы о том, является ли для данного лидера приоритетной внутренняя или внешняя полити-

ка, насколько значимы для него общечеловеческие моральные ценности, каково соотношение положительных и отрицательных эмоций в восприятии конкретных международных политических ситуаций.

Р. Джервис впервые обратил внимание на роль образов и представлений в международных отношениях, открыв новую страницу в политической теории¹. Во-первых, он анализировал процесс принятия внешнеполитических решений с позиций психологии и установил, что «зачастую объяснение причин, по которым были приняты те или иные важные решения, требует изучения убеждений лиц, принимающих решения, их взглядов на мир и образы других субъектов». Главный вопрос для Джервиса заключался не в том, кто был прав, а кто ошибался, а в том, «почему представления людей о мире оказались различными». Во-вторых, он утверждал, что «представления людей о мире и о других субъектах расходятся с реальностью вполне ощутимым образом и по причинам, которые недоступны нашему пониманию». В-третьих, Джервис предложил проводить различие между «сигналами» (словами и символическими действиями) и «показателями» (ресурсами и намерениями). В данной связи Ч. Пейрс, один из отцов-основателей современной семиотики, впервые предложил различать «показатели» (непосредственные материальные действия), «символы» (symbols) и «образы» (icons)².

Анализ когнитивных факторов позволяет понять, например, что относительное постоянство внешней политики государства объясняется, наряду с другими причинами, постоянством взглядов соответствующих лидеров. Метод когнитивного картирования решает задачу выявления основных понятий, которыми оперирует политик, и нахождения имеющихся между ними причинно-следственных связей. В результате исследователь получает карту-схему, в которой на основании изучения речей и выступлений политического деятеля, отражено его восприятие политической ситуации или отдельных проблем.

В применении описанных методов, которые обладают целым рядом несомненных достоинств – возможность получения новой информации на основе систематизации уже известных документов и фактов, повышение уровня объективности, возможность измерения и т. п., – исследователь сталкивается и с серьезными проблемами. Это – проблема источников информации и ее достоверности, наличия и полноты баз данных и т. п. Другой недостаток когнитивного картирования заключается в трудоемкости этого метода. Поэтому практически его применяют редко. Но главная проблема – это затраты, которых требует проведение исследований с использованием метода когнитивного картирования, а также ивент-анализа и контент-анализа.

Эксперимент. В социальных науках распространение получил такой вид эксперимента, как имитационные игры, в отличие от полевого, представляющего разновидность лабораторного эксперимента. Существует два типа имитационных

---

¹ См.: Jervis R. The Logic of Images in International Relations. Princeton, 1970; Он же. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, 1976. P. 28–29.

² См.: Peirce Ch. Philosophical Writings of Peirce. Selected and Edited with an Introduction by Justus Buchler. N.-Y., 1955.

игр: без применения электронно-вычислительной техники и с ее использованием. В первом случае речь идет об индивидуальных или групповых действиях, связанных с исполнением определенных ролей (например, государств, правительств, политических деятелей или международных организаций) в соответствии с заранее составленным сценарием. При этом участниками должны строго соблюдаться формальные условия игры, контролируемые ее руководителями. Например, в случае имитации межгосударственного конфликта должны учитываться все параметры того государства, роль которого исполняет участник – экономический и военный потенциал, участие в союзах, стабильность правящего режима и т. п. В противном случае подобная игра может превратиться в простое развлечение и потерю времени с точки зрения познавательных результатов.

Имитационные игры с применением компьютерной техники предлагают гораздо более широкие исследовательские перспективы. Опираясь на соответствующие базы данных, они дают возможность, например, воспроизвести модель дипломатической истории. Начав с самой простой и самой правдоподобной модели объяснения текущих событий – кризисов, конфликтов, создания межправительственных организаций и т. п., далее исследуют, как она подходит к подобранным ранее историческим примерам. Путем проб и ошибок, изменяя параметры исходной модели, добавляя упущенные в ней прежде переменные, учитывая культурно-исторические ценности, сдвиги в господствующем менталитете и т. д., можно постепенно продвигаться к достижению все большего соответствия воспроизведенной модели дипломатической истории, и на основе сравнения этих двух моделей выдвигать обоснованные гипотезы относительно возможного развития текущих событий в будущем. Иначе говоря, эксперимент относится не только к объяснительным, но и к прогностическим методам.

Прогностические методы. Методы прогнозирования делятся на *фактографические* и *экспертные*. К фактографическим (формализованным) методам относятся: 1) *статистические методы* «прогнозирование экстраполяции», регрессионный анализ; 2) *методы аналогий* (математических, исторических); 3) *опережающие методы* (анализ динамики научно-технической информации, метод прогнозирования уровня техники). Эти методы базируются на использовании количественной или качественной информации о событиях, которые имели место в прошлом. Фактографическая информация должна быть зафиксирована на любых носителях.

Статистические методы включают *прогнозную экстраполяцию* и *регрессионный анализ*. Они базируются на современном математическом аппарате, который предусматривает использование функций для аналитического описания поведения изучаемого объекта. Прогнозная экстраполяция предусматривает аппроксимацию полиномами, экстраполяцию стандартными функциями, экстраполяцию с дисконтированием информации, экстраполяцию за описывающими кривыми. Все эти методы направлены на поиск простейшего вида функций, максимально приближающихся к развитию анализируемого процесса. Методы регрессионного анализа используют авторегрессионные модели, многофакторные модели, парные регрессии. Главные задачи применения многомерного статистического ана-

лиза в исследованиях прогнозирования сводятся к построению многофакторных уравнений регрессии для экстраполяции по ним прогнозируемых переменных.

Широкое применение в генерировании новых идей получили фактографические методы аналогий. С этой целью используются математические и исторические аналогии. Публикационный метод прогнозирования базируется на оценке содержания и динамики публикаций относительно объекта изучения. Цитатно-индексный метод прогнозирования также базируется на анализе динамики цитирования авторов разных публикаций. Опережающие методы прогнозирования предусматривают наличие тесной связи между динамикой информации и прогрессом. Экспертные (интуитивные) методы предусматривают использование для генерирования идей высококвалифицированных специалистов соответствующей области.

Именно это признается главным преимуществом экспертных методов – возможность анализа и прогнозирование объекта, который не имеет достаточной истории развития. Другим преимуществом экспертных методов является возможность предусмотреть качественные изменения в процессе развития объекта, поскольку большинство фактографических методов лишь распространяют на будущее ретроспективную тенденцию. Вместе с тем существенным недостатком экспертных методов генерирования идей является принципиальная невозможность избежать субъективизма в оценках. Поэтому эти методы используют большей частью тогда, когда отсутствует или недостаточна статистическая информация относительно объектов генерирования идей, а также в случае весьма большой неопределенности будущего развития.

В зависимости от принципов осуществления экспертные методы прогнозирования классифицируются как индивидуальные экспертные оценки (прямое опрашивание, заочное опрашивание); коллективные экспертные оценки, оказывающие содействие коллективному генерированию идей (зависимый «интеллектуальный» эксперимент, независимый «интеллектуальный» эксперимент). Данные методы базируются на обработке данных относительно перспективы развития объекта, полученных по результатам специальных опросов экспертов. Индивидуальные экспертные оценки предусматривают использование результатов одного эксперимента. В зависимости от того, как именно осуществлялся опрос, индивидуальные экспертные оценки условно распределяются на методы прямого и анонимного опроса. К первым относятся методы интервью и психоинтеллектуального генерирования идей, а ко вторым – аналитическая индивидуальная оценка (докладная записка), метод сценариев, морфологический анализ и т. п.

«Дельфийский» метод. Из методов независимого интеллектуального эксперимента чаще всего используется «дельфийский» метод, который предусматривает несколько туров опрашивания. Он базируется на выявлении согласованной оценки экспертной группы после неоднократного анонимного опроса и сообщение специалистам результатов предыдущего тура. Это дает возможность экспертам дополнительно обосновать свои оценки в следующем туре. Цель «дельфийского» метода – прогноз срока осуществления какого-то события на основании заключений экспертов по этому вопросу.

«Дельфийский» метод был разработан в 1964 г. специалистами американской фирмы «РЕНДкорпорейшн» Г. Гордоном и О. Хелмером и назван в честь греческого города Дельфы, известного своими жрецами-оракулами. Этот метод предусматривает следующее: постановку с помощью специальных анкет серии вопросов, ответы на которые должны достаточно характеризовать предмет; многоразовую процедуру опроса; анонимное ознакомление с результатами предыдущего тура опроса всех специалистов-экспертов; получение от экспертов, суждений которые значительно отличаются от мнений большинства, объяснение причин таких отклонений; последовательную (от тура до тура) статистическую обработку ответов экспертов с целью определения среднестатистической характеристики.

Экспертное опрашивание осуществляется в три-четыре этапа, при этом в анкетах первого тура, рядом с информацией относительно проблем, ставится задача определить наиболее важную из них. В анкетах второго тура, которые формируются по результатам статистической обработки результатов предыдущего опроса, ставят задачи назвать срок определенного события (например, появление медицинских препаратов абсолютной радиационной защиты). Обработанные результаты второго тура приводятся экспертам. В третьем туре экспертам предоставляется возможность изменить свою оценку в сторону сближения с большинством или аргументировать свою личное умозаключение. При необходимости этот интерактивный процесс можно продолжить (четвертый, пятый и следующий туры). Если разность среднестатистических оценок двух последних туров не превышает установленной величины погрешности, опрос экспертов прекращается.

Главными характеристиками результатов опроса считают математическое ожидание (в простейшем случае – среднее значение) и дисперсию (характеристику отклонения) полученных ответов, а также значение квартили. Все эти величины дают возможность предусмотреть срок (чаще всего год) будущего события. Границы квартилей – это два значения величины, которая измеряется. Они определяют диапазон, в котором содержится 50 % голосов всего коллектива экспертов. Соответственно мысли других 50 % экспертов распределяются поровну: 25 % голосов превышают высочайший срок этого диапазона и 25 % – находятся ниже нижнего срока. В следующем туре опроса экспертам сообщают границы квартилей и предлагают тем специалистам, мнения которых не попали в средний 50 % диапазон, или изменить их, или дать обоснование своих соображений. Эти результаты и обоснования выносятся на следующий тур.

Главным недостатком этого метода является организационная сложность и продолжительность проведения многоуровневого опроса.

Фактографические методы дают возможность использовать объективные данные **ретроспективного** характера, оценивать перспективу и моделировать весь процесс развития объекта прогнозирования. Их использование предусматривает распространение тенденций развития объекта на весь период прогноза, однако не всегда принимается во внимание возможность качественных скачков в движении того или иного явления и неопределенность будущего. Вместе с тем экспертные методы делают возможным анализ перспектив развития явления с не-

достаточными знаниями его предыдущей истории, составление прогнозов качественных изменений в процессе развития объекта. Главным их недостатком является сложность проведения опросов и следующей обработки полученных данных, а также невозможность избавиться от субъективных оценок.

В международных отношениях существуют как относительно простые, так и более сложные прогностических методы. К первой группе могут быть отнесены такие методы, как, например, заключения по аналогии, метод простой экстраполяции, «дельфийский» метод, построение сценариев и т.п. Ко второй – анализ детерминант и переменных, системный подход, моделирование, анализ хронологических серий (ARIMA), спектральный анализ, компьютерная симуляция и др.

Анализ процесса принятия решений (ППР). В литературе отмечается, что процесс принятия решений – это динамическое измерение системного анализа международной политики и вместе с тем одна из центральных проблем науки о международных отношениях. Классический подход к анализу ППР включает два этапа исследования: на первом этапе определяются главные лица, принимающие решение (глава государства и его советники, министры: иностранных дел, обороны, безопасности), и описывается роль каждого из них; на втором этапе проводится анализ политических предпочтений лиц, принимающих решения с учетом их мировоззрения, опыта, политических взглядов, стиля руководства и т. д.¹ Обобщая методы анализа, выделяют четыре подхода.

Первый назван моделью рационального выбора, которой осуществляется лидером на основе национального интереса. Лидер систематически отслеживает возможные последствия своего выбора; ППР открыт для любой новой информации, способной повлиять на решение.

В рамках второго подхода решение принимается под влиянием правительственных структур и разбивается на отдельные фрагменты, а разрозненность правительственных структур, особенности отбора ими информации, сложность взаимных отношений друг с другом, различия в степени влияния и авторитета являются препятствием для ППР.

В третьей модели решение рассматривается как результат торга – сложной игры между членами бюрократической иерархии, правительственного аппарата, где каждый представитель имеет свои интересы, свои позиции, свои представления о приоритетах внешней политики государства.

Четвертый подход предполагает, что *лица, принимающие решения* (ЛПР), не обладают полной информацией и не в состоянии оценить последствия выбора.

Один из распространенных методов изучения процесса принятия решения, получивших распространение в международных отношениях, связан с теорией игр. Теория игр – это теория принятия решений, которая базируется на теории вероятностей и представляет собой конструирование моделей анализа или прогнозирования различных типов поведения акторов, находящихся в особых ситуациях. В теории игр анализируется поведение ЛПР в их взаимных отношениях, свя-

---

¹ См. напр.: Jervis R. Political implications of loss aversion. – Farnham B. (ed) Avoiding losses/ taking risks: Prospect theory and international conflict. Ann Arbor, 1994.

занных с преследованием одной и той же цели. При этом задача состоит не в описании поведения игроков или их реакции на информацию о поведении противника, а в нахождении наилучшего из возможных вариантов решения для каждого из них перед лицом прогнозируемого решения противника. Теория игр позволяет находить (или прогнозировать) решение в некоторых ситуациях, т.е. указать наилучшее из возможных решений для каждого участника, вычислить наиболее рациональный способ поведения в различных типах обстоятельств.

Анализ процесса принятия решений часто используется для прогнозирования возможной эволюции той или иной конкретной международной ситуации, например межгосударственного конфликта. При этом принимаются в расчет не только факторы, относящиеся «непосредственно» к ППР, но и потенциал (совокупность ресурсов), которым располагает лицо или инстанция, принимающая решение. Принятие внешнеполитического решения, может оказать ключевое воздействие на судьбы человечества, особенно в острых международных ситуациях. Это стало наиболее очевидным после Карибского кризиса 1962 г. Вследствие осознания этого факта процесс принятия решения, особенно в условиях конфликта и кризиса, стал одной из важнейших и актуальных тем научных исследований, что в значительной мере послужило стимулом к формированию проблемы принятия политического решения в качестве отдельной области изучения международных отношений.

Теория перспективы подразделяет процесс принятия решений на два этапа: (1) подготовки вариантов выбора и (2) их оценки. При прохождении этапа подготовки огромное значение имеют «эффекты обрамления» (фрейминг), т. е. способ представления альтернатив, связанный с порядком и средствами репрезентации рассматриваемых вариантов. Воздействие фрейминга на формирование вариантов выбора может осуществляться как за счет изменения формы подачи материала, так и с помощью манипулирования важностью альтернатив. Этап оценки включает в себя две фазы: определения субъективной значимости (полезности) приобретений, потерь и оценки вероятностей приобретения таковых при каждом из вариантов выбора. Функция субъективной полезности, характеризующая первую фазу этапа оценки, обладает тремя особенностями. Первая из них заключается в том, что при оценке выгод и издержек индивиды отталкиваются от так называемой оценочной точки. Это означает, что восприятие субъектом потенциальных потерь или приобретений зависит от некой точки отсчета, в качестве которой обычно выступает статус-кво. При этом следует отметить, что наиболее важной является не абсолютная, а относительная полезность выбираемой альтернативы, представленная как положительное или отрицательное отклонение от оценочной точки. Другая особенность функции субъективной полезности в том, что, когда субъект принятия решений смотрит на ситуацию с позиции потерь, он склонен к риску, а когда предвосхищает получение выгод, то старается избегать рискованных форм поведения. Как правило, боязнь идти на риск при принятии внешнеполитических решений заставляет политиков отдавать предпочтение «нулевому» варианту, т. е. сохранению статус-кво. Наконец, последняя особенность состоит в том, что для субъекта психологически потери ощутимы гораздо больше, нежели соизмеримые с ними выигрыши.

На основе изложенного можно утверждать, что в политике индивид сталкивается с набором альтернатив, которые зачастую двусмысленны и неопределенны, а последствия выбора удалены во времени и сложны для прогнозирования. Другими словами, реальная ситуация дает индивидам, принимающим политические решения, недостаточные и часто незначительные ориентиры. В связи с этим взаимодействия субъектов международных отношений есть функция личностных качеств и когнитивных характеристик участников политического процесса. Вывод о том, что субъективные факторы сами по себе, независимо от объективных обстоятельств, влияют на оформление рамочного видения проблемы, согласуется с тезисом о детерминации оценочной точки воображаемыми событиями.

В заключение необходимо отметить следующее. Во-первых, отсутствие «собственных» методов не лишает международные отношения права на существование и не является основанием для пессимизма: не только социальные, но и многие «естественные науки» успешно развиваются, используя общие с другими науками, «междисциплинарные» методы и процедуры изучения своего объекта. Более того, междисциплинарность все заметнее становится одним из важных условий научного прогресса в любой отрасли знания. Подчеркнем еще раз и то, что каждая наука использует общетеоретические (свойственные всем наукам) и общенаучные (свойственные группе наук) методы познания¹.

Во-вторых, наиболее распространенными в международных отношениях являются такие общенаучные методы, как наблюдение, изучение документов, системный подход (системная теория и системный анализ), моделирование. Широкое применение находят в ней развивающиеся на базе общенаучных подходов прикладные междисциплинарные методы (контент-анализ, ивент-анализ и др.), а также частные методики сбора и первичной обработки данных. При этом все они модифицируются, с учетом объекта и целей исследования, и приобретают здесь новые специфические особенности, закрепляясь как «свои, собственные» методы данной дисциплины. Заметим попутно, что разница между рассмотренными выше методами носит относительный характер: одни и те же методы могут выступать и в качестве общенаучных подходов, и в качестве конкретных методик (например, наблюдение).

В-третьих, как и любая другая дисциплина, международные отношения в своей целостности, как определенная совокупность теоретических знаний, выступают одновременно и методом познания своего объекта. Отсюда то внимание, которое уделено в данной работе основным понятиям этой дисциплины. Каждое из них, отражая ту или иную сторону международных реалий, в эпистемологическом плане несет методологическую нагрузку, или, иначе говоря, играет роль ориентира дальнейшего изучения его содержания – причем не только с точки зрения углубления и расширения знаний, но и с точки зрения их конкретизации применительно к потребностям практики.

---

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2002. С.74–75.

Наконец, следует еще раз подчеркнуть, что наилучший результат достигается при комплексном использовании различных методов и техник исследования. Только в таком случае исследователь может надеяться на обнаружение повторяемостей в цепи разрозненных фактов, ситуаций и событий, т.е. своего рода закономерностей (а, соответственно, и девиант) международных отношений.

Теория международных отношений в качестве органичного компонента входит в сферу так называемой *международно-политической науки*. Иначе говоря, политический аспект в теории международных отношений играет определяющую роль. Существо же политических явлений не может быть исследовано сколь-нибудь полно только с помощью прикладных методов. В политической деятельности невозможно никоим образом нивелировать роль человеческого фактора¹. Поэтому ряд выводов, резюмирующих результаты исследований в области теории международных отношений, никогда не может быть окончательно верифицирован или фальсифицирован.

Следовательно, вполне правомерно применять методы «*широкой*» теории, сочетающие наблюдение и рефлексию, сравнение и интуицию, знание фактов и воображение. Их польза и эффективность, как отмечают исследователи, подтверждается и современными изысканиями, и плодотворными интеллектуальными традициями. В контексте «*широкой*» теории здесь требуется сочетание таких подходов, которые базируются на *теории* (исследование сущности, специфики и основных движущих сил международных отношений); *социологии* (поиски детерминант и закономерностей, определяющих его изменения и эволюцию); *истории* (фактическое развитие международных отношений в процессе смены эпох и поколений, позволяющее находить аналогии и исключения) и *праксеологии* (анализ процесса подготовки, принятия и реализации международно-политического решения).

Обобщения, характеризующие особенности подходов изучения с позиции «*широкой*» теории, нацеливают исследовательскую мысль на поиск своеобразных *методологических ориентаций*, способных обнаруживать связи и зависимости крупномасштабных событий и процессов международной жизни.

Методологические ориентации в политической науке (в том числе и в международных отношениях) строятся вокруг трех аспектов: 1) *как можно более строгое отделение исследовательской позиции от морально-ценностных суждений или личных взглядов*; 2) *использование аналитических приемов и процедур, являющихся общими для всех социальных наук, что играет решающую роль в установлении и последующем рассмотрении фактов*; 3) *стремление к систематизации, или к выработке общих подходов и построению моделей, облегчающих открытие «законов»*.

Несмотря на то что при этом подчеркивается, что данное замечание не означает необходимости «полного изгнания» из науки ценностных суждений или личных позиций исследователя, тем не менее, перед ним неизбежно встает проблема

---

¹ Баталов Э.Я. Политическое – слишком человеческое // Политические исследования. 1995. № 5. С. 10.

более широкого характера – проблема соотношения науки и идеологии. В принципе та или иная идеология, понимаемая в широком значении как сознательный или неосознанный выбор предпочтительной точки зрения, существует всегда.

Избежать этого, «деидеологизироваться» в этом смысле нельзя. Интерпретация фактов, даже выбор «угла наблюдения», неизбежно обусловлены точкой зрения исследователя. Поэтому объективность исследования предполагает, что исследователь должен постоянно помнить об «идеологическом присутствии» и стремиться контролировать его, видеть относительность любых выводов, учитывая такое «присутствие», стремиться избегать одностороннего видения.

Наиболее плодотворных результатов в науке можно добиться не при отрицании идеологии (это, в лучшем случае, заблуждение, а в худшем – сознательное лукавство), а при условии идеологической терпимости, идеологического плюрализма и «идеологического контроля» (но не в смысле контроля официальной политической идеологии по отношению к науке, а, напротив, в смысле контроля науки над всякой идеологией).

«Идеологический плюрализм» в контексте научного осмысления сложных крупномасштабных процессов, происходящих в сфере международных отношений, позволяет совместить такие разнонаправленные методологические ориентации, как: а) геополитическое и геоэкономическое видение МО; б) формационный и цивилизационный подходы к МО; в) системный анализ и моделирование МО; г) мир-системное измерение МО (концепция И. Валлерстайна). Например, каждое государство, находясь в системе международных отношений, испытывает воздействие не только прямых, непосредственных участников (других государств, международных организаций, транснациональных корпораций), но и факторов, влияющих опосредованным образом. К таким факторам относятся, в первую очередь, формации и цивилизации, геополитика и геоэкономика и т. д. Они и станут далее предметом рассмотрения.

Учебно-методическая литература

Основная

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М.: Высшая школа, 1991.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.

- Ильин В.В.* Теория познания. Эпистемология. М.: Изд-во МГУ, 1974.
- Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2007.
- Мангейм Дж. Б., Рич Р.К.* Политология. Методы исследования. М., 1997.
- Лебедева М.М.* Мировая политика. М.: Аспект-Пресс, 2003.
- Аналитические методы в исследовании международных отношений: Сб. науч. тр. / Под ред. И.Г. Тюлина, А.С. Кожемяков, М.А. Хрусталева. М., 1982.
- Боришполец К.П.* Методы, методики и процедуры прикладного анализа международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Ред. П.А. Цыганков. М., 1998.
- Кукулка Е.* Проблемы теории международных отношений / Пер. с польск. М., 1980.
- Гоулдманн К.* Международные отношения: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999.
- Орлов А.И.* Теория принятия решений. М., 2006.
- Walker St.* Symbolic interactionism and international politics. N.-Y., 1992.
- Jervis R.* Political implications of loss aversion. – Farnham B. (ed) Avoiding losses / taking risks: Prospect theory and international conflict. Ann Arbor, 1994.
- Плаус С.* Психология оценки и принятия решений. М., 1998.

Тема 7. Системный подход в международных отношениях

1. Специфика системного подхода.
2. Метод системного анализа.
3. Моделирование и его значение.

Рассматривая познавательную сущность системного подхода, прежде всего, следует указать, что это – своеобразный *путь* применения методов при изучении определенного предмета. В ином смысле – это специфический *механизм*, при посредстве которого находят свое воплощение те или иные методы исследования. Сразу же отметим, что *системный подход* следует отличать от его конкретных воплощений – *системной теории* и *системного анализа*.

Системная теория выполняет задачи построения, описания и объяснения систем и составляющих их элементов, взаимодействия системы и среды, а также внутрисистемных процессов, под влиянием которых происходит изменение или разрушение системы. Что касается системного анализа, то он решает более конкретные задачи, представляя собой, совокупность практических методик, приемов, процедур, благодаря которым в изучение объекта (в данном случае международных отношений) вносится определенное упорядочивание. Разумеется, такого рода разграничение носит условный характер. Между сторонами единого целого, каковым является системный подход, существуют постоянные точки взаимопересечения и взаимопротекания.

Одним из первых, кто обратился к изучению системного подхода как методологического механизма в процессе исследования международных отношений, еще в советское время, был такой ученый, как Э.А. Поздняков, выпустивший монографию «Системный подход и международные отношения». Он отмечает, что если в качестве объекта познания ученый выбирает систему в целом, то вполне естественно его обращение к системному подходу как наиболее адекватному методу, с помощью которого он может выполнить поставленную задачу¹.

Главным считается то, что система характеризуется своей целостностью, в которой «связующим звеном» оказывается присущее ей интегральное качество. Оно появляется лишь в результате взаимодействия частей системы. Приведем такой пример. Вода (H_2O) – простейшая, элементарная система. *H* обладает свойством горения, а *O* способствует горению. В системной взаимосвязи возникает предмет с совершенно новым свойством. В данном случае с помощью воды тушат то, что горит.

---

¹ См.: Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976. С. 12.

Вполне уместно привести мнение основателя синергетического направления в науке И. Пригожина: «Целое уже не равно сумме частей. Вообще говоря, оно не больше и не меньше суммы частей, оно качественно иное». *Международные отношения* для нас, как подчеркивает А.Д. Богатуров, – это не просто сумма, совокупность каких-то отдельных компонентов (мировых политических процессов, внешних политик отдельных государств и т.п.), а сложный, но единый организм, свойства которого в целом не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его составляющих в отдельности. Понимание несводимости свойств целого лишь к сумме свойств частей – важнейшая черта *системного мировидения*¹.

Международные отношения (МО), как их ни определять, являют собой не только собственно отношения, но сложный процесс с множеством участников, внутренние природа и устройство которых претерпевают эволюционные и частые дискретные перемены. Естественен вопрос: в какой мере этому процессу свойственна внутренняя логика, закономерность? Если МО присуща какая-либо направленность, то насколько правомерно говорить о развитии международных отношений как явления по ходу этого социально-исторического процесса? Если же такое развитие имеет место, то с какого исторического рубежа и при наличии каких условий и факторов МО начинают оформляться в систему?

Если МО не более чем аналог броуновского движения в пространстве, ограниченном масштабами планеты, то теория таких взаимодействий будет не чем иным, как *теорией хаоса*. В науке такая теория существует, но до исследования МО она еще в значительной степени «не дошла». Развитие таких сложных систем, как международные отношения, имеет нелинейный характер и сопровождается резкими трансформациями, в процессе которых неизменно возникает хаотизация. Множественность и разнонаправленность детерминационных линий в международном пространстве отвергает монофакторную концептуальность линейного детерминизма.

И. Пригожин подчеркивает, что в процессах самоорганизации открытых нелинейных систем обнаруживается двойственная, амбивалентная природа хаоса. Он выступает как двуликий Янус. Хаос разрушителен (сложные системы в развитых состояниях могут быть чувствительными к малым хаотическим флуктуациям на микроуровне). И в то же время хаос конструктивен, созидателен (сам хаос может быть защитой от хаоса (механизмом согласования темпов эволюции при объединении простых структур в сложные, а также механизмом переключения, смены различных режимов развития системы). Хаос конструктивен через свою разрушительность и, благодаря ей, разрушителен на базе конструктивности и через нее². Разрушая, он строит, а строя, приводит к разрушению.

В реальности случайность играет не менее, а может быть, более важную роль в изменении и трансформации международной системы. «Игра» случайности может сбить, отбросить с выбранного пути, приводит к сложным блужданиям по полю

---

¹ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений // Научно-образовательный форум по международным отношениям. М., 2002. С. 17.

² Prigogine I. The Philosophy of Instability // Future. 1989. August. P. 397.

путей развития международной системы. Когда система становится неустойчивой она входит в полосу кризиса, происходит бифуркация, которая трансформирует систему. Таким образом, возникает структурный переход от существующей международной системы к чему-то другому. Переход – довольно длительное явление, но оно является необратимым, а его исход – неопределённым (стохастическим). Если в рамках нормально функционирующей системы практически нет места для свободы воли, так как структуры очень ограничивают выбор, то в периоды перехода свобода воли начинает торжествовать над необходимостью. «Только в такие переходные периоды то, что мы называем свободной волей, преодолевает давление существующей системы, стремящейся к восстановлению равновесия»¹.

Следовательно, во-вторых, важный инновационный аспект альтернативы традиционной социальной науке XIX в. – радикальный отказ от понятия линейной эволюции и идеи «прогресса» как её основополагающего принципа. Понятие «прогресса» предполагает постоянную и однозначную направленность изменений, тогда как исторические факты свидетельствуют, что социальные процессы, в том числе и международные, могут разворачиваться назад, замедляться и останавливаться. Разумеется, прогресс в историческом процессе реально наблюдаем, но что он неизбежен в каждый данный момент развития общества, фактически не подтверждается.

Действительно, попытки наивно-детерминистского описания хода истории в духе лапласовской парадигмы – как движения от прошлого через настоящее к заранее заданному будущему – с особой силой обнаруживают свою несостоятельность именно в сфере международных отношений, где господствуют стохастические процессы. Сказанное характерно для нынешнего (переходного) этапа в эволюции мирового порядка, характеризующегося повышенной нестабильностью и являющего собой своеобразную точку бифуркации, содержащую в себе множество альтернативных путей развития и, следовательно, не гарантирующую какой-либо предопределенности.

Таким образом, особенности, присущие системному подходу, вытекают, прежде всего, из самой специфики анализируемого объекта, т. е. международных отношений. *Во-первых*, системный подход в процессе своего использования не может ни подвергаться воздействию структурных компонентов международных отношений, т.е. социальных общностей, групп людей и отдельных индивидумов. Международные системы – это системы взаимодействия людей, руководствующихся в своих действиях волей, сознанием, ценностными ориентациями и т.п. Следовательно, определяющие факторы международной системы связаны с феноменами *выбора, мотивации, восприятия* и т. п.² *Во-вторых*, международные отношения по преимуществу являются отношениями политическими, стержнем которых, по-прежнему, остается взаимодействие между государствами. Именно

---

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI в. / Пер. с англ.; под ред. В. Я. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.: ЛОГОС, 2003. С. 8.

² Эрман Ж. Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики / Пер. с фр. М., 1996, С. 56–57; Braillard Ph. Theoric de systemes et relations intrnationales. P., 1977. P. 105–112.

поэтому ядром глобальной международной системы является система межгосударственных отношений.

В-третьих, международные отношения являются отношениями социальными. Поэтому они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся организмы, анализ которых невозможен по аналогии с механическими системами. Кроме того, международные отношения характеризуются как тип открытых, плохо организованных систем. Иными словами, здесь далеко не всегда можно провести ясную и четкую границу между изучаемым предметом и его внешней средой. Это возможно сделать, скажем, при определении границы между объектом и средой двух пространственно отграниченных друг от друга объектов¹. В отличие от физических или биологических границ, международно-системные пространственные границы носят чаще всего условный характер.

Впрочем, эту условность не следует абсолютизировать, представляя дело таким образом, что международные системы вообще не существуют и конструируются воображением наблюдателя, а в реальности даны «только множество людей и множество отношений» между ними². Но дело гораздо сложнее. Например, такие системы как Европейский Союз (ЕС) или Организация Американского единства (ОАЕ) отличаются друг от друга характером своих отношений со средой.

Первая является автономной, т.е. отношения между ее элементами здесь играют большую роль, чем отношения со средой. Вторая – проницаемой, так как взаимодействие с внешней средой для нее оказывается важнее отношений между элементами. При этом системы ЕС или ОАЕ не только существуют в реальности, но и имеют определенные пространственные границы. В известной мере это верно для любых региональных международных систем. Международные системы не просто некие аналитические объекты, а конкретные совокупности связей между реально существующими социальными общностями. Взаимодействие между этими социальными общностями позволяет выявить определенные черты системной организации³.

Можно отметить еще ряд специфических особенностей, отличающих международные отношения и, естественно, влияющих на применение системного подхода. Они характеризуются отсутствием в международной сфере верховной власти, «плюрализмом суверенитетов», низким уровнем внешней и внутренней централизации. Международные системы – это социальные системы особого типа, отличающиеся слабой степенью интеграции элементов в целостности, а также значительной их автономией. Разумеется, степень автономии нельзя абсолютизировать: международные отношения характеризуются не только конфликтом интересов, но и взаимозависимостью акторов.

---

¹ Поздняков Э.А. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986. С. 90.

² См.: Deniennic J.P. Esquisse de problematique pour une sociologic des relatons intcrnationales. Grenoble, 1977. P. 71; Badie B., Smouts M.C. Le retournement du monde. Sociologic de la scene internationale. P., 1992. P. 157.

³ См.: Braillard Ph. Theoric de systemes et relations intcrnationales. P., 1977. P. 106.

Различия в понимании специфики международных отношений и, следовательно, особенностей международных систем влекут за собой разные подходы к их изучению. Существуют традиционно-исторический, историко-социологический, эвристический, смешанный и эмпирический подходы. Вместе с тем их выделение носит условный и отнюдь не взаимоисключающий характер, отражая лишь приоритеты в позициях того или иного исследователя.

Отметим, понятие системы ныне широко применяется представителями самых различных теоретических направлений и школ в науке о международных отношениях. Его общепризнанным преимуществом является то, что оно дает возможность представить объект изучения в его единстве и целостности, и, следовательно, способствуя нахождению корреляций между взаимодействующими элементами, помогает выявлению «правил» такого взаимодействия, или, иначе говоря, закономерностей функционирования международной системы.

Принципиальные положения системного подхода применительно к международным отношениям заключаются в признании их целостной, обладающей собственной структурой, системой. В ней действует закон гомеостазиса (способности системы поддерживать и сохранять внутреннее равновесие вопреки «возмущающим» воздействиям внешней среды), где осуществляется взаимодействие системы с ее элементами (субсистемами), между системой и внешней средой. На основе системного подхода стали отличать международные отношения от международной политики: если составные части международных отношений представлены их участниками и факторами (независимыми переменными или ресурсами), составляющими потенциал участников, то элементами международной политики выступают только факторы.

В принципе, до начала XX в., как замечает М.А. Хрусталеv, эволюция научного знания проходила под знаком господства дифференциальной тенденции, которая находила свое конкретное выражение в выделении все большего числа предметных областей, что вело к быстрому росту числа научных дисциплин¹. В настоящее время их число, по различным оценкам, составляет от трех до пяти тысяч. Каждая, естественно, формирует понятийный аппарат и профессиональный лексикон, что стимулирует дивергенцию не только между предметными областями, но зачастую и внутри их самих. Усиление подобного рода дивергенции объективно создало реальную опасность дезинтеграции научного знания.

Неизбежной реакцией на это стало развитие интегративной тенденции, что привело к появлению целого спектра общенаучных и частнонаучных теорий. И если первые выполняют интегративную функцию в рамках науки в целом или одной из ее сфер (например, обществоведения), то вторые делают это в определенной предметной области и, как таковые, представляют собой предметные теории. Появлению каждой общенаучной теории (группы теорий) предшествовало формулирование соответствующей общенаучной парадигмы, то есть концепции исследования некоего общего свойства. Она определяла не только направление научного поиска, но и формировала определенный стиль научного мышления.

---

¹ См.: *Brillard Ph. Theoric de systemes et relations intcrnationales. P., 1977. C. 8–9.*

Несомненно, такой интегративной тенденцией характеризуется системный подход. И в этой плоскости рассмотрения он имеет ряд преимуществ. Плодотворность системного подхода к анализу МО объясняется, прежде всего, эвристическим потенциалом, которым он обладает, облегчая основную задачу науки, – задачу поиска детерминант и закономерностей функционирования ее объекта. Но важно то, на что обращает внимание П.А. Цыганков, характеризуя роль системного подхода как своеобразной методологической ориентации в изучении международных отношений. По его мнению, системный анализ и моделирование выступают в качестве наиболее общих аналитических методов, представляющих собой совокупность комплексных исследовательских приемов, процедур и техник междисциплинарного характера, связанных с обработкой, классификацией, интерпретацией и описанием данных.

На их основе и с их использованием появилось и получило широкое распространение множество других аналитических методов более частного характера¹. В данной связи Р. Либер в книге «Теория и мировая политика» справедливо указывал, что не будет преувеличением отметить о преобладающей роли в области широких теоретических исследований международных отношений именно системного подхода². Дж. Розенау также делает акцент на том, что из всех достижений в изучении международных отношений, наверное, ни одно не является более важным, чем все возрастающая тенденция рассматривать мир как международную систему³.

Как пишет М.А. Хрусталев, системный подход дает науке о международных отношениях возможность комплексного применения прикладных методов и техник анализа в самом разнообразном их сочетании, расширяя тем самым перспективы исследований и их практической пользы для объяснения и прогнозирования международных отношений и мировой политики⁴. Системное моделирование раскрывает перед наукой о международных отношениях прекрасные возможности теоретического экспериментирования, которых она в его отсутствие лишена практически.

Рассматривая международные отношения с точки зрения «глобальной взаимозависимости», системный подход способствует изменению ориентации в изучении международных отношений в сторону большей связи явлений и большей перспективы. Он также даёт возможность исследовать новые или прежде игнорировавшиеся аспекты предмета и представляет собой основу для более обобщённого и научного подхода к той области исследования, в которой традиционно доминировали работы, основывающиеся в значительной мере на впечатлениях и интуиции или делавшие упор на историческое своеобразие и неповторимость отдельных событий и процессов.

---

¹ Теория международных отношений: Хрестоматия / Под ред. П.А. Цыганкова, М., 2003. С. 69.

² Lieber R.J. Theory and world politics. Cambridge. 1972. P. 120.

³ Цит. по: Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976. С. 22.

⁴ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений // Научно-образовательный форум по международным отношениям. М.: 2002. С.15.

Так, с учетом усиливающейся тенденции «глобальной взаимозависимости» в современном мире, Р. Арон¹ выделял три структурных измерения международных систем: 1) конфигурацию соотношения сил; 2) иерархию акторов; 3) гомогенность или гетерогенность состава. Он считал главным показателем конфигурацию соотношения сил. Она отражает существование «центров власти» в международной системе и накладывает отпечаток на взаимодействие между ее основными элементами – суверенными государствами.

Конфигурация соотношения сил зависит также от количества главных акторов и характера отношений между ними. Типы конфигурации: биполярность, многополярность, однополярность и т. д. Конфигурация – это 1) внешнее очертание предмета; 2) взаимное расположение каких-то предметов. Иерархия акторов отражает фактическое положение государств в международной системе и вытекающее из него место каждого из них в данной структуре. Иерархия показывает неравенство государств с точки зрения военно-политических, экономических, ресурсных, социокультурных, идеологических и иных возможностей влияния на международную систему.

Широкое распространение системного подхода совпало с проникновением в социальные дисциплины достижений научно-технической революции и, в частности, с использованием ЭВМ, что стало для ученых источником дополнительной притягательности. Его использование в ТМО породило надежды на придание исследованиям в этой области необходимой научной строгости, обоснованности и эмпирической верифицируемости². В настоящее время считается, что системный подход становится достоянием науки о международных отношениях с середины 50-х гг. XX в.

На Западе наибольшее развитие системные исследования получили в США. Так, в сфере социально-политических наук системный подход плодотворно развивали такие ученые, как Т. Парсонс и Д. Истон. В области международных отношений серьезные исследования проводили М. Каплан, Ч. Маклелланд, Дж. Розенау, Р. Роузкранс, Дж. Модельски, Ст. Хоффман, К. Дойч, Д. Сингер, К. Уолтц, О. Янг и др. В системных построениях американские теоретики-международники исходят из общих логико-методологических принципов системного подхода, а также из концепции Т. Парсонса. У последнего они заимствовали положения относительно существенных функций, которые любая социальная система должна выполнять, если она стремится к выживанию и устойчивости.

Таковыми функциями Т. Парсонс считает воспроизведение или сохранение системной структуры или её существенных характеристик: адаптацию, или способность системы взаимодействовать с внешней средой; стремление к достижению цели (как минимум, любая социальная система преследует цель выживания); и, наконец, интеграционную функцию, предполагающую взаимосвязанное действие различных частей системы. Нетрудно увидеть, что эти положения Парсонса не что иное, как изложение обобщенных принципов системного подхода³.

¹ См.: Aron R. *Paix et Guerre entre les nations*. P., 1984. P. 103.

² Цыганков П.А. *Теория международных отношений*. М., 2002. С. 167.

³ См.: Поздняков Э.А. *Системный подход и международные отношения*. М., 1976. С. 24.

Наибольшее распространение в политической социологии получили идеи, высказанные Д. Истоном в книге «Системный анализ политической жизни»¹. Политическая система рассматривается им в соответствии с базовыми идеями кибернетики как определенная совокупность отношений, находящаяся во взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов».

На «входах» система получает импульсы извне, сигналы, ресурсы, встречается с вызовами, представляющими угрозу ее целостности. Д. Истон разделяет их на две категории: 1) «требования», связанные с безопасностью, индивидуальной свободой и равенством, участием, потребительскими благами и т.п., 2) «поддержки», позволяющие удовлетворять некоторые требования и регулировать вызываемые ими конфликты². Источником «требований» являются, с одной стороны, такие части ее внутренней среды, как экологическая и биологическая, личностная и социальная системы. С другой стороны, такими источниками являются компоненты внешней среды: международно-политическая, международно-экологическая и международно-социальная системы.

Все потоки, поступающие на «входах» из глобальной окружающей среды, перерабатываются внутри политической системы. Это происходит посредством определенного рода реагирования всех составных элементов системы, что вызывает, в конечном счете, некую совокупную ответную реакцию, которая является адаптацией данной системы к среде.

На «выходах» такая реакция получает форму политических действий, правительственных актов, мероприятий и т.п. Обратная реакция, в свою очередь, является началом нового цикла взаимодействий системы с окружающей средой, способствует определенным изменениям в последней, что рождает затем новые «требования» и «поддержки». Предложенный Д. Истоном системный анализ облегчает поиск и выявление правил функционирования политической системы, закономерностей ее связей с другими системами, условий сохранения ее стабильности и т.п.

Рассматривая эту проблему, Р. Роузкранс уточняет, что система международных отношений состоит из так называемых «возмущающих входов»; регулятора, испытывающего изменения, вследствие возмущающего влияния извне; детерминантов внешней среды, которые, воздействуя на регулятор, преобразуют возмущения извне в стабильное или нестабильное состояние системы.

Любой анализ, претендующий на раскрытие системных свойств изучаемого объекта, должен опираться на общие логико-методологические принципы системного подхода³. Характеризуя системный подход, представленный различными уровнями анализа, Б. Рассае и Х. Старр подчёркивают, что выбор того или иного уровня определяется наличием данных и теоретическим подходом, но отнюдь не капризом исследователя. В каждом случае применения данного метода необходимо вычленив несколько уровней. При этом объяснения на разных уровнях

---

¹ См. подробно: Easton D. A Systems Analysis of Political Life. L., 1965.

² Rosecrance R. Action and Reaction in World Politics. Boston, 1963. P. 16.

³ См.: Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976. С. 25.

не обязательно должны исключать друг друга. Они могут быть взаимодополняющими и углубляющими наше понимание.

По мнению этих ученых, отправной точкой системного анализа являются *три уровня* исследования любой системы: *уровень состава* – множества образующих её элементов; *уровень внутренней структуры* – совокупность закономерных взаимосвязей между элементами; *уровень внешней структуры* – совокупность взаимосвязи системы как целого со средой. В ходе исследования внешней политики государства метод системного анализа включает изучение «детерминант», «факторов» и «переменных»¹.

В 1971 г. Дж. Розенау² предложил «теоретико-прикладную схему», включающую шесть уровней анализа: индивиды – «творцы» политики и их характеристики; занимаемые ими посты и выполняемые роли; структура правительства, в котором они действуют; общество, в котором они живут и которым управляют; система отношений между национальным государством и другими участниками международных отношений; мировая система.

М. Каплан³, один из пионеров системных исследований международных отношений, считает, что последние представляют собой систему действий, которую он характеризует как некую совокупность переменных. Способ отношений этих переменных друг с другом внутри системы и их отношений с определённой совокупностью внешних по отношению к системе переменных определяет, по мнению Каплана, общие закономерности поведения системы.

Широкую известность М. Каплану принесла изданная им в 1957 г. книга «Система и процесс в международной политике», которая вызвала большой интерес и многочисленные отклики не только в Соединенных Штатах, но и в мировом научном сообществе политологов в целом. В отличие от исследователей своего времени Каплан не ссылается на историю. Он считает, что исторические данные слишком бедны для теоретических обобщений.

На основе общей теории систем в системном анализе, он конструирует абстрактные теоретические модели, призванные способствовать лучшему пониманию международной реальности. Исходя из убеждения, что анализ возможных международных систем предполагает изучение обстоятельств и условий, в которых каждая из них может существовать или трансформироваться в систему другого типа, он задается вопросами: 1) почему та или иная система развивается? 2) как она функционирует? 3) по каким причинам приходит в упадок?

В данной связи Каплан выделяет пять групп переменных, свойственных каждой системе: а) основные правила системы; б) правила трансформации системы; в) правила классификации акторов; г) их способности; д) информации. Главными из них являются первые три группы переменных. Так, основные правила описывают отношения между акторами, а их поведение зависит не столько от индиви-

¹ Алгулян Д. В. Современные международные отношения. М., 2001. С. 46–48.

² Розенау Дж. Мировая политика в движении. Теория изменений и преемственности. М., 1992. С. 6–7.

³ Kaplan M. System and Process in International Politics. N.-Y., 1957. P. 67–68.

дуальной воли и особых целей каждого, сколько от характера системы, компонентами которой они являются. Правила трансформации выражают законы изменения систем. Каждая система имеет свои правила адаптации и трансформации.

Концепция Каплана базируется на идее об основополагающей роли, которую играет в познании законов международной системы ее структура. Эту мысль разделяет абсолютное большинство исследователей. Согласно ей, нескоординированная деятельность суверенных государств, руководствующихся своими интересами, формирует международную систему. Главным признаком этой системы является доминирование ограниченного количества наиболее сильных государств. Структура взаимоотношений между ними определяет поведение всех международных участников.

Именно структура позволяет понять и спрогнозировать линию поведения на мировой арене государств, обладающих неодинаковым весом в системе международных отношений. Подобно тому, как в экономике состояние рынка определяется влиянием нескольких крупных фирм (формирующих олигополистическую структуру), так и международно-политическая структура определяется великими державами, конфигурацией соотношения сил. Динамика соотношения сил может изменить структуру международной системы. Однако неизменной остается ее природа, в фундаменте которой заложены несовпадающие интересы ограниченного числа великих держав.

Другим методом в русле системного подхода, разработанным вначале в рамках других наук, а затем нашедшим свое применение в исследовании международных отношений, стало так называемое *системное моделирование*. Это метод изучения объекта на основе конструирования познавательного образа, обладающего формальным сходством с самим объектом и отражающего его качества. Примером метода моделирования может быть модель перспектив мирового развития Форрестера, включающая 114 взаимосвязанных уравнений.

Метод системного моделирования требует от исследователя специальных математических знаний. Следует отметить, что не всегда увлечение математическими методами дает положительный результат. Это уже показано на опыте американской и западноевропейской политической науки. С одной стороны, весьма сложно выразить сущностные характеристики международных процессов и ситуаций математическим языком, т. е. *качество* измерять *количеством*.

С другой стороны, на результатах сотрудничества ученых, представляющих разные направления науки, сказывается слабое знание математических наук политологами и не менее слабая политологическая подготовка представителей точных наук. Тем не менее стремительное развитие информационных технологий и электронно-вычислительной техники расширяет возможности использования математических подходов и количественных методов в изучении мировой политики и международных отношений.

Определенные успехи в этой области были достигнуты уже в 1960–1970-е гг. XX столетия, например, создание аналитических моделей «Баланс сил» и «Дипломатическая игра». В конце 1960-х гг. появилась информационно-поисковая систе-

ма GASSON, которая основывалась на информационном банке, содержащем сведения о 27 международных конфликтах. Каждый такой конфликт локального характера описывался с помощью однотипных факторов, характерных для трех фаз его протекания: предвоенной, военной, послевоенной. К первой фазе относилось 119, ко второй – 110, а к третьей – 178 факторов. В свою очередь, все эти факторы сводились к одиннадцати категориям.

Метод моделирования связан с построением искусственных, идеальных, воображаемых объектов, ситуаций, представляющих собой системы, элементы и отношения которых соответствуют элементам и отношениям реальных международных феноменов и процессов. Рассмотрим такой вид данного метода, как *комплексное моделирование* на основе работы М.А. Хрусталева «Системное моделирование международных отношений»¹. Ученый ставит своей задачей построение формализованной теоретической модели, представляющей собой «тринарный синтез» методологического (философская теория сознания), общенаучного (общая теория систем) и частнонаучного (теория международных отношений) подходов.

Построение осуществляется в три этапа. На первом формулируются «предмодельные задачи», объединяемые в два блока: «оценочный» и «операциональный». В этой связи автор анализирует такие понятия, как «ситуации» и «процессы» (и их виды), а также уровень информации. На их основе строится матрица, представляющая собой своего рода «карту», призванную обеспечить исследователю выбор объекта с учетом уровня информационной обеспеченности.

Что касается операционального блока, то главное состоит в выделении на основе триады «общее-особенное-единичное» характера (типа) моделей (концептуальная, теоретическая и конкретная) и их форм (вербальная или содержательная, формализованная и квантифицированная). Выделенные модели также представлены в виде матрицы, являющей собой теоретическую модель, отражающую его основные стадии (форма), этапы (характер) и их соотношение.

На втором этапе речь идет о построении содержательной концептуальной модели как исходной точки решения общей задачи исследования. На основе двух групп понятий – «аналитической» (сущность-явление, содержание-форма, количество-качество) и «синтетической» (материя, движение, пространство, время), представленных в виде матрицы, строится «универсальная познавательная конструкция - конфигуратор», задающая общие рамки исследования.

Далее на основе определения вышеуказанных логических уровней исследования всякой системы отмеченные понятия подвергаются редукции, в результате которой выделяются «аналитические» (сущностная, содержательная, структурная, поведенческая) и «синтетические» (субстратная, динамическая, пространственная и временная) характеристики объекта. Опираясь на структурированный таким образом «системный ориентированный матричный конфигуратор», автор прослеживает специфические особенности и некоторые тенденции эволюции системы международных отношений.

---

¹ См.: Хрусталева М.А. Системное моделирование международных отношений: Учеб. пособие. М., 1987.

На третьем этапе проводится более детальный анализ состава и внутренней структуры международных отношений, т.е. построение ее развернутой модели. При этом выделяют состав и структуру (элементы, подсистемы, связи, процессы), а также «программы» системы международных отношений (интересы, ресурсы, цели, образ действий, соотношение интересов, соотношение сил, отношения). Интересы, ресурсы, цели, образ действий составляют элементы «программы» подсистем или элементов. Ресурсы, характеризующиеся как «несистемообразующий элемент», подразделяются автором на ресурсы средств (вещно-энергетические и информационные) и ресурсы условий (пространство и время).

«Программа системы международных отношений» является производной по отношению к «программам» элементов и подсистем. Ее системообразующим элементом выступает «соотношение интересов» различных элементов и подсистем друг с другом. Несистемообразующим элементом является понятие «соотношение сил», которое более точно можно было бы выразить термином «соотношение средств» или «соотношение потенциалов».

Третьим производным элементом указанной «программы» является «отношение», понимаемое автором как некое оценочное представление системы о себе и о среде. Опираясь на сконструированную таким образом теоретическую модель, М.А. Хрусталеv анализирует реальные процессы, характерные для современного этапа мирового развития. Он отмечает, что если ранее ключевым фактором, определявшим эволюцию системы международных отношений на протяжении ее истории, являлось *межгосударственное конфликтное взаимодействие* в рамках устойчивых конфронтационных осей, то к 90-м гг. XX в. возникают предпосылки перехода системы в иное качественное состояние.

Оно характеризуется не только сломом глобальной конфронтационной оси, но и постепенным формированием стабильных осей всестороннего *сотрудничества* между развитыми государствами мира. В результате появляется неформальная подсистема развитых государств в форме мирохозяйственного комплекса, ядром которого стала «семерка» ведущих развитых стран, объективно превратившаяся в управляющий центр, регулирующий процесс развития системы международных отношений.

Принципиальное отличие такого «управляющего центра» от Лиги Наций или ООН состоит в том, что он является результатом самоорганизации, а не продуктом «социальной инженерии» с характерными для нее статичной завершенностью и слабой адекватностью к динамичному изменению среды. Как управляющий центр «семерка» решает две важные задачи функционирования системы международных отношений: во-первых, ликвидацию существующих и недопущение возникновения в будущем региональных конфронтационных военно-политических осей; во-вторых, стимулирование демократизации стран с авторитарными режимами (создание единого мирового политического пространства).

Определяя, с учетом предлагаемой им модели, также другие тенденции в развитии системы международных отношений, М.А. Хрусталеv считает весьма симптоматичным появление и закрепление понятия «мировое сообщество» и выде-

ление идеи «нового мирового порядка», подчеркивая в то же время, что нынешнее состояние системы международных отношений в целом еще не соответствует современным потребностям развития человеческой цивилизации.

М.А. Хрусталеv подчеркивает, что в ходе моделирования в сфере международных отношений исследователю приходится осуществлять логико-интуитивный анализ. Это, – по существу, традиционная исследовательская практика, в ходе которой специалист, используя свои знания, интуицию и логику, создаёт модель изучаемого процесса или ситуации. Как правило, эта модель конструируется на основе систематизации содержательных понятий, тесно связанных с предметной спецификой изучаемого явления и эмпирическим массивом относящихся к нему информационных данных.

Примером такой аналитической модели может служить систематизация проблематики международных переговоров, предложенная Ф. Айклом. Его система выделяет следующие основные типы переговоров: о продлении, о нормализации, о перераспределении, о создании новых условий. Их внутренние составляющие автор систематизирует следующим образом: предмет спора, основные характеристики процесса переговоров, последствия затягивания переговоров, последствия достижения соглашения. Также выделяется особое место для анализа побочных последствий переговоров¹.

Обладая весьма высоким аналитическим потенциалом, формализованные модели, однако, не в состоянии полностью решить задачи слежения за изменением внешнеполитических ситуаций и существенных колебаний динамики международных процессов. Эти задачи обычно решаются на этапе квантификации разделов формализованной модели и её преобразования в квантифицированную.

Примером квантифицированной может рассматриваться модель, предложенная Т. Саати для оценки процесса взаимного контроля и достижения соглашений между конфликтующими субъектами международных отношений. Построение квантифицированной модели представляется достаточно конструктивным в качестве средства прикладного анализа динамично развивающихся международных ситуаций. Однако, по мнению некоторых исследователей, адекватная квантификация в сфере гуманитарного знания, в том числе в рамках прикладного моделирования международных ситуаций и процессов, не может быть применена без учёта фактора системной нормативности моделирования.

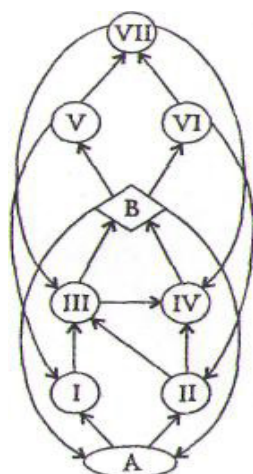
Гносеологические и практические проблемы, возникающие в связи с трудностями интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания, предлагается решать, в частности, путём сочетания понятийного аппарата общей теории систем и основными философскими категориями.

При этом различается строгая нормативность (следование положениям определённой теории при проведении научного исследования) или нестрогая нормативность (опора на концептуальную схему, ещё не оформившуюся в теорию).

---

¹ См.: Международные отношения: Социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова, М., 1998. С. 170–177.

В этой связи предлагается следующая структурная схема, позволяющая осуществлять системное моделирование международных отношений с учётом специфики предмета моделирования.

- A. Социальный субъект (элемент СМО)
- B. Структура его внешних связей
- Интересы
- Ресурсы
- Цели
- IV. Образ действий
- V. Противоречия
- VI. Соотношение ресурсов
- VII. Отношения

Эта схема ярко демонстрирует взаимодействие различных составляющих программы функционирования и развития комплекса международных отношений (элементов и структур). Вместе с тем она показывает, как «деятельность отдельного внешнеполитического субъекта через структуру его внешних связей воздействует на его собственное состояние»¹.

Изучение метода системного моделирования в применении к анализу международных отношений позволяет увидеть и преимущества, и недостатки, как самого метода, так и системного подхода в целом. К преимуществам можно отнести уже отмеченный выше обобщающий, синтезирующий характер системного подхода. Он позволяет обнаружить как целостность изучаемого объекта, так и многообразие составляющих его элементов (подсистем), в качестве которых могут выступать участники (акторы) международных взаимодействий, отношения между ними, пространственно-временные факторы, экономические, политические, социальные или религиозные характеристики и т.д.

Схема системного моделирования, как подчеркивает ряд ученых, всегда описывает реальный объект упрощённо. Но всё-таки она довольно интересна как пример прикладного подхода к решению учебных и научно-практических задач в области анализа международных отношений. Системный же подход в целом, по мнению П.А. Цыганкова, дает возможность не только фиксировать те или иные изменения в функционировании международных отношений, но и обнаружить, причинные связи таких изменений с эволюцией международной системы, выявить детерминанты, влияющие на поведение государств. Он также дает возможность комплексного применения прикладных методов и техник анализа в самом разнообразном их сочетании, расширяя тем самым перспективы их исследований

¹ См.: Международные отношения: Социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова, М., 1998. С. 177.

и их практической пользы для объяснения и прогнозирования международных отношений и мировой политики в целом¹.

Следовательно, преимущества метода состоят в следующем:

1) он позволяет обнаружить как целостность изучаемого объекта, так и многообразие составляющих его элементов (подсистем), в качестве которых могут выступать участники международных взаимодействий, отношения между ними, пространственно-временные факторы, политические, экономические, социальные или религиозные характеристики и т. д.;

2) дает возможность не только фиксировать изменения в функционировании международных отношений, но и обнаружить причинные связи таких изменений с эволюцией международной системы, выявить детерминанты, влияющие на поведение государств;

3) дает возможность комплексного применения прикладных методов и техник анализа в самом разнообразном их сочетании, расширяя тем самым перспективы исследований и их практической пользы для объяснения и прогнозирования международных отношений и мировой политики.

Слабые стороны метода. Даже самая безупречная в своих логических основаниях модель не дает уверенности в правильности сделанных на ее основе выводов. Добавим, что всегда существует определенный разрыв между сконструированной тем или иным автором моделью и действительными источниками тех выводов, которые формулируются им об исследуемом объекте. И чем более абстрактной (то есть чем более строго логически обоснованной) является модель, а также чем более адекватными реальности стремится сделать ее автор свои выводы, тем шире указанный разрыв.

Иначе говоря, существует серьезное подозрение, что при формулировании выводов автор опирается не столько на построенную им модельную конструкцию, сколько на исходные посылки, «строительный материал» этой модели, а также на другие, не связанные с ней, в том числе и «интуитивно-логические» методы. Отсюда и весьма неприятный для «бескомпромиссных» сторонников формальных методов вопрос: могли ли быть сформулированы без модели те (или подобные им) выводы, которые появились в результате модельного исследования?

Значительное несоответствие новизны подобных результатов тем усилиям, которые предпринимались исследователями на основе системного моделирования, заставляют считать, что утвердительный ответ на указанный вопрос выглядит весьма обоснованным. Как подчеркивают Б. Рассетт и Х. Старр, удельный вес каждого вклада может быть определен с помощью методов сбора данных и анализа, типичных для современных социальных наук. Но во всех других отношениях мы остаемся в области догадок, интуиции и информированной мудрости.

Соглашаясь с негативной оценкой ряда трактовок понятия «система», подчеркнем еще раз, что это вовсе не означает сомнений в плодотворности применения как системного подхода, так и его конкретных воплощений – системной теории

---

¹ См.: Теория международных отношений / Под ред. П.А. Цыганкова, М., 2003. С. 68.

и системного анализа – к исследованию международных отношений. Системный анализ и моделирование являются наиболее общими из аналитических методов, представляющих собой совокупность комплексных исследовательских приемов, процедур и техник междисциплинарного характера, связанных с обработкой, классификацией, интерпретацией и описанием данных. Именно на их основе и с их использованием появилось и получило широкое распространение множество других аналитических методов более частного характера.

Учебно-методическая литература

Основная

Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976.

Хрусталева М.А. Системное моделирование международных отношений: Учеб. пособие. М., 1987.

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Аналитические методы в исследовании международных отношений: Сб. науч. тр. / Под ред. И.Г. Тюлина, А.С. Кожемякова, М.А. Хрусталева. М., 1982.

Артюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталева М.А. Основы теории международных отношений. М., 1988.

Баталов Э.А. Что такое прикладная политология? // Конфликты и консенсус. 1991. № 1.

Боришполец К.П. Методы, методики и процедуры прикладного анализа международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Ред. П.А. Цыганков. М., 1998.

Кукулка Е. Проблемы теории международных отношений / Пер. с польск. М., 1980.

Лебедева М.М., Тюлин И.Г. Прикладная междисциплинарная политология: возможности и перспективы // Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений (опыт прикладных исследований): Сб. науч. тр. / Под ред. д-ра полит. наук И.Г. Тюлина. М., 1991.

Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования. М., 1997.

Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Системный подход в социальных исследованиях // Вопр. философии. 1997. №9.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений / Научно-образовательный форум по международным отношениям. М., 2002.

Поздняков Э.А. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986.

Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. М.: Мысль, 1970.

Эрман Ж. Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики / Пер. с фр. М., 1996. С. 54.

Богданов А. Всеобщая организационная наука (тектология). Л.; М., 1927. Т. 2.

Бузан Б. Уровни анализа в международных отношениях // Международные отношения: социологические подходы. М., 1998.

Platig E.R. International relations as a field of inquiry // International politics and foreign policy. N.-Y; London, 1969.

Models G. Agraria and industria: Two Models of the international systems // The international System. Theoretical Essays. Princeton, 1961.

Bertalanffy L. von. General Systems Theory // General Systems. L., 1956. Vol. 1.

Young O. Political Discontinuities in the International System // World Politics. 1968. Vol. 20.

Aron R. Paix et Guerre entre les nations. P., 1984.

Korany B. Analyse des relations internationales. Approches, concepts et donnees. Montreal, 1978.

Modelsky G. Agraria and Industria. Two Models of the International System. In The International System. Theoretical Essays. Ed. by Klaus Knorr and Sidney Verba. Princeton, 1961.

Deniennic J.P. Esquisse de problematique pour une sociologie des relations internationales. Grenoble, 1977.

Badie B., Smouts M.C. Le retournement du monde. Sociologie de la scene internationale P., 1992.

Braillard Ph. Theorie de systemes et relations internationales. P., 1977.

Huntzinger J. Introduction aux relations internationales. P., 1987.

Aron R. Paix et Guerre entre les nations. P., 1984.

Kaplan M. System and Process in International Politics. N.-Y., 1957.

Тема 8. Геополитическое и геоэкономическое видение международных отношений

1. Геополитика и геоэкономика как развивающиеся реалии и научные дисциплины.
2. Модели цивилизаций «сухопутного могущества – «heartland» и «морского могущества» – «rim land».
3. Международная мощь государств в контексте геополитической и геоэкономической ориентаций.

Исторически в международных отношениях существенную роль играли факторы влияния. Такие субъекты международных отношений, как государства, международные организации, транснациональные корпорации и т. д., действуют не в «безвоздушном пространстве». Особенности развития международных отношений на качественно различающихся этапах исторического процесса раскрываются только через призму изучения роли геополитических и геоэкономических, формационных и цивилизационных характеристик.

С доисторического периода власть и могущество правителей отождествлялись с контролем над определёнными территориями. Так, египетские фараоны господствовали в долине Нила. Чем объяснить стремление людей к укоренению на определённой территории, которое и сегодня остаётся одним из основных факторов политики? Это объясняется тем, что раннеисторически сельское хозяйство, т. е. рациональная эксплуатация земли, позволяло создавать избыток продуктов, на основе которого создавались политические структуры. В этих обществах, живших под постоянной угрозой голода, происходила дифференциация политических функций: подсчитывать и закладывать на хранение сельскохозяйственные продукты, взыскивать часть продукции в пользу служителей культа, знати и короля. Политический контроль над территорией преследовал две цели, значение которых сохранилось до сих пор: обеспечивать порядок внутри страны (внутренняя безопасность, полиция) и защищать это пространство, его обитателей от внешнего врага (внешняя безопасность, оборона).

Эти же функции мы наблюдаем в древнем Китае. Китайская стена, построенная и восстановленная по воле императоров, в течение веков выполняла эту двойную функцию: гарантировала население страны от набегов степных варваров и не позволяла рядовым китайцам укрываться от произвола властей.

Геополитическая и геоэкономическая *методологические ориентации* в их единстве носят как позитивный, теоретический, так и нормативный, прагматический характер. Это отражено в формулировании предложений по проведению

реальных мероприятий, направленных на корректировку внешней и внутренней политики, долгосрочной политической и экономической стратегии с целью улучшения геополитического и геоэкономического позиционирования определенного государства или наднационального блока, в частности, повышения их международной конкурентоспособности в условиях глобализации.

Роли, присущие характеристикам этих факторов, имеют значение двоякого рода. Во-первых, рассматриваемые в своей *«теоретической ипостаси»*, они выступают в роли аналитических единиц науки о международных отношениях. Во-вторых, они имеют и *«методологическую ипостась»*. Иначе говоря, в последнем случае эти факторы выполняют *методологическую ориентирующую функцию* в процессе изучения сферы международных отношений. Именно в этой связи здесь речь идет о *геополитическом и геоэкономическом видении* международных отношений.

Чтобы иметь четкое понимание, как связана «геополитика» и «геоэкономика» с международными отношениями, необходимо, прежде всего, выяснить, что, в принципе, эти два понятия означают.

Геополитика – это, прежде всего, международная реальность, а также междисциплинарная область знания о закономерностях распределения и перераспределения сфер властного влияния (центров силы) различных государств и межгосударственных объединений в многомерном коммуникационном пространстве Земли. Данная международная реальность формируется в процессе взаимодействия *политики, истории, пространства и народонаселения*.

Геоэкономика (англ. *geoeconomics*) – новая геополитика (геополитическая экономика) с позиций экономической мощи государства обеспечивает достижение внешнеполитических целей, мирового или регионального «могущества» экономическим путем¹. Геоэкономика – это также политика перераспределения ресурсов и мирового дохода². Основные сверхдоходы (ренту граничной энергетики) получают развитые мировые полюса экономического и технологического направлений. Основные проблемы «новой» геополитики: а) поиск подлинно многостороннего механизма в принятии и осуществлении международных решений; б) изучение роли и значения идентичности и представительства интересов в международной политике; в) учет и анализ исторического сознания в поисках нового гражданства. Таким образом, «новая» («критическая») геополитика стремится интегрировать в теоретический анализ актуальные тенденции мирового развития, связанные с возможной потерей государством роли главного актора трансграничных взаимодействий и с изменением приоритетов таких взаимодействий.

Геоэкономика – междисциплинарная наука. Геоэкономика или геополитическая экономия – отрасль знания на пересечении предметов политологии и экономической теории. В рамках геоэкономики мирохозяйственные процессы исследу-

¹ См.: Дергачев В. А. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 56–58.

² См.: Неклесса А.И. Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1. С. 116–123.

ются с точки зрения геополитических концепций. Анализ в рамках геоэкономики осуществляется с учетом таких составляющих, как пространственное расположение государств, их климат, природные ресурсы, демографическая ситуация и т. д.

Наблюдения о связи *экономики, истории, народонаселения и географического пространства* представлены в работах ученых XIX–XX вв. в широком диапазоне – от Фрица Рёрига и Фридриха Листа («автаркия больших пространств») до Фернана Броделя («миры-экономики») и Иммануила Валлерстайна («мир-системный подход»). Термин «геоэкономика» был введен в конце 80-х гг. XX в. американским экономистом и историком румынского происхождения Э. Луттваком (Edward Nicolae Luttwak). Отцом геоэкономики можно считать немецкого экономиста Ф. Листа (1789–1846 гг.). Лист сформулировал представление об «автаркии больших пространств» – экономически самостоятельных и в основном самодостаточных территорий, которым внутренние связи и обмен придают определенное органическое единство. Эта идея является одной из первоначально определяющих в геоэкономике.

Геоэкономика изучает географический императив, выражающийся в органичной связи экономики и пространства, во влиянии климатических и ландшафтных особенностей на формы и закономерности хозяйственной деятельности; «мощь и ее актуальный инструментарий», происходящий сдвиг международных силовых игр из области военно-политической в область экономическую, порождающий особый тип конфликтов – геоэкономические коллизии в глобальном контексте; политику и стратегию повышения конкурентоспособности государства в условиях глобализации экономики (унификации и поглощения мировой экономики «вселенским рынком», ее новой структурности); пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) в новом глобальном универсуме различных видов экономической деятельности, новую типологию мирового разделения труда; слияние политики и экономики в сфере международных отношений, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления.

В предмет изучения геоэкономики включены процессы развития не только государственных и региональных образований, но и реальных международных структур – экономических, финансовых и интеграционных объединений, транснациональных корпораций, еврорегионов, свободных экономических зон, а также геополитических субъектов (или блоков).

Ставя перед собой определенные задачи, политика неизбежно учитывала экономические интересы. В свою очередь, экономика предоставляла политике финансовые, технологические и промышленные ресурсы, необходимые для осуществления этих целей; кроме того, она использовалась политикой и как оружие, в виде экономических санкций и эмбарго.

Различают традиционную геополитику, новую геополитику (геоэкономику) и новейшую геополитику (геофилософию). Однако, чтобы избежать путаницы, когда новая геополитика называется геоэкономикой, отдельные авторы предлагают иную классификацию. Так, в развитии геополитики как научной дисциплины вы-

деляются три этапа: 1) предыстория геополитики; 2) классическая геополитика; 3) современная геополитика¹. Причем современная геополитика ни в коем случае уже не может рассматриваться в отрыве от геоэкономики. Геополитика и геоэкономика предстают как неразрывные части единого целого. Пожалуй, самым заметным явлением конца XX– начала XXI в. в контексте рассматриваемой темы оказывается, ранее не замеченная тесная взаимосвязь геополитических и геоэкономических факторов в процессе возникновения и развития мировых трендов с древнейших времен до наших дней.

Классические представления о международных отношениях основывались на трех главных принципах – территории, суверенитете, безопасности государств – факторов международной политики. В трактовке же отцов-основателей геополитики центральное место в детерминации международной политики того или иного государства отводилось его географическому положению. В их глазах мощь государства прочно коренится в природе самой земли. Смысл геополитики виделся в выдвигании на передний план пространственного, территориального начала. Поэтому главная задача геополитики усматривалась в изучении государств как пространственно-географических феноменов и постижении природы их взаимодействия друг с другом.

Иначе говоря, классическая геополитика рассматривала каждое государство как своего рода географический или пространственно-территориальный организм, обладающий особыми физико-географическими, природными, ресурсными, людскими и иными параметрами, собственным неповторимым обликом и руководствующийся исключительно собственными волей и интересами.

Поэтому, естественно, первоначально геополитика представлена в терминах завоевания прямого (военного или политического) контроля над соответствующими территориями. Классическая геополитика возникла в русле географического направления или географического детерминизма в социальных и гуманитарных науках XIX–XX вв. Географический детерминизм основывается на признании того, что именно географический фактор, т. е. месторасположение страны, ее природно-климатические условия, близость или отдаленность от морей и океанов и другие параметры определяют основные направления общественно-исторического развития того или иного народа, его менталитет, поведение на международно-политической арене и т. д. Другими словами, географическая среда рассматривается в качестве определяющего фактора социально-экономического, политического и культурного развития народов.

Как известно, классическая геополитика делает акцент на военно-политическую мощь государства и доминирующую роль географических факторов в захвате чужих территорий, что является, по одним утверждениям, *«географическим разумом государства»*. Геоэкономика, в отличие от классической геополитики, делает акцент на экономической мощи государства. Новейшая геополитика, в которой доминирует сила духа над военной и экономической мощью, способствует

---

¹ Исаев Б.А. Геополитика классическая и геополитика современная // Политические исследования. 2011. № 2. С. 70.

преодолению традиционного географического и экономического детерминизма за счёт расширения базисных факторов, определяющих поведение государств в международных отношениях. Международное соперничество и иерархия современных государств зависят от экономики. Современное государство, возникшее в Европе в XVI–XVII вв., стремилось всячески главным образом усилить свою военную мощь. В наши дни государству необходимо, помимо всего прочего, постоянно поднимать уровень своей экономической конкурентоспособности.

На современном этапе и особенно в конце XX– начале XXI в. геополитика претерпевает глубокие изменения. Сам термин «геополитика» трактуется намного шире, чем ранее. Корень «*geo*» приобрел теперь и второй смысл: его все чаще трактуют не только как географическое, но и как «планетарное», «глобальное» измерение политики, как взаимоотношения супердержав или военных блоков, как «столкновение цивилизаций» (А. Тойнби, С. Хантингтон) или как изменение общей конфигурации мировой системы, переход от биполярной к моно- или полицентрической.

Вторая составляющая «геополитики» – «политика», в данном контексте означает завоевание власти, пространства, осуществление господства, освоение этого пространства. В последнее время и ее толкование претерпевает существенные изменения. Современные акторы геополитики не столько жаждут завоевать и освоить новые территории, сколько стремятся контролировать максимально возможные пространства. Причем, – и в этом тоже особенность современной геополитики, – контролировать не территории в целом, а преимущественно проходящие по этим территориям линии коммуникаций.

Таким образом, геоэкономика – это экономическая геополитика, идущая на смену, по крайней мере, в промышленно развитых государствах – преимущественно военной геополитике прошлого. Геоэкономика, ее законы и механизмы становятся парадигмой административно-правовой организации государства. Поэтому ее изучение приобретает первостепенное значение для реформы современного государства. Это не просто экономическая наука, но дисциплина, составной частью которой является «социально-правовая инженерия». И как таковая, она оказывает глубокое воздействие на политическую науку и дебаты вокруг государственных учреждений и правовых органов.

Государственная мощь и способность поддерживать благосостояние своих граждан все больше зависят от вертикальных величин, таких, например, как производительность предприятий и конкурентоспособность «систем-стран», чем от величин горизонтальных, таких, как территория и народонаселение. От умения соотноситься с глобальными экономическими изменениями зависит теперь сама внутренняя легитимность государств, их способность обеспечивать определенную социальную справедливость путем перераспределения ресурсов от богатых к бедным, а также поддержания общественной сплоченности. Лишь привлекаемая глобальные технологические потоки, сопровождаемые потоками капиталов, государства могут обеспечить своим гражданам занятость и благосостояние.

О геополитике говорили еще Геродот, Аристотель, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье, Ж. Боден и Ф. Бродель. Однако выявление понятия «геополитика» – заслуга

не только европейской науки. Еще в VI в. до н.э. китайский мыслитель Сун Ци составил описание шести типов местности и девяти типов пространства, которые должен знать стратег для успешного ведения военной политики. Но геополитика как одна из специально изучаемых проблем науки появилась в конце XIX в., когда немецкий географ Ф. Ратцель и его ученики создали дисциплину, призванную изучать взаимосвязь между географией и политикой, исходя из положения страны в пространстве и ее границ. Крупный вклад в развитие геополитических идей внесли шведский исследователь и политический деятель Р. Челлен (1846–1922), английский географ и политический деятель Х.Д. Маккиндер (1861–1947), американцы – адмирал А.Т. Мэхэн (1840–1914) и профессор Йельского университета Н. Спайкмен (1893–1943).

Классическая геополитика обязана своим возникновением немецкому мыслителю Фридриху Ратцелю (1844–1904), которого считают «отцом» этой науки. Однако сам Ратцель термина «геополитика» не использовал, а писал о «политической географии». Наряду с Ратцелем отцами-основателями, главными адептами геополитики в ее традиционном понимании считаются также британский географ сэр Дж. Фейргрив, который развивал идеи Маккиндера, германский исследователь К. Хаусхофер, П. Видалье, Ла Бланш, А. Деманжон. Свои геополитические видения современного мира в первые десятилетия XX в. предлагали Л.С. Эмери, лорд Керзон, Й. Парч и др.

Таким образом, между геополитикой и геоэкономикой как историческими реалиями всегда существовала тесная связь. О методологической роли геополитики и геоэкономики как ориентирующих факторов в процессе познания международных отношений ярко свидетельствуют следующие исторические примеры.

Со времён Ханьской династии (III в. до н.э.–III в. н. э.), Александра Македонского (326–323 г. до н. э.) и до Великих географических открытий XVI в. «Великий шёлковый путь» представлял собой жизненно важную артерию между Европой и Востоком, по которой непрерывным потоком шли ценные и редкие товары: шёлк, пряности и т. д. С III по VII в. Византийская и Сасанидская империи вели между собой борьбу за «мировое экономическое господство», т.е. за контроль над путями, по которым на Запад доставлялись товары из Китая и других стран Дальнего Востока, прежде всего шёлк. Геополитические притязания государств органично вытекали из геоэкономических интересов и наоборот.

Падению Западной Римской империи в 476 г. н. э. предшествовал вселенской мощи «геотектонический разлом», исходные трещины которого обнаруживаются в событиях, случившихся в глубинах евразийского пространства. Как утверждает Л. Н. Гумилев, в III в. н. э. в центральноазиатских степях засуха охватила огромные территории, продлившись в течение почти одного столетия. Возможно, так и было. Кочевые племена, исконно обитавшие здесь, не выдерживая стихию обрушившихся на них бедствий, снимались с насиженных мест и огромными массами устремлялись на запад. Те же народы, которые встречались на их пути, под мощным давлением, теснились еще дальше. Во всяком случае нельзя отрицать того, что, видимо, лишь «геотектонической» силы толчок мог создать своеобраз-

ный «эффект домино», когда не отдельные этносы, а множество народов пришло в процесс длительного сцепления и передвижения. В Начале эпохи Великого переселения народов германские племена, ранее жившие на внешних границах империи, вторглись на римскую территорию, сея повсюду хаос войны и разрушения. Эту эпоху можно было бы назвать временем борьбы и взаимного истребления целых народов, стремительно возникавших и исчезающих государств, разрушений множества городов, сожжений бесчисленных сел, убийств массы мирных жителей, бесконечных насилий, грабежей незащищенных людей. Как верно заметил Ж. Ле Гофф, то, что было в Западной Римской империи «упадком», варвары превратили в «регресс»¹. Вселенский ужас овладевает человеком. Душа его пребывает в вечном страхе, а тело подвергается жесточайшим истязаниям.

Именно здесь он в полной мере познает, сколь может быть бездонным в человеческом существе таящаяся сила злодеяний и разрушений. Он теряет веру в саму основу благоразумного жизненного устройства бытия. Разрешение вопроса о том, как возможно обуздание человеком непомерно разрастающейся в его природном существе «нечеловеческой гордыни» и разрушительного эгоизма, становится жизненно насущным в сохранении и выживании самого рода человеческого. Поэтому христианское вероучение с его культом смиренного и страдающего человека оказалось своевременным спасением и счастьем для общества той исторической поры. Наряду с этим, именно на христианской почве удалось сохранить, преемственно продолжить культурное наследие античности. В эпоху «темных веков», в ранее средневековье, когда многое из завоеваний предшествующих поколений было утеряно, нива культурной жизни истощается в такой степени, что речь идет не о приращении нового потенциала, а о сохранении старого.

В течение XIII в. Империя Чингисхана богатели благодаря контролю над Шёлковым путём, где монголы обеспечивали безопасность караванов. Непрерывные конфликты за право контролировать сухопутные и морские (через Индийский океан) пути между Дальним Востоком и Европой приобрели поистине всемирный масштаб с включением (начиная с XVI в.) Атлантического и Тихого океанов в систему международных торговых связей. После открытия Америки Христофором Колумбом Атлантический океан перестал быть неведомым морем на краю света и очень скоро стал предметом соперничества между великими державами. За право контроля над Атлантикой вели борьбу сначала Испания и Португалия (XVI в.), затем Испания, Голландия, Франция и Англия (XVII в.), позднее Франция и Англия (XVIII в.).

И другой поразительный факт взаимодействия геополитических и геоэкономических реалий в истории Западной Европы начала Нового времени. Вследствие великих географических открытий наблюдается перемещение торговых путей в бассейн Атлантического океана. Недвусмысленным указанием на изменяющуюся международную конъюнктуру и сигналом наступающей новой эпохи в истории социально-экономических взаимоотношений стран Европы стало перемещение ведущего центра хозяйственного, политического и культурного притяжения из

---

¹ *Le Goff J. La civilisation de l'Occident medieval. P., 1967. P. 63.*

Средиземноморского региона (Северная Италия, Испания, Южная Франция) в регион Северо-Западной Европы. Страны, имеющие выход к Атлантическому океану, оказались в более выгодном положении и получили новый импульс для социально-экономического развития.

Речь, прежде всего, идет о победоносно завершившей свою буржуазную революцию в 1579 г. Голландии – этой «образцовой капиталистической страны» XVII в. Вслед за ней возшла звезда островной Англии. За ними на авансцену европейской истории поднялись Северо-Восточная Франция, Прирейнская Германия, частично Швеция. И здесь, по-видимому, решающее значение приобретало не только то, что эти страны расположены в регионе, имеющем выход к Атлантике, следовательно, новым путям мировой торговли, ведущим в Новый Свет и в страны Востока вокруг Африки. Важным обстоятельством, по мнению М.А. Барга, которое редко учитывается и анализируется в ходе изучения этого эпохального сдвига в размещении «силового поля» европейской цивилизации, явилась «социально-экономическая готовность» приатлантических стран к такой роли, их желание и возможность использовать расширяющийся европейский и заморский рынок для создания массового, капиталистически организованного производства¹.

Речь должна, видимо, идти не только о социально-экономической, но и политической и культурно-психологической *готовности* страны к изменяющейся мировой конъюнктуре. Здесь решающую роль в той исторической обстановке играли несколько взаимодействующих факторов. Во-первых, уровень и характер ломки феодальных структур и внедрения буржуазно-капиталистических отношений. Во-вторых, значительная степень перевода мелкого и среднего ремесленно-цехового производства в расширенное мануфактурное. В-третьих, становление единой централизованной власти, нацеленной на формирование национальной государственности. В-четвертых, образование общего национального рынка страны. В-пятых, превращение товарно-денежных отношений в движущий нерв организации жизни общества, а «презренных денег» – в определяющий культурно-психологический мотив поведения и сознания людей, вместо прежнего «облагораживающего кровь» землевладения и натурального хозяйствования. Причем, чтобы страна полностью соответствовала предъявляемым требованиям готовности, эти факторы должны были действовать в органической взаимосвязи.

Перемещение «центра силового притяжения» в атлантический регион в довольно короткий период времени сказалось на хозяйственном оскудении и торгово-экономическом упадке Средиземноморского региона. По цепной реакции это привело к хроническому ослаблению Юго-Западной Германии и ряда других, исторически тесно привязанных к средиземноморской торговле, областей Центральной Европы. Купеческая Ганза, на протяжении всех феодальных веков безраздельно доминировавшая в торговом обмене стран Балтийского бассейна, в новых исторических условиях, не выдерживая конкуренции с зарождающимися национальными государствами, также находилась в нисходящей фазе своего раз-

---

¹ См. подробно: *Барг М.А.* Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. С. 10 и др.

вития. Естественно, в свою очередь, это повлекло за собой ухудшение хозяйственной конъюнктуры остальбской Германии, Дании, Польши и Восточной Прибалтики.

Что же происходило, например, с Италией? Во второй половине XV и первой половине XVI в. здесь наблюдаются все признаки наступающего кризиса. Кончился неуклонный подъем, под знаком которого эта страна жила, несмотря на все потрясения, чуть ли не со времени первого крестового похода 1096–1099 гг. Торговля и промышленность, на которых зиждилось хозяйственное благополучие страны, клонились к закату. После войн Алой и Белой Роз (1455–1485 гг.) в Англии усилилась единая централизованная королевская власть. Она по-хозяйски стала распоряжаться английской шерстью, без которой итальянская суконная промышленность не могла существовать и развиваться. Зарождающийся английский национальный капитал неуклонно оттеснял итальянскую торговлю и промышленность. Во Франции Людовик XI в конце XV в. завершил объединение страны, и уже в непосредственной близости от Италии «замаячила» грозная военно-политическая и экономическая опасность. Возросла угроза не просто экономической блокады, но и смертельная перспектива вторжения войск Франции на итальянскую территорию. С давних пор боковые ветви правящей династии Франции – Анжуйская и Орлеанская – притяжали на Неаполь и Милан.

Раздробленная на множество разнородных политических образований Италия не смогла бы противостоять национальной мощи единой Франции. Теперь, когда в Англии и Франции завершилась долгая эпоха феодальной раздробленности, в них наступило время внутреннего успокоения и единства, становилось очевидным, что доминирующей роли в общеевропейских делах итальянского капитала, приходит конец. И это уже свершалось. Молодые национальные государства шаг за шагом решительно вытесняли Италию с исконно принадлежавших ей рынков. Промышленные изделия итальянских городов все меньше находили сбыт не только на внешних рынках, но и у себя на родине. В Неаполе английские суконные изделия вытесняют флорентийские. Это, разумеется, неизбежно истощало ресурсы итальянской экономики и ослабляло ее сопротивляемость в случае противостояния французской агрессии. В таких ухудшающихся условиях ей не оставалось ничего другого, как свертывать ранее динамично развивавшееся экспортоориентированное мануфактурное производство.

Почти четыре столетия Италия, страна величайших богатств, являвшаяся эталоном высокого развития, эксплуатировала остальные страны Европы. И наконец-то Европа дождалась своего часа, когда горделивая Италия упала на колени. Старые феодальные государства Европы, только что разрушившие натуральные формы хозяйствования, недавно начавшие осваивать товарно-денежное производство, вступив в свою раннекапиталистическую стадию развития, переживали невиданный прежде подъем. Италия – предмет недавней зависти других европейских стран, все прежние годы шествовавшая в авангарде и показавшая пример в освоении передовых товарно-денежных форм хозяйственной жизни, внезапно пошла под уклон развития.

Поскольку Италия не была единым государством, постольку разрозненные, экономически мало связанные, независимые, часто враждующие друг с другом,

суверенные области не могли воспротивиться процессу вытеснения с мирового рынка. Кроме того, экспорториентированное производство, ранее обеспечивавшее максимальную экономическую прибыль, имело тот существенный недостаток, что политически разобщило страну. Работая на внешний рынок, такие города-государства, как Флоренция, Венеция, Милан и другие, ориентировались на его запросы и производили примерно одни и те же мануфактурные изделия. Торговля и производство не работали на потребности внутреннего развития. Не обнаруживалось какой-то стыковки в долговременной деятельности, например, флорентийских предпринимателей и венецианских купцов.

Не возникало настоятельной необходимости в едином национальном рынке. Поразительно, но факт, что при таком положении, когда страна в течение нескольких веков оставалась в роли общеевропейского банкира, купца и промышленника, внутренний рынок Италии был совершенно не развит, носил во многом средневеково-натуральный, феодальный характер. Как это ни парадоксально, экономические интересы итальянских предпринимателей, купцов и банкиров были одинаковыми, но не общими.

Одинаковые интересы порождают тенденцию к дезинтеграции и разобщению. Лишь *общность* интересов создает условие для интеграции и единения. Иначе говоря, не сформировался механизм общего притяжения интересов. Поэтому, самостоятельно существовавшие итальянские земли больше общались с внешним миром, чем с друг другом. В итоге отсутствовала экономическая заинтересованность в политическом единстве страны. Резкое падение получаемой на внешних рынках экономической прибыли приводит к попытке многочисленных карликовых городов-государств компенсировать все это за счет увеличения таможенных пошлин в торговле друг с другом. Начинается поистине ожесточенная таможенная война. В итоге слаборазвитая внутриитальянская торговля приходит в полнейший упадок и гибнет. Геополитические и геоэкономические тенденции развития в истории международных отношений существенным образом влияли на перемены в политической карте мира.

Главным законом классической геополитики и геоэкономики является утверждение фундаментального дуализма, отраженного в географическом устройстве планеты и в исторической типологии цивилизаций¹. Этот дуализм методологически выражается в двух противоположно направленных «видениях» сущности «разломов» в международных отношениях: моделей цивилизации «*сухопутного могущества*» и «*морского могущества*». Характер такого противостояния проявляется уже в истории противопоставления торговой цивилизации (Карфаген, Афины) и цивилизации военно-авторитарной (Рим, Спарта) – дуализм между «демократией» и «идеократией». Вся история человеческих обществ, таким образом, рассматривается как состоящая из двух враждебных стихий – «водной» («жидкой», «текучей») и «сухопутной» («твердой», «постоянной»).

«*Сухопутное могущество*» как модель цивилизации связано с фиксированностью пространства и устойчивостью её качественных ориентаций и характе-

¹ См.: Mackinder H. Democratic ideals and reality. N.-Y., 1919; Макиндер Х. Географическая ось истории. Элементы. М., 1995; Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997.

ристик. На цивилизационном уровне это воплощается в оседлости, в консерватизме, в строгих юридических нормативах, которым подчиняются крупные объединения людей – роды, племена, народы, государства, империи. Твердость «суши» культурно-исторически воплощается в твердости этики и устойчивости социальных традиций. Сухопутным (особенно оседлым) народам чужды индивидуализм, дух предпринимательства. Им свойственны коллективизм и иерархичность.

«Морское могущество» представляет собой тип цивилизации, основанной на противоположных установках. Этот тип динамичен, подвижен, склонен к техническому развитию. Его приоритеты – кочевничество (особенно мореплавание), торговля, дух индивидуального предпринимательства. Индивидуум как наиболее подвижная часть коллектива возводится в высшую ценность, при этом этические и юридические нормы размываются, становятся относительными и подвижными. Такой тип цивилизации быстро развивается, активно эволюционирует, легко меняет внешние культурные признаки, сохраняя неизменной лишь внутреннюю идентичность общей установки.

Зона «сухопутного могущества» устойчиво отождествляется с внутриконтинентальными просторами Северо-Восточной Евразии (в общих чертах совпадающими с территориями царской России или СССР). Пределы «морского могущества» все яснее обозначаются как береговые зоны евразийского материка, Средиземноморский ареал, Атлантический океан и моря, омывающие Евразию с Юга и Запада. Так карта мира обретает геополитическую специфику. Внутриконтинентальные пространства становятся «неподвижной платформой», «*heartland*» – «хартленд» («землей сердцевины»), «географической осью истории», которая устойчиво сохраняет определенную цивилизационную специфику.

Термин «хартленд» впервые был введен в научный оборот Дж. Фейргривом, а концептуально разработан Х. Маккиндером. В его концепции Мировой остров – это сплошной континентальный пояс, состоящий из Европы, Азии и Африки. Окруженный Мировым океаном, этот остров, благодаря своему географическому и стратегическому положению, неизбежно должен стать главным местом расположения человечества на нашей планете. Отсюда логически следовал вывод, что государство, занимающее господствующее положение на Мировом острове, будет также господствовать в мире. Дорога же к господству над Мировым островом лежит через «хартленд». Один лишь он имеет достаточно прочную основу для концентрации силы с целью угрожать свободе мира изнутри цитадели Евразийского континента. Законченную формулу идея «хартленда» нашла в трех максимах: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; Кто правит Хартлендом, господствует над Мировым островом; Кто правит Мировым островом, господствует над миром»¹.

Концепция «хартленда» не вызывала бы столь пристального внимания, если бы история международных отношений не подтверждала ее положений. Вос-

---

¹ Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. N.-Y., 1919. P. 113.

точная Европа, значительная часть территории которой географически занимает Россия, во все времена притягивала взоры различных завоевателей. Почему Чингисхан после завоеваний на Востоке устремляется на Русь? Почему Наполеон Бонапарт, покорив почти всю Европу, в конце концов, идет на завоевание России? И почему Гитлер, овладев промышленной мощью всей Европы, вероломно нападает на Советский Союз? Некое магическое притяжение Восточной Европы наблюдается в этих международных событиях.

«Внутренний или континентальный полумесяц», «береговая зона», «*rimland*» – пространство интенсивного развития. Но наряду с этим также выделяется «внешний или островной полумесяц», представляющий «неизведанные земли», с которыми возможны только морские коммуникации. Впервые он дает о себе знать в Карфагене и торговой финикийской цивилизации, воздействовавшей на «внутренний полумесяц» Европы извне. В отличие от Маккиндера Н. Спайкмен рассматривал в качестве ключа к контролю над миром не «хартленд», а евразийский пояс прибрежных территорий, или «маргинальный полумесяц», включающий морские страны Европы, Ближний и Средний Восток, Индию, Юго-Восточную Азию и Китай. В его видении евразийская масса и северные побережья Австралии и Африки образуют три концентрические зоны, функционирующие в контексте геополитических реалий: 1) «хартленд» северного Евразийского континента; 2) окружающая его буферная зона и маргинальные моря и 3) удаленные от центра Африканский и Австралийский континенты. Внутренняя зона, вокруг которой группируется все остальное – это ядро евразийского «хартленда». Вокруг этой сухопутной массы, начиная от Англии и кончая Японией, между северным континентом и двумя южными континентами, проходит Великий морской путь. Он начинается во внутренних и окраинных морях Западной Европы, в Балтийском и Северном морях, проходит через европейское Средиземноморье и Красное море, пересекает Индийский океан, проходит через азиатское Средиземноморье к прибрежным морям Дальнего Востока, Восточно-Китайскому и Японскому и заканчивается, наконец, в Охотском море. Между центром евразийской континентальной массы и этим морским путем лежит большая концентрическая буферная зона. Она включает Западную и Центральную Европу, плоскогорные страны Ближнего Востока, Турцию, Иран и Афганистан; затем Тибет, Китай, Восточную Сибирь и три полуострова – Аравийский, Индийский и Бирманно-Сиамский¹.

Эту тянущуюся от западной окраины евразийского континента до восточной его окраины полосу Спайкмен назвал евразийским «римлендом» (от англ. *Rim* – ободок, край). Таким образом, он геополитически разделил на две части «хартленд» и «римленд». Он отверг идею преобладания континентальных держав «хартленда» и обосновал превосходство стран, образующих «римленд». Эта точка зрения была сформулирована следующим образом: «*Кто контролирует римленд, господствует над Евразией; кто господствует над Евразией, контролирует судьбы мира*».

---

¹ *Spykman N. America's Strategy in World Politics. The United States and the Balance of Power. N.-Y., 1942. P. 180–181.*

Модели развития «*heartland*» и «*rim land*» противостоят друг другу, но вместе с тем и определенным образом уравниваются.

Данная геополитическая картина соотношения «сухопутного» и «морского» превосходства выявляется потенциально к началу христианской эры, после эпохи Пунических войн. Но окончательно она приобретает смысл в период становления Англии великой морской державой – в XVII – XX вв. Эпоха великих географических открытий, начатая с конца XV в., повлекла за собой окончательное становление «*rim land*» самостоятельным планетарным образованием, оторвавшимся от Евразии и ее берегов и полностью сконцентрировавшимся в англосаксонском мире (Англия, Америка) и колониях. «Новый Карфаген» англосаксонского капитализма и индустриализма оформился в нечто единое и цельное, и с этого времени геополитический дуализм приобрел уже четко различимые идеологические и политические формы.

Позиционная борьба Англии с континентальными державами – Австро-Венгерской империей, Германией и Россией – стала геополитическим содержанием XVIII–XIX вв. (и второй половины XX в.), а с середины XX столетия главным оплотом «*rim land*» стали США. В «холодной войне» 1946–1991 гг. извечный геополитический дуализм достиг максимальных пропорций, «*rim land*» отождествилась с США, а «*heartland*» – с СССР.

Два глобальных типа цивилизации, культуры, метаидеологии получили законченные геополитические очертания, резюмирующие всю геополитическую историю противостояния сухопутной и морской стихий. При этом поразительно, что этим формам законченного геополитического дуализма на идеологическом уровне соответствовали две столь же синтетические реальности – идеология марксизма (социализма) и идеология либерал-капитализма. В данном случае можно говорить о реализации на практике двух типов «редукционизма». Экономический редукционизм сводился к противопоставлению идей Смита и идей Маркса, а геополитический – к разделению всех секторов планеты на зоны, подконтрольные «*rim land*» (Новому Карфагену, США) и «*heartland*» (Новому Риму, СССР).

До момента окончательной победы США в «холодной войне» геополитический дуализм развивался в изначально заданных рамках – обретении «*heartland*» и «*rim land*» максимального пространственного, стратегического и силового объема. Ввиду наращивания обеими сторонами ядерного потенциала некоторым геополитикам-пессимистам исход всего этого процесса представлялся катастрофическим, так как, полностью освоив планету, два могущества должны были либо перенести противостояние за пределы Земли (теория звездных войн), либо взаимно уничтожить друг друга (ядерный апокалипсис).

После распада СССР и мировой социалистической системы осмысление цели истории в геополитических терминах доходит лишь до момента глобализации дуализма и здесь останавливается. Однако на теоретико-гипотетическом уровне можно рассматривать несколько возможных версий развития событий.

Первая версия. Победа цивилизации «*rim land*» полностью отменяет цивилизацию «*heartland*». На планете устанавливается однородный либераль-

но-демократический порядок. «Heartland» абсолютизирует свой архетип и становится единственной системой организации человеческой жизни. Этот вариант имеет два преимущества. Во-первых, он логически непротиворечив, так как в нем можно увидеть закономерное завершение однонаправленного (в целом) течения геополитической истории – от полного доминирования Суши (традиционный мир) к полному доминированию Моря (современный мир). Во-вторых, именно это происходит в современной международной действительности.

Вторая версия. Победа «heartland» заканчивает цикл противостояния двух цивилизаций, но не распространяет свою модель на весь мир, а просто завершает геополитическую историю, отменяя ее проблематику. Подобно тому, как теории постиндустриального общества доказывают снятие в этом обществе основных противоречий классической политэкономии (и марксизма), так некоторые мондиалистские теории утверждают, что в грядущем мире противостояние Суши и Моря будет вообще снято. Это тоже «конец истории», но только дальнейшее развитие событий не поддается такому строгому анализу, как в первой версии.

Обе вышеотмеченные версии рассматривают победу «rimland» и поражение «heartland» как необратимый и свершившийся факт. Две остальных версии иначе относятся к этому процессу.

Третья версия. Поражение «heartland» – явление временное. Евразия вернется к своей континентальной миссии в новой форме, при этом будут учтены геополитические факторы, приведшие к катастрофе континенталистские силы (новый континентальный блок будет иметь морские границы на Юге и на Западе, т.е. осуществится «доктрина Монро для Евразии»). В таком случае мир снова вернется к биполярности, но уже другого качества и другого уровня.

Четвертая версия является развитием предыдущей. В этом новом противостоянии побеждает модель «heartland». Эта цивилизационная модель распространена по всей планете и «закрывает всемирную историю» на своем аккорде. Весь мир типологически превратится в Сушу, и повсюду воцарится «идеократия». Предвкушением такого исхода были идеи о «Мировой Революции» или планетарном господстве «Третьего Рейха».

Современная геоэкономика по-своему формулирует два основных вопроса геополитики: во-первых, что такое мощь, сила, влияние? Где и как она материализуется? Но в конце XX в. возник и другой вопрос: чем объяснить возросший интерес к изучению связей между экономикой, пространством и мощью?

В международных отношениях уже с древнейших времен отмечается возникновение и расширение своеобразной геоэкономической иерархии. Согласно положениям геополитики, сформулированным Маккиндером и Хаусхофером, гарантией могущества государства является контроль над элементами, обладающими большой массой (территорией, людьми, сырьевыми ресурсами). Понятия «мощь» и «безопасность» неразрывно связаны между собой. Обладать мощью – значит, располагать как можно большим количеством разнообразных ресурсов. С этой точки зрения по-настоящему мощными государствами следует считать государства-континенты (США, СССР, Китай), а также колониальные империи первой

половины XX в. Опыт периода, который начался после Второй мировой войны и продолжался до 80-х гг. прошлого столетия, т. е. периода противостояния сверхдержав, подтверждает данный вывод.

Однако, в свою очередь, современная геоэкономика стремится отождествлять могущество с контролем над международными сетями. Могущество проистекает из способности создавать международные сети (торговые пути, каналы передачи информации или изображения), использовать их, извлекать из них прибыль. При этом могуществом обладает тот, кто занимает стратегическое положение в международной сети или в совокупности международных сетей и обладает талантом максимально использовать свои преимущества. Если политическая и военная мощь позволяет навязать свою волю, угрожать и наносить удары, то мощь, которую даёт контроль над международными сетями, позволяет оказывать давление, склонять на свою сторону, проникать в лагерь противника. В отличие от военно-политической геоэкономической мощи позволяет добиваться решения проблем более мягкими средствами.

Вместе с тем это не означает, что геоэкономика упраздняет традиционные критерии могущества. Военно-политические цели хотя и меняются, но всё же, остаются. В новых условиях мощь означает способность установить или поддерживать порядок (например, в 90-х гг. XX в. главной целью внешней политики США стало сохранение режима нераспространения ядерного оружия, в частности, борьба против ядерных амбиций Северной Кореи).

В то же время иерархия, предлагаемая геоэкономикой, кажется довольно неопределённой, многовариантной. В качестве примера можно привести город-государство Сингапур, имеющий чрезвычайно выгодное географическое положение и располагающий великолепной инфраструктурой для организации международных обменов. Но, с другой стороны, Сингапур очень уязвим. Своей ситуацией он напоминает торговые центры Средневековой Европы – Венецию, Флоренцию, Амстердам, находившихся под властью бюрократизированных политических систем.

Как известно, мировое экономическое пространство возникло задолго до конца XX в. Например, в 1890–1914 гг. такое пространство сформировалось вокруг Европы и включало в себя Россию, Соединённые Штаты и Японию, а также территории, где господствовали западные державы. Кризис 30-х годов охватил если не весь мир, то, по крайней мере, несколько континентов. С этой точки зрения, специфика конца XX – начала XXI в. характеризуется тремя факторами.

Во-первых, происходит углубление взаимозависимости стран в различных областях (торговля, инвестиции, перемещение капиталов, обмен технологиями), что способствует ещё большему усилению этой взаимозависимости.

Во-вторых, основные отрасли экономики отдельных стран (сельское хозяйство, промышленность, услуги) работают не только и не столько на национальный рынок, сколько на международный.

В-третьих, большинство стран связывает своё будущее, своё выживание со своей способностью участвовать в международном технико-экономическом соревновании. Одновременно следует отметить, что с точки зрения геоэкономики

мировое экономическое пространство отличается существенной неоднородностью и фрагментарностью.

Когда-то Цицерон воскликнул: «Разве без силы можно бороться против силы?» Разумеется, смысл этого изречения остается актуальным и в наши дни. Однако в международных отношениях XXI в. с течением времени все больший вес начинает приобретать так называемая «мягкая сила» («soft power»), весьма отличная от действовавшей веками «жесткой силы» («hard power»).

В последние годы в политическом дискурсе все чаще стала употребляться бинарная оппозиция «жесткий-мягкий» как отражающая трансформирующуюся природу мировой политики и международных отношений. Детерминантами этой трансформации выступают усиливающаяся взаимозависимость государств мира, так называемый феномен глобализации, и стремительное развитие информационных технологий¹.

Еще в 1980-х гг. Р.С. Клайн (Ray S. Cline), директор Центра исследований стратегии и международных отношений Джорджтаунского ун-та Америки, выдвинул формулу, предназначенную для оценки совокупной государственной силы: $P=(C+E+M) \times (S+W)$, т. е. «государственная сила = (население и территория + экономическая сила + военная сила) × (стратегический замысел + воля к осуществлению государственной стратегии). Формула делит элементы, определяющие «совокупную государственную мощь» на две части: материальную и духовную. В 1990-х гг. на этой основе Джозеф Най (Joseph S. Nye Jr.) разделил государственную силу на «твердую» (hardpower) и «мягкую» (softpower), именуя материальные элементы совокупной государственной силы «твердой силой», а духовные ее элементы – «мягкой силой»².

«Твердая сила» – это видимая государственная мощь, состоящая в основном из природных ресурсов, экономики, науки, техники и военной силы, которые, будучи видимыми и относительно стабильными, составляют материальную базу совокупной государственной силы. К «мягкой силе» относятся стратегия развития государства, идентификационная мощь его идеологии и ценностных ориентаций, притягательная сила его социального строя и модели развития, его способность проведения основной линии и стратегии развития, цементирующая сила его народа, творческая сила нации, обаяние культуры и сила влияния в международных делах. Все это духовные элементы. Будучи невидимой и неосязаемой, «мягкая сила» проникает везде и всюду и имеет большую растяжимость.

Если «твердая сила» составляет материальную базу совокупной государственной мощи, без которой ничего нельзя сделать, то «мягкая сила» представляет собой мудрость и стратегию государства в развитии и использовании «твердой силы». Гармонизация «мягкой» и «твердой силы» на научной основе свидетельствует о внутреннем единстве материальной и духовно-культурной мощи стра-

---

¹ Радиков И., Лексютин В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // МЭМО. 2012. № 2. С. 19-26.

² Nye J. The Power of Persuasion: Dual components of US leadership. The conversation with J.Nye. Harvard International Review. 1998. Winter. Vol. 46.

ны и позволяет повышать качество и эффективность использования совокупной государственной мощи, служить основной гарантией длительного процветания нации и государства. С динамической точки зрения «мягкая сила» – это основа повышения международной конкурентоспособности страны.

Как правило, понятие «мягкая сила» используют в контексте оценки региональных и глобальной сфер влияния государств, не только способных, но и стремящихся играть значимую роль в мировой политике. В последнее время оно наиболее часто употребляется при сопоставлении сфер влияния США и Китая. В частности, констатируется упадок «мягкой силы» США и рост «мягкой силы» КНР. Сейчас уже говорят о необходимости изучения «мягкой силы» ЕС, отдельных европейских государств, Японии и России. Следует отметить также, что «мягкой силой» могут обладать не только государства, но и корпорации, НПО, транснациональные террористические сети и даже отдельные харизматические личности.

«Твердая сила» и «мягкая сила» находятся во взаимозависимости и нуждаются друг в друге. Обе формы силы имеют одинаковую стратегическую значимость и должны учитываться в равной мере.

Происходит интеграция огромного большинства государств в единую экономическую систему, хотя между ними сохраняются заметные различия в уровне развития: промышленные страны Запада, стремительно развивающиеся страны третьего мира, внезапно обедневшие страны бывшего социалистического лагеря, страны Африки и Азии, оказавшиеся на обочине экономического прогресса. Эти различия рассматриваются в динамике планетарной эволюции, они представляют собой одновременно и позитивные, и негативные факторы, что подтверждается, например, переносом ряда производств из одних стран в другие из-за разницы в стоимости рабочей силы и в уровне социальной защиты; подтверждением данного положения служат также миграционные потоки из бедных стран в богатые. Единство мирового экономического пространства доказывается простым фактом: различия в уровне развития не только создают непреодолимые препятствия между разнородными зонами, но и активно используются хозяйствующими субъектами (государствами, предприятиями и даже физическими лицами).

Государственные границы продолжают существовать. Конечно, имеется немало способов открывать эти границы для международной торговли, туризма, перемещения капиталов и информационных потоков. Тем не менее государства сохраняют за собой право законодательного регулирования режима границ. Пока будут оставаться суверенные государства, останутся и границы, даже если их пересечение не связано со значительными трудностями.

Ход европейской интеграции подтвердил это положение. Начиная с 60-х гг. XX в. Европейское сообщество занято устройством своей общей внешней границы, что выразилось, в частности, в установлении единого таможенного тарифа на ввоз товаров в Европейский союз. Провозглашение Европейского союза (Мастрихт, 7 февраля 1992 г.) предполагает окончательную отмену границ между членами союза и завершение формирования внешней границы сообщества. Наконец, планетарная экономическая интеграция, идеология единого рынка пока не

способны устранить границы в областях, где политика и экономика практически бессильны, т.е. существуют непреодолимые культурные и религиозные границы.

Таким образом, государство для подавляющего большинства стран остаётся территориальным образованием, которое все еще несёт ответственность за благополучие своего населения. В конце XX в. перед ним стоит трудная задача – сохранить целостность и само существование своей территории и своего населения в эпоху резко возросшей взаимозависимости.

Технико-экономическая конкуренция заставляет государство по-новому взглянуть на свою территорию. Речь уже не идёт о её защите или о сохранении её специфики. Напротив, необходимо максимально открыть страну, обеспечить ей наиболее выгодные условия в конкурентной борьбе. Так, иностранные инвестиции, которые хотя и ставят национальную экономику в зависимость от решений, принимаемых за границей, являются важным фактором интеграции страны в мировой рынок. Даже фундаментальные атрибуты суверенитета (законодательство, налоговая политика и система образования) подвергаются пересмотру с учётом международных стандартов. Закон, налогообложение и национальная валюта начинают конкурировать с иностранными законами, налогами и валютой, т.к. слишком большие отличия от международных норм могут «отпугнуть» иностранного инвестора или бизнесмена.

Государство, привязанное к своей территории, должно сделать её максимально привлекательной для иностранцев. Это приводит к своеобразной «шизофрении» государственных структур, которые вынуждены в одно и то же время защищать и открывать границы, сохранять национальную самобытность и обеспечить восприимчивость ко всему новому.

Связь между геополитическим и геоэкономическим положением государства и его международной конкурентоспособностью неразрывна и неоспорима. Достижение конкурентоспособности товаров, производимых государством, является основной геоэкономической целью государства, обеспечивающей достижение геополитического могущества на международной арене.

Учебно-методическая литература

Основная

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2004.

Богомолов О.Т. Анатомия глобальной экономики: Учеб. пособие. М.: Академкнига, 2004.

Дергачев В.А. Геоэкономика: Учебник для вузов. Киев: ВИРА-Р, 2002.

Дергачев В.А. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Кочетов Э.Г. Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства). М.: БЕК, 1999.

Гаджиев А.А. Геополитика. М., 2003.

Дополнительная

Абралава А. Глобальное технологическое пространство и национальная экономика // Общество и экономика. 2004. № 3.

Некlessа А.И. Глобальная трансформация: сущность, генезис, прогноз // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1.

Эльянов А.Я. Глобализация и догоняющее развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1.

Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997.

Макиндер Х. Географическая ось истории. Элементы. N.-Y., 1995.

Дугин А. Мода на геополитику. М.: Арктогея, 1997.

Тема 9. Формационное и цивилизационное измерение международных отношений

1. Специфика формационного измерения международных отношений.
2. Достоинства и недостатки формационного видения международных отношений.
3. Цивилизация как фактор международной жизни.
4. «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона: концепция и реальность.

К сожалению, в ряде современных методологических ориентаций, объясняющих эволюцию международных отношений, отсутствует такое понятие, как исторический процесс. Мы не можем уловить специфику международных отношений при переходе от Древности и Средневековья к Новому времени и от Нового времени к новейшей истории, т. е. международные отношения на длительном историческом этапе своего развития предстают как некий однородный массив, сплошной поточный процесс. А между тем международным отношениям имманентно чужда статичность. Эта сфера постоянно развивалась, обогащалась новыми качествами вместе с усложнением характера мирового сообщества.

Разумеется, внимание ученых, разрабатывающих теоретические проблемы международных отношений, сосредоточено преимущественно на сюжетах, касающихся современной ситуации. Однако сейчас все более проясняется, что создать корректную теорию этих процессов без опоры на исторические реалии просто невозможно¹. Становится очевидным, что теория имеет практическую ценность, если она базируется на исторических фактах, находя в них свое подтверждение. Таким образом, *принцип историзма* неизбежно становится тем фундаментом, на котором должны покоиться все теоретические построения о международных отношениях.

Как известно, по ходу своей трансформации общество не остается неизменным. В процессе жизни общество формируется, развивается, иногда стагнирует, распадается. У разных обществ и народов не совпадают не только стадии этого процесса, но и его скорость, промежуточные и долговременные результаты. Это означает, что понять общество вообще, международную жизнь в частности, можно лишь на исторической шкале времени и пространства. Международная реальность – это постоянная изменчивость обществ, форм их организации, образов жизни в течение исторического времени. Это постоянное движение этносов, изменение границ, форм макросоциальной организации составляет неотъемлемую и важную часть международной жизни.

---

¹ См. подробно: Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ. 2009. С. 11–16.

Международная жизнь включает также все изменения, касающиеся взаимосвязей страны, народа, государства. Каждое такое изменение не просто меняет политическую карту мира своего времени: нужны мощные и глубокие причины, чтобы изменилось соотношение «страна-народ-государство». Подобные изменения сигнализируют о наступлении нового мирового устройства, а многие из них определяли последующие эпохи и тысячелетия: распад Рима, Австро-Венгерской и Османской империй после Первой мировой войны, Британской и Французской колониальных империй после Второй мировой войны. Видимо, к этой же категории явлений можно отнести и распад СССР, вызвавший в современном мире потрясения геотектонического характера.

Исторически в динамическом развитии международной жизни можно наблюдать проявления крупномасштабных событий и событий мелких. Их неоднозначное взаимодействие и образует сложную панораму международной реальности. Формационное и цивилизационное измерение позволяет определить динамику изменений на длительных этапах исторического процесса, понять логику преобразований общественной жизни на больших временных и пространственных отрезках развития международных отношений.

История, как подчеркивал В.С. Соловьев, представляет не смену каких-то состояний, или культурно-исторических типов, а процесс постепенного собирания, подчинения более узких и частных культурных элементов началам более широкой и универсальной культуры¹. Более высокая ступень исторического процесса тем самым не просто сменяет, а совмещает в себе все прежние преемственно выступающие культурно-исторические ступени и типы. С этой позиции можно предположить наличие закономерной зависимости между исторической весомостью того или иного события и широтой спектра факторов, его обусловивших². Чем мельче событие, с точки зрения его значимости в пространственно-временном континууме реальной истории, тем большее число разнообразных факторов способно оказать решающее влияние на его зарождение, ход и исход. И, наоборот, чем крупнее само событие, тем меньшая часть из множества воздействующих на него факторов может сыграть в его развитии существенную роль. Отсюда следует, что чем крупнее событие, тем проще нащупать его главные движущие силы. Или иначе: мелкие повороты истории скорее случайны, чем закономерны, крупные – скорее, закономерны, чем случайны. И наиболее глубокие исторические сдвиги имеют в своей основе, прежде всего, экономические императивы, что не исключает, разумеется, и других факторов, придающих таким макроисторическим событиям конкретную политическую, идеологическую или социокультурную окраску.

Представляется, что в этом плане марксистское видение исторического процесса, в основе которого лежит теория *формаций* является неким достаточно обоснованным конструктивным базисом для различения этапов развития между-

---

¹ См.: Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 356.

² См.: Шишков Ю. Давайте разберемся. Дискуссии: Формация и цивилизация: методологические проблемы анализа // МЭМО. 1991. № 5. С. 15.

народных отношений. Если верно, что тенденция к синтезу и единству характеризует сегодня социально-историческое знание, равно как и обществоведение в целом, то подобная тенденция, несомненно, должна быть присуща такому элементу этого знания как формационное измерение международной реальности.

Формационный подход в изучении международных отношений имеет два достоинства и два недостатка. *Первое достоинство*: попытка увидеть международные отношения как качественно изменяющийся процесс. В истории международных отношений есть прогресс и при этом развитие международных отношений имеет тенденцию приобретать всё больше черты человечности, гуманизма и цивилизованности. Причем этот прогресс жестко не детерминирован, а является результатом взаимодействия факторов необходимого и случайного характера. *Второе достоинство*: в современную эпоху, когда внутренней пружиной, движущим мотивом международных отношений становится экономический фактор, и поэтому говорят, что в настоящее время происходит «экономизация международных отношений», формационный анализ с его стремлением оттолкнуться от экономических причин в изучении тех или иных общественных явлений, оказывается, имеет определённый конструктивно-познавательный импульс.

Первый недостаток: формационно-классовый анализ абсолютизирует экономический фактор, тогда как очевидно, что в МО не всегда и не во всём экономические мотивы являются определяющими. *Второй недостаток*: стремление идеологизировать международные отношения и с этой точки зрения характеризовать их не с научных позиций, а с классовых. Например, борьба США с СССР в прошлом оценивалась не с объективно научной точки зрения, а с классово-экономической. Действие СССР на международной арене оправдывается, несмотря на ошибки, просчёты.

В последние два десятилетия мы сталкиваемся с очередной попыткой отлучить от достижений мировой обществоведческой мысли формационный подход к анализу социальных явлений, подход, рожденный, как известно, до марксизма прогрессивными учеными, но доведенный до относительной концептуальной завершенности именно К. Марксом и Ф. Энгельсом. Формационный подход (не к подбору кадров, не к распределению благ и т. п., а к анализу исторических ситуаций и феноменов) не есть простая выдумка «великой сортировочной машины» – человеческой головы, старающейся все систематизировать. Он в определенной мере отражает историческое прошлое и настоящее, помогая прогнозировать будущее. Тем более нельзя рассматривать формационный подход в качестве простой выдумки марксистов.

Таким образом, наиболее разработанным и наиболее утвердившимся в советском обществе до распада СССР считался формационный подход, вытекающий из исторического материализма К. Маркса. Он исходил из того, что хотя история создается самими людьми, но определяющими в их действиях в ходе развития общества являются социально-экономические факторы, факторы материального производства. Этот принцип объяснения развития общества получил название социально-экономического детерминизма.

Данный подход предполагает, что люди действуют в определенных условиях, существовавших еще до них, которые они, однако, могут изменять в определенных пределах и на определенной ступени воздействовать на них в меру своего технического и экономического развития, уровня интеллекта, культуры, менталитета. Сторонники формационного подхода рассматривают менталитет, духовную культуру в значительной мере как производные от природных и социально-экономических условий. В то же время не отрицаются определенная самостоятельность и значительное влияние на эти факторы на определенной ступени исторического развития духовной культуры. Исторический процесс происходит в рамках трудовой деятельности человека; труд, – считают марксисты, – создал человека как общественное существо.

Следовательно, основу марксистской социальной теории, помимо идеи развития, составила гипотеза, что развитие подчиняется неким объективным (то есть не зависящим от воли человека) закономерностям и потому проходит через ряд сменяющих друг друга, неперенных для всех субъектов развития качественных этапов – формаций. Главным критерием и основным признаком последних марксизм избрал способ производства, соответственно и формации назывались «социально-экономическими». Признавалась, однако, специфичность развития и проявлений одной и той же формации у разных народов. Каждая формация, в свою очередь, имеет собственные этапы (эпохи, периоды) развития, что определяет социально-историческое качество конкретных обществ как субъектов развития. Логично предположить, что по мере формационного перехода стран, народов, человечества от «низших» формаций и этапов к «высшим» должны меняться, как-то развиваться и усложняться и международные отношения.

Критики этого подхода выдвигают следующие аргументы против:

- Не везде общество прошло все фазы развития. Например, рабство в классической форме было только в античности; германцы, славяне, арабы его не знали.
- Данная концепция имеет европоцентристский подход: динамика развития и членение процесса развития общества на формации годится для Европы, но на Востоке преобладало циклическое развитие.
- Этот аргумент связан с предыдущим. Капитализм – типично западное явление, на Восток он привнесен с Запада, в большинстве случаев насильственно, посредством колониализма.
- Классовый подход, защищаемый формационным подходом, не может объяснить все развитие общества¹.

Экономический детерминизм, с этой позиции, затушевывает роль политики, морали, духовной культуры, роль личности в развитии общества. Уровень духовной культуры не может быть объяснен, выведен из уровня экономического развития и его характера. Так, античная культура или, скажем, культура Древней Индии ни в коем случае не ниже современной культуры. Или искусство России XIX в.,

---

¹ Интернет-ресурс: URL: <http://www.i-u.ru/biblio/> «Классовая структура: проблема методологии анализа» [статья].

представляя, высочайший образец, как и наука, общественная мысль, развивалась в отсталой по сравнению с Европой стране, с точки зрения социально-экономического развития.

Учитывая эти возражения, необходимо отметить, что Маркс предлагал предельно общую научную схему. Нельзя требовать от такой глобальной (а значит весьма абстрактной схемы) полного соответствия с действительностью. К тому же действительность пребывает в развитии, а любая схема страдает статичностью. И, конечно, схема выражает определенный угол зрения, но ведь возможен и другой. В данном случае можно отметить, акцент делался, прежде всего, на общности развития народов с точки зрения социально-экономических критериев.

Можем ли мы отрицать формационный подход на том лишь основании, что почти нигде не встречали формаций в чистом виде, что везде формации были либо с наслоениями, либо с изъятиями? Нет. И на Востоке (в азиатском способе производства) есть признаки этих формаций, которые более четко проявились на Западе. Да, капитализм был привнесен на Восток с Запада. Значит ли это, что Восток сам не мог его развить? Япония, например, без помощи колонизаторов перешла к капитализму. В какой-то степени это можно говорить и о пути, которым шла Турция. Конечно, модернизация, ведущая к капитализму, и в Японии, и в Турции началась еще в XIX в. под влиянием экономического и военного натиска Запада. Но если говорить о влиянии капитализма, о привнесении его на Восток извне, то не был ли он так же, извне «навязан», ранее более продвинутой Голландией, самой развитой капиталистической стране в XIX в. – Англии?

Обычно приоритет в развитии общества отдается его внутренним потребностям, внутреннему саморазвитию. Этот тезис лежит в основе формационного и цивилизационного измерений международных отношений. Но ведь сплошь и рядом стимулы развития идут извне, что, впрочем, не противоречит приоритету внутренних потребностей, ибо пока общество не почувствует потребности в восприятии чужой культуры, чужого опыта, не захочет вступить с ним в контакт, такого контакта в восприятии чужого опыта не будет.

В строгом смысле государство есть форма организации общественной жизни. И, разумеется, уровень, темпы и особенности развития общества обязательно сказываются на внешнеполитических и внешнеэкономических ориентациях государства. Для того чтобы разобраться в тонкостях внешнеполитического поведения государства, необходимо понимание его формационных характеристик. В данном контексте понимания методологическая ориентация выражается в том, что формационный критерий анализа позволяет связать в один нерасторжимый узел различающиеся уровни *внутреннего развития* определенных общественных систем и характер *внешнеполитического поведения* взаимодействующих государств на международной сцене. Иначе говоря, раскрываются как внутренние условия общественной жизни, так и изменения, влекущие за собой процессы трансформации внешнеполитических шагов государства и тем самым влияющие на ход международной жизни.

Естествен вопрос: «Существуют ли и существовали ли в исторической реальности формации?» Теоретик-международник Н.А. Косолапов отмечает: «Безуслов-

но, формация как явление существует (и нуждается в значительно более глубоком, чем до сих пор, изучении); но это лишь один из факторов социальной истории, понимание механизмов которого возможно только при условии его сопряжения с другими, прежде всего цивилизационным»¹. Более конкретно это означает, что основанный на формационном членении истории общества подход при всей его важности и методологической необходимости не является сам по себе достаточным и должен использоваться в сочетании и единстве с другими подходами – системным, мир-системным, цивилизационным, социокультурным, социально-психологическим, геополитическим и геоэкономическим. В настоящее время ряд ученых-международников приходит к выводу, что, несмотря на недостатки, формационный подход (без классовой начинки) возможно применять в качестве методологической ориентации в изучении международных отношений.

К сожалению, в период сталинизма в СССР утвердился особый подход в общественных науках. Это так называемый *формационный редуccionизм*. Его выражением и является пятичленная схема формационного разграничения этапов истории. Именно он свел все многообразие сторон развития общественной жизни почти исключительно к формационным характеристикам, то есть к характеристикам способа производства, а все богатство социально-экономической, политической и культурной жизни – к соотношению базиса и надстройки, неизменного в общих чертах для всех эпох и обществ. Иными словами, формационный редуccionизм – это абсолютизированный, гипертрофированный, т. е. доведенный до крайнего выражения, формационный подход. Формационный редуccionизм препятствует полному выявлению познавательных возможностей формационного подхода; обоснованию идей о закономерностях исторического развития, изучению общества как системы, все части которой взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Основой формационного редуccionизма является *классовая борьба*. Современная международная реальность в основном противоречит этому принципу. Отделение собственности на капитал от менеджмента и контроля над индустрией превращает «отсутствие собственности» в такую широкую категорию, что при ее использовании невозможно провести различие между группами, занимающими разные экономические позиции, например, между менеджерами и рядовыми рабочими. Как справедливо замечал К. Поппер, капитализм середины XIX в., когда Маркс создавал свою теорию, был действительно жестоким, необузданным, неограниченным законодательно. В этот социально напряженный период крайней поляризации западноевропейского общества объективное классовое положение человека, несомненно, оказывается формирующей основой личностных черт. Но по мере развития социального государства (Welfare State) личностная структура общества постепенно менялась.

Марксистский прогноз обнищания пролетариата также не подтвердился. После Второй мировой войны американские социологи представляли свое общество как *бесклассовое* отчасти потому, что распределение материальных возна-

---

¹ Косолапов Н. Теория международных отношений: предмет анализа и предмет теории. (Введение в теорию) // МЭМО. 1998. № 11. С. 52–53.

граждений представлялось ими в виде непрерывного континуума при отсутствии резких разрывов между социальными группами. Классовая морально-психологическая ориентация индивида медленно, но неуклонно размывалась. Поэтому теоретико-методологическая значимость формационно-классового подхода в познании социальной реальности падала.

Если же рассматривать эпоху западноевропейского феодализма, то, по мнению А.Я. Гуревича, людям того времени классовые структуры были чужды. Они осознавали себя, прежде всего, членами органических структур – прихода, братства, цеха, монастырской общины, сельского схода и др. То же самое характеризует эпохи Древности и Средневековья в странах Востока. Здесь принадлежность к родовой, племенной, клановой и кастовой организации является типологически важной чертой личностной структуры общества. Классовое положение накладывается извне в виде некой «надстройки» на другие факторы общественно-политического бытия человека и лишь в органическом единстве с ними формирует структуру личности. В современных высокоразвитых постиндустриальных странах классовые признаки играют в массовом сознании личности ничтожно малую роль. Таким образом, формационный анализ может играть позитивную роль лишь в сочетании с другими методологическими подходами. Самостоятельно он имеет узкоограниченные пределы своего применения, за которыми теряет познавательную суть.

Подчеркивается, что классический и современный научный марксизм не создали своей социальной теории международных отношений. Попытки такого рода предпринимались с 60-х гг. XX столетия, но были подавлены конъюнктурными соображениями идеологии и политики. Однако нельзя отрицать и то, что в определенных моментах марксистская научная теория давала верное отражение международной реальности. Так, идея, что международные отношения не тождественны межгосударственным и не сводятся только к последним, а главным образом, решающим образом связаны с ходом и достигаемым на определенных этапах уровнем *мирового развития* и определяются им, заложена в основание марксистской концепции общественно-исторического процесса. Отражением такого восприятия стал распространенный в советской литературе тезис об отношениях внутри социалистического содружества как качественно более высоких по сравнению с досоциалистическими МО. Но это восприятие осталось лишь интуитивным видением, не разработанным с научной точки зрения сколь-нибудь подробно.

Тем не менее в научной литературе раздаются призывы, что формационный подход необходимо воспринять и доработать, отказавшись от его методологической односторонности: склонности абсолютизировать явление формации, идею последовательной смены формаций по ходу истории и представление о неизбежности смены формаций.

Формации сменяют друг друга лишь генетически – в том смысле, что каждая последующая вырастает из предыдущей. В реальной повседневной жизни и политике они сосуществуют, просто позднейшие оттесняют предшественниц на второстепенные роли. И ныне в самых развитых странах периодически вскрываются

факты рабовладения, действуют чисто феодальные структуры, сохраняются элементы классического раннего капитализма и т.д. Иное дело, что все они уже не играют в жизни общества былой определяющей роли. Наконец, и развитие – не неизбежность, а возможность. Но возможность, открывающаяся, видимо, только при определенных условиях и притом с некоторой зависящей от этих условий вероятностью: в противном случае в мире не стояла бы так остро проблема, как выйти на стабильное развитие.

В структурно-типологическом, «парадигмальном» измерении, т. е. определяющей роли какого-то стержневого принципа, обладающего свойствами закономерности и выступающего в качестве нормы «сознания и поведения» государств, этапы качественного обновления международных отношений могут быть разграничены тремя историческими периодами.

Первый период, охватывающий Древность и Средневековье, представляет собой целостную эпоху международных отношений, в которой доминирующими становятся такие нормы, как «покорение» и «поглощение» государств друг другом. Устойчивая, повторяющаяся, следовательно, закономерная тенденция этого периода выражается в «покорении» одних другими, для того, чтобы осуществить «поглощение». Если же государства удерживаются от «поглощения», то стремятся сохранить состояние «покорности» одних перед другими.

В этой связи Древность и Средневековье в истории международных отношений характеризуются доминирующей ролью принципа поглощения. Этот принцип означает лишь то, что в Древности и Средневековье в общественном сознании совершенно отсутствуют такие фундаментальные понятия, как равноправие и суверенитет государств. Международная среда этого периода отличается состоянием бесконечных конфликтов, войн, в основе которых лежит стремление поглотить друг друга. Взаимоотношения государств здесь уподобляется тому, что присуще дикой природе – «сильный пожирает слабого».

Второй период начинается в эпоху европейского Возрождения и Реформации и продолжается все Новое время. Доминирующей в международных отношениях выступает такая закономерная норма, как «сосуществование» государств. Норматив «сосуществования» превращается в ведущий фактор так называемой Вестфальской системы международных отношений.

В данной системе мироустройства сосуществование, определяемое стержневым принципом «суверенитета государств», неизбежно вынуждает «актеров» придерживаться в своих взаимоотношениях формально установившихся правил. В этот исторический период складывается институт международного права. Данный момент в значительной степени упорядочивает, цементирует систему международных отношений.

И, наконец, основы *третьего периода* закладываются во второй половине XX в. Становится очевидным, что решающая роль в формировании системы международных отношений в складывающемся новом миропорядке, в конце концов, будет принадлежать «взаимозависимости» и «сотрудничеству» государств. Именно эти фундаментальные нормы, обобщая многообразие международных событий,

выражают, в конечном счете, закономерные тенденции, присущие мировой политике в XXI столетии.

В реальной практике международных отношений во все эпохи были известны и поглощение, и сосуществование, и взаимозависимость. Но специфическую логику развития международных отношений в каждую эпоху определял лишь один из указанных нормативов.

Как известно, из очерченного общего правила всегда имеются некие исключения. Стремление древних и средневековых государств поглотить друг друга вовсе не уничтожало на корню объективную необходимость сосуществования и взаимозависимости. Принципы сосуществования и взаимозависимости государств реализовывались в практике международных отношений. Так же, как в эпоху сосуществования государств, наблюдаются примеры и поглощения, и взаимозависимости. Даже сейчас, когда взаимоотношения государств постепенно приобретают закономерные черты взаимозависимости, в системе международных отношений присутствуют элементы, как поглощения, так и сосуществования.

Понятие «цивилизация» появилось в XVIII в. и использовалось вначале для обозначения определенной исторической ступени в развитии общества. Впервые употребивший это понятие шотландский философ А. Фергюссон рассматривал его содержание в самом широком смысле – как то, что отличает человеческое общество от животного мира, с одной стороны, и от любого иного общества – с другой. Однако уже со второй половины XVIII в. широкое распространение получило и иное толкование понятия цивилизации. Оно стало трактоваться как определенная совокупность ценностей, обогащаемых в ходе развития общества, как его социальное и моральное совершенствование. В философии О. Шпенглера цивилизация – заключительный период в развитии замкнутых, локальных культур (египетской, греко-римской, западноевропейской и т. п.), в процессе которого происходят их закат и упадок. Цивилизация и прогресс несовместимы, как невозможно и существование единой, общечеловеческой цивилизации. Идея плюрализма локальных цивилизаций, переживающих несколько стадий в своем развитии – от зарождения до гибели – характерна и для А. Тойнби. Вместе с тем он отмечал и преемственность, наличие единства в различных цивилизациях, представляющих, по его мнению, многочисленные ветви общего древа человеческой истории. Ф. Энгельс, вслед за Л. Морганом, различал следующие эпохи в развитии человечества: дикость – период преимущественного присвоения готовых продуктов природы; варварство – введение скотоводства, земледелия, овладения методами увеличения продуктов природы посредством труда; цивилизация – период овладения обработкой продуктов природы, период промышленности и искусства. Важной чертой цивилизационного измерения общества, с точки зрения марксизма, является его постоянное развитие от низшего к высшему, т. е. прогресс, хотя он и характеризуется внутренними противоречиями.

Сегодня понятие цивилизационного измерения включает два взаимосвязанных аспекта. В нем концентрируются наиболее значимые явления всемирной истории, единство и многообразие материальной и духовной культуры челове-

ческого общества, его ценностей, образа жизни и труда. Каждый период, каждое общество, нация обладают собственной неповторимой цивилизацией. Степень противоречивости современной глобальной цивилизации делает достаточно сомнительным бесспорное прежде для многих социологических течений положение об общественном прогрессе. Становится все более явной несостоятельность отождествления научно-технического или материального прогресса с общественным прогрессом в целом: ведь даже в экономически развитых государствах научно-технический и материальный рост не стал очевидной причиной роста нравственности, духовной культуры или терпимости в национальных и социальных отношениях.

Цивилизационное измерение выступает в качестве важнейшей методологической ориентации в исследовании и понимании характера развития международных отношений. Использование методологических идей о сущности и роли этого подхода, высказанных многими авторами, как в прошлом, так и сейчас, является стержневым принципом в изучении данной темы. Цивилизационные координаты той или иной эпохи и общества направляющим и определяющим образом отражаются на характеристиках политической культуры международных отношений. Причем сама цивилизационная система должна рассматриваться в широком смысле, как взаимосочетание трех важнейших индикаторов развития: культуры, технологии и государственности. Если технологический строй общества имеет свою «нишу» в форме способа воспроизводства материальных благ, а культурный строй общественной жизни – в форме способа воспроизводства духовных ценностей, то государственный строй постоянно воспроизводит определенную организацию общественных отношений. А это уже область властных отношений и, следовательно, имеет связь с политической культурой международных взаимоотношений. Причем культурологический срез цивилизационного изучения испытывает мощное влияние двух других векторов – государствоведческого и технологического.

Технологический способ взаимодействия человека и природы в историческом процессе развития общественной жизни порождает из своих глубин такие ступени, как *кочевая, аграрная, индустриальная и постиндустриальная* цивилизации. Определяющим компонентом, обуславливающим существенное различие между ними, оказывается своеобразная «специализация» общественной жизнедеятельности: кочевая цивилизация – скотоводство; аграрная цивилизация – земледелие; индустриальная цивилизация – машинное производство; постиндустриальная цивилизация – научно-технологическое производство. Культурно-исторический способ жизнедеятельности общества определяет специфический характер таких локальных общностей, как *индийская, китайская, европейская* и т.д. цивилизации.

Как показывает историческая практика, место каждого масштабного цивилизационного центра на мировой арене в разные эпохи зависит от факторов двоякого рода. С одной стороны, это объективные материальные параметры: территория, природные ресурсы, климат, народонаселение, с другой, – субъективные, мотивационные: способ производства, социальная структура, система духовных

ценностей. Роль тех и других не всегда одинакова: значительный материальный потенциал остается порой нереализованным, если отсутствуют движущие силы, стимулы для его использования. Последние, в свою очередь, вполне могут компенсировать ограниченность первых. В данной связи, еще А.Дж. Тойнби в ряде своих трудов, особенно поздних, обратил внимание на то, что всемирная история не может быть сведена лишь к столь насущному для ее постижения цивилизационному анализу. Продолжая эту линию, необходимо заметить, что особенно сфера международных отношений нуждается в органичном взаимосочетании ряда методологических ориентаций познания.

Итак, цивилизационные ступени и звенья выступают в качестве важнейших *факторов влияния* в международных отношениях. Технологический и культурологический базис межцивилизационных и формационных взаимодействий, а также геополитический и геоэкономический тренды межгосударственных контактов, играют весьма значимую роль в процессе формирования и развития характерных черт политической культуры международных отношений. Обособляя государство от той цивилизационной и формационной среды, в которой оно живет, и рассматривая его как единственного субъекта международных отношений, наука обедняет многокрасочный спектр исторической жизнедеятельности мирового сообщества. В мировой истории огромную роль играли факторы цивилизационных, геополитических и геоэкономических различий, определяя в значительной мере характер и особенности международных отношений. Четко проявляющиеся фундаментальные черты, далеко разводящие кочевую, аграрную и индустриальную цивилизации, имели первостепенное значение в историческом разворачивании международных отношений с древности до современности.

Межцивилизационные конфликты, с одной стороны, и консенсусы, с другой, проявляли свое действие на всех этапах истории. Например, с древнейших времен кочевники были заинтересованы в расширении торгово-экономических связей с оседлыми земледельцами. Все, изучавшие этот вопрос, подчеркивают, что товарно-денежные отношения в кочевом обществе достигают высокого уровня развития. Еще К. Маркс писал: «Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой, форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов»¹. Хозяйство номадов уже по способу производства не могло быть замкнутым, автаркичным, в отличие от земледельческого. Поэтому кочевники нередко вынуждались отстаивать свое право на торговлю с земледельцами путем применения военной силы.

С учетом этого Т.А. Жданко обоснованно полагает, что «роль в историческом процессе пресловутых «разбойничьих» нападений кочевых орд на земледельческие оазисы сильно преувеличена», и что такие нападения «большой частью вызывались именно нарушением по каким-либо историческим причинам тесных торговых связей степных племен с оазисами и стремлением восстановить эко-

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 99.

номическое равновесие путем насильственного подчинения городов и сельских местностей и получения необходимых кочевникам продуктов земледелия и ремесла в виде добычи или дани»¹.

Такой же взвешенный подход в оценке исторических взаимосвязей кочевников и оседлых обнаруживается в исследованиях французских ученых Ле Турне, Лэмбтина, Казна. Им удалось показать, что нашествия кочевников могут быть самыми различными по результатам. К ним невозможно подходить с однозначными мерками. Во-первых, они не обязательно несли с собой гибель и разрушения. Во-вторых, движения кочевников действительно являлись во многих случаях фактором обновления и перехода общества на качественно новую ступень. В-третьих, отношения кочевников и оседлых надо рассматривать не как ситуацию антагонистической вражды, а как взаимодействие противоречивых частей одного социально-экономического организма².

На протяжении многих столетий через центральноазиатские просторы пролегал Великий Шелковый путь. Караваны, идущие по этому пути, были весьма легкой добычей для кочевников. Но почему-то кочевники не нападали, а, напротив, охраняли и защищали их. Великий Шелковый путь, несмотря на войны и нашествия, разрушения городов и гибель государств, оставался самой надежной дорогой жизни, связывающей Восток с Западом. Потому-то, купцы и торговцы с далекого Востока добирались до самых западных окраин, и наоборот, путешественники и миссионеры Запада доходили вплоть до китайских стен. Из века в век «классическим» занятием номадов была караванная торговля, на пересечении маршрутов которой также вырастали города – торговые и ремесленные центры.

Доминирующая роль европейской цивилизации по отношению к индийской, китайской, исламской цивилизациям длится несколько веков, начиная с Нового времени. В Новое время (XV–XIX вв.), к примеру, возникает и существует, охватывающая огромные территории, колониальная система международных отношений. Она обозначила противостояние государств аграрного Востока и индустриального Запада. Сейчас глубокая пропасть разделяют так называемые страны Севера и Юга. Здесь явно прослеживаются не только социально-экономические причины, но и своеобразные цивилизационно-культурологические разломы. Данная специфика регионов и стран, разводящая их по разные стороны, сформировалась как результат исторически сложившейся ментальности народов, в свою очередь, обуславливающей характер политической культуры международных отношений.

Современное состояние международных отношений и перспективы их развития можно оценить лишь в контексте межкультурных перемен, начавшихся в мире в последней трети XX в. При всем многообразии научных взглядов, суждений и оценок относительно современного мира, все исследователи сходятся в том, что происходящие изменения приведут к появлению нового общества, кото-

---

¹ См.: Жданко Т.А. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана // Сов. этнография. 1961. № 2. С. 54.

² См. статьи этих авторов : Мусульманский мир. М., 1981. С. 95–115.

рое по своим характеристикам будет глубоко отличаться от уклада жизни людей во все предшествующие исторические эпохи.

Межцивилизационные отношения в XXI в. – центральная тема известного произведения Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка», увидевшего свет в 1996 г. В нарождающемся мире, по мнению С. Хантингтона, основным источником конфликтов будут уже не *идеология* и не *экономика*. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться *культурой*. Наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах. Но оно выступает в этой роли лишь несколько столетий. Большая часть человеческой истории – это история цивилизаций. По подсчетам А. Тойнби, история человечества знала 21 цивилизацию. Только шесть из них существуют в современном мире. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов.

Грядущий конфликт между цивилизациями – завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире. На протяжении полутора веков после Вестфальского мира, оформившего современную международную систему, в западном ареале конфликты разворачивались главным образом между государями – королями, императорами, абсолютными и конституционными монархами, стремившимися расширить свой бюрократический аппарат, увеличить армии, укрепить экономическую мощь, а главное – присоединить новые земли к своим владениям. Этот процесс породил нации-государства, и, начиная с Великой французской революции, основные линии конфликтов стали пролегать не столько между правителями, сколько между нациями. В 1793 г., по мнению Р.Р. Палмера, «войны между королями прекратились, и начались войны между народами».

Данная модель сохранялась в течение всего XIX в. Конец ей положила Первая мировая война. А затем, в результате русской революции и ответной реакции на нее, конфликт наций уступил место конфликту идеологий. Сторонами такого конфликта были вначале коммунизм, нацизм и либеральная демократия, а затем – коммунизм и либеральная демократия. Во время «холодной войны» этот конфликт воплотился в борьбу двух сверхдержав, ни одна из которых не была нацией-государством в классическом европейском смысле. Их самоидентификация формулировалась в идеологических категориях.

Конфликты между правителями, нациями-государствами и идеологиями были главным образом конфликтами западной цивилизации. У. Линд назвал их «гражданскими войнами Запада». Это столь же справедливо в отношении «холодной войны», как и в отношении мировых войн, а также войн XVII, XVIII, XIX столетий. С окончанием «холодной войны» подходит к концу и западная фаза развития международной политики. В центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями. На этом новом этапе народы и правительства незападных цивилиза-

ций уже не выступают как объекты истории – мишень западной колониальной политики, а наряду с Западом начинают сами двигать и творить историю.

Во время «холодной войны» мир был поделен на «первый», «второй» и «третий». Но затем такое деление утратило смысл. Сейчас гораздо уместнее группировать страны, основываясь не на их политических или экономических системах, не по уровню экономического развития, а исходя из культурных и цивилизационных критериев.

Что имеется в виду, когда речь идет о цивилизации? Цивилизация представляет собой наиболее обобщенную культурную сущность. Западный мир, Арабский регион и Китай не являются частями более широкой культурной общности. Цивилизация может охватывать большую массу людей. Например, Китай, о котором Л. Пай писал: «Это цивилизация, которая выдает себя за страну». Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ.

Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких, как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация – это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации.

Цивилизация может быть и весьма малочисленной – как цивилизация англоязычных жителей островов Карибского бассейна. Она может включать в себя несколько наций-государств, как в случае с западной, латиноамериканской или арабской цивилизациями или одно-единственное – как в случае с Японией. Очевидно, что цивилизации могут смешиваться, накладываться одна на другую, включать субцивилизации. Западная цивилизация существует в двух основных вариантах: европейском и североамериканском, а исламская – подразделяется на арабскую, турецкую и малайскую. Несмотря на все это, цивилизации представляют собой определенные целостности. Границы между ними редко бывают четкими, но они реальны. Цивилизации динамичны: у них бывает подъем и упадок, они распадаются и сливаются. И, как известно каждому студенту-историку, цивилизации исчезают, их затягивают пески времени.

Идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями. Почему?

Во-первых, различия между цивилизациями не просто реальны. Они – наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, тра-

дициям и, что самое важное, – религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии. Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, а конфликт не обязательно означает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями.

Во-вторых, мир становится более тесным. Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации. Североафриканская иммиграция во Францию вызвала у французов враждебное отношение, и в то же время укрепила доброжелательность к другим иммигрантам – «добропорядочным католикам и европейцам из Польши». Американцы гораздо болезненнее реагируют на японские капиталовложения, чем на куда более крупные инвестиции из Канады и европейских стран. Все происходит по сценарию, описанному Д. Хорвицем: «В восточных районах Нигерии человек народности ибо может быть ибо-оуэрри, либо же ибо-они́ча. Но в Лагосе он будет просто ибо. В Лондоне он будет нигерийцем. А в Нью-Йорке – африканцем». Взаимодействие между представителями разных цивилизаций укрепляет их цивилизационное самосознание, а это, в свою очередь, обостряет уходящие в глубь истории или, по крайней мере, воспринимаемые таким образом разногласия и враждебность.

В-третьих, процессы экономической модернизации и социальных изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевают и роль нации-государства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений. Подобные движения сложились не только в исламе, но и в западном христианстве, иудаизме, буддизме, индуизме. В большинстве стран и конфессий фундаментализм поддерживают образованные молодые люди, высококвалифицированные специалисты средних классов, лица свободных профессий, бизнесмены. Как заметил Г. Вайгель, «десекуляризация мира – одно из доминирующих социальных явлений конца XX в.» Возрождение религии, или, говоря словами Ж. Кепеля, «реванш Бога», создает основу для идентификации и сопричастности с общностью, выходящей за рамки национальных границ – для объединения цивилизаций.

В-четвертых, рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, – и возможно как раз поэтому, среди незападных цивилизаций происходит возврат к собственным корням. Все чаще приходится слышать о «возврате в Азию» Японии, о конце влияния идей Неру и «индуизации» Индии, о провале за-

падных идей социализма и национализма и «реисламизации» Ближнего Востока, а в последнее время и споры о вестернизации или русификации страны Бориса Ельцина. На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик. В прошлом элиты незападных стран обычно состояли из представителей, в наибольшей степени связанных с Западом, получивших образование в Оксфорде, Сорбонне или Сандхерсте и усвоивших западные ценности и стиль жизни. Население же этих стран, как правило, сохраняло неразрывную связь со своей исконной культурой. Но сейчас все переменялось. Во многих незападных странах происходит интенсивный процесс девестернизации элит и их возврата к собственным культурным корням. И одновременно с этим западные, главным образом американские обычаи, стиль жизни и культура приобретают популярность среди широких слоев населения.

В-пятых, культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. В бывшем Советском Союзе коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки – в богачей, но русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы – армянами. В классовых и идеологических конфликтах ключевым был вопрос: «На чьей ты стороне?» И человек мог выбирать – на чьей он стороне, а также менять раз избранные позиции. В конфликте же цивилизаций вопрос ставится иначе: «Кто ты такой?» Речь идет о том, что дано и не подлежит изменениям. И, как мы знаем из опыта Боснии, Кавказа, Судана, дав неподходящий ответ на этот вопрос, можно немедленно получить пулю в лоб. Религия разделяет людей еще более резко, чем этническая принадлежность. Человек может быть полу-французом и полу-арабом, и даже гражданином обеих этих стран. Куда сложнее быть полу-католиком и полу-мусульманином.

И, наконец, усиливается экономический регионализм. Доля внутрирегионального торгового оборота возросла за период с 1980 по 1989 г. с 51 до 59 % в Европе, с 33 до 37 % в Юго-Восточной Азии, и с 32 до 36 % – в Северной Америке. Судя по всему, роль региональных экономических связей будет усиливаться. С одной стороны, успех экономического регионализма укрепляет сознание принадлежности к одной цивилизации, а с другой – экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится в общности цивилизации. Европейское сообщество покоится на общих основаниях европейской культуры и западного христианства. Успех НАФТА (Североамериканской зоны свободной торговли) зависит от продолжающегося сближения культур Мексики, Канады и Америки. А Япония, напротив, испытывает затруднения с созданием такого же экономического сообщества в Юго-Восточной Азии, т. к. Япония – это единственное в своем роде общество и цивилизация. Какими бы мощными ни были торговые и финансовые связи Японии с остальными странами Юго-Восточной Азии, культурные различия между ними мешают продвижению по пути региональной экономической интеграции по образцу Западной Европы или Северной Америки.

Общность культуры, напротив, явно способствует стремительному росту экономических связей между Китайской Народной Республикой, с одной стороны, и Гонконгом, Тайванем, Сингапуром и заморскими китайскими общинами в других странах Азии – с другой. С окончанием «холодной войны» общность культуры быстро вытесняет идеологические различия. Материковый Китай и Тайвань все больше сближаются. Если общность культуры – это предпосылка экономической интеграции, то центр будущего восточноазиатского экономического блока, скорее всего, будет в Китае. По сути дела этот блок уже складывается. М. Вайденбаум по этому поводу пишет: «Хотя в регионе доминирует Япония, но на базе Китая стремительно возникает новый центр промышленности, торговли и финансового капитала в Азии. Это стратегическое пространство располагает мощным технологическим и производственным потенциалом (Тайвань), кадрами с выдающимися навыками в области организации, маркетинга и сферы услуг (Гонконг), плотной сетью коммуникаций (Сингапур), мощным финансовым капиталом (все три страны), а также необъятными земельными, природными и трудовыми ресурсами (материковый Китай)... Это влиятельное сообщество, во многом строящееся на развитии традиционной клановой основы, простирается от Гуанчжоу до Сингапура и от Куала-Лумпура до Манилы. Это – костяк экономики Восточной Азии».

Таким образом, конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях. На микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности.

Конфронтация между Западом и исламским миром продолжается целое столетие, и нет намека на ее смягчение. Скорее, наоборот, она может еще больше обостриться. Эти отношения осложняются и демографическими факторами. Стремительный рост населения в арабских странах, особенно в Северной Африке, увеличивает эмиграцию в страны Западной Европы. Обе стороны видят во взаимодействии между исламским и западным миром конфликт цивилизации. Религия подогревает возрождающуюся этническую самоидентификацию, и все это усиливает опасения европейцев относительно собственной безопасности.

По окончании «холодной войны» складывается новый мировой порядок, и по мере его формирования, принадлежность к одной цивилизации или, как выразился Х.Д.С. Гринвэй, «синдром братских стран» приходит на смену политической идеологии и традиционным соображениям поддержания баланса сил в качестве основного принципа сотрудничества и коалиций. О постепенном возникновении этого синдрома свидетельствуют все конфликты последнего времени – в Персидском заливе, на Кавказе, в Боснии. Правда, ни один из этих конфликтов не был полномасштабной войной между цивилизациями, но каждый включал в себя элементы внутренней консолидации цивилизаций. По мере развития конфликтов

этот фактор, похоже, приобретает все большее значение. Его нынешняя роль – предвестник грядущего.

По отношению к другим цивилизациям Запад находится сейчас на вершине своего могущества. Вторая сверхдержава СССР – в прошлом его оппонент, исчезла с политической карты мира. Военный конфликт между западными странами немыслим, военная мощь Запада не имеет равных. Если не считать Японии и Китая, у Запада нет экономических соперников. Он главенствует в политической сфере, в сфере безопасности, а совместно с Японией – и в сфере экономики. Мировые политические проблемы и проблемы безопасности эффективно разрешаются под руководством США, Великобритании и Франции, мировые экономические проблемы – под руководством США, Германии и Японии. Все эти страны имеют самые тесные отношения друг с другом, не допуская в свой круг страны поменьше, почти все страны незападного мира. Решения, принятые Советом безопасности ООН или Международным валютным фондом и отражающие интересы Запада, подаются мировой общественности как соответствующие насущным нуждам мирового сообщества.

Предполагаем, что центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром», как выразился К. Махбубани, и реакция незападных цивилизаций на западную мощь и ценности. Такого рода реакция, как правило, принимает одну из трех форм, или же их сочетания. Во-первых, и это самый крайний случай, незападные страны могут последовать примеру Северной Кореи или Бирмы и взять курс на изоляцию – оградить свои страны от западного проникновения и разложения и в сущности устранившись от участия в жизни мирового сообщества, где доминирует Запад. Но за такую политику придется платить слишком высокую цену, и лишь немногие страны приняли ее в полном объеме. Вторая возможность – попробовать примкнуть к Западу и принять его ценности и институты. На языке теории международных отношений это называется «вскочить на подножку поезда». Третья возможность – попытаться создать противовес Западу, развивая экономическую и военную мощь и сотрудничая с другими незападными странами против Запада. Одновременно можно сохранять исконные национальные ценности и институты, иными словами, модернизироваться, а не вестернизироваться.

Вопросы, которые разделяют Запад и эти другие общества становятся все более острыми в международных отношениях. Три подобных вопроса включают попытки Запада: (1) сохранить военное превосходство при помощи политики нераспространения и контрраспространения по отношению к ядерному, биологическому и химическому вооружению, а также средств их доставки; (2) распространить западные ценности и институты, вынуждая другие общества уважать права человека, как их понимают на Западе, и принять демократию по западной модели; (3) защитить культурную, общественную и этническую целостность западных стран, ограничив количество въезжающих в них жителей незападных обществ в качестве беженцев или мигрантов. В этих трех областях Запад сталкивается и, скорее всего, будет продолжать сталкиваться с проблемами по защите своих интересов перед незападными обществами.

С. Хантингтон вовсе не утверждает, что цивилизационная идентичность заменит все другие формы идентичности, что нации-государства исчезнут, каждая цивилизация станет политически единой и целостной, а конфликты и борьба между различными группами внутри цивилизаций прекратятся. Он лишь выдвигает гипотезу о том, что: 1) противоречия между цивилизациями важны и реальны; 2) цивилизационное самосознание возрастает; 3) конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального конфликта; 4) международные отношения, исторически являвшиеся игрой в рамках западной цивилизации, будут все больше девестернизироваться и превращаться в игру, где незападные цивилизации станут выступать не как пассивные объекты, а как активные действующие лица; 5) эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними; 6) конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, станут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри одной цивилизации; 7) вооруженные конфликты между группами, принадлежащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником напряженности, потенциальным источником мировых войн; 8) главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром; 9) политические элиты некоторых расколотых незападных стран постараются включить их в число западных, но в большинстве случаев им придется столкнуться с серьезными препятствиями; 10) в ближайшем будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламско-конфуцианских стран.

С. Хантингтон не обосновывает желательность конфликта между цивилизациями, а рисует предположительную картину будущего. Но если его гипотеза убедительна, необходимо задуматься о том, что это означает для западной политики. Здесь следует провести четкое различие между краткосрочной выгодой и долгосрочным урегулированием. С позиций краткосрочной выгоды, интересы Запада явно требуют следующего: 1) укрепления сотрудничества и единства в рамках собственной цивилизации, прежде всего между Европой и Северной Америкой; 2) интеграции в состав Запада стран Восточной Европы и Латинской Америки, чья культура близка к западной; 3) поддержания и расширения сотрудничества с Россией и Японией; 4) предотвращения разрастания локальных межцивилизационных конфликтов в полномасштабные войны между цивилизациями; 5) ограничения роста военной мощи конфуцианских и исламских стран; 6) замедления сокращения военной мощи Запада и сохранения его военного превосходства в Восточной и Юго-Западной Азии; 7) использования конфликтов и разногласий между конфуцианскими и исламскими странами; 8) поддержки представителей других цивилизаций, симпатизирующих западным ценностям и интересам; 9) укрепления международных институтов, отражающих и легитимизирующих западные интересы и ценности, и привлечения к участию в этих институтах незападных стран.

В долгосрочной перспективе, как считает С. Хантингтон, следует ориентироваться на другие критерии. Западная цивилизация является одновременно и

западной, и современной. Незападные цивилизации попытались стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха. Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение – все то, что входит в понятие «быть современным». В то же время они постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь будет возрастать, отставание от Запада сокращаться. Западу все больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по своим ценностям и интересам. Это потребует поддержания его потенциала на уровне, который будет обеспечивать защиту интересов Запада в отношениях с другими цивилизациями. Но от Запада потребуется и более глубокое понимание фундаментальных религиозных и философских основ этих цивилизаций. Он должен будет понять, как люди этих цивилизаций представляют себе собственные интересы. Необходимо будет найти элементы сходства между западной и другими цивилизациями. Ибо в обозримом будущем не сложится единой универсальной цивилизации. Напротив, мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными.

Концепция Хантингтона не лишена реалистичности. Это прежде всего прогноз многополярной структуры мира в XXI в.: «Сейчас есть только одна сверхдержава. Но это не означает, что мир стал монополярным... Усилия единственной сверхдержавы по созданию монополярной системы стимулируют еще большие усилия других крупных держав обеспечить движение к мультиполярности. Потенциально крупные региональные державы все больше самоутверждаются продвижением собственных интересов, нередко приходящих в конфликт с интересами Соединенных Штатов. Таким образом, мировая политика, которая прошла от биполярной системы времен «холодной войны» через кратковременный момент монополярности, подчеркнутый войной в Персидском заливе, переживает сейчас один-два десятка лет сочетания монополярности с мультиполярностью, прежде чем вступить в подлинно мультиполярный мир XXI в.¹»

Вместе с тем серьезной ошибкой С. Хантингтона стало фактическое отождествление понятий геополитического и цивилизационного полюсов, которые далеко не идентичны. Например, во время Второй мировой войны США и СССР, с одной стороны, Германия и Япония – с другой, были геополитическими союзниками, несмотря на коренные отличия их цивилизаций. И наоборот, Франция и Германия в конце XIX – первой половине XX в., бесспорно, принадлежали к европейской цивилизации, что не помешало им трижды воевать между собой.

Более того, идея имманентной конфликтности цивилизаций не только неверна, но и опасна. Она отбрасывает человечество к временам, когда войны считались, согласно Клаузевицу, всего лишь продолжением политики иными средствами – то есть естественной формой отношений государств. Между тем ситуация теперь изменилась качественно. Основной жертвой военных конфликтов становится

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1.

ся гражданское население, поскольку грань между фронтом и тылом практически стёрлась. В Европе, с ее высокой плотностью населения и далеко зашедшей урбанизацией, это особенно очевидно. Глобализация экономики, науки и техники, возникновение всемирного информационного пространства, открывшего простор для невиданно широких контактов людей, народов, культур, делают замыкание цивилизаций в себе, а тем более их бесконечное противостояние абсурдными и контрпродуктивными.

Размышляя над столкновением двух фундаментальных тенденций мирового развития – глобализации международных отношений, создания интегрированных объединений на региональном уровне – с одной стороны, и фрагментации, появления все более многочисленных моноэтнических государств, зачастую, по существу, нежизнеспособных (их число уже приближается к двум сотням) – с другой, бывший генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали высказал мысль о том, что эти тенденции тесно связаны. Более того, одна порождает другую: чем больше унифицируются экономика, наука, техника, быт, тем сильнее стремление каждого народа сохранить собственное лицо, отстоять национальную, культурно-цивилизационную идентичность. Выход из этого противоречия, лежащего в основе большинства внутренних и международных локальных конфликтов после окончания «холодной войны», может быть найден только в признании самоценности, взаимозависимости и солидарности всех цивилизационных центров многополярного мира перед лицом общих рисков и шансов третьего тысячелетия.

Учебно-методическая литература

Основная

Формации или цивилизации? (Материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 1989. № 10.

Поздняков Э. Формационный и цивилизационный подходы // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 5.

Формация и цивилизация: методологические проблемы анализа // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 5.

«Цивилизационная модель» международных отношений и ее импликации (Научная дискуссия в редакции «Полиса») // Политические исследования (Полис). 1995. № 1.

Алаев Л.Б. Станет ли цивилизационный подход научным методом // Восток (Oriens). 2013. № 3.

Дополнительная

Мельянцев В.А. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении // Восток (Oriens). 2013. № 4.

Косолапов Н.А. Идея развития: запрос на теорию // Восток (Oriens). 2013. № 4.

Рашковский Е. Цивилизационная теория: познание истории – познание современности // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 9.

- Чешков М.* Понимание целостности мира: в поисках неформационной парадигмы // *Мировая экономика и международные отношения*. 1990. № 5.
- Ильин В.И.* Будущее формационного анализа // *Рубеж (альманах социальных исследований)*. 2000. № 15.
- Семенникова Л.И.* Цивилизационные парадигмы в истории России. Ст. 1–2 // *Общественные науки и современность*. 1996. № 5–6.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // *Полис*. 1994. № 1.
- Ясперс К.* «Осевое время» и цивилизации // *Сравнительное изучение цивилизаций*. Хрестоматия. М.: 1998.
- Айзенштадт Ш.* Международные контакты: культурно-цивилизационное измерение // *Мировая экономика и международные отношения*. 1991. № 10.
- Рашковский Е. Ш.Н.* Айзенштадт: противоречия конвергирующегося мира // *Мировая экономика и международные отношения*. 1991. № 10.
- Мидоянц С.А.* Выступление на круглом столе «Формации или цивилизации?» // *Вопросы философии*. 1989. № 10.
- Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995.
- Цымбурский В.Л.* Россия – земля за великим лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000.
- Акимов А.В., Яковлев А.И.* Цивилизации в XXI в.: проблемы и перспективы развития. М., 2012.
- Хантингтон С.* Столкновения цивилизаций и переустройство мирового порядка. М., 1996.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности, возможное и невозможное. М.: *Весь мир*, 2006; Т. 2. Игры обмена. М.: *Весь мир*, 2006; Т. 3. Время мира. М.: *Весь мир*, 2007.
- Бродель Ф.* Грамматика цивилизации. М.: *Весь мир*, 2008.
- Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего», 2006.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуаций в современном мире. СПб., 2001.
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: социология XXI в. / Пер. с англ.; Под ред. В.Я. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.: *Логос*, 2003.
- Глобальная история и история мировых цивилизаций.* М.: *Новый век*, 2003.
- Любимов И.М.* Общая политическая, экономическая и социальная география / Под ред. акад. Л.П. Куракова. М.: *Гелиос АРВ*, 2001.
- Политология: Учебник* / Под ред. М.А. Василика. М.: *Гардарики*, 2006.
- Современные международные отношения и мировая политика: Учебник* / А.В. Торкунов, И.Г. Тюлин, А.Ю. Мельвиль и др.; МГИМО; МИД России; отв. ред. А.В. Торкунов. М.: *Просвещение*, 2004.
- Цыганков П.А.* Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: *Гардарики*, 2005.
- Валлерстайн И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется?

// Социологические исследования. 1997. № 1.

Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа (основные положения концепции И. Валлерстайна) // Восток: афро-азиатские сообщества: история и современность. М.: Наука, 1992. № 1.

Wallerstein I. Historical Capitalism. L.; N.-Y., 1983.

Wallerstein I. The Essential Wallerstein. N.-Y.: The New Press, 2000.

Wallerstein I. The inter-state structure of modern world-system // Smith S., Booth K., Zalewsky M., etc. International Theory: positivism and beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Wallerstein I. Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms. Cambridge: Polity Press, 1991.

Wallerstein I. Utopistics. Or, Historical Choices of the Twenty-First Century. N.-Y.: New Press, 1998.

Wallerstein I. World-System Analysis // Giddens A., Turner J.H. Social Theory Today. Cambridge: Polity Press, 1987.

Тема 10. Мир-системный анализ международных отношений (концепция И. Валлерстайна)

1. Концепция мир-системного анализа И. Валлерстайна.
2. Мировые тренды и циклы гегемонии держав.
3. Перспективы современной мир-системы.

В настоящее время можно выделить два вектора развития мировых тенденций. Во-первых, особенностью новейшей истории международных отношений является возрастание зависимости судьбы отдельных стран от политических, экономических и социокультурных процессов мирового развития. Научно-технический прогресс стал одним из глобальных факторов в жизни человечества и обусловил выход на передовые рубежи одних государств (за счёт их экономического и военно-политического превосходства) и отставание других.

Во-вторых, благодаря усилению глобальных политических, экономических и культурных взаимосвязей мир всё больше развивается как единое цивилизационное целое, в котором каждая страна выступает как часть общей мировой системы. Именно мир в целом, мир как система является объектом изучения такого комплекса дисциплин как *мироведение* и его специфической отрасли – «мир-системного анализа» (*«World-System Analysis»*) И. Валлерстайна.

Это сравнительно новое направление исследований, которое возникло и сформировалось на Западе в 70-е гг. XX в. Органичной частью этого направления является наука о международных отношениях, в частности, рассматриваемая здесь теория международных отношений. Следовательно, причисляя к участникам международных отношений государства, международные организации, транснациональные корпорации, мы не должны забывать важнейшего актора – «капиталистическую мир-систему», по определению И. Валлерстайна, «капиталистическую мир-экономику».

В прогностическом контексте одну из линий развертывания в перспективе этой капиталистической мир-системы рисует мир-системный (иной вариант миро-системный) анализ И. Валлерстайна. Данная концепция отличается четкостью и последовательностью в структурировании мировых процессов, повышая эффективность прогноза глобальных тенденций современности. Концепция мир-системного анализа была разработана и выдвинута в 1967 г. И. Валлерстайном (1930 г.) – американским социологом, профессором, директором центра Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций при Университете штата Нью-Йорк в Бингемптоне (США).

Логично перейти к рассмотрению мир-системного анализа как инструмента познания. В научной методологии существует тезис, согласно которому теория

оплодотворяется практикой. Если это действительно так, то глубинный смысл приобретают слова, что «нет ничего практичнее хорошей теории». В такой «хорошей теории» особенно нуждается современная наука о международных отношениях, которая ищет новое понимание исторического перелома в судьбах мира на рубеже XX–XXI вв. Как известно, в социальной науке XIX в. доминирующей методологической линией являлось стремление обнаружить так называемую «специфическую логику специфического предмета» (К. Маркс), т. е. логику, которая исходит из «внутренних», а не «внешних» детерминант в поведении общественных структур.

Принципиальная новизна мир-системного анализа заключается в акценте на преобладании «внешних», экзогенных факторов социальных изменений, имеющих, скорее, не внутреннюю, а внешнюю мир-системную природу. Оригинальность подхода И. Валлерстайна состоит в том, что он предлагает принципиально новую исследовательскую перспективу анализа социальных, экономических и политических процессов – *мир-системную перспективу*, в которой мир выступает как определённое системное и структурное целое, законы развития которого определяют траектории движения всех отдельных национальных обществ и государств.

Не существует отдельных автономных и изолированных государственных, политических, экономических, культурных образований со своей собственной, имманентной логикой эволюции. Бесполезно анализировать процессы «общественного развития многообразных национальных «обществ», – пишет И. Валлерстайн, – так, как если бы они были автономными внутренне развивающимися структурами, в то время как они являются и всегда были в первую очередь структурами, созданными всемирными процессами и обретающими свою форму в качестве реакции на эти процессы».

Причины этого определены следующими условиями. *Во-первых*, современная глобализация разрушает традиционные барьеры между внутренней и внешней политикой. Новый мировой порядок формируется как глобальное мироустройство с гораздо более интенсивными и многообразными внутренними связями, чем в предыдущих мир-системах. Конечно, это не общество в привычном понимании, но это и не просто система государств. Это новый социум, постепенно обретающий определенность. Оставаясь частичками национальных организмов, люди становятся гражданами мира. Сейчас в действующей «механике» мироустройства, наряду с процессом частичной деактуализации политического пространства национальных государств и формированием некой наднациональной глобальной конструкции, интенсивно и деятельно развивается и другой фундаментальный процесс. Личность постепенно теряет связи с привычными формами социализации и все больше выступает как транснациональный индивид, как группа индивидов, как значимый субъект.

Во-вторых, современные международные отношения не сводятся к межгосударственным взаимодействиям. Ныне они оказываются не столько результатом деятельности лиц, причастных к государственной политике, сколько влияния различных факторов социального порядка. Например, такие явления как, рели-

гиозные структуры, культурные традиции, человеческие обмены и т. д., эволюционируют по своей собственной логике и при этом постоянно «нарушают государственные границы» международных отношений.

В традиционной линейно-детерминистской методологии случайность считалась второстепенным, побочным, не имеющим принципиального значения фактором. Существовало убеждение, что случайности никак не сказываются, забываются, стираются, не оставляют следа в общем течении событий природы, общества, сферы международной жизни.

Развитие в детерминистской версии предстает как поступательное, без альтернатив. Считается, что пройденное представляет лишь исторический интерес. Если и есть возвраты к старому, то они – диалектическое снятие предыдущего уровня развития и имеют новую основу. Если и есть альтернативы, то они – только случайные отклонения от магистрального течения, подчинены этому течению, определяемыми объективными законами универсума. Все альтернативы, в конечном счете, сводятся, вливаются, поглощаются главным течением событий. Картина мира, рисуемая классическим разумом, – это мир, жестко связанный причинно-следственными связями. Причем причинные цепи имеют линейный характер, а следствие, если не тождественно причине, то, по крайней мере, пропорционально ей.

По причинным цепям ход развития может быть просчитан неограниченно в прошлое и будущее. Развитие ретросказуемо и предсказуемо. Настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым. Данный подход к управлению сложными системами основывался на представлении, согласно которому результат внешнего управляющего воздействия есть однозначное и линейное, предсказуемое следствие приложенных усилий, что соответствует схеме: управляющее воздействие – желаемый результат. Чем больше вкладываешь энергии, тем больше будто бы и отдача.

Размышляя о неустойчивом характере мировых политических процессов, соотношении закономерного и случайного в их развитии, ученые отмечают возникновение нового статуса случайности в постнеклассической науке: она оказывается в центре любого процесса, делая его нелинейным, неоднозначным и потому в существенных моментах непредсказуемым. В течение двух последних десятилетий методы нелинейной динамики применялись для моделирования и анализа международных процессов, прежде всего касающихся глобализации. Развитие таких сложных систем, как государства и страны, а также межгосударственные объединения, имеет нелинейный характер и сопровождается резкими трансформациями, в процессе которых неизменно возникает хаотизация. Нелинейная динамика этих процессов означает, что возможности их рационального прогнозирования, централизованного управления и контроля ограничены. Необходимо своевременно распознавать симптомы неустойчивости и возможные параметры тенденций к порядку или беспорядочности, которые могут доминировать в глобальных тенденциях. Но одной диагностики шатких равновесных состояний динамики недостаточно. Следует научиться воздействовать на нестабильные состо-

яния, принимать во внимание нелинейную динамику глобальных процессов. Их нестабильность связана с рядом факторов: геополитическими сдвигами, формированием «однополярного» мира в конкуренции с его многополярной моделью, активизацией сетей мирового терроризма, распространением ядерного оружия, неустойчивостью международных финансовых рынков, этническими конфликтами, региональными экологическими кризисами, грозящими перейти на глобальный уровень.

Создатель синергетического направления И. Пригожин подчеркивает, что в процессах самоорганизации открытых нелинейных систем обнаруживается двойственная, амбивалентная природа хаоса. Он выступает как двуликий Янус. Хаос разрушителен (сложные системы в развитых состояниях могут быть чувствительными к малым хаотическим флуктуациям на микроуровне). И в то же время хаос конструктивен, созидателен (сам хаос может быть защитой от хаоса (механизмом согласования темпов эволюции при объединении простых структур в сложные, а также механизмом переключения, смены различных режимов развития системы). Хаос конструктивен через свою разрушительность и, благодаря ей, разрушителен на базе конструктивности и через нее. Разрушая, он строит, а строя, приводит к разрушению.

На самом же деле в реальности случайность играет не менее, а, может быть, более важную роль в изменении и трансформации международной системы. Понятие «бифуркация» здесь выполняет конструктивно-познавательную функцию. Создатель синергетического метода И. Пригожин объясняет суть бифуркации следующим примером. Полет снаряда, вылетевшего из жерла пушки, подчиняется определенной, линейной, детерминистской закономерности. Но в момент, когда снаряд, вылетевший из жерла другой пушки, разрывает его на множество частей, наступает состояние своеобразной «загадочности», неопределенности, альтернативности того, в каком направлении полетит каждая из этих частей. Это и есть бифуркация.

Автор синергетического направления в науке указывает на то, что случайности могут играть существенную, определяющую роль вблизи моментов бифуркации. Он называет неустойчивостью состояние системы вблизи точки бифуркации, когда система совершает «выбор» дальнейшего пути развития. По его мнению, режимы движения переключаются, пути эволюции реальных систем бифуркируют, многократно ветвятся. В моменты бифуркации играет роль случайность, и вследствие этого мир становится загадочным, непредсказуемым, неконтролируемым. Случайности могут сбить, отбросить с выбранного пути, приводят к сложным блужданиям по полю путей развития. В свою очередь, нелинейность процессов делает принципиально ненадежными и недостаточными весьма распространенные до сих пор прогнозы-экстраполяции от наличного. Ибо развитие совершается через случайность выбора пути в момент бифуркации, а сама случайность (такова уж она по природе) обычно не повторяется вновь. Как показывают исследования, в результате картина процесса на первоначальной или промежуточной стадии может быть полностью противоположной картине на его развитой стадии.

Когда система становится неустойчивой, она входит в полосу кризиса, происходит бифуркация, которая трансформирует систему. Таким образом, возникает структурный переход от существующей международной системы к чему-то другому. Переход – довольно длительное явление, но он является необратимым, а его исход – неопределённым (стохастическим). Если в рамках нормально функционирующей системы практически нет места для свободы воли, так как структуры очень ограничивают выбор, то в периоды перехода свобода воли начинает торжествовать над необходимостью. «Только в такие переходные периоды то, что мы называем свободной волей, преодолевает давление существующей системы, стремящейся к восстановлению равновесия»¹.

Следовательно, важный инновационный аспект альтернативы традиционной социальной науке XIX в. – радикальный отказ от понятия линейной эволюции и идеи «прогресса» как её основополагающего принципа. Понятие «прогресса» предполагает постоянную и однозначную направленность изменений, тогда как исторические факты свидетельствуют, что социальные процессы, в том числе и международные, могут разворачиваться назад, замедляться и останавливаться. Действительно, попытки наивно-детерминистского описания хода истории в духе лапласовской парадигмы – как движения от прошлого через настоящее к заранее заданному будущему – с особой силой обнаруживают свою несостоятельность именно в сфере международных отношений, где господствуют стохастические процессы. Сказанное особенно характерно для современного переходного этапа в эволюции мирового порядка, характеризующегося повышенной нестабильностью и являющего собой своеобразную точку бифуркации, содержащую в себе множество альтернативных путей развития и, следовательно, не гарантирующую какой-либо предопределенности.

Исходная категория в мир-системном анализе И. Валлерстайна – это «исторические системы». Исторические системы делятся на две группы: мини-системы и мир-системы. Валлерстайн настаивает на употреблении дефиса в термине «мир-система», а не «мировая система» или «миросистема». «Мир-система» – это не система «в мире» и не система «мира». Это такая система, которая «сама по себе есть мир». Наличие же дефиса говорит о том, что «мир» – это не атрибут, не некое приложение системы, скорее эти два слова представляют собой единое неделимое понятие. Критерием мир-системы является самодостаточность.

И. Валлерстайн видит основную детерминанту политики как сферы деятельности, в данном случае международной, в экономике. В своей основе международные отношения, по Валлерстайну, есть, прежде всего, отношения экономические. И. Валлерстайн разделяет мир-системы на два типа: мир-империи и мир-экономики. Мир-империи – широкие политические образования, характеризующиеся военно-политическим способом интеграции и властно-волевыми рычагами управления и регулирования. Мир-экономики в отличие от мир-империй представляют собой неравномерные обширные объединённые экономические цепи производ-

---

¹ И. Валлерстайн. Конец знакомого мира: социология XXI в. / Пер. с англ.; под ред. В.Я. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.: ЛОГОС, 2003. С. 8.

ства, которые существуют поверх многочисленных политических, культурных и религиозных границ. Мир-экономики интегрируются экономическими механизмами и регулируются товарно-денежным обменом.

По мнению И. Валлерстайна, мир-систем в истории человечества было много и они не сводимы к отдельным государствам. Современную мир-систему можно охарактеризовать как капиталистическую мир-экономику. Говоря о генезисе капитализма, И. Валлерстайн признаёт, что в целом принципиальные причины возникновения капиталистической мир-экономики неясны. Поэтому он лишь констатирует следующее.

В период между 8000 г. до н. э. и 1500 г. н. э. на планете одновременно существовало множество исторических систем – мини-систем и мир-систем, которые в свою очередь подразделялись на мир-империи и мир-экономики. Мир-империя была «сильной» формой этой эры, поскольку всякий раз, когда она расширялась, то разрушала и (или) поглощала и мини-системы, и мир-экономики, а когда она сокращалась, то давала возможность для восстановления мини-систем и мир-экономики. Как было сказано выше, мир-экономики были «слабой» формой, никогда не живущей долго. Они либо дезинтегрировались, либо поглощались мир-империей, либо трансформировались в неё.

Одна такая мир-экономика сумела избежать этой судьбы. В начале «долгого XV столетия» (около 1450 г.), в силу ряда причин в приатлантической части Европы, по мнению И. Валлерстайна, зарождается локальная мир-экономика, которая оказалась менее хрупкой, чем другие. Вместо того чтобы раствориться в более мощной континентальной мир-империи Габсбургов, она к концу данного длинного столетия (к 1640 г.) выживает и сама начинает расползаться по всему свету, став каркасом для развития капиталистического способа производства.

Европейцы давно уже практиковали трансокеаническую торговлю и экономику. Именно они стали пионерами новой формы «исторической системы» – мировой системы. Со временем население многих стран попало в сферу влияния Европы. Начало европейской гегемонии прослеживается с начала крестовых походов – христианских военных экспедиций, предпринятых между XI и XIV вв. с целью отвоевать «священную землю» у мусульман. Итальянские города-государства использовали их для расширения торговых путей. В XV в. Европа установила регулярную связь с Азией и Африкой, а затем и с Америкой. Европейцы колонизировали другие материки, приезжая в качестве моряков, миссионеров, купцов, чиновников. Открытие Америки Х. Колумбом навсегда соединило Старый и Новый Свет. Испания и Португалия добывали в чужих странах золото и серебро, набирали рабов, оттесняя туземцев в глухие районы.

С освоением внеевропейских территорий изменился не только характер экономических связей между государствами, но и весь уклад жизни. Если раньше, буквально до середины XVII в., рацион питания европейца составляла продукция натурального хозяйства, т.е. то, что было выращено внутри континента местными жителями, то в XVIII – XIX вв. в ассортимент продуктов, в первую очередь для нужд высшего класса (как известно, высший класс всегда идёт в авангарде про-

гресса), входит импорт. Одним из первых заморских товаров стал сахар. После 1650 г. его употребляют в пищу не только высшие, но и средние, а затем и низшие слои населения. На столетие раньше в Европу попадает табак. К 1750 г. даже самая бедная английская семья могла включить в рацион чай с сахаром. В Индии впервые производственным способом был получен сахар, который европейцы завезли в Новый Свет. Климат Бразилии и Карибских островов создавал идеальные условия для выращивания сахарного тростника. Европейцы основали здесь плантации, удовлетворяя растущий во всём мире спрос на сахар. Спрос на сахар и его предложение привели к возникновению международного рынка, а вслед за этим и работорговли. Дешёвая рабочая сила, которую вывозили из Африки, нужна была для растущей плантационной экономики. Сахар и хлопок стали основными в международной торговле, связав континенты, расположенные по разные стороны океана.

В XVII в. сложились два торговых треугольника, включающие в себя торговлю сахаром и рабами: 1) производимые в Англии товары продавались в Африке, а африканские рабы продавались в Америке; в свою очередь американские тропические товары (особенно сахар) продавались Англии и её соседям; 2) спиртные напитки из Англии кораблями доставлялись в Африку, африканских рабов перевозили на Карибы, а чёрная патока (из сахара) посылалась в Новую Англию для изготовления спиртных напитков. Труд африканских рабов увеличивал американское богатство, значительная часть которого возвращалась в Европу. Продукты, выращенные рабами, потреблялись в Европе. Сюда из Бразилии шли кофе, краски, сахар и пряности, из США – хлопок и спиртные напитки.

Постепенно международная торговля превратилась в господствующий фактор развития. Сложилось понятие «капиталистическая мир-экономика» – единая мировая система, вовлечённая в производство для продажи и обмена в основном с целью увеличения прибыли, а не обеспечения народа. Теперь эта система регулирует направление развития отдельных стран.

Как мы убедились, зарождение локальной европейской мир-экономики полностью изменило характер международных отношений, существовавших в начале «долгого XVI столетия» (около 1450 г.). Вместо множества различных исторических систем появилась одна. Причём не только появилась, но и сумела доказать своё право на существование. И. Валлерстайн подчёркивает: «По своей внутренней логике эта капиталистическая мир-экономика затем расширилась и охватила весь земной шар, абсорбируя в этом процессе все существующие мир-империи. Вследствие этого к концу XIX в. впервые за всё время существовала только одна историческая система на земном шаре. И мы сегодня ещё находимся в этой ситуации»¹.

1. Мир-экономики в отличие от мир-империй представляют собой неравномерные обширные объединённые экономические цепи производства, которые существуют поверх многочисленных политических, культурных и религиозных границ. Мир-экономики интегрируются скорее экономически, чем политически:

---

¹ *Wallerstein I. World-System Analysis // Giddens A., Turner J.H. Social Theory Today. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 310.*

в отсутствии централизованного контроля существует большая свобода в накоплении богатств. Политические образования внутри мир-экономики способствовали разделению труда и неравному распределению в масштабах всей системы. И. Валлерстайн подчёркивает, что мир-экономики были всегда неустойчивыми и хрупкими образованиями, которые в докапиталистическую эпоху, как правило, поглощались или трансформировались в мир-империю.

А. Фурсов пишет: «Противопоставление мир-империй и мир-экономик в докапиталистическую эпоху – довольно уязвимое место в схеме И. Валлерстайна. Неясно, на мой взгляд, чем отличается система торговли мир-империй между собой от мир-экономики? Карфаген – это мир-империя или мир-экономика? «Индоевропейская мир-экономика» – это мир-экономика или зона торговли азиатских мир-империй? Как отличить мир-экономику от системы устойчивых контактов между мир-империями?»¹ С этими словами трудно не согласиться. Действительно, мир-империи и мир-экономики трудно дифференцируемы. В древности они практически совпадали. Что такое, например, империя монголов в XIII в., куда входила покорённая Русь, – империя или экономическая система? Если множество территорий объединено только тем, что с них собирают налоги или дань, то это экономическая система – у неё нет единого политического центра и органа управления? Хотя известно, что русские князья ездили в Золотую Орду «испрашивать» грамоту на правление.

2. Осознание различия между циклами и трендами

Как известно, каждая мир-система имеет пространственные и временные границы, причём последние не менее важны, чем первые. И. Валлерстайн подчёркивает необходимость учитывать броделевскую идею о множественности типов социального времени. Среди таких типов выделяются события, конъюнктуры (циклы 40–50 лет) и тренды (100 и более лет). Как утверждал Ф. Бродель, событие – это пыль, главное – это циклы (циклические ритмы) и тренды. Почему тренды неизбежны? Для ответа на этот вопрос, как считает И. Валлерстайн, необходимо следующее:

3. Определение и характеристика противоречий, имманентных особым структурам

Противоречия, согласно И. Валлерстайну, представляют собой реализацию не просто конфликтов, а социальных ограничений, которые структуры системы налагают на её агентов и делают один комплекс действий оптимальным в краткосрочной перспективе, а другой (часто противоположный), оптимальным для этих же агентов, но уже в среднесрочной перспективе. И. Валлерстайн заключает, что в той степени, в какой социальные агенты решают свои краткосрочные проблемы, они в то же время создают среднесрочные проблемы. Именно в этом – суть механизма превращения циклических ритмов (результат решений краткосрочных проблем) в вековые тренды (среднесрочные последствия этих решений).

---

¹ Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа (основные положения концепции И. Валлерстайна) // Восток: афро-азиатские сообщества: история и современность. М.: Наука, 1992. № 1. С. 25.

4. Тщательное различение между сдвигом в конъюнктуре (conjuncture) и историческим переходом (transition)

И. Валлерстайн считает, что термин «кризис» – это «злой рок социальных исследований», так как учёные используют этот термин для описания как кратко- и среднесрочных изменений в рамках одной структуры, так и для описания переходных периодов от одной структуры к другой, хотя это совершенно разные процессы. Одно дело, когда оптимальное решение краткосрочных проблем порождает среднесрочные проблемы, которые решаются среднесрочными способами. Другое дело, когда среднесрочные решения накапливаются и сообщают столетним трендам некоторые новые качества, которые в свою очередь создают долгосрочные проблемы. Ключевая долгосрочная проблема возникает, по мнению И. Валлерстайна, тогда, когда столетние тренды достигают такой точки, в которой среднесрочные решения краткосрочных проблем уже не являются эффективными даже в среднесрочной перспективе. В такой ситуации наступает системный кризис, когда система становится неустойчивой и происходит бифуркация, которая трансформирует систему. Таким образом, возникает структурный переход от существующей исторической системы к чему-то другому. Переход – довольно длительное явление, но оно является необратимым, а его исход – неопределённым (стохастическим).

5. Определение и обоснование хронософии, лежащей в основе теоретизирования

Каждая историческая система имеет конец, который И. Валлерстайн определяет как «полосу» времени, «переход», во время которого колебания любой формы изменения значительно сильнее и непредсказуемее, чем обычно, и резко возрастает роль того, что И. Валлерстайн называет свободной волей. Если в рамках нормально функционирующей исторической системы И. Валлерстайн практически не видит места для свободы воли, так как структуры очень ограничивают выбор, то в периоды перехода свобода воли начинает торжествовать над необходимостью. «Только в такие переходные периоды то, что мы называем свободной волей, преодолевает давление существующей системы, стремящейся к восстановлению равновесия»¹. Именно в такой период, согласно И. Валлерстайну, и вступает современный мир, когда резко увеличиваются возможности сознательного выбора: «Фундаментальные изменения возможны, хотя и никогда не предопределены, и это вызывает к моральной ответственности, побуждая нас действовать рационально, с честными намерениями и решимостью найти более совершенную историческую систему»².

Итак, зарождение европейской мир-экономики полностью изменило характер международных отношений Нового времени. Сложилось понятие «капиталистическая мир-экономика» – единая мировая система, вовлечённая в производство для продажи и обмена в основном с целью увеличения прибыли. Теперь эта система регулирует направление развития современных стран. И. Валлерстайн

¹ И. Валлерстайн. Конец знакомого мира: социология XXI в. / Пер. с англ.; под ред. В.Я. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.: ЛОГОС, 2003. С. 8.

² И. Валлерстайн. Конец знакомого мира: социология XXI в. / Пер. с англ.; под ред. В.Я. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.: ЛОГОС, 2003. С. 8.

выделяет в капиталистической мир-системе три части: *ядро*; *полупериферию*; *периферию*.

Ядро включает в себя самые сильные и могущественные государства с усовершенствованной системой производства. У них больше всех капиталов, самые качественные товары, самые сложные средства производства. Дорогую продукцию эти страны экспортируют на периферию и полупериферию.

Периферия – это самые отсталые и бедные государства. Они считаются сырьевым придатком ядра. Полезные ископаемые добываются, но не перерабатываются на месте, а экспортируются. Большая часть прибавочного продукта присваивается иностранным капиталом. И. Валлерстайн пишет: «Ядро – это, грубо говоря, зона, приобретающая при обмене часть прибыли, а периферия – зона, теряющая её»¹.

Полупериферия – это государства, которые обладают частично признаками ядра, частично – признаками периферии. Полупериферия – необходимый элемент капиталистической мир-экономики, опосредующий отношения между ядром и периферией. Государства полупериферии не входят в состав ядра мир-системы, но и не относятся целиком к периферии.

Государства полупериферии и периферии – это страны так называемого «второго» и «третьего» мира. У них меньше власти, богатства и влияния. Полупериферию образуют индустриальные страны (Россия и страны СНГ, Китай, некоторые страны Восточной Европы и др.) с обычным ресурсо-, энерго- и трудоёмким производством. При этом большинство новейших технологий не разрабатывается самостоятельно, а приобретается у высокоразвитых стран первой группы. Страны периферии – это развивающиеся страны Латинской и Центральной Америки, Азии и Африки с господством традиционных индустриальных и доиндустриальных производств. Для национальных экономик этих стран характерны технологическая отсталость и низкая производительность труда. Как считает И. Валлерстайн, разрыв в уровнях развития стран Севера и Юга становится источником международной нестабильности, ибо крайне неравномерное распределение мировых ресурсов (четверть человечества потребляет три четверти производимых богатств) вызывает недовольство государств, оказавшихся на периферии современного мира. По мнению Валлерстайна, только отдельные государства периферии и полупериферии могут входить в состав ядра мир-системы. Для большинства остальных изменить их положение как объектов эксплуатации со стороны наиболее развитых стран невозможно, пока существует капиталистическая мир-экономика.

Если в классификации И. Валлерстайна использовать термины теории постиндустриального общества Д. Белла, то получится такое соотношение: ядро – постиндустриальные общества; полупериферия – индустриальные общества; периферия – традиционные (аграрные общества).

Теория ядра, полупериферии и периферии И. Валлерстайна и сегодня пользуется научным авторитетом, но, по мнению ряда исследователей, нуждается в дополнении. Согласно новому подходу, основу современного международного сообщества, которое иногда именуют «транснациональным миром», составляют

---

¹ Wallerstein I. Historical Capitalism. L.; N.-Y., 1983. P. 32.

ведущие международные организации, 50–60 основных финансово-промышленных блоков, а также около 40 тысяч транснациональных корпораций. «Глобальная экономическая федерация» пронизана тесными хозяйственными, политическими и культурными связями. Крупнейшие западные корпорации, создавая филиалы по всему миру, прежде всего в странах «третьего мира», опутывают финансовыми и товарными потоками весь мир, делая различные регионы мира экономически зависимыми друг от друга.

Сущностью либерализма, по мнению И. Валлерстайна, является противодействие и ограничение требований демократизации, а непосредственная задача состоит в сдерживании «опасных классов» сначала в рамках ядра капиталистической мир-экономики, а потом и в рамках всей мир-системы в целом. Разработанная в XIX в. формула либерального государства (всеобщее избирательное право и «государство всеобщего благосостояния») на национальном уровне удачно функционировала в ядре капиталистической мир-экономики, однако попытка ее проекции на уровень межгосударственной системы (через идею национального самоопределения и экономической модернизации недоразвитых государств) выявила невозможность создания «государства всеобщего благосостояния» на мировом уровне без нарушения основного процесса накопления капитала. Объясняется это тем, что либеральная программа, реализуемая в ядре капиталистической мир-экономики, основывалась на эксплуатации Юга, когда же ее попытались применить за пределами ядра, то ресурсов для ее осуществления, понятно, не нашлось.

Таким образом, мир-системный анализ ориентирован на изучение системы международных отношений, формирующихся, в первую очередь, ведущими государствами. Благодаря технологическому отрыву и большой военной мощи, они обладают инструментами давления на других акторов международных отношений и возможностью определять мировую политику в целом. Естественно, абсолютизировать степень их доминирования было бы ошибочным. Однако именно в развитых государствах происходит генерация инноваций, вовлекающих в свою орбиту не только научно-технологическую, но и политическую сферу. На основании этого закономерно предположить, что основные тенденции трансформации современной мировой системы закладываются ведущими государствами. Нельзя отрицать возможность зарождения новых тенденций в других государствах, однако для их воплощения эти страны не обладают достаточными, по сравнению с ведущими державами, ресурсами. Данное положение обуславливает концентрацию внимания мир-системного анализа на международной политике государств «ядра».

Отличительные черты капиталистической мир-экономики, согласно И. Валлерстайну, следующие:

- 1) непрерывное накопление капитала в качестве движущей силы капиталистической мир-экономики;
- 2) осевое разделение труда, создающее напряжение между центром и периферией системы, ибо неравный обмен внутри капиталистической мир-экономики принимает пространственные формы;

3) существование в структуре капиталистической мир-экономики полупериферийных зон;

4) значительная роль, наряду с наемным, различных форм ненаёмного труда;

5) соответствие границ капиталистической мир-экономики границам межгосударственной системы суверенных государств;

6) происхождение капиталистической мир-экономики не в XIX, а значительно ранее – в «долгом XVII столетии»;

7) возникновение капиталистической мир-экономики первоначально в одной части мира (северо-западной Европе) и позднее ее распространение на весь остальной мир через особый процесс «инкорпорации»;

8) обязательное существование в структуре капиталистической мир-экономики государств-гегемонов, чей период полного и неоспоримого господства является, однако, относительно кратким;

9) вторичный характер государств, этнических групп и семейных единиц, которые постоянно создаются и пересоздаются;

10) возникновение антисистемных движений, одновременно подрывающих и усиливающих капиталистическую мир-экономику;

11) структурная модель циклических ритмов и вековых трендов, которые воплощают внутренние противоречия системы (и которые являются причиной системного кризиса капиталистической мир-экономики, который наблюдается в настоящее время).

Важно то, что И. Валлерстайн обосновывает свою точку зрения, исходя из конкретно-исторических реалий. Причины европейской капиталистической трансформации, по его мнению, скорее связаны не с внутренней логикой развития общественных структур (которые никуда ни к какому капитализму сами по себе не эволюционировали), а объясняются скорее всемирными геополитическими и геоэкономическими сдвигами, которые неожиданным образом привели к «краткосрочному» (конъюнктурному) ослаблению европейской мир-империи Габсбургов, оказавшейся неспособной (в отличие от мир-империй Китая, Индии и исламского мира) заблокировать или поставить под контроль протокапиталистические структуры своей мир-экономики.

Никаких особых «цивилизационных» предпосылок появления капитализма именно в Европе, как считает И. Валлерстайн, не существовало: происхождение «европейского чуда» не запрограммировано внутренней имманентной «логикой» развития европейского общества. Его происхождение в известном смысле случайно и объясняется кумулятивным сочетанием в XIV–XV вв. совокупности обстоятельств, образовавшихся в краткосрочной временной перспективе в силу неожиданных изменений в экономических, государственных и религиозных структурах в результате «черной смерти» (эпидемии чумы) и кризиса межконтинентальной торговли («Великого Шелкового пути») из-за падения «монгольского звена» в XIV–XV вв. (что «отозвалось» в Западной Европе тройным кризисом – сеньориального хозяйства, феодального государства, католической церкви). Конъюнктурный кризис европейских структур 1350–1450 гг. оказался (в силу их сравнительной нераз-

витости и периферийности) более глубоким, чем в центрах остальной ойкумены. Образовавшуюся «брешь» смогли заполнить структуры капиталистической мир-экономики. Не потому, что они были более развитыми, или иными по своей сущности, чем в исламском мире, Индии или Китае, а потому, что среда их развития была менее сильной и более «отсталой», чем в остальных развитых регионах ойкумены.

Концепция мир-системного анализа И. Валлерстайна позволяет глубже взглянуть на противоречия современных международных отношений. Валлерстайн отмечает, что эволюция капиталистической мир-экономики представляет собой чередование периодов соперничества и гегемонии государств ядра за относительный (в противоположность мир-империям) контроль над мир-системой. Соответственно, разные страны в разное время могли играть роль лидеров в ядре, откатываться на периферию или занимать место полупериферии. В целом, понятие гегемонии можно определить в качестве таких отношений доминирования одних государств над другими, которые позволяют им устанавливать принципы, процедуры и правила поведения, общие для всех остальных акторов и всей международной системы в целом.

Обычно в ядре доминирует одно государство. В истории современной мир-системы было всего три державы-гегемона: 1) Голландия в середине XVII в. (1620–1672), Великобритания в середине XIX столетия (1815–1873) и США – в середине двадцатого (пик – 1945–1967/73). Каждая из трех держав-гегемонов доминировала лишь в течение короткого периода. Валлерстайн придает методологическое значение тем процессам, которые произошли в Европе в период Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) и подписания Вестфальского мирного договора (1648 г.). В эту эпоху начался коренной перелом в системе международных отношений и перехода к новой «парадигме» мирового порядка. Как полагает Валлерстайн, в истории капиталистической мир-системы таких мировых «тридцатилетних» войн было три: 1) в Тридцатилетней войне (1618–1648) голландские интересы взяли верх над интересами Габсбургов, 2) в наполеоновских войнах (1792–1815) англичане взяли верх над французами, 3) в тридцатилетних «американо-германских» войнах 1914–1945 США победили Германию.

Во всех случаях морская (авиационная) мощь одолевала сухопутную. И в каждом случае силы, приверженные сохранению базовой структуры капиталистической мир-экономики, побеждали те силы, которые стремились преобразовать её в мир-империю¹. Так, голландская гегемония, приведшая к политической институционализации капиталистической мир-экономики, выступила исторической альтернативой мир-империи Габсбургов, британская – мир-империи Наполеона, а американская – мир-империи Гитлера. При этом в длительный период упадка гегемонии всегда появлялось два потенциальных «претендента на наследство»: Англия и Франция после упадка голландской гегемонии, США и Германия – после упадка британской, а теперь Западная Европа и Япония – после постепенного за-

---

¹ *Wallerstein I. The inter-state structure of modern world-system // Smith S., Booth K., Zalewsky M., etc. International Theory: positivism and beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 99–100.*

ката гегемонии США. Будущий победитель в качестве элемента своей «победной стратегии» использовал союз с приходящим в упадок гегемоном: сначала в качестве младшего партнёра, а затем – в качестве старшего.

Окончание «тридцатилетней войны» каждый раз знаменовалось перестройкой международной системы и установлением новой концепции мирового порядка, обеспечивающей долгосрочные политико-экономические преимущества державе-гегемону: это Вестфальский мир 1648 г., это система «европейского концерта» после Венского конгресса 1815 и ООН после 1945 г. Доминирующая держава может сохранять свою гегемонию в периоды средней длительности только до тех пор, пока она в состоянии навязывать институциональные ограничения на степень свободы и открытости мирового рынка, который бы работал в этом случае исключительно на её благо (ибо в силу своей большей эффективности, производители державы-гегемона в краткосрочной перспективе выигрывали в условиях максимально открытого и свободного мирового рынка, однако в среднесрочной перспективе они, в конечном итоге, становились бы проигравшими, так как сталкивались с новыми, не менее эффективными конкурентами).

В ходе исторической эволюции капиталистической мир-экономики происходили постоянные взлёты и падения держав-гегемонов, благодаря которым обеспечивалось устойчивое развитие международных отношений и беспрепятственное накопление капитала. Особо следует отметить существование корреляции между внешнеполитическим поведением государств и так называемой системной напряжённостью. Таким образом, главное объяснение поведения государства во взаимодействии с другими государствами переносится на уровень международной структуры.

И. Валлерстайн отмечает, что сегодня мир-система находится в точке бифуркации. С 1967–1973 гг. начался упадок гегемонии США и современная мир-система вступила в переходный период. Её разбалансированность очень сильна, а направление развития может быть определено самыми незначительными факторами. Ученый приходит к выводу о том, что после бифуркации, которая произойдёт в период 2050–2075 гг., мы сможем быть уверены лишь в нескольких вещах. Он пишет: «Мы не будем жить в капиталистической мир-экономике, а при каком-то новом порядке или порядках, при какой-то новой исторической системе или системах. Поэтому мы, вероятно, сможем опять узнать относительный мир, стабильность и легитимность. Но будет ли это лучший мир, лучшая стабильность или лучшая легитимность, чем те, которые были известны нам до сих пор, или это будет ещё более худший вариант? И то, и другое неизвестно, и зависит от нас»¹.

В отличие от С. Хантингтона, причины грядущих конфликтов Валлерстайн видит не в цивилизационных, а в экономических факторах. Так, он полагает, что уже в начале XXI в. можно ожидать вызовов и даже прямых нападений государств маргинализованного, бедного и отсталого Юга на богатый Север, а также захватнических войн между самими государствами Юга, может быть, и с применением ядерного оружия. Но самая главная угроза, которая может исходить от пери-

¹ Wallerstein I. The Essential Wallerstein. N.-Y.: The New Press, 2000. P. 453.

ферии по отношению к ядру мир-системы, – массовая миграция населения с Юга на Север.

Рассматривая вопрос о внутренней конфликтности в современной мир-системе, И. Валлерстайн останавливается на следующих моментах. В качестве ядра мировой системы выделяются постиндустриальные страны, представленные тремя основными центрами (США и Канада, Западная Европа, Япония). Это высоко-развитые страны с новым ресурсо-, энерго- и трудосберегающим производством, базирующимся на микропроцессорной технике и наукоёмких технологиях. Дорогую и высокотехнологичную продукцию эти страны экспортируют на периферию и полупериферию.

За резкое, как относительное, так и абсолютное увеличение величины среднего класса, который стал одним из основ стабильности государств ядра капиталистической мир-экономики, приходится расплачиваться повышением стоимости продукции, ростом инфляции и серьезным замедлением процессов накопления капитала. Поэтому период 2000–2025/30 гг. будет отмечен попытками уменьшить как относительную, так и абсолютную величину среднего класса в ядре капиталистической мир-экономики (через демонтаж социального государства «всеобщего благоденствия», сокращения госбюджетов и т. д.). Однако образованные и привыкшие к комфорту «средние слои» вряд ли пассивно согласятся со своей репролетаризацией и ремаргинализацией (снижением как своего статуса, так и общих доходов). В любом случае, – отмечает И. Валлерстайн, – капиталистическая мир-экономика столкнется в ближайшее время с дилеммой выбора между ограничением накопления капитала, с одной стороны, и возможными политико-экономическими протестами бывшего среднего класса – с другой.

По мнению Валлерстайна, в период грядущей дестабилизации значительно уменьшится способность государств поддерживать внутренний порядок, как и уменьшится их роль в современной мир-системе. Возможен даже распад многих государств не только на периферии и полупериферии, но и в ядре системы. При этом социальный беспорядок может стать нормальным состоянием многих государств ядра капиталистической мир-экономики, а в некоторых из них могут разгореться даже гражданские войны. Уже сейчас современные государства не справляются с требованиями обеспечить необходимый уровень безопасности и благосостояния, что определяет тенденцию к приватизации этих сфер жизни и означает начало движения в направлении, противоположном тому, которое развивалось в течение последних 500 лет. Поэтому произойдет расширение частных вооруженных формирований и полицейских структур, создаваемых разнообразными этнокультурными группами, корпорациями, местными общинами, религиозными объединениями и преступными синдикатами.

Снижение эффективности институтов государственности (и современной межгосударственной системы) приведет к подъему значения различных форм партикулярной, групповой идентичности (этнической, религиозно-языковой, родовой или тендерной, прочих видов меньшинств с разнообразными характеристиками).

Возможно, они станут своеобразной альтернативой «общегражданской» самоидентификации в национальном государстве, которое строится на их объединении и интеграции в единое целое. Возможно, что в мире беспорядка и неуверенности именно «группы» (как вчера государство) будут обеспечивать защиту, безопасность и благосостояние отдельного индивида. Парадокс состоит в том, что партикуляризация, согласно И. Валлерстайну, есть один из симптомов демократизации, результат поражения национального государства из-за того, что либеральное реформирование оказалось миражом, ибо «универсализм» государств на практике оборачивался требованием забыть или подавить многие более слабые слои.

И. Валлерстайн прогнозирует свертывание всех завоеваний социального либерализма и либерального социализма в развитых странах; недостаток стабильности и легитимности во всем мире; возросшую степень беспорядка и дезинтеграции в разных регионах; падение роли государственности в современной мир-системе. Все это делает актуальным требование настоящей, подлинной демократизации, т. е., постановки вопроса об изменении принципов функционирования капиталистической мир-экономики и замене ее иным, более эгалитарным и справедливым видом исторической системы.

И. Валлерстайн отмечает, что сегодня историческая система находится в точке бифуркации. Её разбалансированность очень сильна, а направление развития может быть определено самыми незначительными факторами. Именно сейчас пришло время утопистики (utopistics) – интенсивного и беспристрастного анализа исторических альтернатив. Настал момент, когда социологи могут сказать своё веское слово. Но при этом И. Валлерстайн настаивает на том, что они должны забыть о прежних, порождённых реалиями XX в. концепциях, которые были воплощены в стратегиях антисистемных движений.

Решение этой задачи не может быть получено за день или за неделю, однако в то же время оно не должно растягиваться на столетия. Ему, по мнению И. Валлерстайна, следует посвятить ближайшие 25–50 лет, причём результаты в полной мере будут определяться тем вкладом, какой сегодня мы можем и готовы внести в этот процесс.

Какие же существуют исторические альтернативы для периода после 2025–2030 гг.? И. Валлерстайн в работе «Капиталистическая цивилизация» выделяет три возможных сценария развития событий:

Первый сценарий состоит в переходе к неофеодализму, который может в значительно более уравновешенной форме воспроизвести эпоху нового смутного времени. Отличительными чертами данной системы будет парцелляризация суверенитета, развитие локальных сообществ и местных иерархий, в общем – возникновение «мозаики» автаркичных регионов, связанных между собой лишь нитями горизонтальных связей. Такая система может оказаться достаточно совместимой с миром высоких технологий. Процесс накопления капитала не может больше служить движущей силой развития такой системы, однако все равно это будет разновидностью неэгалитарной системы, способом легитимации которой, возможно, может стать возрождение веры в естественные иерархии.

Второй сценарий связан с установлением чего-то, вроде демократического фашизма, когда мир будет разделён на две касты: высший слой примерно из 20 % мирового населения, внутри которого будет поддерживаться достаточно высокий уровень эгалитарного распределения, и низший слой, состоящий из трудящихся «пролов», то есть из лишённого политических и социально-экономических прав пролетариата (остальные 80 % населения). Гитлеровский проект «нового порядка» как раз предполагал что-то близкое к данной системе, однако он потерпел фиаско из-за самоопределения в пределах слишком узкого верхнего слоя.

Третьим сценарием может быть переход к радикально более децентрализованному во всемирном масштабе и высокоэгалитарному мировому порядку. Такая возможность кажется наиболее утопичной, но её не следует исключать. Для её реализации потребуются существенное ограничение потребительских расходов, но это не может быть просто социализация бедности, ибо тогда политически этот сценарий становится невозможным.

И. Валлерстайн подчёркивает: «Мир находится на перепутье. Хаос сменится новым порядком, отличным от известного нам. Отличным, но не обязательно более совершенным»¹. Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. *Во-первых*, следует подчеркнуть, что И. Валлерстайн не даёт прогнозов относительно того, какой будет мир-система после бифуркации, которая предположительно произойдёт в период 2050–2075 гг., однако обозримое будущее, по крайней мере до середины XXI в., Валлерстайн видит в мрачных тонах: конфликты, кризисы на периферии и в центре мир-системы неизбежны, пока существует капиталистическая мир-экономика.

Во-вторых, особое значение И. Валлерстайн придаёт отношениям внутри ядра мир-системы. Экономическая конкуренция выявляет в ней три основных центра силы – США, Японию и объединённую Европу. Но в дальнейшем неизбежно объединение США и Японии в один блок с антиевропейской направленностью. Неизбежным считает И. Валлерстайн и использование этим блоком Китая для расширения своих возможностей в конкурентной борьбе с европейскими странами. В этой ситуации противовесом альянсу США с Японией и Китаем может стать создание российско-европейского блока. Россия снова будет востребована в её традиционной роли – центра геополитического и военного могущества. Хотя сегодня потенциал России ослаблен, американский политолог не сомневается, что он будет вскоре восстановлен.

В-третьих, необходимо отметить, что заслугой мир-системного анализа является то, что он впервые поставил в центр внимания исследователей не страну или группу государств, а мир как целое и заставил рассматривать социальную эволюцию в контексте этого глобального целого, что привело к существенному изменению картины мировой истории. В частности, поэтому И. Валлерстайн считал СССР, участвовавший в эксплуатации «третьего мира» через систему мировых цен, капиталистическим государством. С его точки зрения, мировая система соци-

---

¹ И. Валлерстайн. Конец знакомого мира: социология XXI в. / Пер. с англ.; под ред. В.Я. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.: ЛОГОС, 2003. С. 47.

ализма была полной фикцией, поскольку определяли логику мирового экономического развития законы капиталистического рынка.

Конечно, концепция мир-системного анализа не идеальна. Она не раз подвергалась критике. Учёные критиковали за экономоцентристский, утилитаристский и материалистический метод исследования с его детерминизмом и линейностью. В журнале «Сравнительное изучение цивилизаций» в 1994–1995 гг. М. Мелко, В. Рудометов, Р. Робертсон выступили против игнорирования концепцией мир-системного анализа культур и религий как отдельных мир-систем, против её связи с однолинейной концепцией эволюции, приписывания ей определённых качеств обществ без учёта их внутренней специфики, только на основании их места в структуре мир-экономики, принадлежности к центру, полупериферии или периферии мир-экономики.

Сам И. Валлерстайн считает, что критика всегда деструктивна, она не может предложить взамен чего-то нового, она лишь разрушает старое. Конечно, в какой-то мере эта критика справедлива. Однако она вполне объяснима. Дело в том, что исследователи, критикующие концепцию И. Валлерстайна, в большей мере руководствуются стремлением познать историю глобализации мира с учётом всех возможных перспектив, а не только одной, наиболее актуальной, западной перспективы.

Необходимо отметить, что при всей оригинальности и даже экстравагантности взглядов И. Валлерстайна некоторые его выводы заслуживают внимания. Прежде всего, – это анализ последствий глобализации для развитых и развивающихся стран. Отдельные элементы противостояния США и Европейского союза, возможность которого прогнозировал учёный, можно наблюдать уже сегодня, хотя абсолютизировать противостояние между двумя центрами современной мировой политики и экономики было бы неверно. Однако подтвердить или опровергнуть идеи, выводы и оценки перспектив мирового развития после окончания «холодной войны», сделанные И. Валлерстайном, может только будущее. Изменения, происшедшие в мире за последние десятилетия, столь масштабны и глубоки, что для адекватного их осмысления и объяснения политической науке потребуется, очевидно, еще немало времени.

Учебно-методическая литература

Основная

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуаций в современном мире. СПб., 2001.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI в. / Пер. с англ.; под ред. В.Я. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.: ЛОГОС, 2003.

Глобальная история и история мировых цивилизаций. М.: Новый век, 2003.

Любимов И.М. Общая политическая, экономическая и социальная география / Под ред. акад. Л.П. Куракова. М.: Гелиос АРВ, 2001.

Политология: Учебник / Под ред. М.А. Василика. М.: Гардарики, 2006.
Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / А.В. Торкунов, И.Г. Тюлин, А.Ю. Мельвиль и др.; МГИМО; МИД России; отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.
Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005.

Дополнительная

Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. 1997. № 1.
Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа (основные положения концепции И. Валлерстайна) // Восток: афро-азиатские сообщества: история и современность. М.: Наука, 1992. № 1.
Wallerstein I. Historical Capitalism. L.; N.-Y., 1983.
Wallerstein I. The Essential Wallerstein. N.-Y.: The New Press, 2000.
Wallerstein I. The inter-state structure of modern world-system // Smith S., Booth K., Zalewsky M., etc. International Theory: positivism and beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
Wallerstein I. Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms. Cambridge: Polity Press, 1991.
Wallerstein I. Utopistics. Or, Historical Choices of the Twenty-First Century. N.-Y.: New Press, 1998.
Wallerstein I. World-System Analysis // Giddens A., Turner J.H. Social Theory Today. Cambridge: Polity Press, 1987.

Интернет-ресурсы

URL: http://kuhttp.cc.ukans.edu/carrie_main.html.
URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/geoecon/waller.htm>.

ГЛАВА 3. ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Тема 11. Политический реализм и неореализм

1. «Реалистическая» концепция международных отношений (МО).
2. Критика принципов политического реализма.
3. Неореализм и его основные идеи.

Анализ теоретических традиций, парадигм и дискуссий в международно-политической науке показывает, что каждая из них имеет сильные стороны и недостатки, каждая отражает определенные аспекты мировой реальности и находит то или иное проявление в практике международных отношений. Полемика между ними способствует их взаимообогащению, следовательно, и развитию науки о международных отношениях в целом. В то же время нельзя отрицать, что указанная полемика не убедила научное сообщество в превосходстве какого-либо одного течения над остальными, как не привела и к их синтезу. В настоящее время в международно-политической науке ни один из подходов так и не стал доминирующим.

Наряду с этим отмечается, что в результате взаимной критики вырабатывается ряд общих положений, разделяемых представителями различных теоретических парадигм: *во-первых*, это положение о том, что, хотя анархия международных отношений продолжает существовать и даже возрастает, возможности для их регулирования существуют; *во-вторых*, это положение, согласно которому число участников международных отношений расширяется, включая в себя не только государства и межправительственные организации, но и новых, нетрадиционных акторов – международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, фирмы и предприятия, многочисленные производственные, финансовые, профессиональные и иные ассоциации и объединения, а также рядовых индивидов; *в-третьих*, это признание всемирного характера проблем, с которыми сталкиваются сегодня участники международных отношений; *в-четвертых*, это указание на переходный характер современного состояния этих отношений.

В ряду конкурирующих парадигм школа политического реализма и неореализма в течение длительного времени остается самой влиятельной для общей теории международных отношений. Это объясняется, пожалуй, тем, что суть происходящих в международных отношениях событий чаще всего ложится в русло той объяснительной парадигмы, которой придерживается школа политического

реализма и неореализма. Однако изменяющаяся практика международных отношений показывает, что эта ведущая роль политического реализма, впрочем, как и любой другой парадигмы, никогда не была безраздельной.

Политический реализм восходит своими истоками к работам Фукидида, Н. Макиавелли, Т. Гоббса и других мыслителей. Ее представителями являются такие ученые, как Э. Карр, Дж. Кеннан, Г. Моргентау, Р. Нибур, К.У. Томпсон и др. В методологическом плане реализм требует максимально точно и «реалистично» описывать международные отношения, т. е. то, что *есть*. Иначе говоря, *сущее*, а не *должное*. Следовательно, предметом анализа является не то, что желательно, предпочтительно или может появиться в будущем, а то, что реально существует и оказывает свое действие.

Реализм, признавая объективность законов политики, также исходит из возможности создания рациональной теории, которая описывала бы, хотя и не полно, эти законы. Такая теория должна основываться на реальных фактах, а не на субъективных суждениях, не имеющих ничего общего с действительностью и продиктованных предрассудками и неправильным пониманием политики¹. Первоначально такой подход возник как критика моралистического и утопического течения в политике, которое игнорировало реалии силовых отношений между государствами.

Центральным для теории политического реализма, основательное развитие идеи которой получили в 30–50-е гг. XX в. в трудах Г. Моргентау, является «понятие интереса, определенного в терминах власти», и вытекающие из него понятия баланса сил, геополитической стратегии и т.п. Исходная позиция при этом связана с положением об анархической природе международных отношений. С этой точки зрения, именно анархичность отличает их от внутриобщественных отношений, построенных на принципах иерархии, субординации, господства и подчинения, формализованных в правовых нормах, главной из которых является монополия государства на легитимное насилие в рамках своего внутреннего суверенитета.

Анархичность же международных отношений, по мнению сторонников политического реализма, проявляется в двух главных аспектах. *Во-первых*, это отсутствие общего правительства, единой правящей во всем мире структуры, распоряжения которой были бы обязательны для неуклонного исполнения правительствами всех государств. *Во-вторых*, это неизбежная для каждого государства необходимость рассчитывать только на себя, на собственные возможности в отстаивании своих интересов. Приверженцы парадигмы политического реализма исходят из того, что при отсутствии верховной власти, правовых и моральных норм, способных на основе общего согласия эффективно регулировать взаимодействия основных акторов, предотвращать разрушительные для них и для мира в целом конфликты и войны, природа международных отношений не претерпела существенных изменений со времен Фукидида.

---

¹ Г. Моргентау. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: Хрестоматия / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2002. С. 73.

Поэтому следует оставить все надежды на реформирование данной сферы, на построение международного порядка, основанного на правовых нормах, коллективной безопасности и решающей роли наднациональных организаций. *Никто, кроме самого государства (в лице его политического руководства), не заинтересован в его безопасности, укрепление которой, следовательно, и усиление государства, его власти как способности оказывать влияние на другие государства, остается главным элементом его национальных интересов.*

В рамках указанной парадигмы это означает, что главным содержанием рациональной теории, исследующей международные отношения, остается изучение межгосударственных конфликтов и войн, а ее центральной проблемой – проблема безопасности. При этом безопасность рассматривается, прежде всего, в ее военно-силовом и государственно-центристском виде. В этом случае внимание концентрируется на «дилемме безопасности», в соответствии с которой чем большей безопасности добивается для себя одно государство (или один союз государств), тем в меньшей безопасности оказывается другое государство (или союз).

Несколько забегаая вперед, заметим, что если первая позиция реалистов относительно анархической природы международных отношений разделяется практически всеми направлениями международно-политической науки, то этого нельзя сказать о второй позиции. Так, даже для близкой к политическому реализму «английской школы» теории международных отношений наиболее характерным всегда был анализ международной среды как относительно целостного «общества», в котором господствуют единые нормы поведения его членов-государств.

В своей наиболее известной работе «Анархическое общество» Х. Булл озвучивает идеи, близкие, с одной стороны, политическому реализму, а с другой, – получившему распространение в 90-е гг. так называемому конструктивистскому направлению в науке о международных отношениях. При этом речь не идет об экстраполяции государственной модели. Международное «общество», с позиций сторонников «английской школы», предстает как хотя и единый, но далеко не однородный социум, поэтому теория международного «общества» не противоречит представлениям об анархичности международных отношений (хотя о степени этой анархичности ведутся интенсивные дискуссии). Следует также отметить, что она стимулирует исследование природы этих отношений.

Реализм не только подверг политический идеализм сокрушительной критике, указав, в частности, на то обстоятельство, что идеалистические иллюзии государственных деятелей в немалой степени способствовали развязыванию Второй мировой войны, но и предложил достаточно стройную теорию. Его наиболее известные представители – Р. Нибур, Ф. Шуман, Дж. Кеннан, Дж. Шварценбергер, К. Томпсон, Г. Киссинджер, Э. Карр, А. Уолферс и др. – надолго определили пути науки о международных отношениях. Бесспорными лидерами этого направления стали Г. Моргентау и Р. Арон, но пальма первенства все же принадлежит Г. Моргентау.

Работа Г. Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть», первое издание которой увидело свет в 1948 г., стала своего рода «библи-

ей» для многих поколений студентов-политологов как в самих США, так и в других странах Запада. С точки зрения Г. Моргентау международные отношения представляют собой арену острого противоборства государств. В основе всей международной деятельности последних лежит их стремление к увеличению своей власти, или силы (power) и уменьшению власти других. При этом термин «власть» понимается в самом широком смысле: как военная и экономическая мощь государства, гарантия его наибольшей безопасности и процветания, славы и престижа, возможности для распространения его идеологических установок и духовных ценностей. Два основных пути, на которых государство обеспечивает себе власть, и одновременно два взаимодополняющих аспекта его внешней политики – это военная стратегия и дипломатия.

Первая из них трактуется в духе Клаузевица: как продолжение политики насильственными средствами. Дипломатия же, напротив, есть мирная борьба за власть. В современную эпоху, как считает Г. Моргентау, государства выражают свою потребность во власти в терминах «национального интереса». Результатом стремления каждого из государств к максимальному удовлетворению своих национальных интересов является установление на мировой арене определенного равновесия (баланса) власти (силы). И это – единственный способ обеспечить и сохранить мир, поскольку состояние мира и есть состояние равновесия сил между государствами¹.

Согласно Моргентау, два фактора способны удерживать стремления государств к власти в определенных рамках – это международное право и мораль. Однако слишком доверяться им в стремлении обеспечить мир между государствами – означало бы впасть в непростительные иллюзии идеалистической школы. Проблема войны и мира не имеет никаких шансов на решение при помощи механизмов коллективной безопасности или посредством ООН. Утопичны и проекты гармонизации национальных интересов путем создания мирового сообщества или же мирового государства. Единственный путь, позволяющий надеяться избежать мировой ядерной войны, – обновление дипломатии.

В своей концепции Г. Моргентау исходит из шести принципов политического реализма, которые он обосновывает уже в самом начале своей книги. В кратком изложении они выглядят следующим образом.

1. Политика, как и общество в целом, управляется объективными законами, корни которых находятся в вечной и неизменной человеческой природе. Поэтому существует возможность создания рациональной теории, которая в состоянии отражать эти законы – хотя бы лишь относительно и частично. Такая теория позволит отделять объективную истину в международной политике от субъективных суждений о ней.

2. Главный показатель политического реализма – «понятие интереса, выраженного в терминах власти». Оно обеспечивает связь между разумом, стремящимся понять международную политику, и фактами, подлежащими познанию. Оно позволяет понять политику как самостоятельную сферу человеческой жизне-

---

¹ См. подробно: Цыганков П.А. Международные отношения. М.: Новая школа, 1996. С. 23.

деятельности, не сводимую к этической, эстетической, экономической или религиозной сферам. Тем самым указанное понятие позволяет избежать двух ошибок. *Во-первых*, суждения об интересе политического деятеля на основе мотивов, а не на основе его поведения. И, *во-вторых*, выведения интереса политического деятеля из его идеологических или моральных предпочтений, а не из его «официальных обязанностей».

Политический реализм включает не только теоретический, но и нормативный элемент: он настаивает на необходимости рациональной политики. Рациональная политика – это правильная политика, ибо она минимизирует риски и максимизирует выгоды. В то же время рациональность политики зависит и от ее моральных и практических целей.

3. Содержание понятия «интерес, выраженный в терминах власти» не является неизменным. Оно зависит от того политического и культурного контекста, в котором происходит формирование международной политики государства. Это относится и к понятиям «сила» (power) и «политическое равновесие», а также к такому исходному понятию, обозначающему главное действующее лицо международной политики, как «государство-нация».

Политический реализм отличается от всех других теоретических школ, прежде всего, в коренном вопросе о том, как изменить современный мир. Он убежден в том, что такое изменение может быть осуществлено только при помощи умелого использования объективных законов, которые действовали в прошлом, и будут действовать в будущем, а не путем подчинения политической реальности некоему абстрактному идеалу, который отказывается признавать такие законы.

4. Политический реализм признает моральное значение политического действия. Но одновременно он осознает и существование неизбежного противоречия между моральным императивом и требованиями успешного политического действия. Главные моральные требования не могут быть применены к деятельности государства как абстрактные и универсальные нормы. Они должны рассматриваться в конкретных обстоятельствах места и времени. Государство не может сказать: «Пусть мир погибнет, но справедливость должна восторжествовать!». Оно не может позволить себе самоубийство. Поэтому высшая моральная добродетель в международной политике – это умеренность и осторожность¹.

5. Политический реализм отказывается отождествлять моральные стремления какой-либо нации с универсальными моральными нормами. Одно дело – знать, что нации подчиняются моральному закону в своей политике, и совсем другое – претендовать на знание того, что хорошо и что плохо в международных отношениях.

6. Теория политического реализма исходит из плюралистической концепции природы человека. Реальный человек – это и «экономический человек», и «моральный человек», и «религиозный человек» и т. д. Только «политический человек» подобен животному, ибо у него нет «моральных тормозов». Только «моральный человек» – глупец, т. к. он лишен осторожности. Только «религиозным человеком» может быть лишь святой, поскольку у него нет земных желаний.

---

¹ См. об этом: Цыганков П.А. Международные отношения. М.: Новая школа, 1996. С. 24.

Признавая это, политический реализм отстаивает относительную автономность указанных аспектов и настаивает на том, что познание каждого из них требует абстрагирования от других и происходит в собственных терминах.

Как мы увидим из дальнейшего изложения, не все из вышеприведенных принципов, сформулированных основателем теории политического реализма Г. Моргентау, безоговорочно разделяются другими приверженцами – и тем более противниками – данного направления. В то же время его концептуальная стройность, стремление опираться на объективные законы общественного развития, стремление к беспристрастному и строгому анализу международной действительности, отличающейся от абстрактных идеалов и основанных на них бесплодных и опасных иллюзий, – все это способствовало усилению влияния и повышению авторитета политического реализма, как в академической среде, так и в кругах государственных деятелей различных стран.

Итак, одна из характеристик политического реализма – это государственно-центристская модель международных отношений, основанная на том, что главными и единственными акторами на международной арене являются государства. Данная модель представляется объективной и объясняется исторически. Изначально международная политика была в сущности межгосударственной. Основными акторами были государства, поскольку они обладали способностью и моральным правом использовать эффективные инструменты принуждения, включая военные средства. Кроме того, они могли опираться на ресурсы своих экономик и на лояльность своих граждан. Хотя все государства были юридически суверенными, в реальности они обладали разными возможностями, следовательно, имели разную степень влияния на международную среду. «Государства действовали в иерархической системе, в которой доминировали отношения между великими державами. Система действовала «сверху вниз», и малые державы могли пользоваться свободой действий только в той степени, в какой это позволяли им сверхдержавы»¹.

Один из ведущих представителей политического реализма А. Уолферс рассматривал государство в виде бильярдного шара, хорошо интегрированного изнутри и с жестким покрытием снаружи. Международные отношения уподоблялись отношениям этих метафорических бильярдных шаров, сталкивающихся друг с другом на бильярдном столе. Большие шары могут продвигать маленькие в выгодном им направлении, а союзничество малых может сокращать траекторию движения больших. При этом общим механизмом поступательного движения выступала силовая политика².

Представители политического реализма, а также и неореализма, утверждают, что объяснение социальных форм на основе психологических данных ошибочно, потому что групповые явления не сводятся только к особенностям поведения отдельных индивидов. Отсюда следует необходимость исследования социальных

---

¹ Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998. С. 227.

² Там же. С. 228.

факторов, но она не ограничивается лишь ссылками на формы правления или политические режимы: государства находятся в стратегической взаимозависимости, поэтому их политика объясняется не только их внутренними причинами, но также поведением и политикой других государств. Поэтому, если мы хотим понять, или прогнозировать такое поведение, мы должны учитывать особенности межгосударственной системы и специфику ее структуры.

Политический реализм скептически относится к возможностям правового регулирования международного общества или регулирования на основе нравственных ценностей, т. к. это общество не имеет верховной власти, и поэтому главная функция закона заключается в содействии установлению верховенства силы и иерархии, основанной на применении власти. И во множестве случаев международное право служит именно этим целям. Что касается международной морали, то ее главная функция состоит не в контроле своего собственного поведения, а в использовании ее в качестве силового оружия против потенциальных и реальных врагов.

Из вышесказанного можно выделить основные закономерности международных отношений в представлении политического реализма: а) государство – главный и единственный международный актор; б) внешняя политика государств обусловлена национальными интересами; в) сила (прежде всего военная) – главный инструмент достижения целей; г) великие державы играют решающую роль в мировой политике; д) баланс сил – средство поддержания международной стабильности и главный регулятор международного порядка.

Приверженцы парадигмы политического реализма считают, что при отсутствии верховной власти, правовых и моральных норм, способных на основе общего согласия эффективно регулировать взаимодействия основных акторов, предотвращать разрушительные для них и для мира в целом конфликты и войны, природа отношений между государствами не изменилась со времен Древней Греции. Сторонники этой парадигмы считают, что не следует надеяться на построение международного порядка, основанного на правовых нормах, коллективной безопасности и решающей роли наднациональных организаций.

Если первая позиция реалистов, касающаяся анархической природы международных отношений, разделяется практически всеми исследованиями специалистов, то этого нельзя сказать о второй позиции – позиции регулирования отношений между государствами.

Таким образом, общими для представителей политического реализма являются следующие ключевые положения, носящие характер своеобразных парадигм.

1. Главными участниками международных отношений являются суверенные государства. При этом государства рассматриваются как рационально действующие однородные политические организмы, унитарные образования, которые проводят единую политику в отношении других государств – участников международных отношений. Только государства, через представляющие их правительства, имеют легитимные основания и располагают необходимыми ресурсами для заключения договоров, объявления войн и других действий, составляющих суть

международной политики. Причем речь идет не обо всех государствах, а только о наиболее крупных, конфликтные или кооперативные отношения между которыми и составляют существо международной политики.

Как подчеркивал Г. Моргентау, «не все государства одинаково вовлечены в международную политику... отношение государства к международной политике является динамическим качеством. Оно изменяется вместе с изменением силы государства, которая может выдвинуть его на передний край в международной политике, а может лишить его возможности активно действовать на международной арене».

Вслед за Фукидидом реалисты считают, что сильные государства делают то, что они могут, а слабые – то, что им позволяют сильные. Любое состояние международных отношений зависит от взаимодействий между немногочисленными великими державами. Заключая друг с другом союзы и коалиции, вступая в войну или иного рода конфликты, великие державы могут приносить в жертву позиции и интересы малых стран. Политических реалистов не смущают несоответствия подобной позиции универсальным нравственным идеалам. По их мнению, только усилиями крупнейших и наиболее мощных участников международных отношений могут быть, сохранены (если великим державам удастся согласовать собственные интересы) или нарушены (если они не сумеют достичь согласия) международная стабильность и мировой порядок.

2. Специфика международных отношений состоит в том, что они носят анархичный характер. Каждый участник руководствуется в своих действиях прежде всего своими собственными интересами. «Национальные интересы» – главная категория теории политического реализма, основной побудительный мотив и ключевой стимул политики государства на международной арене. В международных отношениях отсутствует верховная власть, которая обладала бы монополией на легитимное насилие. Поэтому основным принципом поведения государств на мировой арене является принцип «помоги себе сам».

3. Действующее в анархической среде на основе собственных интересов государство неизбежно сталкивается с тем, что его интересы вступают в противоречия с интересами других государств-участников международных отношений. Отсюда следует, что главным международным процессом, достойным внимания теории политического реализма, является межгосударственный конфликт и крайняя форма его проявления – война.

Специфика международных отношений, по утверждению Р. Арона, состоит в том, что они «развертываются в тени войны». Реалисты признают, что конфликты не являются единственным видом международных процессов, однако подчеркивают вторичную роль сотрудничества по отношению к конфликтам. С их точки зрения, первостепенным видом международного сотрудничества остаются военные и военно-политические союзы и альянсы, заключаемые государствами в целях совместной обороны. Что же касается состояния мира между государствами, то оно в известном смысле является идеальным, ибо всегда, даже когда удастся добиться длительной стабилизации международных отношений, имеет временный характер.

4. Анархический характер международных отношений предполагает, что они полны опасностей и угроз для государственных интересов. Вот почему основная цель государства в международной политике – обеспечение собственной безопасности. Естественно, великие державы обладают для этого большими ресурсами, чем все остальные. Однако и они никогда не могут чувствовать себя в безопасности и постоянно стремятся к наращиванию собственных ресурсов и совершенствованию их качества.

Подобное наращивание является причиной существования в международных отношениях неразрешимой «дилеммы безопасности», выражающейся в том, что чем большей безопасности добивается для себя одна из великих держав, тем меньше ее у других. Тем самым международные отношения уподобляются игре с нулевой суммой, в которой выигрыш одной стороны означает прямо пропорциональный проигрыш другой.

При этом важнейшим совокупным ресурсом государства выступает власть, которая понимается в самом широком смысле: как военная и экономическая мощь государства, гарантия его наибольшей безопасности и процветания, славы и престижа, возможности для распространения его идеологических установок и духовных ценностей. Но главным признаком власти является способность контролировать поведение других участников международных отношений.

В этой связи Г. Моргентау прямо указывает на то, что «международная политика, как и политика в целом, является борьбой за власть», которая всегда остается непосредственной целью. В то же время власть – это не только цель государства, участвующего в международной политике, но и одно из важнейших средств. Каковы бы ни были материальные цели внешней политики, например, приобретение источников сырья, контроль за морскими трассами или территориальные изменения, они всегда подразумевают контроль за поведением других посредством воздействия на их волю. Власть государства неотделима от его силы, выступающей одним из решающих средств обеспечения национальной безопасности на международной арене.

Основная проблема порядка в общественной жизни в теории политического реализма заключается в регулировании физического насилия. В чем заключается сущность технологии насилия, кто контролирует его, как оно влияет на изменения остальных общественных отношений? Нельзя сказать, что остальные отношения в обществе могут быть сведены к структуре насилия в обществе. Нельзя также сказать и то, что структура насилия – самая серьезная забота общества; эта структура может и не создавать каких-либо проблем, а реальные трудности могут лежать в сфере окружающей среды, экономики, прав человека.

С уверенностью, можно сказать только то, что все остальные общественные отношения могут существовать в тех формах, в которых они существуют, и разные иные вопросы могут приобретать значимость только при условии их совместимости с «силами» и, особенно, «отношениями разрушения». Если люди нацелены на то, чтобы убить друг друга, то они не будут сотрудничать по вопросам торговли и прав человека.

Власть может существовать где угодно, формы ее могут быть различными в зависимости от важности, но основа – это власть организованного насилия. Наиболее важная проблема политики – как она распределяется и регулируется. Данный вопрос является также одним из аспектов в сфере МО¹.

Угроза физического насилия, по мнению Моргентау, является «органическим элементом политики... В международной политике военная сила, как угроза или потенциал, является важнейшим материальным фактором, обеспечивающим политическую мощь государства». Преодоление международной анархии невозможно путем кодификации универсальных нравственных норм и совершенствования международного права. В обществе, где власть не поддается обсуждению, – подчеркивал Г. Шварценбергер, – первостепенная функция права состоит в том, чтобы помогать в поддержании превосходства силы и иерархии, установленной на основе властных отношений. Государство обеспечивает себе власть с помощью военной стратегии и дипломатии.

6. Можно ли изменить природу международных отношений? Этот вопрос реалисты считают центральным при изучении международной политики. По мнению Моргентау, реалисты убеждены, что подобная трансформация может быть осуществлена только путем искусной манипуляции теми силами, которые влияют и будут влиять на политику... Однако, по его мнению, до тех пор, пока существуют государства, они будут оставаться главными участниками международной политики, функционирующей по своим неизменным законам. Иными словами, по общему мнению сторонников политического реализма, можно изменить конфигурацию политических сил, смягчить последствия международной анархии, установить более стабильные и более безопасные межгосударственные отношения, однако природу международных отношений изменить невозможно.

Правда, в биполярную эпоху МО представители школы «реалполитики» минимизировали влияние идеологического фактора и утверждали, что суть конфронтации заключается в борьбе за безопасность двух наиболее мощных военных блоков с полюсами в Москве и Вашингтоне. Они характеризовали «холодную войну» как «биполярное» военное противостояние «первого» и «второго» миров, в то время как «третий» мир развивающихся стран находился в состоянии большего или меньшего «неприсоединения» к первым двум.

Из подобной характеристики следует, что начало и ход «холодной войны» были предопределены главным образом неизбежностью столкновения двух самых мощных «шаров-наций», вокруг которых концентрировались «шары-спутники» на «бильярдном столе» международных отношений, а не конфронтацией между коммунизмом и капитализмом. Напротив, сторонники так называемой школы «демократического мира» видели в «холодной войне», в первую очередь, конфронтацию между системами буржуазной демократии и социалистического авторитаризма. Они предполагают, что, будь Россия на момент окончания Второй мировой войны буржуазной республикой, «холодная война» была бы столь же ма-

---

¹ Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998. С. 48.

ловоятной, как, скажем, сегодня военная конфронтация между США и Европейским союзом или Японией.

С окончанием «холодной войны» авторитет политического реализма был серьезно поколеблен. Некоторые из представителей неореализма даже стали называть себя «либеральными реалистами», или «утопическими реалистами», показывая тем самым готовность к определенному пересмотру ряда положений реалистической парадигмы, в том числе и положения об анархичности природы международных отношений.

Так, Б. Бузан, не подвергая сомнению реалистический тезис о радикальном отличии политических взаимодействий в рамках государства и на международной арене, в то же время считает, что в целом природа международных отношений меняется в сторону «зрелой анархии», в рамках которой западные либерально-демократические государства способны играть роль гаранта международной безопасности, а достижения прогресса становятся доступными для всех, в том числе слабых государств и рядовых индивидов.

Однако критики указывают, что если, западные демократии не имеют никакого желания сражаться друг с другом, этот факт, возможно, отчасти подтверждает тезис о «зрелой анархии». Но это не относится к отношениям между ними и остальным миром. Они подчеркивают отсутствие каких-либо гарантий того, что богатые и сильные демократические державы станут помогать более слабым государствам в других регионах, когда возникнет угроза их безопасности.

В этих условиях либерально-идеалистическая парадигма международно-политической науки, как бы забытая в период биполярного противостояния, вновь привлекает внимание, приобретает самые различные формы. Многие ее сторонники соглашались с тем, что, поскольку в международном обществе до сих пор отсутствует принудительная сила, постольку международная система и сегодня остается анархичной с точки зрения отношений господства и подчинения.

Однако, как считает А. Вендт, первичность идей и возможность достижения баланса интересов означают, что анархия является следствием политики самих государств. Более того, анархичность международных отношений уже не может рассматриваться как то, что коренным образом отличает их от внутриобщественных отношений.

Так, по мнению Й. Фергюсона, несмотря на утверждения неореалистов о господстве анархии в сфере международных отношений, гораздо более правдоподобным является иное. С беззаконием и насилием, утверждает он, чаще всего сталкиваются в городских трущобах, в действиях организованной преступности, в этнических конфликтах, в беспорядочном терроризме и в гражданских войнах. В странах, подобных Перу и Колумбии, в целых провинциях фактически действуют не государственные законы, а законы преступного мира. И наоборот, межгосударственные войны – сегодня редкий случай, и многие сферы транснациональных отношений являются мирными и предсказуемыми. Формальные и неформальные правила игры ограничивают степень анархии в различных зонах риска, результатом чего является значительная регулярность и, как правило, преобладание отношений делового сотрудничества.

Драма международных отношений, подчеркивает С. Хоффманн, состоит в том, что и сегодня не существует никакой общепринятой замены макиавеллевскому пониманию морального долга государственного деятеля. Более того, макиавеллевская мораль обладает вполне определенной притягательной силой. Она отнюдь не представляет собой некий «закон джунглей» и не является полной противоположностью христианской или демократической морали.

«Скорее, речь идет о том, – как подтверждает А. Уолферс, – ее называют «этикой, не претендующей на чрезмерное совершенство», нравственностью, руководствующейся принципом «мы против них», которая требует от человека не следовать абсолютным этическим правилам..., а выбирать наилучшее из того, что позволяют обстоятельства, то есть выбирать то, что допускает возможность как можно меньше жертвовать ценностями».

Популярность такого понимания объясняется и непривлекательностью высокомерных претензий того или иного государственного деятеля на следование принципам христианской или демократической морали, и вызываемой скрытой неудовлетворенностью различных слоев слишком мягкой, расплывчатой, неконкурентоспособной внешней политикой. Кроме того, подчеркивая существование ограниченности морального выбора в сфере международных отношений, указанное понимание позволяет раскрыть не только теоретические недостатки политического идеализма, но и опасность, которую может представлять воплощение его принципов в практику межгосударственного взаимодействия.

Абсолютизация роли силы и недооценка значения других факторов, например таких, как духовные ценности, социокультурные реальности и т. п., значительно обедняет анализ международных отношений, снижает степень его достоверности. Это тем более верно, что содержание таких ключевых для теории политического реализма понятий, как «сила» и «национальный интерес», остается в ней достаточно расплывчатым, что дает повод для дискуссий и многозначного толкования. Наконец, в своем стремлении опираться на вечные и неизменные объективные законы международного взаимодействия политический реализм стал, по сути дела, заложником собственного подхода.

Им не были учтены весьма важные тенденции и уже произошедшие изменения, которые все в большей степени определяют характер современных международных отношений от тех, которые господствовали на международной арене вплоть до начала XX в. Одновременно было упущено еще одно обстоятельство: то, что указанные изменения требуют применения, наряду с традиционными, и новых методов и средств научного анализа международных отношений.

Все это вызвало критику политического реализма со стороны приверженцев иных подходов, и, прежде всего, со стороны представителей так называемого модернистского направления и многообразных теорий взаимозависимости и интеграции. Не будет преувеличением сказать, что эта полемика, фактически сопровождавшая теорию политического реализма с ее первых шагов, способствовала все большему осознанию необходимости дополнить политический анализ международных реалий социологическим.

Представители «модернизма», или «научного» направления в анализе международных отношений, чаще всего не затрагивая исходные постулаты политического реализма, подвергали резкой критике его приверженность традиционным методам, основанным, главным образом, на интуиции и теоретической интерпретации. Poleмика между «модернистами» и «традиционалистами» достигает особого накала, начиная с 60-х гг. прошлого столетия, получив в научной литературе название «нового большого спора».

Источником этого спора стало настойчивое стремление ряда исследователей нового поколения (К. Райт, М. Каплан, К. Дойч, Д. Сингер, К. Холсти, Э. Хаас и др.) преодолеть недостатки классического подхода и придать изучению международных отношений подлинно научный статус. Отсюда повышенное внимание к использованию средств математики, формализации, к моделированию, сбору и обработке данных, к эмпирической верификации результатов, а также других исследовательских процедур, заимствованных из точных дисциплин и противопоставляемых традиционным методам, основанным на интуиции исследователя, суждениях по аналогии и т. п. Такой подход, возникший в США, коснулся исследований не только международных отношений, но и других сфер социальной действительности, явившись выражением проникновения в общественные науки более широкой тенденции позитивизма, возникшей на европейской почве еще в XIX в.

Действительно, еще Сен-Симон и О. Конт предприняли попытку применить к изучению социальных феноменов строгие научные методы. Наличие солидной эмпирической традиции, методик, уже апробированных в таких дисциплинах, как социология или психология, соответствующей технической базы, представившей исследователям новые средства анализа, побудило американских ученых, начиная с К. Райта, к стремлению использовать весь этот багаж при изучении международных отношений. Подобное стремление сопровождалось отказом от априорных суждений относительно влияния тех или иных факторов на характер международных отношений, отрицанием как любых «метафизических предрассудков», так и выводов, основывающихся, подобно марксизму, на детерминистских гипотезах. Однако, как подчеркивает М. Мерль, такой подход не означает, что можно обойтись без глобальной объяснительной гипотезы.

Однако, став реакцией на недостатки традиционных методов изучения международных отношений, применяемых в теории политического реализма, такая новая парадигма, как, например, модернистская, не стала сколь-либо однородным течением – ни в теоретическом, ни в методологическом плане. Общим для нее является, главным образом, приверженность междисциплинарному подходу, стремление к применению строгих научных методов и процедур, к увеличению числа поддающихся проверке эмпирических данных. Ее недостатки состоят в фактическом отрицании специфики международных отношений, фрагментарности конкретных исследовательских объектов, обуславливающей фактическое отсутствие целостной картины международных отношений, в неспособности избежать субъективизма. Тем не менее многие исследования приверженцев модернистского направления оказались весьма плодотворными, обогатив науку не только

новыми методиками, но и весьма значительными выводами, сделанными на их основе. Важно отметить и то обстоятельство, что они открыли перспективу микросоциологической парадигмы в изучении международных отношений.

Если полемика между приверженцами модернизма и политического реализма касалась, главным образом, методов исследования международных отношений, то представители транснационализма (Р.О. Кохейн, Дж. Най), теорий интеграции (Дж. Митрани) и взаимозависимости (Э. Хаас, Д. Моурс) подвергли критике сами концептуальные основы классической школы. В центре нового «большого спора», разгоревшегося в конце 60-х – начале 70-х гг., оказалась роль государства как участника международных отношений, значение национального интереса и силы для понимания сути происходящего на мировой арене.

Представителей неомарксизма (П. Баран, П. Суизи, С. Амин, А. Имманюэль, И. Валлерстайн и др.) – течения столь же неоднородного, как и транснационализм, также объединяет идея о целостности мирового сообщества и определенная утопичность в оценке его будущего. Вместе с тем исходным пунктом и основой их концептуальных построений выступает мысль о несимметричности взаимозависимости современного мира и более того – о реальной зависимости экономически слаборазвитых стран от индустриальных государств, об эксплуатации и ограблении первых последними. Основываясь на некоторых тезисах классического марксизма, неомарксисты представляют пространство международных отношений в виде глобальной империи, периферия которой остается под гнетом центра и после обретения ранее колониальными странами своей политической независимости. Это проявляется в неравенстве экономических обменов и неравномерном развитии.

Так, «центр», в рамках которого осуществляется около 80 % всех мировых экономических сделок, зависит в своем развитии от сырья и ресурсов «периферии». В свою очередь, страны «периферии» являются потребителями промышленной и иной продукции, производимой вне их. Тем самым они попадают в зависимость «центра», становясь жертвами неравного экономического обмена, колебаний мировых цен на сырье и экономической помощи со стороны развитых государств. Поэтому, в конечном итоге, «экономический рост», основанный на интеграции в мировой рынок, есть «развитие слаборазвитости».

В 70-е гг. XX в. подобный подход к рассмотрению международных отношений стал для стран «третьего мира» основой идеи о необходимости установления нового мирового экономического порядка. Под давлением этих стран, составляющих большинство стран-членов Организации Объединенных Наций, Генеральная Ассамблея ООН в апреле 1974 г. приняла соответствующую декларацию и программу действий, а в декабре того же года – Хартию об экономических правах и обязанностях государств.

В неореалистском понимании международных отношений, в отличие от традиционного реализма, основные идеи которого сформулировал в конце 70-х гг. К. Уолтц, акценты несколько смещены. Отстаивая структурное понимание силы, неореализм не сводит ее к военному компоненту, а включает в нее также эконо-

мическую, информационно-коммуникативную, научную, финансовую и производственную составляющие. В нем нашли место новые для этой парадигмы положения, например о взаимозависимости, о внетерриториальной сущности нового, гораздо более эффективного, чем прежний, типа власти – власти над идеями, кредитами, технологиями, рынками и др. Однако суть реалистического подхода с характерным для него пониманием мировой политики как бескомпромиссной борьбы государств за власть и влияние остается прежней.

Термин «неореализм» отражает стремление ряда американских ученых (К. Уолтц, Р. Гилпин, Дж. Грейко и др.) к сохранению преимуществ классической традиции и одновременно – к обогащению ее, с учетом новых международных реалий и достижений других теоретических течений. Показательно, что один из наиболее давних сторонников транснационализма, Р. Кохейн, в 80-е гг. XX в. приходит к выводу о том, что центральные понятия политического реализма – «сила», «национальный интерес», «рациональное поведение» и др. – остаются важным средством и условием плодотворного анализа международных отношений. С другой стороны, К. Уолтц говорит о потребности обогащения реалистического подхода за счет той научной строгости данных и эмпирической верифицируемости выводов, необходимость которой сторонниками традиционного взгляда, как правило, отвергалась.

Возникновение школы неореализма в международных отношениях связывают с публикацией книги К. Уолтца «Теория международной политики», первое издание которой увидело свет в 1979 г. Отстаивая основные положения политического реализма («естественное состояние» международных отношений, рациональность в действиях основных акторов, национальный интерес как их основной мотив, стремление к обладанию силой), ее автор в то же время подвергает своих предшественников критике за провал попыток в создании теории международной политики как автономной дисциплины. Г. Моргентау он критикует за отождествление внешней политики с международной политикой, а Р. Арона – за его скептицизм в вопросе о возможности создания в сфере международных отношений самостоятельной теории.

Настаивая на том, что любая теория международных отношений должна основываться не на частностях, а на целостности мира, принимать за свой отправной пункт существование глобальной системы, а не государств, которые являются ее элементами, К. Уолтц делает определенный шаг к сближению и с транснационалистами.

Неореалисты, учитывая критику реализма за присущие недостатки в методологии и методах исследования, в поисках методологической строгости приходят к выводу о необходимости системного подхода. Определяющая роль при этом отдается понятию структуры, которая рассматривается как распределение возможностей (принуждений и ограничений), которые система вменяет своим элементам-государствам, а также как функциональная дифференциация и недифференциация субъектов¹.

При этом системный характер международных отношений обусловлен, по мнению К. Уолтца, не взаимодействующими здесь акторами, не присущими им

---

¹ Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2000. С. 25.

основными особенностями (связанными с географическим положением, демографическим потенциалом, социокультурной спецификой и т. п.), а свойствами структуры международной системы. В этой связи неореализм нередко квалифицируют как структурный реализм или просто структурализм. Являясь следствием взаимодействий международных акторов, структура международной системы в то же время не сводится к простой сумме таких взаимодействий, а представляет собой самостоятельный феномен, способный навязать государствам те или иные ограничения, или же, напротив, предложить им благоприятные возможности на мировой арене.

Следует подчеркнуть, что согласно концепции неореализма структурные свойства международной системы фактически не зависят от каких-либо усилий малых и средних государств, являясь результатом взаимодействий между великими державами. Это означает, что именно им и свойственно «естественное состояние» международных отношений. Что же касается взаимодействий между великими державами и другими государствами, то они уже не могут быть охарактеризованы как анархические, ибо приобретают иные формы, которые чаще всего зависят от воли великих держав.

При этом системный характер международных отношений обусловлен, по мнению К. Уолтца, не взаимодействующими акторами-государствами, проистекает не из присущих государствам особенности определяемых географическим положением, демографическим потенциалом, социокультурной спецификой и т. п., а из свойств структуры международной системы. Будучи следствием взаимодействий международных акторов, структура международной системы не сводится к просто их сумме, а представляет собой самостоятельный феномен, способный навязать государствам те или иные ограничения, или, напротив, предоставить им благоприятные возможности на мировой арене. Главное же состоит в том, что именно структурными особенностями международной системы объясняются несовпадения целей и результатов во внешнеполитической деятельности государств.

Возможно, что самой поразительной чертой неореалистического структурализма является его аналогия с неоклассической микроэкономической теорией. Государства схожи с фирмами, а международная система – с рыночной, внутри которой происходит конкуренция между государствами. С точки зрения структурного подхода это странно, так как микроэкономика индивидуалистична, холизм большинства структуралистов (таких, как Дюркгейм, к которому К. Уолтц тоже обращается) ей довольно несвойствен. В то же время, доказывая, что «международные политические системы, подобно экономическим рынкам, обладают индивидуальностью вследствие своего возникновения, спонтанного развития и непредсказуемости», К. Уолтц делает акцент и на эффектах обратной связи международной структуры по отношению к агентам в лице государств.

Конкуренция уничтожает государства, которые действуют с низким КПД, а международная система подготавливает оставшиеся государства к тому, чтобы они вели себя определенным образом. Так, тезис холистов о «верхах и низах» в

контексте агентов и структур, похоже, получил детальное развитие в работе Уолтца, именно, в том месте, где он затрагивает изобретение индивидуалистов в вопросе о «дне и вершине». Тем не менее его взгляды на «верхи и низы» значительно слабее, чем надо, в связи с микроэкономическим аналогом. Экономистам не интересен вопрос создания акторов, а ведь он является одной из самых важных проблем, которые может объяснить структура. Причем, подобная незаинтересованность в значительной степени отражена и в неореализме.

Микроэкономический подход к структуре не дает ответа на вопрос, из чего она создана. Ряд экономистов считают, что рынок – это институт, созданный общими идеями; другие принимают во внимание только материальную силу и интерес. Таким образом, второй чертой неореалистского структурализма является его материализм: структура международной системы определяется как распределение материальных возможностей в условиях анархии. Разновидности атрибутов отношений, которые могли бы определить «общественную» структуру (в качестве моделей дружелюбности или враждебности), исключены из определения самым тщательным образом.

Изменение международной структуры определяется исключительно материальными различиями в полярности (ряда основных сил), а структурные изменения – исключительно переходом от одной полярности к другой. И, наконец, тот факт, что К. Уолтц писал свою работу в то время, когда автономия системного подхода не была общепризнанной, обусловил его озабоченность поддержанием четкого различия между анализом на системном и частном уровнях. Поэтому он вводит для системного уровня два существенных ограничения.

Он считает, что задачей исследования данного уровня должно быть объяснение только международной, а не внешней политики, т.е. объединение факторов принуждения и тенденций системы, а не действий отдельных государств. Например, гипотеза К. Уолтца о логике международной системы состоит в том, что государства стремятся уравновесить мощь друг друга. В некоторых случаях в этот процесс могут вмешаться и люди, ответственные за принятие решений в области внешней политики, но чаще все происходит без их участия, и именно подобную, более многогранную ситуацию призвана объяснить системная теория. Второе ограничение вытекает из первого: изучение взаимодействия между государствами, которое иногда именуют «процессом», рассматривается как компетенция частного уровня, а не системной теории.

В качестве объекта теории взаимодействия избираются конкретные действия, которые зависят от особенностей, свойственных частному уровню. Например, теория игр объясняет поведение акторов на языке их соединяющихся предпочтений и стратегий. У Уолтца, несмотря на рыночную аналогию в его работах, на эту теорию, как таковую, времени не остается. Это привело к тому, что международное взаимодействие было предано теоретическому забвению: переданное неореалистами в «чистилище» теории частного уровня, у студентов, изучающих внешнюю политику, оно вызывает столь же малый интерес, поскольку не обладает явным «системным» измерением. Позднее ясность в этот вопрос была внесена Бузаном,

Джонсом и Литтлом, которые относятся к взаимодействию как к очевидному уровню анализа, расположенному между частным и системным уровнями.

Индивидуализм, материализм и отрицание взаимодействия составляют ядро неореалистического структурализма, и в глазах многих «структурная» теория международной политики должна выглядеть именно таким образом. В течение многих лет структурализм подвергался существенной критике, часть которой отражала желание, чтобы системная теория МО делала то, что она в принципе сделать не может. Другая же часть касалась неореалистской версии системной теории.

Представители первого направления считают, что неореализм не способен объяснить структурные изменения. Неореализм признает возможность структурных изменений – переходов от одного распределения власти к другому, хотя он и не пытается объяснить их, т. к. это затрагивает изменения на частном уровне. Однако вид структурных изменений, подразумеваемый критиками, является в большей степени социальным, чем материальным: переход от феодализма к суверенным государствам, окончание «холодной войны», установление мира между демократическими государствами. Неореалисты не считают подобные изменения «структурными», поскольку они не изменяют полярность и не преодолевают анархию. Неореалисты, возможно, и признавали значимость внешней политики, но внимания этим вопросам они уделяли немного, а если и уделяли, то их доводы были следующей формы: «plus and change...».

Второе направление критики неореализма сводилось к тому, что последний неспособен выдвигать фальсифицируемые гипотезы. В сущности любое поведение во внешнеэкономической области может, например, быть истолковано как проявление баланса сил. Неореалисты могли бы поспорить, что еще во времена «холодной войны» конфронтационная политика была доказательством уравнивания Западом со стороны СССР. После этого на смену конфронтации пришла примиренческая политика. Точно так же как в былые времена, военный фактор играл роль балансира, теперь на сцену вышли экономические средства. С учетом потенциальной гибкости не ясно, что можно было бы считать доказательством против гипотезы о балансе сил. Возможно, поведение стороны, одержавшей победу в противостоянии двух систем, в условиях окончания «холодной войны»; но по данному пункту неореалисты отвели себе продолжительные временные рамки.

Например, К. Лэйн утверждает, что у ФРГ и Японии может уйти полвека на то, чтобы приспособиться к развалу СССР и сбалансировать США в военном аспекте. По общему признанию неореализм не создан для объяснения внешней политики, а если какая – либо политика, не ставящая своей целью государственный крах, и совместима с уравниванием, то непонятно, в каком смысле она является научной гипотезой.

Наконец, с позиций третьего направления, сомнительно, что неореализм адекватно объясняет даже то «небольшое количество важных вещей», которое он считает своей заслугой. В этом контексте речь идет о силовой политике и балансе сил, т. е. о тех тенденциях, которые, как считает Уолтц, объясняются условием только анархии. В своей работе «Анархия – это то, что из нее делают государства»

А. Вендт утверждал, что необходимые разъяснения дает именно предположение, что анархия – система, помогающая сама себе (что вытекает не только из анархии, но и из эгоизма государств по вопросам собственной безопасности).

Государства могут быть, а могут и не быть эгоистичными, и эти колебания способны видоизменить «политику» анархии. Эгоизм Гоббса по принципу «спасайся, кто может» обладает динамикой, отличной от анархии по Локку, базирующейся на эгоизме «статус-кво»; а она, в свою очередь, отличается от анархии Канта, существующей на основе интересов коллективной безопасности, что уже ни в каком смысле не является системой «помоги себе сам». Это наводит на мысль о том, что даже в тех случаях, когда характер международной системы соответствует положениям неореалистов, то это происходит отнюдь не по причинам, которые ими выделяются.

Эти и другие проблемы внесли свой вклад в широко распространившееся состояние кризиса в области проекта третьего уровня. Почти никто из исследователей сегодня не относит себя к неореалистам, и ни у кого нет готовой альтернативной системной теории. Используя серьезные упрощения, можно выделить два вида реакции исследователей МО на сложившуюся ситуацию. Одни отошли от государств и их систем в сторону и вместо этого сфокусировались на новых единицах анализа (негосударственные акторы) и уровнях анализа (индивиды или внутренняя политика).

Это породило ряд очень интересных работ в недавних исследованиях МО, которые, правда, не имеют к системному подходу никакого отношения. Негосударственные акторы могут быть очень важны, но это не означает, что нам больше не требуется теория о системах государств. Аналогично, индивиды и внутренняя политика могут быть значимыми причинами внешней политики, но игнорирование системных структур означает, что государства оторваны от реальности, а это, обычно, неверно, то есть первый вид реакции меняет субъекта, а не решает проблему.

Задаваясь вопросом о том, почему государства с разными политическими устройствами и идеологией ведут себя идентично в похожих международных ситуациях, К. Уолтц приходит к выводу о существовании корреляции между внешнеполитическим поведением государств и так называемой системной напряженностью. Таким образом, главное объяснение поведения государства во взаимодействии с другими государствами переносится на уровень международной структуры. Сама же структура определяется как набор принуждающих условий и ограничений.

Поэтому правильное понимание и, соответственно, прогнозирование международной политики (как и планирование внешнеполитической линии государства) зависят от точности определения совокупности указанных принуждений. К. Уолтц ограничивает такую совокупность тремя элементами: ведущий принцип (анархия международных отношений), распределение возможностей субъектов (соответствующее их силе) и функциональная дифференциация (различия между субъектами с точки зрения внутривнутриполитических режимов).

На этой основе делаются два принципиальных для неореализма заключения. *Во-первых*, поскольку ведущий принцип международной системы – ее анархичность – не меняется на протяжении тысячелетий, постольку в этом смысле нет оснований полагать, что она приобретет какой-то иной характер в будущем. *Во-вторых*, именно по этой причине все проекты реформирования международной системы, основанные на либерально-идеалистических основаниях, заранее обречены на провал.

Согласно неореализму структурные свойства международной системы фактически не зависят от каких-либо усилий малых и средних государств, являясь результатом взаимодействий между великими державами. Это означает, что именно им и свойственно «естественное состояние» международных отношений. Что же касается взаимодействия между великими державами и другими государствами, то они уже не могут быть охарактеризованы как однозначно анархические, ибо приобретают иные формы, которые зависят во многом от воли великих держав.

Таким образом, в заключение необходимо подчеркнуть, что политический реализм и неореализм считают следующие тенденции, имеющими характер закономерностей международных отношений: 1) государства остаются главными субъектами международных отношений и будут по-прежнему влиять на ход мировых событий, несмотря на увеличивающуюся роль, так называемых нетрадиционных акторов; 2) анархия во взаимодействии государств является неизбежной внутренней чертой международного пространства и преодолеть ее нереально; 3) «национальные интересы» будут доминировать во внешней политике государств во все времена.

Причины же востребованности неореалистической концепции, по мнению исследователей, сводятся к следующему. *Во-первых*, создается впечатление, что после окончания «холодной войны» положение в мире стало гораздо опаснее и что всякое явление, которое нельзя объяснить, представляет собой угрозу. Широко распространенными стали тревоги и сомнения, связанные с разрегулированием прежних механизмов функционирования международных отношений, разрушением ставшего привычным баланса сил, возникновением на мировой арене новых государств и негосударственных участников международного взаимодействия, всплеском многообразных и многочисленных конфликтов нового типа. Все эти явления высветили неэффективность ООН и других международных организаций при построении нового международного порядка, основанного на верховенстве универсальных ценностей и общих интересов государств, на правовом урегулировании конфликтов и создании системы коллективной безопасности.

Во-вторых, высказывается мнение, что теория политического реализма является инструментом мобилизации общественного мнения государства в пользу «своего» правительства, защищающего «национальные» интересы страны. Тем самым реализм помогает руководству страны не только обеспечивать поддержку своей власти со стороны общества, но и сохранять государственное единство перед лицом внутреннего сепаратизма.

В-третьих, политической элитой Запада и, прежде всего, Соединенных Штатов оказались востребованными основные положения теории политического ре-

ализма о международной политике как орудии борьбы за власть и силу, о государстве как главном и единственном действующем лице международной политики, о несовпадении национальных интересов государств и связанной с этим неизбежной конфликтогенности международной среды и др.

В США политический реализм позволяет трактовать международные отношения в соответствии с американскими представлениями о международном порядке как о совокупности совпадающих с национальными интересами Америки либеральных идеалов, которые она призвана продвигать, опираясь, если необходимо, на использование экономической или военной силы.

В других странах политические элиты привлекает то положение теории политического реализма, в соответствии с которым единственным полномочным и полноправным выразителем национального интереса государства на международной арене является его правительство, обладающее на основе суверенитета монопольным правом представлять внутреннее сообщество, заключать договоры, объявлять войны и т.п.

В-четвертых, в характере и содержании выступлений государственных и политических деятелей существенную роль играют представители военных ведомств и военно-промышленного комплекса, заинтересованные в практическом воплощении в международной политике принципов политического реализма. Представители же влиятельных социальных групп стремятся сохранить власть, статус или воздействовать на формирование рынка государственных идеологий. В период нестабильности международных отношений оказываются востребованными мотивы и рассуждения на тему возрастающих угроз как мировой системе в целом, так Западу и США в частности. В этом контексте широко используются «политреалистические» геополитические построения, многообразные сценарии грядущего миропорядка.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А.Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

Современные международные отношения / Под ред. Торкунова. М., 2001.

- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1.
- Фукуяма Ф.* Конец истории // Вопр. философии. 1990. № 3.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Цыганков П.А.* Международные отношения. М.: Новая школа, 1996.
- Russett B.* Gripping the Democratic Peace. Princeton: University Press, 1993.
- Ferguson, Y.H., Richard W.* Mansbach Politics: Authority, Identities, and Change. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 1996.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. N.-Y: The Free Press. 1992.
- Huntington, Samuel P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, N.-Y: Simon & Schuster. 1996.
- James N. Rosenau* Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World, Cambridge: Cambridge University, Press, 1997.
- Keohane R.* After Hegemony, Princeton: Princeton University Press, 1984.
- Mann M.* The Sources of Social Power, Vol 1: A History of Social Power from the Beginning to A.D. 1760. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Waltz K.N.* Theory of International Politics. N.-Y., 1979.
- Azon R.* Paix et Guerre entre les nations. Paris, 1984.

Тема 12. Либерализм и неолиберализм

1. Классический либерализм.
2. Неолиберализм (либерал-реформизм).
3. Неоклассический либерализм (либертариизм).

Проблема соотношения *государственного и личного начал* превратила в непримиримых теоретических оппонентов таких мыслителей, как Т. Гоббс (1588–1629 гг.) и Дж. Локк (1632–1704 гг.), поставив по разные стороны их теоретические позиции. Так, Гоббс полагает необходимым для граждан отказаться от части своих прав и вручить их государству, чтобы обеспечить мир и уйти от крайне опасной ситуации «войны всех против всех», в которой люди пребывают, находясь в естественном состоянии и стремясь преобладать над другими. Только обеспечение интересов мира и самозащиты каждого и всех дает гарантию реального воплощения «естественных» прав отдельной личности¹. Напротив, Локк считает потребным отмеривать государству минимум полномочий, чрезвычайно осторожно и скупно давая ему лишь те функции, без которых оно не может осуществлять свои задачи, сохраняя за индивидом «естественные» права, принадлежащие ему по природе, разуму и свидетельствующие о естественном состоянии как необходимом условии равенства, «при котором всякая власть и всякое право являются взаимными, никто не имеет больше другого», что само по себе исключает «состояние своеволия»².

Эти авторы решают принципиальный вопрос политической философии, владевший умами всех мыслящих людей с древности до настоящего времени, совершенно с разных точек зрения. Первый ратует за доминирующую роль государственного начала в общественной жизни, а второй, наоборот, выдвигает на передний план в качестве определяющего начала индивидуальную личность.

Европейским странам, строившим капитализм на всем протяжении Нового времени и, следовательно, внедрявшим в общественную жизнь частнособственные отношения и рыночные механизмы взаимодействия людей, более близкими по «духу и материи» оказались теоретические установки Локка. Идеи Локка получили дальнейшее развитие в политических и экономических концепциях Монтескье, Токвиля, Константа, Милля и многих других выдающихся мыслителей. Основой этих концепций была идея организации такой политической и экономической системы, в которой стержневая роль принадлежала автономной,

---

¹ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 96–98.

² Локк Д. Избр. филос. произв. М., 1960. Т. 11. С. 7.

защищенной от неумных посягательств государства свободной личности, обладающей уже в силу своего рождения и по природе рядом неотчуждаемых прав, прежде всего, правом на свободу и частную собственность. Их суть и содержание воплотились в формулировках Декларации прав человека и гражданина в эпоху Великой французской революции и в Декларации независимости США.

Минимальное проявление государства на общественной арене и предоставление максимальных возможностей свободного действия индивидуальной личности – основное требование либерально-демократических теорий, развивавшихся на европейской и американской почве в XIX в. Реализованное в практике западного капитализма требование о предоставлении доминантной роли в обществе самоорганизующейся индивидуальности породило целую эпоху «laissez-faire». Государство в этот период берет на себя роль лишь своеобразного «ночного сторожа», озабоченного поддержанием порядка и безопасности граждан, а также устанавливающего общие рамки свободной конкуренции между отдельными товаропроизводителями.

И только катастрофическое положение, сложившееся в ходе мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., в США получившего название «Великой депрессии», привело к осознанию необходимости активной регулирующей роли государства. С того времени идея о правомерности вмешательства государственной власти в общественно-экономическую жизнь с целью разумного (лишь в определенных пределах) регулирования становится органичной частью системы теоретических положений так называемого нового либерализма. В отличие от традиционного либерализма, исповедовавшего принципы индивидуальной свободы, а также ничем не ограниченной игры рыночных сил и частнособственнических отношений, правила которой лишь в минимальной степени регулируются государством, новый либерализм, по мнению американского ученого Дж. К. Лоджа, характеризуется признанием растущей роли государства как «планирующего» и «координирующего» органа, распространением духа «солидаризма» и «холизма», в связи с чем «прямое вмешательство государства в регулирование экономической деятельности осуществляется в соответствии с определенными представлениями сообщества («community») о справедливости», в частности с соблюдением прав всех индивидов в поддержании должного уровня доходов¹.

Противостоящее ему консервативное направление политической мысли, особенно в США, выступало с критикой позиции нового либерализма, осуждая его за то, что он отбросил ценности и идеи традиционного либерализма. Консерватизм отстаивает идею абсолютного невмешательства государства в деятельность и отношения независимой, суверенной в своих поступках индивидуальной личности. «...Необходимым условием индивидуальной свободы, – подчеркивает американский экономист, известный критик кейнсианства, лауреат Нобелевской премии М. Фридман, – является организация основных видов экономической активности посредством частного предпринимательства, действующего в рамках свободного рынка». С его точки зрения, роль государства сводится к «обеспечению стабиль-

---

¹ Lodge G.K. : The New American Ideology. N.-Y., 1976. P. 16, 120 .

ной правовой и монетарной основы для рынка», а «коллективное экономическое планирование мешает индивидуальной свободе»¹. Следовательно, эффективна и справедлива такая политическая и экономическая система, которая «дает максимум свободы»².

Разумеется, идейно-политическая ситуация во второй половине XX в. как в западных странах, так и вне данного пространства, представляет собой чрезвычайно сложную мозаичную картину, в которой проблема взаимосвязанности и противостояния между государственным и личностным началами в общественной жизни не всегда четко и однозначно находит адекватное отражение в сплетении и разноречии многочисленных теоретических течений и концепций. (Например, лишь в одной стране, США, в настоящее время существуют, развиваются и противостоят такие крупные теоретические традиции, как либеральная, консервативная, праворадикальная, леворадикальная, неолиберальная, неоконсервативная и т. д., которые в ходе своей эволюции имеют прагматическую тенденцию отбрасывать, изменять, перенимать друг у друга какие-то положения, установки и нормы, в результате чего идейно-политический «ландшафт» предстает достаточно пестрым).

Но в целом наблюдаемая идейно-политическая пестрота имеет ярко проявляющуюся в последние десятилетия, любопытную и, причем устойчивую, тенденцию. Это – «маятниковость» политической и экономической практики в выборе тех или иных идейно-теоретических установок. «Рейганомика» в США, «тэтчеризм» в Англии – не только выражение личной воли и индивидуальных предпочтений первых лиц иерархии государственной власти. Предпочтение, отдаваемое государственному началу, как фактору, способному обуздать хаос «свободной» борьбы людей и стихию далеко зашедшей рыночной конкуренции, когда экономическая жизнь начинает «пробуксовывать» и социальная напряженность грозит перейти приемлемые границы, как правило, через определенный промежуток времени вновь сменяется – теперь уже стремлением вернуть самостоятельно действующего на рыночном поприще индивида, т. е. утвердить главенство личностного начала.

И причина такой смены кроется в желании поддерживать в обществе экономическую эффективность и социальную справедливость. Представляется, что тенденция последовательного, подобно «маятниковому» движению, перехода от приоритета государственного начала к приоритету личностного начала, а затем наоборот, как показывает практика, становится довольно устойчивым явлением в политическом и экономическом курсе многих современных стран. Вместе с тем политики, выбирая те или иные ориентиры развития для своей страны, всегда стремятся найти «компромиссные» грани, сглаживающие острые углы между этими фундаментальными началами и приводящие их в некое «равновесное» состояние, что, пожалуй, служит гарантией долговременного благополучия.

---

¹ Friedman M. Capitalism and freedom // Essays on individuality. Indianapolis: Liberty press, 1977. P. 239, 257, 243.

² Friedman M. What happened to equality? // Dialogue. 1976. № 2. P. 96.

Итак, идеалом либерализма является общество со свободой действий для каждого, свободным обменом политически значимой информацией, ограничением власти государства и церкви, верховенством права, частной собственностью¹ и свободой частного предпринимательства. Либерализм отверг многие положения, считавшиеся основой предшествующих теорий государства, такие, как божественное право монархов на власть и роль религии как единственного источника познания. Фундаментальные принципы либерализма включают индивидуальные права (на жизнь, личную свободу и собственность); равные права и всеобщее равенство перед законом; свободную рыночную экономику; правительство, избираемое на честных выборах; прозрачность государственной власти. Функция государственной власти при этом сводится к минимуму, необходимому для обеспечения этих принципов. Современный либерализм также отдаёт предпочтение открытому обществу, основанному на плюрализме и демократическом управлении государством, при условии защиты права меньшинства и отдельных граждан².

К концу XVIII – началу XIX в. сложилась та форма либерализма, которая позже получила название «классической». Обычно в Англии её связывают с деятельностью кружка «философских радикалов», опиравшихся на труды И. Бентама, Д. Рикардо, Т. Мальтуса, Дж. Милля, позже Г. Спенсера, а также с идеями «манчестерской школы» экономического либерализма (Р. Кобден, Д. Брайт), а во Франции – с творчеством Б. Констана, Ф. Бастиа.

«Философские радикалы» отказались от концепции естественного права и общественного договора (в значительной мере – под влиянием её критики в работах Д. Юма и Э. Берка) и обосновывали права индивидов, исходя из натуралистической этики утилитаризма. Последняя видит корни того, что люди считают хорошим или плохим, или в удовольствии, или в страдании. «Природа, – писал И. Бентам, – отдала человечество под власть двух господ – страдания и удовольствия. Лишь они могут указывать, что нам следует делать, и что мы станем делать».

Утилитарная (гедонистически-эпикурейская) формула Бентама – «то, что доставляет мне удовольствие – хорошо, то, что усиливает мою боль – плохо», легла в основу философии индивидуализма, которую использовали в своих теориях многие поколения идеологов. «По природе своей человек не может действовать иначе как, руководствуясь соображениями полезности, то есть стремлением к удовольствию и отвращением к страданию. Общество – не что иное, как сумма индивидов, оказывающих друг другу услуги, ибо польза одного человека обеспечивается действиями (или бездействием) другого, при этом каждый заботится о собственных интересах». Спенсер же «резко подчёркивал, что счастье индивида, развитие его индивидуальных талантов и способностей, а не общественное благо являются целью его действий, ещё более усиливая индивидуальный характер теорий утилитаризма, оставаясь в её рамках». Однако люди, согласно теории «классического либерализма», достаточно разумны, чтобы осознать необходимость

---

¹ См. подробно: Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 1994.

² См.: Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Общественные науки и современность. 1993. № 5.

соблюдения норм общежития, позволяющих каждому эффективно достигать своих целей. Следовательно, «общественный интерес» «классические либералы» интерпретировали не как интерес некоторой общности, стоящей над индивидом, а как сумму интересов отдельных членов, составляющих общество. Либеральный принцип индивидуализма – приоритет личных интересов над социальными – отстаивался ими в наиболее крайней форме, как онтологический принцип.

В классическом либерализме обоснована идея антипатернализма, суть которой заключается в том, что каждый человек – наилучший судья собственных интересов. И, следовательно, общество должно обеспечивать своим гражданам наибольшую свободу, совместимую с равными правами других. При этом свобода интерпретируется негативно, как отсутствие принуждения, как личная и гражданская свобода, как неприкосновенность сферы частной жизни. Именно эта сторона свободы представляется наиболее значимой: политические свободы либералами начала XIX в. рассматривались как гарантия личных и гражданских прав.

Б. Констан видел причины несчастий французской революции в попытке её лидеров воплотить античные идеи публичной свободы в современных, совершенно непригодных для нее условиях. «Личная независимость есть первейшая из современных потребностей, – писал он. – Значит, никогда не надо требовать от неё жертвы ради установления политической свободы»¹. Напротив, последняя является лишь гарантией первой. Этой гарантии «классические либералы» придавали важное значение. «Философские радикалы» считали, что, исходя из идеи полезности как главного императива поступков людей, общественная гармония определяется разумными «правилами игры», рациональными и равными для всех, дающими индивидам возможность наиболее эффективно заботиться о собственных интересах. Главное препятствие созданию таких правил – современное государство, представляющее «корыстные» интересы аристократии и духовенства. «Философские радикалы» были активными пропагандистами парламентской реформы, накануне которой в то время находилась Англия. Наиболее авторитетным изложением их политической программы по праву считается «Исследование об управлении» Дж. Милля (1820 г.). Наибольшая свобода, совместимая с равными правами других, обеспеченная разумными «правилами игры», устанавливаемыми и поддерживаемыми государством – вот кредо «классического либерализма». Понятие свободы занимает в либеральной доктрине особое место, ибо с самого начала либеральное мировоззрение тяготело к признанию идеала индивидуальной свободы как универсальной ценности. Свобода эта понималась в общем как свобода от политического, церковного и социального контроля со стороны государства еще со времен Дж. Локка.

В трактовке Милля установление свободы является не самоцелью, а необходимым условием установления гармонии интересов общества и интересов индивида. Человек ответствен за свои поступки перед обществом единственно лишь постольку, поскольку образ его действий касается других лиц. До тех же пор, пока

---

¹ Констан Б. О свободе у древних в её сравнении со свободой у современных людей // Полис. 1993. № 2.

образ действий человека касается только лично его самого, свобода его действий должна по закону считаться неограниченной. Человек есть неограниченный властелин над самим собой, над своим телом и своей душой. Гарантией же свободы является не только защита от вмешательства государства в частную жизнь людей, но и от господствующего в обществе мнения. Вследствие несвободы мнений люди не только не знают основания того, что признают истиной, но и сама эта истина утрачивает для них всякий смысл. Вообще практически по всем значимым жизненным вопросам истина заключается преимущественно в примирении, согласии противоположностей. Для умственного благосостояния людей необходима свобода мнения и свобода его выражения. Согласно Бентаму, свобода (или, как он ее определяет, «вольность») – это безопасность против несправедливостей, могущих происходить от правительства, но она должна быть ограничена; это возможность делать все то, что не вредит другому. Спенсер рассматривает свободу как способность человека желать себе чего-то сильнее, чем другим, она означает отсутствие всякого рода препятствий. Она должна измеряться числом наложенных на него ограничений, они необходимы, это бесспорно, но их количество должно быть строго необходимым лишь для того, чтобы не наносить вреда другим лицам. Это выражение человеческой сущности, данной ему от природы, и это главное. Спенсер в серии статей, позднее переизданной под общим названием «Человек против государства» (1884 г.), призывал вернуться к истинному либерализму.

Свобода, по утверждению Спенсера, определяется не характером государственной машины, которой он подчиняется, – будет ли она представительной или нет, – а сравнительно меньшим числом наложенных на него ограничений. Негативное понимание свободы в работах Спенсера приобрело крайне индивидуалистический оттенок, что даёт основание некоторым исследователям относить его труды не к классическому либерализму, а к более позднему неоклассическому. В качестве главной гарантии свободы рассматривалась частная собственность, безопасности которой придавалось большое значение, а главным предметом заботы была свобода экономическая. «Классические либералы» взяли на вооружение лозунг «laissez-faire», сформулированный французскими физиократами (Кене, Мирабо, Тюрго) и развитый английскими экономистами А. Смитом и Д. Рикардо. Они разделяли уверенность в том, что, действуя свободно, без какого-либо принуждения со стороны власти, участники рыночных отношений не только наилучшим образом реализуют собственные интересы, которые никто не может знать лучше их самих, но и по «закону невидимой руки» будут способствовать максимализации общего блага.

Следовательно, государство не должно управлять экономикой и не должно перераспределять ресурсы в пользу бедных в соответствии с тем или иным критерием общественного благосостояния. Его задача – гарантировать свободный рынок труда и товаров. Положение же бедных, по убеждению «классических либералов», основанному на работах Т. Мальтуса, не может быть улучшено благотворительным законодательством: единственным средством к решению этой проблемы является сокращение рождаемости. В 1834 г. в Англии был принят «закон о бед-

ных», по которому резко сокращалась помощь беднякам со стороны церковных приходов и упразднялся налог, который взимали с богатых в пользу бедных.

По мнению Милля, существуют определенные сферы жизни общества, куда государство имеет право вмешиваться, например, защита детей и душевнобольных, регулирование трудовых отношений, государственный контроль над деятельностью акционерных и добровольных товариществ, государственная специальная помощь, организация мероприятий, которые выгодны всему обществу. Заслуга Милля в том, что 150 лет назад он попытался определить границы государственного вмешательства и сферы, контроль над деятельностью которых со стороны государства необходим.

Либералы XIX в. формируют основное направление деятельности государства. Для Бентама – это защита против внешних и внутренних врагов, ограничение права собственности, оказание помощи в случае физических несчастий и так далее. Для Милля – это защита от насилия и обмана, управление и регулирование собственности, осуществление контроля в обществе. Он делает вывод, что вопрос о функциях государства и о том, на какие сферы человеческой деятельности должна распространяться его власть, существовал в прошлом, существует в настоящем, и при возникновении сильных тенденций к переменам в системе государственной власти и законодательства в поисках средств улучшения жизни человечества интерес к обсуждению этой проблемы скорее возрастет, нежели уменьшится. И он оказался прав.

Таким образом, для английского либерализма XIX в. идея представительства является едва ли не наиболее важной в системе анализа проблем власти. Она помогает уяснить сущность взаимоотношений личности и государства, что особенно ценно для либерализма в целом. Что касается ещё одной ценности либерализма – равенства, то, по мнению английских либералов, оно может привести к подавлению разнообразных индивидуальных способностей. Поэтому этой идее они противопоставляют идею равных возможностей, что позволит человеку реализовать себя в полной мере.

Неолиберализм (англ. neoliberalism) – направление философии, политической экономики и политологии, возникшее в 1930-е гг. и достигшее своего расцвета в конце 1980–1990-х гг. XX в.

В последней трети XIX в. начал складываться новый тип либерализма, часто обозначаемый в литературе разными терминами: «неолиберализм», «социальный либерализм», «либерал-реформизм». Появился он как ответ на тяжёлый кризис либеральной идеологии. Он возник, когда «партия движения» XIX в. превратилась в «партию статус-кво», во многом отодвинув на задний план интересы самого значительного политического движения того времени – рабочего движения. Истоки этого кризиса лежали в обострении антагонизма между «равенством» и «свободой». Его углубление произошло, когда распалось «третье сословие» и в качестве самостоятельной политической силы выступил рабочий класс. Либеральное движение, сориентировавшись на «порядочный» средний слой и перестав включать в себя силы, выступающие против *статус-кво*, в конце концов, перешло на сто-

рону своих бывших врагов, сблизившись с консервативной идеологией. Не всех идеологов либерализма устраивала подобная ситуация. Дж.Ст. Милль, Т. Грин, Дж. Хобсон, Л. Хобхауз, Дж. Дьюи – все претендовали на переделку формы и изменение содержания доктрины либерализма.

Таким образом, в XIX и XX вв. большинство представителей либерализма были устремлены на поиск путей приспособления классического наследия к постоянно изменяющимся условиям. Это качество особенно отчетливо обнаружилось в конце XIX – начале XX в., на новом рубеже в судьбах либерализма. В тот период ярко проявились как сильные, так и слабые его стороны, особенно в политической сфере. Так, реализация принципов свободной конкуренции, по сути служивших оправданию подавления и поглощения слабых более сильными конкурентами, привела к концентрации и централизации производства, резкому усилению влияния промышленных и финансовых магнатов.

В результате произошла инверсия функций свободного рынка. Если в период борьбы с феодализмом и становления капиталистических отношений идеи свободного рынка, государства как «ночного сторожа» и т. д. играли прогрессивную роль в борьбе против жестких ограничений средневекового корпоративизма, общинного мышления и институтов внеэкономического принуждения, то в условиях утвердившихся свободно-рыночных отношений эти идеи превратились в требование неограниченной свободы конкуренции. Важнейшие положения либерализма приобрели функцию защиты интересов привилегированных слоев населения. Обнаружилось, что свободная, ничем не ограниченная игра рыночных сил отнюдь не обеспечивает, как предполагалось, социальную гармонию и справедливость.

Как отмечал один из приверженцев либерализма того периода Г. Самуэль, народ на горьком опыте скоро убедился в том, что «свободной игры понятого собственного интереса», на которую манчестерская школа возлагала все свои надежды, недостаточно для достижения прогресса; что «самодеятельность и инициатива» рабочего класса натываются на столь большие препятствия, которые не могут быть преодолены без посторонней помощи; что беспомощность и нищета, дурные условия наемного труда, низкий уровень жизненных потребностей все еще встречаются на каждом шагу. Поэтому неудивительно, что выдвинулась целая плеяда политэкономистов, социологов, политологов и политических деятелей, выступивших с предложениями о пересмотре важнейших положений классического либерализма и осуществлении реформ, призванных ограничить произвол корпораций и облегчить положение наиболее обездоленных слоев населения. Большую роль в этом сыграли английские политические мыслители Дж. Гоббсон, Т. Грин, Л. Хобхауз и др., протестантский священник и публицист Ф. Науман, а за ним экономисты В. Репке, В. Ойкен в Германии, Б. Кроче в Италии, Л. Уорд, Дж. Кроули, Ч. Бирд, Дж. Дьюи и др. в США, сформулировавшие ряд новых важнейших принципов либерализма, который получил название «новый либерализм», или «социальный либерализм».

Суть последнего состояла в том, что под влиянием марксизма и восходящей социал-демократии в сторону признания позитивной роли государства в

социальной и экономической жизни были пересмотрены отдельные базовые принципы классического либерализма. Это, в частности, нашло отражение в заимствовании либералами у марксизма и социал-демократии идей социальной справедливости и солидарности. В данном смысле как бы переходное положение между либерализмом и социализмом занимали Л. Буржуа, Л. Дюги, Ж. Сельи и др. Первый из них стремился к тому, чтобы преодолеть противоречия между индивидуализмом и социализмом. Дюги, поставивший целью снять противоречия между «индивидуальными» и «коллективными» интересами, ввел эти понятия в юридическую и политическую науку своего времени. Ему принадлежит также заслуга введения понятия «социальные права», призванного дополнить понятие «индивидуальные права». Сельи, считая солидарность важным компонентом взаимоотношений между государствами, положил этот принцип в основу международного права.

В политической сфере наиболее концентрированное выражение эти новые веяния нашли в таких реформистских движениях, как прогрессизм в США, ллойд-джорджизм (по фамилии премьер-министра от либеральной партии Ллойд-Джорджа) в Англии, джолиттизм (от фамилии представителя либералов премьер-министра А. Джолитти) в Италии и т.д. Исторической заслугой либерализма и партий либеральной ориентации является то, что они сыграли ключевую роль в формировании и институционализации в конце XIX – первых десятилетиях XX в. основных принципов и институтов современной политической системы, таких, как парламентаризм, разделение власти, правовое государство и др., которые в итоге были приняты всеми основными политическими силами и партиями. Для политической идеологии либерал-реформизма в целом характерны ориентация на социальное реформирование, стремление примирить равенство и свободу, акцент на этике общества и специфическом социальном благе индивида, осознание того, что идеал политической свободы человека не только не отрицает, но и предполагает меры по защите индивида от обстоятельств, которым он бессилен противостоять, отстаивания идеи согласия всех и утверждение нейтральности либеральной политики.

В рамках этой системы с модификацией и пересмотром ряда постулатов классического либерализма, были сформулированы и реализованы принципы и меры, которые привели к расширению регулирующей роли государства в целях реализации первоначальных либеральных ценностей защиты прав и свобод человека. Например, приняв целый ряд законов и мер по усилению вмешательства государства в различные сферы общественной жизни, либеральное правительство Великобритании в 1892–1895 гг. далеко отошло от принципов и установок классического либерализма. В частности, были приняты законы о местном самоуправлении, значительно расширяющие prerogatives органов местного самоуправления: о железнодорожных служащих, обязывающие министерство торговли разбирать жалобы последних; о запрещении родителям посылать на работу детей до достижения ими одиннадцатилетнего возраста; о мерах, направленных на улучшение условий труда рабочих, и т.д. Подобного рода меры, неуклонно расширявшие

роль и прерогативы государства, принимались в последующие годы, как в Великобритании, так и в других странах.

Рубежом, на котором классический либерализм стал достоянием истории и бесповоротно утвердившим принципы государственного вмешательства в экономику и заложившим основы государства благосостояния, стал великий экономический кризис 30-х гг. Вместе с тем в силу комплекса социально-экономических, политических и идеологических факторов в большинстве стран Западной Европы либеральные партии вынуждены были в значительной мере уступить свои позиции другим социально-политическим силам, а в ряде стран даже отойти на периферию общественно-политической жизни. Немаловажную роль с этой точки зрения сыграло то, что конец 20 – начало 30-х гг. ознаменовались великим экономическим кризисом, перечеркнувшим по сути ряд важнейших постулатов классического либерализма.

В дополнение к этому в каждой конкретной стране кризис либерализма имел свои особенности. Так, поражение революции 1848 г., по сути дела, поставило под сомнение возможность объединения Германии под знаменем либерализма. Что не удалось либералам, успешно реализовал Бисмарк, соединивший консервативные идеи с понятиями отечества и нации. В Италии при всех успехах либеральной мысли к началу 20-х гг. XIX в. либеральная партия как таковая не существовала. Несмотря на большие отличия в ценностных ориентациях между классическим и новым либерализмом существует глубокая преемственность, которая позволяет относить два эти идеологических течения к одной либеральной политико-философской парадигме.

Преемственность между «классической» и «новой» либеральной теорией оказалась возможной благодаря существенной переработке социально-философских основ либерализма начала XIX в., связанной главным образом с творчеством Дж. С. Милля. Милль был одним из тех, кто наполнил центральный для либеральной философии принцип индивидуализма новым содержанием. Он попытался отойти от свойственного «классическому либерализму» представления о том, что общество – это механическая сумма индивидов, преследующих эгоистические цели и интересы. В его понимании человек – существо социальное, и общественный прогресс связан с развитием институтов, воспитывающих в нем «социальные» качества. Следовательно, соперничество и конкуренция – это не единственно возможная форма человеческого общежития, люди способны к осознанию своих высших, «социальных» интересов, а, значит, к сотрудничеству и взаимодействию, к принятию решений, основанных не на сиюминутной корысти, а на долгосрочном просчете интересов, связанном с благом других людей.

Благодаря Миллю, понятие «индивидуализм» получило новое этическое содержание, связанное с признанием высшей ценности уникального человеческого «я», права человека на развитие всех его сил и способностей. Именно концепция индивидуальности как высшей ценности рассматривалась Миллем в качестве главного аргумента в пользу его знаменитого «принципа свободы», согласно которому «единственная цель», оправдывающая законное применение власти к

члену цивилизованного общества против его воли, есть предотвращение вреда для других людей. Его собственное благо, физическое или моральное, не является основанием для такого вмешательства... Единственный вид поступков, в которых человек несет ответственность перед обществом, есть поступки, затрагивающие других людей. Во всем, что касается его одного, он по праву абсолютно независим. По мысли Милля, этот принцип призван обеспечить человеку относительную автономию, необходимую для развития индивидуальности, для защиты от «коллективной посредственности». И вместе с тем важное значение английский философ придавал ответственности, которую рассматривал как оборотную сторону свободы.

В основе «новой либеральной теории» лежала позитивная концепция свободы, разработанная профессором Оксфордского университета Т.Х. Грином, опиравшимся на традиции немецкой идеалистической философии. Грин вслед за Гегелем рассматривал историю как борьбу за нравственное совершенствование человека, реализующуюся в попытках создать социальные институты, способные обеспечить условия для осуществления интеллектуальных и моральных возможностей людей. Он настаивал на органическом понимании общества как целого, образуемого взаимозависимыми частями. Право на свободу – право социальное, оно, по Грину, вытекает из факта принадлежности к обществу. Свобода в его понимании означает не просто отсутствие ограничений, но «позитивную способность или возможность делать что-то или пользоваться чем-то, заслуживающим наших усилий и внимания, наравне с другими». Свобода не даёт человеку права ограничивать возможности других: люди должны иметь равные возможности для самосовершенствования. Исходя из этого, Грин утверждал, что цель общества – создать каждому своему члену условия для достойного существования. В связи с этим либералам следует пересмотреть свое отношение к государству: закон не обязательно ограничивает свободу, он может ее расширять, устраняя то, что ей препятствует.

Таким образом, «новый либерализм» решительно отказывался от классической доктрины, радикально пересмотрев отношение к свободной конкуренции и функциям государства. При этом в политической сфере приоритет отдаётся демократической форме государственности: «...демократия подразумевает, что личность представляет собой начальную и конечную реальность». Она признаёт, что во всей своей полноте значение личности может быть познано индивидом лишь так, как оно уже представлено ему в объективной форме в обществе. Этими идеями «новые либералы» обосновывали программу мероприятий, призванных обеспечить социальные права, без которых невозможны свобода и достойная жизнь. Эта программа включала создание общественной системы образования, установление минимальной заработной платы, контроль за условиями труда, предоставление пособий по болезни и безработице и т.п. Средства на проведение этих реформ должны быть получены за счет прогрессивного налогообложения.

Философские и социально-политические концепции, обосновывавшие эту программу, в 20–30-х гг. XX в. были дополнены экономической теорией, разра-

ботанной Дж.М. Кейнсом и его последователями. Кейнс предложил конкретные механизмы воздействия на капиталистический рынок, способные, по его убеждению, предотвратить кризисы перепроизводства и стимулировать экономический рост. Кроме того, предусмотренные им меры по стимулированию платежеспособного спроса и сохранению «полной занятости», должны были снять остроту социальных конфликтов. Работы Дж. М. Кейнса и его учеников оказали значительное влияние на практику государственного регулирования экономики, которая начала складываться в период Первой мировой войны. В 30-е гг. его идеи нашли воплощение в «новом курсе» президента США Ф.Д. Рузвельта. В годы Второй мировой войны и последующий период меры, предлагаемые кейнсианскими и нелиберальными программами, стали неотъемлемой частью экономики развитых капиталистических стран.

Концепции «общества благосостояния» в XX в. разрабатываются и реализуются не только «новыми либералами», но и социал-демократами. У первых и вторых есть, тем не менее, некоторые различия: они опираются на разные представления о природе человека и его связи с обществом. Неолибералы основываются на идее автономного самореализующегося индивида, имеющего определенные потребности, в том числе нуждающегося для своего развития во взаимодействии с другими такими же индивидами. Они, как правило, не строят своих рассуждений на аргументах, вытекающих из определенных моральных требований к обществу или представлений о том, что жизнь человека определяется социальными императивами. Каждый человек имеет свой собственный жизненный план и вправе его осуществлять. Право на достойное существование – индивидуальное, а не коллективное право. Социал-демократические концепции опираются на органическое представление об обществе, аргументы, связанные с моральными требованиями к обществу (социальная справедливость, равенство и т.п.) и идею коллективных прав. Вместе с тем практические выводы обеих концепций во многом схожи. Иными словами, апеллируя к разным аргументам, неолибералы и социал-демократы обосновывают необходимость примерно одних и тех же социальных функций и институтов.

Неолиберализм, в отличие от либерализма, не отрицает полностью государственное регулирование экономики, рассматривает свободный рынок и неограниченную конкуренцию как основное средство обеспечения прогресса и достижения социальной справедливости, возможных, прежде всего, на основе экономического роста, который измеряется валовым внутренним продуктом, связывается с наступлением «второй эры глобализации» (не путать с новым либерализмом). Неолиберализм сформировался в качестве оппозиции развитию в середине XX в. идей социал-либерализма, предполагавшего социальное сотрудничество и защиту, сочетания конкуренции с государственным регулированием и социальными программами.

Важнейшим достоинством политической системы неолиберализм провозглашает справедливость, а правительства ориентирует на моральные принципы и ценности. В основу политической программы положены идеи согласия управле-

мых и управляющих, необходимости участия народных масс в политическом процессе, демократизации процедуры принятия политических решений, а предпочтение стало отдаваться плюралистическим формам организации и осуществления государственной власти. Несмотря на различия в ценностных ориентациях между классическим и новым либерализмом существует глубокая преемственность, которая позволяет относить эти два идеологических течения к одной либеральной политико-философской парадигме.

Появление «новой» либеральной теории не означало конца «классической»: у последней также оставались приверженцы, возражавшие против тех перемен, которые, на их взгляд, противоречили духу истинного либерализма. Это течение получило название либертаризма. Так, в послевоенных работах Ф. Хайек, К. Поппер, Дж. Тальмон проводили идею о том, что, поддерживая практику государственного интервенционизма, неолибералы следуют по пути, ведущему к тоталитаризму. Будущее западной цивилизации, по мнению этих авторов, связано с возвратом к «классическим» принципам, с ограничением функций государства, с сохранением «открытого общества».

К тому же выводу пришел и известный английский исследователь И. Берлин. В работе, оказавшей заметное влияние на ход дискуссии между сторонниками двух направлений в либерализме, он на основе анализа негативной и позитивной концепций свободы доказывал, что приоритеты свободы и равенства несовместимы, что приверженность свободе исключает какие-либо обязательства в отношении равенства, за исключением формального равенства прав, и что позитивная интерпретация свободы ведет к догматизму и тоталитаризму, поскольку её осуществление заставит всё общество принимать цели, которые поддерживает лишь часть его граждан.

В годы «холодной войны» и последовавший за ними период развитие либеральной теории в значительной степени стимулировалось противоборством с «тоталитарными идеологиями», и если в XIX в. «символическая форма либерализма» определялась борьбой с консервативным традиционализмом и социализмом, то с середины XX в. пограничные линии были обозначены концептом «тоталитаризма».

Серьезным аргументом в пользу «неоклассической» концепции стали послевоенные работы теоретиков так называемой «чикагской школы»: Ф. Хайека, М. Фридмана, Л. Мизеса и др. Их авторы – преимущественно экономисты, развивавшие свои концепции до уровня политических обобщений – выступали против придания государству функции «справедливого распределения», утверждая, что это несовместимо со свободой личности. Как писал Ф. Хайек, эгалитаристские принципы, заложенные в программах неолибералов, не будут вполне реализованы до тех пор, пока все стороны общественной жизни не изменятся в соответствии с ними. Результатом такой реорганизации будет общество, в сущности своей не-свободное, общество, в котором властям будет предоставлено право решать, что и как следует делать человеку. Государство должно ограничиться защитой «основных прав», то есть преимущественно личных и политических.

Ведущие представители либертаризма доказывали, что эрозия свободного предпринимательства, индивидуальной и семейной ответственности ведёт к стагнации и бедности, что необходимо возрождение рыночной экономики. По их мнению, на смену «умирающему социализму» пришёл возрождённый классический либерализм. Сторонники неоклассического либерализма нередко рассматриваются как часть нового интеллектуального движения, «Нового Просвещения», являющегося продолжателем Шотландского Просвещения. Представители последнего – Д. Юм, А. Фергюссон, А. Смит, Дж. Миллар, У. Робертсон. Это просвещение отличалось тем, что исходило из существования «коммерческого общества», в котором в результате свободного общественного договора устанавливался порядок «хозяин-работник» как модель социальных связей. Оно не было революционным движением. Континентальная Европа пережила в корне отличное Просвещение, сторонники которого в основе всех социальных изменений видели человеческий разум. Этот подход вёл к революции, социализму и марксизму. Шотландское Просвещение впитало в себя особенную англо-саксонскую черту индивидуализма и оформило её в теоретическую систему. На основе социопсихологических воззрений А. Фергюссона, А. Смита, Д. Юма, либертаризм рассматривал человека, прежде всего, как «несовершенное существо», стиснутое рамками естественных границ.

Либерализм в неоклассической интерпретации не следует никакой иной цели, кроме как повышение материального благосостояния людей, и не касается их внутренних, духовных и метафизических потребностей. Он не обещает людям счастья и умиротворения, а лишь максимально полное удовлетворение тех желаний, которые могут быть осуществлены за счёт взаимодействия с предметами материального мира. Имеющимися средствами социальной политики можно сделать людей богатыми или бедными, но нельзя сделать их счастливыми или ответить их сокровенным стремлениям. И никакие внешние средства не приносят здесь успеха. Единственное, что может сделать социальная политика, – это уничтожить внешние причины боли и страдания. Она не имеет целью создать что-либо иное, кроме внешних предпосылок развития внутренней жизни. И нет никакого сомнения в том, что «относительно процветающий человек XX столетия может скорее удовлетворить свои духовные потребности, чем, скажем, живший в X в. и пребывавший в постоянной тревоге о хлебе насущном – чтобы просто не умереть с голоду, и за жизнь – из-за постоянно угрожавших опасностей и врагов»¹.

Центральным понятием в теории неоклассического либерализма является собственность. Программа либерализма, отмечают исследователи, если выразить её одним словом, будет читаться так: собственность – частное владение средствами производства. В отношении товаров, готовых к потреблению, частное владение является само собой разумеющимся и не оспаривается даже социалистами и коммунистами. Все остальные требования либерализма вытекают из этого фундаментального требования. По мнению либертаристов, частная собственность на средства производства наиболее эффективна. Тому есть много причин. Главная –

---

¹ Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 1994. С. 23.

то, что при общественной собственности исчезает ценовая система и любая рациональная экономическая деятельность становится невозможной. Кроме того, общественной собственности сопутствуют и другие проблемы – уменьшение количества инноваций, снижение производительности труда и т. д.

Социально-экономическая государственная система, которая основывается на частной собственности, называется капитализмом. Либертариисты осознают, что она несовершенна, но лучшего не придумано. Либерализм выводится из строгих наук, – аргументируют они, – экономики и социологии, которые не делают ценностных суждений и ничего не говорят о том, что должно быть, или о том, что хорошо и что плохо, но, напротив, всего лишь выясняют, с чем приходится иметь дело и как оно возникает. Эти науки показывают нам, что из всех мыслимых альтернативных путей организации общества может быть реализован лишь один, а именно: система, основанная на частной собственности на средства производства, потому что все остальные мыслимые системы общественной организации не осуществимы.

В современный период арсенал неолиберальных концепций пополнился авторитетными философскими работами Дж. Роулса, Дж. Чэпмена, Р. Дворкина, У. Галстона, Дж. Шкляр и др. Большой общественный резонанс вызвала книга Дж. Роулса «Теория справедливости» (1971 г.), выдвигавшая принцип справедливости, позволявший обосновать неолиберальную практику «государства благосостояния». Дж. Ролс предложил новый способ аргументации либеральных ценностей, который, по признанию многих критиков, является серьезным вкладом в реконструкцию либеральной теории. В начале XXI в., с ростом глобализма и транснациональных корпораций, в литературе начали появляться антиутопии, направленные против либерализма. Одним из таких примеров служит сатира австралийского писателя Макса Барри «Правительство Дженнифер», где власть корпораций доведена до абсурда.

Либерализм отличается рядом особенностей в рамках разных национальных традиций. Отдельные аспекты его теории (экономические, политические, этические) иногда противопоставляются друг другу. Таким образом, есть определенный смысл в заключении, что либерализма как чего-то единого никогда не было, была лишь семья либералистов. По-видимому, мы имеем дело с множеством теорий, объединенных некими общими принципами, приверженность которым отличает либерализм от других идеологий. Причём принципы эти допускают разные интерпретации, могут комбинироваться причудливым образом, являются основанием для самых неожиданных, подчас опровергающих друг друга аргументов.

Подводя итоги, следует сказать, что к числу принципов либерального направления относятся, во-первых, индивидуализм, приоритет интересов индивидов перед интересами общества или группы. Этот принцип получал разное обоснование: от онтологических концепций, в которых отдельный человек с его естественными правами предшествует обществу, до этического понимания индивидуальности как высшей ценности. Он воплощался в разных интерпретациях взаимоотношений личности и общества: от представления об обществе как о механической сумме индивидов, реализующих собственные интересы, в рамках которого чело-

век рассматривается как существо социальное, нуждающееся одновременно и в сотрудничестве с другими людьми, и в автономии.

Во-вторых, для либерализма характерна приверженность идее прав человека и ценности свободы личности. Хотя содержание прав, как и интерпретация свободы, в ходе долгой истории либеральных идей претерпели существенные изменения, приоритет свободы как главной для либералов ценности остался неизменным. Сторонники «классического» либерализма трактуют свободу негативно, как отсутствие принуждения и видят её естественные ограничения в равных правах других людей. Равенство формальных прав они считают единственным видом равенства, совместимым со свободой в качестве приоритетной ценности. Права индивидов сводятся ими к сумме «основных прав», в число которых входят политические свободы, свобода мысли и свобода совести, а также права, касающиеся независимости личности, подкрепленные гарантиями частной собственности. «Новые либералы» предлагают позитивное понимание свободы, дополняющее свободу равенством возможностей в качестве гарантии осуществления прав.

Главная посылка либерализма – представление о том, что у каждого человека есть свое представление о жизни, и он имеет право реализовывать это представление в меру своих способностей, поэтому общество должно проявлять терпимость к его мыслям и поступкам, если последние не затрагивают права других людей. За свою долгую историю либерализм выработал целую систему институциональных гарантий прав индивидов, в которую входят неприкосновенность частной собственности и принцип религиозной терпимости, ограничение вмешательства государства в сферу частной жизни, подкрепленное законом, конституционное представительное правление, разделение властей, идея верховенства права и др.

В-третьих, важным принципом, характерным для либерального подхода, является рационализм, вера в возможность постепенного целенаправленного усовершенствования общества реформистскими, но не революционными мерами. Либеральная идеология предъявляет определенные требования к характеру проводимых преобразований. Либерализм относится с величайшим уважением к субъективным правам отдельных людей.

Вообще либеральному государству полностью чужды насильственное вмешательство в существующие жизненные взаимоотношения людей и какое-либо нарушение привычных жизненных форм. Это ярко отражает принципы, вытекающие из либеральной теории. Хотя на практике либералам не раз случалось от них отступать, поскольку социальные преобразования – это всегда «нарушение привычных жизненных форм», однако императивом либеральных реформ является принцип минимального нарушения имеющихся индивидуальных прав.

Большинство либералов отдают предпочтение *равенству возможностей перед социальным равенством*. По их мнению, государство гарантирует равенство всех без исключения граждан перед законом, равные права участия в политической жизни и равенство возможностей в социально-экономической сфере, что, собственно, и обеспечит реализацию принципов справедливости. Это, пожалуй, самое уязвимое место в позициях либералов. Ни одному из них в сущности не уда-

лось разрешить извечную антиномию между равенством и свободой, между равенством, свободой и справедливостью. Да вряд ли есть смысл упрекать их в этом. Ведь это одна из кардинальных проблем самого человеческого существования, а кардинальные проблемы не могут иметь окончательных решений.

«Новые либералы» пересмотрели классическую теорию собственности. Источником всех прав, по их мнению, является общество, и если доход не соответствует вкладу человека в общее благо, то часть его может быть через налоги присвоена государством и перераспределена на социальные нужды. Улучшение условий жизни беднейших слоев, окажется выгодным для общества в целом, поскольку приведет к расширению внутреннего рынка и будет способствовать экономическому росту. Программа «нового либерализма» представляла собой альтернативу радикальным социалистическим теориям и должна была способствовать смягчению конфликтов и мирной трансформации «капитализма эпохи свободной конкуренции» в общество с «социальной экономикой», основанной на частной собственности и регулируемых рыночных отношениях.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Абдулаев М.И. Учение Канта о праве и государстве // Изв. вузов. Правоведение. 1998. № 3.

Азаркин Н.М. Монтескье. М., 1988.

Баскин М.П. Монтескье. М., 1975.

Бастиа Ф. Закон // URL: http://www.libertarium.ru/libertarium/lib_law.

Бердяев Н.А. Судьба КР. М., 1918.

Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX в. // Вопр. философии. 1991. № 8.

Введение в политологию. М., 1993.

Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1994.

Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1997.

Дворцов А.Т. Жан-Жак Руссо. М., 1980.

Дьюи Дж. Возрождающийся либерализм // Полис. 1994. № 3.

Заиченко Г.А. Джон Локк. М., 1988.

Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы циклы модернизационного процесса. М., 1996.

История философии: Запад-Россия-Восток // Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М., 1996. Кн. 2.

Кант И. Метафизика нравов в двух частях // *Кант И.* Критика практического разума. М., 1995.

Кант И. Собр. Соч.: В 8 т. М., 1994.

Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1963–1966.

Коваленко В.И., Костин А.И. Политические идеологии: история и современность // Вестник Московского университета, Сер.12: Полит. науки. 1997. № 2.

Констан Б. О свободе у древних в её сравнении со свободой у современных людей // Полис. 1993. № 2.

Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957.

Леонтович В.В. История либерализма в КР. 1762–1914. М., 1995.

Малинова О.Ю. Либерализм в политическом спектре КР // URL: <http://www.yabloko.ru/Publ/Liber/olga.html>

Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 1994.

Милль Дж.С. О свободе. СПб., 1906.

Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения. М., 1955.

Нарский И.С. Философия Джона Локка. М., 1984.

Наумова М.Д. Эволюция воззрений на власть в английском либерализме XIX в. М., 1999.

Новгородцев П.И. История новой философии права (немецкие учения XIX в.): Лекции. М., 1898.

Тема 13. Марксизм и неомарксизм

1. Теоретико-методологические истоки неомарксизма.
2. Развитие идей неомарксизма.
3. Неомарксизм о кризисе капитализма.

В работах западных авторов рефреном звучит мысль, что «канонический марксизм» в современных международных отношениях – явление маргинального порядка. У неомарксистской парадигмы, отдельные теории которой довольно далеки от своей основы, сторонников сегодня меньше, чем у других направлений.

Неомарксизм (греч. *neos* – новый + марксизм – учение Маркса) – это совокупность обновленных социально-философских и экономических концепций, индивидуальных духовных инициатив, коллективных интеллектуальных проектов, умственных течений XIX–XX вв. в русле идейной традиции, восходящей к Карлу Марксу, которые противопоставили себя так называемому ортодоксальному марксизму как в версии Энгельса-Каутского-Плеханова, так и в версии Ленина-Сталина. В качестве специального термина слово «неомарксизм» начинает употребляться в начале XX в. Так, в книге G.D. Cole «The World of Labour» (London, 1913) как «неомарксистские» квалифицируются взгляды французского мыслителя Жоржа Сореля. В процессе эволюции неомарксизма выделилось несколько интеллектуальных формаций: ассимилятивный неомарксизм конца XIX – начала XX в., западный марксизм (неомарксизм) 20–80-х гг., постмарксизм 80–90-х гг.

Неомарксизм как «новый марксизм» наделяется смыслом и адекватно читается лишь в рамках и на фоне своей оппозиции «старому марксизму», и только в форме постмарксизма он во многом освобождается от этой внутренней соотносительности с тем, что Гегель называл «свое Иное». Наиболее навязчивое умственное устремление неомарксизма – это деканонизация. Вначале деканонизация ортодоксального марксизма эпохи II Интернационала, затем – произведений Фридриха Энгельса, в конечном счете – теоретического наследия самого Маркса, которое неомарксизм вписал в проблемный и методологический контекст философии и науки XX в. Вообще неомарксистский бунт против канона марксизма отвечал принципиальной установке самого Маркса, который крайне скептически относился к попыткам выделить из своих исследований некую универсальную схему. «Я знаю только, – согласно одному апокрифу заявлял Маркс, – что я не марксист».

Вопреки этой не лишенной иронии самооценке Маркса его ученики и последователи под водительством Энгельса и при его литературном участии после смерти гениального исследователя и критика форм сознания довершили то, что начали еще при его жизни: а именно, формирование марксистского канона. Генезис первого марксистского канона или марксизма эпохи II Интернационала связан

с принятием в Германии в 1878 г. антисоциалистических законов и вынужденным перемещением руководящего ядра СДПГ, ее литераторов и теоретиков в Цюрих (Швейцария), ставший своего рода сборным пунктом левой интеллигенции всего мира. В этот период группа теоретиков СДПГ во главе с Энгельсом, из Англии поддерживавшим с ними тесную связь, конституировалась в инстанцию идеологического управления наследием Маркса, фактически монополизировавшую издание и истолкование его текстов (Карл Каутский, Эдуард Бернштейн, Франц Меринг).

Именно под влиянием Энгельса и названной плеяды марксистов, вразрез с марксовой позицией канонический марксизм все больше приобретал окачествованность метафизической доктрины. Марксистский аналог натурофилософии Шеллинга и Гегеля, энгельсова «Диалектика природы», опубликованная в 20-е гг. XX в., сыграли поистине фатальную роль в натурализации диалектики, тем самым извратив диалектический метод Маркса.

Присущий теоретическому мышлению Маркса разрыв не только с традиционной философией, но и с классической наукой (главный труд Маркса «Капитал» отнюдь не случайно имеет подзаголовок «Критика политической экономии»), наперед постклассический в этом смысле характер его методологических воззрений гораздо более отчетливо, чем представителями марксистского канона, был осознан на рубеже XIX–XX вв. некоторыми европейскими мыслителями, не принадлежавшими к прозелитическому согласию ортодоксальных марксистов. В это время в Европе и Северной Америке наблюдалась поразительная вспышка интереса к Марксу (повторившаяся затем в 20-е и в 60–70-е гг.). Вот лишь некоторые факты, иллюстрирующие этот феномен. Лекционные курсы о марксизме и социал-демократии в указанный период читают Торстен Веблен – в Чикаго, Бертран Рассел – в Лондонской школе экономики и политических наук, Адольф Вагнер – в Берлине, Эмиль Дюркгейм – в Париже. В России в 90-е гг. XIX в. одним из ведущих течений общественной мысли становится «легальный марксизм», завоевавший на свою сторону лучшие умы: Петра Струве, Сергея Булгакова, Николая Бердяева, Семёна Франка, Михаила Туган-Барановского и др. В Австро-Венгрии возникла школа австромарксизма. В начале 90-х гг. стал марксистом крупнейший испанский писатель Мигель де Унамуно. Немецкий историк и социолог Макс Вебер внес огромный вклад в прояснение специфики марксова метода и публиковал в своем «Архиве» статьи о марксизме и самих марксистов. Иными словами, интеллектуальная Европа периода *findesiecle* была охвачена неомарксистским поветрием.

Если задаться целью коротко охарактеризовать теоретическое содержание неомарксизма периода *findesiecle*, то нужно прежде всего отметить следующее: наиболее выдающимся представителям неомарксизма в ходе международной дискуссии перед Первой мировой войной удалось уточнить эпистемологический спецификум марксова исторического материализма, реконструировать его методологию в терминах трансценденталистской (неокантианской и отчасти, у Макса Шелера, феноменологической) теории и логики познания, вскрыть специфику первоисходной абстракции, посредством которой исторический материализм из объекта (общественно-историческая действительность) вычленяет свой

предмет (по Марксу, категории как формы бытия, «определения существования, часто только отдельные стороны» исторически конкретного общества как некоей субстанции-субъекта). Особенно многим в этом плане неомарксизм обязан Макс-у Веберу (1864–1920). Именно веберовская рецепция теоретического наследия Маркса стала отправным пунктом интеллектуальной деятельности следующего, послевоенного поколения неомарксистов, прежде всего, Георга (Дьердя) Лукача (1885–1971), который был учеником Вебера, очень высоко им ценимым, и членом узкого круга его друзей и единомышленников.

Одной из характерных черт ассимилятивного марксизма как формы неомарксизма была его интернациональная природа. Подобно тому, как ортодоксальный марксизм эпохи II Интернационала был международным по самой своей сути и разрабатывался теоретиками многих стран Европы, так неомарксизм, – направленное на теоретическое наследие Маркса ассимилятивное усилие умов – не знал государственных границ и не считался с ними. Ситуация, однако, радикально изменилась во время Первой мировой войны и особенно в последующий период – под влиянием Октябрьской революции, учреждения Коммунистического Интернационала и начатой им в середине 20-х гг. кампании по «большевизации» западных компартий, по насаждению в них «вульгарного ленинизма» в качестве единоспасающей идеологии.

Временным рубежом, за которым следует говорить о новой фазе развития неомарксизма, то есть «западном марксизме», является 1923 г., когда с небольшим интервалом вышли в свет две впоследствии легендарные книги: «История и классовое сознание» Георга Лукача и «Марксизм и философия» Карла Корша (1886–1961), сразу же ставшие стимуляторами теоретической взволнованности в кругах не только левой интеллигенции Европы. Специфический поворот тематизации марксизма этими теоретиками состоял в провозглашении в качестве ее верховного принципа требования применить марксизм к самому марксизму (исторический материализм – к историческому материализму, марксистскую диалектику – к марксистской диалектике). Такая трактовка марксизма удержалась у неомарксистских теоретиков в течение всего XX в.

Иными словами, в русле марксистской традиции стало складываться самостоятельное направление, отстаивавшее метамарксистскую концепцию марксизма, в соответствии с которой марксизм как теория выступал, наподобие естественного языка, в роли собственной метатеории. Философская точка зрения метамарксизма заключалась в попытке построить цельное мировоззрение в рамках исторического материализма, в отказе от всяких разграничительных барьеров между материалистской диалектикой и историческим материализмом. В этом плане показательна формула Лукача: «Диалектика и есть теория истории». Метамарксизм радикально историзировал философию, полностью упразднил ее традиционное членение на онтологию, логику, теорию познания и этику, поставив во главу угла диалектику как философию истории и теорию сознания.

Внутренней логикой своей метамарксистской концепции марксизма Лукач был принужден к принципиальному размежеванию с ортодоксальным, канониче-

ским марксизмом эпохи II Интернационала, в том числе в его энгельсовой редакции: «Подвергают ли критике решающие для дальнейшего развития теории рассуждения Энгельса в “Анти-Дюринге”, считают ли их неполными, наверное, даже недостаточными или, напротив, классическими, приходится признать, что в них отсутствует именно этот момент. Самое существенное взаимодействие: диалектическое отношение субъекта и объекта в историческом процессе, – оно даже не упоминается Энгельсом, не говоря уже о том, чтобы поставить его на подобающее ему центральное место в методологическом рассмотрении». И далее: «Ограничение метода социально-исторической действительностью является очень важным. Недоразумения, проистекающие из изложения диалектики Энгельсом, по существу вызваны тем, что Энгельс, следуя ложному примеру Гегеля, распространяет диалектический метод на познание природы. Но здесь в познании природы отсутствуют решающие определения диалектики: взаимодействие субъекта и объекта, единство теории и практики, историческое изменение субстрата категорий как основа их изменения в мышлении, и т. д.». В этих высказываниях Лукача из «Истории и классового сознания», ориентированных на знаменитое «Введение» к «Grundrisse» и метод «Капитала» Маркса, намечена методологическая программа, которой неомарксизм неукоснительно следовал почти 80 лет.

После публикации «Истории и классового сознания» у Лукача появились ученики (Фогараши, Радваньи, Реваи) и последователи на Западе и в Советской России (Валентин Асмус), причем не только среди левой партийной интеллигенции, но и в академических кругах. Одной из первых совместных акций неомарксистов лукачевского призыва стала «Летняя академия» в Тюрингии в начале 20-х гг. В ней, наряду с Лукачем, участвовали Корш, Вейль, Зорге (впоследствии знаменитый советский разведчик), Виттфогель, Фогараши, Поллок и др. Из числа тюрингских «академиков» вышли впоследствии ведущие сотрудники Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне, другой колыбели межвоенного неомарксизма.

Ключевая статья книги Лукача «Овеществление и пролетарское сознание» была опубликована в 1923 г. на русском языке в «Вестнике Социалистической Академии» и вызвала оживленный, но крайне неоднозначный отклик в Советской России. Дело в том, что Wirkungsgeschichte (история воздействия) этой работы началась здесь в период острой идеологической борьбы в РКП(б) и Коминтерне, итогом которой к 1924 г. стало формирование нового марксистского канона – канона ленинизма. В этом контексте метамарксистская интеллектуальная инициатива Лукача и его единомышленников была воспринята как нечто чужеродное и подлежащее идеологической репрессии. На V конгрессе Коминтерна председатель его исполкома Зиновьев объявил взгляды Лукача и Корша «антимарксистскими», заклеил как «теоретический ревизионизм». Это привело к тому, что на метамарксистскую концепцию марксизма Лукача и Корша в Советской России и Коминтерне было наложено идеологическое табу, а подлинным марксизмом XX в. был объявлен ленинизм. Точнее, вульгарный ленинизм, каким его представили Иосиф Сталин и его политический соратник в 20-е гг. Николай Бухарин. Все это

сделало еще более резкой линию водораздела между вульгарным ленинизмом и неомарксизмом, которую все чаще стали интерпретировать как границу между «восточным» и «западным» марксизмом. Начиная с поздних 20-х гг. понятия «неомарксизм» и «западный марксизм» все более сближались, порой до неразличимости. Из партийно-коммунистических теоретиков 20-30-х гг. к «западному марксизму» были близки лидер ИКП Антонио Грамши и отторгнутый Коминтерном голландец Антон Паннекук.

Очередным этапом в теоретической эволюции неомарксизма стало формирование Франкфуртской школы социальной философии, которая сложилась вокруг Франкфуртского института социальных исследований и журнала «*Zeitschrift fuer Sozialforschung*». Организованный еще в 1923 г. Карлом Грюнбергом при финансовой поддержке богатого хлеботорговца Вайля институт, формально приданный Франкфуртскому университету, в 1930 г. возглавил Макс Хоркхаймер, который привлек туда новых людей и спонсорские, как теперь принято говорить, деньги.

Начальный период в деятельности Франкфуртской школы проходил под определяющим влиянием Макса Хоркхаймера, который задал исследовательскую парадигму этой версии неомарксизма. И прежде всего – в своем знаменитом трактате «Традиционная и критическая теория» и в «Добавлении» к нему, написанном в связи с появлением дискуссионного отклика другого франкфуртца, Герберта Маркузе, на этот трактат. Хоркхаймер решительно выступил против принявшего форму всеобщего предрассудка убеждения академического сообщества, что образцом научности является математическое естествознание и что, соответственно с этим, все науки делятся на две категории: естественные, то есть подлинные, и неестественные, то есть мнимые. В «Добавлении» Хоркхаймер подытожил свою позицию на этот счет: «В моей статье я указал на различие двух способов познания: один был основан в *Discoursdelamethode*, другой – в марксовой критике политической экономии». Иными словами, «критическая теория», по поводу которой было сломано столько полемических копий патентованными разоблачителями «антимарксизма» в СССР и ГДР, понималась Хоркхаймером как марксизм в духе самого Маркса.

Любые социальные теории – и политические теории здесь не являются исключением – призваны, строго говоря, выполнять две главные функции: объяснения особенностей объекта исследования, многообразия связей составляющих его структуру элементов (прежде всего, связей причинно-следственного характера), а также прогнозирования его будущей эволюции. В отличие от наук о природе в социальных науках функция прогнозирования всегда была развита гораздо слабее, чем функция объяснения. На фоне соперничества различных теоретических школ, методологических подходов и концептуальных построений, а также междипарадигмальных споров нередко складывается впечатление, что современная политология, и в частности международно-политическая наука, «может обосновать все и не способна доказать ничего»¹. В этих условиях особую привлекательность

---

¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений: традиции и современность // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М., 2002. С. 28.

приобретает концепция мир-системного анализа, предложенная известным современным американским социологом Иммануилом Валлерстайном в качестве когнитивной конструкции, претендующей на реализацию не только объяснительной, но и прогностической функции в плане анализа социальных процессов, характерных для современного мира.

Концепцию И. Валлерстайна нередко называют неомарксистской. В самом деле, она в значительной мере опирается на свойственный как классическому, так и современному западному марксизму терминологический аппарат, но при этом выдвигает, в сущности, принципиально новый подход как к организации исторического материала, так и к прогнозированию грядущих социально-политических событий. Нетрудно заметить, что Валлерстайн своей теорией пытается преодолеть во многом присущий современной западной политической науке евроцентризм путем органичного и далеко не безуспешного сочетания формационного и цивилизационного подходов на основе использования методологии системного анализа.

Согласно Валлерстайну, на рубеже XV–XVI вв., в эпоху великих географических открытий, в структуре мира произошли радикальные изменения. На смену совокупности своеобразных, относительно замкнутых и в значительной мере самодостаточных цивилизаций, называемых автором «мир-империями», основой которых выступало политическое властвование, пришла основанная на торговле «капиталистическая мир-экономика», первоначально зародившаяся в рамках западной, европейской цивилизации. С тех пор на протяжении уже 500 лет «капиталистическая мир-экономика» выступает как «современная мир-система», или «миро-система модернити», общая характеристика которой в наиболее сжатом виде сводится к следующим десяти тезисам:

- Миров-система модернити представляет собой капиталистическое миро-хозяйство, и это означает, что ею управляет стремление к безграничному накоплению капитала, которое иногда называют законом стоимости.
- Эта миров-система сформировалась на протяжении XVI в., и первоначально сложившееся в ней разделение труда вовлекло в ее состав большую часть Европы (за исключением Российской и Османской империй), а также отдельные части [обеих] Америк.
- Эта миров-система территориально расширялась многие столетия, последовательно инкорпорируя в принятую в ней систему разделения труда все новые регионы.
- Восточная Азия стала последним большим регионом из тех, которые были таким образом инкорпорированы, и это произошло лишь в середине XIX в., после чего миров-систему модернити можно было считать поистине всемирной.
- Капиталистическая миров-система представляет собой [совокупность] миро-хозяйства, определяемого отношениями центра и периферии, и политической структуры, состоящей из входящих в международную систему суверенных государств.

- Фундаментальные противоречия капиталистической системы проявляются на уровне глубинных процессов в череде циклических колебаний, служащих разрешению этих противоречий.
- Двумя наиболее важными циклическими колебаниями выступают 50–60-летние циклы Кондратьева, на протяжении которых основные источники прибыли перемещались из производственной сферы в финансовую и обратно, и 100–150-летние циклы гегемонии, определявшиеся подъемом и упадком сменявших друг друга «гарантов» мирового порядка.
- Эти циклические колебания приводили к постоянным, пусть медленным, но значительным, географическим сдвигам центров концентрации капиталов и власти, которые, однако, не отрицали существовавших внутри системы фундаментальных отношений неравенства.
- Эти циклы никогда не были строго симметричными, и каждый новый из них приносил незначительные, но важные структурные изменения в направлениях, определяющих исторические тенденции развития системы.
- Мировая система модернизируется, подобно любой системе, не может развиваться вечно и придет к своему концу, когда исторические тенденции приведут ее в точку, где колебания системы станут настолько масштабными и хаотичными, что окажутся несовместимыми с обеспечением жизнеспособности ее институтов. В случае достижения этой точки случится бифуркация, и как результат эпохи перехода (хаотического) система будет заменена одной или несколькими другими системами.

Касаясь циклических колебаний в рамках развития «мировой системы модернизации», следует обратить особое внимание на 100–150-летний цикл смещения ее внутреннего «центра силы». Как справедливо отметил российский исследователь А.М. Ушков, пики гегемонии каждого нового «центра» обычно наступали после крупномасштабных военных конфликтов, или «мировых войн», охватывавших мир-систему в целом и длившихся примерно 30 лет, что видно из следующей схемы:

Тридцатилетняя война (1616–1648)
 Наполеоновские войны (1792–1815)
 Мировые войны (1914–1918, 1939–1945)
 Голландия (1620–1672)
 Великобритания (1815–1837)
 США (1945–1967/1973)

При этом весьма примечательно, что каждый будущий победитель начинал с того, что брал себе в партнеры предыдущего гегемона (Великобритания – Голландию, США – Великобританию).

Согласно концепции мир-системного анализа настоящий цикл развития «капиталистической мир-экономики» должен завершиться в середине или последней трети XXI в. Пик гегемонии США уже остался позади, и со второй половины 70-х гг. ушедшего века начался ее упадок. «Растущий» гегемон уже должен налаживать партнерские отношения с США, однако кто им будет – этот вопрос пока остается открытым.

Валлерстайн полагает, что существуют два наиболее вероятных сценария. Первый из них сводится к тому, что «капиталистическая мир-экономика» может продолжить свое развитие на более или менее прежних основах и вступить в новую волну циклических изменений. Согласно второму сценарию в конце существующего ныне цикла «миро-система модернити» может достичь кризисной точки и подвергнуться радикальным структурным трансформациям, пережить направленный вовне или внутрь взрыв, влекущий за собой становление какой-либо новой исторической системы.

В случае реализации первого сценария, как полагает Валлерстайн, в ближайшем будущем мы станем свидетелями очередной восходящей фазы кондратьевского цикла. В ее основе будут лежать новые виды продукции, производство которых началось в последние двадцать лет. При этом между США, Европейским Союзом и Японией возникнет жесткая конкуренция за лидерство в производстве этой новой продукции и одновременно обострится конкурентная борьба между Японией и Европейским Союзом за статус гегемона, утрачиваемый Соединенными Штатами. Логика данной конкурентной борьбы приведет к тому, что каждый член триады будет продолжать укреплять экономические и политические связи с определенными регионами: США – со странами Северной и Южной Америки, Япония – с Восточной и Юго-Восточной Азией, Европейский Союз – со странами Восточной и Центральной Европы и бывшего СССР. Так как в ходе жесткой конкуренции триада обычно превращается в биполярную конструкцию, наиболее вероятным станет основанное главным образом на экономических факторах сближение Соединенных Штатов и Японии для противостояния Европейскому Союзу. Этот альянс вернет мир к классической модели геополитического противоборства Японии как державы, которая контролирует море и воздух и имеет поддержку со стороны прежнего гегемона – США, и сухопутной, «континентальной» державы, в роли которой оказывается Европейский Союз. В этом варианте геополитические и экономические факторы дают основание, по мнению Валлерстайна, предсказать в итоге победу «Большой Японии» – Японии в союзе с государствами Юго-Восточной Азии.

Рассматривая первый сценарий, следует подчеркнуть, что достаточно сложной, но в принципе решаемой политической проблемой в ходе такой геополитической реструктуризации видится включение России в зону Европейского Союза. Однако инкорпорирование Китая в японско-американскую зону, причем на правах «младшего партнера», на наш взгляд, представляется маловероятным. Сегодня пока неясно, сможет ли Китай перехватить у «Большой Японии» экономическое лидерство либо мирным, либо военным путем. Но если в этом противостоянии победит «социализм с китайской спецификой» – а подобный исход отнюдь не следует считать невозможным, – не будет ли это означать конец «капиталистической мир-экономики»? Так или иначе, но первый сценарий логически приводит нас к тому, что судьбы мира в XXI в. будут в конечном счете решаться не на Западе, а на Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Результатом второго сценария, как считает Валлерстайн, «могут стать долгие смутные времена, возникновение очагов гражданских войн (локальных, регио-

нальных и, возможно, даже принимающих мировой масштаб)... Итоги подобного процесса подтолкнул к «поискам порядка» в противоположных направлениях (бифуркации) с их абсолютно непредсказуемыми последствиями». Если воспользоваться известной терминологией И. Пригожина, из такого состояния «хаоса» в конечном счете родится некий новый «порядок», сегодня абсолютно неопределенный – в том смысле, что его пока нельзя предсказать в деталях, – но принципиально отличный от модели «капиталистической мир-экономики» в той же мере, как сама «капиталистическая мир-экономика» отличалась и от феодальной модели западной «мир-империи» и от традиционалистских моделей незападных цивилизаций. Единственное, что, на наш взгляд, сегодня возможно, так это назвать такой будущий «порядок» весьма расплывчатым и не вполне определенным термином «посткапиталистический». Иными словами, следует согласиться с Валлерстайном, по крайней мере, в том, что наступает «конец знакомого мира».

Мир-системный подход возник в немалой степени как реакция на неспособность популярных на Западе в 1950-е гг. теорий «модернизации» (У. Ростоу и др.) решить проблемы современного мира, в первую очередь, – разницы в уровне развития между «первым» и «третьим» мирами.

Развитые капиталистические государства («первый мир»), с одной стороны, и страны «третьего мира» – с другой, существуют одновременно, но очень различны между собой. Как они соотносятся? «Теории модернизации» утверждали: как две стадии развития. «Традиционные общества» третьего мира должны пойти по западному пути и превратиться в «современные общества». «В целом создавался образ скачка или вознесения развивающихся стран из своей первозданности в новый мир. Имелось в виду не частичное обновление, осовременивание, одним словом, усовершенствование, как следует из русского значения слова «transformation», а коренные преобразования в духе западной модернизации, наступление Нового времени (modern times), вступление в Современность». Соответственно, слаборазвитость считалась следствием простого отставания одних стран от других. Модернизация должна была покончить с отставанием и, следовательно, со слаборазвитостью.

Но, как выяснилось уже в следующее десятилетие, не покончила. Политической независимости, достигнутой большинством стран «третьего мира» в 1950–60-е годы, оказалось недостаточно для избавления от экономической зависимости, а попытки «догнать» развитые капиталистические страны путём «модернизации», как правило, были неудачны. Попыткой объяснения этой ситуации стали концепции «зависимого развития», оказавшиеся как бы обратной стороной «теорий модернизации». Их авторы – латиноамериканские экономисты Р. Пребиш, Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос и др. Ими было введено понятие «зависимого» или «периферийного» капитализма, принципиально отличного от капитализма центра и неспособного к самостоятельному развитию.

В целом, концепции «модернизации» и «зависимого развития» отражают, каждая со своей стороны, противоречивое положение слаборазвитых стран, входящих в капиталистическую систему. Они вынуждены переходить от докапиталисти-

ческих форм к капитализму («модернизироваться»), но сам этот капитализм приобретает в них черты, не свойственные капитализму развитых стран («зависимое развитие»). Ни задержаться на докапиталистической стадии, ни догнать Запад они не могут. При этом, несомненно, концепции «зависимого развития» отражают реальность более адекватно.

Концепции зависимости были исходным пунктом для мир-системного подхода в том его варианте, который был создан И. Валлерстайном. Единственной социальной реальностью И. Валлерстайн считает «социальные системы», которые подразделяются им на мини-системы и миры-системы. В свою очередь, миры-системы делятся на миры-империи и миры-экономики. Три основных вида социальных систем основаны на трех различных способах производства (mode of production).

Мини-системы – относительно небольшие, высоко автономные единицы с четким внутренним разделением труда и единой культурой. Они не входят в какие-либо системы более высокого уровня и не платят регулярной дани. Основаны мини-системы на способе производства, который И. Валлерстайн называет реципрокально-линейным (reciprocal-lineage). Будучи единственными в эпоху охоты и собирательства, мини-системы впоследствии сосуществовали с мирами-системами, затем были вытеснены ими и к настоящему времени исчезли. Мини-системы Валлерстайна не интересуют. Все его внимание отдано мирам-системам.

«Мир-система – социальная система, имеющая границы, структуру, правила легитимации и согласованность (coherence)». Это – организм, чья жизнь определяется конфликтующими силами; организм, имеющий жизненное пространство (life-span), сверх которого его характеристики меняются в одном отношении и не меняются в другом. Критерий мира-системы – самодостаточность (self-contained) его существования. «Мир -система» – не «мировая система», а «система», являющаяся «миром». Самодостаточность – теоретический абсолют (как вакуум), не существующий в реальности, но делающий измеримыми явления реальности.

Наиболее устойчивые миры-системы – «миры-империи» (Китай, Рим и т. д.) Способ производства, являющийся их основой, – редистрибутивно-даннический (redistributive-tributary) или просто даннический (tributary). «Лейтмотив» (key-note) этого способа производства – политическое единство экономики, которое существует не только при наличии относительно высокой административной централизации («имперская» форма), но и при ее отсутствии («феодалная форма»).

Практически И. Валлерстайн в первом случае имеет в виду способ производства, который обычно называют «азиатским» (более верным представляется термин «политарный», предложенный Ю.И. Семёновым, во втором – феодальный. Но в теоретическом плане, никаких способов производства, кроме изобретенных им самим, И. Валлерстайн не признает. Сами по себе миры-империи И. Валлерстайн также не рассматривает.

Наряду с мирами-империями возникают иные миры-системы – миры-экономики. Мир-экономика – это система, принципиально отличная и от мини-системы,

и от мира-империи. В мире-экономике нет социальных ограничений для развития производства, что становится возможным, по Валлерстайну, при освобождении экономики из-под диктата политической власти. Такой диктат – сущность мира-империи. Его упразднение – это победа нового «способа производства» – капиталистического.

Непрочные миры-экономики прошлого быстро гибли, трансформируясь в миры-империи. Такова судьба миров-экономик Китая, Персии, Рима и других. Они также находятся вне поля зрения И. Валлерстайна – он исследует один и только один мир-систему: современный мир-систему (СМС), он же – капиталистическая мир-экономика (КМЭ), единственная из миров-экономик, не только выжившая, но и победившая остальные социальные системы, «втянув» их в себя.

Возникновение КМЭ относится к XVI в. Капиталистический мир-экономика базируется на обширном (extensive) разделении труда (в меньшей степени обусловленном географически, в большей – социально). Его составные части – ядро, полупериферия и периферия.

В разработке проблем отношения центра и периферии Валлерстайн следует за сторонниками концепции «зависимого развития».

Ядро в результате неэквивалентного обмена выигрывает (развитые капиталистические страны), периферия – проигрывает («третий мир»), полупериферия занимает промежуточное положение (например, Россия). В ядре существует мировой лидер – гегемон. В роли гегемона выступали в XVII–XVIII вв. – Голландия, в XIX в. – Великобритания, в XX в. – США. Вокруг КМЭ находились другие миры-системы – внешние арены, которые были им впоследствии поглощены. Население КМЭ составляют «статусные группы» и «классы». «Классами» Валлерстайн называет «статусные группы», осознающие свои интересы и борющиеся за них. «Классов» может быть не более двух.

Такова в кратком изложении методология И. Валлерстайна. При исследовании проблем КМЭ она оказалась весьма плодотворной. Несомненным достижением является изучение горизонтальных связей внутри мира-экономики. Но несомненной проблемой для мир-системного подхода оказалось соотношение мира-экономики и отдельных обществ.

Существование отдельных обществ (Валлерстайн называет их «национальными государствами») считается вторичным, производным от существования социальных систем. По мнению Валлерстайна, не социально-исторические организмы объединяются в системы, а, напротив, системы порождают социально-исторические организмы. Несомненно, этот взгляд связан с тем, что главный предмет исследований Валлерстайна – современность. Именно для современности характерно весьма сильное обратное влияние межгосударственной системы на составляющие её национальные государства; Валлерстайн перенёс эту ситуацию на прошлое, когда подобное влияние было значительно слабее.

Несмотря на то, что Валлерстайн выделяет разные типы социальных систем и разные способы производства, стадияльная типология у него отсутствует – он не считает, как можно было бы предположить, что человечество развивается от

стадии мини-систем к стадии миров-систем. Валлерстайн отрицает понятия «прогресс» и «развитие», видя в истории только изменения, не имеющие никакой направленности. Это заметно при объяснении им причин появления КМЭ в Европе, одновременно являвшимся объяснением причин невозникновения КМЭ в других местах и в другие времена.

Казалось бы, возникновение капитализма неразрывно связано с возникновением буржуазии из средневекового бюргерства, со спецификой европейского города и т.д. И. Валлерстайн с этим не согласен. Это, по его мнению, не более, чем «миф XIX в.», не объясняющий ни отставания одних стран от других, ни способов ликвидации этого отставания. В основе мифа он видит признание существования двух пар антагонистических социальных групп (буржуазия – пролетариат, земельная аристократия – крестьянство), из которых первая пара принадлежит капитализму, вторая – унаследована от прошлого. Вместо «мифа XIX в.» им предлагается «Сказка нашего времени», сюжет которой сводится к утверждению, что феодалы превратились в капиталистов, а не были ими побеждены.

Не совсем понятно, что означают в данном контексте слова «миф» и «сказка». Если Валлерстайн (в духе П. Фейерабенда) хочет сказать, что между наукой и мифом нет разницы, то чем тогда плох старый миф и хорош новый? Возможно, правда, что мы имеем дело с шуткой автора, вернее, с эпатажем. Возможно также, что на эти термины вообще не следует обращать внимания.

Но эта гипотеза также не объясняет, почему одни феодалы превратились в буржуа, а другие – нет. Тем более уязвима «сказка» Валлерстайна для объяснения невозникновения КМЭ в Азии. (А такое объяснение Валлерстайну необходимо было представить – ведь для него нет принципиальной разницы между европейским феодализмом и другими «мирами-империями»: всюду существуют «прото-капиталистические элементы» и имеет место их «блокирование» политической властью, следовательно, капиталистическая мир-экономика в принципе может возникнуть где угодно и когда угодно, необходимо лишь благоприятное стечение обстоятельств. Валлерстайн доказывает, что такое стечение обстоятельств имело место в Европе XIV–XVI вв., но не доказывает, что оно не имело места в Азии, Африке, доколумбовой Америке в любое другое время.)

Представляется, что Валлерстайн, на конкретном материале усмотрел тенденцию «встраивания» европейской знати в капиталистический рынок, дал этой тенденции неверное истолкование. Власть дворянства на периферии связана властью буржуазии в ядре. Существование КМЭ для Валлерстайна первично по отношению к существованию отдельных обществ. Получается, что дворянство и буржуазия составляют единое целое. Таким образом, Валлерстайн оказался заложником своей теоретической схемы. Возможно, свою роль сыграли и его политические убеждения, в рамках которых допустимо рассматривать исторический процесс, как направляемый злой волей господствующего класса – наиболее обычным для Валлерстайна является «одноклассовое» состояние мира-системы, при котором свои интересы осознаёт только господствующий класс, а остальные слои общества остаются «статусными группами».

Валлерстайн, исходя из представлений о тождестве дворянства и буржуазии, отрицает факт буржуазных революций. Так, в III томе «Современного мира-системы», дойдя до Великой французской революции, он отказывается видеть в ней социальную революцию, произошедшую во Франции. Валлерстайн заявляет следующее: «Французская революция не отмечена ни базисными экономическими, ни базисными политическими трансформациями. Французская революция, в терминах капиталистического мира-экономики – это момент, когда идеологическая суперструктура догнала экономический базис». То есть это не социальная революция, а мировоззренческий сдвиг, притом происшедший не во Франции, а в мире-экономике в целом. Антиаристократические лозунги французской революции для него – гигантское отвлечение внимания (*diversion*), «шутка и игры» (*fun and games*), принятое «аристократией-буржуазией» для одурачивания крестьян и санкюлотов.

Коротко обрисует эволюцию КМЭ с XVII в. до наших дней. Основных направлений было два – территориальное расширение, означавшее периферизацию подчиняемых внешних арен, и борьба за гегемонию в ядре. Оба процесса протекали в соответствии с экономическими циклами – за периодом экспансии (А-фаза) следовал период застоя (Б-фаза). Периоды расширения КМЭ – 1620–1660 гг., 1750–1815 гг., 1880–1900 гг.

И. Валлерстайн и Т.К. Хопкинс в статье «Капитализм и включение новых зон в мир-экономику» дают следующую картину расширения КМЭ.

- В XVI в. в его состав входит большая часть Европы (кроме России и Турции) и Иберийская (испанская и португальская) Америка.
- В XVII в. включаются Северная Америка и Карибы.
- В XVIII в. – Россия, Турция, Индия, побережье Западной Африки.
- Во второй половине XIX в. – остальная Азия, Африка и Океания.

В первую очередь включаются географически близкие и политически слабые арены, такие, как Восточная Европа. Отдалённые, но слабые Америка и Карибы включаются быстрее, чем близкая, но сильная Османская империя. Ещё более сильная Россия включается в качестве полупериферии, а не периферии.

Включение идёт постепенно, по мере того, как ядро КМЭ становится сильнее. Морская техника европейцев уже в XVI в. обеспечивала превосходство в Индийском океане, а сухопутная – только в XVIII в. позволила завоевать Индию. Включение означало, во-первых, переориентацию производства для работы на мировой рынок (развитие горнодобывающей промышленности и плантационного сельского хозяйства) и, во-вторых, политические изменения. Государственные структуры, «классы» и статусные группы унифицировались в соответствии со стандартами КМЭ. Государство (там, где оно сохранялось) изменялось таким образом, что его структуры функционировали теперь «как члены межгосударственной системы и под её руководством», теряя часть суверенитета.

Время политической и экономической трансформации каждой новой зоны составляло 50–75 лет.

Включение новых зон в мир-экономику, пишет Валлерстайн в III томе «Современного мира-системы», сопровождалось превращением соседних зон во внеш-

ние арены. «С точки зрения капиталистического мира-экономики, внешняя арена была зоной, в продукции которой капиталистический мир-экономика нуждался, но которая сопротивлялась (возможно, лишь культурно) ввозу мануфактурной продукции в ответ и достаточно сильно поддерживала свои преимущества политически». Когда была включена Индия, Китай обрёл качество внешней арены, когда были включены одни части Османской империи – Балканы, Анатолия, Египет, то другие – «Благодатный полумесяц», Магриб – стали внешними аренами. То же произошло с Центральной Азией после включения России, с западноафриканской саванной – после включения западноафриканского побережья. Но, в конце концов, сопротивление всех внешних арен было сломлено и они были включены в КМЭ.

Пока сохранялась возможность экстенсивного роста КМЭ, шел процесс колонизации. В XX в., когда эти возможности были исчерпаны, КМЭ, пережив кризис, пришел к новой форме отношений ядра и периферии – неокOLONIALИЗМУ. Подчеркнем, что, хотя колониальная система в современном мире отсутствует, отношение «центр-периферия» сохраняется.

Кажется, что из поля зрения И. Валлерстайна выпала проблема существования так называемого «реального социализма» и его взаимоотношений с КМЭ. Но это не так – у Валлерстайна есть своя интерпретация СССР: это – полупериферия КМЭ, такая же, как Российская империя – до и Российская Федерация – после.

Чтобы сделать понятной логику И. Валлерстайна, приведшую его к столь эксцентричному выводу, необходимо рассмотреть историю интеграции России в КМЭ и её положение там после интеграции.

При возникновении КМЭ Россия оставалась внешней ареной. Московское царство, созданное Иваном Грозным, было одним из многих миров-империй. Первое столкновение этого мира-империи и КМЭ – Ливонские войны – закончилось вничью. «Победи царь Иван – и значительная часть Европы вошла бы в его мир-империю и перестала бы быть капиталистической, как это случилось с Новгородской республикой. Победы Запад – Смутное время, скорее всего, переросло бы в окончательный распад империи, возникли слабые государства с последующим включением их в состав периферии. Такова хорошо нам известная историческая траектория Моравии, Речи Посполитой, позднее Китая, империй Османов и Великих Моголов. Периферийное положение в мире-экономике несовместимо с существованием сильного государства. На периферии попросту не хватает ресурсов для поддержания относительно эффективной системы власти. Московия же за XVII в. присоединила Сибирь, создала мощную для своего времени мануфактурную промышленность, и это позволило ей при Петре I войти в европейскую геополитику «при шпаге».

Россия была интегрирована в КМЭ в XVIII в., в период между правлениями Петра I и Екатерины II (это соответствует обычной длительности интеграции) и «дала классический пример не периферии, а именно полупериферии – государства, причудливо сочетающего как черты ядра, так и периферии. «Черты ядра в России Валлерстайн видит «в армии и во всём, что в России с ней связано. В отличие от азиатских империй Россия XVIII–XIX вв. контролировала очень серьёзный воен-

ный потенциал, расположенный вблизи от европейского ядра мира-системы. Россию можно было призвать в качестве решающего союзника во внутриевропейских конфликтах, начиная с Семилетней войны и особенно со времён наполеоновской попытки воспрепятствовать наступлению британской торгово-промышленной гегемонии».

Время между правлениями Екатерины II и Александра II характеризуется ухудшением условий обмена между Россией и ядром КМЭ, чреватый сползанием страны на периферию. Оно было предотвращено отменой крепостного права. Последовала попытка сделать Россию развитой капиталистической страной. Однако после 1873 г. произошло пугающее наложение циклического сжатия КМЭ на внутрироссийский социальный кризис и нарастающее политическое брожение... В России недоставало экономических ресурсов, чтобы следовать курсом Бисмарка, поэтому националистический консерватизм Победоносцева приобрёл чисто реакционную окраску. Это вело империю в тупик, чреватый крупным внешним поражением и, вероятно, внутренним взрывом. Реформы Витте и Столыпина – «бюрократически направляемая индустриализация» – не были доведены до конца.

Что же изменилось после 1917 г.? По Валлерстайну, ничего или почти ничего. «Катастрофа разрушила социально-политическую систему Российской империи, но отнюдь не КМЭ, блоком которой Россия продолжала оставаться на протяжении всего периода после 1917 г. Ни определённая экономическая замкнутость СССР, ни военное противостояние Западу, ни тем более идеологическая риторика коммунистов не дают оснований считать, что в России была создана принципиально иная, особая историческая система... Ни стремление к имперскому экспансионизму, ни создание системы перераспределения и социальных гарантий для довольно широких категорий населения, ни национализация производства, ни тем более репрессивный режим не выходят за рамки того, что имеется в пределах КМЭ».

Также почти ничего не изменилось и в конце 1980-х– начале 1990-х гг. Просто «всемирный кризис 70-80-х годов поставил под сомнение весь восходящий к Витте и Сталину курс на военно-бюрократическую модернизацию и выявил относительную слабость советского аппарата управления». Россия не переходит к капитализму – капитализм в ней уже существовал (поскольку для Валлерстайна любая эксплуатация в современном мире является капиталистической). Россия переходит к рынку – её прежний капитализм не был основан на рынке (поскольку для Валлерстайна не имеет значения отсутствие рынка в экономике отдельного общества, включённого в мировой рынок).

Замечу, что здесь вновь проявилось игнорирование Валлерстайном существования социально-исторических организмов. Для него в современном мире существует только КМЭ в разных обличьях.

«Холодная война», на взгляд И. Валлерстайна, являлась «контролируемым соперничеством-партнёрством» сверхдержав и даже более того – «танцем, который надо танцевать, а не борьбой, которую надо выиграть». Непонятно, правда, почему она всё-таки была выиграна и почему США не бросили все силы на спасение погибающего партнёра – СССР, а, напротив, способствовали его гибели (которая

им, по логике Валлерстайна, была не нужна)? Очевидно, потому, что все, кроме Валлерстайна, воспринимали «холодную войну» всерьёз. Но если предположить, что прав Валлерстайн, то какую картину мы имеем?

СССР – полупериферия КМЭ. Одновременно он – вторая сверхдержава, что признаёт и Валлерстайн: «Россия дала потрясающий пример, обретя титул сверхдержавы на фоне послевоенного превращения европейских стран в клиентов США». Но «клиенты США», не вполне самостоятельные страны, – ядро, а СССР, вполне самостоятельная страна – полупериферия. Полупериферия, которая соревнуется с гегемоном. Полупериферия, которая все 70 лет своего существования (за исключением вынужденного сотрудничества в 1941–45 гг.) находится в состоянии конфликта с ядром. Не с одним из государств ядра (как в начале века – с Германией), а со всем ядром. При этом Валлерстайн утверждает, что СССР, как всякая полупериферия, передаёт на периферию влияние центра. То есть советский субимпериализм передаёт влияние американского империализма в Афганистан, Вьетнам, Китай и т.д. По этой логике Варшавский Договор был младшим партнёром НАТО, а советские войска должны были бы поддерживать американцев при высадке на Кубу или Гренаду. В действительности ничего подобного не наблюдалось.

Очевидно, следует признать, что И. Валлерстайн в данном случае серьёзно ошибся. СССР не был полупериферией КМЭ и вообще не входил в КМЭ, а был центром другого мира-системы, который образовался путём откола от КМЭ и где существовал эксплуататорский строй, отличный от капиталистического – индустриально-политарный – результат неудачного строительства социализма в отсталых странах. Первой КМЭ покинула Россия, затем – Китай, страны Восточной Европы и некоторые азиатские страны. Их правящие круги стремились к полной изоляции своих стран от КМЭ, что в современном мире, конечно, невозможно. Влияние КМЭ продолжало ощущаться. Кроме того, возможности развития индустрополитаризма были невелики.

После того, как политарные производственные отношения превратились в помеху на пути развития производительных сил, индустрополитаризм в СССР и Восточной Европе рухнул, причём не без влияния КМЭ, реальным (а не бутафорским) соперником которого был побеждённый мир-система. СССР в последние годы своего существования постепенно втягивался в зависимость от КМЭ; новые независимые государства, появившиеся из его обломков, с самого начала возникли как страны зависимого капитализма.

Если принять такую точку зрения, становятся понятны и интервенция держав КМЭ в Советской России в 1918–1922 гг., и «железный занавес», и Карибский кризис, и последовавшая после 1989–1991 гг. интеграция стран Восточной Европы и СНГ в состав КМЭ. Интеграция разных стран, как известно, идёт с разной интенсивностью, и статус новых членов КМЭ будет явно различным; Россия же, видимо, в лучшем случае обретёт своё старое место полупериферии. «Даже ослабленная Россия слишком опасный противник, чтобы допустить её сползание на Юг». Таков будет закономерный итог возрождения России, которую мы потеряли и которую вновь обрели.

Такая интерпретация в принципе не противоречит мир-системному подходу. Ф. Бродель писал о противостоянии Венеции (центра европейского мира-экономики) и Турции (самостоятельного мира-экономики): «То был классический случай взаимодополняющих друг друга врагов – всё их разделяло, но материальный интерес заставлял жить вместе, и всё больше и больше, по мере того, как распространялось османское завоевание». Ни у Броделя, ни у Валлерстайна не было сомнений в том, что Османская империя XV–XVI вв. была самостоятельным миром-экономикой, а не полупериферией европейского.

Коренная ошибка И. Валлерстайна в случае с СССР – в непризнании возможности выхода из КМЭ. Из всемирной экономики выйти, действительно, невозможно. Но мир-экономика, как писал Бродель, – не всемирная экономика. Из него выйти можно. И теперь некоторые страны (КНДР, КНР) не входят в КМЭ, хотя, по всей видимости, будут им в конце концов поглощены. И. Валлерстайн же, объявив о том, что расширение КМЭ закончено, забежал вперёд и сильно примитивизировал свою теорию.

Второе направление эволюции КМЭ – завоевание и утрата гегемонии. Они также подчинены циклам: медленное накопление сил претендентами на гегемонию в условиях упадка действующего гегемона, относительно быстрый кризисный период «войны за гегемонию» (1618–1648 гг., 1792–1815 гг., 1914–1945 гг. – каждый раз порядка 30 лет), определяющий победителя, и возврат к соперничеству между постепенно ослабевающим гегемоном и новыми претендентами.

Результатом последней войны за гегемонию (1914–1945 гг.) стала господство США, клонящееся с 1967–1973 гг. к концу. Наиболее вероятный будущий гегемон – Япония. США станут её младшим партнёром, а Китай – их общей полупериферией. Объединённая Европа останется на второй позиции в ядре. Её полупериферией будет Россия. Положение стран третьего мира ухудшится: «заново открытый Китай займёт в товарных цепочках место множества стран третьего мира – от Афганистана и Бангладеш до Алжира и Замбии. Те попросту оказываются лишними для функционирования самого мощного треугольника накопления капитала в следующем веке. Безработные мирового уровня... Они не имеют перспективы ни в качестве рабочей силы, ни в качестве потребителей». (Интересно, что говоря о «заново открытом Китае», Валлерстайн де-факто признаёт, что раньше КНР не входила в КМЭ. Тем более это верно для СССР).

Естественно возникает вопрос о будущем КМЭ. Антиномией СМС Валлерстайн называет «эксплуатацию и отказ признать эксплуатацию необходимой или справедливой». Естественно, со стороны эксплуатируемых. 6/7 населения мира к 1945 г. жили хуже, чем их предки до вхождения в КМЭ, и разрыв между богатыми и бедными регионами продолжал увеличиваться. Неизбежна борьба, неизбежно оформление сил, стремящихся разрушить КМЭ, особенно после того, как закончились его территориальное расширение, дававшее «верхам» ядра неограниченные возможности для манипулирования «низами» своих стран.

Антисистемные (или «революционные») движения, организационно оформившиеся в XIX в., делятся на социальные и национальные. Цель тех и других –

равенство людей (human equality), что недостижимо в условиях КМЭ, имеющего иерархическую структуру и базирующегося на неравенстве.

Рассмотрим историю борьбы КМЭ против антисистемных движений.

Для КМЭ существовала задача не только внешней экспансии, но и внутренней – интеграции трудящихся в свою политическую систему. Она решалась с помощью либеральной идеологии.

Либерализм, как и социализм, и консерватизм (соответственно – центр, левые, правые) возникает, с точки зрения Валлерстайна, после Великой французской революции, когда становится возможным распространение светской идеологии. В 1848–1914 гг. либерализм безоговорочно господствует, влияя на своих идеологических конкурентов и порождая сначала либеральных консерваторов (Дизраэли, Бисмарк), а затем и либеральных социалистов (Бернштейн, Жорес). Целью либералов и их союзников являлась интеграция рабочего класса ядра в политическую систему капитализма. Первым средством было всеобщее избирательное право, организованное таким образом, что результаты его осуществления приводили лишь к минимальным изменениям государственных институтов. Вторым – передача рабочим части прибавочного продукта, но так, чтобы основная часть сохранялась в руках господствующих слоёв. Цель была достигнута – рабочий класс ядра утратил революционность.

И. Валлерстайн преподносит эти события так, как будто рабочий класс не добивался всеобщего избирательного права и социальных гарантий, а был отвлечён ими буржуазией от главной задачи – уничтожения капитализма. Такой взгляд явно антиисторичен – рабочий класс XIX в., при тогдашнем уровне развития производительных сил, не мог уничтожить КМЭ, но мог вырвать (в упорной борьбе) определённые уступки у буржуазии. Эти уступки были шагом на пути изживания капитализма, хотя, конечно, буржуазия сделала всё, чтобы её отступление было минимальным.

После Первой мировой войны целью буржуазии стала идеологическая интеграция трудящихся полупериферии и периферии. Средства этой интеграции были продолжением прежних средств: «самоопределение наций» как всеобщее избирательное право в масштабе КМЭ и «национальное развитие» как повышение благосостояния, тоже в масштабе КМЭ. Авторами (возможно, невольными) этих средств И. Валлерстайн считает В. Вильсона и В.И. Ленина. Вопрос об отношениях СССР и КМЭ был рассмотрен выше; здесь же заметим, что Валлерстайн снова видит лишь уловки буржуазии, а не реальную борьбу угнетённых (в данном случае – народов периферии) за свои права. Естественно, они не в силах добиться максимума – гибели КМЭ (желаемой не столько ими, сколько левой интеллигенцией ядра, подобной Валлерстайну), но то, что они заставляют буржуазию идти на уступки – уже прогресс.

Кроме того, как справедливо заметил А.И.Фурсов, Валлерстайн проигнорировал существование фашизма (национал-социализма) – очевидно, потому, что тот не вписывался в схему «национального развития» как единой либеральной теории.

В 1918–1989 гг. «глобальный либерализм» действовал успешно, хотя и не в такой степени, как его европейский предшественник XIX в.. Национально-освободительные силы, придя к власти, вынуждены были подчиняться законам КМЭ. В условиях, когда места в ядре были уже заняты, «национальное развитие» не приводило, как правило, ни к чему. Как капиталистами могут быть лишь несколько процентов населения, а остальные – подавляющее большинство – капиталистами никогда не станут, так и стран ядра («мировых капиталистов») всегда будет немного. Остальные останутся «мировыми пролетариями» или даже «мировыми безработными» со всеми социальными последствиями этого положения.

Валлерстайн подчёркивает, что Маркс был прав, говоря, что капитализм ведёт к абсолютному, а не только относительному обнищанию большинства. «Великая иллюзия теорий модернизации состояла в обещании сделать всю систему ядром, без периферий. Сегодня вполне очевидно, что это невыполнимо». Исчезновение резкой поляризации в странах ядра, выдаваемое апологетами системы за преодоление противоречий капитализма, – лишь следствие усиления поляризации в масштабе КМЭ.

В ситуации, когда капитализм не в состоянии обеспечить большинству населения Земли сносные условия жизни, неизбежны окончание его мирного господства и «исчерпание» господствующей идеологии – либерализма. Такое исчерпание постепенно наступает в 1968–1989 гг.

И. Валлерстайн очень высоко оценивает события 1968 г. (в ЧССР, Франции, Китае – всё вместе как единое целое), видя в них «всемирную» революцию, изменившую облик КМЭ. В истории, по его мнению, было только две «всемирных» революции – 1848 и 1968 гг. 1989 г. завершает дело 1968 г., нанеся удар по самому прочному до этого времени бастиону КМЭ – его полупериферии. Удивительно, но Валлерстайн не говорит о том, кто победил во «всемирных» революциях. Очевидно, не антисистемные силы, раз КМЭ устоял и даже стал более агрессивен. Но в то же время не сказано, что «всемирные» революции потерпели поражение. Возможно, дело в том, что Валлерстайн снова видит в «революциях» не социальный, а мировоззренческий сдвиг, изменения в общественном сознании. (Для 1848 г. – осознание эксплуатируемыми группами необходимости создания «антисистемной бюрократической контрорганизации для захвата государственной власти», что и было воплощено впоследствии в действиях «старых левых», венцом которых стала победа РСДРП(б) в 1917 г. Для 1968 г. – осознание необходимости борьбы с КМЭ не на национальном, а на мировом уровне и возникновение «нового левого» движения, которое, по мысли Валлерстайна, должно вести такую борьбу. А также – ослабление культурно-психологической власти Запада над Востоком, «большинства» – над меньшинствами, капитала – над трудом, государства – над гражданским обществом.) Так объявленное Валлерстайном «преодоление разделения социальной реальности на политику, экономику и культуру» закономерно обернулось сведением политики и экономики к культуре. Кроме того, Валлерстайн опять игнорирует существование социоисторических организмов – ведь события 1968 г., не говоря уже о 1848-м, сказались по-разному в разных странах.

В одних было сильно «старое левое» движение, в других – «новое», в третьих – и то, и другое, в четвёртых – ни то, ни другое и т. д. Действительность вновь оказывается сложнее схемы Валлерстайна.

Период мирного развития КМЭ, как пишет Валлерстайн, окончен. Дальнейшее расширение политических прав и перераспределение материальных благ поставят под угрозу систему капиталистического накопления. Теперь буржуазия будет опираться только на силу. Решающим поворотом в политике ядра КМЭ Валлерстайн считает войну в Персидском заливе 1991 г., когда Юг открыто выступил против власти Севера на глобальном уровне и проиграл. В будущем Валлерстайн видит три варианта борьбы периферии против центра: светский милитаризм Хусейна, религиозный фундаментализм Хомейни и массовую миграцию жителей Юга на Север, не считая, однако, что эти пути ведут к преодолению капитализма.

Итак, две «великие стратегии» сокрушения КМЭ – классовая борьба рабочего класса и борьба за национальное освобождение – при частичных успехах не достигли цели: КМЭ продолжает существовать. Почему? Чтобы понять, как Валлерстайн отвечает на этот вопрос, необходимо взглянуть на проблему развития КМЭ.

Оставив в стороне декларации И. Валлерстайна о необходимости отказа от понятия «развитие», выделим главное в мир-системном подходе: развитие мира-системы как целого, а не суммы развитий отдельных стран или цивилизаций. Если посмотреть с этой точки зрения, обнаружится, что одно и то же развитие принесло одним народам богатство, другим – нищету; то, что для одних стран стало взлетом, для других обернулось упадком, и без одного не было бы другого. Это невозможно увидеть, если считать единственными субъектами истории социально-исторические организмы – тогда видны только «опережение» и «отставание», обусловленные какими-то непонятными второстепенными причинами. Мир-системный подход открывает путь к пониманию развития как противоречивого процесса, в целом – вопреки Валлерстайну – прогрессивного.

Именно в ориентации на уровень отдельных государств, как полагает И. Валлерстайн, заключалась роковая и неизбежная ошибка антисистемных сил. Они мыслили в масштабах своих стран, их же противники – в масштабе мира-системы (ведь капитал свободно перетекает из страны в страну). Эту ошибку и считает нужным исправить Валлерстайн. Здесь мы подходим к ответу на поставленный выше вопрос о судьбе КМЭ в будущем.

«Развитие» как «национальное развитие» И. Валлерстайн справедливо считает иллюзией. Пока существует КМЭ, существует и его ядро, которое не может расширяться, если не расширяется КМЭ, а ему теперь расширяться некуда. Когда КМЭ занимает весь мир, ядро стабильно – если одна страна займет в нем место, это будет означать, что другая страна его потеряет, только и всего. При этом разрыв доходов между секторами КМЭ как единого целого может даже увеличиться.

Необходимо иное направление развития – не количественный рост, а достижение большего равенства. Для этого «трудящимся следует сконцентрироваться на задаче удержания как можно большей доли прибавочного продукта. Один из путей – увеличение цены рабочей силы или цены продуктов, производимых непо-

средственными производителями. Иными словами, если завтра во всех новых индустриальных странах рабочие текстильной промышленности добьются увеличения зарплаты на 20 %, покупатели их продукции должны будут обратиться к столь же «дорогим» зонам или найти другие «новые индустриальные страны».

Деление мира-экономики на ядро и периферию исчезает не в результате включения в ядро новых стран, а вследствие постепенного изживания капитализма. «Слабость капитализма – в воплощении его же целей, в его полной самореализации. По мере того, как его система в целом становится все более товарной, уменьшается его способность к неравному распределению и, следовательно, к накоплению капиталов, так как исчезает различие между центром и периферией. Однако товаризация не означает автоматической гибели капитализма: предоставленные самим себе, господствующие в КМЭ силы постараются затормозить темп развития, и программы национального развития могут в этих условиях стать средством такого спасительного для капитализма торможения».

Должна быть уничтожена вся капиталистическая система целиком, а не отдельные её звенья. Только такое развитие гарантирует окончательное исчезновение капитализма.

Развитие, пошедшее по пути уничтожения капиталистического присвоения, по пути перехода средств производства в руки непосредственных производителей, может стать не иллюзией, а путеводной звездой (lodestar). Но этот вариант, как подчеркивает И. Валлерстайн, не гарантирован, а может быть только завоеван, причем в упорной борьбе.

Таким образом, Валлерстайн приходит к выводам, весьма похожим на выводы К. Маркса, но своим путем. Мы имеем дело здесь не с вариантом марксизма, а с независимым подтверждением правоты некоторых положений К. Маркса, пришедшим со стороны концепции, претендовавшей на то, чтобы заменить марксизм.

Таким образом, неомарксизм продолжает сохранять в теории международных отношений относительно прочные позиции. В рамках неомарксистской парадигмы продолжают появляться новые, достаточно интересные идеи, выводы и обобщения. Наконец, было бы ошибкой отрицать влияние его положений на другие течения международно-политической науки.

Делая обобщения, можно выделить следующие пункты.

1. Главными действующими лицами в марксистской парадигме международных отношений являются социальные классы – мировая буржуазия и международный рабочий класс (пролетариат). Государства как участники международных отношений вторичны. Стремление буржуазии к сверхприбыли повсеместно побуждает ее к усилению эксплуатации рабочего класса и поиску новых источников сырья, дешевой рабочей силы и новых рынков сбыта готовой продукции. Это ведет усилению межимпериалистических противоречий на одном полюсе мирового капитализма и консолидации интересов международной рабочего класса – на другом. Рабочие не имеют отечества, их объединяет имеющее объективные основы чувство пролетарского интернационализма. Что же касается буржуазии, то она, будучи космополитической по своей глубинной сущности, создала нацио-

нальное государство как инструмент своего классового господства и подчинение. Используя внешнеполитические инструменты государства (военную стратегию и дипломатию) в своих узкоэгоистических целях, буржуазия способствует постоянной дестабилизации международных отношений, вооруженным конфликтам и войнам.

2. Международные отношения, в сущности, ничем, кроме масштабов, не отличаются от внутриобщественных отношений. В целом, они имеют «вторичный и третичный», «перенесенный» характер – в том смысле, что, во-первых, являются одним из элементов надстройки, детерминированной совокупностью господствующих производственных отношений или, иначе говоря, экономическим базисом, и, во-вторых, отражают особенности взаимодействия буржуазии и рабочего класса в рамках национальных государств. Вот почему международные отношения носят по своей природе капиталистический характер, представляя собой поле острого противоборства между господствующей империалистической буржуазией и эксплуатируемыми и угнетаемыми ею трудящимися во главе с пролетариатом. Поэтому основные международные процессы представлены классовыми конфликтами, кризисами, войнами и социальными революциями.

4. Цели главных акторов международных отношений кардинально противоположны. Если одни (мировая буржуазия) стремятся к максимизации прибыли и накоплению капитала, то другие (международный рабочий класс) – к свержению господствующего класса и тем самым осуществлению всемирно-исторической миссии пролетариата: к освобождению всех трудящихся от эксплуатации и установлению социализма и коммунизма на Земле.

5. Различны и средства достижения этих целей: с одной стороны, усиление эксплуатации, а с другой – мировая социальная революция.

6. Марксизм имеет достаточно ясную позицию и относительно будущего международных отношений: оно предопределено объективными законами общественного развития, в том числе законом отмирания государства и установлением новых, свободных от капиталистической эксплуатации и угнетения в мировом обществе «простых норм нравственности и справедливости» между народами.

7. Что касается исходных положений марксистского анализа международных отношений, то они вытекают из его общих методологических позиций, в числе которых определяющая «роль способа производства» экономического базиса в развитии общественных отношений, а также классовая борьба как движущая сила исторического процесса.

Современные неомарксисты представляют международные отношения в виде глобальной системы многообразных экономик, государств, обществ, идеологий и культур. Базовыми понятиями неомарксизма выступают «мир-система» и «мир-экономика». Определяющее место в их взаимодействие принадлежит, естественно, «мир-экономике». Данное понятие отражает не столько сумму экономических отношений в мире, сколько сумму взаимодействия международных акторов, ведущую роль в которой играют экономически наиболее сильные из них.

Основные черты современной «мир-экономики» – всемирная организация производства; рост значения транснациональных монополий в мировом хозяйстве; интернационализация капитала и рынков продуктов при одновременной сегментации рынка труда; стандартизация моделей потребления, уменьшение возможностей государственного вмешательства в сферу финансов и связанная с этим глобальная тенденция «финансизации» и повсеместная приватизация. Неомарксисты подвергают логику международной экспансии современной, капиталистической «мир-системы» критике за сокращение социальных расходов, демонтаж политики полной занятости, изменение фискальной системы в пользу наиболее богатых. Они утверждают, что первым из главных следствий этого является рост неравенства между членами международной системы. Это лишает ее «периферийных» акторов (слаборазвитые государства и регионы) реальных шансов ликвидировать разрыв между ними и «центральными» акторами (государства при этом нередко уподобляются социальным классам: «государства-классы»). В среде последних, в свою очередь, происходят сложные процессы перераспределения влияния и кристаллизация «несимметричной взаимозависимости» в пользу США.

Резкой критике подвергается и господствующая в мировой системе идеология, обслуживающая управление указанными процессами в пользу международного капитализма – идеология «гиперлиберализма». «Гиперлиберализм» рассматривает роль государства, прежде всего, с позиций помощи глобальным рыночным силам, осуждая всякие разговоры о перераспределении богатства в пользу бедных регионов как «протекционистское вмешательство». В современном мире существуют и противоположные процессы – диверсификация экономических, политических, общественных, социокультурных и других организаций и структур, поиски новых путей развития. Но радикально-либеральная идеология внушает массовому сознанию, что альтернативы глобализации нет, поскольку речь идет о неумолимых экономических законах.

Гиперлиберальная мир-экономика нуждается в лидере, способном заставить уважать ее правила. Такую роль присвоили себе США. Это позволяет им претендовать на привилегии, в виде исключений из правил. США – самый большой должник в мире. Но их положение отличается от положений других дебиторов. США рассчитывают на дальнейшее получение кредитов от других стран и продолжают жить, тратя гораздо больше, чем это позволяют их собственные производительные ресурсы, ссылаясь на тяжесть «военной ноши», которую они несут, защищая «свободный мир».

«Гиперлиберализм» меняет роль национального суверенитета. Роль государства рассматривается, прежде всего, с точки зрения помощи рыночным силам. И, наоборот, оно утрачивает свою роль социальной защиты населения. Подобно тому как это происходит в общественных отношениях, в мировом масштабе любые шаги, направленные на перераспределение в пользу бедных регионов, расцениваются господствующей идеологией как «протекционистское вмешательство», которое противоречит логике рынка. Поэтому регионы все меньше связывают свои интересы с «центром». Усиливаются автономистские движения: богатые не хотят

делиться с бедными, а бедные, не видят решения своих проблем в сохранении тесных связей с богатыми.

Все это порождает опасную для мира ситуацию как в экономическом, так и в политическом плане. Выход может дать только разрыв: указанной логикой, отказ государств подчинять ей свое развитие, новая, альтернативная нынешней, регионализация.

Поэтому основная задача «стратегии разрыва» с существующей системой – это разрушение их мощи. Для этого необходимо формирование «фронта антисистемных народных сил». Такой фронт может быть создан через прогрессивный национализм в противовес обскурантистским, этническим, религиозно-фундаменталистским и шовинистическим формам национализма, которые столь широко распространены и поощряются стратегиями капитала. Этот прогрессивный национализм не исключает регионального сотрудничества. Он должен побуждать к формированию крупных регионов, которые являются условием для эффективной борьбы против пяти монополий. При этом, как подчеркивает С. Амин, речь идет о таких моделях регионализации, которые кардинально отличаются от моделей, восхваляемых господствующими властями и призванных играть роль проводников империалистической глобализации.

Используя термин А. Грамши, Р. Кокс называет этот процесс длительного поэтапного перехода к новой системе международных отношений «позиционной войной». Глобализация «мир-экономики», сопровождаемая ростом богатств для самых богатых, будет иметь следствием разрыв социальных связей, демографический кризис и поляризацию между богатыми и бедными в мировом масштабе. Вместе с тем по мере развития этого процесса наиболее обездоленные группы могут скоординировать свои усилия для смягчения его неблагоприятных последствий.

Демократизация международных отношений способствует гомогенизации и стандартизации мира, манипулированию мировым политическим процессом со стороны тех, кто способен его финансировать и кто владеет сложными технологиями манипулирования национальным и мировым общественным мнением. Но одновременно она ведет и к диверсификации. Она расширяет возможности утверждения партикулярных идентичностей, которые стремятся избежать унификации культуры. Она может дать место проявлению желания жить и работать иначе. В длительной перспективе – способствовать диверсификации общественных проектов и путей развития. Однако для осуществления этого необходимо вести постоянную воспитательную работу, которая является условием объединения, широких народных сил и одновременно – базовой деятельностью «позиционной войны», призванной преодолеть современный идеологический конформизм. В общем, отсюда выявляется закономерность противостояния между «центром» и «периферией».

После сокрушительного идеологического поражения мирового коммунизма, в том числе еврокоммунизма, в 1970–1980-е гг. и распада Советского Союза в 1990-е марксисты (в частности, отечественные) настолько стремительно очистили поле международной дискуссии о теоретическом наследии Маркса, что на этом

поле осталось множество трофеев, бесполезных для победителей, но важных для историографов социально-философской мысли XX в. Одним из таких трофеев, безусловно, является неомарксизм.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Бродель Ф. Грамматика цивилизации. М.: Весь мир, 2008.

Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего», 2006.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуаций в современном мире. СПб., 2001.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI в. / Пер. с англ.; под ред. В.Я. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.: ЛОГОС, 2003.

Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социологические исследования. 1997. № 1.

Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа (основные положения концепции И. Валлерстайна) // Восток: афро-азиатские сообщества: история и современность. М.: Наука, 1992. № 1.

Wallerstein I. Historical Capitalism. L.; N.-Y., 1983.

Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

Мурадян А.А. Самая благородная наука. Об основных понятиях международно-политической теории. М.: Междунар. отношения, 1999.

Современная мировая политика. Прикладной анализ: Учеб. пособие / Под ред. А.Д. Богатурова; МГИМО (У) МИД РФ. М.: Аспект-Пресс, 2009.

Тема 14. Социологическое направление

1. Социология международных отношений как предмет изучения.
2. Специфика социологического подхода в изучении международных отношений (МО).
3. Прикладные методы социологии МО.

Наиболее развивающимся направлением в международно-политической науке ныне является социология международных отношений. И одновременно плодотворным методом изучения оказывается социологический подход. Вместе с тем признано, что было бы неправомерно говорить о социологии международных отношений как о сложившейся автономно работающей научной отрасли.

Происходит процесс отпочкования ее предметного содержания от других родственных дисциплин. Она сейчас скорее представляет собой совокупность наиболее распространенных, прежде всего, именно в социологической науке подходов, проблематик и методов, заявляющих о своей альтернативности традиционным парадигмам и теориям международно-политической науки или же претендующим на дополнительную по отношению к ним.

В отличие от других теоретических школ представители социологического течения в исследовании международных отношений выделяют значимость в мировой политике не столько национальных интересов, сколько ценностей, норм, идентичностей, культурных особенностей, традиций и идей. Ныне международные отношения оказываются не столько результатом деятельности лиц, причастных к государственной политике, сколько влияния различных факторов *социального порядка*.

Например, такие явления как, религиозные структуры, культурные традиции, человеческие обмены и т. д. эволюционируют по своей собственной логике и при этом постоянно «нарушают государственные границы» международных отношений. Наряду с миром традиционных межгосударственных взаимодействий, на наших глазах рождается новый – «второй, полицентричный мир» международных отношений, характеризующийся хаотичностью и непредсказуемостью, искажением идентичностей, переориентацией связей авторитета и лояльностей, которые до сих пор соединяли индивидов. Конечно, это не общество в привычном понимании, но это и не просто система государств. Это – новый социум, постепенно обретающий определенность.

Своими корнями социология МО уходит к 1940-м гг.: именно в этот период появляются работы сторонников школы «международного общества» (прежде всего, М. Уайта) в Англии. Как подчеркивают исследователи, на первых порах социология международных отношений (начало 1950–60-х гг.) рассматривала междуна-

родные отношения как особую сферу общественных взаимодействий, стремилась дополнить исследования, осуществляемые в рамках традиционных дисциплин – истории, права, экономики и др.

В США первые работы социологического направления заявили о себе на рубеже 1940–1950-х гг. Во Франции данное направление заявило о себе в конце 1950-х – начале 1960-х гг. (в частности, работами Ж. Вернана, Р. Арона, Г. Бутуля, Р. Боска и др.), хотя первые попытки социологического анализа международных отношений были предприняты еще в 1930–1940-е гг. (например, в работах Ж. Сиотиса). В Норвегии социология МО разрабатывается в трудах Й. Галтунга.

В СССР и в России в силу особенностей развития политической социологии их «встреча», а стало быть, и конструирование социологии международных отношений как относительно самостоятельной дисциплины состоялись позднее, чем на Западе. Однако российская социология международных отношений накопила определенный опыт: в последние десятилетия в этом направлении работали такие известные ученые, как Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин, Д.В. Ермоленко, Б.Ф. Поршнев, М.А. Хрусталеv, П.А. Цыганков и др.

В исследованиях французской школы раннего периода социология международных отношений поначалу трактовалась как своего рода теория среднего уровня, призванная обобщить предпринимаемое в рамках различных дисциплин изучение международных взаимодействий путем выявления присущих им общих детерминант и закономерностей. Предпринята и попытка формулирования основной проблематики нового направления, центральными в которой называются проблемы войны и межгосударственных конфликтов и, лишь во вторую очередь, – проблемы мира.

Британская же школа в начальный период своей деятельности рассматривала международные отношения как общество суверенных государств с едиными интересами и ценностями, а также с совместными правами и обязанностями. Подчеркивая значение институтов для стабильности международных отношений (через экономическое, социальное, техническое и функциональное взаимодействие государств), ее представители рассматривали международное право, прежде всего, как основной инструмент для поддержания сложившегося в мире баланса власти.

Эта школа исходит из трех допущений: 1) международное общество – это *факт* международных отношений; 2) из этого факта вытекают *обязательства* со стороны членов международного общества по отношению друг к другу; 3) международное общество находится в процессе перехода от общества государств к обществу людей (т.е. к мировому обществу) и от международного порядка к мировому. Последнее означает, что по мере такого перехода формируется международное общественное сознание, распространенное по всему миру как чувство *сообщества*.

В результате все основные вопросы международных отношений (характер международной среды, перспективы ее изменения, основные процессы, их участники, возникающие между ними проблемы, пути их разрешения), как и наиболее распространенные теории (национального интереса, безопасности, баланса сил,

сотрудничества, демократического мира), получают трактовки, альтернативные тем, которые господствовали в международно-политической науке на протяжении многих десятилетий.

Наряду с названными для начального этапа характерны другие три особенности. Во-первых, речь идет об исторической социологии международных отношений со свойственным ей обращением к историческим аналогиям, но и с одновременным стремлением к преодолению разрыва между микро- и макропарадигмами. Во-вторых, наблюдается достаточно четкое размежевание двух основных ветвей социологического направления – акционалистской, идентифицирующей себя с веберовскими традициями (во Франции – это работы Р. Арона и его последователей), и детерминистской, опирающейся на творческое наследие Дюркгейма (школа полемологии Г. Бутуля и его сторонников). Наконец, в-третьих, социология международных отношений того времени находится под очевидным воздействием реалий «холодной войны», которое проявляется как в тематике (вписывающейся в рамки традиций политического реализма), так и в идеологической направленности исследований.

Институционализация социологии международных отношений произошла также относительно давно, более 40 лет тому назад – в 1966 г. на VI Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане, где был заслушан специальный доклад, обобщающий становление новой научной отрасли. В 1970 г. на VII конгрессе было принято решение о создании в рамках Международной социологической ассоциации Исследовательского комитета по социологии международных отношений.

Но, несмотря на фактическое совпадение по времени заметных и достаточно успешных попыток социологического подхода к анализу международных отношений, как отмечалось, относящихся уже к концу 1940-х – началу 1950-х гг. – по сути, к первым шагам институализации науки международных отношений как относительно самостоятельной отрасли знания, «социология международных отношений» длительное время рассматривалась как не совсем удачное словосочетание, в лучшем случае, как экзотическая дисциплина, не имеющая собственного сколько-либо определенного эпистемологического статуса.

Во-первых, причина появления этого подхода заключалась в том, что социология и наука МО длительное время развивались параллельно, игнорируя друг друга. Социология использовалась «для внутреннего употребления» – анализа общественных отношений, ограниченных рамками государственного суверенитета, а МО рассматривалась как «асоциальная» наука в том смысле, что она избегала анализировать проблемы гражданского общества, занимаясь исключительно межгосударственными взаимодействиями. Следовательно, за пределами национального государства, в аспекте исследования общественных структур, предмета познания социологии, как бы, не существовало. В этой связи и сейчас оказывается очень сложным определение четких границ объекта и предмета социологии международных отношений.

В методологическом контексте с полным основанием подчеркивается теоретическая парадоксальность подобного положения, когда социология прини-

мала в расчет только дискретные общества (хотя каждое конкретное общество формировалось в процессе миграций, дифференциаций и взаимных контактов с другими обществами, а существование изолированных обществ представляет собой историческое исключение) и когда на этой основе в МО допускалась автономность межгосударственных отношений от социальных взаимодействий и, как следствие, возможность исследовать первые вне (или до) вторых.

В этом проявлялась безусловная слабость не только науки МО, но и социологии. Это объяснимо тем, что, во-первых, международные отношения представляют собой сферу общественных отношений – хотя и своеобразную, со своей нередуцируемой спецификой; во-вторых, одна из все более очевидных тенденций эволюции МО состоит в их возрастающей социализации или, иначе говоря, в относительном падении удельного веса государств в многообразных обменах между людьми.

Следовательно, науку МО и социологию роднит большая или меньшая неуверенность в предмете и объекте своей дисциплины. Несмотря на категорические заявления отцов-основателей социологии и науки МО (например, О. Конта и Г. Моргентау), их рациональность и научная строгость периодически подвергаются сомнению.

Естественно ожидать, что свойственное социологической науке понимание своего объекта и предмета, структуры и основной проблематики, так или иначе, проявит себя и в применении к рассмотрению такой области общественных отношений, как сфера международной жизни.

Во-вторых, многие современные ученые высказывают тезис, что понятие *закона* в сфере международных отношений используется лишь в относительном смысле. Как известно, закон отражает одну или несколько групп строго идентифицированных феноменов, имеющих общий характер, т. е. освобожденных от признаков индивидуальности и поэтому поддающихся измерению. Когда же речь идет о международных событиях, то каждое из них предполагает присутствие человеческого разума, воли и эмоций. Иначе говоря, международное событие совершается тем или иным образом, проходя через сознание людей. В таком контексте понимания каждое международное событие предстает единичным, уникальным феноменом. Именно по этой причине «сплетенность», «состыкованность» событий необходимого и случайного характера в сфере международных отношений с трудом поддается научному описанию и объяснению.

Поэтому в сфере международной жизни, по мнению исследователей, не существует идентичности и измеряемости. Между несколькими событиями можно найти лишь *аналогии*: так обнаруживаются типы рассуждений, типы коммуникаций, типы насилия и т.д. Следовательно, поскольку в международной жизни доминируют факторы *исключения*, т. е. здесь мы сталкиваемся со сферой *вероятностного знания*, постольку адекватно отражающим суть происходящих процессов оказывается термин «*закономерность*». «Закономерность, как отмечает французский исследователь Ж.-Б. Дюрозелль, характеризуя специфику международных отношений, – это и есть наличие длинного ряда подобий, которые как бы, не зависят от

особенностей той или иной эпохи и, следовательно, могут быть отнесены к самой природе «*homo sapiens*». В данной связи одним из наиболее плодотворных методов познания выступает социологический подход.

Социологическое видение в этом контексте обладает определенным конструктивным зарядом. Социологический подход, направленный на сравнительное изучение международных событий и процессов, на выявление между ними подобия и различий, на построение определенной типологии, показывает, что, при всей специфике происходящего в данной сфере жизнедеятельности, в ней могут быть обнаружены некоторые «*повторяемости*», например, с точки зрения видов взаимодействия, степени их интенсивности, характера возможных вариантов последствий и т.п.

Представляется, что социологическое видение международных отношений, не умаляя роли таких критериев международных отношений, как рациональность политических процессов, а также национальные интересы (определяемые в терминах политической власти или экономической мощи), равновесие сил, не ограничивается этим и преодолевает общий недостаток теоретико-методологических парадигм, существующих в международно-политической науке. Анализ возникающих в наши дни «новых международных отношений» требует сосредоточения внимания на роли социальных норм и институтов, групповых ценностей и идентичностей, культур и традиций, которые не отрицают, но мотивируют интересы акторов, участвующих в международном взаимодействии.

Характерной чертой современной науки МО является то значение, которое придается здесь проблематике *социального действия*. Более того, по убеждению Ж. П. Дерриенника, социология международных отношений только и может быть социологией действия: она должна исходить из того, что наиболее существенной характеристикой фактов (вещей, событий) является их наделенность *значением* (что связано с правилами интерпретации) и *ценностью* (связанной с критериями оценки). В свою очередь, то и другое зависит от *информации* и влияет на *решение*. Понятие решения, содержанием которого выступает выбор между множеством возможных событий, осуществляемый в зависимости от существующего состояния информации и особых критериев оценки, рассматривается как центральное для акционалистской социологии международных отношений.

Вопросы, связанные с социальным действием, в применении к межгосударственным отношениям являются основополагающими для реалистической парадигмы МО, хотя причиной действий здесь считается не выбор и решение людей, наделенных властью, а имеющий объективные основания национальный интерес. В целом же ни одна из конкурирующих теорий МО не склонна игнорировать проблему международных процессов, выступающих результатом социальных действий и социальных отношений.

Касаясь проблематики *социальных отношений* более конкретно, можно сказать, что при всем *многообразии* имеющихся в науке МО подходов и парадигм проблема прав и обязанностей, моральных норм и «нравственных данных» является здесь одной из центральных. Так, из шести принципов *политического реа-*

лизм три посвящены попыткам разрешения дихотомии этики ответственности и этики убеждения. Не меньшее значение ей придается и в *либеральной парадигме*, традиции которой восходят к философии стоиков и библейским постулатам о единстве человеческого рода, к взглядам средневекового теолога Ф. де Витория и выдающегося мыслителя XVIII в. И. Канта, полагавших, что стабильный международный порядок может быть построен и сохранен лишь с учетом универсальных моральных принципов и базирующихся на них правовых норм.

Она стала предметом дискуссии между *коммунитарными* и *космополитическими* теориями международных отношений. Согласно первым, политические единицы являются носителями прав и обязанностей в международном обществе, тогда как вторые исходят из того, что моральные аргументы должны апеллировать не к сообществам, а либо к природе человека в целом (к «человечности»), либо к индивидам. На этом построен и так называемый *деонтологический подход*, провозглашающий основной сферой проявления и высшим критерием действительности индивидуальной морали в международных отношениях сферу прав человека.

Относительно проблематики *социальных персонажей* можно сказать, что без ее рассмотрения не обходится ни одна сколько-нибудь серьезная попытка систематизировать теоретические взгляды на существо международных отношений и что она закономерно становится основной в споре между *государственно-центристскими* и *транснационалистскими* теориями – споре, свидетельствующем о правомерности социологического подхода к анализу новых явлений в международных отношениях.

Наконец, *теория социальных групп* необходима в МО для исследования международных взаимодействий. И. Галтунг приводит четыре довода в пользу ее применения при изучении как «конкретных», так и «абстрактных» взаимодействий в сфере международных отношений.

Во-первых, ограниченное число государств и сравнительно низкий уровень организации системы международных отношений оправдывает применение терминов, соответственно, «группы» и «малые группы». При этом малые группы и международные системы могут рассматриваться как изоморфные, с явными соответствиями (индивид – нация; межличностное взаимодействие – межнациональное взаимодействие).

Во-вторых, теория малых групп представляет собою теорию взаимодействия в наиболее очевидной, освобожденной от всех коннотаций форме. Для макросоциологии – это как камерная музыка для симфонического оркестра.

В-третьих, теория групп, опирающаяся на здравый смысл, лабораторный эксперимент, исследовательские отчеты и т.п., достаточно хорошо разработана, и поэтому ее применение способно дать вполне достоверные результаты. В-четвертых, эта теория имеет не только прочно укоренившиеся концепции, но и относительно высокий уровень их теоретической интеграции. Это означает, что однажды установленные и укоренившиеся соответствия станут разнообразными в том смысле, что они затронут отношения между элементами.

Использование теории социальных групп, под которыми понимаются свободно сформировавшиеся объединения, чьи члены при определенных условиях равноправия стремятся быть похожими друг на друга, разделяя общие нормы и ценности, позволяет Галтунгу сформулировать несколько выводов, касающихся внутренних процессов в международных группах, правил поведения их членов, взаимоотношений между лидерами и маргиналами и компонентов взаимодействия. Одним из наиболее значимых выводов, ставшим несомненным достоянием МО, стал вывод о зависимости между рангом и взаимодействием в межгосударственных отношениях, согласно которому, например, отчуждение и агрессия могут быть следствием рангового несоответствия.

Таким образом, между социологическим знанием и МО имеется значительная корреляция. Выводы социологии широко используются в исследовании международных отношений, и существуют определенные основания говорить о формировании такой субдисциплины, как социология международных отношений.

Однако специфика этой субдисциплины состоит не столько в проблематике или в содержании, сколько в подходе к исследованию сложной реальности, каковой являются международные отношения. И следует сказать, что относительно особенностей такого подхода единства позиций среди его сторонников не наблюдается.

Итак, по существу, уже с первых работ, так или иначе относящихся к социологии международных отношений, наблюдается несовпадение высказываемых в них взглядов. Конкурирующие позиции выдвигаются по всему спектру проблем: от понимания предмета этой дисциплины и ее соотношения с другими дисциплинами, изучающими тот же объект, до терминологических предпочтений (имеющих, впрочем, далеко не маловажное значение) и расхождений в содержании «национальных школ» социологии международных отношений.

В своих трудах по социологии международных отношений Р. Арон говорит о ее специфичности – в том смысле, что она должна рассматривать межгосударственные взаимодействия, «развивающиеся под сенью войны». В докладе на заседании Французского социологического общества, посвященном социологии международных отношений, он настаивает на бессмысленности поисков в специфической сфере международных отношений эквивалентов привычных для социологов понятий социальных ожиданий, социальных ролей и ценностей. Подобная позиция характерна для его последователей и ныне.

Вместе с тем как во Франции, так и в других странах, все большее распространение получает взгляд, согласно которому особенность социологии международных отношений состоит именно в упадке роли государства как центрального персонажа международной сцены и в массовом выходе на нее негосударственных акторов – профессиональных ассоциаций и частных групп, транснациональных корпораций и социальных движений, религиозных объединений и международной мафии, межнациональных сообществ и противоборствующих цивилизаций, иммигрантов и предпринимателей, преступных «авторитетов» и беженцев и т. п.

Указанное расхождение свидетельствует, в частности, о том, что социологии международных отношений не удалось интегрировать и примирить достижения

противоборствующих парадигм – политического реализма и транснационализма. Не удалось ей избежать и присоединения к той или иной социологической школе, т.е. собственного раскола из-за предпочтения, отдаваемого одной из известных теоретических традиций, скажем, традиции М. Вебера или Э. Дюркгейма.

Расхождения существуют также в оценке статуса и функций социологии международных отношений. С одной стороны, она рассматривается не более как метод, назначение которого – установление детерминант и закономерностей, действующих в данной сфере. С этой точки зрения она обречена на существование между событием и теорией, оставаясь в пределах лишь микросоциологической парадигмы, устанавливающей корреляции, и, следовательно, лишена какой-либо возможности опереться на автономную теорию, способную удовлетворить попперовским требованиям фальсификации (точка зрения Арона).

Международные отношения должны изучаться с точки зрения трех подходов, как утверждает Ж. Унцингер, – теории, социологии и истории. Теория задается вопросом о природе и фундаментальных основах международного общества, социология – о его закономерностях, история – о его трансформациях и ходе международной жизни. Но, с другой стороны, утверждается, что социология международных отношений вполне имеет право претендовать на статус «субститута теории, которая невозможна» (позиция транснационалистов).

С одной стороны, заявлено, что объектом изучения социологии международных отношений должны стать социальные факты, поэтому первое методологическое требование, предъявляемое к ней, состоит в том, чтобы избавить ее от предпочтений и предрассудков, способных произвольно ограничить или исказить анализ, и вернуться «назад к Дюркгейму», т. е. к базовым данным социологического метода. С другой – утверждается необходимость некоторого отхода на позиции, позволяющие понять объект исследования в его целостности (и с этой точки зрения речь идет о необходимости разработки социологии власти в международном масштабе, набросок которой был дан, например, в книге Б. Бади и М.К. Смутс).

Кроме того, социология международных отношений понимается по-разному, например, американской и европейской традициями МО. Для американской традиции характерно, прежде всего, инструментальное, прикладное понимание социологии международных отношений (хотя эта дисциплина развивается здесь как заимствованная из европейских разработок), ориентированное к тому же на сохранение статуса МО как политической науки. Первостепенное значение здесь придается поискам каузальных связей, а описание и интерпретация находятся в оппозиции, хотя уже и не подвергаются остракизму.

Европейская традиция, прежде всего английская и французская школы, обращает основное внимание на теоретическую сторону проблемы, здесь наблюдается стремление соблюдать баланс позитивизма и постпозитивизма. Существуют различия также между английской и французской традициями. Если для первой изначально был свойствен подход с позиций международного общества, которое прошло длительный путь от «семьи европейских христианских наций» через «клуб цивилизованных государств» к нынешнему состоянию многокультурного

сообщества, к осознанию существования ряда общих интересов и глобальных угроз, то вторую больше интересуют «внутренние» процессы этого общества, все меньше отличающиеся, по их мнению, от «внутренних» процессов «национальных обществ».

При внимательном рассмотрении легко обнаруживается, что представители «американской» традиции (это необязательно американцы) предпочитают говорить о международной (мировой) политике, а не о международных (мировых) отношениях. Они стремятся избежать нередко наблюдающегося, по их мнению, в «европейских» исследованиях «отклонения», которое состоит в растворении (под названием «социология международных отношений») специфики политического в социальном (и даже в социально-экономическом или культурном контексте) и, с другой стороны, в размывании специфики международного путем отождествления с внутривнутриполитическим.

Не отрицая значения взаимосвязи между «внутренним» и «внешним», между политическим и социо-экономико-культурным, соглашаясь с важностью социальных наук для политического анализа, эти ученые идентифицируют себя, прежде всего, в качестве политологов-международников, подчеркивая первостепенность именно такой самоидентификации своего профессионально-интеллектуального статуса.

Таким образом, даже приведенные расхождения (а в действительности их больше) позволяют заключить, что социология международных отношений явно не справилась с теми задачами, которые ставились перед нею «отцами-основателями». И все же, можно утверждать, что расхождения не исключают заложенных в ней возможностей и преимуществ.

В этой связи сторонники социологического подхода подчеркивают, что анализ международных отношений не будет адекватным, если их не рассматривать в более широком контексте глобальных транснациональных связей и взаимодействий. Новая ситуация обнаруживает ограниченность как нормативно-правового, так и «режимного» подходов, как неореалистической, так и неолиберальной парадигм. Их общий недостаток состоит в том, что, считая критериями международных процессов, рациональность политики, государственный интерес (определяемый в терминах власти, или в терминах экономической мощи), баланс сил или материальное благосостояние, они не идут дальше этого. Однако анализ возникающих в наши дни «новых международных отношений» требует повышенного внимания к роли *социальных* норм и институтов.

Важная тенденция указанного процесса – становление неформального института «глобального правления», все более острая необходимость которого, диктуется тотальной взаимозависимостью и обострением сущностных проблем человеческого бытия. Преимущества такого «правления без правительства» состоят в том, что оно формируется «снизу», а потому способно оставаться гибким, реагируя на меняющиеся условия и потребности субъектов. В нем находится место всем взаимодействующим акторам – сильным и слабым, сплоченным и разнородным, объединенным и одиноким, и поэтому оно способствует постепенному

осознанию ими общего интереса. Оно не отрицает, а предполагает как усиление и реформирование существующих (например, ООН), так и создание новых формальных институтов и процедур, призванных способствовать развитию межгосударственного сотрудничества.

Вместе с тем оно не лишено и недостатков. Главный из них вытекает из неравных возможностей участвующих сторон. Права и обязанности взаимодействия определяют в основном доминирующие акторы. Более того, некоторые субъекты мирового общества оказываются фактически исключенными из процесса глобального правления и многостороннего сотрудничества, что может служить источником усиления различных видов аномии в глобальном обществе. Таким образом, социологический подход расширяет возможности исследования международных отношений, обладая определенными преимуществами по сравнению с другими подходами.

Пожалуй, центральным направлением социологии международных отношений является исследование международного конфликта, форм и средств применения нелегитимного насилия в отношениях между различными социальными общностями, взаимодействующими на мировой арене. При несомненной остроте потребности в его практическом предотвращении, не менее остро ощущается недостаток в теоретическом анализе причин и опыта масштабного использования силы во взаимодействии как государств, так и различных, зачастую близких, а иногда и родственных в этническом, конфессиональном, культурном и историческом отношении социальных групп.

Широкое распространение насилия в современных международных отношениях, его тяжкие последствия, требуют своего осознания не просто как проявления имманентной агрессивности «чужих», а именно как результат внутреннего культурно-цивилизационного (а не только кросскультурного) взаимодействия социумов, их морали, мировоззрения, традиций и обычаев в системе отношений на мировой арене.

Не менее значимой задачей социологии международных отношений является анализ международного сотрудничества. Ее внимание привлекают такие вопросы, как внутренние причины сотрудничества, стимулирующая или препятствующая роль в его развитии международной среды, пути, ведущие к сотрудничеству, его формы, типы и последствия.

Характерным для нового этапа в исследовании межгосударственного сотрудничества, наступившего в 90-е гг., стало его осмысление как одной из сторон переговоров (другая сторона которых представлена в этом случае в виде конфликта), в то время как в 80-е гг. оно едва ли не отождествлялось с международными режимами. Важным является и то, что дискуссия по проблемам международного сотрудничества все более заметно выходит за рамки межпарадигмального спора о его возможности или невозможности в условиях анархической международной среды.

Еще одной проблемой, постепенно выступающей на передний план, становится научный интерес, связанный с исследованием интеграционных процессов в международно-политической практике. Социология международных отношений

вносит свой вклад в изучение проблем, связанных с «размыванием» традиционно понимаемого национального суверенитета, с новой ролью государства на мировой арене, появлением и влиянием на сложившиеся стереотипы международного поведения новых акторов мировой сцены, с возрастанием морально-нравственных и правовых регуляторов международного порядка... Сегодня в мировой науке накоплен уже достаточно обширный материал, который требует своего освоения, вызывая необходимость систематизации исследований в области социологии международных отношений, подведения их промежуточных итогов и осмысления задач и условий успеха дальнейшего научного поиска.

В свою очередь, это предполагает обращение к эпистемологической проблематике международно-политической науки (связанной с ее происхождением, логикой, внутренними и внешними условиями развития, ценностями и социальной ролью), а также изучение взаимодействия социологии международных отношений с другими научными дисциплинами, например, с бурно развивающейся в наши дни такой субдисциплиной, рассматриваемой в качестве отрасли международно-политической науки, как международная политэкономия. Здесь особенно уместно напомнить известную истину об условности, относительности границ между различными дисциплинами, изучающими один и тот же объект, но различные предметы, и о недопустимости их разделения непреодолимой стеной.

Однако расхождения теоретических традиций не стоит абсолютизировать, так как возможность примирения позиций всё же существует. Например, Р. Арон, яркий представитель французской школы, на первый взгляд, совершенно категоричен в том, что касается характера международных отношений. Он отмечает: «Современные социологи, находясь под влиянием американской школы, занимаются главным образом гражданским состоянием и совсем мало тем, что представляет собой его отрицание. Поэтому многие социологи современной школы, рассматривая международные отношения, немедленно пытаются найти в них эквивалент социальной системы, социального консенсуса и социальных ролей – всех привычных им понятий, не всегда осознавая, что оригинальность международных отношений состоит именно в том, что они не представляют собой социальную систему в том смысле, в какой ею является гражданское состояние».

Отрицая возможность существования единой международной системы, общей цивилизации (ибо этому мешает «плюрализм суверенитетов») и призывая рассматривать международные отношения не как гражданское, а как, прежде всего «естественное состояние», Р. Арон, одновременно, допускал, что даже в таком состоянии они представляют собой такой род социальных отношений, в которых существует «чрезвычайное многообразие» игровых, конвенциональных, религиозных и других неписаных правил, «соблюдаемых ценностей». Он признавал, что существует, по меньшей мере, два важнейших элемента консенсуса. Во-первых, обладатели ужасного оружия сознают, что его применение было бы безумием; во-вторых, за исключением нескольких крайних случаев, все народы придерживаются более или менее сходных ценностей, хотя и с различной степенью убежденности и лицемерия.

Для английской же школы международных отношений более характерен анализ международной системы как относительно целостного «общества», в котором господствуют единые нормы поведения его членов-государств. В своей известной работе «Анархическое общество: изучение порядка в мировой политике» Х. Булл высказывает взгляды, близкие, с одной стороны, политическому реализму, а с другой – получившему распространение в 90-е гг., так называемому конструктивистскому направлению в науке о международных отношениях, но не совпадающие, однако, ни с теми, ни с другими.

Ссылаясь на незыблемость священного принципа государственного суверенитета, представители английской школы рассматривали международное общество как состоящее из суверенных государств, не имеющих над собой никакой верховной власти, но разделяющих определенный минимум совместных ценностей и норм (что предполагает взаимные контакты, осуществляемые от их имени специальными лицами) и обладающих рядом общих (межгосударственных) институтов. Международное общество предполагает взаимную ответственность его членов-государств, конвенционально соблюдаемые правила, определенную тенденцию к возрастанию в его рамках гуманизации и сотрудничества.

В полном соответствии с традициями политического реализма основными политическими акторами международного общества считаются государственные деятели, а главными ценностями – осторожность и ответственность в принятии решений. Именно вокруг этих ценностей вращаются все остальные политические ценности: лояльность, добрая воля, решимость, смелость, сострадание, уравновешенность и превыше всего справедливость. Важность каждой из них будет зависеть от ситуации, с которой столкнется актер.

При такой трактовке международное общество коренным образом отличается от мирового общества, в рамках которого речь идет о равных правах каждого человека независимо от его государственной принадлежности. Мировое общество здесь рассматривается как клиент международного общества. Кроме того, указанная трактовка носит в значительной мере правовой (а не только социологический) характер.

В то же время несомненна плодотворность самой идеи общественного (социального) существа международных отношений, которая способствовала развитию социологического представления о них. Разработка указанной идеи получает новый импульс с окончанием «холодной войны», которая «замораживала» представление о международных отношениях как о межгосударственном противоборстве, делающим невозможным сколько-нибудь существенное продвижение по пути укрепления совместных ценностей, развития гуманизации и сотрудничества в планетарных масштабах.

Идея международного общества не только выходит за национальные рамки, но ещё и обогащается новыми положениями. Стремясь подчеркнуть возрастающую степень организованности, совместных интересов и общих вызовов, с которыми сталкивается человечество в условиях усиливающейся взаимозависимости и связанного с этим все большего осознания им своей общей идентичности, не-

которые авторы предпочитают говорить о становлении мирового сообщества, другие же используют термин «глобальное общество». В любом случае поворот к социологическому рассмотрению проблемы очевиден.

Основываясь на трактовке глобализации как международного, мирового, глобального общества, некоторые исследователи заявляют о некоем формировании всеобщих ценностных ориентаций и нормативных установок, которые присущи всем людям без различия их государственной принадлежности, национальной или социокультурной идентичности, существующих в рамках единого социума.

Глобальное гражданское общество основывается на возникновении глобальной экономики и культуры и характеризуется конструированием соответствующих многообразных религиозных, политических, социальных, коммуникационных и иных организаций и институтов, объединяющих людей независимо от их государственного подданства и формирующих общие ожидания, ценности и цели.

В рамках рассматриваемой концепции в некоторой мере преодолевается противоборство основополагающих парадигм международных отношений, то есть интегрируются их достижения: мировое сообщество уже не описывается как общество в «розовых тонах», а движения к нему – не как односторонняя тенденция. Наряду с тенденциями глобализации имеют место и противоположные процессы. В результате взаимодействия данных тенденций происходит столкновение глобальной солидарности с партикулярной лояльностью. Упадок роли государств – как главных и определяющих характер социальных отношений в глобальном масштабе – сопровождается ростом национализма и стремлениями к достижению собственного суверенитета. Отношения сотрудничества сосуществуют с отношениями гегемонии и доминирования, наряду с осознанием принадлежности к планетарной общности обостряется и ощущение опасности и уязвимости.

Мировая (глобальная) общность характеризуется множеством тех акторов, которые преследуют собственные цели и защищают непосредственно свои интересы. И различные пути реализации этих целей всё чаще проходят через сети отношений различного транснационального характера, в которые входят также негосударственные взаимодействия социальных групп и конфликты и столкновения различных пространств и культур.

Именно поэтому движение к глобальному обществу невозможно рассматривать лишь как некую интеграцию, представленную с позиции примитивного понимаемого функционализма, также как и нельзя отождествлять международные институты с функциональными предпосылками планетарного единства. С данных позиций глобальное общество предстает как единый, однако далеко не однородный социум, как многообразная социальная вселенная, как ассоциация мира сообществ, наконец, как планетарная совокупность, хотя и примитивная, но достаточно структурированная для того, чтобы управлять противоречиями. Социологический характер подобного рассмотрения не вызывает сомнений.

Однако, если согласиться с Дж. Грумом, что современное «призвание науки международных отношений заключается в создании политической социологии глобального общества», то придётся признать, что как автономная дисциплина

она, к сожалению, пока не существует. Однако при этом можно утверждать, что предпосылки для этого уже есть, и их интенсивное накопление быстро приближается к критической точке.

Рассматривая проблему методологии, применяемой в социологии международных отношений и констатируя отсутствие своих научно-исследовательских методов в данной субдисциплине, П.А. Цыганков обосновывает ряд положений. *Во-первых*, отсутствие «собственных» методов у социологии международных отношений не лишает ее права на существование и не является основанием для пессимизма: не только социальные, но и многие «естественные науки» успешно развиваются, используя общие с другими науками, «междисциплинарные» методы и процедуры изучения своего объекта. Более того междисциплинарность становится одним из важных условий научного прогресса в любой отрасли знания. Подчеркнем еще раз и то, что каждая наука использует общетеоретические (свойственные всем наукам) и общенаучные (свойственные группе наук) методы познания.

Во-вторых, наиболее распространенными в социологии международных отношений являются такие общенаучные методы, как наблюдение, изучение документов, системный подход (системная теория и системный анализ), моделирование. Широкое применение находят в ней развивающиеся на базе общенаучных подходов прикладные междисциплинарные методы (контент-анализ, ивент-анализ и др.), а также частные методики сбора и первичной обработки данных. При этом все они модифицируются с учетом объекта и целей исследования и приобретают здесь новые специфические особенности, закрепляясь как «свои, собственные» методы данной дисциплины. Заметим, что разница между аналитическими, прикладными и частными методами носит достаточно относительный характер: одни и те же методы могут выступать и в качестве общенаучных подходов, и в качестве конкретных методик (например, наблюдение).

В-третьих, как и любая другая дисциплина, социология международных отношений в ее целостности, как определенная совокупность теоретических знаний, выступает одновременно и методом познания своего объекта. Отсюда то внимание, которое уделяется основным понятиям этой дисциплины. Каждое из них, отражая ту или иную сторону международных реалий, в эпистемологическом плане несет методологическую нагрузку, т. е. играет роль ориентира дальнейшего изучения его содержания – причем не только с точки зрения углубления и расширения знаний, но и конкретизации применительно к потребностям практики.

Наконец, следует еще раз подчеркнуть, что наилучший результат достигается при комплексном использовании различных методов и техник исследования. Только в таком случае исследователь может надеяться на обнаружение повторяемостей в цепи разрозненных фактов, ситуаций и событий, то есть своего рода закономерностей (соответственно и девиант) международных отношений.

Следовательно, можно подчеркнуть, что уже сегодня социологический взгляд на международные отношения способен предложить оригинальные и нестандартные подходы, помогающие усовершенствовать как эмпирический, так и общесоциологический инструментарий, для изучения динамичной и столь риско-

вой сферы общественных отношений, какой является международная жизнь, что представляет собой явно безусловный прогресс в развитии знания о ней.

Суть социологического подхода к международным отношениям отражено в следующих пунктах:

1) рост взаимозависимости и процессы глобализации обнажили «разорванность» международно-политической науки между господствующими парадигмами – неореализмом и неолиберализмом...;

2) неудовлетворенность результатами, достигнутыми в исследовании международных отношений;

3) стремление выйти за пределы неореалистического и неолиберального видения, но сохранив все положительное, достигнутое в их рамках;

4) понимание современного мира как единого пространства, структурированного многообразными и все более взаимозависимыми сетями социальных взаимодействий, как процесс формирования глобального гражданского общества...;

5) сторонники социологического подхода настаивают на необходимости анализа международных отношений в контексте глобальных транснациональных связей и взаимодействий;

6) изучение возникающих в наши дни «новых международных отношений» требует сосредоточения внимания на роли социальных норм и институтов, групповых ценностей и идентичностей, культур и традиций, которые не отрицают, но мотивируют интересы сторон, участвующих в международном взаимодействии;

7) выдвигается концепция международного общества, внутренне связанной с идеями порядка и легитимности;

8) провозглашается становление неформального института «глобального (само)управления», необходимость которого диктуется тотальной взаимозависимостью и обострением сущностных проблем человеческого бытия, является основой развития социологии международных отношений;

9) «управление без правительства» формируется «снизу», а потому способно оставаться гибким, реагируя на меняющиеся условия и потребности субъектов;

10) в ситуации «управления без правительства» место находится всем взаимодействующим акторам – сильным и слабым, сплоченным и разнородным, объединенным и одиноким;

11) «управление без правительства» способствует постепенному осознанию всеми субъектами международных отношений их общего интереса;

12) институт «глобального управления» предполагает не только усиление и реформирование существующих (например, ООН), но и создание новых формальных институтов и процедур, призванных способствовать развитию межгосударственного сотрудничества;

13) права и обязанности взаимодействия определяют в основном доминирующие акторы;

14) понятие мирового сообщества включает в себя как должное, так и сущее; содержит в себе нормативный и рациональный, но одновременно ценностный и эмоциональный аспекты;

15) понятие мирового сообщества предполагает плюрализм и терпимость в отношениях между государствами и вместе с тем распространение по всему миру западных по происхождению и культурной основе ценностей (рыночная экономика, индивидуализм, права человека;

16) понятие мирового сообщества основано на превосходстве либеральных принципов добра и справедливости и реализации их через политические теории, институты и действия;

17) направленная на достижение стабильности и справедливого мира, устранение международных конфликтов, концепция международного сообщества способствует их распространению и закреплению;

18) неясно, *кто* определяет пути движения человечества к мировому сообществу, задает нормы и правила поведения его членов, устанавливает их жизненные стандарты;

19) идентичности и интересы государства считаются в значительной степени сконструированными *социальными структурами*, а не результатом экзогенного воздействия человеческой природы или внутренней политики государства;

20) анархия – вовсе не имманентный атрибут межгосударственной системы, а продукт веры и воли лиц, принимающих решения...;

21) проблемы международных отношений определяются не интересами, силой и властью государств, а нормами и верованиями, которыми руководствуются представляющие их политические лидеры;

22) суверенитет, безопасность, оборона и т.д. зависят от *культуры*, понимаемой в широком смысле;

23) отсутствие верховной власти над государствами может быть исправлено при помощи *международных режимов*, права, норм, экономической взаимозависимостью, образованием, институтами;

24) автономизация деятельности транснациональных акторов – этнических, религиозных, культурных, профессиональных групп, мультинациональных фирм, представителей рыночных, коммуникативных, информационных, миграционных потоков;

25) государственный суверенитет подрывается «расщеплением» лояльности индивида между тремя относительно самостоятельными сферами – государством, транснациональными и социокультурными сетями;

26) формируемые многообразными процессами идентификации (этнической, религиозной, коммунитарной) новые акторы все более успешно претендуют на свою собственную роль в международной жизни, стремясь оказывать влияние на ее структуру, действующих лиц, возникающие конфликты;

27) размывается грань между внешней и внутренней политикой, международными и внутриобщественными отношениями;

28) уступки групповым идентификациям, а также компромиссы с новыми акторами, стремящимися к групповой исключительности, разрушают главные принципы, составляющие основу легитимности государства: суверенитет, территориальность, представительство.

Таким образом, следует отметить, что социология международных отношений способна предложить различное сочетание общетеоретических ориентаций и исследовательских программ, позволяющих преодолеть присущий господствующим направлениям международно-политической науки дуализм внутреннего и внешнего, системы и среды, микро- и макроуровней, структуры и актора, государства и общества.

Учебно-методическая литература

Основная

Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений: Учеб. пособие. М.: Радикс, 1994.

Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. М.: Гардарики, 2002.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Цыганков П.А. Введение в социологию международных отношений. М., 1992.

Моргентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2.

Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права / МККК. Женева, 1997.

Фергюсон Й. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения:

социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998.

Финнемор М. Нормы, культура и мировая политика с позиций социологического институционализма // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1998.

Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т.2. Зарубежная политическая мысль. XX в. М.: Мысль, 1997.

Жирар М. (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике (пер. с франц.). М., 1996.

Мировая политика: проблемы теории и практики / Под ред. П.А.Цыганкова, Д.М. Фельдмана. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Аналитические методы и исследования международных отношений. М., 1982.

Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталева М.А. Основы теории международных отношений. М., 1989.

Вятр Е. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979.

Размышление о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. №2.

Galtung, J. Theory and Methods of Social Research. 1968.

Waltz K.N. Theory of International Politics. N.-Y., 1979.

Azon R. Paix et Guerre entre les nations. Paris, 1984.

Aron R. Une Sociologie des relations internationales // Revue française de sociologie. 1963. Vol. 4. № 3.

Caporaso J. Dependence, Dependency and Power in the Global System: A Structural and Behavioral Analysis // International Organization. 1979. № 10.

Synger D. (ed). Quantitative International Politics: Insights and Evidence. N.-Y., 1978.

Rosenau J.X. Le touriste et le terroriste on les deux extremes du continuum international // Etudes internationales. 1979. Juin.

Merle M. Sociologie des relations internationales. Paris, 1974,

Merle M. La politique étrangère // Traité de science politique. Paris, 1985. Vol. 2.

Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N.-Y, 1950. P. 3–12.

Wallace R.C., Wallace W.D. Sociology. Boston, 1989.

Angell R. The Sociology of International Relations // Current Sociology – La sociologie contemporaine. № 1. 1966. P. 20.

Derriennic J.-P. Esquisse de problématique pour une sociologie des relations internationales. Grenoble, 1977.

Тема 15. Транснационализм

1. Транснационализм в международно-политической науке.
2. Критика государственно-центричной концепции.
3. Дилемма «мягкой силы» и «твердой силы» в транснационализме.

Сосуществование в рамках единой международно-политической науки различных идейно-теоретических школ свидетельствует о структурной разветвленности и многоаспектности изучаемого предмета. Более того, в последние десятилетия появились новые альтернативные подходы в изучении международных отношений. В научной литературе отмечается интенсивное развитие в составе международно-политической науки таких направлений, как транснационализм и институционализм, конструктивизм и постмодернизм. Все более самостоятельное значение приобретают международная политическая экономия и социология международных отношений. Различия, и нередко весьма существенные, имеются и в рамках самих этих указанных парадигм.

Теоретические дискуссии между различными парадигмами находят отражение в научных изданиях, уточняющих методологические основания тех или иных подходов в изучении международных отношений. Так, статья Р. Кохэна «Рационализм и рефлексивизм: два подхода к международным отношениям», опубликованная в начале 1980-х гг., стала в то время единственной альтернативой господствующим направлениям – неореализму и неолиберализму. Она стала отправной точкой в критическом осмыслении различий в методологии анализа сферы международной жизни. И в настоящее время эта проблема остается актуальной в международно-политической науке. В данной связи, замечает П.А. Цыганков, особенно важным является конструктивное развитие общетеоретического спора между рационализмом и рефлексивизмом¹.

Например, постмодернизм, исходя из рефлексивистской позиции, открыто высказывает скептицизм в эффективности любого метода, в основу которого положена вера в рациональное знание, в возможности выявления отчетливых тенденций международного развития. С точки зрения постмодернизма в процессе взаимодействия *познающего и познаваемого* отражаются скорее субъективные моменты, присущие подходу того или иного исследователя, а не объективные основания самой международной жизни. Международные отношения, подчеркивают постмодернисты, полны неопределенности, зависят не только от объективных процессов, но и от предпочтений самых разных лиц с присущими

---

¹ Цыганков П.А. Эволюция западных теоретических подходов к исследованиям международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004, С. 18–19.

им ценностями, идеалами, предрассудками и т. п. Поэтому международная сфера есть не только результат и процесс определенных политических действий, но и продукт нашего познания, присущих ему исследовательских средств, языка и интерпретации.

Скепсис в познавательных результатах сферы международных отношений логически обосновывается в трудах ряда современных теоретиков-международников¹. Как пишет известный теоретик-международник Дж.Б. Эльстайн, поиски всеохватывающей теории сомнительны. Теоретик, со всей серьезностью пускающийся на поиски всеобъемлющей схемы или архимедовой точки, откуда можно все обозреть и все предсказать, ставит цели, в принципе недостижимые. В лучшем случае он даст несколько элегантных формулировок, которые отразят самое малое из этого неэлегантного, беспорядочного, непрозрачного, политического слезами истории мира международной политики. Пала империя (СССР. – Курсив мой. – А.Д.), а многие, если не большинство теоретиков и практиков международных отношений, оказались совершенно неподготовленными к такому повороту событий.

Именно в тот момент, когда теории международной политики должны были бы сослужить свою службу, они оказались несостоятельными, «застигнутыми врасплох» самой политикой. Такая оценка рождена не позитивистской химерой, будто единственно аутентичным результатом теории должен быть прогноз, предсказание. Это скорее оценка «желания теоретизировать», создавать абстрактные схемы, уделяющие мало внимания истории, особенно тем силам, которые многими учеными мужами ныне считаются уже «преодоленными» (среди них самые важные – религия и национализм).

Мои аргументы, – подчеркивает автор, – направлены не против надежд на создание сложных теорий международной политики вообще. Это, скорее, выражение глубокого *скептицизма* по поводу «желания теоретизировать».

Объясняя гносеологический парадокс предпринимаемых усилий в процессе изучения международных отношений, другой теоретик Дж. Хотторн тонко подмечает, что «генерализованные ответы» на вопросы, которые мы по привычке считаем имеющими причинную природу, перестали быть убедительными. «Причинные связи или события, которые мы можем наблюдать в мире людских взаимоотношений, либо формулируются на таком генерализованном уровне, что не дают достаточной информации и объяснения, либо они настолько обуславливаются, что теряют силу обобщения, и их трактовки, и построенные на них прогнозы оказываются ложными. *Поскольку ответы на вопросы о происходящем социальном сдвиге определяются очень большим числом обстоятельств (факторов), то любая оценка какого-либо конкретного сдвига (если соблюдается правило условности примера) должна быть сама по себе относительно частной и соответственно сложной. А чем более сложной она становится... тем больше предполагает аль-*

---

¹ См. напр.: Эльстайн Дж.Б. Международная политика и политическая теория // Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. М.: Гардарики, 2002. С. 272–287.

тернатив, что снижает даже тот уровень достоверности, который мы имеем о самом частном». (Курсив мой. – А.Д.)

Например, раньше политический реализм, который придерживается рационализма, критиковали за неубедительность методологических подходов и слабое использование новейших конкретно-научных методик (модернисты), за недостаток внимания к распространению и укреплению роли норм в регулировании взаимодействий на мировой арене (нормативисты), за преувеличение значения анархии (хотя само ее существование критиками не отрицалось) в функционировании международного общества (сторонники «британской школы»). Со второй же половины XX столетия подвергается сомнению одно из центральных положений политического реализма – трактовка роли государства как международного актора.

Именно в этот период в международно-политической науке появляется новое направление – транснационализм, который иногда рассматривается как результат «третьего большого спора», разгоревшегося между сторонниками государственно-центричного подхода, с одной стороны, и его критиками – с другой. Причем транснационализм обнаруживает уязвимость аргументов политического реализма в тех новых явлениях, которые в международных отношениях объективно порождены процессом современной глобализации.

Транснационалисты выдвинули общую идею, согласно которой политический реализм и свойственная ему этатистская парадигма не соответствуют характеру и основным тенденциям международных отношений и потому должны быть отброшены. Международные отношения выходят далеко за рамки межгосударственных взаимодействий, основанных на национальных интересах и силовом противоборстве. Государство как международный актор лишается своей монополии.

Революционные изменения в технологии средств связи и транспорта, трансформация ситуации на мировых рынках, рост числа и значения транснациональных корпораций стимулировали возникновение новых тенденций на мировой арене. Преобладающими среди них становятся: опережающий рост мировой торговли по сравнению с мировым производством, проникновение процессов модернизации, урбанизации и развития средств коммуникации в развивающиеся страны, усиление международной роли малых государств и частных субъектов, наконец, сокращение возможностей великих держав контролировать состояние окружающей среды.

Обобщающим последствием и выражением всех этих процессов является возрастание взаимозависимости мира и относительное уменьшение роли силы в международных отношениях. Сторонники транснационализма часто склонны рассматривать сферу транснациональных отношений как своего рода международное общество, к анализу которого применимы те же методы, которые позволяют понять и объяснить процессы, происходящие в любом общественном организме. Таким образом, по существу, речь идет о макросоциологической парадигме в подходе к изучению международных отношений.

Транснационализм способствовал осознанию ряда новых явлений в международных отношениях, поэтому многие положения этого течения продолжают развиваться его сторонниками на завершающем этапе XX и начальной фазе XXI в. Вместе с тем на него наложило свой отпечаток его несомненное идейное родство с классическим идеализмом с присущими ему склонностями переоценивать действительное значение наблюдаемых тенденций в изменении характера международных отношений. Заметным является и некоторое сходство положений, выдвигаемых транснационализмом, с рядом положений, которые отстаивает неомарксистское течение в науке о международных отношениях.

Сейчас вряд ли у кого вызывает сомнения, что современные международные отношения не сводятся лишь к межгосударственным взаимодействиям. Они шире и глубже, многограннее и разностороннее. Причины этого кроются в некоторых обстоятельствах. Прежде всего современная глобализация разрушает традиционные барьеры между внутренней и внешней политикой. Новый мировой порядок формируется как глобальное мироустройство с гораздо более интенсивными и многообразными внутренними связями, чем в предыдущих миротеневых. В действующей «механике» мироустройства, наряду с процессом частичной деактуализации политического пространства национальных государств и формированием некоей наднациональной глобальной конструкции, интенсивно и деятельно развивается и другой фундаментальный процесс. Личность постепенно теряет связи с привычными формами социализации и все больше выступает как транснациональный индивид, как группа индивидов, как значимый субъект.

Помимо государств, в международных отношениях принимают участие индивиды, предприятия, организации, другие негосударственные объединения. Многообразие участников, видов (культурное и научное сотрудничество, экономические обмены и т. п.) и «каналов» (партнерские связи между университетами, религиозными организациями, землячествами и ассоциациями и т.п.) взаимодействия между ними, вытесняют государство из центра международного общения, способствуют трансформации такого общения из «интернационального» (т. е. межгосударственного, если вспомнить этимологическое значение этого термина) в «транснациональное» (т. е. осуществляющееся помимо и без участия государств).

В 1970 г. под совместной редакцией Р. Кохэна и Дж. Ная выходит книга «Транснациональные отношения и мировая политика», в которой концентрированно рассмотрены основные принципы транснационализма. В 1972¹ и последующих годах она неоднократно переиздавалась. Еще ранее на русском языке положения

---

¹ Keohane R.O., Nye J.S. (J.). Transnational Relations and World Politics. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972. Перу Дж. Ная принадлежат: «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (1990), «Governance in a Globalizing World» (2000), «The Paradox of American Power» (2002) и «Soft Power» (2004) и другие труды, в которых затронуты наиболее актуальные вопросы современного мирового порядка.

транснационализма как теоретического направления излагались Дж. Найем в статье «Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика»¹.

«Неприятие преобладающего межправительственного подхода и стремление выйти за рамки межгосударственных взаимодействий привело нас к размышлениям в терминах транснациональных отношений», – пишут в предисловии к своей книге «Транснациональные отношения и мировая политика» Дж. Най и Р. Кохэн².

В этой связи отметим лишь несколько моментов. Во-первых, публикация книги не только укрепила позиции сторонников транснационализма (Р. Купер в США, М. Мерль во Франции) и тем самым придала транснационализму парадигмальный характер, не только побудила многих из его сторонников (например, Б. Бади, М.К. Смутс и др.) пойти гораздо дальше в своих выводах, чем ее авторы, но и оказала большое воздействие на развитие социологического направления в исследовании международных отношений, в частности на конструктивистский подход (Ф. Кратчвил, Дж. Рагги, А. Вендт и др.), приобретающий сегодня заметное влияние.

Во-вторых, транснационализм стал своего рода предтечей в целенаправленном изучении такого феномена в современном мировом развитии, как глобализация, привлекающая все более пристальное внимание научного сообщества³.

Эта книга сразу привлекла внимание научной общественности и по еще одной причине. Она появилась в ситуации переживаемого политическим реализмом и неореализмом серьезного методологического кризиса. Содержание книги подводит к выводу о кризисе государственно-центричной картины международных отношений и ослаблении роли государства в мировой политике.

Авторы уподобляют мировую политику разветвленной и многослойной паутине связей, соединяющих многочисленных и многообразных участников международных взаимодействий, таких, как многонациональные корпорации, транснациональные общественные движения и международные организации, финансовые группы и другие частные акторы, которые вытесняют государство из центра на периферию международной системы, делают его одним из рядовых игроков разворачивающейся на мировой арене игры по новым правилам.

Главное внимание уделяется анализу тех связей, коалиций и взаимодействий, которые происходят вне зависимости от территориальных границ государства и находятся за пределами контроля со стороны центральных органов его внешней политики. Значение рассматриваемой книги для развития международно-политической науки очень велико.

---

¹ Най Дж. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1969. № 12.

² См.: Keohane R.O., Nye J.S. (J.). *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972. В рассмотрении данной темы использован в основном материал из книги Дж. Най и Р. Кохэна «Транснациональные отношения и мировая политика».

³ См., например: Актуальные вопросы глобализации: Круглый стол // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4–5; Haferkamp H., Smelser N. (eds.). *Social Change and Modernity*. Berkeley, 1992; Rosenau J. *New Dimensions of Security. The Interactions of Globalizing and Localizing Dynamics* // *Security Dialogue*. 1994. Vol. 25 (3); Senarclens P. de. *Mondialisation, souverainete et theories des relations internationales*. P., 1998.

В цитируемом ниже фрагменте Дж. Най-мл. и Р. Кохэн рассматривают глобализацию как «движение информации, денег, предметов, людей и других материальных и нематериальных объектов через государственные границы» и анализируют четыре основных типа глобального взаимодействия, подчеркивая, что многие виды международной деятельности включают в себя все четыре типа взаимодействия одновременно.

В-третьих, Кохэн и Най не абсолютизируют значения транснациональных сил и взаимодействий и изменения в этой связи роли государств в мировой политике. Они показывают, что рассмотрение данного вопроса в терминах мнимой «потери контроля» бесперспективно как в теоретическом, так и в политическом плане. Из пяти приводимых в книге вариантов транснационального взаимодействия лишь в одном случае речь идет о собственной политике новых международных акторов, способной противостоять политике государств и даже посягать на нее. При этом Най и Кохэн не ограничиваются замечанием о необходимости дальнейшего изучения данной проблемы, а намечают пути такого исследования.

В частности, они подчеркивают, что речь идет не о том, чтобы игнорировать государства, а о том, чтобы изучать роль транснациональных отношений в перераспределении между государствами контроля над происходящими процессами. С одной стороны, глобализация требует от правительств политической воли ввиду необходимости ограничить «посягательство международной экономической интеграции на национальную экономическую политику». С другой стороны, не меньшей опасностью для них была бы и попытка изолироваться от глобальных процессов, ибо «в выигрыше останутся более вовлеченные в транснациональную сеть правительства в ущерб тем, кто остается на периферии этой сети».

Кстати, эта тема была продолжена и усилена ими в следующей книге «Power and Inyerdependence: World Politics in Tradition» (Boston, 1977), где Кохэн и Най подчеркивают, что при всех происходящих сегодня изменениях в структуре участников международных отношений их главными акторами продолжают оставаться государства, которые будут играть ведущую роль и в обозримой перспективе: «Взаимозависимость влияет на мировую политику и поведение государств; но правительственные действия также влияют на модели взаимозависимости».

В-четвертых, Най и Кохэн сделали попытку по-новому взглянуть на роль США в транснациональных отношениях. Они задаются вопросом о зависимости США от собственного могущества и о перспективах этого могущества в будущем. Эта тема была продолжена и в других публикациях авторов. В 1984 г. Р. Кохэн публикует книгу «После гегемонии»¹, в которой критикует популярный тезис о возрастании роли США в международных отношениях.

Он считает, что гегемония США расшатывается после распада Бреттон-Вудской системы; сейчас она еще сохраняется, но падение неминуемо. Рассматривая проблему международных режимов – создания или принятия процедур, правил или учреждений для определенных видов деятельности, посредством которых правительства регулируют и контролируют транснациональные и межгосудар-

---

¹ См.: Keohane, R.O. After Hegemony, Princeton: Princeton University Press, 1984.

ственные отношения, Кохэн подчеркивает, что важную роль в их соблюдении играет государство-лидер (гегемон), роль которого играли США.

Кстати, Р. Кохэн и Дж. Най одни из первых разработали концепцию международных режимов в транснациональных отношениях. Но теперь, считают они, гегемон исчезает, в международных отношениях происходит перераспределение власти, поэтому режимы, значение которых в новых условиях усиливаются еще больше, чем прежде, подвергаются атакам со стороны других участников взаимодействия и даже определенному размыванию.

Традиционно исследователи и практики в области международной политики концентрировали внимание на отношениях государств. Государство, рассматриваемое как актор, имеющий цели и обладающий властью, является основной единицей действия, а его основными агентами являются дипломат и солдат. В результате взаимодействия политик государств появляются образцы поведения, которые исследователи международной политики стремятся понять, а практики – регулировать или контролировать.

Поскольку сила, насилие, и, как следствие, угрозы, являются ядром этого взаимодействия, борьба за власть – как конечный результат или как необходимое средство – является отличительной чертой политики. Похоже, большинство политологов и многие дипломаты разделяют такое представление о реальности, и государственно-центричный взгляд на мировую политику доминирует как в теории, так и в практике международных отношений.

Однако очевидно, что дипломаты и солдаты взаимодействуют не в вакууме. На их поведение сильно влияют географические факторы, характер внутренней политики, научный и технический прогресс. Немногие выкажут сомнение в том, что создание ядерного оружия коренным образом изменило характер международной политики двадцатого века, или же станут отрицать значение внутренней политической структуры для межгосударственных отношений. С точки зрения государственно-центричности, географический фактор, технологии, а также внутренняя политика являются аспектами «окружающей среды», в которой взаимодействуют государства. Эти аспекты вносят вклад в межгосударственную систему, но для удобства исследователей они рассматриваются как внесистемные элементы.

Среда, окружающая межгосударственную политику, включает в себя не только эти могущественные и широко известные силы. Большую политическую роль играет значительное взаимодействие между обществами разных стран, не поддающееся государственному контролю. Например, в отношениях между крупнейшими государствами Запада это взаимодействие подразумевает торговлю, личностные контакты, обмен информацией. Более того, государства ни в коем случае не являются единственными акторами мировой политики.

Как подчеркивают Дж. Най и Р. Кохэн, их интересует все разнообразие транснационального феномена: мультинациональные предприятия и революционные движения; профсоюзы и объединения ученых; международные картели воздушного транспорта и космические коммуникационные системы. Однако мы исследу-

ем транснациональные отношения не просто потому, что они есть, отмечают они, наоборот, мы надеемся использовать наш анализ для того, чтобы пролить свет на ряд вопросов эмпирического и нормативного характера, напрямую связанных с тем, что заботит в настоящее время государственных деятелей и исследователей международных отношений.

Эти вопросы можно сгруппировать в пять широких областей исследования:

1. Каково воздействие транснациональных отношений на способности правительств иметь дело с их окружением? В какой степени и как правительства пострадали от «потери контроля» как результата транснациональных отношений?
2. Каково значение транснациональных отношений для изучения мировой политики? Является ли государственно-центричный взгляд, сфокусированный на межгосударственной системе, подходящей аналитической системой для исследования современной реальности?
3. Каково воздействие транснациональных отношений на распределение ценностей, в частности на асимметрию и неравенство государств? Кто получает выгоду от транснациональных отношений, кто теряет, кто контролирует транснациональные сети, и как это происходит?
4. Каково значение транснациональных отношений для внешней политики США? Пока Соединенные Штаты доминируют в области транснациональной деятельности, какие опасности это таит в себе и какие преимущества это несет американским политикам?
5. Представляют ли транснациональные отношения собой вызов международным организациям, созданным на основе международных договоров? В какой степени может потребоваться создание новых международных организаций, и в какой степени уже существующим придется измениться, чтобы соответствовать транснациональному феномену?

Прежде чем рассмотреть эти пять вопросов, по мнению Дж. Ная и Р. Кохэна, необходимо определить два аспекта транснациональных отношений: во-первых, *транснациональных взаимодействий* и, во-вторых, *транснациональных организаций*, и проанализировать их влияние на межгосударственную политику.

В наиболее широком смысле можно говорить о «глобальном взаимодействии» как о движении информации, денег, предметов, людей и других материальных и нематериальных объектов через государственные границы. Глобальное взаимодействие можно разделить на четыре основных типа: 1) сообщения, движение информации, включая передачу верований, идей и доктрин; 2) транспорт, передвижение материальных объектов, включая военное снаряжение, частную собственность и товары; 3) финансы, передвижение денег и кредитов; 4) путешествия, передвижение людей. Многие виды международной деятельности включают в себя все четыре типа взаимодействия одновременно. Торговля и боевые действия, например, требуют скоординированного передвижения информации, материальных предметов, денег и людей, так же как этого требует и личное участие индивидов в иностранных обществах – «*транснациональное участие*».

Межгосударственная политика концептуально отличается от внутренней политики, хотя и непрямым образом связана с ней; транснациональное взаимодействие не принимается во внимание или недооценивается. Правительства могут,

однако, взаимодействовать через неправительственные организации, поэтому они включаются в классическую парадигму.

Рисунок 1 – Пример государственно-центричного взаимодействия

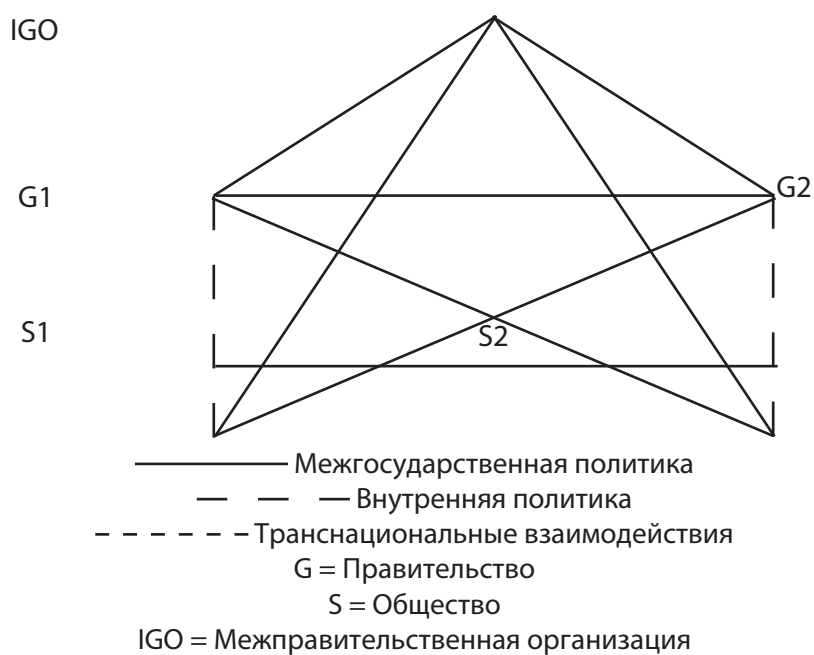

Рисунок 2 – Транснациональные взаимодействия и межгосударственная политика

Дополнительные линии во втором рисунке обозначают то, что мы называем транснациональным взаимодействием. При каждом из видов взаимодействия,

обозначенного этими линиями, по крайней мере, один из акторов не является ни правительством, ни межправительственной организацией. Можно посмотреть на это с другой стороны, обратившись к различию, проведенному Дж. Д. Сингером между двумя способами, которыми индивиды и организации в данном обществе могут участвовать в мировой политике: 1) они могут участвовать в качестве членов коалиции, контролирующих или влияющих на их правительства, или 2) они могут непосредственно взаимодействовать с иностранными правительствами или обществами, тем самым обходя свое собственное правительство. Авторы, замечают, что согласно их определению только второй тип поведения является транснациональным.

В соответствии с определением Ная и Кохэна, транснациональными являются мультинациональные предприятия, секретариаты международных профсоюзов, религиозные организации мирового масштаба, фонды с широкой географией действия. Это, однако, не означает, что их сотрудниками являются «граждане мира» или же что ими управляют граждане различных государств. В действительности, многие из транснациональных организаций остаются преимущественно привязанными к какому-либо национальному обществу.

Итак, международные отношения – поведение государств в их внешних отношениях, все формы взаимодействия между членами различных обществ вне зависимости от того, направляются ли они или нет государством. Изучение международных отношений предполагает анализ внешней политики или политических процессов между государствами, включая все стороны отношений между различными обществами. Близко по значению к понятию – международная политика и внешняя политика. Международные отношения отличаются от политики в целом и характеризуются отдельными специальными формами политики с особым содержанием, правилами и путями. Они включают: *Силу; Баланс; Гегемонию; Взаимозависимость; Войну и мир.*

Международные отношения – в функциональном анализе – отношения национальных правительств, которые более или менее контролируют действия жителей. Ни одно из правительств не в состоянии отразить волю всего народа. Потребности людей различны, отсюда возникает плюрализм. Последствия плюрализма в международных делах заключается в том, что существуют огромные различия в источниках политической деятельности.

Международные отношения не являются частью правительственной или межправительственной системы, каждая из них представляет самостоятельную сферу. Предполагается исследование типических процессов и путей поведения во многих исторических контекстах, т. е. изучение определенной повторяемости в поведении. Анализ международной политики требует понимания и объяснения причин и природы войны, империализма, кризиса или союза без описания каждой войны, эскалации.

Типы мировых систем: *нулевая* мировая система, не имеющая значения всемирного взаимодействия; *досовременная, современная, постсовременная.* Размах и интенсивность мирового взаимодействия: *низкий, средний и высокий.* Таким об-

разом, происходит рост структур, который осуществляет взаимодействие в экономической, политической, социальной и культурной сферах. Такая структура должна выполнять четыре функции, по крайней мере, на минимальном уровне: 1) иметь средства получать и передавать информацию как внутри, так и вовне; 2) интегрировать свои подсистемы; 3) иметь некую концепцию верности по отношению к целому; 4) иметь достаточно самосознания, самопознания и некоторые формы коллективной памяти в отношении принимаемых ценностей, а также интерпретацию опыта.

Мировая политика – совокупная деятельность государств на международной арене. Мировая политика включает также политические отношения между государствами на надгосударственном и наднациональном уровне – в рамках ООН и других глобальных и региональных организаций и учреждений. *Международные отношения* – система политических, экономических, культурных, военных, дипломатических и других взаимосвязей и взаимоотношений между государствами и народами.

Последние периоды, как замечает Дж. Най, были трудными в трансатлантических отношениях. И в Европе, и в Америке усилилась взаимная критика. Американская мощь начала беспокоить Европу еще до прихода к власти Джорджа Буша-мл. Ведь и до 11 сентября 2001 г. действия администрации Белого дома стали характеризовать как односторонние, называя его «унилатерализмом».

Сторонники «новой односторонности» настаивали на активном преследовании американских интересов и распространении американских ценностей. Они критиковали нежелание Б. Клинтона воспользоваться уникальным политическим положением Америки. С их точки зрения, американские устремления повсеместно несут добро, американская гегемония – это благо, и на этом все споры должны закончиться. Тот факт, что Америка являет собой развитую демократию, сам по себе якобы достаточен для легитимизации ее целей. Но европейцам все виделось иначе, и унилатерализм был воспринят в Европе негативно. Привлекательность Америки в глазах европейцев потускнела в последние несколько лет, и это, как показывают опросы, во многом связано с изменениями во внешней политике США.

Необходим переход к новой внешнеполитической стратегии. «Мягкая» сила – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. Американской истории известны выдающиеся примеры такого рода: это «четыре свободы для Европы» Франклина Рузвельта в конце Второй мировой войны; молодежь за «железным занавесом», слушающая американскую музыку и новости по радио «Свободная Европа» и «Голос Америки» во время «холодной войны»; китайские студенты, сооружающие модель статуи Свободы на площади Тяньаньмэнь во время массовых протестов; освобожденные в 2001 г. афганцы, немедленно попросившие предоставить экземпляр Билля о правах; молодые иранцы, смотрящие запрещенные американские видеофильмы и передачи спутникового телевидения вопреки запретам теократического правительства.

Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны. Но влечение может обернуться и отвращением, если в политике чувствуется надменность или лицемерие.

«Жесткая» сила, или «жесткое» могущество – это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны. «Мягкое» могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами. «Жесткая» сила не теряет ключевого значения в мире, где государства стремятся оградить свою независимость, а внегосударственные группы, такие, как террористические организации, готовы прибегать к насилию. Но мягкая сила обретает все большее значение для сужения круга новых сторонников терроризма, а также для решения вопросов, требующих многостороннего сотрудничества.

«Мягкая» сила, которой Америка обладала в отношении Европы, была подорвана в 2003 г. В период подготовки к войне с Ираком опросы показывали, что поддержка Соединенных Штатов в большинстве европейских стран сократилась в среднем на 30 процентов. После войны неблагоприятное представление о США сложилось почти в двух третях из 19 стран, где проводились обследования. У большинства из тех, кто разделял подобные представления, они ассоциировались с политикой администрации Дж. Буша-мл., а не с Америкой как таковой. Однако на общенациональных выборах в ряде европейских стран отношения с США стали одним из самых острых вопросов.

Война в Ираке – не первый случай, когда спорный курс в сфере безопасности заставил американский имидж в других странах потускнеть. В Европе можно отметить четыре таких периода: после Суэцкого кризиса 1956 гг.; во время движения за запрет атомного оружия в конце 1950-х – начале 1960-х (в основном это коснулось Англии и Франции); во время войны во Вьетнаме в конце 1960-х – начале 1970-х; в период размещения в Европе ядерных ракет средней дальности в начале 1980-х. Согласно опросам журнала «Ньюсуик», в 1983 г. до 40 процентов респондентов во Франции, Англии и Германии не одобряли американскую политику. В то же время большинство граждан этих стран с симпатией отзывалось об американском народе.

Непопулярная политика самым жестоким образом подрывает американскую «мягкую» силу. Имидж Соединенных Штатов складывается из многих элементов, и его привлекательность обуславливается различными причинами. Одни из них связаны с культурой, другие – с внутренней политикой и национальными ценностями, третьи – с содержанием, тактикой и стилем внешней политики. Все эти три компонента важны, но содержание [внешней] политики и ее стиль наиболее подвижны и наиболее подвержены контролю правительства.

Привлекательность США зависит и от ценностей, находящих свое отражение в существе и стиле внешней политики. Все государства преследуют собственные на-

циональные интересы во внешней политике, но разница в том, насколько широко или узко мы определяем эти интересы, а также в том, какие средства используем для их достижения. В конце концов «мягкое» могущество проявляется в привлечении других к сотрудничеству без угроз и поощрений; следовательно, отчасти оно зависит от того, как мы формулируем наши цели. Политику, основанную на всеобъемлющих и перспективных целях, легче сделать привлекательной для других, чем имеющую узкий и близорукий характер.

Политика с большей вероятностью будет привлекательной, если она базируется на ценностях, разделяемых другими. Так, благодаря дальновидному курсу, в ходе которого был реализован план Маршалла, европейцы с радостью приняли американское лидерство. Однако воплощавшаяся в этом лидерстве «мягкая» сила Соединенных Штатов подкреплялась также и значительным совпадением американских и европейских ценностей.

Но если в той или иной стране восхищаются американскими ценностями, это не означает, что ее народ должен имитировать пути, какими американцы воплощают их в жизнь. Несмотря на неоспоримую привлекательность американской свободы слова, такие страны, как, например, Германия, имеют за плечами историю, которая заставляет их запрещать проявления ненависти, не наказуемые в Америке благодаря первой поправке [к Конституции США]. Многим европейцам нравится приверженность Америки свободе, но у себя дома они отдают предпочтение политике, сдерживающей неолиберальный индивидуализм в экономике и насыщенной большей заботой об обществе. После окончания «холодной войны» две трети чехов, поляков, венгров и болгар считали, что Соединенные Штаты оказали благотворное влияние на их страны, однако менее четверти населения этих стран хотело «импортировать» американскую экономическую модель.

Третий источник «мягкого» могущества – это культурная привлекательность. Политический эффект массовой культуры – не новость. Голландский историк Р. Кроес указывает, что плакаты, выпускавшиеся пароходными компаниями и эмиграционными обществами в Европе в XIX в., задолго до потребительской революции XX столетия создали представления об американском Западе как символе свободы. Молодые европейцы мужали и строили исполненный смысла мир, который многое заимствовал у Америки.

Р. Кроес утверждает, что в 1944 г. коммерческая реклама, в которой содержались ссылки на провозглашенные Ф.Д. Рузвельтом «четыре свободы» и развивались соответствующие идеи, имела значение урока по основам гражданственности. Поколение за поколением, молодежь в самых разных европейских странах – и к западу, и к востоку от «железного занавеса» – открывала для себя новые культурные альтернативы. Простые вещи, вроде синих джинсов, кока-колы или определенной марки сигарет, давали возможность молодому поколению выражать собственное «Я».

Такое воздействие массовой культуры помогло Соединенным Штатам добиться успеха в достижении, по крайней мере, двух важных целей. Одна из них – демократическая реконструкция Европы после Второй мировой войны. План

Маршалла и создание НАТО стали важнейшими инструментами поддержания экономического и военного лидерства, служившего движению в этом направлении. Но и массовая культура была важным элементом мягкой гегемонии.

Австрийский историк Р. Вагнлейтнер указывает, что быстрая адаптация многих европейцев к американской поп-культуре после Второй мировой войны вприснула молодую энергию и в [«высокую»] культуру послевоенной Европы, поскольку охотно усваивались такие простые принципы, как свобода, легкость, жизнерадостность, либерализм, современность и юношеский задор. Доллары, инвестированные в рамках плана Маршалла, были важны для достижения американских целей в реконструкции Европы, но не менее важными были и идеи, привнесенные с американской массовой культурой.

Из среднестатистических оценок по десяти европейским странам, где опросы проводились в 2002 г., видно, что две трети респондентов одобрительно относились к американской массовой культуре и американским успехам в науке и технике, но всего лишь одна треть высказывалась в пользу распространения американских идей и обычаев в их стране. И это не так уж ново. В 1980-х общественное мнение четырех крупнейших европейских стран благосклонно оценивало состояние американской экономики, а также систему американского правопорядка, религиозных свобод и разнообразия в искусстве. В то же время менее половины опрошенных англичан, немцев и испанцев рассматривали американскую модель [общественного устройства] как желательную для своих стран. То, как Америка ведет дела у себя дома, может улучшать ее имидж и способствовать восприятию ее легитимности, а это, в свою очередь, может содействовать продвижению ее внешнеполитических целей.

Другая причина недовольства европейцев имеет структурный характер. С распадом Советского Союза двухполюсный баланс военной мощи исчез, США стали единственной сверхдержавой и в этой роли вызвали чувства, какие порождает разница сил у мальчишек из одного квартала, – смесь восхищения, зависти и обиды. Еще в середине 1970-х большинство опрашиваемых в Западной Европе заявляли, что предпочитают скорее равное распределение сил между США и СССР, чем доминирование Соединенных Штатов.

Для некоторых европейцев, в особенности французов, восстановление многополюсности – важная политическая цель Европейского Союза. Но пока европейские общества не придут к выводу о необходимости значительного увеличения военных расходов (а сейчас европейская политика нацелена на наднациональную интеграцию), многополюсность в военной области маловероятна как цель. Более реальной для Европы представляется задача создать противовес экономическому могуществу и «мягкой» мощи США, используя его для ограничения унилатерализма. Многополюсность – это, может быть, химера, многосторонность (мультилатерализм) – нет.

Некоторые апологеты «новой односторонности» не принимают в расчет нынешнее усиление антиамериканских настроений, считая их неизбежным следствием величия Америки. Иными словами, если европейские обиды неизбежны, с

ними можно и не считаться. Это ошибочная точка зрения. США были недостижимо сильны и в 1990-х, но далеко не так непопулярны. Как сто лет назад заметил президент Теодор Рузвельт, когда у тебя есть большая дубинка, лучше разговаривать поделikatнее. В противном случае сходит на нет «мягкая» сила. Проще говоря, несмотря на то, что масштабы могущества США действительно с необходимостью ставят их в положение лидера и превращают в объект и недовольства, и преклонения, – несмотря на это, и существо, и стиль американской внешней политики могут повлиять на имидж страны и легитимность ее политического курса, а, следовательно, и на ее «мягкое» могущество.

«Новая односторонность» недооценивает значения «мягкой» силы и пренебрегает результатами опросов. Популярность, мол, вещь эфемерная и не должна служить руководством для внешней политики; Соединенные Штаты могут действовать, не ожидая рукоплесканий в мире; мы – единственная сверхдержава, и этот факт непременно будет вызывать зависть и обиды. Пусть иностранцы ворчат, но у них нет другого выбора, кроме как следовать за нами. Кроме того, Америка и раньше бывала непопулярной, но затем все «приходило в норму». Нам не нужны постоянные союзники и институты. Всегда, когда мы сочтем это необходимым, мы сможем собрать коалицию из желающих нас поддержать. Наши задачи должны определять состав коалиций, а не наоборот.

Но Дж. Най считает неверными попытки с такой легкостью сбрасывать со счетов нынешнее падение американского престижа. Действительно, в прошлом имидж Соединенных Штатов быстро восстанавливался после проведения непопулярной политики, но все это имело место в условиях «холодной войны», когда европейские страны опасались Советского Союза, так как видели в нем большее зло. Величие Америки с неизбежностью зависит ныне от разного рода потрясений, поэтому разумная политика должна сглаживать острые углы и снижать порождаемое недовольство. Это как раз то, что США делали после Второй мировой войны. Мы, – считает он, – использовали ресурсы нашего «мягкого» могущества и привлекли других к участию в альянсах и институтах, которые прослужили шесть десятилетий. Мы взяли верх в «холодной войне» с помощью стратегии сдерживания, в которой наша «мягкая» сила применялась не менее широко, чем «жесткая».

Администрация Дж. Буша-мл. настаивала на необходимости продвижения демократии на Ближнем Востоке, но в то же время она не желала, чтобы ее сдерживали существующие институты. В этом плане администрация использовала «мягкую» силу демократии, но излишне упрощала проблему, делая основной упор на содержание [процесса] и пренебрегая его формой. Единственный путь к осуществлению желаемых перемен заключается в том, чтобы действовать в согласии с другими и избегать противодействия, которое возникает, когда в США видят единственную империалистическую державу.

Поскольку демократию нельзя установить силой, а для ее укоренения требуется значительное время, наиболее верный путь к достижению наших долгосрочных целей лежит через международную легитимность и распределение бремени между союзниками и международными организациями. Нетерпимость админи-

страции в отношении таковых может сорвать наши собственные планы. Это тем более обидно, что именно Соединенные Штаты создали союзы и институты, которые оказались в числе самых долговечных из тех, что имели место в современном мире и более полувека служили опорой американского могущества.

Европа выступает наиболее серьезным конкурентом Соединенных Штатов с точки зрения «мягкой» силы. Европейское искусство, литература, музыка, дизайн, мода и кухня издавна воспринимаются в мире с доброжелательным интересом. Многие страны Европы обладают сильной культурной притягательностью: из десяти наиболее широко распространенных в мире языков половину составляют европейские. Испанский и португальский связывают Пиренейский полуостров с Латинской Америкой, английский является общепринятым в обширном Британском содружестве, а представители почти 50 стран собираются на встречах, где их объединяет французский язык.

Европа в целом впечатляет своими «мягкими» ресурсами:

- Франция занимает первое место по числу Нобелевских премий в области литературы;
- Великобритания находится на первом, Германия – на втором месте в списке стран, где стремятся найти убежище беженцы и эмигранты;
- Франция, Германия, Италия и Великобритания превосходят США по средней продолжительности предстоящей жизни своих граждан;
- почти все европейские государства направляют на помощь развивающимся странам большую часть своего ВВП, чем Соединенные Штаты;
- хотя Великобритания и Франция намного меньше Америки, они расходуют на публичную дипломатию примерно столько же средств, сколько и США.

Ни одно европейское государство в отдельности не может соперничать с Соединенными Штатами по своим масштабам, но Европа в целом обладает таким же по объему рынком и даже несколько большим населением. А объединение Европы само по себе несет большой заряд «мягкой» силы. То, что война сейчас немыслима между странами, ожесточенно сражавшимися между собой на протяжении столетий, что вся Европа стала зоной мира и процветания, создает ей позитивный имидж повсюду в мире.

Один из показателей усиления «мягкого» могущества Европейского Союза – в растущей популярности точки зрения, согласно которой он выступает позитивной силой в решении глобальных проблем. Сразу вслед за войной в Ираке жители Центральной Европы и Турции дали ЕС более высокие оценки, чем Соединенным Штатам, за его вклад в решение самых разных проблем – от борьбы с терроризмом до сокращения бедности и защиты окружающей среды. Несмотря на то что правительства многих стран Центральной Европы поддержали военные действия, которыми руководили США, общественность этих стран считала роль ЕС во многих аспектах более позитивной.

Конечно, в Европе по-прежнему существует ряд проблем, что продемонстрировали и разногласия по Ираку. Она выступает единым фронтом в сфере торговли, в валютной и сельскохозяйственной политике, все чаще – в области прав че-

ловека и уголовного права. Европа идет к более сильной конституции, согласно которой будет учрежден пост президента и министра иностранных дел, но в случае разногласий внешняя и оборонная политика останутся фактически за национальными правительствами. Деньги и пушки – традиционные козыри жесткой государственной власти – остаются в основном за странами-членами.

Бюрократические препоны и негибкость рынка труда – при наличии неблагоприятных демографических тенденций – сдерживают темпы экономического роста. Если не произойдет изменений, к 2050 г. средний возраст населения США составит 35 лет, а стран ЕС – 52 года. Имея население, которое не только стареет, но и сокращается по численности, Европа будет вынуждена либо принимать все больше иммигрантов (что политически затруднительно), либо смириться с ослаблением своего влияния на мировую политику.

В то же время многие аспекты внутренней политики, реализуемой в Европе, привлекают молодую часть населения современных демократических стран. Позиции по вопросу о смертной казни, по контролю за оружием, по изменению климата и по правам гомосексуалистов – вот лишь некоторые факторы, укрепляющие «мягкую» силу Европы.

Многое из сказанного выше относится и к экономической политике: хотя зачастую успехи американской экономики оцениваются высоко, далеко не во всем мире ее считают моделью для своих стран. Некоторые предпочитают европейский подход, в условиях которого правительство играет большую роль в экономике, чем в США. Правительственные расходы (а, следовательно, и налоги) составляют в Европе примерно половину ВВП, тогда как в Америке – около одной трети.

В Европе мощнее система социального обеспечения и профсоюзы, а рынок труда более регламентирован. В американской культурной традиции, отразившейся и в законах о банкротстве и финансовых структурах, больше заботы о предприимчивости, чем в Европе, зато многие европейцы осуждают неравенство и незащищенность как цену, которую приходится платить в Америке, где главным образом полагаются на силу рыночных отношений.

Помимо привлекательности своей культуры и внутренней политики, Европа черпает «мягкую» силу и в сфере внешней политики, поскольку ее действия часто служат благу всего человечества. Разумеется, не все подходы европейцев одинаково дальновидны, о чем свидетельствует, например, единая сельскохозяйственная политика, своим протекционизмом наносящая ущерб фермерам в бедных странах.

В то же время позиция Европы по проблемам глобальных климатических изменений, международного права и соблюдения прав человека является одной из наиболее авторитетных. На долю Европы приходится 70 % общемирового объема средств, направляемых на помощь беднейшим странам, что в четыре раза превышает вклад Америки. Европа не гнушается трудной работой по строительству государственных структур в «третьем мире», от которой воздерживаются США.

По сравнению с американцами, в последние годы европейцы более уверенно стали использовать для достижения своих целей международные организации.

Это отчасти обусловлено опытом строительства Европейского союза, отчасти отражает своекорыстный интерес, заключающийся в создании системы сдержек единственной мировой сверхдержаве. В любом случае склонность Европы к многосторонности, каковы бы ни были ее мотивы, в мире, где унилатерализм подвергается все более острой критике, делает ее политику привлекательной для многих других стран.

Европейцы способны использовать многосторонние институты с целью ограничения «мягкого» владычества Америки. Это, в частности, проявилось в том, что Франция и Германия сумели воспрепятствовать стремлениям США добиться второй резолюции Совета Безопасности ООН к началу войны в Ираке. Соединенным Штатам эта война обошлась дороже, чем могла бы обойтись, если бы они эффективно использовали свою «мягкую» силу, в том числе и на этапе умиротворения и реконструкции Ирака.

Европейцы направляют значительные средства на развитие своей публичной дипломатии, особенно в области налаживания международных культурных контактов. Франция стоит на первом месте, расходуя 17 долларов [в год] на душу населения, что в четыре раза больше, чем у занимающей второе место Канады, за которой идут Великобритания и Швеция. Для сравнения: расходы Государственного департамента США на финансирование международных культурных программ составляют лишь 65 центов на душу населения в год. Кроме того, европейские страны настойчиво наращивают прием иностранных студентов в свои колледжи и университеты.

«Мягкая» сила Европы может использоваться как противовес американской, делая односторонние акции США дороже, но может и подкреплять американскую «мягкую» силу, облегчая достижение Соединенными Штатами своих целей. «Мягкое» влияние вполне можно использовать совместно и скоординировано. Приверженность Европы демократии и соблюдению прав человека помогает продвижению ценностей, которые разделяются Америкой и обуславливают цели и задачи ее внешней политики.

Многие европейцы понимают, что многосторонняя дипломатия возможна и без многополюсного баланса военных сил, и были бы рады разделить с США их «мягкое» могущество при условии, что Америка перейдет к внешней политике, предполагающей большее сотрудничество. Наращивание европейского «мягкого» могущества пойдет в актив или в пассив для США лишь в зависимости от самой американской политики и от того выбора, который сделают Соединенные Штаты.

Р. Кейган сформулировал тезис: «Американцы происходят с Марса, а европейцы – с Венеры». Эта провокационная формула слишком упрощает различия между Америкой и Европой в подходе к вопросам мира и безопасности. Наивно думать, что у европейцев вызывает отвращение применение силы, в то время как американцы привержены ее использованию. В конце концов, европейцы были в числе тех, кто настаивал на военном вмешательстве в Косове в 1999 г. Как показала война в Ираке, есть европейцы, предпочитающие Марс, и есть американцы, которым мила Венера. Несмотря на все это, успех европейских стран в создании зоны мира

на территории, ранее опустошенной тремя франко-германскими войнами, вполне располагает их к мирному разрешению конфликтов.

В отличие от предыдущих этапов истории международных отношений, зоны мира, где применение силы более не считается приемлемым вариантом взаимодействия между государствами, стали возникать там, где большинство стран привержены либеральной демократической традиции. Это относится и к динамике отношений Соединенных Штатов с Европой, Канадой и Японией. Существование таких зон мира свидетельствует о нарастании значения «мягкой» силы по мере сближения стандартов допустимого поведения демократических государств. В своих отношениях друг с другом все развитые демократии – с Венеры.

Однако, как заметил британский дипломат Р. Купер, отношения между развитыми демократическими странами – это сегодня только одно из трех важнейших измерений в мировой политике. В системе отношений, связывающих индустриализирующиеся и доиндустриальные общества, принцип баланса сил и роль военной мощи по-прежнему актуальны. Важными субъектами международных отношений становятся и неправительственные структуры. А борьба с международным терроризмом – это четвертая сфера, где «жесткая» сила остается решающей. Насколько европейцы поглощены обустройством собственного мира, совершенствованием преобладающих в нем законности и порядка, настолько же они не желают видеть серьезнейших угроз, с которыми сталкиваются развитые демократии. Точно так же, как американцам необходимо в своей стратегии уделять больше внимания «мягкой» силе, европейцам следовало бы укреплять свою «жесткую» мощь.

Но даже если они займутся этим, и страны НАТО определяют разделение труда и различные ниши на пространстве «жесткой» силы, то и тогда диспропорции между Европой и США, скорее всего, сохранятся. Поэтому возможен и другой благоприятный вариант «разделения труда», в котором «мягкая» сила Европы и «жесткая» сила Америки подыгрывали бы друг другу, как в комбинации «плохой полицейский – хороший полицейский». Отдельные элементы такого подхода можно было заметить на ранних этапах развития ситуации вокруг ядерной программы Ирана. Но данная стратегия эффективна только в том случае, если оба полицейских знают, что они играют в одну и ту же игру, и согласовывают свои действия. Именно этого так часто недоставало в последние годы.

Мировая политика – важный фактор, влияющий на развитие международных отношений. В то же время международные отношения представляют собой то пространство, в котором протекают процессы мировой политики.

При изучении мировой политики и международных отношений в рамках политической науки особое значение приобрели такие ее направления, как геополитика и политическая глобалистика. Геополитика имеет предметом своего исследования глобальные и национальные интересы, приоритеты и методы внешней политики государств как субъектов международных отношений и мировой политики, опираясь на территориальные и демографические императивы, а также силовые потенциалы различных стран.

Жизненно важными для мировой политики и международных отношений являются проблемы глобальной безопасности. «Политика глобальной безопасности в широком смысле – это политика уменьшения глобального риска. В гносеологическом плане – это политическая глобалистика, своеобразная политология планетарной безопасности. Данное формирующееся комплексное направление политической науки призвано раскрыть особенности политического процесса в условиях нарастающих глобальных опасностей».

Единство человечества создается общностью существенных характеристик социальной жизни, однопорядковым характером социологических законов и форм исторического опыта. Независимо от степени и характера изолированности его частей человечество везде решает однотипные проблемы – взаимоотношение личности и общества, мироздание и место в нем человека, проблема свободы личности. Действие общих законов в условиях специфического для каждой изолированной общности исторического, географического и этнического комплекса порождает своеобразие политического процесса.

Мировой политический процесс (МПП) – это способ взаимодействия и новая отрасль знания, представляющая собой сочетание изучения международных проблем и международной истории, включающей изучение международного сообщества как целого и его институтов и процессов, не только государств и их взаимодействия, но и систему транснациональной политики. Мировая политика – понятие, более полно отражающее сложившуюся ситуацию, чем международные отношения.

Мировой политический процесс – переход от хаоса к определенному порядку, единству, самоуправлению и управлению – быстро формирующаяся и развивающаяся теория. Ее возникновение обусловлено тем, что теория международных отношений уже не отражает реалий превращений современного мира в целостность, в систему. Если субъектом международных отношений является государство, то число субъектов МПП намного больше. Деятельность многих субъектов МПП в отличие от государства ничем не регламентируется. Рассмотрение МПП ведется с точки зрения мирового политического пространства и социального времени, зависимости и взаимозависимости, взаимодействия экономики и политики, вертикальных и горизонтальных связей.

Мировой политический процесс связан с формированием глобальной политической системы, организующей коллективные действия на глобальном уровне, центральное место в которой занимает управление, лидерство, ведущая сила и соперник, средства массовой коммуникации, наука, знание, структура глобального сообщества, связанные с проблемами солидарности (коализации, союзы, отношения). Предполагается, что в мировой политической системе должно существовать лидерство. Соперничество в мировой политике приводит к глобальным войнам.

Как справедливо указывает Дж. Най, краткая попытка обрисовать комплекс главных проблем, с которыми в процессе становления новой модели международных отношений сталкивается мировое сообщество, отнюдь не исчерпывает всего многообразия вопросов, которые возникли перед человечеством. Сумми-

руя все вышесказанное, приходится констатировать, что обозримое будущее далеко не безоблачно. Развитие цивилизации выносит на повестку дня все новые и все более сложные проблемы. В какой мере их удастся решить, какова будет цена снятия противоречий, сейчас сказать трудно, но ясно, что становление новой модели международных отношений будет проходить весьма болезненно и с большими издержками.

В то же время накопленный к настоящему моменту опыт решения самых разнообразных и не менее сложных, чем сегодня, проблем позволяет надеяться, что в конечном итоге стремление создать благоприятную внешнюю среду для развития государств, рост их взаимозависимости перевесит все негативные факторы и приведет к формированию более совершенной, по сравнению с предшествовавшими, модели международных отношений.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учебное пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учебное пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Най Дж.С. (мл.). Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1969. № 12.

Дополнительная

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. – М.: Просвещение, 2004.

Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

Современная мировая политика. Прикладной анализ: Учебное пособие / Под ред. А.Д. Богатурова / МГИМО (У) МИД РФ. М.: Аспект-Пресс, 2009.

Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: ПЕР СЭ, 2005.

Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита; пер. с англ. общая ред. и предисл. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002.

Цыганков П.А. Эволюция западных теоретических подходов к исследованиям международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

Павлов Ю.М. Международные отношения и мировая политика. М.: Изд-во МНЭПУ, 2000.

Маныкин А.С. Введение в теорию международных отношений. М.: Изд-во МГУ, 2001.

Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. 1997. № 2.

Keohane R.O., Nye J.S. (J.). Transnational Relations and World Politics. Cambridge: Harvard University Press, 1972.

Keohane, R.O. After Hegemony, Princeton: Princeton University Press, 1984.

Тема 16. Политический идеализм

1. Концептуальные принципы политического идеализма.
2. Вектор либерально-идеалистической парадигмы.
3. Политика «реальностей» в международных отношениях.

Идейное наследие Фукидида, Макиавелли, Гоббса, де Ваттеля и Клаузевица, с одной стороны, Витория, Гроция, Канта – с другой, нашло свое непосредственное отражение в крупной научной дискуссии, которая возникла в США в период между двумя мировыми войнами. Дискуссия развернулась между представителями политического реализма и политического идеализма. Конечно же, в этом теоретическом споре аргументы политических реалистов выглядели более убедительными и основательными, нежели доводы политических идеалистов.

На первый взгляд *идеалистическая трактовка международных отношений* не имеет под собой никакой реальной основы в жестком мире современных конфликтов и противостояний. Однако времена меняются. В международных отношениях весьма противоречиво, но все же заметно, постепенно пробивают себе дорогу гуманистические тенденции. Медленно в мировом общественном сознании намечаются сдвиги в сторону расширения и углубления потенциала демократических преобразований в сфере международных отношений. В последние годы по всему миру начинает мощно звучать протестный голос международного сообщества.

Требования перемен в международных отношениях связаны, прежде всего, с призывами к справедливому мироустройству. Именно в этой связи появляются «проблески» надежды, что политический идеализм как теоретическое построение в будущем определенно обретет хоть какое-то практическое воплощение.

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что в большинстве учебников по международным отношениям, изданных на Западе, идеализм как самостоятельное направление либо не рассматривается, либо служит не более чем «критическим фоном» при анализе политического реализма и других теоретических школ. Иногда идеализм квалифицируется как утопизм, а многими учеными Запада он не рассматривается как самостоятельное теоретическое направление.

Основная посылка политического идеализма – убеждение в необходимости и возможности покончить с мировыми войнами и вооруженными конфликтами между государствами путем правового регулирования и демократизации международных отношений, распространения на них норм нравственности и справедливости. Согласно данному направлению, мировое сообщество демократических государств, при поддержке и давлении со стороны общественного мнения, вполне способно улаживать возникающие между его членами конфликты мирным путем,

методами правового регулирования, увеличения числа и роли международных организаций, способствующих расширению взаимовыгодного сотрудничества и обмена. Одна из его приоритетных тем – создание системы коллективной безопасности на основе добровольного разоружения и взаимного отказа от войны как инструмента международной политики.

В политической практике идеализм нашел свое воплощение в разработанной после Первой мировой войны американским президентом Вудро Вильсоном программе создания Лиги Наций в 1927 г., в Пакте Бриана – Келлога, принятом в 1928 г. и предусматривающем отказ от применения силы в межгосударственных отношениях, а также в доктрине Стаймсона от 1932 г., по которой США отказываются от дипломатического признания любого изменения, если оно достигнуто при помощи силы.

После Второй мировой войны идеалистическая традиция нашла некоторое воплощение в деятельности таких американских политиков, как Джон Ф. Даллес и Збигнев Бжезинский, президентов Дж. Картера (1976–1980) и Джорджа Буша-старшего (1988–1992). В последнее время научная литература, развивающая идеалистическую традицию, обогатилась книгой американских авторов Р. Кларка и Л.Б. Сона «Достижение мира через мировое право».

Такие политические идеалисты, как Д. Перкинс, В. Дин, У. Липпман, Т. Кук, Т. Мюррей и др., рассматривали мировую политику с помощью правовых и этических категорий, ориентируясь на создание нормативных моделей мировых отношений. В основе их убеждений лежал отказ от признания силовых и военных средств как важнейших регуляторов межгосударственных отношений. Предпочтение же полностью отдавалось системе и институтам международного права.

Вместо баланса сил идеалисты предлагали другой механизм урегулирования межгосударственных отношений, а именно – механизм коллективной безопасности. Эта идея базировалась на том соображении, что все государства имеют общую цель – достижение мира и всеобщей безопасности, поскольку нестабильность силового баланса сил и войны причиняют государствам огромный ущерб, ведут к бессмысленной трате ресурсов. Агрессия же даже одного государства против другого приносит ущерб всем.

Серьезную попытку реализовать теоретические принципы идеализма в практической сфере предпринял американский президент Вудро Вильсон. В. Вильсон, «провидец», опустивший занавес над драмой Первой мировой войны (1914–1918 гг.), следующим образом раскрывал содержание наступающих времен: «Нынешний век... является веком, отвергающим стандарты национального эгоизма, ранее правившего сообществами наций, и требует, чтобы они дали дорогу новому порядку вещей, где вопросы будут звучать только так: «Это правильно?», «Это справедливо? «Это действительно в интересах человечества?»¹.

---

¹ См.: Вильсон В. Замечания, сделанные на Шурнеском кладбище в День памяти 30 мая 1919 г. // *Arthur S. Link.. The Papers of Woodrow Wilson* (Документы Вудро Вильсона). Princeton: Univ. Press, 1966. Vol. 59. P. 608–609.

Так, выдвинув в 1916 г. мирный план, который должен был установить «верховенство права над любой эгоистической агрессией» путем «совместного соглашения об общих целях», Вудро Вильсон основывался «на ясном понимании того, чего требует сердце и совесть человечества», и поэтому исключал необходимость применения силы для защиты международного права, считая, что для этого вполне достаточно мирового общественного мнения и осуждения со стороны Лига Наций.

Идея создания Лиги Наций была выдвинута Вудро Вильсоном. В известных «Четырнадцати пунктах», представленных американскому конгрессу и мировой политической общественности еще во время войны, в своей программной речи Вильсон призвал к «формированию на определенных условиях общей ассоциации наций с целью предоставления крупным и малым государствам взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности». В соответствии с планами Вильсона перед Лигой Наций ставились цели поддержания мира и развития между всеми государствами мира, пожелавшими вступить в организацию, открытых дипломатических отношений.

Пакт Бриана – Келлога (Парижский пакт) – договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, получил название по имени инициаторов – министра иностранных дел Франции А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога. Подписан 27 августа 1928 г. в Париже представителями США, Франции, Великобритании, Германии, Италии, Бельгии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, ЮАС, Ирландии, Индии, Польши, Чехословакии, Японии. Позже к пакту присоединились СССР и ещё 48 государств. Пакт вступил в силу 24 июля 1929 г.

Это было принципиально новым опытом в международной дипломатии, которая ранее служила интересам нескольких великих держав, доминировавших на мировой арене. По плану Вильсона, Лига имела право в целях поддержания мира накладывать на государство-агрессора экономические санкции, не подкрепляя эти санкции военной силой. Государства-члены Лиги должны были уважать территориальную целостность своих соседей и решать возникающие споры в Постоянной палате международного правосудия. В то же время допускалась возможность пересмотра существующих государственных образований и их границ, если три четверти делегаций Лиги признают их не соответствующими изменившимся национальным условиям и принципам самоопределения наций.

Однако предложения американского президента, представленные им на конференции стран-союзниц в Париже (январь 1919 г.), не получили однозначного одобрения участников. Многие поняли, что красивые слова Вильсона о международной безопасности, мире, дружбе и политической открытости между государствами, не более чем вуаль, скрывающая истинные замыслы империалистической экспансии США. Не участвовавшие в тайных договорах стран Антанты, США стремились аннулировать их и войти в новый мировой порядок, руководствуясь принципом «равных возможностей». Сознывая свое экономическое могущество, Штаты были уверены в успехе конкурентной борьбы на внешних рынках и поэтому заинтересованы в признании провозглашенных принципов «открытых дверей» и «равных возможностей» другими странами.

Предлагая допустить в Лигу Германию и малые страны, Вильсон рассчитывал, что они попадут в экономическую зависимость от США. «Справедливое» решение колониальных проблем под эгидой Лиги Наций, в которой США надеялись играть решающую роль, также служило интересам Штатов, обеспечивая им свободный доступ в колониальные и зависимые страны. В конечном варианте одобренный устав Лиги стал плодом компромисса между английским проектом, предусматривавшим лишь схему арбитража между крупными державами, и американским предложением. Наряду с Ассамблеей, представлявшей всех членов Лиги, создавался Совет, обладавший почти такими же полномочиями. Постоянными членами Совета должны были стать 5 главных держав-победительниц: США, Англия, Италия, Франция и Япония, а четыре непостоянных члена подлежали избранию ассамблеей из других стран, входивших в Лигу. Устав подписали 45 государств. Страны германского блока не были допущены в Лигу.

Тогда же практически впервые была озвучена идея создания системы коллективной безопасности в мире. Предполагалось, что арбитром межгосударственных споров станет международный политический орган, наделенный исключительным правом принимать решения о коллективном наказании агрессора. Выступая 22 января 1917 г. с нападка на международный порядок, сложившийся в период до Первой мировой войны и называя его системой «организованного соперничества», В. Вильсон подчеркивал: «Вопрос, на котором зиждется будущий мир и международная политика, заключается в следующем: является ли нынешняя война сражением за справедливый и прочный мир или схватка ради всего-навсего создания нового равновесия сил?.. Нужно не равновесие сил, а совокупность сил; не организованное соперничество, а организованный всеобщий мир». То, что Вильсон имел в виду под «совокупностью сил», представляло собой абсолютно новую концепцию, которая впоследствии стала известна как концепция «коллективной безопасности». Убеденный, что все нации равным образом заинтересованы в мире и потому объединятся, чтобы наказать того, кто его нарушил, Вильсон призвал к моральному консенсусу миролюбивых сил.

В 1918 г. он сформулировал 14 пунктов послевоенного урегулирования и тем самым практически концептуализировал взгляды идеалистов. В частности, в качестве основных механизмов урегулирования мировых политических отношений он предложил проведение открытых мирных переговоров; обеспечение гарантий свободы торговли в мирное и военное время; сокращение национальных вооружений до минимального достаточного уровня, совместимого с национальной безопасностью; свободное и основанное на принципе государственного суверенитета беспристрастное разрешение всех споров международными организациями.

Однако жесткая международная реальность первой половины XX столетия оказалась далекой от идеалистических представлений. Лига Наций, олицетворявшая собой устремления людей к справедливости, порядку и миру, не смогла предотвратить агрессию СССР против Финляндии, Италии против Эфиопии и ряд других военных конфликтов. Бессильной оказалась она и в предотвращении Второй

мировой войны. Агрессивная политика пришедшего в тридцатые годы к власти в Германии нацистского руководства и ее ремилитаризация практически не вызвали со стороны европейских демократий и Лиги Наций никакой реакции, кроме вербальных протестов.

Когда Гитлер потребовал аннексии части Чехословакии, под предлогом помощи судетским немцам, Чемберлен и Даладье на сентябрьской конференции 1938 г. в Мюнхене уступили ему, полагая, что если Судеты будут присоединены к Германии, то это поможет предохранить мир от тотальной войны. На деле результат оказался прямо противоположным: Мюнхенская конференция стала прологом Второй мировой войны, фактически поощрив Гитлера на дальнейшую эскалацию агрессии.

Политический идеализм оказался, таким образом, дискредитированным как в теории, так и на практике и уступил место политическому реализму. Как уже отмечалось, политический реализм отнюдь не выступает против международной морали. Из шести сформулированных Гансом Моргентау принципов политического реализма три непосредственно касаются взаимодействия морали и внешней политики государства. Подчеркивая существование непримиримых противоречий между универсальными моральными нормами и государственными ценностями, Г. Моргентау настаивает на необходимости рассмотрения моральных принципов в конкретных обстоятельствах места и времени.

Государственный руководитель не может позволить себе сказать: «*Fiat justitia, pereat mundus*», а тем более – действовать, руководствуясь этой максимой. Иначе он был бы либо сумасшедшим, либо преступником. Поэтому высшая моральная добродетель в политике – это осторожность, умеренность. О моральных ценностях нации-государства нельзя судить на основе универсальных моральных норм. Необходимо понимание национальных интересов. Если мы их знаем, то можем защищать свои национальные интересы, уважая национальные интересы других государств. Главное при этом – помнить о существовании неизбежной напряженности между моральным долгом и требованиями плодотворной политической деятельности.

С подобным пониманием солидарен и Р. Арон, не принимающий концепцию Г. Моргентау относительно национального интереса. Основываясь на «праксеологии» – науке о политическом действии и политическом решении, Арон скептически относится к роли универсальных ценностей в области политики. В конечном итоге он настаивает на том, что за неимением абсолютной уверенности относительно моральности того или иного политического решения следует исходить из учета его последствий, руководствуясь при этом мудростью и осторожностью: «Быть осторожным – значит действовать в зависимости от особенностей момента и конкретных данных, а не исходить из системного подхода или пассивного подчинения нормам или псевдонормам. Это значит предпочесть ограничение насилия наказанию так называемого виновного, или так называемой абсолютной справедливости. Это значит намечать себе конкретные, достижимые цели, соответствующие вековому закону международных отношений».

Таким образом, в основе политического реализма – веберовское понимание политической морали. Действительно, по М. Веберу, свойственная политической морали необходимость прибегать к «плохим» средствам находит свое логическое завершение в сфере международных отношений. Считая, что высшей ценностью государственных деятелей является сила соответствующего государства, он не только устраняет из этой сферы моральный выбор по поводу целей государственной внешней политики, но и, фактически, переносит этот выбор в область средств, где он также достаточно ограничен, поскольку решающим средством политики Вебер называет насилие.

Либерально-идеалистическая точка зрения, разумеется, зиждется на основополагающих принципах политического идеализма, но имеет свой специфический вектор развития. В основе либерально-идеалистической парадигмы лежат две идеи – идея о единстве человеческого рода, общечеловеческих ценностей и идеалов и идея о возможности и необходимости изменения характера международных отношений в духе гуманизма и прав человека. Сторонники этой парадигмы не отрицают, что международные отношения по своей природе анархичны. Однако эта анархичность носит временной характер и постоянно уменьшается. А международные отношения становятся более управляемыми под влиянием общественного мнения и целенаправленной деятельности все более расширяющегося круга участников международных отношений.

На международной арене наряду с государственными объединениями все более важное значение приобретает деятельность негосударственных и частных международных акторов – межправительственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций, фирм, предприятий и банков, а также разного рода организованных групп и отдельных людей. Главными процессами являются сотрудничество и интеграция, основу которых составляет все более возрастающая взаимозависимость мира, усиливающая осознание людьми общности их интересов. Основными регуляторами при этом выступают правовые и нравственные нормы. Эти общие в разных вариантах положения либерально-идеалистической парадигмы приобретают несовпадающие друг с другом концептуальные формы.

Если рассматривать основные положения либерально-идеалистической парадигмы, то можно выделить такие моменты. *Во-первых*, участники международных отношений представляют собой достаточно широкий круг акторов, в который входят не только государства, но и международные правительственные и неправительственные организации, общественные объединения и группы, частные предприятия и даже отдельные лица. Более того, идеалисты настаивают на том, что государство не может рассматриваться как рациональный и унитарный актор. Международная политика государства – это равнодействующая постоянной борьбы, согласования и компромисса интересов бюрократической иерархии и отдельных властных структур, гражданской и военной систем общества, различных политических партий и движений, неполитических ассоциаций и профессиональных групп и т.п.

Во-вторых, отсутствие верховной власти в международных отношениях не означает фатальной неизбежности господства в них принципа «помоги себе сам». Создание и расширение полномочий международных организаций, совершенствование норм международного права, демократизация международных отношений, распространение на них универсальных норм нравственности и справедливости позволяют равноправно участвовать в международной политике не только великим державам, но и другим государствам, а также негосударственным акторам. Таким образом, либералы признают лишь один аспект анархии международных отношений и отрицают другой. Более того, они лишь частично согласны с тезисом об отсутствии в международных отношениях центральной власти, наделенной полномочиями принятия решений, обязательных для неуклонного выполнения всеми акторами.

В-третьих, международные процессы многообразны, и международные отношения не могут быть сведены только к состоянию мира и войны, или даже к сотрудничеству и конфликтам. Все это имеет место, причем при все более доминирующей роли международного сотрудничества. Но если представить международные процессы в обобщенном виде как доминирующую тенденцию, то следует говорить о возрастающей взаимозависимости и формировании единого мирового сообщества, сталкивающегося с общими проблемами и потому имеющего общие интересы. Плюрализм международных акторов предполагает и плюрализм их целей. В то же время в этом многообразии все более явно просматривается единство – приоритет общечеловеческих ценностей и универсальных демократических принципов, на основе которых следует двигаться к формированию нового, сознательно регулируемого мирового порядка, отвечающего общим интересам всего человечества.

В-четвертых, согласно либерально-идеалистической парадигме, мировое сообщество демократических государств, при поддержке и давлении общественного мнения, вполне способно улаживать возникающие между своими членами конфликты мирным путем, методами правового регулирования, увеличения числа и роли международных организаций, способствующих расширению взаимовыгодного сотрудничества и обмена. Одна из ее приоритетных тем – создание системы коллективной безопасности на основе добровольного разоружения и взаимного отказа от войны как инструментов международной политики, системы, которая позволит покончить с мировыми войнами и вооруженными конфликтами между государствами.

В-пятых, результатом изменений, происходящих в международных отношениях, станет окончательное преодоление их анархической природы и возникновение единого общемирового сообщества, в котором будет покончено с войнами и вооруженными конфликтами. Не исключается и создание мирового правительства, руководимого ООН и действующего на основе детально разработанной мировой конституции. Идея мирового правительства высказывалась и в папских энцикликах: Иоанна XXIII – «*Pacem in terris*» от 16 апреля 1963 г., Павла VI – «*Populorum progressio*» от 26 марта 1967 г., а также Иоанна-Павла II – от 2 декабря

1980 г., который и сегодня выступает за создание «политической власти, наделенной универсальной компетенцией»¹.

Все эти положения свидетельствуют о том, что исходным принципом анализа международных отношений в рамках либерально-идеалистической парадигмы выступают универсальные ценности и идеалы демократии.

Идеалистическая парадигма, существовавшая в истории международных отношений на протяжении веков, сохраняет определенное влияние и в наши дни. Это влияние просматривается и в практике, предпринимаемой мировым сообществом для демократизации и гуманизации международных отношений, и в стратегии нового мирового порядка, ставшей основой внешнеполитической линии США после «холодной войны», и в вызывающей не менее острые идейные и политические разногласия концепции кооперативной безопасности.

Либерально-идеалистическая концепция в течение длительного времени считалась утратившей всякое влияние и противоречащей требованиям меняющейся международной политики и даже опасной для нее по своим последствиям. В 1930-е гг. лежащий в ее основе нормативистский подход оказался глубоко подорванным вследствие нарастания напряженности в Европе, агрессивной политики фашизма и краха Лиги Наций, развязывания мирового конфликта 1939–1945 гг. Значительный урон либерально-идеалистической парадигме нанесла «холодная война» в последующие десятилетия.

Однако идеалистическая парадигма, сопровождавшая историю международных отношений на протяжении веков, сохраняет определенное влияние на умы и в наши дни. Более того, можно сказать, что в последние годы ее влияние на некоторые аспекты теоретического анализа и прогнозирования в области международных отношений даже возросло, став основой практических шагов, предпринимаемых мировым сообществом по демократизации и гуманизации этих отношений, а также попыток формирования нового, сознательно регулируемого мирового порядка, отвечающего общим интересам всего человечества.

В данном контексте развивающихся международных событий политический идеализм уже в течение длительного времени (разумеется, в некотором отношении – и по сей день) считается утратившим всякое влияние и уж во всяком случае – безнадежно отставшим от требований современности. Результатом стало возрождение на американской почве европейской классической традиции с присущим ей выдвижением на передний план в анализе международных отношений таких понятий, как «сила» и «баланс сил», «национальный интерес» и «конфликт».

В настоящее время, после 20 лет окончания «холодной войны» и усиливающихся ныне в мировом масштабе глобализационных трендах, многие исследователи находят подтверждение основным положениям либерально-идеалистической парадигмы в современных международных отношениях. Интенсивное распространение идей демократии и либерализма, активные интеграционные процессы в Европе, Америке и Азии, демократические выборы в Афганистане, Ираке интерпретируются многими авторитетными учеными, как победа «идеалистов»

---

¹ Международные отношения как объект исследования / Отв. ред. П.А. Цыганков. М., 1999. С. 34.

над «реалистами». Вместе с тем способы и цели распространения той же демократии в страны «третьего» мира, низложение авторитета международных организаций и явная демонстрация решающей роли США на международной арене снова подтверждают положения реалистов.

США и Великобритания – две страны, положившие начало созданию Организации Объединенных Наций, подписав Атлантическую хартию в 1942 г., в настоящее время без оглядки на нее же принимают одностороннее решение о военном вторжении в страну, не представляющую прямой угрозы их национальной безопасности, и насаждают там демократические «свободы» насильственным способом.

Новая доктрина национальной безопасности, принятая в США после 11 сентября 2001 г., в одностороннем порядке легитимизирует превентивную войну со стороны США практически в любой части света. И тот, кто оказывается не согласным с этим положением, объявляется врагом Соединенных Штатов. Разумеется, ни одна из многочисленных существующих сегодня мировых организаций не предоставила бы никакой стране мира такого права, однако США ясно дают понять, что интересы их собственной национальной безопасности, выраженные в терминах силы, превосходят авторитет любой международной организации¹.

К окончанию войны в общественном мнении стран «Большой тройки» преобладали положительные оценки в отношении союзников по антигитлеровской коалиции. За годы войны пропаганда США и СССР в целом представляла образ союзника как достойного, смелого и благородного партнера. Впечатляющие победы Красной Армии способствовали переосмыслению восприятия советского социального, политического и экономического строя в США. Кроме того, за годы войны Советский Союз предпринял определенные меры по демократизации социалистической модели, примирению государства с церковью. Распуск Коминтерна также давал определенные надежды на постепенную демократизацию советской политики. Произошел определенный допуск американских СМИ в пределы Советского Союза. Крупные американские промышленники надеялись на продолжение экономического сотрудничества с Советским Союзом, представлявшим обширный рынок для экспорта американских товаров.

Таким образом, начальный этап послевоенного урегулирования в определенном смысле подтверждает положения идеалистической парадигмы. Страны-победительницы явно извлекли уроки прошлого, признав необходимость покончить с мировыми войнами с помощью правового регулирования сферы международных отношений. Для этой цели создавались международные организации, наделенные серьезными полномочиями (к примеру, ООН обладала более сильной властью, чем Лига Наций). Расширялось взаимовыгодное экономическое сотрудничество, также основанное на деятельности новых международных организаций, с целью предупреждения очередного мирового экономического кризиса, грозящего новым военным конфликтом. Стремление акторов международных отношений к экономической безопасности и к мировому экономическому сотрудничеству, которое было продемонстрировано союзниками по антигитлеровской

---

¹ См.: Цыганков П.А. Международные отношения. М.: Новая школа, 2003. С. 99.

коалиции на начальном этапе послевоенного урегулирования, также свидетельствуют о намечавшемся решении задач послевоенного мироустройства в рамках представления школы политического идеализма.

Отметим, что идеальные представления о новом глобальном миропорядке сложились у каждой из стран-союзниц. Более того, многие базовые ценности были похожими и разделялись как общественным мнением, так и официально пропагандой. Другое дело, что схожесть терминов не всегда означала идентичность их понимания, а за красивым фасадом скрывались совсем иные реалии, чем виделось со стороны.

В итоге исторические реалии, следовавшие за этим многообещающим началом, в очередной раз поставили под сомнение идеи политического идеализма. События 1946–1948 гг. скоро доказали преимущество аргументов школы политического реализма. Можно предположить, что положения парадигмы политического реализма в большей степени, чем положения идеалистов, были оправданы как началом «холодной войны», так и ходом международных событий, повлекших жесткую конфронтацию двух сверх держав – США и СССР.

Что касается Советского Союза, то он проявлял заинтересованность в продолжении сотрудничества с Западом также и в послевоенный период. Причиной этому были, прежде всего, геополитические интересы СССР. Только сотрудничая в рамках «Большой тройки», союзники могли легитимно закрепить новые послевоенные границы и сферы влияния. К тому же Советский Союз надеялся на получение западных (в первую очередь американских) льготных кредитов для восстановления разрушенной экономики страны.

«Не так сложно сохранять союз во время войны, – отметил реалистично мыслящий Сталин, – когда существует совместная цель разгрома общего врага, которая ясна каждому. Сложная задача встанет после войны, когда *различные интересы разделят союзников*» (курсив мой. – А.Д.).

Одной из особенностей теории политического реализма стала попытка обосновать мысль о том, что в основе международной политики лежат объективные и неизменные законы политического поведения, корни которых следует искать, прежде всего, в эгоистичной человеческой природе. Основное понятие политического реализма – «*интерес, определенный в терминах власти*» – связывает существование законов международных отношений с потребностями людей в безопасности, процветании и развитии, которые должно защищать государство в своей внешнеполитической деятельности. В связи с этим предполагается, что «государства действуют на мировой арене, исходя из трех гоббсовских мотивов: достижения и обеспечения безопасности государства; удовлетворения экономических требований политически значимых слоев населения; повышения престижа государства»¹.

Политический реализм исходит из того, что международные отношения необходимо рассматривать не с точки зрения какого-либо идеала, а с точки зрения сущности политики. Международная политика, подобно любой другой политике, есть борьба за власть. Какой бы ни была конечная цель международной политики,

---

¹ Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. С. 26.

ее непосредственной целью всегда является власть¹. Политические реалисты, не отрицая необходимость создания гармоничного международного порядка, основанного на демократии, универсальных ценностях и верховенстве права, настаивают на том, что одной из главных особенностей международной политики является постоянное стремление наций-государств к сохранению благоприятного для них статус-кво на мировой арене или же к его изменению в свою пользу.

В свою очередь, это приводит к определенной конфигурации международных отношений, которая называется балансом сил, и, соответственно, к политике, направленной на поддержание этого баланса. По мнению реалистов, баланс сил является самым эффективным средством сохранения мира, он возникает не только из-за стремления к власти и столкновения национальных интересов, к обеспечению которых стремятся государства, но и «из единства культур, взаимного уважения прав друг друга и согласия относительно основных принципов»².

С точки зрения школы политического реализма альянс «Большой тройки» (СССР-США-Великобритании) был изначально временным явлением, сплоченным лишь фашистской угрозой. Это утверждение во многом подтверждают факты, начавшие происходить в отношениях союзников уже на завершающей стадии войны (однако и в военный период доказательства тому также имеются).

Военно-силовое противостояние между СССР и США стало серьезным фактором, нагнетающим враждебность и подозрительность сторон по отношению друг к другу. Подозрительность усиливала монополия США в вопросе обладания ядерным оружием. Среди американских интеллектуалов, правда, шла дискуссия о том, не будет ли правильным поделиться секретом ядерной бомбы с СССР, значительно увеличив тем самым доверие в американо-советских отношениях. Конечно, наиболее влиятельные политические круги Вашингтона отреагировали резко отрицательно на эту инициативу, заявив, что в подобной ситуации Советский Союз никогда не пошел бы на такой шаг. Это, впрочем, не помешало отдельным ученым, задействованным в Манхэттенском проекте, поделиться с КГБ секретами и технологиями, что значительно ускорило создание русскими атомной бомбы.

Советский Союз в первые послевоенные годы в форсированном темпе разрабатывал атомное оружие собственными силами, пытаясь преодолеть это мощное неравенство. Однако у Советского Союза была возможность сохранять относительный паритет сил. До испытания собственного ядерного оружия в 1949 г. СССР использовал свое военное присутствие в Европе как мощнейший фактор сдерживания. Западная Европа в этом смысле стала заложницей «холодной войны» между двумя великими державами. В Вашингтоне прекрасно понимали, что в случае применения и атомной бомбы против Советского Союза, крупнейшая в мире сухопутная армия СССР моментально оккупирует всю Европу. Опасаясь в этом смысле советского военного присутствия в Европе, США добивались полной демилитаризации и экономического объединения Германии – в этом случае преимущество

---

¹ *Моргентау Г.* Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // ТМО: Хрестоматия / Под ред. П.А. Цыганкова. М., 2002. С. 74.

² *Лебедева М.М.* Мировая политика. М., 2003. С. 27.

в борьбе за влияние в этой стране оказалось бы на стороне экономически сильных США. Однако Сталин отклонил предложенный Бирнсом на Парижской сессии СМВД в апреле 1946 г. план по выводу союзных войск с территории Германии.

Поворот от сотрудничества к намечавшемуся противостоянию между англо-саксонскими странами и Советским Союзом зримо обозначила речь Бирнса, прозвучавшая в немецком городе Штутгарте 6 сентября 1946 г. Бирнс заявлял о том, что оккупационная контрольная власть превратилась в «защитную». Эта ситуация может привести к тому, что Германия станет «залогом или партнером в военном столкновении держав востока и запада». Постепенно американская администрация сменяет Великобританию в ее роли главного противника Советского Союза в мировой политике.

К осени 1946 г. обострилась ситуация в Средиземноморье. В Греции шло вооруженное противостояние между прозападными правительственными силами и коммунистами, не вошедшими в правительство. Коммунистическим партизанам Греции активно помогали Югославия, Болгария и Албания, за которыми США и Великобритания, разумеется, видели руку Советского Союза. Великобритания оказывала помощь правительству в Афинах.

21 февраля британское посольство в Вашингтоне уведомило американское правительство о том, что Великобритания в силу своей экономической ослабленности более не в состоянии поддерживать существующие режимы в Греции и Турции. Великобритания просила США взять на себя заботу о восстановлении этих стран.

12 марта 1947 г. Трумэн обратился к конгрессу с просьбой о выделении 400 млн долл. на помощь Греции и Турции с целью предотвращения угрозы прихода к власти коммунистов в этих государствах. Таким образом, Трумэн официально обозначил новых врагов – коммунизм и фактически Советский Союз (хотя конкретно об СССР речи не шло, однако это было очевидно).

Помощь Греции и Турции была очень важным фактором в американо-британской политике «сдерживания» коммунизма. Известный американский журналист Уолтер Липпман писал: «Мы выбрали Грецию и Турцию не потому, что они особенно нуждались в помощи, и не потому, что они являлись блестящими образцами демократии, но потому, что они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море и к сердцу СССР». В последующие годы США создали в Греции и Турции военные базы, что способствовало ослаблению прокоммунистических позиций в этом регионе. Наличие баз косвенно помогало сдерживать коммунистические амбиции на Ближнем и Среднем Востоке, что превращало регион в один из наиболее тревожных очагов международной напряженности.

1947 г. стал поворотным в американской внешней политике. Именно в 1947 г. становится общеупотребительным термин «холодная война» (произнесенный впервые американским финансистом – сторонником жесткого курса Б. Барухом и широко применяемый в дальнейшем американским журналистом У. Липпманом). «Холодную войну» начали рассматривать как долговременную международную ситуацию.

Таким образом, Соединенные Штаты в период 1945–1947 гг. постепенно заменяют Великобританию в роли основного противника намерений Советского Союза и переходят к политике открытой конфронтации с ним. Первый серьезный очаг этого противостояния проявился в 1948 г. в виде Берлинского кризиса. При этом изначально интересы Англии и США во многом противоречили друг другу. Великобритания была «обижена» прекращением Соединенными Штатами в одностороннем порядке совместных исследований в области ядерных разработок, а также отказом США в предоставлении кредита. К тому же у двух стран были различные взгляды на послевоенное мировое устройство. В этом смысле Англии было проще договориться с Советским Союзом о разделе мира на сферы влияния, т. к. на этом традиционно строились российско-британские внешнеполитические отношения. США же категорически отрицали политику сфер влияния.

Разумеется, наиболее серьезные разногласия у США и Великобритании вызывал вопрос о сохранении колоний. Сталин в своей дипломатии традиционно стремился играть на противоречиях между Великобританией и США, возникших по вопросам управления колониями. Но, несмотря на это огромное несовпадение интересов с США, Англия предпочла объединиться с Соединенными Штатами и активно содействовала созданию негласного альянса с целью противостояния Советскому Союзу. Мировая гегемония США – идейно гораздо более близкой державы – была для Великобритании более желательной, чем гегемония СССР, в момент образования которого английский премьер-министр У. Черчилль объявил себя его главным врагом¹.

Идейным творцом политики противостояния США Советскому Союзу по всем возможным направлениям (экономическому, военному, идеологическому) стал один из наиболее ярких представителей теории политического реализма – советник-посланник посольства США в Москве Дж. Кеннан. Теоретической основой внешней политики Вашингтона в отношении СССР стала «длинная телеграмма» Кеннана и его же статья «Истоки советского поведения», опубликованная в 1947 г. в журнале «Форин Аффферс», издаваемым Советом по международным отношениям администрации США. Кеннан утверждал, что СССР признает лишь собственные интересы и будет исходить из них в любой ситуации – даже в ущерб международному сотрудничеству.

Соответственно и ООН будет рассматриваться Кремлем не в качестве механизма мирового сообщества, а только как пространство для достижения собственных целей. При этом, по утверждению Кеннана, для СССР все иностранные государства являются врагами и ни о какой политической близости с Советским Союзом не может идти речи. Советская сила, как писал Кеннан, «непроницаема к логике разума, но очень чувствительна к логике силы», следовательно, США в отношениях с СССР вынуждены действовать с позиции силы. Очень схожие по содержанию донесения и рекомендации отправлял в Лондон временный поверенный в делах Великобритании в Москве Фрэнк Робертс.

---

¹ Печатнов В.О. От союза к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 54.

Его идеи перекликались с идеями Кеннана в главном – не стоит проводить излишне мягкий курс по отношению к Советскому Союзу – напротив, нужно демонстрировать перед ним твердый англо-американский альянс и давать понять, что существует предел терпению и уступок, на которые могут пойти Великобритания и США Советскому Союзу. Нельзя допустить, чтобы советское давление повлияло на их жизненные интересы. Идеи Кеннана очень помогли Белому дому подвести идейную базу под уже наметившуюся в США реалистическую политику в отношении СССР.

Сторонники теории политического реализма указывают на то, что сама Организация Объединенных Наций не способна противодействовать военным конфликтам и нарушениям прав наций на самоопределение. В ее уставе существуют туманные формулировки и серьезные «лазейки», позволяющие государствам уклоняться от обязательства не использовать угрозу применения силы. Так в пункте 7 статьи 2 существует оговорка о том, что Объединенные нации не могут вмешиваться в дела, относящиеся по существу к национальной компетенции того или иного государства. Франция и Нидерланды позже использовали эту статью против вмешательства ООН во время колониальных войн в Индонезии и Алжире. В свое время Черчилль, заключая Атлантическую хартию в 1941 г., заявил, что пункт о самоопределении наций не должен распространяться на Британскую империю.

Также Устав ООН предусматривает законность «коллективной обороны», которая позже реализовалась в двух противостоящих блоках: Североатлантическом альянсе и Организации Варшавского договора. Одна из самых демократичных и либеральных особенностей деятельности Совета Безопасности ООН – принцип консенсусного решения и право вето, запрещающее Совету принимать решения, дал государствам понять, что они сами вынуждены организовывать свою коллективную оборону. Поэтому «коллективная безопасность», не состоявшись, уступила «коллективной обороне». Один из виднейших теоретиков политического реализма Раймон Арон определил эту ситуацию четко и безапелляционно: «Правовой формализм склонился перед реальностями «холодной войны».

Следовательно, политический идеализм оказывается далеким от реальности теоретическим образованием и в условиях постбиполярного мира. Первые два десятилетия XXI в. международные отношения развертывались вопреки сценарию, предписанному политическим идеализмом. Таким образом, «новый порядок» вещей, который предвидел В. Вильсон, даже в начале XXI в. с большим трудом пробивает себе дорогу. Пресловутый «национальный интерес», понимаемый с национально-эгоистических позиций, по-прежнему, играет доминирующую роль в пространстве международного поведения государств.

Национальное государство в его развитой форме обеспечивает определенный уровень благосостояния лишь для граждан отдельно рассматриваемой страны. Проблема в том, как перейти из состояния «национального эгоизма» в состояние «межгосударственной солидарности». Это совершенно необходимо в связи с переходом в глобальном масштабе к принципам «взаимозависимости» и «сотрудничества» как совершенно нового вектора становления грядущего мирового по-

рядка. Вопреки вульгарным представлениям, в политике опора на «национальный интерес» вовсе не равнозначна стремлению к циничному использованию силы, коварству и вероломству.

Правильно понятый «национальный интерес» предполагает признание права на существование, а также обязательное принятие во внимание и уважение интересов всех взаимодействующих сторон. В значительной степени такого рода изменения связаны с ментальными преобразованиями и переходом к новой политической культуре международных отношений. Главные требования, предъявляемые к политическому деятелю, отмечал, например, Г. Моргентау, предполагают не только постоянное внимание к собственным интересам, но и учет интересов других. Он полагал, что дипломатия должна оценивать политическую ситуацию с позиции других стран, и подчеркивал, что «существуют также всеобщие интересы, которые не могут быть достигнуты какой-либо одной нацией без ущерба для другой нации»¹.

В принципе, национальные интересы в основе своей объективны, они отражают стремления граждан государства к обеспечению стабильного и устойчивого развития общества, его институтов, повышению уровня жизни населения и минимизации угроз личной и общественной безопасности граждан, системе ценностей и институтов, на которых зиждется существование данного общества.

Эти стремления воплощаются в концепцию национального интереса, конкретное содержание которой также определяется преимущественно объективными параметрами, такими, как: 1) геополитическое положение государства на мировой арене, наличие у него союзников или противников, представляющих непосредственную угрозу; 2) положение в системе международных экономических отношений, степень зависимости от внешних рынков, источников сырья, энергии; 3) общее состояние системы международных отношений, преобладание в ней элементов соперничества или партнерства, силы или права.

С изменением объективных реальностей, потребностей общества в сфере международного общения, может меняться и содержание национальных интересов. Иллюзия их вечности и постоянства сложилась в XVIII–XIX вв. В действительности же при определении конкретного содержания национальных интересов необходимо исходить из существования в объективной реальности как относительно стабильных (меняющихся лишь в течение десятилетий) так и переменных, подверженным частым сменам, величин².

Наиболее сложно найти «формулу» национального интереса для общества, меняющего парадигму собственного развития или же расколотому по социальному, этническому или географическому признаку, или иначе, для общества, где не сложился или разрушился консенсус большинства по коренным вопросам его жизни и развития. Характерным примером «расколотого» общества выступают США середины XIX в. В одном государстве фактически сложились два с совершенно различными типами экономического развития (индустриально-капиталистический Север и аграрно-рабовладельческий Юг) и, соответственно, по-разному

¹ Morgenthau G. A New Foreign Policy for the United States. N.-Y.; Washington; L., 1967. P. 242.

² Цыганков П.А. Международные отношения. М.: Новая школа, 2003. С. 87.

понимаемыми национальными интересами. Решить этот конфликт США удалось, только пройдя через гражданскую войну, в ходе которой промышленный Север сломил сепаратизм Юга, обеспечив сохранение единства страны.

Смена парадигмы внутреннего развития – например, переход от тоталитаризма к демократии, – может и не сказаться на геополитическом положении государства, но вызывает пересмотр взглядов на содержание его национальных интересов. Так, для тоталитарного государства свойственно стремление к максимально высокой степени контроля над всеми сферами жизни общества, в том числе и экономической. Безопасным и стабильным считается лишь такое развитие, которое обеспечивается собственными ресурсами, на базе полной (в крайнем случае – частичной) автаркии. Переход к демократии и рыночной экономике, как правило, порождает стремления к открытости, участию в международном разделении труда, формированию отношений взаимозависимости в экономической сфере с другими государствами, которая в тоталитарном обществе воспринимается как односторонняя зависимость, угроза национальной безопасности.

Проблема состоит в том, что концепция национального (национально-государственного) интереса формулируется и может быть реализована только как общенациональная доктрина, разделяемая и поддерживаемая большинством общества. Однако на практике такой полный консенсус труднодостижим по следующим причинам.

Во-первых, в оценке объективных параметров и реальностей, лежащих в основе определения национальных интересов» неизбежно присутствует элемент субъективизма, бремя воззрений и суждений прошлого, идеологические мотивы, влияющие на менталитет даже наиболее дальновидных лидеров и теоретиков. Соответственно, у оппозиции проводящемуся курсу всегда есть возможность поставить под сомнение адекватность избранной доктрины объективному содержанию национальных интересов.

Во-вторых, на политический выбор государства влияют различные группы давления, отражающие объективно существующие в большинстве обществ расхождения в определении внешнеполитических приоритетов государства, содержании его национальных интересов. Подобные расхождения присущи не только «расколотым», но и нормально развивающимся странам. Они связаны, например, со спецификой интересов различных социальных, половозрастных, этнических, конфессиональных групп, различных фракций деловых кругов (например, военно-промышленное или «аграрное» лобби в США), особенностями развития отдельных регионов внутри государства (в США, например, существует специфика интересов правящих элит тихоокеанских и атлантических штатов).

Общенациональное (общегосударственное) согласие оказывается достижимым, как правило, лишь в экстремальные моменты развития, скажем, в ситуации появления общей для всех, зримо и четко воспринимаемой угрозы (Англия, США в годы Второй мировой войны). Как считает бывший директор ЦРУ Р. Клайн, для определения степени целеустремленности действий государства на международной арене важна не только его абсолютная мощь (военная, экономическая), но

и показатели наличия у него «национальной стратегии», опирающейся на четкое понимание национальных интересов, а также «национальной воли» – способности общества разделять и поддерживать понимание этих интересов. Для «расколотых» обществ эти показатели у Клайна приближаются к «0», для обществ, находящихся в оптимальных условиях – к «1». Для большинства государств, включая США, эти коэффициенты определялись Клайном в диапазоне 0,5–0,7, что отражает довольно высокую степень общенационального консенсуса по вопросам содержания национальных интересов.

Сущностное содержание интересов неразрывно связано со средствами и методами их реализации. Возможность найти альтернативы без подрыва основания, фундамента определенного типа общественного развития – важнейший показатель соответствия этого развития общим глобальным тенденциям прогресса цивилизации.

Гибкость в определении содержания национальных интересов, выборе средств и методов их реализации становится особенно актуальной в современном мире. Это обусловлено развитием региональной и глобальной взаимозависимости государств и народов в вопросах обеспечения военной безопасности, защиты экономических интересов, решении экологических проблем.

С одной стороны, взаимозависимость вносит свои коррективы в выбор средств и методов обеспечения национально-государственных интересов. Современное оружие исключает возможность обеспечения безопасности народа и общества односторонними усилиями, недостаточным оказывается и участие в военных союзах. Безопасность одного государства неразрывно связывается со всеобщей безопасностью, обеспечиваемой коллективными усилиями всего мирового сообщества, доминированием в международных отношениях силы права, а не права силы. Экономическая стабильность, включая устойчивость курса национальной валюты, также оказывается в зависимости от состояния мировой экономики в целом, сохранение среды обитания человека в отдельных государствах – от способности других проводить экологически рациональную политику.

Все это свидетельствует о том, что национальные интересы могут быть реализованы не односторонними, а совместными действиями государств, уважающих интересы друг друга, решающих их коллизии мирными средствами, с соблюдением общих, единых для всех правовых норм. Инструментами защиты национально-государственных интересов все чаще становятся международные организации, которым их участники добровольно передают права и полномочия, вытекающие из своей суверенности как субъектов межгосударственных отношений.

Более того, фактор взаимозависимости порождают новые интересы, реально выступающие движущей силой мировой политики: региональные и глобальные (общечеловеческие).

Региональные интересы обеспечивают развитие там и тогда, где набирают силу интеграционные процессы. Интересы интеграционного блока (такого, как,

например, ЕС) не являются только суммой национальных интересов государств-участников интеграции. Более того, между интересами последних могут возникать определенные коллизии, что, однако, не перечеркивает значения того, что на уровне мировой экономики отношения к глобальным политическим и военным вопросам коллективные интересы членов интеграционного объединения доминируют. Эти коллективные интересы – своего рода синтез совпадающих в основном национально-государственных интересов стран региона в отношении тех проблем, которые могут быть решены их совместными усилиями более эффективно, чем на индивидуальной, обособленной основе.

Политический реализм не только подверг идеализм сокрушительной критике, указав, в частности, на то обстоятельство, что идеалистические иллюзии государственных деятелей того времени в немалой степени способствовали развязыванию Второй мировой войны, но и предложил достаточно стройную теорию. Ее наиболее известные представители – Рейнхольд Нибур, Фредерик Шуман, Джордж Кеннан, Джордж Шварценбергер, Кеннет Томпсон, Генри Киссинджер, Эдвард Карр, Арнольд Уолферс и др. – надолго определили курс науки о международных отношениях. Бесспорными лидерами этого направления стали Ганс Моргентау и Реймон Арон.

Работа Г. Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть», первое издание которой увидело свет в 1948 г., стала своего рода «библией» для многих поколений студентов-политологов как в самих США, так и в других странах Запада. С точки зрения Г. Моргентау, международные отношения представляют собой арену острого противоборства государств. В основе всей международной деятельности последних лежит их стремление к увеличению своей власти, или силы (power) и уменьшению власти других. При этом термин «власть» понимается в самом широком смысле: как военная и экономическая мощь государства, гарантия его наибольшей безопасности и процветания, славы и престижа, возможности для распространения его идеологических установок и духовных ценностей.

Два основных пути, на которых государство обеспечивает себе власть, и одновременно два взаимодополняющих аспекта его внешней политики – это военная стратегия и дипломатия. Первая из них трактуется в духе Клаузевица: как продолжение политики насильственными средствами. Дипломатия же, напротив, есть мирная борьба за власть. В современную эпоху, по мнению Г. Моргентау, государства выражают свою потребность во власти в терминах «национального интереса». Результатом стремления каждого из государств к максимальному удовлетворению своих национальных интересов является установление на мировой арене определенного равновесия (баланса) власти (силы), которое является единственным реальным способом обеспечить и сохранить мир. Собственно, состояние мира – это и есть состояние равновесия сил между государствами.

Согласно Моргентау, есть два фактора, которые способны удерживать стремления государств к власти в каких-то рамках – это международное право и мораль. Однако слишком доверяться им в стремлении обеспечить мир между госу-

дарствами означало бы впасть в непростительные иллюзии идеалистической школы. Проблема войны и мира не имеет никаких шансов на решение при помощи механизмов коллективной безопасности или посредством ООН. Утопичны и проекты гармонизации национальных интересов путем создания мирового сообщества или же мирового государства. Единственный путь, позволяющий надеяться избежать мировой ядерной войны, – обновление дипломатии.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

Арбатова А.Г. Доктрина Кеннана и диалектика внешней и внутренней политики Москвы // Вестн. ин-та Кеннана в России. 2004. Вып. 5.

Бовин А.Е. Мировое сообщество и мировое правительство // Известия. 1988. 1 февр.

Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое» // Новая и новейшая история. 2002. № 3.

Мурадян А. А. Буржуазные теории международной политики. М., 1988.

Мальков В.Л. Неизвестный Кеннан: заметки о морфологии мышления дипломата // Вестн. ин-та Кеннана в России. 2004. Вып. 5.

Печатнов В.О. «Крах или размягчение»: Джордж Кеннан и судьба советской системы // Вестн. ин-та Кеннана в России. 2004. Вып. 5.

Печатнов В.О. От союза к вражде (советско-американские отношения в 1945–1946 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории; отв. Ред. Н. И. Егорова, А.О. Чубарьян. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Плещинский А. Начальный период «холодной войны» и формирование концепции глобального лидерства // URL:// <http://www.cenunst.bsu.by/journal/2002.1/plashchinsky.html>

Поздняков Э.А., Шадрин И.П. О гуманизации и демократизации международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 4.

Уткин А.И. Роковые телеграммы Кеннана // Вестн. ин-та Кеннана в России. 2004. Вып 5.

Фоглесонг Д.С. Американские надежды на преобразование России во время Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2003. № 1.

Эркхарт Б., Чайлдс Э. Мир нуждается в руководстве: завтрашний день ООН // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 10; 11.

Hqffmann S. L'ordre international // Traité de science politique. Paris, 1985. Vol. 1.

Franck T. The Power of Legitimacy among Nations. Oxford, 1990.

РАЗДЕЛ II

ГЛАВА 4. МОДЕЛИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Тема 17. Вестфальская модель системы мироустройства

1. Расстановка политических сил в Европе накануне заключения Вестфальского мирного договора 1648 г.
2. Принципы и особенности Вестфальской международной системы.
3. Эволюция, расцвет и упадок Вестфальской системы мироустройства.

Понятие «модель» является определяющим в характеристике той или иной системы международных отношений. Как утверждают исследователи, оно служит для того, чтобы отражать отличия в уровне развития системности в международных отношениях и позволяет показать ту конкретную форму, которую принимает система международных отношений в данную историческую эпоху.

Вестфальской системой международных отношений были заложены основные принципы современной мировой политики. Появление национальных государств – важнейший признак, ознаменовавший наступление Нового времени, с приходом которого мир вступил на путь индустриального развития. Как известно, Европа в том виде, в каком она возникла в раннем Средневековье после краха западной Римской империи, складывалась в качестве целостного католического мира. В религиозном отношении Европа была католической во главе с римским Папой. Причем глава римско-католической церкви претендовал на роль как духовного, так и политического главы всей Европы. Церковь формировала общую нормативную систему, единое ценностное пространство. Протестантско-католическое противоборство XVI–XVII столетий, по существу, впервые серьезно поставило под вопрос существование европейского нормативного порядка.

В Средние века на протяжении долгих столетий Европа была разделена на множество королевств, герцогств и других мелких государств, зачастую вне всякой связи с национальным составом населения. Большая их часть номинально входила в состав Священной римской империи. Характер Вестфальского мирного договора 1648 г., придавший новый облик и значение европейскому нормативному порядку, создал новое идейное, а позднее и политическое пространство. Вестфальский мир впервые в европейском масштабе открыл то, что политика может быть технологией улаживания конфликтов. Он также положил конец Тридцатилетней войне в Западной Европе и санкционировал распад Священной римской

империи на 355 самостоятельных государств, увенчал успехом полосу борьбы, острейшего противостояния средневекового католического универсализма, подкрепленного амбициями Габсбургов, с молодыми силами будущего в лице протестантских сословий империи, руководимых княжеской элитой. Именно с этого времени в качестве главной формы политической организации общества повсеместно утверждается национальное государство (в западной терминологии – «государство-нация»), а доминирующим принципом международных отношений становится принцип национального (т.е. государственного) суверенитета. До этого времени международные отношения характеризовались разобщенностью их участников, бессистемностью международных взаимодействий, главным проявлением которых выступали кратковременные вооруженные конфликты или длительные войны.

Мировая история до утверждения Вестфальской системы, т.е. международной системы национальных государств, – это история господства и противоборства различных империй. В международных отношениях господствующую роль играл династический принцип. Следует заметить, что мнение, согласно которому империи – это абсолютное зло, является в лучшем случае добросовестным заблуждением, а в худшем – намеренной ложью. Все наиболее важные прорывы в мировой истории были связаны с подъемом и расцветом различных империй. И, напротив, упадок империй, как правило, влек за собой наступление смутных времен, экономическое прозябание целых государств и континентов, закат политических и правовых институтов, морально-нравственную деградацию народов. Место творца, осуществлявшего имперскую созидательную работу, в этом случае занимал демон разрушения и хаоса.

Перефразируя К. Маркса, можно сказать, что не революции, а именно империи были локомотивами мировой истории. И если взять всемирную историю в целом, то оказывается, как справедливо подмечает В. Махнач, что империи – гораздо более устойчивое государственное формирование, по сравнению со всеми другими, в том числе и национальными государствами. Речь, разумеется, идет, прежде всего, о полноценных империях, которых, В. Махнач насчитывает лишь четыре – Римская империя, Византия, Священная римская империя германской нации и Российская империя, каждая из которых существовала в течение многих столетий, а то и тысячелетий. Правда, и «самозванки» – Британская, Османская, Китайская и другие имперские (или квазиимперские) образования просуществовали в течение весьма длительного времени.

Итак, Вестфальский мир ознаменовал собой важный этап в эволюции международных отношений. Подписание Вестфальского мира по окончании Тридцатилетней войны положило начало созданию новой международной политической системы.

Среди западных ученых интерес к Вестфальскому миру, с одной стороны, всегда был достаточно высок, но с другой – число публикаций глубоко анализирующих процесс, предшествующий заключению Вестфальского мира, относительно невелико. Тридцатилетней войне и Вестфальскому миру значительное внимание

уделил выдающийся исследователь немецкой истории Ф. Пресс, который полагал, что XVII в. стал «темным веком» для новой немецкой истории. Ученики Пресса взглянули на проблему Тридцатилетней войны и Вестфальского мира с разных точек зрения: рост государственных структур и война (И. Бурхардт), формирование немецкой нации и государственности под влиянием войны (Г. Шмидт), Вестфальский мир, рейхстаг и религиозный вопрос (А. Шиндлинг).

Российскими исследователями уделялось недостаточное внимание формированию Вестфальской системы. Одна из немногих публикаций последнего времени – книга М.П. Беляева «Французская и имперская дипломатия в поисках мира: Из истории Вестфальского мирного конгресса» (2000). Она посвящена одной из проблем истории Вестфальского мирного конгресса – франко-имперским переговорам и заключению Мюнстерского мира. На основе изучения источников автор даёт подробную реконструкцию хода мирных переговоров и выявляет их различные этапы.

Исследования данного периода европейской истории и значения Вестфальского мира для развития международных отношений находились также в центре внимания таких ученых, как Н.А. Косолапов, Б.Ф. Поршнев, А.Ю. Прокопьев¹, и нашли отражение в публикациях журналов «Международная жизнь», «Политические исследования», «Вопросы философии» и др. Вестфальский мир входил в круг научных интересов выдающегося отечественного историка Е.В. Тарле². Определенное представление о Вестфальском мире дают учебники по дипломатической истории средневековой Европы и по курсу международного права.

Следовательно, в XIV–XV вв. в мировой политике начался процесс формирования нового государственного и общественного устройства – национальных государств, связанный как с распадом старых империй, так и с появлением и становлением основного субъекта национальных государств – национальной буржуазии. Внутри прежних империй, сохраняющих внешние имперские атрибуты, вызревают такие национальные государства, как Франция, Англия, Португалия, Швеция, Нидерланды, Испания. Все эти страны на протяжении еще нескольких столетий останутся колониальными империями. Однако империи этого типа классическими империями уже не являлись: колонии захватывались и удерживались этими странами не для того, чтобы создать «мир миров», как это было прежде, а исключительно в целях развития национальных метрополий за счет хищнической эксплуатации заокеанских территорий. Хотя такого рода политика могла весьма

---

¹ Косолапов Н. Внешняя политика и внешнеполитический процесс субъектов международных отношений // МЭМО. 1999. № 3; Поршнев Б.Ф. Франция. Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970; Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976; Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война в современной немецкой историографии // Университетский историк: Альманах. СПб.: Изд-во СПб.-го ун-та. 2002. Вып. 1; Он же. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2002; и др.

² Тарле Е.В. Три катастрофы. Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир. М.; Петроград, 1923.

искусно прикрываться имперской идеологией: мол, несли в Азию и Африку «цивилизацию», «культуру», выполняли «христианскую миссию» и проч. Собственно, именно тогда рельефно проявилась разница между имперской и империалистической политикой, между имперским и империалистическим государствами.

Рубиконом между эпохой империй и эпохой национальных государств стал Вестфальский мир, заключенный европейскими державами в 1648 г. после кровавой Тридцатилетней войны в Европе. Она началась в 1618 г. с чешского восстания против гнета австрийских Габсбургов, которые в это время контролировали территорию Священной римской империи германской нации. Правда, к тому времени эта империя, формально включавшая в себя такие страны, как Германия, Пруссия, Австрия, Испания, Италия, Нидерланды и др., уже находилась в состоянии упадка. Будучи конгломератом полусамостоятельных государств, она была весьма рыхлой в административном отношении и жила в основном набегам на сопредельные страны. От изначального имперского замысла там не осталось и следа.

Тридцатилетняя война была воистину мировой войной своего времени: она вовлекла в свой огненный водоворот все крупные европейские государства: Швецию, Францию, Германию, Нидерланды, Данию, Чехию, Англию, Испанию, Италию, в меньшей степени – Польшу и Россию. Попытка императора Фердинанда II спасти империю, подчинив себе хотя бы ее ядро – Германию – потерпела полное поражение. Главную роль в этом сыграла Франция, в частности, дипломатия Ришелье, который сделал все, чтобы этого не допустить. Вестфальский мир 1648 г. подвел следующие итоги Тридцатилетней войны: две основные силы того времени – папство и империя – были сокрушены; правда, формально Священная римская империя германской нации существовала еще несколько столетий: последний гвоздь в гроб империи вбил Наполеон в 1806 г.; был создан Швейцарский союз;

Испания утратила доминирующие позиции в Европе, уступив их Франции, которая превратилась на полтора столетия в региональную сверхдержаву. Такие государства, как Швеция, Португалия, Чехия, Дания, Италия и Нидерланды, сложились в национальные государства. Последнее было, пожалуй, главным политическим итогом Тридцатилетней войны, поскольку это стало началом формирования мира национальных государств, который и составил Вестфальский мировой порядок или Вестфальскую систему международных отношений, основные элементы которой действуют и в наши дни. Расцветом Вестфальской системы был XX в., который одновременно стал началом ее упадка. Тем не менее Вестфальская система закрепила в мировом порядке определенные правила игры, которые, с известными поправками и модификациями работают до сих пор.

Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. – первая общеевропейская война между двумя большими группировками держав, стремившихся к господству над всем «христианским миром», габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги), поддержанным папством, католическими князьями Германии и Польско-Литовским государством (Речь Посполитая), и противодействовавшими этому блоку национальными государствами – Францией, Швецией, Голландией (республика

Соединённых провинций), Данией, а также Россией, в известной мере Англией, образовавшими антигабсбургскую коалицию, опиравшуюся на протестантских князей в Германии, на антигабсбургское движение в Чехии, Трансильвании, Италии. Первоначально носила характер «религиозной войны» (между католиками и протестантами), в ходе событий, однако, всё более утрачивала этот характер, особенно с тех пор, как католическая Франция открыто возглавила антигабсбургскую коалицию.

Наряду с усилившейся – преимущественно в первые годы войны – религиозной борьбой, важную роль играли противоречия между династией Габсбургов и чешским, австрийским и венгерским дворянством, отношения немецких князей и городов с императорской властью и друг с другом. Не прекращались испано-французская борьба за гегемонию в Европе, англо-испано-голландские противоречия, в которых вопрос о судьбе Нидерландов был связан с вопросом о господстве на морях и в колониях. Продолжались польско-шведско-датско-русское соперничество на Балтике, усилия России вернуть утраченные в недалеком прошлом земли, борьба за преобладание на территории разделенного Венгерского королевства. Чешское восстание 1618–1620 гг., антигабсбургское восстание чешских сословий, явилось исходным пунктом Тридцатилетней войны. Восстание было вызвано усилившимся в 1617–1618 гг. наступлением Габсбургов на политические и религиозные права Чехии, сохранявшей ещё некоторую независимость в составе монархии Габсбургов. 23 мая 1618 г. габсбургские «наместники» в Чехии паны-католики Я. Мартиниц и В. Славата были выброшены из окна Пражского града, что и послужило началом восстания.

Обычно выделяют четыре основных этапа Тридцатилетней войны¹. *Чешский, или чешско-пфальцский, период (1618–1623 гг.)* начинается с восстания в чешских, австрийских и венгерских владениях Габсбургов, поддержанного Евангелической унией немецких князей, Трансильванией, Голландией (Республикой Соединённых провинций), Англией, Савойей. С помощью Лиги католических князей, римского папы, Польши, Саксонии, Тосканы и Генуи Габсбурги подавили Чешское восстание и разгромили Евангелическую унию. *В датский период (1624–1629 гг.)* против Габсбургов и Лиги выступили северогерманские князья, Трансильвания и Дания, поддержанные Швецией, Голландией, Англией и Францией. Он закончился взятием Северной Германии войсками императора и Лиги и выходом Трансильвании и Дании из войны. *В течение шведского периода (1630–1634 гг.)* шведские войска вместе с примкнувшими к ним немецкими князьями и при поддержке Франции заняли большую часть Германии, но затем потерпели поражение от объединённых сил императора, испанского короля и Лиги. *В последний (франко-шведский) период (1635–1648 гг.)* в открытую схватку с Габсбургами вступила Франция. Борьба шла до обоюдного истощения сторон. Одновременно Франция и Испания вели между собой войны в Италии и Фландрии, Англия воевала с Францией и Испанией, голландцы изгнали англичан из Индонезии, Швеция воевала против Польши, Польша – против России. С 1621 по 1648 г. продолжалась испано-голландская вой-

¹ История Европы. От Средневековья к Новому времени. М.: Наука, 1993. С. 431.

на, в 1643–1645 гг. шла датско-шведская война. В 1640 г. началась война между Испанией и Португалией, не закончившаяся, как и франко-испанская, к моменту прекращения Тридцатилетней войны. Тридцатилетняя война стала также первой войной в европейской истории, носившей тотальный характер. Это означает, что война затронула все слои населения, полностью изменила образ жизни мирных граждан. Тридцатилетняя война впервые показала европейцам, что такое широкомасштабные боевые действия, при которых жертвы многочисленны, в том числе и среди мирного населения.

Из Тридцатилетней войны победителями вышли Франция и Швеция, игравшие после этого ведущую роль в европейской дипломатии второй половины XVII – начала XVIII в. Германия, наоборот, была крайне ослаблена войной. Помимо значительных территориальных потерь, Германия была чрезвычайно разорена длительной войной, происходившей главным образом на ее территории. Вестфальский мир привел к значительным территориальным изменениям как в самой Германской империи в целом, так и в отдельных княжествах. Голландия и Швейцария были окончательно признаны независимыми государствами. Значительно увеличили свои территории некоторые крупные германские княжества. Вместе с тем Вестфальский мир окончательно закрепил раздробленность Германии.

Таким образом, Вестфальский мир в 1648 г. окончил европейскую Тридцатилетнюю войну. Он объединил два мирных договора, заключённых 24 октября 1648 г. – после длительных (с весны 1645 г.) переговоров – в городах Вестфалии Мюнстере и Оснабрюке: Оснабрюкский (между императором Священной римской империи и его союзниками, с одной стороны, и Швецией с союзниками – с другой) и Мюнстерский (между императором с союзниками, с одной стороны, и Францией с союзниками – с другой). Постановления Вестфальского мира касались территориальных изменений, религиозных отношений, политического устройства империи. Согласно договору Швеция получила от империи, помимо контрибуции в 5 млн. талеров, остров Рюген, всю Западную и часть Восточной Померании с г. Штеттином, а также г. Висмар и секуляризованные архиепископство Бремен и епископство Верден. Во владении Швеции оказались, таким образом, важнейшие гавани не только Балтийского, но и Северного моря, она как владелица германских княжеств стала членом империи с правом посылать своих депутатов на имперские сеймы. Франция получила бывшие владения Габсбургов в Эльзасе и подтверждение своего суверенитета над лотарингскими епископствами Мец, Туль и Верден. Франция и Швеция – державы-победительницы – были объявлены главными гарантами выполнения договора. Союзники держав-победительниц – германские княжества Бранденбург, Мекленбург-Шверин, Брауншвейг-Люнебург – расширили свои территории за счёт секуляризованных епископств и монастырей, за герцогом Баварии был закреплен Верхний Пфальц и титул курфюрста. Была признана полная независимость от императора германских князей в проведении как внутренней, так и внешней политики (они не могли лишь заключать внешних союзов, направленных против империи и императора).

В области религии договор уравнивал в Германии кальвинистов (реформатов) в правах с католиками и лютеранами, узаконил секуляризацию церковных земель,

проведённую до 1624 г., но лишил германских князей права определять религиозную принадлежность подданных. Договор юридически закреплял политическую раздробленность Германии (которая была результатом всего предшествующего хода её социально-экономического развития)¹. Религиозно-церковные вопросы не вызвали при заключении мира значительных споров. По сути, они были решены уже в 1635 г. Кальвинистские князья были уравнены в правах с лютеранами и католиками, правители по-прежнему могли изгонять подданных, не желавших исповедовать религию государства. Церковное имущество, присвоенное протестантскими князьями до 1624 г., было оставлено в их распоряжении, но впредь такие захваты запрещались. Деидеологизация привела к существенной трансформации поведения участников системы международных отношений. Если до Вестфальского мира католические или протестантские лиги и входившие в их состав государства были нацелены на непримиримую борьбу со своими противниками до победного конца, до полного их сокрушения (достаточно вспомнить здесь пример императора Священной римской империи Фердинанда II), то в новых условиях речь не могла уже идти об установлении абсолютного господства в Европе одного государства.

В 1649–1650 гг. шведы покинули Чехию, Моравию и Силезию, а в мае 1654 г. войска всех воевавших сторон отошли за намеченные мирным договором границы. В ходе Тридцатилетней войны поставить противника на колени не удалось ни одной из сторон. Если сравнить довоенное положение участников войны, а также сопоставить их цели с достигнутыми результатами, то к победителям следует отнести французскую монархию, которая приобрела ряд важных территорий и заложила фундамент для претензий на общеевропейскую гегемонию. Швеция, не достигшая целей, поставленных Густавом Адольфом, все же захватила в Германии важные позиции. Австрийские Габсбурги не стали хозяевами Центральной Европы, но их монархия вышла из войны окрепшей. Победили немецкие князья, превратившиеся в независимых государей; многие из них добились и территориальных приращений. Германия оказалась в невыгодном положении по отношению к западным соседям, которые, постоянно вмешиваясь в ее дела, поддерживали внутренние распри и мешали объединению страны.

Таким образом, XVII в. после заключения Вестфальского мира – эпоха, играющая во многом критическую роль в развитии процесса борьбы между силами, защищающими феодальные устои, и силами, расшатывающими эти устои, начальная стадия, которого относится к эпохе Возрождения, а завершающая – охватывает эпоху Просвещения. Эту роль можно назвать узловой только потому, что именно в ожесточенных общественных схватках, происходящих в XVII столетии (будь то английская революция, Фронда или Тридцатилетняя война), во многом определился темп и характер дальнейшего развития стран Европы.

Вместе с тем немецкий исследователь Ф. Пресс верно определил парадоксальное место этого века в немецкой истории: «Семнадцатый век менее всего иссле-

---

¹ Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

дован среди трех столетий раннего Нового времени. Это связано с традиционным видением немецкой истории, в частности, с малогерманской протестантской интерпретацией. XVI в. являет прорыв Реформации, а XVIII – подъем Бранденбурга-Пруссии. Напротив, XVII в. определяется консолидацией Старой Церкви, восстановлением имперской мощи и наступлением абсолютизма. К тому же это столетие было аристократическим в сравнении с бюргерскими веками – прошедшими и будущими, отмечено последствиями войн, экономическими кризисами за счет массивного роста народонаселения, обостренными Тридцатилетней войной, которая вплоть до ужасов XX в. оставалась самым большим потрясением немецкой истории. Все это способствовало тому, что XVII в. стал «темным веком» для новой немецкой истории»¹.

Повышенный драматизм XVII столетию придает и то обстоятельство, что общественные столкновения происходят в этот исторический период в условиях резкой активизации консервативных и реакционных кругов: они мобилизуют все свои ресурсы и используют все возможности с целью повернуть историю вспять или хотя бы приостановить ее поступательное движение. Усилия консервативных кругов принимают различные формы. Это прежде всего такое широкое и многоликое общеевропейского характера явление, как Контрреформация. Одно из центральных событий в Западной Европе XVII столетия – это Тридцатилетняя война.

Тридцатилетняя война завершила собой историческую эпоху. Она решила вопрос, поднятый Реформацией, о месте церкви в государственной жизни Германии и ряда соседних стран. Вторая важнейшая проблема эпохи – создание национальных государств на месте средневековой Священной римской империи – решена не была. Империя фактически распалась, но далеко не все возникшие на ее развалинах государства приобрели национальный характер. Напротив, условия национального развития немцев, чехов, венгров значительно ухудшились. Возросшая независимость князей препятствовала национальному объединению Германии, закрепила раскол ее на протестантский север и католический юг.

Вестфальский мир стал переломным моментом во внешней политике австрийских Габсбургов. Ее главным содержанием в следующие 250 лет стала экспансия на юго-восток. Остальные участники Тридцатилетней войны продолжали прежнюю внешнеполитическую линию. Швеция попыталась добить Данию, поглотить Польшу и не допустить расширения русских владений в Прибалтике. Франция систематически овладевала территориями в Империи, не переставая подрывать и без того слабый здесь авторитет императорской власти. Быстрое возвышение предстояло Бранденбургу, который во второй половине XVII в. стал опасным для своих соседей – Швеции и Польши.

В памяти народов Центральной Европы Тридцатилетняя война на столетия осталась самым страшным бедствием, какое может себе представить человеческое воображение. Г. Франц постарался сделать акцент на демографических данных: согласно им, людские утраты Германии в войну были впечатляющими, по-

---

¹ Цит. по: Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война в современной немецкой историографии // Университетский историк: Альманах. СПб.: Изд-во СПб.-го ун-та. 2002. Вып. 1.

рядка 5–6 миллионов человек, что неизбежно влекло демографический кризис. Схематично выстраивалась географическая диагональ потерь, протянувшаяся с северо-запада (Померания, Мекленбург) на юго-запад (Швабия, Пфальц). Хозяйственные разрушения были не менее внушительными, что, впрочем, помимо Г. Франца подтверждалось другими экспертами экономической истории (Ф. Лютге).

Вестфальский мир, достигнутый в 1648 г., ознаменовал собой важный этап в эволюции международных отношений. Подписание Вестфальского мира по окончании Тридцатилетней войны положило начало созданию новой международной политической системы, в основу которой была положена идея «национального государства» (nation-state). Значение произошедших в середине XVII в. трансформаций состоит в том, что возникла система отношений, основные принципы которой, пусть и с существенными изменениями и некоторыми оговорками, продолжают существовать и функционировать до сих пор. Признание в качестве одного из ключевых «принципа национального государственного суверенитета» (state sovereignty) положило начало новой системе отношений, которая впоследствии получила название Вестфальской, или «государственно-центристской» модели (системы) мира. Начиная с Вестфальского мира режим суверенитета заменил в продолжение определенного периода времени все другие формы политической организации на международном уровне.

Принцип национального суверенитета предполагал, что каждое государство обладает всей полнотой власти на своей территории. Этот принцип не предполагал наличия еще какой-либо высшей власти. В основу идеи национального государства, обладающего суверенитетом, положены четыре главные характеристики: 1) наличие территории; 2) наличие населения, проживающего на данной территории; 3) легитимное управление населением; 4) признание другими национальными государствами.

При отсутствии хотя бы одной из этих характеристик государство перестает существовать, или становится резко ограниченным в своих возможностях. Из принципа «суверенитета» органично вытекает другой важный норматив международной жизни – «сосуществование государств». Он также внедрялся в организм европейского мироустройства постепенно, можно сказать, даже медленно, в течение веков, впитываясь в «кровь и плоть» межгосударственной жизни.

В идейном плане становление национальных государств было обосновано в трудах Ж. Бодена («Книга шести государств»), сформулировавшего понятие «суверенитет», Н. Макиавелли («Государь»), разработавшего категорию «государственный интерес» и Г. Гроция («О праве войны и мира»), создавшего основы корпуса международного права. Большую лепту в идейное обоснование национального государства внесли Т. Гоббс и Б. Спиноза.

Вестфальская система не запретила, а разрешила войны, в том числе и агрессивно-наступательные, начало и ведение которых она отнесла к законному праву суверенного государства; не препятствовала, а, по сути, способствовала закреплению в международном праве права сильного; утвердила в международном праве принцип невмешательства во внутренние дела других суверенных государств,

следуя нормативной максиме, сформулированной Ж. Боденом: «Суверенитет – это абсолютная и постоянная власть государства над подданными и гражданами».

Именно поэтому ни в XVII, ни в XVIII, ни в XIX вв. никто не считал себя вправе вмешиваться во внутренние дела европейских тираний, в которых откровенно и в массовом порядке нарушались права человека и гражданина. И даже в первой половине XX столетия западные демократии не вмешивались во внутренние дела фашистской Германии и коммунистического Советского Союза. Мировое сообщество молчало, глядя на развертывающийся в Германии геноцид евреев или массовые репрессии в сталинском СССР. Да оно и не имело никаких рычагов воздействия на такие режимы. Положение несколько изменилось только в последней трети прошлого столетия и то лишь потому, что Запад стал использовать права человека как инструмент борьбы с СССР. Но именно тогда и начался закат Вестфальской системы международных отношений.

Кстати, история понятия «суверенитет» неразрывно связана с историей современной (modern) Европы и отражает этапы формирования у правителей составлявших ее государств адекватного отношения к политической реальности. Вестфальский мир лишь завершил процесс приведения дискуссии о полномочиях духовных и светских властителей в соответствие с их фактическими возможностями¹. При этом все 145 суверенных субъектов, подписавших Вестфальский договор, представляли европейскую христианскую цивилизацию (и только одна из ведущих европейских держав того времени – Англия – не поставила под ним свою подпись). На протяжении первых полутора сотен лет своего существования мир суверенных государств оставался евроцентричным, а захват и освоение европейцами гигантских периферийных территорий считались в лучшем случае их взаимодействием с теми народами и племенами, которые представляли лишь «второстепенную систему полусуверенных стран»².

Какими основными признаками характеризовалась Вестфальская система? Помимо общеизвестного принципа «*cuius regio, ejus religio*», характерным признаком суверенного государства оказалось, по мнению М. Вебера, предоставленное ему «монопольное право на легитимное применение насилия», по сути, перевешивавшее все остальные преимущества вместе взятые. Естественным продолжением этой монополии становились и другие признаки суверенитета: «исключительное право устанавливать налоги; право требовать верности от своих граждан и мобилизовывать их во время войны; право выступать судьей в спорах между подданными; и, наконец, исключительное право представлять их на международной арене»³.

Современные исследователи проблемы суверенитета нередко отмечают, что понятие «суверенитет» обычно используется для обозначения четырех различ-

---

¹ *Philpott D.* Revolutions in Sovereignty. How ideas Shaped Modern International Relations. Princeton. P. 26, 79–80.

² *Wight M.* Systems of States. L., 1977. P. 24.

³ *Linkater A.* The transformation of political Community. Ethnical Foundations of the Post-Westphalian Era. Columbus, 1998. P. 28.

ных явлений: во-первых, внутреннего суверенитета, или организации власти в пределах страны; во-вторых, суверенитета границ, или способности правительства контролировать передвижения через пограничные рубежи; в-третьих, международного правового суверенитета, или взаимного признания государствами друг друга; и, в-четвертых, Вестфальского суверенитета, предполагающего недопущение внешних акторов во внутренние дела страны. Они признают, что именно принцип невмешательства в дела государства и его возможность самостоятельно устанавливать правила своего внутреннего устройства остаются основными признаками суверенитета.

Основой государственно-центристской модели мира стали «национальные интересы» (*raison d'état* – фр. государственный интерес), по которым возможен поиск компромиссных решений (а не ценностные ориентиры, в частности религиозные, по которым компромиссы невозможны). Суверенные национальные государства, взаимодействовали между собой, образуя «систему международных отношений».

Внешнеполитические цели сторон потеряли максималистский характер, стали более реалистическими. Не только религиозно обоснованные претензии на мировое господство, но даже планы утверждения относительно преобладающего положения в Европе одной державы неизменно встречали быстро нараставшее дружное противодействие со стороны государств, еще недавно находившихся в разных (протестантском и католическом) лагерях. В результате в Европе совершенно спонтанно, не на зыбкой почве неких умозрительных конструкций или чьей-то целеполагающей деятельности, а на базе естественного порядка вещей начал складываться тот самый баланс сил, который впоследствии был положен в основу целого ряда систем МО на континенте. Данное равновесие сил редко возникало в результате продуманных расчетов. Обычно оно становилось результатом противодействия попыткам какой-либо отдельной страны господствовать над другими.

Межгосударственные союзы в новых условиях становились более гибкими и ситуативными. Смена партнера по коалиции стала в общем не таким уж редким явлением в случаях, когда усиление одной из держав грозило всему «европейскому равновесию». Собственно, сама возможность перманентных политических рокировок и эволюции межгосударственных союзов была частью политики равновесия. Суть ее сводилась к тому, чтобы политическим или дипломатическим маневром не позволить какому-либо одному европейскому государству или коалиции государств аккумулировать силы, значительно превосходящие мощь их вероятных соперников. Как сформулировал правило европейского равновесия Р. Арон «всякое государство, желающее сохранить равновесие, выступит против государства или коалиции, которое или которая покажется ему способным обеспечить себе такое превосходство»¹.

Концепция «баланса сил», доминировавшая в общественно-политической мысли Европы, по крайней мере, с конца XVII в., способствовала заметному изме-

---

¹ Арон Р. Мир и война между народами. М: Юнити, 2007. С. 183.

нению характера войн и в целом международных конфликтов на континенте. Даже в наиболее крупных и кровопролитных конфликтах рассматриваемого периода цели сторон неизменно оказывались сравнительно ограниченными, не предусматривавшими полного разгрома и абсолютного уничтожения противника.

Суверенные национальные государства взаимодействовали между собой, образуя «систему международных отношений». Ключевыми особенностями возникшей системы международных отношений стало доминирование в ней современных «национальных» государств (обладавших полным суверенитетом, едиными механизмами административного управления, постоянными профессиональными армиями, рациональной в веберовском понимании бюрократией, определенными и международно-признанными границами и т. д.), своеобразная деидеологизация, т.е. устранение конфессионального фактора как одного из основных факторов политики, а также постепенное формирование баланса сил (равновесия сил) в отношениях между наиболее сильными европейскими державами или их коалициями.

С Вестфальского мира система международных отношений окончательно оформилась как государство-центристская система. Главным субъектом международных отношений с этого периода становится суверенное государство. Каждое из государств обладало полным внутренним суверенитетом, самостоятельно определяя собственную форму правления, принципы внутренней организации, отношения с религиозными конфессиями и т. д. и не признавало над собой никакой иной верховной власти. Постепенно принцип суверенного равенства государств стал общепринятым в системе международных отношений, регулируя поведение государств в отношениях друг с другом вне зависимости от господствующих в каждом из них форм правления и преобладания тех или иных конфессий. Данный принцип постепенно превратился в стержневой элемент современного международного права. Вестфальский мир 1648 г., положивший конец Тридцатилетней войне, не привел к радикальным изменениям политической карты Европы.

Вместе с тем с Вестфальским миром были зафиксированы сдвиги во всей системе международных отношений. Только после Вестфальского мира из внешнеполитических целей правительств окончательно исчезли «идеологические», связанные с вопросами подавления «ереси», «спасения души» и «защиты веры» задачи, объективно прикрывавшие стремление определенных политических кругов и социальных сил в Европе того времени к экспорту социальной и политической реакции, к созданию универсальной империи. Одновременно с фактическим распадом единого европейского лагеря контрреформации естественным образом исчезла необходимость обеспечения противодействия этим стремлениям. В результате определяющим мотивом деятельности государств на международной арене становится «*raison d'état*» – государственный интерес, вне всякой религиозной или иной идеологической оболочки.

Разумеется, эта общая схема вызывает в научной среде острейшие дискуссии, когда речь заходит о ее приложении к конкретной истории. Как уже отмечалось, большинство исследователей согласно с тем, что за начальную точку отсчета, дав-

шую старт существованию первой модели международных отношений, следует принять окончание Тридцатилетней войны и заключение Вестфальского мира, которым были юридически оформлены итоги этого конфликта и зафиксированы некоторые общие принципы организации западноевропейского сообщества. Как отмечал Ф. Шуман, Вестфальский мир – первое общее мирное урегулирование, которое инкорпорировало вердикт оружия в закон для Европы» Однако на базе этой общей констатации строятся различные схемы дальнейшего развития Вестфальской модели.

В принципе в этом нет ничего удивительного, и данный парадокс легко объясним. Как и всякая новация, возникшая модель системы международных отношений по современным меркам была далека от совершенства. Хотя это был значительный шаг вперед в деле упорядочения межгосударственных отношений, механизм ее, в силу своего несовершенства, нередко давал сбои. Отсюда и далеко не полное совпадение общей схемы эволюции модели с конкретным развитием событий в рамках истории Вестфальской системы, а это открывает простор для различных интерпретаций ее периодизации.

Вестфальская модель системы международных отношений, по утверждению ряда исследователей, просуществовала вплоть до Великой французской революции. Очевидно, за это время она претерпела довольно серьезные изменения, и многие исследователи упустили из виду, что Вестфальская модель образца 1648 г. была далеко не идентичной той, которая рухнула в 1789 г. На наш взгляд, особенно важными рубежами в ее развитии стали война за испанское наследство (1701–1714) и Семилетняя война (1756–1763). Первая знаменовала собой завершение фазы консолидации. Симптомами этого стали формирование устойчивого баланса сил, становление неформальной иерархии государств, достаточно четко фиксировавшей их роль, место и удельный вес в общей совокупности межгосударственных отношений, оформление концепций государственных интересов у ведущих держав и т.д.

Главной особенностью функционирования Вестфальской системы было постоянное расширение сферы ее влияния, включение в нее все новых регионов. Так, именно в ходе войны за испанское наследство произошло практическое слияние двух крупных военных конфликтов – западноевропейского и восточноевропейского – в единое целое. В результате огромный регион – Восточная Европа – подключился к Вестфальской системе, а ведущая держава этого региона – Российская империя – стала оказывать все большее влияние на европейскую политику. Однако столь крупные и серьезные изменения в конфигурации системы международных отношений не означают, что на европейской арене зародилась какая-то принципиально иная модель, ибо, несмотря на все подвижки, базовых основ Вестфальской модели никто не отвергал. Просто в силу изначального несовершенства исходной конструкции ее развитие шло не столько вглубь, сколько вширь.

Немало спорных моментов возникло и в вопросе об определении специфики и временных рамок фазы кризиса Вестфальской модели. На наш взгляд, завершила период устойчивого развития этой модели и одновременно открыла фазу ее

кризиса Семилетняя война. Она резко подорвала тот баланс сил, который на протяжении нескольких десятилетий стабилизировал систему. Ослабление Франции, являвшейся с момента создания Вестфальской системы ведущей европейской державой, ее гарантом, стало абсолютно реальным фактом. Столь же очевидным было и выдвижение Великобритании на передовые позиции в европейском сообществе.

Те усилия и затраты, которые потребовались от всех участников этого конфликта, активизировали кризисные процессы, вызревавшие в недрах «Старого порядка», что стало благодатной почвой для Американской и Французской революций, открывших эру буржуазного развития. Вестфальская система, являвшаяся отражением «Старого порядка» в сфере межгосударственных отношений и одновременно игравшая роль связующего звена между «Старым порядком» и эпохой буржуазного правопорядка, по мере его становления все больше превращалась в анахронизм.

Ряд исследователей полагает, что при такой интерпретации мы слишком расширяем фазу стабильного функционирования Вестфальской системы, что неправомерно, ибо весь XVIII в. был веком глубокого кризиса «Старого порядка», и сфера международных отношений не являлась исключением. Не вдаваясь в споры относительно первой части этого тезиса, подчеркнем, что до тех пор, пока Франция сохраняла за собой ведущие позиции в европейской политике, удерживался и тот баланс сил, который сформировался в период консолидации Вестфальской системы, а это позволяло поддерживать ее равновесие и стабильность. Как только Франция ослабла настолько, что уже не могла выполнять свою главную функциональную обязанность, система начала давать сбои. Фиксатором этих изменений и стала Семилетняя война, которая, по мнению Л. Коуи, способствовала тому, что «баланс сил на Европейском континенте стал сдвигаться на Восток»¹. А это подрывало базовые устои Вестфальской системы и вместе с другими факторами приближало ее крах.

Начиная с 1648 г. Вестфальская система международных отношений претерпела шесть модификаций, каждая из которых была результатом крупных военных потрясений. После Тридцатилетней войны первым из таких потрясений, гораздо более масштабным и кровопролитным, стали наполеоновские войны. Они завершились разгромом Наполеона коалицией европейских держав при доминирующей роли Российской империи, которая внесла основной вклад в победу коалиции. Венский конгресс 1815 г. закрепил очередной передел мира и образовал «Священный Союз» при фактическом лидерстве России. В 1830 г. Союз развалился – не в последнюю очередь в результате антироссийских интриг Австрии и Англии.

Следующим потрясением Вестфальского мирового порядка стала Крымская война 1854–1856 гг., закончившаяся поражением России и Парижским конгрессом 1856 г. Конгресс закрепил новый передел мира на Балканах и в акватории Черного моря не в пользу России: она была вынуждена вернуть Карс, согласиться

---

¹ Cowie L. *Eighteen Century Europe*. L., 1963. P. 233.

с нейтрализацией Черного моря и уступить Бессарабию. Впрочем, Россия довольно быстро – в течение 13–15 лет – восстановила геополитический статус-кво.

Франко-прусская война 1870–1871 гг., закончившаяся поражением Франции и триумфальной победой бисмарковской Германии, привела к установлению недолгого Франкфуртского мира, ставшего четвертой модификацией Вестфальской системы международных отношений. Эта модификация была разрушена в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг., в которой поражение потерпели Турция и Германия, а также Россия, которая в военном отношении войну, безусловно, выиграла, но ее победу украли большевики.

В результате сложился хрупкий Версальский мир, в котором впервые в истории была предпринята серьезная попытка создать универсальную международную организацию в масштабе европейского континента, несущую ответственность за мир и безопасность в Европе: Лигу наций. Версальский мир был основан на широкой и разветвленной договорно-правовой базе и включал в себя хорошо отлаженный механизм принятия и исполнения коллективных решений. Это, однако, его не спасло от полного крушения уже в преддверии Второй мировой войны. Кроме того, Версальский мир был недостаточно универсален: он не включал в себя не только такие крупные азиатские страны, как Китай, Индию и Японию, но в полной мере и США, которые, как известно, так и не вступили в Лигу наций и не ратифицировали Версальский договор. СССР был исключен из Лиги наций после вторжения в Финляндию.

Вторая мировая война вовлекла в военные действия и те страны, которые не были частью Версальского мира. Эта самая страшная война во всемирной истории, закончившаяся тотальным поражением Германии, Японии и их союзников, создала шестую и до сего времени последнюю модификацию Вестфальской системы международных отношений – Ялтинско-Потсдамский мировой порядок, который, как уже говорилось выше, был одновременно ее расцветом и началом ее заката как международной системы объединенных национальных суверенитетов. Ряд международных событий подтверждает данный факт. Во-первых, конфликт, случившийся осенью 1897 г. между Британией и так называемой Оранжевой республикой, более известный как англобурская война, поначалу воспринимался столкновением одной из «вестфальских» держав с территорией, не обладавшей суверенитетом в европейском его понимании (республика буров не состояла в формальных договорах ни с одной европейской державой). Однако жестокие последствия этой войны, ставшей, по практически консенсусному мнению, «началом конца» Британской империи, показали, что бытовавшая концепция «не обладающих суверенитетом зон» требует явного и принципиального пересмотра.

Во-вторых, начавшаяся в 1898 г. агрессивная война Соединенных Штатов против Испании, направленная на отторжение ее колоний в Латинской Америке и на Тихом океане, ознаменовала завершение периода изоляции «филадельфийской» державы и ее способность вступать в конфликт с «вестфальским» миром. Несмотря на то что это событие не стало границей между периодами, когда США придерживались «филадельфийского» или «вестфальского» стилей поведения (эле-

менты первого присутствуют в американской внешнеполитической доктрине и по сей день), американо-испанская война имеет не меньшее значение для эрозии мировой политики XIX в., чем война, которую Британия вела тогда на юге Африки.

В-третьих, всего несколько лет спустя на Дальнем Востоке возникло противостояние интересов одной из европейских держав, России и Японии, ставшей самой мощной страной из тех, что никак не могли считаться «боковыми ветвями Европы». Сокрушительное поражение России засвидетельствовало, что «вестфальские» страны уязвимы для государств, которым прежде практически не находилось места в традиционной евроцентричной теории международных отношений. Тот факт, что посредником при заключении мирного договора между Россией и Японией выступили США, тоже выглядел вызовом доминированию вестфальских принципов в их «европейском» виде.

Наконец, в-четвертых, начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война была инициирована самими «вестфальскими» державами и окончательно поставила крест на надеждах, связывавшихся с принципами сдерживания, доминировавшими в европейской политике. Итоги ее для международных отношений стали, если оценивать их и исторической ретроспективе, более чем противоречивыми.

Завершение Первой мировой войны активизировало процесс реального усложнения форм суверенитета, замаскированного под универсализацию его принципов, – процесс, в том или ином виде продолжающийся и поныне. Достаточно обратить внимание на несколько парадоксов политической системы того времени, чтобы понять: данный период изначально следовало бы называть не столько после-, сколько предвоенным.

«Революции в (понимании) суверенитета проистекают из предшествующих им революционных изменений в представлениях о справедливости и организации политической власти»¹, – пронизательно заметил в своем исследовании Д. Филпотт. Между тем начало XX в. было отмечено сразу несколькими такими революциями, хотя наибольшее значение имели две из них. Речь идет, во-первых, о том, что мы назвали бы созидательной революцией, вдохновлявшейся В. Вильсоном, а во-вторых – о своего рода разрушительной революции, инициированной В.И. Лениным. Результатом первой стало создание Лиги наций – уникального международного института, впервые объединившего страны, находившиеся на всех континентах, и формально признавшего за ними равные права суверенных держав. Следствием второй оказалось формирование международного блока политических сил, отрицавших какие бы то ни было прежние формы суверенитета и открыто выступавшего за слом всей ранее существовавшей политической конструкции. Непримиримость приверженцев этих политических линий выразилась в агрессии коалиции государств против советской России, завершившейся в конечном счете хрупким перемирием, заключенным на не вполне ясных принципах.

К середине 20-х гг. минувшего столетия в мире сложилось несколько систем суверенитета. Первая из них – модифицированная Вестфальско-Версальская система, которая вновь оказалась евроцентричной (и в этом заключался ее систем-

---

¹ Philpott D. Op. cit. P. 4.

ный порок). Эта система представляется упаднической формой Версальского порядка, так как фактически она усложнила, а не упростила борьбу с агрессией и делегировала значительные полномочия организации, решения которой не обладали обязательной силой и членство в которой оставалось добровольным.

Второй стала советская система, откровенно прокламировавшая новое понимание суверенитета, основанное на классовом подходе: ее представители на определенном отрезке времени принимали участие в работе Лиги наций и сыграли в ней роль, заметную скорее громкими демаршами, нежели сущностными предложениями. Наконец, третий тип представлений о своих суверенных правах сохранили Соединенные Штаты – страна, во многом породившая межвоенный порядок, но, как и прежде, воздержавшаяся от участия в очередном «европейском» эксперименте.

Новая война, самая катастрофическая по своим последствиям для человечества, стала полным аналогом Тридцатилетней войны, но только во всемирном масштабе. Могло показаться, что пришел черед нового Вестфальского договора. Он, как долгое время считалось, и был заключен в 1945 г. – вначале в предварительном виде в Думбартон-Оксе в августе-октябре 1944 г., а затем и в окончательном – в Сан-Франциско в июне 1945 г.

Организация Объединенных Наций, родившаяся таким образом, обладала, однако, еще более сильными внутренними противоречиями, чем Лига наций, и имела (что сегодня можно утверждать вполне уверенно) несоизмеримо меньшие возможности для эффективного решения международных проблем и предотвращения военных конфликтов.

Три недостатка деятельности Организации Объединенных Наций можно охарактеризовать следующим образом: 1) она открыто позволяла пяти державам (фактически двум – Соединенным Штатам Америки и Советскому Союзу, менее прочих замеченным в приверженности вестфальским принципам) попирали эти принципы по своему усмотрению; 2) механизм, как обсуждения, так и решения вопросов, предусмотренный Уставом ООН, предполагал поиск консенсуса, а не следование четко установленным процедурам; 3) главным правилом, по существу, становилось отсутствие всяких правил.

Далее ООН вообще не предусмотрела никакой процедуры отбора своих членов и не предложила перечня критериев, которым они должны были удовлетворять, равно, как не выработала механизма исключения из своих рядов проштрафившихся членов (необходимость чего понимали даже творцы Лиги). По сути, все эти качества делали ООН пригодной для единственной – от того не менее важной – цели: недопущения конфликтов между основными сверхдержавами. Сегодня эта организация на полтора десятилетия пережила отпущенный ей лимит исторической времени, что привело к последствиям, которые можно счесть удручающими, даже не говоря о тех, что ее ожидают.

Эксперты утверждают, что классическая Вестфальская система приходит в начале XXI в. в окончательный упадок. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить приведенное выше определение суверенитета, данное Ж. Боденом (абсолютная и постоянная власть государства над подданными и гражданами).

В современном мире мы наблюдаем следующее: объем суверенитета ограничен внутренними и внешними факторами; США проводят политику ограниченного суверенитета; действует примат института прав человека над институтом суверенитета; за последние два десятилетия сложилось международное гуманитарное право, которое существенно ограничивает власть государства над его гражданами; на наших глазах идет становление сетевого сверхгосударства – Евросоюза, которое последовательно и целенаправленно преодолевает синдром национального государства; в этом суть нового европейского проекта; один из основных принципов современного международного права – принцип самоопределения народов и наций – на практике нередко вступает в противоречие с двумя другими основными принципами – принципом суверенного равенства государств и принципом территориальной целостности государств; растет количество несостоявшихся государств, которые, как это теперь совершенно ясно всем, никогда и ни при каких обстоятельствах не станут полноценными суверенными государствами; процессы глобализации размывают метафизическую основу национального суверенитета – национальную идентичность всех без исключения стран мира; миграционные потоки (второе «великое переселение народов») в свою очередь стремительно разрушают идентичность сложившихся национальных государств Европы и Америки.

Одновременно мы видим, что в XXI в. подавляющее большинство государств мира не борется за свой суверенитет, а, напротив, сознательно передает его либо США (таковы страны ЦВЕ, Балтии, Грузия и др.), либо наднациональным структурам (Германия, Франция, Бенилюкс, Португалия, Испания и др.). Г. Киссинджер в интервью немецкой газете «Ди Вельт» недавно заявил: «Вестфальский порядок находится в состоянии системного кризиса. Невмешательство во внутренние дела других стран отброшено в пользу концепта всеобщей гуманитарной интервенции. Или всеобщей юрисдикции. Не только США, но и многие западноевропейские страны это осуществили... Принципы Вестфальского мира, которые базировались на суверенитете государств и рассматривали нарушение международных границ международными структурами как агрессию, – уходят в прошлое».

Можно выделить два типа критики Вестфальской системы. Один связан с противопоставлением прав человека и права народа на самоопределение принципам государственного суверенитета и территориальной целостности. Второй – с обвинением национальных государств в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации. В качестве альтернативы предложена идея управления по сетевому принципу и построения по этому принципу организаций для решения глобальных проблем. Вестфальская система во многих случаях просто не работает, когда мы имеем дело с новыми политическими явлениями современности и, в первую очередь, с так называемым «сетевым управлением», которое могущественные державы осуществляют над прочими странами.

Принципы, заложенные в Вестфальском договоре, легли в основу современных международных отношений. После подписания Вестфальского мира ведущую роль стали играть не монархии, связанные династическими и прочими связями, а суверенные государства. Решающую роль играет теперь государственный инте-

рес, а исторические и конфессиональные принципы отошли в прошлое. Появился принцип веротерпимости: протестанты и католики были уравнены в правах. Все противоречия, из-за которых началась Тридцатилетняя война, нашли свое разрешение. Появился также принцип исконной Германской свободы, упал авторитет Габсбургов. Была подтверждена германская раздробленность. С одной стороны, это предоставило свободу германским правителям, они перестали зависеть от крупных монархов, однако с другой стороны, Вестфальский мир не разрешил проблему объединения Германских земель, германский вопрос (как и итальянский) перекочевал в венскую систему отношений.

Также в результате Тридцатилетней войны сложилось определенное равновесие, баланс сил между государствами того времени, при котором ни одно из них не имело решающего превосходства над другими. Если одна держава нарушала мир и спокойствие, тут же складывалась коалиция, целью которой было восстановление мира и противостояние агрессору.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

Мурадян А.А. Самая благородная наука. Об основных понятиях международно-политической теории. М.: Международные отношения, 1999.

Современная мировая политика. Прикладной анализ: Учебное пособие / Под ред. А.Д. Богатурова; МГИМО (У) МИД РФ. М.: Аспект-Пресс, 2009.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т.3. Время мира. М., 1992.

Жигарев С.А. Россия в среде европейских народов. СПб., 1910.

История Европы. Т. 3. От Средневековья к новому времени. М.: Наука, 1993.

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 193–218.

Кайзер К. Смена эпох // Международная политика. 2003. № 3.

Косолапов Н. Внешняя политика и внешнеполитический процесс субъектов международных отношений // Мировая экономика и международные отношения, 1999. № 3.

- Курс международного права. М., 1989. Т. 1.
- Мурадян А.А. Буржуазные теории международной политики. М., 1988.
- Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.
- Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война в современной немецкой историографии // Университетский историк: Альманах. СПб.: Изд-во СПб.-го ун-та. 2002. Вып. 1.
- Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2002.
- Тарле Е.В. Три катастрофы. Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир. М.; Петроград, 1923.
- Цыганков П.А. Международные отношения: Учебное пособие. М.: Новая школа, 1996.
- История международных отношений в трех томах. Т. I. От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. М.: Аспект-Пресс, 2012.
- Медяков А.С. История международных отношений в Новое время: Учебник для вузов. М.: Просвещение, 2007.
- История международных отношений: в 3 т. М.: Аспект-Пресс, 2012. Т. I.
- Индивиды в международной политике / Международная педагогическая академия; рук. автор. колл. М. Жирар. М., 1996.
- Morse E.L. Modernization and Transformation of International Relations. L., 1976; Transnational Relations and World Politics / R.O. Keohane, J.S. Jr. Nye (eds.). Cambridge (Mass.), 1972.
- Mearsheimer J.J. Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics. Oxford University Press, 2011.
- Alker H., Biersteker T. The dialectics of world order: notes for a future archeologist of international savoir faire // international Studies Quarterly. 1984. Vol. 2. № 2.

Тема 18. Венская модель системы международных отношений

1. Историческая роль Венского конгресса.
2. Создание Венской системы: принцип легитимизма и «европейский концерт».
3. Священный союз: идеи и реалии.
4. Подъем национально-освободительного движения.

Как отмечали многие авторы, по завершении эпохи революционных и наполеоновских войн, продолжавшихся почти четверть столетия, Европа представляла печальное зрелище. Почти не было стран или народов, не пострадавших от нашествия иностранных армий и военных действий. Многие города были разрушены, селения пришли в запустение. Ремесло зачахло, земледелие умерло. В конце концов, длительные и кровопролитные войны завершились разгромом империи Наполеона. Победители занялись дележом огромной наполеоновской империи и перестройкой международных отношений в послереволюционной Европе. Войны туго затянули узел территориальных, экономических, династических противоречий между государствами Европы. Если не развязать, то хотя бы ослабить его и стало главной задачей союзных держав после победы над наполеоновской Францией.

Созданный ими новый международный порядок вошел в историю под названием Венской системы. Венский конгресс европейских государств (сентябрь 1814 г. – июнь 1815 г.) завершил войны коалиций европейских держав с Наполеоном I. Были заключены договоры, направленные на восстановление феодальных порядков и удовлетворение территориальных притязаний держав-победительниц, закрепила политическая раздробленность Германии и Италии; Варшавское герцогство разделено между Россией, Пруссией и Австрией, Франция лишилась своих завоеваний. В сентябре 1815 г. постановления Венского конгресса дополнены актом о создании Священного союза.

Создавая Венскую систему, ее творцы в рамках общей идеи реставрации ставили три главные задачи: во-первых, вернуть Францию к дореволюционным границам, восстановить на ее престоле «законную» (легитимную) династию Бурбонов, обеспечить гарантии по предотвращению во Франции новых революций и восстановлению монархического режима с его завоевательными войнами в Европе; во-вторых, осуществить такое территориальное переустройство Европы и колониальных владений, которое обеспечило бы главным участникам этого дележа – Великобритании, России, Австрии и Пруссии – благоприятный для каждой из них «баланс сил»; в-третьих, принять военные, политические и дипломатиче-

ские меры, предохраняющие не только Францию, но и всю Европу от новых социальных и национальных конфликтов и революций.

С этой целью была создана система союзов и соглашений (мирные договоры с Францией, Четверной союз Англии, России, Австрии, Пруссии против Франции, Священный союз), известная под общим названием «Трактаты 1815 г.». Вся эта система договоров и союзов создавалась поэтапно, в период с мая 1814 г. по ноябрь 1818 г. Этот период включил в себя четыре крупные международные встречи: переговоры о заключении первого Парижского мира с Францией (май 1814 г.), Венский конгресс (сентябрь 1814 г.–июнь 1815 г.), переговоры о заключении второго Парижского мира (июль–ноябрь 1815 г.); наконец, некоторые аспекты созданной в 1814–1815 гг. международной системы были рассмотрены на международном конгрессе в Ахене (сентябрь–ноябрь 1818 г.).

Важнейшей из этих встреч был Венский конгресс, созданный по инициативе Англии, России, Австрии и Пруссии с целью восстановления монархического режима во Франции и закрепления новых границ в Европе. В Вену съехались 216 представителей всех стран Европы (кроме Османской империи); среди них были императоры России и Австрии, король Пруссии, многие другие монархи, министры, политические деятели. Основную роль на конгрессе играли Александр I (благодаря победе России над Наполеоном ее воздействие на работу конгресса было очень велико), австрийский канцлер Меттерних, а также представители Англии. На конгрессе, как писал Ф. Энгельс, «народы покупались и продавались, разделялись и соединялись, исходя только из того, что больше отвечало интересам и намерениям их правителей»¹.

Парижский мир, подписанный 30 мая 1814 г. между Францией и странами-участницами 6-й антифранцузской коалиции, предусматривал созыв в Вене конгресса всех европейских государств (исключая Турцию). Представители держав начали съезжаться в Вену уже летом 1814 г. Начало официальной работы конгресса долго откладывалось из-за сложных интриг и политической борьбы. Наконец, удалось выработать декларацию, по которой открытие конгресса намечалось на 1 ноября. К этому времени переговоры сторон уже шли полным ходом, а формальной церемонии открытия так и не произошло.

Все вопросы обсуждались на совещаниях пяти держав, на неофициальных приемах, а также в специальных комитетах и комиссиях: в Комитете по итальянским проблемам; в Германском комитете; Комитете по швейцарским делам; в комиссиях о свободе навигации, об отмене работоторговли, статистической и др. Бегство Наполеона с острова Эльба и его попытка вернуться к власти в ходе «ста дней» сблизили участников конгресса. Завладев текстом секретного договора от 3 января 1815 г., Наполеон переслал его русскому императору, рассчитывая тем самым внести раскол в ряды своих противников. Несмотря на это, Россия приняла участие в 7-й антифранцузской коалиции, созданной в Вене 13 марта 1815 г.

В задачи конгресса входило восстановление принципов государственного устройства (существовавших в Европе до Великой французской революции), реставрация свергнутых Наполеоном I династий, создание системы гарантий против

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 568.

его возврата к власти, а также передел территорий Европы и колоний в интересах стран-победительниц. Предварительные договоренности инициаторов конгресса предусматривали решение основных вопросов в узком кругу с последующей консультацией Франции и Испании. Однако умелая игра французской дипломатии на противоречиях союзников позволила Франции участвовать в переговорах наравне со странами-победительницами.

Каждая из сторон преследовала на конгрессе собственные цели. Пруссия рассчитывала получить левый берег Рейна и Саксонию. Россия готова была поддержать ее, рассчитывая, в свою очередь, на земли герцогства Варшавского. Англия, Австрия и Франция сопротивлялись подобному усилению Пруссии и России. Австрия стремилась закрепить свою гегемонию в Германии, сохранив самостоятельность Саксонии как буферного государства; Англия намеревалась оставить за собой захваченные ею французские и голландские колонии. 3 января 1815 г. эти державы заключили секретный договор, целью которого было помешать присоединению Саксонии к Пруссии и Польши к России.

Итоговый документ Венского конгресса «Заключительный акт» был подписан Австрией, Англией, Пруссией, Россией, Францией и Швейцарией 9 июня 1815 г., за несколько дней до поражения Наполеона при Ватерлоо и его отречения. В течение последующих 5 лет к этому трактату присоединились 33 европейских государства, последним из которых стала Бавария (май 1820 г.).

Акт состоял из 121 статьи. Он предусматривал реставрацию власти Бурбонов в лице Людовика XVIII, лишение Франции ее завоеваний и укрепление ее соседей: Швейцария расширяла свои земли и получала стратегически важные альпийские перевалы; Италия оказалась раздробленной на ряд отдельных государств; восстанавливалось Сардинское королевство, которому возвращались Савойя и Ницца и передавалась Генуя; Австрия устанавливала свою власть над Северной Италией и получала преобладающее влияние в Германском союзе.

К России отходили земли герцогства Варшавского, исключая Краков, которому был дан статус «вольного города» и Восточную Галицию, присоединенную к Австрии. Пруссия получала Северную Саксонию, левый берег Рейна, большую часть Вестфалии, шведскую Померанию и остров Рюген. Голландия и Бельгия образовывали Нидерландское королевство. Швеция получала территорию Норвегии. Англия закрепила за собой часть бывших колоний Голландии и Франции.

Кроме статей в «Заключительный акт» входили 17 приложений, включая договор о разделе Польши, декларацию об отмене торговли неграми, правила судоходства по пограничным и международным рекам, положение о дипломатических агентах, акт о конституции Германского союза и др. Венский конгресс впервые выработал систему договоров, регулировавших международные отношения и закреплявших новые границы в масштабах всей Европы. За ним последовало создание Священного союза и Четверного союза России, Англии, Австрии и Пруссии, закрепивших эту расстановку сил.

Главный вопрос конгресса заключался в том, на каких принципах проводить реставрацию в бывшей обширной империи Наполеона и во Франции. Уже с 90-х

годов XVIII в. отчетливо выявились два подхода к этому вопросу: австро-прусский (полное восстановление дореволюционных порядков при максимальном ослаблении Франции вплоть до отторжения от нее части территорий) и русско-английский, предусматривавший определенное приспособление к новым социально-экономическим и политическим условиям послереволюционной Европы при сохранении государственной самостоятельности Франции как великой державы в противовес Пруссии и Австрии. При сохранении и даже обострении англо-русских противоречий в период создания Венской системы установка России и Англии о принципах реставрации получила приоритет. Были отвергнуты домогательства «старого» эмигрантского французского дворянства восстановить дореволюционные феодальные порядки и конфискованную дворянскую собственность.

В основе социально-политической реставрации по первому Парижскому миру 30 мая 1814 г. Францией и четырьмя державами-победительницами – Россией, Австрией, Англией и Пруссией – были оговорены условия англо-русской конвенции «О мерах к установлению мира в Европе», подписанной (в связи с созданием третьей коалиции) в 1805 г.: «Хозяева-собственники и люди, состоящие при должности, могут рассчитывать на мирное пользование теми выгодами, которые приобретены ими вследствие революции». Это означало, что новые собственники, прежде всего французское крестьянство, а также буржуазия оставались владельцами имущества (земли), секуляризованного или конфискованного в ходе революции у духовенства и дворянства. Союзники санкционировали и политический компромисс: введение во Франции конституции (Хартии 1814 г.), в основу которой был положен политический компромисс между дворянством и верхами буржуазии. Были также уравнены в правах старое и созданное Наполеоном «новое» дворянство буржуазного происхождения.

«Сто дней» Наполеона изменили сравнительно легкие условия первого Парижского мира. По условиям второго Парижского мира на Францию была наложена контрибуция в 700 млн. золотых франков, а до ее выплаты северо-восточные департаменты оккупировались союзными войсками. В армии и государственном аппарате была проведена чистка, а деятельность французского правительства в 1815–1818 гг. поставлена под полный контроль постоянной конференции четырех союзных послов в Париже. Однако и второй Парижский мир 20 ноября 1815 г. не изменил основных социально-политических принципов первой реставрации.

В целом условия первого и второго Парижского мира означали, что союзники (прежде всего Англия и Россия) в определенной мере осознавали необратимость тех грандиозных буржуазных социально-экономических и политических изменений, которые произошли в стране за двадцать лет революции и наполеоновских войн, и в своих практических решениях о судьбах Франции после свержения Наполеона вынуждены были с этим считаться. Именно учитывая этот компромиссный характер реставрации во Франции, В. И. Ленин писал, что она «...не имела

ничего общего с докапиталистическими способами производства»¹, а сам режим Бурбонов был «шагом на пути превращения в буржуазную монархию»².

Другим краеугольным камнем Венской системы стало территориальное переустройство в Европе. Решение территориальных проблем началось на переговорах о первом Парижском мире и завершилось в целом на Венском конгрессе, который принял 9 июня 1815 г. Заключительный (Генеральный) акт из 121-й статьи, зафиксировавший новые границы Европы.

Заключительный акт (несмотря на попытки Пруссии в ходе Венского конгресса отторгнуть от Франции Эльзас и Лотарингию) подтвердил решения первого Парижского мира (1814) о границах Франции: она была лишена всех завоеваний, но сохраняла свою территорию в границах на январь 1792 г., т. е. до начала революционных войн, даже с некоторым добавлением за счет соседних государств. После же «ста дней», по условиям второго Парижского мира (1815), Франция лишилась нескольких приграничных пунктов и территорий, сохраненных за нею по условиям первого Парижского мира. Однако претензии Пруссии на французские земли на левом берегу Рейна были вновь отклонены. В целом вопрос о французских границах был решен в пользу Франции.

Иначе подошел Венский конгресс к вопросу о границах Германии и Италии. Была сохранена территориальная раздробленность обоих государств, что в корне противоречило национальным устремлениям немецкого и итальянского народов. Развитие национального движения в этих странах в дальнейшем будет создавать постоянную угрозу Заключительному акту Венского конгресса о европейских границах.

В Германии решения Венского конгресса молчаливо санкционировали упразднение Наполеоном в 1806 г. Священной римской империи, но сохранили вместо нее политический конгломерат из 34 государств и четырех вольных городов, объединенных в эфемерный Германский союз под верховенством Австрии. Актуальным стало включение в «Союзный акт» специальной статьи (13-й), которая предусматривала введение в государствах Союза «сословно-представительных конституций» (в дальнейшем, за некоторыми исключениями, это постановление осталось невыполненным). Внутри Германского союза конгресс произвел частичное перераспределение земель и «нарезал» новые границы (уменьшил площадь выступавшей в союзе с Наполеоном Саксонии, увеличил территории Баварии, Бадена, Вюртемберга и т. д.). Но главное было в том, что конгресс сохранил и закрепил государственную раздробленность Германии (хотя число государств значительно уменьшилось сравнительно с периодом до 1789 г.).

Творцы Венской системы восстановили государственно-территориальное устройство Италии в основном в том виде, каким оно было до вторжения французских войск на Апеннинский полуостров в 90-е годы XVIII в. Страна оказалась снова разделенной на ряд государств: Сардинское королевство, герцогства Парма, Модена и Тоскана, княжество Лукка, Папское государство и Неаполитанское

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 15.

² Там же. С. 83

королевство. Ломбардия и Венеция были переданы Австрии, они образовали в составе империи Ломбардо-Венецианскую область. На престолы восстановленных монархий вернулись феодальные правители.

В сочетании с владениями австрийской короны в Северной Италии господство в этих государствах обеспечивало Австрии преобладающее влияние в итальянских делах. Габсбурги стали главными защитниками реакционных режимов на Апеннинском полуострове и яростными противниками (наряду с папой римским) объединения Италии в 20–60-х гг. XIX в.

В интересах одного из активных участников шестой антинаполеоновской коалиции 1813–1814 гг. – Швеции – был решен скандинавский вопрос. Норвегия, до 1814 г. находившаяся под господством союзницы Наполеона – Дании, была передана Швеции на принципах личной унии. Передача Норвегии рассматривалась как компенсация за потерянную в 1809 г. Финляндию, вхождение которой в состав Российской империи подтвердил Заключительный акт Венского конгресса. Характерно, что создатели Венской системы, не желая обострять национальный вопрос ни в Швеции, ни в России, сохранили как относительную автономию Финляндии, так и довольно широкую автономию Норвегии. От всех этих территориальных перекроек в Скандинавии больше всех потеряла Дания, низведенная Венским конгрессом до роли третьестепенной державы Северной Европы.

Наряду с решением таких крупных регионально-территориальных вопросов, как германский, итальянский и скандинавский, конгресс определил судьбу и других европейских народов. Старый объект притязаний Франции, Испании и Австрии – Южные Нидерланды (Бельгия), включенные в 1810 г. Наполеоном в состав Франции, были присоединены к Голландии. Австрийские Габсбурги навсегда отказались от притязаний на Бельгию. Государственная самостоятельность Голландии во главе с принцем Оранским была восстановлена на Венском конгрессе как противовес Пруссии и Франции. Новое государство получило название Нидерландского королевства. В нем была введена умеренная конституция английского типа, которая ограничивала власть короля и гарантировала право политического убежища.

Восстанавливались государственная самостоятельность и республиканское устройство Швейцарии как конфедерации союзных кантонов, «свободных, независимых и нейтральных». Был объявлен «вечный нейтралитет» Альпийской республики (им она пользуется до сих пор), ей гарантировалась конституция. Принятая в 1815 г., эта конституция концентрировала власть в руках аристократии, городского патрициата, клерикалов, однако феодальные повинности и цехи, сметенные в ходе Французской революции и войн, не были восстановлены.

«Дележ» наполеоновского наследства проходил не без разногласий, наибольшие вызвал польско-саксонский вопрос. С момента открытия Венского конгресса Александр I дал отчетливо понять своим партнерам по переговорам, что он настаивает на передаче России территории упраздненного польского герцогства Варшавского. Чтобы привлечь на свою сторону Пруссию, он поддержал прусские притязания на земли саксонского короля – союзника Наполеона I. Однако этим

планам решительно воспротивились Англия и Австрия, которые стремились предотвратить рост влияния России. К ним примкнула Франция Бурбонов (ее представлял на Венском конгрессе Талейран).

К концу 1814 г. разногласия недавних союзников из-за судеб Саксонии и Польши настолько обострились, что в воздухе запахло новой войной. Австрийский император публично объявил, что если Саксония перейдет к Пруссии, то Австрия объявит ей войну. Разногласия привели к подписанию 3 января 1815 г. секретного «Оборонительного военного союза» между Англией, Австрией и Францией, направленного против России и Пруссии. Позднее к этому секретному договору присоединились Бавария, Ганновер и Голландия. Антинаполеоновская коалиция оказалась на грани распада.

Вряд ли участники договора 3 января всерьез помышляли о новой крупной войне в Европе: слишком велика была усталость народов от напряженных войн наполеоновской эпохи, да и военно-экономические ресурсы его участников (особенно Франции) были крайне истощены. В результате царь смягчил свою позицию и пошел на уступки в польско-саксонском вопросе. Договор, заключенный 3 января 1815 г., имел и другое важное последствие: он ускорил решение Наполеона, хорошо информированного о разногласиях на конгрессе, покинуть остров Эльбу и высадиться 1 марта 1815 г. на южном побережье Франции, начав, таким образом, эпопею «ста дней».

Не случайно первой акцией Наполеона после занятия Парижа стала посылка Александру I подлинника договора 3 января, который Людовик XVIII, убегая из Парижа, впопыхах забыл на столе своего кабинета: ставка на раскол союзников была главным стратегическим расчетом Наполеона в период «ста дней»). 11 февраля 1815 г. по нему было подписано соглашение. Этот вопрос решился на основе компромисса. Пруссии не удалось получить всю Саксонию, но к ней отошла ее экономически наиболее развитая часть. В порядке компенсации за частичное (по мнению Пруссии) решение польско-саксонского вопроса она получила земли вдоль Рейна с населением более 100 тыс. человек, побережье Балтики (так называемая Шведская Померания), а также небольшую часть герцогства Варшавского с городом Познань. Особенно важным было приобретение развитых областей по Рейну и в Вестфалии (Рурский угольный бассейн). В результате перекромок германских границ Пруссия стала граничить с Францией и Нидерландами; ее территория состояла теперь из двух частей – Восточной и Западной (рейнской) Пруссии, между которыми находились владения других германских государств. Это давало сторонникам прусско-юнкерской экспансионистской политики дополнительный аргумент для захвата новых земель в Северной Германии.

3 мая 1815 г. на основе договоров России, Австрии и Пруссии был осуществлен передел польских земель. К России перешла большая часть бывшего герцогства Варшавского с населением в 3,2 млн. человек. Эта территория включалась в состав Российской империи под названием Королевства Польского – по образцу Великого княжества Финляндского, т. е. с относительно широкой по сравнению с другими национальными окраинами империи внутренней автономией, предусма-

тривавшей введение монархической конституции и право иметь собственные вооруженные силы. Краков, на который притязала Австрия, был объявлен вольным городом с республиканским устройством. В виде компенсации Австрия получила Восточную Галицию.

В результате территориальных перекроек больше всех выиграли Австрия, Пруссия и Россия, которые и станут вплоть до Крымской войны главными стражами Венской системы. Австрия почти полностью вернула все территории (включая бывшие Иллирийские провинции – Далмацию), утерянные в 1800–1809 гг. в ходе наполеоновских войн, став отныне главным противником принципа национального самоопределения в Европе. Вновь, как и в XVIII в., сумела увеличить свои владения Пруссия, и ее влияние в Германии заметно возросло. За царской Россией помимо переданной ей большей части герцогства Варшавского «Заключительный акт» конгресса закрепил Финляндию (отвоеванную еще в 1809 г. у Швеции) и Бессарабию (отошедшую от Турции по мирному договору 1812 г.).

От зафиксированных в «Заключительном акте» территориальных перекроек формально менее всего выиграла Великобритания – в континентальной Европе она не получила ни одного квадратного километра. Тем не менее, фактическое влияние Англии на европейские дела после Венского конгресса чрезвычайно усилилось. Воздействие Англии проявлялось как через ее участие в «Трактатах 1815 г.» (прежде всего в Четверном союзе России, Австрии, Пруссии и Великобритании), так и через зависимые в финансово-экономическом или династическом отношении малые государства Европы. В Германском союзе таким государством стало королевство Ганновер, наследственное владение английских королей, территория которого под давлением английских представителей на конгрессе была значительно расширена. Проводником английской политики стал и Вильгельм I Оранский, глава нового Нидерландского королевства.

Территориальные приобретения (не отраженные в «Заключительном акте» конгресса, поскольку англичане воспротивились включению в него колониальных проблем) были сделаны Великобританией за пределами Европы. За ней остались захваченные в ходе наполеоновских войн бывшие голландские (Капская провинция в Южной Африке, остров Цейлон и др.), французские (остров Мальта, Ионические острова, Сейшельские острова, остров Тобаго и др.), а также некоторые испанские и португальские колонии.

Наряду с вопросами о границах в Европе участники Венского конгресса попытались решить несколько мировых экономических и дипломатических проблем. К их числу относились запрет работорговли, свобода судоходства по европейским рекам и конвенция по определению старшинства дипломатических представителей. С инициативой об отмене работорговли выступила Англия: запретив в 1807 г. работорговлю в своих владениях, она не хотела, чтобы на ней наживались другие государства (прежде всего Испания, Португалия, южные штаты США). Добиться запрета не удалось; в 1815 г. Венский конгресс все же принял декларацию об осуждении работорговли в принципе, но каждой державе предоставлялось право самой определить сроки ее ликвидации.

В марте 1815 г. была принята Конвенция по определению старшинства дипломатических представителей, заменившая сметенный Французской революцией средневековый дипломатический этикет и ранги (выше всех – император Священной римской империи, португальский король – главнее английского короля и т. д.). Конвенция привела дипломатический протокол в соответствие с реальной расстановкой сил. Короли и императоры Англии, Австрии, России, Пруссии и др. были отнесены к первому рангу, ко второму – князья и великие герцоги (а также республиканские США и Швейцария), остальные – к третьему. Дипломатов тоже разбили на ранги: послы, посланники, поверенные в делах. В своей основе Венская конвенция 1815 г. о дипломатических рангах сохранилась до наших дней.

Итак, главной задачей Венского конгресса 1814–1815 гг., подводившего итоги почти «четвертьвековой» эпохе европейских войн, было обеспечить «мир во всем мире», или, хотя бы на европейском континенте. Система коллективной безопасности, созданная Венским конгрессом, была основана на принципе легитимизма и на ответственности крупнейших государств Европы – России, Австрии, Пруссии, Франции и Великобритании – за его соблюдение. Четыре континентальные державы составили Священный союз – военно-политический блок, направленный не против внешнего врага, а против внутренней крамолы. Англия, не вступая формально в Священный союз, неизменно заявляла о поддержке его принципов и действий. Зоной ответственности блока являлась вся Европа.

На Венском конгрессе не было поставлено таких вопросов, которые не вызывали бы споров среди его участников. Что делать с границами государств, неоднократно менявшимися в течение минувших лет? Некоторые участники конгресса выступали за то, чтобы вернуться к границам 1792 г. Но против этого возражали крупнейшие государства, участники антифранцузской коалиции, в том числе Россия, Пруссия, Австрия, которые рассчитывали на территориальное вознаграждение за свой вклад в победу над наполеоновской Францией. Великобритания, захватившая во время войны с Наполеоном Бонапартом часть колоний Франции и союзных ей государств, отнюдь не спешила вернуть их прежним владельцам.

Обострение ситуации вызывал и германский вопрос. Веками устоявшийся порядок в Европе предполагал существование Священной римской империи германского народа, в составе которой отдельные государства пользовались широкими правами. Их самостоятельность являлась своего рода гарантией от чрезмерного усиления как монархии Габсбургов, так и Франции. Стоило ли ради поддержания европейского равновесия восстановить Священную римскую империю, упраздненную Наполеоном в 1806 г.?

Вопрос о политическом устройстве Европы был тесно связан с общим вопросом о наследии Французской революции и наполеоновской империи. Как поступить с преобразованиями, которые были осуществлены французами на аннексированных территориях и в зависимых от них странах? Многие монархи, в особенности австрийский император, прусский и испанский короли, демонстрировали

откровенное неприятие этого наследия. Они считали, что лучше всего было бы вернуть Европу к общественным отношениям, существовавшим до 1789 г.¹

Чтобы найти взаимоприемлемый компромисс, участники Венского конгресса нуждались в некоем общем подходе к решению этих разнообразных проблем. Им пригодилась *теория легитимизма*, или законности (лат. *lex* – закон), выдвинутая рядом европейских мыслителей консервативного толка еще в годы Французской революции и наполеоновских войн. Значительный вклад в ее разработку внесли британский политический деятель и публицист Эдмунд Берк, французские религиозные писатели и философы Жозеф де Местр и де Бональд, а также немецкий публицист Фридрих Гентц, являвшийся советником Меттерниха.

Все они отрицательно относились к революционным и наполеоновским преобразованиям, ставя им в вину разрушение устойчивого, освященного временем и традицией общественного порядка. В этом они видели все несчастья, которые принесла революция народам Европы, – гражданские смуты, внешние войны, падение нравов и пр. Консервативные мыслители призывали людей вернуться к проверенным временем ценностям – религии и церкви, монархическому устройству государств, сословному строю. Вместе с тем они признавали необходимость тех или иных уступок «духу времени».

В ходе дискуссий среди участников конгресса наметилось двоякое истолкование принципа легитимизма – историческое и юридическое. Причем, одни и те же государственные деятели в зависимости от обсуждавшегося вопроса и собственных интересов прибегали то к одному, то к другому его истолкованию. С точки зрения исторического истолкования легитимизма, главным критерием истинности, законности тех или иных общественных установлений, границ и пр., является их древность. Поэтому, например, считалось, что династия Бурбонов во Франции обладает большими правами на трон, чем династия Бонапартов, потому что она древнее. Границы, существовавшие в 1789 г., имели большую законную силу, чем те, которые возникли в результате революционных и наполеоновских аннексий и завоеваний. Следовательно, более справедливыми, правильными объявлялись и законы, по которым издревле жили народы, а всякие нововведения – ошибочными и даже преступными.

При этом большинство европейских правительств понимало, что полный возврат к учреждениям, существовавшим до 1789 г., был бы невыполнимой задачей – в Европе выросло целое поколение, которое не знало и не желало возврата к «старому порядку», как стали называть общество предреволюционной эпохи. Действующие законы и существующие границы воспринимались им как привычные, нормальные условия жизни. Но главное – на их основе сложились имущественные, династические, политические отношения, пренебрегать которыми было просто опасно: это задело бы интересы могущественных сил и вызвало бы их противодействие.

Более того, полный возврат к порядкам до 1789 г. отнюдь не входил в намерения самих монархов. Некоторые из них не только вышли из наполеоновских войн

---

¹ Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России: 1648–2000. М., 2001. Ч. 2. Гл. 3–4.

без ощутимых потерь, но даже сумели кое-что приобрести, и теперь не желали расставаться с этими приобретениями. Например, короли Баварский, Саксонский и Вюртембергский хотели сохранить свои титулы, дарованные им Наполеоном. Кроме того, победители наполеоновской Франции твердо рассчитывали на вознаграждение за свой вклад в победу. Поэтому, объявляя себя сторонниками легитимизма, многие монархи давали этому понятию совершенно иное, юридическое истолкование. Они называли так законный порядок, основанный, прежде всего, на общепризнанных международных договорах.

Представление о том, что договор между государствами является своего рода законом международной жизни, отнюдь не было новшеством. Принятие Вестфальского мира в 1648 г. продемонстрировало, что подобные договоры, признанные большинством государств Европы, могут служить основой международного порядка в течение длительного времени. Однако Вестфальская система международных отношений держалась не столько на договорах между государствами и на соблюдении ими норм права, сколько на стихийно сложившемся в середине XVII в. балансе сил.

Династические войны второй половины XVII – первой половины XVIII в. свидетельствовали о том, насколько несовершенным тогда было правосознание людей того времени. В международных отношениях по-прежнему царил культ силы. Едва договоры вступали в противоречие с династическими или иными насущными интересами государств, как правительства без всяких угрызений совести их нарушали как ничего не значивший «клочок бумаги». Именно так в 1700 г. поступил французский король Людовик XIV в случае с оставшимся без хозяина испанским наследством. Также поступил и прусский король Фридрих II, развязавший в 1740 г. войну за австрийское наследство.

Венский конгресс предпринял попытку поднять престиж и значение международных договоров, которые должны были стать основой нового европейского порядка. Этот порядок был призван исключить возможность повторения войн между крупнейшими государствами Европы, грозящих неприятностями и всем остальным странам. К созданию такого порядка стремились, прежде всего, крупнейшие государства Европы, в особенности, союзные державы, вынесшие на своих плечах основное бремя войн с революционной и наполеоновской Францией. Не отрицая наличия у каждого государства собственных интересов и целей, они хотели, чтобы защита этих интересов и целей облекалась в приемлемую для всех форму переговоров, взаимного учета интересов и заключения общепризнанных договоров. Против нарушителей такого порядка они готовы были применить силу.

Заинтересованность европейских государств в создании прочного международного порядка, исключающего серьезные потрясения и войны, объяснялась просто. Они не хотели новой войны и боялись ее, потому что опыт недавней истории их убедил: войны являются питательной средой для революций. Страх перед общественными потрясениями победил воинственность европейских монархов, на длительное время отбил у них охоту к военной славе, заставил их проводить миролюбивую внешнюю политику.

В целом теория легитимизма в любом ее истолковании обосновывала стремление монархов и государственных деятелей, собравшихся в Вене, к созданию устойчивого международного порядка, основанного на четких правилах и принципах взаимоотношения государств между собой. Принцип легитимизма положен в основу созданного по окончании Наполеоновских войн международного порядка, обычно называемого Венским.

13 (25) марта 1815 г. Великобритания, Австрия, Россия и Пруссия подписали в Вене новый союзный договор в целях войны с Наполеоном. Остальные европейские государства, включая правительство Людовика XVIII, получили приглашение к нему присоединиться. В Европу были направлены русские войска, но они не успели принять участия в военных действиях. Развязка наступила быстро: в сражении 18 июня 1815 г. при Ватерлоо в Нидерландах армия Наполеона была разбита, и он повторно отрекся от престола. На этот раз по договоренности между союзниками он был сослан на край земли, подальше от Европы – на остров Св. Елены в южной части Атлантического океана, где умер в 1821 г.

Что касается политико-идеологических вопросов устройства Европы, то монархи, собравшиеся на Венском конгрессе, проявили известную готовность считаться с духом времени и настроениями народов. Причем, эти качества продемонстрировал, прежде всего, российский император. Александр I лично препятствовал стремлению своих «братьев», как было принято обращаться друг к другу среди европейских монархов, восстановить в Европе и в своих странах абсолютистские порядки. Он настойчиво советовал Людовику XVIII дать французскому народу либеральную конституцию, сохранить то законодательство, при котором французы жили в течение последней четверти столетия. Следует отметить, что Людовик XVIII последовал этому совету и «даровал» своим подданным конституцию – Хартию, которая закрепляла гражданское равенство, основные социальные, экономические и политические свободы. До середины XIX в. Хартия служила образцом для либеральных конституций многих стран Европы. Даже прусский король обещал на Венском конгрессе ввести в недалеком будущем конституцию в своем государстве. Правда, свое обещание он не выполнил. Только австрийский император и испанский король упорно отказывались связывать себя подобного рода обещаниями.

В итоге после Венского конгресса принцип конституционного правления получил более широкое распространение, чем когда-либо ранее. Монархи Европы оказались более либеральными в своей внутренней политике, чем Наполеон, этот наследник и душеприказчик революции, который в области внутренней политики проявил себя настоящим деспотом. После 1815 г. конституции действовали не только в Великобритании (где еще ранее сложилась неписаная конституция, т.е. совокупность основополагающих законов, политических процедур и обычаев, ограничивающих власть короля), но и во Франции, в Нидерландском королевстве, Швеции, Норвегии.

Вскоре после Венского конгресса по образу и подобию французской Хартии были введены конституции в ряде западногерманских государств (в Баварии и

Бадене – в 1818 г., Вюртемберге – в 1819 г., Гессен-Дармштадте – в 1820 г. и т.д.). Александр I даровал конституции Королевству Польскому и Великому герцогству Финляндскому, которые пользовались автономией в составе Российской империи. Борьба за введение конституций развернулась в Испании, Пруссии и итальянских государствах. Правда, потребовались еще революции начала 20-х годов в Испании, Португалии, Италии, Греции, а также революции 1830 г. и 1848–1849 гг., чтобы принцип конституционного правления был принят большинством европейских государств. Тем не менее после Венского конгресса Европа стала не в пример либеральнее, свободнее в политическом отношении, чем до него.

Новый международный порядок, учрежденный на Венском конгрессе, не мог быть ничем иным, как *балансом сил* основных держав. Он сохранялся в общих чертах на протяжении почти половины столетия – до середины 50-х годов. Его серьезно потрясли лишь революции 1848–1849 гг., а окончательно разрушила Крымская война 1853–1856 гг.

Но Венский порядок основывался не только на поддержании баланса сил в Европе, но и на так называемом «*европейском концерте*». Это было новое явление в истории международных отношений. Так называли политику основных держав Европы, направленную на мирное разрешение противоречий между собой, на коллективное решение всех спорных проблем. Ни одна из держав не стремилась доводить международные противоречия до войны. Все спорные проблемы, касающиеся даже третьих, малых стран, они разрешали на основе общей договоренности между основными державами. Это предполагало регулярный характер встреч глав правительств, монархов, министров, послов для обсуждения всех злободневных вопросов мировой политики.

Стороны находились в постоянном контакте друг с другом, детально выясняли позиции каждой, долго их согласовывали, чтобы прийти к взаимоприемлемому компромиссу. Те страны, на которые опирался новый порядок и от которых зависел «европейский концерт», со времени Венского конгресса получили неофициальное название великих держав. К их числу относили союзные державы – Австрию, Великобританию, Пруссию и Россию, а также вскоре присоединившуюся к ним Францию. Особое положение этих стран в Европе подчеркивало то обстоятельство, что между собой они поддерживали дипломатические отношения на самом высоком уровне – послов, т.е. дипломатических представителей «высшего класса».

«Европейский концерт» нашел преданных сторонников в лице многих государственных деятелей Европы второй четверти XIX в. К их числу принадлежал и министр иностранных дел России К.В. Нессельроде. Его звезда возшла на заключительном этапе Наполеоновских войн и во время создания в Вене и на конгрессах Священного союза нового европейского порядка. Несколько лет Нессельроде управлял Министерством иностранных дел совместно с И. Каподистрия (ушедшим в отставку в связи с избранием первым президентом самостоятельной Греческой республики), пока не был окончательно утвержден в должности министра. Его имя ассоциируется с такими непопулярными мерами, как борьба с революцион-

ным и освободительным движением в Европе. Их он осуществлял по согласованию с другими участниками «европейского концерта» и в соответствии с целями консервативной политики Священного союза.

Вместе с тем нельзя забывать о таких заслугах Нессельроде, как помощь греческим повстанцам, боровшимся за освобождение своей родины от османского господства, заключение первого в истории отношений России и США договора, признание правительства Луи-Филиппа Орлеанского, пришедшего к власти в результате Июльской революции 1830 г., Лондонские конвенции о закрытии Черноморских проливов для иностранных военных кораблей и других мерах, способствовавших укреплению мира в Европе и повышению авторитета России¹.

Венский конгресс завершился в июне 1815 г. 14(26) сентября того же года монархи России, Пруссии и Австрии подписали договор о создании Священного союза. Его текст был проникнут христианской мистикой. Как следовало из преамбулы договора, он обязывал монархов «во имя пресвятой и неразделимой Троицы» руководствоваться в своих действиях «не иными какими-либо правилами, а заповедями святой веры, заповедями любви, правды и мира, которые должны непосредственно управлять волею царей и водительствовать всеми их деяниями». Из договора явствовало, что три монарха обязались защищать христианские ценности, народы и государей от происков революционеров, атеистов и либералов. Впоследствии к Священному союзу присоединилось большинство других государств Европы. Великобритания формально не вошла в состав Священного союза, но участвовала в его деятельности до начала 30-х гг. XIX в., активно сотрудничая с его членами. Не присоединилась к нему и Османская империя.

В первые годы после Венского конгресса Священный союз представлял собой одну из основных форм международного сотрудничества европейских государств. Состоялись три конгресса Священного союза. Первый из них с 30 сентября по 21 ноября 1818 г. в городе Ахен (Экс-ла-Шапель) в западной Германии. На этом съезде Франция была окончательно признана равной себе четырем другими державами. 15 ноября 1815 г. Великобритания, Пруссия, Австрия, Россия и Франция подписали протокол, в соответствии с которым вернули «принадлежащее ей в системе европейской политики место». Возник так называемый «пятерной союз», или «пентархия», который формально сохранялся до середины XIX в. Он обеспечивал мир и стабильность Европы в течение этого времени.

В конце 1819 – начале 1820 г. состоялся второй, «сдвоенный» конгресс Священного союза. Он начался в Троппау (Опава), а закончился в Лайбахе (Любляна) в Австрии. Наконец, третий конгресс состоялся с 20 октября по 14 декабря 1822 г. в Вероне (Италия). С тех пор конгрессы Священного союза, на которых были бы представлены все великие державы и другие государства, не созывались. Основной формой взаимодействия крупнейших государств на международной арене стали конференции министров иностранных дел или других официальных пред-

---

¹ Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России: 1648–2000. М., 2001. Ч. 2. Гл. 3–4.

ставителей, созываемые по какому-нибудь конкретному поводу, либо консультации' послов в Лондоне, Санкт-Петербурге или столицах других держав.

Какие вопросы обсуждали на конгрессах Священного союза? Главный вопрос, который занимал монархов, – это подъем национальных и либеральных движений в Европе.

Французская революция и Наполеон разбудили национальности. Революционная Франция положила в основу своей внешней политики принцип национального суверенитета и признала право наций на самоопределение. Это вызвало огромный резонанс во всей Европе, дало мощный толчок развитию гражданских чувств и национального самосознания. Прецедентами тому были освободительная война XVI в. в Нидерландах и война за независимость в Северной Америке. Но первая из них во многом носила религиозный характер, была связана с конфликтом между протестантами и католиками. Поэтому ее опыт долгое время оставался невостребованным. Тогда как вторая произошла за океаном, в полудикой, по мнению европейцев, стране, которая мало походила на Старый Свет. Совсем другое дело, когда в сердце Европы, в лоне цивилизации, насчитывающей сотни лет, народам сказали: «Вы не просто подданные, вы граждане, вы нация, и поэтому вам принадлежат естественные и неотъемлемые права».

Наполеон пренебрегал принципом национального суверенитета. Он, по своему усмотрению перекраивая границы и создавая новые государства, парадоксальным образом способствовал пробуждению патриотических и свободолюбивых чувств у европейских народов, со стороны которых это явилось реакцией на попрание им прав других народов и государств, на его стремление подчинить их своим государственным, династическим и военно-стратегическим интересам. Войны, которые вели европейские монархи против Наполеона, во многом носили патриотический, освободительный характер. Одна из причин победы союзников над наполеоновской Францией заключается в том, что они активно использовали важный идеологический ресурс – патриотизм, национальные чувства¹.

Венский конгресс, руководствуясь принципом легитимизма, будь то в его исторической или юридической интерпретации, совершенно пренебрег интересами национальностей. Наглядным примером тому служат решения по территориальному вопросу и границам в Польше, Скандинавии и Северной Италии. Его решения, а также политика большинства европейских монархий далеко не отвечали и свободолюбивым устремлениям народов. Поэтому в начале 20-х гг. во многих странах Европы возникают либерально-патриотические по своему характеру движения, а в отдельных местах происходят либерально-патриотические революции.

Импульс этим революциям придали события, происходившие в Южной Америке, где в период Наполеоновских войн развернулось движение за освобождение от колониальной зависимости. Наполеон в 1808 г. оккупировал Испанию, сместил законного короля и назначил на его место своего брата. Испанские колонии в Америке не приняли французского ставленника, отказались ему подчиняться.

---

¹ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). М., 1947. Т. 1. Ч. 1. Гл. 1, 2, 5, 9, 11.

Это послужило толчком для подъема патриотического движения в колониях, которое постепенно переросло в освободительную войну против испанского колониального господства.

По окончании Наполеоновских войн Испания попыталась силой подавить восстание в колониях, направив туда свои войска. Однако многие солдаты и офицеры испанской армии, воодушевленные освободительными целями войны против наполеоновской Франции, не хотели выступать в роли душителя свободы других народов. В 1820 г. в городе Кадис поднял восстание экспедиционный корпус, предназначенный для отправки в Америку. Началась революция в самой Испании. Король был отрешен от власти, объявлена либеральная конституция, которая предоставляла гражданам гораздо более широкие права и свободы, чем французская Хартия. Вслед за Испанией, в том же 1820 г., взбунтовались военные гарнизоны в Португалии.

По примеру этих стран вспыхнули восстания в Неаполе и Пьемонте (материковая часть Сардинского королевства). В 1821 г. поднялись на освободительную борьбу против господства турок-османов греки. Первыми взялись за оружие греки, жившие на юге России. В марте 1821 г. их отряды вступили на территорию зависимого от султана княжества Молдавия с целью поднять общее восстание против османского господства. В 1822 г. вспыхнуло восстание и в самой Греции. Европейские революции отозвались эхом и в России, где в декабре 1825 г. произошли антиправительственные выступления военных, в том числе на Сенатской площади в Санкт-Петербурге.

Все революции имели две общие черты. Они провозглашали либеральные лозунги, главным из которых было требование введения конституции. Привлекательность этого лозунга была обусловлена тем, что конституцию революционеры рассматривали как закон, обязательный для исполнения всеми, в том числе и власть имущими, включая наследственного монарха Божьей милостью. С конституцией они связывали надежду на ограничение власти монарха. Кроме того, эти революции были патриотическими, национальными. Они выражали интересы народов, стремившихся самостоятельно определять путь своего развития. Патриотический характер революций особенно отчетливо проявился в странах, находившихся под иностранным господством, таких как Греция, или разделенных на множество государств, как Италия.

Монархи Европы истолковали революционные выступления в Америке и в Европе как посягательство на легитимный порядок. По просьбе неаполитанского короля участники второго конгресса Священного союза приняли в Лайбахе решение о вооруженной интервенции в Неаполь и Пьемонт с целью восстановления абсолютистских порядков. Против этого решения возражали лишь Великобритания и Франция. Весной 1821 г. австрийские войска подавили революции в Италии. Александр I также намеревался послать в Италию свои войска, но австрийцы упрямились с делом раньше, чем подоспела русская помощь. В 1822 г. третий конгресс Священного союза в Вероне принял решение об интервенции в Испанию. Осуществить ее было поручено Франции, правительство которой само добивалось этой

сомнительной привилегии в целях повышения международного престижа своей страны. Людовик XVIII усматривал в этом поручении знак доверия к Франции, свидетельство того, что союзники окончательно предали забвению прошлые обиды. Весной 1823 г. французский экспедиционный корпус вторгся в Испанию и подавил революцию. Это способствовало успеху контрреволюционного переворота и в Португалии.

Веронский конгресс обсуждал также возможность вооруженной интервенции Священного союза в страны Латинской Америки с целью восстановления испанского колониального владычества. Будучи не в силах самостоятельно справиться с освободительным движением в своих колониях, Испания еще в 1817 г. обратилась к нему с просьбой о помощи. Однако этому плану не суждено было осуществиться по двум главным причинам. Против интервенции в Латинскую Америку возражала Великобритания, не только симпатизировавшая освободительному движению, но и защищавшая свои коммерческие интересы (еще в XVIII в. американский континент стал крупнейшим рынком сбыта ее промышленных изделий). А главное, планы интервенции решительно осуждали США. 2 декабря 1823 г. президент США Монро выступил с посланием к сенату. Выраженные в нем идеи вошли в историю под названием «доктрины Монро».

Поводом к этому выступлению послужили слухи о готовящейся интервенции Священного союза против независимых латиноамериканских государств. Немаловажное значение имело и беспокойство американцев в связи с экспансией России на северо-востоке Американского континента. Русско-американская компания, созданная в 1799 г. для освоения пушных ресурсов Аляски, постепенно распространила свою деятельность на побережье Калифорнии, где в 1832 г. был основан Форт Росс. Все это объясняет основное положение «доктрины Монро»: США объявляли Западное полушарие зоной, свободной от европейской колониальной экспансии. Не ставя под сомнение права европейских государств на те колонии, которыми они фактически владели, США заявляли, что не потерпят никаких новых колониальных экспедиций и захватов. США признавали право народов Америки самостоятельно выбирать форму правления и правительство в своих государствах, без вмешательства извне. Они декларировали свой нейтралитет в конфликте между бывшими испанскими колониями и метрополией. Возражая против интервенции европейских государств в дела Америки, США одновременно брали обязательство не вмешиваться в дела Европы.

Фактически такая позиция США помогла молодым латиноамериканским государствам отстоять свою независимость, пресечь попытки Испании восстановить свое господство при поддержке Священного союза. К середине 20-х годов XIX в. большинство испанских колоний Латинской Америки провозгласили свою независимость. Возникли независимые государства – Парагвай (1811 г.), Аргентина (1816 г.), Чили (1818 г.), Колумбия и Венесуэла (1819 г.), Мексика и Перу (1821 г.), Боливия (1825 г.) и др. В колониальной зависимости от Испании остались только острова Куба и Пуэрто-Рико. По мере успехов освободительной борьбы возникло и движение за их объединение в союзное государство, наподобие США в Север-

ной Америке. Горячим поборником единства стал Симон Боливар, один из вождей освободительной войны, ставший в 1819 г. президентом федеративной республики Великая Колумбия, в состав которой входили Венесуэла, Новая Гранада (Колумбия), Панама и Эквадор. По его инициативе в 1826 г. в Панаме состоялась объединительная конференция латиноамериканских государств. Однако в силу многих причин – территориальных и иных противоречий, слабости экономических и др. связей и иных – в развитии Латинской Америки восторжествовали центробежные тенденции.

Одновременно с латиноамериканской проблемой на Веронском конгрессе обсуждался вопрос о греческом восстании, мнения великих держав разделились. Большинство европейских монархов, в том числе и российский император, осуждали греческих повстанцев, как нарушителей легитимного порядка, как бунтовщиков, посягнувших на прерогативы своего законного монарха – турецкого султана. Александр I не пожелал считаться даже с тем, что восстание в Молдавии возглавил Александр Ипсиланти, генерал русской службы, его личный адъютант. Лишь Великобритания высказалась в пользу посредничества между султаном и повстанцами, которых предлагала признать воюющей стороной. С такой инициативой выступил в 1822 г. новый министр иностранных дел Великобритании Джордж Каннинг, сторонник политики «свободы рук», т.е. бóльшей свободы маневра в области внешней политики. Это свидетельствовало об отходе Великобритании от принципов Священного союза. В 1824 г. британское правительство в одностороннем порядке признало греков воюющей стороной и стало оказывать им поддержку.

Такая перемена в политике Великобритании отчасти была связана с тем, что греческое восстание привело к обострению Восточного вопроса, или вопроса о судьбе Османской империи, прежде всего ее европейских провинций. К нему Великобритания была особенно чувствительна, поскольку Балканский полуостров и Восточное Средиземноморье издавна находились в поле ее торговых и стратегических интересов. Именно через этот район мира проходил кратчайший путь из Западной Европы в Южную Азию, который Великобритания как крупнейшая морская, торговая и колониальная держава стремилась контролировать.

В чем состоит историческая ценность Священного союза для Европы? В том, что это было первое объединение государств, основанное на общей идеологии. Столетиями европейские государства вели между собой войны без всякого идеологического прикрытия. Собственно, воевали даже не государства, а государи, причем, обычно используя для этого профессиональные армии, часто наемные, составленные из представителей разных европейских национальностей. Воевали не столько, скажем, пруссаки с французами, сколько, в первую очередь, Фридрих III с Людовиком XV.

Переход в подданство иностранному монарху в результате завоевания был обычным явлением и, как правило, слабо отражался на положении населения. Так, при вступлении русских войск в Восточную Пруссию во время Семилетней войны население этой немецкой области «било челом» русской императрице Елизавете

Петровне о принятии в русское подданство, дабы уберечь свою землю от разорения, что и было исполнено. В 1758–1761 гг. Восточная Пруссия была провинцией Российской Империи, и ее положение ничем не отличалось от положения Прибалтики, завоеванной при Петре I.

Правда, уже именно в конце XVIII – начале XIX в. в европейских войнах стал присутствовать очень сильный компонент национального шовинизма, что было связано, главным образом, с Великой французской революцией. На поля сражений, вместо профессиональных армий, стали выходить вооруженные народы. Реакцией на национальный шовинизм и стал Священный союз. Однако общеевропейское движение от идеи легитимизма к идее нации задержать было уже невозможно. В Первой мировой войне идея нации стала всеобъемлющей, а в ходе Второй – на нее был наброшен «идеологический флер» универсальности, но сама национальная идея не исчезла.

Таким образом, эпоха Священного союза является последним периодом в истории Европы, когда почти вся она объединялась общей или близкой официальной идеологией. Это была идеология династического легитимизма, причем во внешнеполитическом выражении она служила оплотом мирного сосуществования великих держав.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

Мурадян А.А. Самая благородная наука. Об основных понятиях международно-политической теории. М.: Международные отношения, 1999.

Современная мировая политика. Прикладной анализ: Учеб. пособие / Под ред. А.Д. Богатурова; МГИМО (У) МИД РФ. М.: Аспект-Пресс, 2009.

История дипломатии. М., 1959. Т. 1. Разд. 4. Гл. 5–8. История Европы. М., 2000; Т. 5. Ч. 3. Гл. 1. История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. Гл. 3–5, 7–8.

Иванова И.И. История международных отношений от Античности до конца Первой мировой войны. Владивосток, 2001. Ч. 1. Гл. 7.

Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России: 1648–2000. М., 2001. Ч. 2. Гл. 3–4.

Талейран. Мемуары. Екатеринбург, 1997. Гл. 6.

Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. М., 1925 (Док. № 119, 121, 127, 128, 131–133, 135, 138, 140, 148, 153, 154).

Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. Гл. 4.

Зак Л.А. Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966. Гл. 3–4, 7.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). М., 1947. Т. 1. Ч. 1. Гл. 1, 2, 5, 9, 11.

Виноградов В.Н. Джордж Каннинг, Россия и освобождение Греции // Новая и новейшая история. 1981. № 6. С. 112–129.

Шпаро О.Б. Освобождение Греции и Россия, 1821–1829. М., 1965.

Дулина Н.А. Османская империя в международных отношениях (30–40-е гг. XIX в.). М., 1980.

Российская дипломатия в портретах. М., 1992. Ч. 2. Гл. 3.

Хрестоматия по истории международных отношений. Вып. 1. М., 1963.

Хрестоматия по истории международных отношений. Вып. 2. М., 1963.

Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1968.

Тема 19. Версальская модель системы международных отношений

1. Результаты Первой мировой войны и становление Версальской системы.
2. Версальская система как стабилизирующий фактор международных отношений.
3. Конфликт интересов ведущих держав и крах Версальской системы.

Версальская система международных отношений, будучи в своей основе европейской, поскольку регулировала, прежде всего, отношения между европейскими державами, вместе с тем воплощала в своих чертах некий порядок глобального регулирования. Этой модели удалось сохраниться в качестве ядра международных отношений на протяжении всего периода от окончания Первой мировой войны (1918 г.) до начала Второй мировой войны (1939 г.). Признаки глобальности ей придавали активное участие США, с одной стороны, Японии и Китая – с другой. Поэтому иногда ее обозначают как Версальско-Вашингтонскую систему. Учрежденный творцами Версальской системы совершенно новый по тем временам институт управления международными делами – Лига наций – по замыслу должен был стать эффективным механизмом предотвращения конфликтов и войн.

Наряду с этим исследователи отмечают, что Версальская модель не обладала в полной мере теми чертами, которые характеризуют глобальную систему международных отношений. Поэтому в современной международно-политической литературе чаще всего ее обозначают как «Версальский порядок» или «Версальская подсистема».

В начале XIX в. складывается Венская подсистема, являвшаяся по существу регулирующим механизмом европейских стран. Наряду с этим шел постепенный процесс «кристаллизации» особой подсистемы в Северной Америке. Вокруг Китая издавна сложилась архаичная восточноазиатская подсистема. После завершения Первой мировой войны наметилась тенденция к перерастанию североамериканской подсистемы в евроатлантическую, с одной стороны, и азиатско-тихоокеанскую – с другой. Стали прорисовываться очертания ближневосточной и латиноамериканской подсистем.

В начале XX столетия Венская система исчерпала свой созидательный потенциал. Причиной такого финала, конечно же, были стремительно нарастающие кризисные явления в международных отношениях европейских держав. В результате стала быстро развиваться тенденция к поляризации элементов международной системы, в конце концов, получившая отражение в создании двух противостоящих друг другу союзов – Антанты и Тройственного союза. Если классическая политика

баланса сил предполагает, что союзы заключаются для поддержания равновесия системы, то в данном случае оба блоковых объединения, особенно Тройственный союз, были нацелены на слом сложившегося статус-кво. Подобная линия поведения неуклонно усиливала дестабилизирующие тенденции, делая распад Венской системы необратимым. Лишь большой запас прочности, изначально заложенный в данной модели, позволял оттягивать катастрофу. Однако к 1914 г. он был исчерпан и найти развязку очередного кризиса не удалось – вспыхнула Первая мировая война.

В результате этого глобального военного конфликта была подготовлена почва для формирования новой модели международных отношений – Версальско-Вашингтонской. Это была самая недолговечная и непрочная модель организации мирового сообщества. Объяснимо это тем, что ее существование совпало с одним из наиболее сложных отрезков в истории развития человеческой цивилизации, ее своеобразным изломом – кризисом традиционного буржуазного общества и поиском выхода из него. Этот излом сопровождался мощными революционными потрясениями, бурными социально-политическими катаклизмами, охватившими в той или иной мере все ведущие страны мира, острейшим всплеском идеологической полемики о магистральных направлениях общественного прогресса. Все это оказывало самое непосредственное воздействие и на процесс становления новой модели международных отношений, и на ее функционирование, и на всю ее непростую судьбу. Несмотря на вышесказанное, особых споров по поводу ее периодизации (сопоставимых с теми, которые ведутся вокруг Вестфальской и особенно Венской системы) нет.

Международную геоэкономическую ситуацию в период между двумя мировыми войнами можно назвать почти катастрофической. Первая мировая война, охватившая около 40 стран с полуторомиллиардным населением, вызвала глубокий кризис мирового хозяйства. Милитаризация национальных экономик, физическое уничтожение огромных производственных ресурсов, беспрецедентные людские потери, разграбление захваченных территорий, развал торговли, отход от золотого стандарта разрушили прежнюю структуру мирохозяйственных связей. В годы войны колонии оказались в условиях относительной изоляции от метрополий, что в более развитых из них послужило стимулом для расширения собственного производства и развертывания национально-освободительного движения. Не выдержав колоссального напряжения военных лет, рухнули сразу четыре империи – Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская. Причем Россия, являвшаяся до войны крупным потребителем промышленных товаров и поставщиком продовольствия и сырья европейским государствам, после победы в октябре 1917 г. социалистической революции вовсе выпала из мировой хозяйственной системы. Претендовавшая прежде на лидерство Германия была разгромлена, а все другие участвовавшие в войне великие державы, за исключением США и Японии, оказались крайне истощенными.

В обстановке послевоенного хаоса и разрухи возможностью выступить в роли стабилизирующей и организующей силы обладали только Соединенные Штаты.

Благодаря более позднему вступлению в войну (апрель 1917 г.) и политике нейтралитета, под прикрытием которого США вели широкую торговлю оружием и военными материалами, они сосредоточили в своих руках около половины мирового запаса золота и из должника западноевропейских держав превратились в их кредитора. Новая роль США в сочетании с ранее обретенной индустриальной мощью давала им ощутимые преимущества при решении послевоенных проблем. Поскольку в то время ни одна держава не могла угрожать территории Америки, приоритетным для Вашингтона являлось создание такого международного порядка, который обеспечил бы благоприятные условия для внешнеэкономической экспансии США. Однако попытка президента Вудро Вильсона, выдвинувшего в начале 1918 г. свои «14 пунктов», выставить в качестве системообразующих элементов нового мироустройства принципы «открытых дверей» и «свободы торговли», была провалена Англией и Францией на Парижской мирной конференции 1919 г., итогом работы которой стал Версальский договор.

Сформированная совместными усилиями держав-победительниц (в основном Великобритании, Франции, США, Италии и Японии) в 1918–1922 гг. Версальско-Вашингтонская система международных отношений носила переходный характер. Несмотря на создание по условиям Версальского договора международной организации – Лиги наций, – она не обладала механизмами, позволявшими разрешать противоречия, возникавшие между государствами. В экономическом плане новая система не давала надежды на восстановление мирового хозяйства.

Джон М. Кейнс, тогда еще мало кому известный эксперт британской делегации в Париже, в своем «Трактате об экономических последствиях мира» (1919) указывал, что Версальский договор «не восстановит, но еще более приблизит к разрушению хрупкую и сложную, уже расшатанную и надломленную войной мировую экономику, посредством которой европейские народы только и могут найти применение своей деятельности и поддерживать свое существование». По его мнению, чтобы избежать катастрофы, необходимо было пересмотреть условия мирного договора с Германией, аннулировать взаимные долги союзников, реформировать финансовую систему и перестать блокировать Россию. Кейнс оказался провидцем. Названные им проблемы действительно заняли центральное место в международных дискуссиях в 1920-е гг. и сдерживали процесс восстановления нарушенных войной экономических связей.

За бортом формировавшейся новой мирохозяйственной системы фактически оказалась Советская Россия. Выдвинутый британским премьером Дэвидом Ллойд Джорджем план «умиротворения Европы» предполагал ее включение в послевоенный мировой экономический порядок на основе признания Москвой долгов царского и Временного правительств и реституции национализированной большевиками иностранной собственности. Однако из-за обоюдных претензий решить этот вопрос ни на проходившей весной 1922 г. Генуэзской конференции, ни позднее, уже после признания Советского Союза многими государствами мира, так и не удалось. Экономические отношения с капиталистическими странами строились в основном на двусторонней основе. Во время Генуэзской конференции был

подписан советско-германский договор об установлении дипломатических отношений и отказе от взаимных претензий, давший толчок развитию торгово-экономических связей двух стран. В конце 20-х гг. XX в. на Германию приходилась треть внешнеторгового оборота СССР.

Отход советского руководства от новой экономической политики (1921–1927 гг.), расширившей сферу действия рыночных отношений, еще более увеличил пропасть между СССР и его капиталистическим окружением. С принятием курса на индустриализацию по принципам «примитивного накопления», предполагавшего реинвестирование в промышленность полученной в сельском хозяйстве добавленной стоимости, резко возросла экономическая роль государства. Идеологический фактор и синдром «осажденной крепости» лишь усиливали тягу советских лидеров к достижению хозяйственной автаркии.

Две крупнейшие индустриальные державы мира – Соединенные Штаты, по собственной воле отказавшиеся ратифицировать Версальский договор и участвовать в Лиге наций, и Германия, которая в результате мирного урегулирования понесла ощутимые материальные потери (утрата колоний и ряда экономически важных областей, свертывание военного производства, выплата репараций) и выступала теперь в роли младшего партнера держав-победительниц, – воспринимали новый порядок в Европе как чуждый своим государственным интересам и не стремились содействовать его укреплению. Неудача первой заявки США на мировое лидерство привела к росту изоляционистских настроений в стране. Изоляционизм, впрочем, не исключал ограниченного участия в европейских делах (в основном связанных с германскими репарациями) и широкой внешнеэкономической экспансии в Западном полушарии и Тихоокеанском регионе. На Вашингтонской конференции 1921–1922 гг., решавшей вопросы послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке, США удалось закрепить принципы «открытых дверей» и «равных возможностей» в Китае для всех государств («Договор девяти держав»). Однако в целом уровень участия США в международных делах был гораздо ниже их колоссальных материальных возможностей.

Эффективному разрешению послевоенных трудностей в известной степени препятствовала косность политического мышления значительной части элиты и общественности западных стран, проявлявшаяся в стремлении возвратиться к миру до 1914 г. В экономической сфере это нашло отражение в почти слепой вере в необходимость восстановления золотомонетного стандарта, достижения валютной стабильности и фиксированных курсов валют. Однако полный возврат к золотому стандарту исключался, так как послевоенная инфляция разрушила покупательную способность золотого запаса. Выход был найден в установлении золотодевизного стандарта, основанного на золоте и ведущих валютах, конвертируемых в золото.

Новое устройство мировой валютной системы было юридически закреплено межгосударственным соглашением на Генуэзской конференции 1922 г. Новая валютная система обеспечила относительную стабильность в сфере мировых торгово-финансовых отношений, но одновременно создала предпосылки для

многочисленных валютных войн и девальваций. Перемещение финансового центра мира из Лондона в Нью-Йорк также нашло отражение в устройстве мировой валютной системы. Стремление США к утверждению гегемонии доллара в международных расчетах обострило соперничество между американской и британской валютами. Восстановление в 1925 г. золотого стандарта в Англии, причем на достаточно высоком паритете, привело к фактическому отказу от нововведенной системы. В 1926–1928 гг. к золотому стандарту вернулись Италия, Франция и еще около двух десятков стран.

Самой болезненной проблемой, серьезно осложнявшей взаимоотношения держав-победительниц в 1920-е гг., был вопрос о репарациях с побежденной Германией. Версальский договор обязал ее возместить убытки, понесенные победителями в годы войны, но размер репараций должна была назвать специально созданная репарационная комиссия. Весной 1921 г. комиссия, тон в которой задавали французы, определила сумму, равную 132 млрд. золотых марок (33 млрд долл. по существующему тогда курсу). Но в условиях сильнейшей инфляции и послевоенной разрухи выполнение решений репарационной комиссии привело бы к краху германской экономики. Осенью 1922 г. немецкое правительство запросило четырехлетний мораторий и прекратило платежи.

Системы принуждения в деле получения репараций не существовало, и вопрос «повис в воздухе» до тех пор, пока в начале 1923 г. репарационная комиссия не констатировала «преднамеренного невыполнения» Германией своих обязательств. 11 января франко-бельгийские войска оккупировали Рурскую область, где проживало 20 % населения и которая давала 90 % угля и 50 % металла Германии. Немецкое правительство призвало народ к «пассивному сопротивлению», которое привело страну к гиперинфляции. В экономическом плане ввод войск ничего не изменил: добытый уголь едва покрывал стоимость оккупационных расходов. В политическом плане рурский кризис ускорил распад англо-французской Антанты. Франция, одна из держав-гарантов Версальско-Вашингтонской системы, оказалась в изоляции. В конце 1923 г. она была вынуждена подписать с рурскими шахтовладельцами соглашение, по которому последние возобновляли поставки угля в обмен на вывод французских войск. Тогда же Англия официально предложила, чтобы США выступили в качестве арбитра в репарационном вопросе.

К лету 1924 г. под руководством чикагского банкира Чарльза Дауэса была разработана схема выплаты репараций («план Дауэса»). «План Дауэса» был утвержден на Лондонской конференции в августе 1924 г. и с 1 сентября вступил в силу. Направленный на создание «экономически сильной Германии», способной выполнять свои обязательства по выплате репараций, «план Дауэса» фактически расчистил путь к быстрому возрождению ее экономической и военной мощи. Последовавшие за ним Локарнские договоры 1925 г. смягчили и ряд других ограничений, наложенных на Германию Версальским договором. В июне 1929 г. «план Дауэса» был заменен еще более мягким «планом Юнга», а с началом мирового экономического кризиса по инициативе США репарации и вовсе были заморожены. В 1932 г.

конференция в Лозанне свела все репарационные платежи к 3 млрд марок и дала отсрочку для их выплаты на 15 лет.

Вопрос о германских репарациях оказался тесно связанным с проблемой военных долгов европейских держав США. В целом на займы союзникам в годы Первой мировой войны было ассигновано около 9,5 млрд. долл., большая часть которых осталась в Америке в виде заказов на производство вооружений и закупок военных материалов и продовольствия. Тем не менее после окончания войны Вашингтон настаивал на погашении задолженности и процентов по ней, не принимая во внимание дефицит платежного баланса стран-должников и отрицательное воздействие, которое окажет на восстановление европейской экономики выплата долгов. В 1922 г., когда задолженность с процентами достигла 11,7 млрд долл., Государственный департамент принял жесткие меры, запретив предоставлять даже частные кредиты странам-должникам. Последние вынуждены были капитулировать. В 1923 г. Англия, а затем Италия, Франция и еще 14 стран подписали с США соответствующие соглашения.

Ослабляя ресурсы своих казначейств, обескровленные войной государства Европы отправляли свое золото в Америку. До 1933 г., когда была окончательно прекращена выплата долгов, они успели вернуть 2,7 млрд долл. Соединенные Штаты, добиваясь равновесия на Европейском континенте, давали Германии многомиллионные займы и кредиты в твердой валюте на восстановление ее индустрии. За счет американских кредитов Германия выплачивала репарации Англии и Франции, а те в свою очередь возвращали военные долги США. Остатки полученных займов Германия использовала на модернизацию промышленности, особенно оборонных отраслей. Неслучайно в 1920-е гг. она занимала четвертое место среди ведущих экспортеров оружия и военных материалов.

В середине 1920-х гг., когда спало напряжение, связанное с процессом урегулирования послевоенных проблем, появилась надежда на восстановление мирового хозяйства. Уверенности в будущем придавало то, что в это время экономика почти всех ведущих государств вступила в фазу циклического подъема. В 1929 г. общий объем промышленного производства капиталистического мира увеличился по сравнению с 1913 г. на 47 %. Особенно высокими темпы роста были в США, которые к 1929 г. превзошли свой довоенный уровень на 72 %. Среди причин, обусловивших столь впечатляющий рост, следует отметить усиление экономики США в годы войны, превращение их в мирового кредитора, что давало возможность осуществлять крупные инвестиции в перевооружение своей индустрии.

Среди европейских государств по темпам роста лидировала Франция, где наряду с общими для всех стран факторами действовал ряд дополнительных стимулов (воссоединение Эльзаса и Лотарингии, восстановление разрушенных войной районов, немецкие репарации). С 1924 г. началось быстрое экономическое восстановление Германии, которая в 1928 г. превысила довоенный уровень производства в два раза. Укрепление ее позиций стало следствием хозяйственной политики правительства и вливания в экономику страны иностранных капиталов (21 млрд марок в период 1924–1929 гг.). Экономические показатели бывшего ли-

дера – Англии – оставляли желать лучшего. Промышленное производство к концу десятилетия едва достигло предвоенного уровня. Нестабильность британской экономики была обусловлена традиционной структурой хозяйства страны. Основную долю своих громадных доходов английский капитал получал от зарубежных инвестиций и международных финансовых операций, по-прежнему пренебрегая капиталовложениями в отечественную промышленность, вследствие чего она располагала физически и морально устаревшей производственной базой.

Все изменилось утром 24 октября 1929 г., когда на Нью-Йоркской бирже вспыхнула невиданная паника. Фондовый рынок в одночасье рухнул. 13 ноября акции упали до исторического минимума. Место, которое США как ведущая индустриальная держава и финансовый центр занимали в системе международных хозяйственных связей, сделало крах их фондовой биржи всемирным потрясением.

Великая депрессия 1929–1933 гг. оказалась самым глубоким и разрушительным экономическим кризисом в истории человечества, охватившим весь капиталистический мир. Она подорвала наметившуюся во второй половине 1920-х гг. тенденцию к восстановлению единства мирового капиталистического хозяйства. Потрясенные кризисом западные державы пытались решить свои проблемы за счет друг друга, изолировав свои рынки высокими таможенными барьерами (толчок был дан принятием в США в 1930 г. закона о тарифах Смита-Хоули). В результате падение производства сопровождалось сокращением уровня мировой торговли (физический объем экспорта упал на 15 %, а стоимостной – на 45 %). Если одни национальные рынки были переполнены не находившими сбыта товарами, то другие могли предъявить на некоторые из них платежеспособный спрос. Сложность заключалась в том, что мировой рынок, являвшийся связующим звеном между национальными рынками, был дезорганизован из-за расстройств кредитной системы. Одна из основных причин этого заключалась в том, что страны-кредиторы, прежде всего США, своей валютно-финансовой политикой создали положение, когда страны-дебиторы должны были рассчитываться золотом и не могли полностью использовать свои экспортные возможности. Твердость Вашингтона в вопросах о долгах фактически привела к срыву проходившей летом 1933 г. Лондонской экономической конференции. Но выплачивать их все равно было нечем, и вскоре проблема отпала сама собой.

Острый валютный кризис обусловил повторную отмену золотого стандарта. Отказ от него Англии осенью 1931 г. ударил по всей стерлинговой зоне, включавшей британские доминионы, Бразилию, скандинавские страны, и вызвал первую волну инфляции. Весной 1933 г. золотой стандарт отменили США, что привело ко второй волне инфляции. На конференции в Оттаве в 1932 г. Англия вместе с доминионами и торговыми партнерами создали «стерлинговый блок». Вскоре вокруг Соединенных Штатов сформировался «долларовый блок», а вокруг Франции – «золотой». Оказавшиеся под властью фашистов Германия и Италия воспользовались кризисом для усиления экономической автаркии и развертывания подготовки к новой войне. Рассчитывая обеспечить себе рынки сбыта и ресурсы, Япония в

1931 г. вторглась в Маньчжурию, являвшуюся частью Китая. Мировое сообщество вступило в эпоху беспрецедентной экономической войны с плавающими валютами и конкурентными девальвациями, так как каждый блок пытался решить свои проблемы.

Кризис не только обострил противоречия капиталистической экономики – внутренние и внешние, но и показал невозможность ее дальнейшего развития на базе традиционных принципов свободной конкуренции, индивидуализма и невмешательства государства в хозяйственную жизнь, предопределив тем самым радикальную перестройку всей структуры общественных отношений в ведущих странах Европы и Америки. Теоретическое обоснование государственного регулирования было дано в середине 1930-х гг. выдающимся английским экономистом Дж. Кейнсом. Отвергнув классическую теорию саморегулирования, предполагавшую автоматический переход к «нормальности» после спада, Кейнс обосновал необходимость государственного вмешательства в целях регулирования спроса и предложения, а также политику дефицитного финансирования для обеспечения полной занятости. На практике выявились две основные модели государственного регулирования – умеренно-либеральная и тоталитарная. Классическим примером первого варианта стал «новый курс» Франклина Д. Рузвельта в США, а второго – экономическая политика нацистского режима в Германии. Обе модели в основном преследовали цели посткризисного восстановления национальных экономик, но методы их достижения принципиально отличались. Различным было и отношение правящих кругов обеих стран к участию в системе международных хозяйственных связей.

Главным содержанием экономической политики германского фашизма стала всеобщая милитаризация Германии и подготовка к «большой» войне. Производство военной промышленности за 1933–1939 гг. увеличилось в 22 раза. Военные расходы составляли почти 60 % государственного бюджета. Нацистский министр экономики Ялмар Шахт жестко регламентировал внешнеторговые отношения Германии, положив в основу своего «плана» три базовые идеи: переход от многосторонней внешней торговли к двусторонней, построенной на принципах клиринга; количественное ограничение ввоза и определение централизованным путем общего объема импорта; формирование экспорта путем осуществления компенсационных сделок и введение дифференцированного обменного курса. В 1936 г. появился четырехлетний план, нацеленный на обеспечение экономической независимости Германии и ускоренное развитие тех отраслей, которые составляют базу военной промышленности.

В Соединенных Штатах тоже наблюдалось определенное отступление к автаркии, вызванное необходимостью восстановления национальной экономики. Придя к власти в марте 1933 г., администрация Рузвельта в первую очередь провела серию радикальных реформ, нацеленных на оздоровление экономики. В октябре 1933 г. в целях повышения уровня цен Рузвельт объявил план скупки золота государством, однако вскоре стало ясно, что данная мера не оправдала себя. По настоянию администрации 30 января 1934 г. конгресс принял закон о золотом резерве.

На следующий день Рузвельт девальвировал доллар до 59,06 % его прежней цены, а министерство финансов США объявило цену золота на уровне 35 долл. за тройскую унцию (31,1 г). После девальвации и прекращения обмена банкнот на золото все попытки «Нового курса» обеспечить повышение цен путем валютных манипуляций завершились, а «националистов» среди советников президента сменили «интернационалисты», среди которых был и государственный секретарь Кордэлл Хэлл. Вместе с ними на высший уровень руководства страны поднялись и идеи либерализации внешнеэкономической политики.

Только год спустя, после срыва Лондонской конференции, Хэлл убедил Рузвельта и конгресс принять «Закон о торговых соглашениях на основе взаимности» (1934). Этот закон давал президенту право вести двусторонние переговоры об обоюдном снижении таможенных тарифов с другими странами. Значимость данного статута состояла не в том, что на его основе был заключен ряд таких соглашений, а в том, что он ознаменовал отход Вашингтона от протекционистской политики. Столь же символичным стало трехстороннее валютное соглашение 1936 г. между США, Великобританией и Францией, призванное стабилизировать валюты. Включившись в движение за демонтаж протекционистских систем, Соединенные Штаты взяли курс на расширение своего участия в международных делах, который окончательно закрепился в годы Второй мировой войны.

Геополитическая обстановка в международных отношениях европейских государств между Первой и Второй мировыми войнами характеризовалась усиливающейся критической напряженностью. В конце Первой мировой войны страны-участницы сделали ряд заявлений о своих целях. Россия заявила, что она отказывается от каких-либо территорий и денежных выплат. Антанта заявила, что хочет изменить карту Европы по национальному принципу, в частности, вернуть Франции Эльзас и Лотарингию.

Президент США В. Вильсон выступил с «14 пунктами». Они предусматривали свободу торговли и судоходства, сокращение вооружений, возвращение России в мировое сообщество, демократическое самоопределение народов, создание Лиги наций. После капитуляции Германии большинство требований Антанты было выполнено, за исключением раздела Европы за счет проигравших. Англия хотела сохранить Германию как противовес Франции, а президент США Вильсон требовал выполнения выдвинутых им принципов. Несмотря на разногласия между союзниками, в своем стремлении к быстрейшему заключению мира они были едины. В январе 1919 г. представители Антанты собрались на так называемую Парижскую мирную конференцию. В планах послевоенного устройства мира, с которыми державы-победительницы пришли на мирную конференцию, нашли свое отражение три исходных момента: 1) главные итоги мировой войны; 2) новая расстановка сил между великими державами; 3) международное положение страны и ее национально-государственные цели и интересы. 28 июня 1919 г. в Версале мирный договор был подписан.

Антанта не признала режима большевиков в России и направила туда свои войска. Англичане не захотели распространить принцип самоопределения наций

на свои колонии, а, наоборот, хотели их расширить. Наиболее агрессивно был настроен французский лидер Ж. Клемансо, опасавшийся восстановления германской мощи.

По Версальскому договору Эльзас и Лотарингия отошли к Франции. Часть земель получили Дания (Шлезвиг-Гольштейн), Бельгия (Зокруга), Чехословакия (Судеты), Польша (часть Восточной Пруссии, Познань, часть Померании). Саарский угольный бассейн передавался на 15 лет под контроль Лиги Наций, после должен быть проведен плебисцит. Рейнская зона демилитаризована (левый берег оккупирован на 15 лет). Мемель (Клайпеда), как свободный город, переходил под контроль Лиги наций, затем передавался Литве. Город Данциг (Гданьск) также объявлялся свободным городом. Колонии Германии отошли к Франции, Англии и Японии. Китай в знак протеста против этого договор не подписал. Германия выплачивала контрибуцию в 132 млрд. золотых марок. Ее армия не должна была превышать 100 000 чел. и не могла иметь авиацию, флот и танки. Рейнская зона была оккупирована на 15 лет. Немцы не имели права возводить там военные укрепления и содержать вооруженные силы. Зона являлась демилитаризованной. Германия лишилась 1/8 своих территорий и всех колоний.

В 1919 г. была создана Лига наций, куда вскоре вошли независимые государства. Германия и ее союзники могли вступить туда позднее. Не была принята в Лигу наций и Советская Россия, она стала ее членом лишь в 1934 г. Задачами этой организации были определены мирное решение межгосударственных конфликтов, развитие экономического и культурного сотрудничества между народами. Штаб-квартира разместилась в Швейцарии, в Женеве. Сенат США, где заседали противники Вильсона, не ратифицировал Версальский договор и выступил с позиций «изоляционизма».

Статут (устав) Лиги наций должен был стать самым важным международным соглашением в мире, которое когда-либо было подписано. Он должен был стать Величайшей Хартией (Maxima Stiarta), которая должна была обеспечить народам их права и свободы и объединить их во имя сохранения всеобщего мира. Соответствующая комиссия нуждалась в сильной личности, чтобы продвинуть план создания Лиги наций за столь короткое время. Президент Вильсон был такой личностью. Разумеется, Вильсон добился выдающегося личного успеха, но он достиг этого за счет отказа от фундаментальных принципов равенства народов. В своем рьяном усердии сделать мир безопасным для демократии он отказался от международной демократии и поддерживал международную автократию.

Перед Лигой наций были поставлены задачи, которые изменили саму первоначальную сущность Лиги наций. Задуманная как институт предотвращения всеобщих войн, она превратилась в институт проведения в жизнь условий мирного договора. Ее замысел был подчинен материальной цели – обеспечить выплату репараций победителям. Члены Лиги [наций] обязуются в случае внешней агрессии уважать и гарантировать территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов лиги. В случае любой агрессии или угрозы агрессии Советом [Лиги] будут предложены средства выполнения этих обязательств.

Таким образом, можно выделить следующие особенности Версальско-Вашингтонской системы МО. Дискриминация положения побеждённых государств и Советской России. Так, Германия потеряла права на свои колонии, сильно ограничивалась во владении вооружёнными силами и подавлялась экономически через механизм репараций. Подобные условия были предусмотрены и для Турции и Болгарии, а Австро-Венгрия в целом прекратила существование. К тому же все побеждённые государства понесли значительные территориальные потери.

Побеждённые государства на определённое время были «исключены» из ряда системообразующих элементов и преобразованы исключительно в объекты влияния Версальской подсистемы. Советская Россия, формально не будучи побеждённой, оказалась на начальном этапе также исключённой. Формальным признанием этого факта со стороны России считается Рапалльский договор 1922 г. После заключения договора начинается широкая кооперация между Германией и Советской Россией, которая по своей сути была «блоком оскорбленных», то есть держав, которые больше всего хотели пересмотра статус-кво системы.

Значительное территориальное, политическое и экономическое (в разной степени для этих стран) развитие стран-победительниц дало им фактически право коллегиального изменения характеристик международной системы и формирования ее принципов. Другие победители (наподобие Италии) остались на втором плане. США после провала «14 пунктов» В. Вильсона взяли курс на изоляцию от международной политики в Европе, в то же время в качестве приоритетного средства внешней политики в этом регионе избрали экономический фактор. План Дауэса (1920 г.), а также план Юнга (1929 г.), продемонстрировали степень экономической зависимости стран Европы от США, которые стали на 1918 г. основным кредитором, будучи до начала войны должником европейских стран.

Образование ряда новых суверенных субъектов международных отношений в Европе, внешняя политика которых на более поздних этапах развития системы оказала значительное влияние на развитие кризисных процессов. Для Версальской системы характерна асинхронность в трансформационных процессах в двух основных подсистемах (европейской и дальневосточной), что в свою очередь привело к последующей дестабилизации системы, то есть системные изменения в одной из подсистем со временем вызвали новый всплеск трансформаций в другой. Специфический тип контроля данной системы можно охарактеризовать как эгалитарно-иерархичный. Тогда как в рамках системы существовала определенная иерархия средств и субъектов системного контроля, на практике основные элементы контроля были оформлены в эгалитарный способ (коллективная безопасность, Лига наций, международно-правовые соглашения универсального характера, и т. п.).

В Англии, как и в Соединенных Штатах, программа послевоенного устройства мира стала разрабатываться задолго до окончания войны. Основные ее положения наиболее ясно и четко были сформулированы в речи премьер-министра Ллойд Джорджа перед руководителями английских профсоюзов 5 января 1918 г.

Такие принципы, выдвинутые правительством Англии, как решение колониального вопроса с учетом «устремлений местного населения», создание международной организации по мирному урегулированию межгосударственных конфликтов, самоопределение российского народа («Россию может спасти только ее собственный народ»), практически все территориально-государственные постановления почти полностью совпадали с соответствующими пунктами «Программы мира» Вильсона.

Не случайно до настоящего времени в исторической литературе не утихают споры об авторстве того или иного принципа мирного урегулирования, включая идею учреждения Лиги наций. Истину установить крайне трудно, так как консультации между английским и американским правительствами об условиях послевоенной организации мира начались еще в 1917 г., сразу после вступления США в Первую мировую войну. Как бы там ни было, общность взглядов на целый ряд крупных внешнеполитических проблем могла стать основой для совместных действий англосаксонских держав по созданию новой системы международных отношений.

С другой стороны, и в самом тексте миротворческой программы Ллойд Джорджа, и в других его выступлениях отчетливо проявились серьезные расхождения с «14 пунктами» Вильсона. В плане английского премьер-министра ничего не говорилось об отмене тайной дипломатии. За этим скрывалось глухое раздражение и решительное неприятие этой популярной вильсоновской идеи. Причина вполне понятна: Англия, в отличие от США, традиционно была связана целой сетью секретных соглашений о разделе сфер влияния. Отказ от этих соглашений привел бы к подрыву международных позиций Великобритании. Как многоопытный политик и человек либеральных взглядов Ллойд Джордж осознавал необходимость осовременивания системы международных отношений. В частности, он активно поддерживал предложение Вильсона о создании Лиги наций, подчеркивая при этом ни его, а свой приоритет в выдвижении этого проекта.

Однако подходы английского премьера и американского президента и в данном пункте существенно отличались. Во-первых, различной была оценка роли и места Лиги наций в планах послевоенного устройства мира. Если у Вильсона проектируемая международная организация была стержнем всей его программы, то Ллойд Джордж особо не акцентировал на ней внимание, полагая, что ее деятельность должна сочетаться с традиционными методами внешней политики, в том числе и тайной дипломатией. Во-вторых, премьер-министр Англии видел в Лиге наций не высшую инстанцию, контролирующую и регулирующую международные процессы, а практический инструмент по сохранению и поддержанию сложившегося после войны статус-кво. И в первую очередь она должна была сохранить позиции Великобритании как ведущей державы-победительницы и Британскую империю в качестве основного рычага английского влияния на мировой арене. В-третьих, Ллойд Джордж отвергал притязания США на руководящую роль в миротворческой организации, считая, что она по праву принадлежит Англии.

В отличие от «14 пунктов» Вильсона в программе Ллойд Джорджа не упоминался принцип «свободы торговли» и «устранения таможенных барьеров». На

первый взгляд кажется удивительным, что Англия – пионер фритредерской политики – обходила молчанием столь близкую ей по духу инициативу. Объяснение кроется в том, что Великобритания после мировой войны окончательно уступила Соединенным Штатам первенство в промышленной и финансовой области, а вместе с ним и значительную часть дивидендов от «свободной торговли». Следует, однако, отметить, что Ллойд Джордж, надеясь на мощный экономический потенциал Англии – второй по значимости в мире – в целом поддерживал доктрину «открытых дверей» и «равных возможностей», но с одним важным ограничением: она не должна распространяться на Британскую колониальную империю. Неистовое сопротивление в английских политических и военных кругах вызвало вильсоновское положение о «свободе морей». Дело в том, что морская блокада являлась главным военным рычагом воздействия Англии на противников, и поэтому одобрение вышеозначенного пункта считалось равнозначным согласию на поражение в следующем военном конфликте.

Лидеры англосаксонских держав синхронно заявили о своем признании принципа «национального самоопределения». Разночтения проявились в трактовках этого принципа. Соединенные Штаты, не отягощенные колониальными владениями, легко и свободно декларировали необходимость освобождения чужих колоний. Англия как самая могущественная колониальная держава оговаривала процесс деколонизации многими условиями, главным из которых было достижение местным населением «достаточного уровня» политического и культурного развития. Причем решение вопроса, достигнут этот уровень или еще нет, возлагалось на страну-метрополию. Рассмотрение конкретных пунктов английской программы позволяет сделать следующее заключение о тех важнейших целях, которые преследовала Англия в строительстве послевоенного миропорядка.

1. В годы войны Англии с успехом удалось реализовать свои внешнеполитические планы. Основной ее соперник – Германия, была повержена как военно-морская и колониальная держава. Значительная часть германских колоний, а также территорий Османской империи, находились под контролем Великобритании и ее доминионов. Поэтому главная задача сводилась к тому, чтобы сохранить и юридически закрепить завоеванное. Решение этой задачи предполагало использование традиционной английской политики «баланса сил», которая в новых условиях включала в себя два взаимосвязанных направления.

Прежде всего, Англия исходила из необходимости поддержания европейского равновесия. Это означало создание такой расстановки сил на континенте, чтобы там существовали не одна, а, по крайней мере, две сильные державы, которые были бы в состоянии нейтрализовать друг друга. Только в этом случае Англия могла играть руководящую роль арбитра в урегулировании всех европейских проблем. Логика послевоенного развития определила политический курс Англии: не допускать чрезмерного усиления Франции и максимального ослабления Германии. Отсюда и известный лозунг английского правительства «не слишком сильная Франция» и «не слишком слабая Германия». В проведении подобной политики Англия искала и нашла поддержку со стороны США, придерживавшихся аналогич-

ных установок. Обе державы рассматривали Германию как противовес не только Франции, но и Советской России.

Вхождение в число великих мировых держав Соединенных Штатов и Японии придавало концепции баланса сил глобальный характер. Интересы сохранения благоприятного общемирового равновесия объясняли борьбу Англии с гегемонистскими устремлениями США. В этой борьбе английское правительство опиралось на активное содействие Франции, Японии и британских доминионов.

2. Сочетание двух элементов в политике «баланса сил» – европейского и общемирового – создавало серьезные трудности для деятельности английских дипломатов, которым приходилось поочередно и почти одновременно использовать поддержку США в противостоянии с Францией и поддержку Франции в противостоянии с США. В такой ситуации английские политики должны были проявить большое дипломатическое искусство.

3. Ллойд-Джордж, как и Вильсон, выступал, пусть с оговорками, за внедрение либеральных, цивилизованных норм в систему международных отношений, что было обусловлено кардинальными изменениями в послевоенном мире и прежде всего возникновением социалистической угрозы. За день до подписания Компьенского перемирия английский премьер декларировал: «Отныне главная опасность для нас не боши, а большевики».

Либерализация международных отношений, по мнению Ллойда Джорджа, должна была стать альтернативой большевизму. Что касается самой советской России, то отношение к ней со стороны Англии, точно также как и со стороны США, носило двойственный характер. С одной стороны, признание права русского народа на самоопределение и серия мирных предложений в адрес советско-большевистского режима, а с другой, – всесторонняя помощь белогвардейско-«демократическим» силам и участие в открытой антисоветской интервенции.

Планы Франции не получили столь детального оформления, как в США и Великобритании. Однако основные внешнеполитические цели были определены четко и недвусмысленно. Важнейшая стратегическая задача сводилась к установлению главенствующего положения Франции на европейском континенте. Эту задачу можно было решить, по твердому убеждению французских правительственных кругов, только за счет максимального ослабления Германии. «Разрушенная и ослабленная Германия» – так формулировалась центральная идея французской программы мирного урегулирования. Таково было главное условие снятия германской угрозы на десятилетия вперед, обеспечения безопасности Франции и достижения руководящих позиций в Европе. Открывая Парижскую мирную конференцию, президент Французской республики Раймон Пуанкаре заявил: «Господа, ровно 48 лет тому назад в Зеркальном зале Версальского дворца было провозглашено образование Германской империи. Сегодня мы собрались здесь, чтобы разрушить и отменить то, что было создано в тот день».

Именно поэтому план «разрушения Германии» стал единственным подробно разработанным разделом «Программы мира» Франции. Он предполагал реализацию следующих установок. Возвращение Франции Эльзаса и Восточной Лота-

рингии. Этот стратегически и экономически важный район являлся ареной франко-германской борьбы с 1648 г., когда Людовик XIV аннексировал его в соответствии с договором, подписанным в Мюнстере. С 1871 г. после поражения Франции во Франко-прусской войне эти области входили в состав Германской империи. Французская республика добилась восстановления своих прав на Эльзас и Лотарингию уже по условиям Компьенского перемирия, что и необходимо было юридически закрепить в мирном договоре с Германией.

Французские руководители выступили с лозунгом расчленения Германии на ряд мелких государств, т.е. возвращения ее к тому состоянию, которое германские земли занимали до 1871 г. В политических кругах Франции особо выделялась проблема западной границы Германии. По мнению французского правительства, она должна была проходить по Рейну. При этом на его правом берегу планировалось создание зависимой от Франции Рейнской республики. Маршал Фош называл проведение границы по Рейну «первейшей гарантией мира», а Ж. Клемансо – «целью всей своей жизни». Франция добивалась приобретения Саарской области в качестве компенсации за материальный ущерб, нанесенный Германией французской экономике. Подразумевалось, что владение саарскими угольными копями и лотарингской железной рудой значительно укрепит промышленную базу Франции.

И, наконец, французское правительство требовало взыскать с Германии огромные репарации. Называлась астрономическая сумма в 450–480 млрд золотых марок, что в 10 раз превышало размеры довоенного национального богатства Франции. Популярный среди французов лозунг «Немцы заплатят за все!» наполнялся, таким образом, реальным содержанием. Доля Франции в германских репарациях, по ее же мнению, должна была составить 56–58 %. В основе этого фантастического требования лежал вполне осознанный расчет: ослабить экономику Германии на долгие годы и не допустить ее экономического возрождения, во-первых; значительно улучшить за счет репарационных платежей экономическое положение Франции, во-вторых.

Вспомогательным средством осуществления стратегических целей стала французская политика «баланса сил». Она предполагала образование на восточных границах Германии военно-политического блока малых европейских государств под эгидой Франции (будущая Малая Антанта). Этот блок рассматривался французским правительством как противовес Германии, с одной стороны, и Советской России – с другой. Особые надежды в этой связи возлагались на Польшу как на традиционного и верного союзника Французской республики.

Не случаен тот помпезный прием, который оказали французы прибывшему на мирную конференцию премьер-министру Польской республики, одновременно музыканту и композитору Игнацы Падеревскому. Англичане иронично отметили: «О чем только думают эти поляки, прислав пианиста в качестве полномочного представителя?» Таким образом, правительство Франции, исходя из собственного понимания «баланса сил», стремилось организовать союз восточно-европейских стран, способных проводить профранцузскую политику на континенте.

Отношение Франции к попыткам США и Великобритании ввести либеральные начала в систему послевоенных международных отношений можно охарактеризовать как снисходительное и по большей части отрицательное. Ж. Клемансо, будучи ярким представителем старой дипломатической школы, считал все рассуждения о «новом, более справедливом мировом порядке» и сопутствовавшие им предложения «вредной утопией» и демагогией.

Центральная идея либералов о создании Лиги наций в принципе Клемансо не отвергалась, но при наличии двух существенных оговорок. Во-первых, проектируемая миротворческая организация, по убеждению французского премьер-министра, должна обладать силой, иначе ее деятельность будет неэффективной. Эту силу в первые послевоенные годы могла предоставить только Франция с ее миллионной сухопутной армией. Иначе говоря, только под французским руководством Лига наций могла превратиться из утопии в реально действующий орган. Во-вторых, Клемансо категорически отказывался признавать какую-либо связь между Лигой наций и решением колониального вопроса, учитывая, что Франция после войны претендовала на масштабное расширение своих колониальных владений. В краткой форме требования французского правительства можно сформулировать следующим образом: либо Лига наций будет содействовать укреплению международного положения Франции, утверждению ее руководящей роли в Европе, либо ей суждено остаться химерой, причудливой фантазией, не имеющей ничего общего с международными реалиями.

Другим примером негативного отношения Франции к либеральным изысканиям Англии и США стал ее подход к советской проблеме. Клемансо, в отличие от Ллойда Джорджа и Вильсона, выдвинул не либеральную, а консервативную альтернативу социалистической угрозе. Он был решительным противником каких-либо переговоров с большевиками, одним из инициаторов крестового антисоветского похода. Такая позиция во многом объяснялась огромными финансовыми потерями, понесенными Францией от социалистических преобразований в России.

В послевоенных планах двух других держав-победительниц – Италии и Японии – затрагивались не общемировые, а региональные проблемы. Италия стремилась добиться международно-правового оформления территориальных приобретений на Адриатике, что значительно укрепляло ее позиции в Средиземном море. Итальянское правительство, обосновывая свои требования, ссылалось на текст секретного Лондонского договора со странами Антанты от 26 апреля 1915 г. По этому договору в обмен на вступление Италии в войну предполагалось передать ей Южный Тироль, всю Истрию, Адриатическое побережье Австро-Венгрии с портом Фиуме и ряд других территорий.

Однако полностью реализовать свои собственные программные установки для Италии было крайне затруднительно по причине очевидной слабости и неустойчивости ее международного положения. Не случайно в политических карикатурах тех лет Италию чаще всего изображали в виде шакала на пиру у крупных хищников, а один из обозревателей язвительно отметил, что она соединяла «честолюбие и притязания великой державы с методами малой».

Главная внешнеполитическая задача Японии состояла в том, чтобы сохранить и юридически закрепить все приобретенное в годы войны, а именно: захваченные у Германии тихоокеанские острова, оккупированную китайскую провинцию Шаньдун, «особые права» и привилегии в Китае, обозначенные в «21 требовании».

Наиболее серьезным оппонентом Японии были Соединенные Штаты, выступавшие против нового раздела мира на сферы влияния, за политику «открытых дверей» и за признание территориальной целостности и независимости Китая. Японское правительство надеялось преодолеть сопротивление США при помощи Англии, с которой было связано союзным договором от 13 июля 1911 г. К тому же Япония имела правовое обоснование «справедливости» своих притязаний, содержащееся в секретных соглашениях 1917 г. со странами Антанты. Это обеспечивало ей поддержку не только со стороны Англии, но и Франции.

Сравнительный анализ общих программ и конкретных планов держав-победительниц показывает, что сходство позиций и общность интересов не могли заслонить принципиальных разногласий и глубоких противоречий. Это и предопределило острую борьбу ведущих держав на Парижской мирной конференции практически по всем вопросам послевоенного устройства мира.

Как считает подавляющее большинство исследователей, конфликт интересов европейских государств неизбежно усиливал кризисную ситуацию и неизбежно вел к слому Версальской системы. Пожалуй, единственным исключением является вопрос о том, когда кризисные тенденции в ее развитии приобрели необратимый характер, а сам кризис перешел в фазу распада. По существу, за этими спорами кроется отнюдь не академическое стремление снять с той или другой стороны ответственность за близорукие, а подчас и преднамеренные действия, вылившиеся в колоссальную катастрофу, унесшую жизни десятков миллионов людей, повлекшую невиданные разрушения, массовые преступления против гражданского населения, геноцид целых народов. В этом заключается идейно-политическая подоплека спора.

В чисто научном плане важно понять, с какого момента великие державы потеряли возможность управлять ходом событий на международной арене. Есть несколько версий ответа на этот вопрос. Советские историографы традиционно полагали, что с момента прихода Гитлера к власти в Германии в 1933 г. угроза войны стала неизбежной, ибо новый лидер рейха открыто заявлял, что важнейшая его задача – уничтожить несправедливую Версальско-Вашингтонскую систему и установить в мире «новый порядок». Иными словами, одна из великих держав сознательно встала на путь демонтажа существовавшей тогда системы международных отношений.

Это действительно дает основание принципиально ставить вопрос о начале фазы распада системы. Но при этом часто упускают из виду тот факт, что «во внешнеполитических планах национал-социалистов были четко определены тактические и стратегические цели, временная последовательность и методы их достижения». Их стратегические цели действительно предусматривали полный демонтаж Версальско-Вашингтонской системы. Однако Гитлер прекрасно понимал,

что двигаться к ним надо очень осторожно, и, главное, постепенно, а не одним движением. Поэтому на первых порах действия Третьего рейха хотя и вносили дестабилизирующие моменты в функционирование системного механизма, но вряд ли имели фатальный характер.

Кроме того, в эту общую схему развития международных отношений не вписывается или вписывается с большой натяжкой целый ряд конкретных событий тех лет. Например, наметившееся в середине 30-х гг. советско-французское сближение в случае своего развития вполне могло бы превратиться в серьезный консолидирующий фактор. Даже в тех скромных пределах, какие были отмечены на практике, это событие явно не вписывается в версию прямолинейного нарастания кризиса системы. Не следует сбрасывать со счетов отдельные, пусть робкие и непоследовательные, акции Лондона и Вашингтона, а также деятельность Лиги наций, которые тормозили нарастание эрозийных тенденций в организме данной модели международных отношений.

Ряд исследователей полагает, что, несмотря на изначальное стремление национал-социалистов как можно быстрее уничтожить Версальско-Вашингтонскую систему, вплоть до 1937 г., а возможно, и до мюнхенскогоговора, у Германии не было реальных возможностей, чтобы осуществить эти планы. Только к 1937–1938 гг. дестабилизирующие тенденции набрали такой размах, что распад системы стал неизбежным.

У каждой из этих точек зрения есть свои сильные и слабые стороны. Вероятно, реальная, чрезвычайно динамичная и противоречивая международная обстановка 30-х гг. оказалась сложнее абстрактных схем, и между фазами кризиса и распада трудно провести жесткую разграничительную линию. Важно не столько то, когда кризис модели перерос в ее распад, а то, что этот распад принял необратимый характер и повлек за собой военный конфликт невиданной разрушительной силы.

В период Второй мировой войны произошла уникальная по своим масштабам и последствиям перегруппировка сил на международной арене. «Державы оси» (Германия, Япония, Италия), инспирировавшие войну, были полностью разбиты и временно утратили свой суверенитет. В результате образовался вакуум силы. Его, по логике вещей, должны были заполнить державы-победительницы. Однако Англия и Франция хотя и входили в их число, оказались настолько ослаблены войной, перед ними стояло такое большое число сложнейших внутривнутриполитических проблем, что они были не в состоянии нести бремя лидерства. В Китае вскоре после окончания Второй мировой войны вспыхнул новый раунд гражданской войны. Только два государства – США и СССР – к концу войны обладали достаточным потенциалом для того, чтобы взять в свои руки дело послевоенного урегулирования и конструирования новой модели международных отношений. По уровню своей совокупной мощи эти две страны на много порядков превосходили своих партнеров по антигитлеровской коалиции. Уже в ходе войны они вышли не просто на роль лидеров, но обрели статус сверхдержав.

Необходимо заметить, что первые американские проекты послевоенного мирового устройства появились еще до вступления США в войну (11 декабря 1941 г.)

и предполагали совместное с Великобританией управление международными экономическими и политическими процессами (концепция «большого пространства»). Однако победы Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге убедили Вашингтон в том, что после войны Советский Союз станет настолько влиятельной силой, что игнорировать его, как в межвоенный период, будет просто невозможно. К началу Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. главное место в американском планировании заняла концепция «четырех полицейских». В сжатом виде контуры ее были чрезвычайно просты: великие державы – США, Англия, СССР, Китай – должны были выступать в роли «полицейских», «гарантов» сохранения всеобщего мира, колониальные империи – расформироваться, а остальные страны – разоружиться. Для достижения данных целей предполагалось создать международную организацию, куда вошли бы все миролюбивые государства, а реальное руководство было сосредоточено в руках «полицейских». В результате этот проект с некоторыми изменениями нашел воплощение в Организации Объединенных Наций, ключевым органом которой стал Совет Безопасности с пятью постоянными членами (к четырем перечисленным державам добавили Францию), обладавшими правом вето.

Первостепенную роль в удержании партнеров от искушения пересмотреть положение в «большой четверке» и бросить вызов США в Вашингтоне отводили экономическим факторам. В Белом доме хорошо помнили о том, чем обернулась неурегулированность хозяйственных вопросов после Первой мировой войны, и не желали повторять ошибок творцов Версальского мира.

По замыслу вашингтонских стратегов экономический каркас послевоенного мирового устройства должны были составить международная валютно-финансовая система и либеральный режим торговли. Кроме того, предполагалось радикальное изменение сложившейся структуры мирохозяйственных связей путем разрушения колониальной периферии европейских держав, создания новых промышленных центров (южноамериканские страны и Китай) и деиндустриализации традиционных, прежде всего Германии («план Моргентау»), при параллельном всемерном укреплении и расширении индустриальной мощи Америки. К решению намеченных задач приступили, не дожидаясь окончания боевых действий на фронтах Второй мировой войны.

Одним из важнейших шагов по пути осуществления намеченных мер стало подписание в июле 1944 г. на международной конференции в г. Бреттон-Вудсе (США) соглашений, заложивших параметры новой валютно-финансовой системы. Важнейшими среди них стали признание американского доллара в качестве основного международного платежного средства и введение твердых паритетов и курсов. США обязались свободно продавать золото на доллары другим странам. Последние в свою очередь признавали их валюту конвертируемой и соглашались обменивать ее на золото на тех же условиях. Следовательно, валюты стран-участниц должны были иметь фиксированный золотой паритет, а так как отношение доллара к золоту являлось константой, то паритет других валют стал выражаться как отношение к доллару, благодаря чему американская валюта превратилась в

своего рода заменитель золота. Американцы контролировали и созданные тогда же для обеспечения функционирования нового механизма институты – Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР). Участвовавший в конференции СССР подписал Бреттонвудские соглашения, но впоследствии отказался от их ратификации. Несмотря на все усилия США, большего в военный период им сделать не удалось.

Ключевое значение для реализации американских планов имело плавное преодоление переходного периода от состояния войны к мирной жизни, что в первую очередь предполагало наличие определенной стабильности в мире и сохранение известного контроля со стороны США над происходящими событиями. Однако послевоенная международная ситуация мало соответствовала той, которую представляли себе в Вашингтоне в военные годы. После войны заметно «полевел» политический спектр Европы. Во Франции и Италии коммунисты стали самой организованной силой, вполне способной взять власть в свои руки. Революционные процессы охватили Азию. Антияпонское восстание в Индокитае окончилось провозглашением 2 сентября 1945 г. Демократической Республики Вьетнам. В 1946 г. возобновилась гражданская война в Китае. Движение за независимость развернулось на Филиппинах, в Индии, Бирме, Индонезии, Сирии, Ливане, Палестине. Несмотря на громадные потери в годы Великой Отечественной войны, Советский Союз не только не ослаб, но в военно-политическом отношении даже усилился. Его войска стояли на Эльбе, под его властью оказалась Восточная Европа, а его авторитет в мире был непререкаем.

Иными словами, к окончанию войны, по сути дела, только две страны США и СССР стали обладать ключевыми позициями при решении проблем, связанных со становлением новой модели международных отношений. С одной стороны, это вроде бы упрощало проблему, ибо двум участникам процесса формирования новой модели, на первый взгляд, легче найти общий язык, чем пяти или шести участникам. Однако в реальной действительности все обстояло иначе. СССР и США абсолютно по-разному представляли себе послевоенный мир. Их системы ценностей и реальные геополитические интересы были диаметрально противоположны. В результате сотрудничество военных лет очень быстро сменилось жестким противостоянием двух гигантов, в которое оказался втянутым весь мир. Началась «холодная война», в ходе которой произошла институционализация биполярной модели международных отношений, где особую роль играли две сверхдержавы.

Эта модель просуществовала до 1991 г., когда распался Советский Союз, выполнявший в ней функцию одного из двух примерно равновеликих центров силы, конфликтное взаимодействие которых поддерживало стабильность системы.

Учебно-методическая литература

Основная

Системная история международных отношений: В 2 т. Т. 1. События 1918–1945 гг. / Под ред. А.Д. Богатунова. М.: Культурная революция, 2007.

Основы общей теории международных отношений: Учебное пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития / МГИМО; МИД РФ. М., 1995.

Документы международных отношений и внешней политики СССР (1917–1945) / Сост. И.А. Ахтамзян; МГИМО; МИД РФ. М., 1996.

Дополнительная

Версальский мирный договор. Итоги империалистической войны, серия мирных договоров / Пер. с фр. Ю.Н. Ключникова, А.Сабанина. М.: Литиздат, 1925.

Ллойд Дж.Д. Правда о мирных договорах. М.: Иностран. лит., 1957. Т. 1–2.

Европа между миром и войной. М.: Наука, 1992.

Илюхина Р.М. Лига наций. 1919–1934. М.: Наука, 1982. Гл. 1.

История дипломатии. М.: Политиздат, 1965. Т. 3.

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 193–218.

Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М.: Междунар. отнош., 1989. Гл. 9.

Шаццлло В.К. Президент В. Вильсон: от посредничества к войне // Новая и новейшая история. 1993. № 6.

Elcock H. Portrait of a Decision // The Council of Four and the Treaty of Versailles. L.: Eyre Methuen, 1972.

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict From 1500 to 2000. N.-Y.: Random House, 1987. Ch. 6.

Keylor W.R. The Twentieth-Century World. An International History. N.-Y.; Oxford: Oxford University Press, 1992. Ch. 2.

Lansing R. The Peace Negotiations: A Personal Narrative. Boston; N.-Y., 1921.

Sharp A. The Versailles Settlement: Peacemaking in 1919. L., 1991.

Kennan G.F. Soviet Foreign Policy, 1917–1941. Westport; Connecticut: Greenwood Press, 1960.

Shirer W.L. The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. N.-Y.: Simon and Schuster, 1960.

Watt D.C. How War Came. The Immediate Origins of the Second World War, 1938–1939. N.-Y.: Pantheon Books, 1989.

Weinberg G.L. Germany and the Soviet Union, 1939–1941. Leiden: E.J.Brill, 1954.

Тема 20. Ялтинско-Потсдамская (биполярная) модель системы международных отношений («старый мировой порядок»)

1. Линия на конфронтацию и «холодная война».
2. Характерные особенности биполярного миропорядка.
3. Крах биполярной системы мироустройства.

В литературе отмечается, что название «Ялтинско-Потсдамская система международных отношений (МО)» весьма условно¹. Конференции «большой тройки» (лидеров СССР, США и Великобритании) в Ялте (4–11 февраля 1945 г.) и в Потсдаме (17 июля – 2 августа 1945 г.) лишь наметили общие контуры послевоенного устройства. Содержание терминов «биполярная модель международных отношений» и «старый мировой порядок» передает суть и характер сложившейся в мире ситуации между 1945 и 1991 гг. Правда, выражение «старый мировой порядок» чаще всего употребляется для противопоставления «новому мировому порядку».

Ялтинско-Потсдамская система МО базировалась на новом соотношении сил, сложившемся в результате Второй мировой войны. Эта система возникла в результате полного разгрома «держав Оси» (Германии-Италии-Японии) и их безоговорочной капитуляции перед странами антигитлеровской коалиции. Впервые в истории военный разгром врага был дополнен и признанием на правовом уровне преступного характера правящих в «державках Оси» режимов.

Таким образом, победа над врагом, мечтавшем о кардинальном переустройстве мира, приобретала абсолютный характер, что давало победителям полное моральное право на осуществление своего диктата при конструировании послевоенного мира. Никто другой на это претендовать не мог.

Эта исходная посылка накладывала заметный отпечаток на весь процесс становления новой модели международных отношений. Пожалуй, никогда ранее державы-победительницы не уделяли такого внимания проработке вопроса о будущих принципах организации мирового сообщества. Реальный ход событий по мере приближения к окончанию войны демонстрировал, что в стане победителей

---

¹ См. напр.: Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития / МГИМО; МИД РФ. М., 1995; Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. Системная история международных отношений: В 2 т. Т. 2. События 1945–2003 гг. / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Культурная революция, 2007; Основы общей теории междунар. отнош.: Учеб. пособ. / Под ред. А.С.Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

только две страны – СССР и США – обладают достаточным потенциалом для того, чтобы рассчитывать на воплощение в жизнь своих планов.

В данном контексте наиболее характерным было усиление международных позиций США и СССР. Франция переживала экономические и политические трудности и не могла более претендовать на ту ведущую роль, которую она играла до Второй мировой войны. Даже Великобритания, как это вскоре выявилось, вышла из войны ослабленной в финансовом и экономическом отношении, утратившей прочность и устойчивость своей империи.

Определяющее влияние СССР и США на всю Ялтинско-Потсдамскую систему МО придавало ей биполярный характер. Позднее СССР и США стали называть двумя сверхдержавами послевоенного мира. Они являлись гарантами новой системы МО.

Наверное, это должно было бы облегчить поиски взаимоприемлемых вариантов решения ключевых вопросов послевоенного урегулирования, но практически все было иначе. Существовал ряд серьезных факторов, ставивших под сомнение перспективы послевоенного сотрудничества СССР и США. Во-первых, видение базовых характеристик послевоенного мира у США и СССР носило во многом взаимоисключающий характер. Во-вторых, оба эти гиганта обладали примерно равной мощью. В-третьих, немалое значение имела особенность политической культуры этих стран, заключающаяся во всемерном акцентировании особой роли своей цивилизации в мировой истории. В такой ситуации любой компромисс с недавним партнером представлялся правящей элите этих стран, как проявление слабости, ведущей к ущемлению собственных государственных интересов. Можно согласиться с мнением известного американского исследователя Р. Уолтона, считавшего, что, учитывая фундаментальные различия между США и СССР, серьезный конфликт их друг с другом представлялся практически неизбежным.

Все это привело к формированию парадоксального положения: с одной стороны, была очевидна необходимость взаимодействия двух мощнейших держав мира в деле создания новой модели международных отношений, с другой – практически любой вопрос, касающийся будущего устройства мирового сообщества, стимулировал конфликт в советско-американских отношениях.

Таким образом, уже в первые послевоенные годы в процессе становления новой модели международных отношений происходило зарождение особого типа взаимоотношений между двумя основными центрами силы – «конфликтного взаимодействия», ставшего стержнем, вокруг которого вращалась вся совокупность межгосударственных связей. Конфликтное взаимодействие оказалось весьма устойчивой формой сосуществования двух сверхдержав. В нем довольно удачно сочетались необходимые для любой системы альтернативность и согласие в поведении ведущих элементов системы, что придавало ей одновременно и определенный динамизм, и известную стабильность.

Другое дело, что в каждый данный момент соотношение конфликтности и согласия между СССР и США было различным, так же, как различным был удельный вес составляющих этого конфликтного взаимодействия. Отсюда подчас и диаме-

трально противоположные оценки биполярной системы. Для одних специалистов (М. Каплан, Р. Розенкранц, П. Четтерджи и др.) она представлялась почти эталоном устойчивости и стабильности; для других (Д. Бартон, У. Леви, Ф. Шуман) она ассоциировалась, прежде всего, с пресловутой даллесовской политикой «балансирования на грани войны». Это различное отношение сущности процессов, разворачивавшихся в организме биполярной системы, вытекает из того, что при анализе механизма ее функционирования акцент делается на какую-то одну составляющую, а не на всю совокупность факторов, влияющих на развитие данной модели.

Как известно, каждое государство, прежде всего, заботится о сохранении и укреплении своего суверенитета и поддержании на должном уровне собственной безопасности. Разрушительные последствия войны еще больше укрепили веру практически всех государственных деятелей в актуальности этой задачи. Очевидно, что уровень безопасности напрямую связан со степенью мощи государства. А потому и советские, и американские лидеры уделяли первостепенное внимание вопросам наращивания мощи своих стран. Проблема, однако, заключается в том, что понятие «мощь» включало в себя в середине XX в. множество самых различных компонентов, в силу чего серьезно затруднялось сопоставление уровней мощи государств.

Следует отметить, что составляющие понятия «мощь» у СССР и США традиционно были далеко не одинаковыми. Эта естественная асимметрия представлялась лидерам сверхдержав как опасное отставание от своего потенциального противника и подстегивала их желание компенсировать его достижением преимуществ в других областях. Отсюда вытекала первая исходная предпосылка будущего стремления к взаимному сдерживанию, которое воплощалось в глобальном противостоянии сверхдержав.

Вторая предпосылка подобного модуса их взаимоотношений порождалась крупными различиями в геополитических интересах сверхдержав. Для Советского Союза, как и для Российской империи, традиционно одной из важнейших задач в сфере внешней политики являлось укрепление безопасности своих западных границ, ибо именно с Запада на протяжении многих веков исходила главная угроза интересам нашего государства. Со времен Петра I государственные деятели России пытались решить ее за счет выхода на некие «естественные границы». Однако найти их оптимальный вариант никак не удавалось. В результате каждое изменение наших западных границ, скорее, создавало новые трудности, чем решало эту базовую проблему. Долгий и не особенно удачный опыт побудил И.В. Сталина искать иной подход к этому актуальному и крайне сложному вопросу. Используя специфику первых послевоенных лет, он смог в короткий срок создать в Восточной Европе группу лояльных по отношению к нашей стране государств, игравших роль своеобразного буфера между СССР и Западом.

Согласно Ялтинским и Потсдамским договоренностям США признавали Восточную Европу зоной особых интересов СССР, весьма решительные действия советского руководства в этом регионе воспринимались в Вашингтоне как угроза всей западной цивилизации. Отсюда стремление установить свой военно-поли-

тический контроль над Западной Европой, образовав из государств этого региона мощный противовес советскому влиянию, и компенсировать рост мощи СССР за счет создания по всему периметру его границ дружественных США режимов. Очевидно, что советское руководство не могло пассивно наблюдать за этими действиями США.

Оно усиленно искало контрходы, способные нейтрализовать быстрое укрепление геополитических позиций США. После войны в странах Азии, на Ближнем Востоке, в Северной Африке наблюдался бурный рост национально-освободительного движения, антизападного в своей основе. И это, казалось, давало Москве шанс переломить общую ситуацию в свою пользу. Победа революции в Китае в 1949 г. свидетельствовала в пользу подобного сценария развития событий. Теперь уже руководство Соединенных Штатов срочно вырабатывало меры, способные нивелировать резонанс от победы революции в Китае. Но эти попытки в свою очередь воспринимались советским руководством, как очередное звено в общей цепи мероприятий, направленных на создание «враждебного окружения» вокруг СССР, иначе говоря, на ущемление его безопасности и ослабление геополитических позиций. Получался своеобразный замкнутый круг: любое действие одной сверхдержавы рассматривалось, как наносящее ущерб геополитическим интересам другой и порождало с ее стороны ответные шаги, которые воспринимались как угроза жизненным интересам первой.

Действительно, очень быстро сложилась парадоксальная ситуация. В ходе войны и США и СССР в целом согласованно стремились к формированию принципиально иного, по сравнению с довоенным, геополитического ландшафта, рассчитывая договориться о совместном управлении послевоенным миром. Однако как только новые геополитические реальности начинали воплощаться в жизнь, они немедленно становились источником перманентного конфликта. По замечанию А. Д. Богатурова, «идея порядка, основанного на сговоре, сменилась презумпцией возможности сохранить достигнутое соотношение позиций и одновременно обеспечить себе свободу действий. Практически свободы действий не было и быть не могло: СССР и США боялись друг друга»¹.

Этот тезис иллюстрирует история формирования противостоящих друг другу военно-политических блоков. Уже полвека в научной литературе идет жесткий спор между теми, кто стремится доказать, что, пойдя на создание в 1949 г. НАТО, американцы умышленно стимулировали накал «холодной войны», и теми, кто утверждает, что с их стороны это была вынужденная мера, вызванная «агрессивной политикой» СССР. Думается, подобная дискуссия бесперспективна. Можно согласиться с мнением авторитетного исследователя М. Каплана, считавшего, что «образование НАТО было одновременно причиной и следствием процесса становления биполярной системы». Действительно, создание блоков было неизбежным следствием биполяризации мира, и в то же время они, безусловно, способствовали его институционализации. По существу, в тех условиях не могло быть

---

¹ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 121.

иной модели поведения сверхдержав, как взаимное сдерживание, а система блоков стала оптимальной формой реализации этой установки.

Появление среди элементов системы новой категории – супердержав – повлекло за собой дальнейшее усложнение понятия «государственные интересы». По логике вещей, если на две сверхдержавы ложится некая особая ответственность за развитие событий в мире, то и их интересы приобретают в таком случае глобальную окраску. В результате заметно расширялась зона их военно-политических интересов, в нее попадали практически все районы земного шара, а это автоматически резко увеличивало поле «конфликтного взаимодействия» и, следовательно, увеличивало вероятность возникновения локальных конфликтов. Кроме того, заметно возросло и усложнилось понимание того, что есть «идеологический фактор». Биполярность мирового сообщества в немалой степени обуславливалась господством постулата о том, что в мире якобы существуют только две альтернативные модели общественного развития: советская и американская. При этом каждая из сторон стремилась любым способом представить в наилучшем виде свою систему ценностей и максимально очернить систему ценностей своего противника. Данная задача выдвигалась в число приоритетных во внешнеполитической деятельности обеих сверхдержав, что в свою очередь вело к заметному усложнению соперничества в этой сфере, появлению новых разновидностей идеологической борьбы.

Создание ракетно-ядерного оружия кардинально изменило всю систему принятия внешнеполитических решений и в корне перевернуло представления о характере военной стратегии. Разграничительные линии между этими двумя сферами деятельности государства почти стерлись. Характер и содержание понятия «государственные интересы» стали в огромной степени зависеть от уровня научно-технического потенциала страны. И, наконец, большое влияние на концепцию государственных интересов двух сверхдержав оказали поистине тектонические изменения в общей геополитической ситуации в мире, вызванные итогами Второй мировой войны.

В СССР и особенно в США еще в годы войны активно размышляли о месте своих стран в послевоенном мире и, следовательно, о задачах своей внешней политики, обе державы оказались во многом не готовы к восприятию в полном объеме той роли, которая выпала им в новом, послевоенном мире. Можно привести немало примеров, подтверждающих этот тезис. Так, в начале 1940-х гг. в США вышел в свет знаменитый бестселлер Г. Люса «Американский век», где в радужных тонах рисовалась картина будущего мирового порядка, в котором США абсолютно безапелляционно отводилась роль безусловного лидера. Однако американское руководство уже в 1944–1945 гг. стало сталкиваться с проблемами, механизм решения которых был неясен.

Как, например, поступить с побежденной Германией, в какой мере следовало после войны продолжать помощь партнерам по антигитлеровской коалиции, как относиться к различным сегментам Сопротивления, на кого сделать ставку? Сама жизнь требовала от американского руководства ответа на эти вопросы. Но каким

он должен быть? Достаточно вспомнить пресловутый «план Morgентау», принятие которого означало бы, по существу, уничтожение Германии, или то, с какой жесткой оппозицией столкнулось в конгрессе США предложение о предоставлении займа Великобритании для восстановления ее экономики, или то, как американцы недооценили генерала Ш. де Голля, чтобы понять – правящая элита США не имела четкого представления о том, как конкретно реагировать на новые проблемы. Неудивительно, что в эти годы в США шла острейшая партийно-политическая борьба по вопросам выработки новых императивов, которыми следовало руководствоваться при формировании внешнеполитического курса.

Не менее сложные проблемы встали и перед советским руководством: как строить отношения с различными социально-политическими силами на тех территориях, где находились советские войска, как реагировать на те или иные группировки в стремительно набравшем размах национально-освободительном движении, как относиться к претензиям некоторых западных компартий на власть, какие регионы в новой ситуации попадают в сферу государственных интересов СССР? У нас, правда, полемика по этим вопросам носила преимущественно закрытый характер, но от этого она не становилась менее острой. И так же, как и в случае с американским истеблишментом, жизнь ежедневно вносила серьезные коррективы в представления советского руководства о характере государственных интересов СССР в новых условиях.

Значительное место в истории международных отношений второй половины XX в. занимает период, известный как «холодная война». Считается, что начало «холодной войны» было инициировано выступлением У. Черчилля в г. Фултоне (США) 5 марта 1946 г. Термин «холодная война» был введен им же во время этой речи. Уже не являясь лидером своей страны, Черчилль оставался одним из самых влиятельных политиков мира. В своем выступлении он констатировал, что Европа оказалась разделенной «железным занавесом» и призвал не повторять прошлых ошибок, а последовательно отстаивать ценности свободы, демократии и «христианской цивилизации» против тоталитаризма, для чего необходимо обеспечить тесное единение и сплочение англосаксонских наций. Неделями позже И. В. Сталин в интервью «Правде» поставил Черчилля в один ряд с Гитлером и заявил, что в своей речи тот призвал Запад к войне с СССР. На самом же деле война двух систем, двух идеологий не прекращалась с 1917 г., однако, оформилась как вполне осознанное противостояние именно после Второй мировой войны.

Почему Вторая мировая война, по существу, стала колыбелью «холодной войны»? Существуют три основные школы, исследующие проблему возникновения антагонизма между США и СССР после Второй мировой войны. Представителей основных школ часто называют *традиционалистами* (Герберт Фейс, Уильям Макнейл, Артур М. Шлезингер-мл.), *ревизионистами* (Уильям Эплмэн Уильямс, Габриэль Колько, Ллойд Гарднер) и *постревизионистами* (Джон Гэддис, Дэниель Йерген, Джордж Херринг). Традиционалисты считают, что главную ответственность за «холодную войну» несет Советский Союз. Ревизионисты же возлагают ответственность на США, а постревизионисты либо не заостряют внимания на этом вопросе,

либо в большей степени, чем это делают две другие школы, подчеркивают обоюдную вину США и СССР.

Ответ на вопрос о виновности тесно связан с анализом того, какая из сторон проявляла наибольшую активность в первые годы после окончания Второй мировой войны. По мнению традиционалистов, политику США можно характеризовать как пассивную. Вашингтон делал акцент на международном сотрудничестве по линии таких структур, как ООН, и в определенной степени пытался содействовать переговорам между двумя основными антагонистами – Великобританией и Советским Союзом. Демобилизация вооруженных сил шла быстрым темпом. Лишь в 1947 г. Вашингтон изменил курс, и то в качестве реакции на советскую экспансию в Восточной Европе. Поворотными пунктами стали доктрина Трумэна и план Маршалла.

Ревизионисты рисуют совершенно иную картину. Еще до окончания войны США стремились ограничить во всем мире влияние Советского Союза и левых сил. У Соединенных Штатов были столь всеобъемлющие цели, что они вошли в конфликт даже с Великобританией. Для достижения своих целей американцы использовали целый ряд различных рычагов – от атомной бомбы до займов и других форм экономической помощи. Считалось, что СССР занимал оборонительные позиции. Советская политика в Восточной Европе была в основном реакцией на американские амбиции в этом регионе.

Постревизионисты солидаризируются с ревизионистами в том, что основные элементы политики США сложились еще до провозглашения доктрины Трумэна и плана Маршалла. Они также разделяют точку зрения, что Соединенные Штаты использовали различные способы для осуществления своих интересов. Однако, по их мнению, ревизионисты довольно опрометчиво полагают, будто эти действия мотивировались антисоветскими соображениями. Они также отвергают мысль о том, что советскую политику в Восточной Европе следует рассматривать как реакцию на амбиции США.

Мотивации политики США, по оценкам традиционалистов, – необходимость защищать свои собственные и западноевропейские законные интересы перед лицом экспансии Советского Союза. Эти интересы в области безопасности совпадают с защитой демократических прав. Однако ревизионисты считают, что политика США определяется в первую очередь потребностями развития капитализма и постулатами антикоммунизма. Постревизионисты полагают, что эти мотивации играют свою роль. Они также учитывают здесь целый ряд дополнительных факторов, как, например, роль общественного мнения, Конгресса США и различных групп давления. Постревизионисты, в отличие от ревизионистов, считают экономические соображения менее важными. С другой стороны, они не согласны с традиционалистами, почти полностью отвергающими эти мотивации в политике США.

В оценке мотиваций советской политики различные школы не отличаются друг от друга в такой степени, как в отношении политики Соединенных Штатов. У традиционалистов просматривается, однако, тенденция, согласно которой советская политика мотивируется соображениями идеологии и экспансии, в то время

как ревизионисты делают больший акцент на необходимости для Советского Союза поддерживать свою безопасность. Постревизионисты стоят на позициях плюрализма, подчеркивая, что одно объяснение не исключает другого. В советской историографии считалось общепризнанным, что «холодную войну» развязали США и их союзники, а СССР был вынужден принимать ответные, чаще всего адекватные меры¹. Но в самом конце 80-х и 90-е годы в освещении «холодной войны» обнаружились и иные подходы. Одни авторы стали утверждать, что нельзя определить ее хронологические рамки и установить, кто ее начал. Другие называют виновниками возникновения «холодной войны» обе стороны – США и СССР. Некоторые обвиняют Советский Союз во внешнеполитических ошибках, приведших если не к прямому развязыванию, то к расширению, обострению и длительному продолжению противостояния двух держав.

Некоторые исследователи у нас и за рубежом считают, что в истории «холодной войны» можно выделить три этапа.

I этап охватывает 1945–1948 гг.;

II – 1948–1962 гг.;

III – 1962–1969 гг.

С этой периодизацией, пожалуй, можно согласиться, однако, по мнению некоторых авторов, «холодная война», хотя и в значительно ослабленном виде, существовала до 80-х годов XX в.²

В литературе существует различные определения «холодной войны». Но большинство исследователей сходится в том, что она означала политическую, идеологическую, экономическую и локальную военную конфронтацию двух антагонистических систем – капиталистической и социалистической (а в рамках этих систем, прежде всего США и СССР), в состоянии которой они пребывали все послевоенные десятилетия вплоть до исхода 80-х годов и которая по ряду причин, к счастью, не переросла в третью мировую войну³.

В период «холодной войны» были сформированы многие реалии, которые оказывают существенное влияние и на современные процессы международной безопасности. Это касается созданных в те годы комплексов вооружений, системы договоров о контроле над вооружениями, логики противостояния в ядерную эру, влияния на безопасность в различных регионах мира и ряда других факторов. Кроме того, понимание феномена «холодной войны» и ее составляющих позволяет контрастнее выявить новизну современного состояния международной безопасности.

«Холодная война» стала резким противоборством двух систем на мировой арене. Она охватывает период, начавшийся вскоре после окончания Второй ми-

---

¹ См. об этом: *Филитов А.М.* Холодная война. Историографическая дискуссия на Западе. М., 1991.

² *Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С.* История международных отношений и внешней политики России (1648–2005). М., 2006, С. 281.

³ См.: Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое чтение / Под ред. Л.Н. Нежинского. М., 1995. С. 5.

ровой войны с распадом антигитлеровской коалиции и образованием двух противостоящих друг другу военно-политических блоков – НАТО и Организации Варшавского Договора и закончившийся распадом ОВД, а затем и СССР (около 1946–1991 гг.).

Особую остроту «холодная война» приобрела в конце 40–60-х гг. Иногда острота настолько спадала, а затем вновь усиливалась. «Холодная война» охватила все сферы международных отношений: политическую, экономическую, военную и идеологическую. Это противостояние не подразумевает под собой войну в ее классическом проявлении. «Холодная война» не была войной двух сильнейших мировых армий с использованием миллионов солдат и сверхоружия. «Холодная война», в первую очередь, была войной идей, разума, изобретательности и человеческой психики. Многие люди не осознают этого, но именно «холодная война» вывела человечество на новый уровень развития. Именно благодаря космической гонке в 1961 г. человек впервые оказался в космосе, а в 1969 г. – на Луне. Многие изобретения, которые изначально разрабатывались для войны, были введены в повседневный быт человека.

«Холодная война» стала одновременно апогеем всей предшествовавшей эволюции института войны и началом его разложения. Это был период беспрецедентной по своим масштабам подготовки к самой разрушительной войне в истории человечества, но он же стал доказательством иррациональности войны, в которой не могло быть победителя. Отрицание мира в самом концентрированном виде привело к отрицанию войны. В этом, пожалуй, самое главное противоречие «холодной войны», объективно стимулировавшее приготoвление к последнему сражению в истории человечества и не позволявшее ей перерасти в войну «горячую».

Пролог «холодной войны» можно отнести еще к заключительному этапу Второй мировой войны. По мнению ряда авторов¹, не последнюю роль в ее зарождении сыграло решение руководства США и Англии не информировать СССР о работах по созданию атомного оружия.

Как бы ни объяснялась первопричина начала конфронтации в «холодной войне», ее ход в значительной степени определялся качественно новым фактором – изобретением ядерного оружия, а затем и ракетных средств его доставки, беспрецедентной гонкой вооружений, прежде всего ракетно-ядерных. После первого испытания американцами атомной бомбы 16 июля 1945 г., а затем ее применения 6 и 8 августа того же года в Хиросиме и Нагасаки началось постепенное осмысление революционной значимости «абсолютного оружия» для международной безопасности и мировой политики. Следует отметить, что большая часть ученых-ядерщиков и некоторые политологи сразу предугадали это новое качество.

Бернард Броуди, возглавивший по указанию американского президента Гарри Трумэна независимую комиссию по определению возможных последствий создания ядерного оружия для международных отношений, еще в 1946 г. обнародовал

---

¹ Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2000). М., 2001, С. 295.

вывод о том, что потенциал взаимного уничтожения побежденных и победителей, а по существу жизни на земном шаре, в принципе исключает вероятность победы в ядерной войне. Единственная функция ядерного оружия, по его мнению, заключается в сдерживании войны с его применением. Политикам и военным потребовалось более 40 лет «холодной войны» и гонки вооружений, чтобы, в конечном счете, прийти к аналогичному в принципе заключению.

История «холодной войны» – это, с одной стороны, поиск пути рационализации ядерного оружия для победы в эвентуальной войне и для достижения внешнеполитических целей каждой из сторон, а с другой – поддержание баланса взаимного устрашения как средства сдерживания войны на пути гонки вооружений и контроля над ними. Как оказалось впоследствии, более важным и действенным оказался «экономически изматывающий» аспект гонки ракетно-ядерных вооружений, когда, условно говоря, на каждый доллар военного бюджета США Советский Союз был вынужден тратить один валютный рубль для поддержания паритета. Но в начале «холодной войны» стратегическое мышление обеих сторон, как это часто бывало в прошлом, развивалось по логике подготовки и ведения предыдущих войн. Осознание и усвоение революционной новизны ядерного оружия приходили постепенно.

Вероятно, именно по этой причине была упущена уникальная возможность согласованного отказа обеими сторонами от ядерного оружия или постановки его под международный контроль в прологе «холодной войны». Американский «план Баруха» о постановке всей ядерной промышленности под контроль ООН и советское контрпредложение о запрещении атомного оружия 1946 г. представляются оптимальными с высоты почти полувекового опыта безрезультатной гонки стратегических вооружений и современной тенденции к их радикальному сокращению, а также предотвращению распространения ядерного оружия. Но на заре ядерной эры они были, скорее всего, первыми актами пропагандистского прикрытия с обеих сторон стремления добиться, так или иначе, победы в последующем ядерном противостоянии. Правда, некоторые исследователи считают, что отказ от ядерного оружия в то время и исчезновение перспективы взаимного уничтожения сделали бы перерастание «холодной войны» в войну «горячую» намного более вероятным.

На протяжении первых 10–15 лет гонки вооружений Соединенные Штаты имели существенное превосходство над Советским Союзом в области ядерного оружия и средств его доставки. Несмотря на то, что СССР в 1949 г. ликвидировал атомную монополию США, а затем несколько опередил их в создании термоядерной бомбы, по масштабам ядерного потенциала, а главное по средствам доставки его до территории противника, Соединенные Штаты и количественно, и качественно обгоняли Советский Союз. До постановки на боевое дежурство в 1960 г. первой советской межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 (в том же году были развернуты и первые американские МБР «Атлас») территория США была практически недосыгаема для нанесения ядерного удара советской бомбардировочной авиацией. В то же время Соединенные Штаты, располагающие сетью баз по пери-

метру Советского Союза и значительным парком стратегической авиации, были способны, применив ядерное оружие, уничтожить до 85% советской промышленности и значительную часть вооруженных сил. Поэтому на первоначальном этапе Вашингтон руководствовался стратегией «массированного возмездия», предполагавшей нанесение ядерного удара по СССР в случае, если не удастся реализовать «сдерживание» коммунизма в послевоенных границах.

Исследователи периода «холодной войны» неоднократно задавались вопросом, почему Соединенные Штаты не использовали это преимущество, особенно в конце 1950-х гг., когда реально встала угроза того, что через короткое время впервые в истории у противника появится возможность нанесения ракетно-ядерного удара по американскому континенту?

В качестве аргумента приводится ряд соображений. Советский Союз уже в то время имел средства для нанесения ядерного удара по инфраструктуре американских баз передового базирования в Европе и на Дальнем Востоке. Кроме того, стремясь компенсировать американское ядерно-авиационное преимущество в двустороннем противостоянии, Советский Союз обеспечил себе значительное превосходство по обычным вооружениям в Европе, превратив таким образом западноевропейских союзников США и дислоцированные там американские войска в заложников на случай возможного ядерного нападения со стороны Соединенных Штатов. Москва оказывала материальную и моральную поддержку распространению коммунизма в Китае, в Юго-Восточной Азии. Но этот процесс имел преимущественно свои собственные корни.

Кроме того, по предположению ряда историков, американские военные никогда не были уверены, что ядерно-авиационное превосходство гарантировало им полную победу в полномасштабной войне. Наконец, высказываются предположения на тот счет, что даже в разгар «холодной войны» американская демократия по моральным соображениям не могла еще раз после Хиросимы и Нагасаки взять на себя инициативу по применению ядерного оружия, на этот раз в больших масштабах. Черчилль стремился открыть второй фронт не во Франции, а на Балканах и продвигаться не с запада на восток, а с юга на север, чтобы преградить путь Красной Армии. Затем в 1945 г. появились планы оттеснения советских войск с центра Европы к довоенным границам.

Годы «холодной войны» дают основания для вывода о том, что противостоя коммунизму и революционным движениям, Соединенные Штаты, прежде всего, боролись против Советского Союза, как страны, представлявшей наибольшее препятствие в осуществлении их главной цели – установления своего господства над миром. Мир, возникший после Второй мировой войны, значительно отличался от мира, существовавшего между двумя мировыми войнами¹. Новой оказалась, прежде всего, военная и политическая роль, которые Соединенные Штаты были готовы играть не только в отдельных частях земного шара, но фактически по всему миру. В 1938 г. оборонный бюджет США был равен почти миллиарду долларов.

---

¹ Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002.

Соединенные Штаты не входили в военные союзы и не имели войск за пределами контролируемых США регионов. В течение первых послевоенных лет оборонный бюджет составлял 12–13 млрд долл. Был подписан Договор Рио и создана НАТО, причем США стали играть главенствующую роль в обоих объединениях. Вооруженные силы США участвовали в оккупации Германии, Японии, Италии и Австрии. В самых различных точках земного шара были созданы военные базы.

Следующим значимым событием, приведшим к усилению роли Соединенных Штатов, после 1950 г. стало начало корейской войны. Государственные расходы на военные нужды утроились. Со странами мира, особенно в Азии, были заключены многочисленные договоры. Соединенные Штаты явились главными инициаторами создания Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) и в несколько меньшей степени – Багдадского пакта. В 1955 г. США имели около 450 баз в 36 странах. Эта военная экспансия дополнялась культурным влиянием, которое не легко определить количественно, но которое было весьма существенным. Распространение влияния США произошло благодаря тому, что они были сильнейшей страной мира. В то время как все остальные крупные державы понесли во время войны тяжелые материальные потери, американская экономика процветала.

До 1949 г. Соединенные Штаты обладали монополией на ядерное оружие, и после 1949 г. они сохраняли значительное техническое превосходство над Советским Союзом как в военной, так и в невоенной сферах. США имели сильнейшие в мире военно-воздушные силы и флот. В конце Второй мировой войны у США и Советского Союза было под ружьем примерно по 12 млн человек.

Несмотря на то что интересы США не были одинаковы во всех частях мира, а остатки изоляционизма давали о себе знать и после 1945 г., США превратились в этот период в глобальную державу. Они оказывали влияние во все большем числе стран и в более крупных регионах мира, чем Советский Союз. Это влияние сказывалось зачастую как в культурном, экономическом, так и в политическом отношении. Таким образом, американская экспансия была более широкой по сравнению с советской. Потребовались десятилетия, чтобы Советский Союз смог играть глобальную роль.

Фундамент, на котором базировалась мощь Советского Союза, не мог сравниться с американским, так как СССР понес во время войны колоссальные потери. Его население уменьшилось примерно на 20 млн человек. В то время как в США во время войны производство стали возросло на 50 %, в СССР оно сократилось наполовину. Не лучше была ситуация в сельском хозяйстве. Советский Союз производил в год 65 тысяч легковых автомобилей, а США – 7 млн. По приблизительным подсчетам, советский валовой продукт составлял около трети американского.

Тем не менее превращение Советского Союза во вторую по мощи державу мира было неожиданным. Это была сверхдержава преимущественно в военной области, особенно по численности армии. После демобилизации у Советского Союза осталось под ружьем больше войск, чем у США, хотя советская демобилизация была более широкой, чем полагали в то время. Несмотря на существование фактически во всех странах группировок, поддерживавших советский коммунизм,

действия США имели большую поддержку в международных кругах, чем в СССР. Если США имели возможность прибегать к широкому выбору действий как в экономической и политической, так и в военной областях, Советский Союз полагался в основном на военную силу.

После 1945 г. мировая политика определялась конфликтом между двумя новыми сверхдержавами. Разумеется, напряженные отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом не явились чем-то новым. Они оставляли желать лучшего начиная с 1917 г. Дипломатические отношения между странами были установлены лишь в 1933 г. Однако ранее состояние отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом не оказывало значительного влияния на общий международный климат. Соединенные Штаты и Советский Союз были аутсайдерами в мировой политике. Обе страны самоизолировались, а Советский Союз был к тому же блокирован другими крупными державами.

И только после Второй мировой войны США и Советский Союз стали противостоять друг другу во многих частях мира. Они стали двумя главными действующими лицами на международной арене: географическое расстояние, разделявшее их, утратило свою важность, а политическая дистанция между ними вскоре стала больше, чем когда-либо ранее. В течение первых послевоенных лет «холодная война» между обеими странами и их союзниками, между Востоком и Западом, развивалась в основном в Европе, где стороны имели наибольшие интересы¹. Фронтальной рубеж установился здесь быстро. За пределами Европы крупные перемены все же могли происходить без серьезного вмешательства сверхдержав. Война обескровила другие крупные державы. Большая часть Германии и Японии лежала в руинах. Не лучшим было положение в других странах.

Итак, рассматривая характер действующей биполярной системы, необходимо заметить, что Ялтинско-Потсдамский порядок, установившийся на ее основе, обладал рядом специфических черт. Во-первых, он не имел прочной договорно-правовой базы. Лежавшие в его основе договоренности были либо устными, официально не зафиксированными и долгое время остававшимися секретными, либо закрепленными в декларативной форме. В отличие от Версальской конференции, сформировавшей мощную договорно-правовую систему, ни Ялтинская конференция, ни Потсдамская к подписанию международных договоров не привели.

Это делало ялтинско-потсдамские основоположения уязвимыми для критики и ставило их действенность в зависимость от способности заинтересованных сторон обеспечить фактическое исполнение этих договоренностей не правовыми, а политическими методами и средствами экономического и военно-политического давления. Но, несмотря на юридическую хрупкость, «не вполне легитимный» ялтинско-потсдамский порядок просуществовал (в отличие от версальского и Вашингтонского) более полувека и разрушился лишь с распадом СССР.

Во-вторых, послевоенный порядок был конфронтационным. Под конфронтацией понимается тип отношений между странами, при котором действия одной стороны систематически противопоставляются действиям другой. Теоретически

---

¹ Казанцев Ю.И. Международные отношения и внешняя политика России (XX в.). Р/нД., 2002.

биполярная структура мира могла быть как конфронтационной, так и кооперационной – основанной не на противостоянии, а на сотрудничестве сверхдержав. Но фактически с середины 1940 гг. до середины 80-х ялтинско-потсдамский порядок был конфронтационным. Только в 1985–1991 гг. – период «нового политического мышления» М.С. Горбачева он стал трансформироваться в кооперационную биполярность, которой не было суждено стать устойчивой в силу кратковременности ее существования.

В-третьих, ялтинско-потсдамский порядок складывался в эпоху развития ядерного оружия, которое, внося дополнительную конфликтность в Мировые процессы, одновременно способствовала появлению во второй половине 1960-х гг. особого механизма предупреждения мировой ядерной войны – модели «конфронтационной стабильности». В эти годы сложились новая и по-своему оригинальная концепция взаимного ядерно-силового сдерживания и основанные на ней доктрины глобальной стратегической стабильности на базе «равновесия страха». Ядерная война стала рассматриваться лишь как самое крайнее средство решения международных споров.

В-четвертых, послевоенная биполярность приобрела форму политико-идеологического противостояния между «свободным миром» во главе с США (политическим Западом) и «социалистическим лагерем», руководимым Советским Союзом (политическим Востоком). Однако в основе международных противоречий чаще всего лежали геополитические устремления, внешне советско-американское соперничество выглядело как противостояние политических и этических идеалов, социальных и моральных ценностей. Идеалов равенства и уравнилельной справедливости – в «мире социализма» и идеалов свободы, конкурентности и демократии – в «свободном мире». Острая идеологическая полемика привносила в международные отношения дополнительную непримиримость в спорах.

В-пятых, ялтинско-потсдамский порядок отличался высокой степенью управляемости международных процессов. Как порядок биполярный, он строился на согласовании мнений всего двух держав, что упрощало переговоры. США и СССР действовали не только в качестве отдельных государств, но и в роли групповых лидеров – НАТО и Варшавского договора. Блоковая дисциплина позволял Советскому Союзу и Соединенным Штатам гарантировать исполнение «своей» части принимаемых обязательств государствами соответствующего блока, что повышало действенность решений, принимаемых в ходе американо-советских согласований. Перечисленные характеристики ялтинско-потсдамского порядка обусловили высокую конкурентность международных отношений, которые развивались в его рамках¹.

Вместе с тем биполярность Ялтинско-Потсдамской системы не была абсолютной, СССР и США не могли контролировать все субъекты и события международной жизни. В 50-е гг. XX в. деколонизация способствовала формированию движения неприсоединения. Первая конференция неприсоединившихся стран состоялась в 1961 г. в Белграде. Участники движения неприсоединения положили

---

¹ Цыганков П.А. Международные отношения: Учебное пособие. М. Новая школа, 1996. С. 84.

в основу своей внешней политики принципы неучастия в военных блоках, отказа от предоставления своей территории для размещения иностранных военных баз, ликвидации колониализма, мирного урегулирования международных вопросов, развития равноправного сотрудничества и мирного сосуществования. Это движение вынуждено было считаться с биполярным характером расстановки сил на международной арене.

В 1960–1970-е гг. происходило становление новых центров силы: Западная Европа, Китай, затем Япония. Не будучи в состоянии конкурировать с СССР и США эти новые центры силы все же заставили считаться со своим возросшим весом в международных делах. Тем не менее именно США и СССР стали двумя полюсами Ялтинско-Потсдамской системы, ее опорами. США вступили в послевоенный мир с неоспоримым преобладанием в экономике и финансовой сфере.

По ее окончании на долю США приходилось около половины мирового промышленного производства, около трети мирового экспорта товаров, более половины всего золотого запаса. Еще в июне 1944 г. конференция в Бреттон-Вудсе приняла решение о создании Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, США получили определяющее влияние на деятельность этих международных финансовых институтов. Была создана Бреттон-Вудская система международных финансовых отношений. Она была ориентирована на преобладание доллара в международных расчетах и основывалась на свободном обмене доллара на золото по твердо установленному курсу: одна тройская унция золота за 35 долл. Постепенно экономические и финансовые аспекты международных отношений приобретали все большее значение.

США обладали хорошо оснащенной армией, получившей опыт боевых действий, громадными военно-воздушными силами, военно-морским флотом, более могущественным, чем все остальные флоты мира вместе взятые. В июле 1945 г. Соединенные Штаты Америки провели успешное испытание ядерного устройства, а 6 и 9 августа сбросили первые атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки. Таким образом, США стали обладателем атомного оружия, они приобрели ядерную монополию, заметно усилившую их международные позиции¹. Именно США стали инициаторами создания Организации Объединенных Наций, получили место постоянного члена Совета Безопасности ООН, смогли опираться на большинство голосов на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН.

Советский Союз вступил в послевоенный мир в ореоле основного победителя нацизма, важной силы в антигитлеровской коалиции. Общий высокий уровень боеспособности Красной армии, одержавшей блистательные победы и овладевшей Берлином, не подвергался сомнению.

К концу Второй мировой войны международное влияние Советского Союза заметно возросло. И. Сталин был полноправным участником встреч «большой тройки», вел интенсивную переписку с президентами США и главами правительств Великобритании. СССР заключил договоры о союзе (или дружбе) и послевоенном сотрудничестве и взаимопомощи с Великобританией, Францией, Чехословакией,

---

¹ Поздняков Э.А. Внешнеполитическая деятельность и международные отношения. М., 1986.

Югославией, Польшей, Китаем. СССР стал одним из учредителей ООН и постоянным членом ее Совета Безопасности. Если до Великой Отечественной войны Советский Союз имел дипломатические отношения с 26 государствами, то к концу войны – уже с 52. В последний период войны СССР вместе с США и Великобританией играл главенствующую роль в решении проблем мировой политики и в немалой степени участвовал в определении дальнейшей судьбы ряда государств и народов. Сталинское руководство использовало как инструмент своей международной деятельности коммунистическое движение.

При асимметричности мощи и влияния СССР и США именно эти две державы заняли определяющее положение в Ялтинско-Потсдамской системе. Ее биполярность усиливалась наличием у обеих держав союзников и сателлитов. СССР и США сформировали под своей эгидой международные экономические организации, военно-политические блоки, пропагандистско-идеологические организации. Новые элементы появились в ситуации с 1957 г., с успешного запуска первого советского искусственного спутника Земли, когда Советский Союз наладил производство межконтинентальных баллистических ракет, способных поражать территорию США. Ядерное оружие стало инструментом сдерживания.

Ядерные потенциалы оказывали стабилизирующее воздействие на Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений. Они способствовали предотвращению опасной эскалации конфликтов, ранее зачастую приводивших к войне.

Многие аналитики связывают кризис этой системы МО с советско-американским саммитом на острове Мальта в декабре 1989 г., когда, принято считать, советское руководство подтвердило отсутствие у него намерений мешать странам Варшавского договора самостоятельно решать вопрос о следовании или не следовании по пути социализма, другие – с мадридской сессией НАТО в июле 1997 г., когда первые три страны, добивавшиеся принятия в альянс (Польша, Чехия и Венгрия), получили от стран НАТО официальное приглашение к ним присоединиться.

Однако не точно считать итоговым рубежом ялтинско-потсдамского порядка 1989 г., потому что в то время СССР еще оставался мощным международным субъектом и вел переговоры с США лишь о частичной ревизии послевоенного биполярного устройства. Сам порядок продолжал существовать, речь о его сломе не шла, а биполярность устраивала Москву и Вашингтон.

Причины, обусловившие распад сложившейся системы миропорядка, кроются в кризисе основных ее характеристик (экономической, политической, военно-силовой и культурно-идеологической). Остановимся на этих причинах, а именно, на обстоятельствах, способствовавших распаду Ялтинско-Потсдамской системы.

Биполярная модель международных отношений оказалась весьма противоречивым образованием. Пока она функционировала, не было дня, чтобы ее не подвергали критике и у нас в стране, и в США, и в стане нейтральных государств. Политики, ученые, журналисты утверждали, что столь примитивная конструкция, как биполярная модель, основанная на глобальном противостоянии двух сверхдержав, постоянно держит весь мир под угрозой катастрофы, ибо любой локальный кризис всегда мог привести к неконтролируемому термоядерному

конфликту. Однако, несмотря на постоянную грозную риторику с обеих сторон, эта модель оказалась весьма устойчивым, хорошо прогнозируемым образованием, главные действующие лица которого подчинялись жестким правилам поведения. В мире сложилось своеобразное «равновесие страха», которое даже при желании никто практически не смел нарушить, ибо в термоядерной войне не могло быть победителей.

Это обстоятельство стало главным фактором, надежно сдерживавшим амбиции двух основных составных компонентов системы. Конечно, стабильность, рожденная и поддерживавшаяся страхом, – не самое идеальное состояние, но это лучше, чем война. Более того, перманентный конфликт сверхдержав не только стабилизировал их двусторонние отношения, но и способствовал адаптации остальных государств и негосударственных акторов к биполярной системе. Таким образом, «конфликтное взаимодействие» СССР и США играло роль главной движущей силы развития данной модели международных отношений.

Возникает вопрос: в какой мере СССР и США были заинтересованы в сохранении неприкосновенности базовых характеристик биполярной системы? Ответ на него отнюдь не простой, ибо массированная пропагандистская риторика, которую активно и постоянно использовали обе сверхдержавы, серьезно искажала их истинные намерения и подлинное отношение к сложившемуся на международной арене положению дел. На наш взгляд, реалии международных отношений второй половины XX в. убедительно показывают, что вплоть до 80-х гг. и СССР, и США были заинтересованы в поддержании в неприкосновенности существовавшего миропорядка. Это не означало, что они рассматривали биполярность как идеальную форму организации мирового сообщества. Однако статус сверхдержав давал им ощутимые преимущества, от которых по доброй воле никто из них отказываться не собирался. Именно этим и определялась до поры до времени приверженность СССР и США идее сохранения устоев биполярного мира. Другое дело, что эта линия жестко детерминировалась наличием равновеликости мощи участников «конфликтного взаимодействия»: пока она поддерживалась, сверхдержавы считали биполярность оптимальной для себя формой организации мирового сообщества. Но как только сложилась ситуация, когда мощь одного из соперников (СССР) оказалась ослабленной, у противной стороны (США) немедленно возникло естественное желание добиться односторонних преимуществ.

Очевидно, что поддерживать заинтересованность сверхдержав в сохранении статус-кво на протяжении длительного исторического периода в наше весьма динамичное время было очень непросто, тем более, что человеческая цивилизация плюралистична по своей природе, она с трудом входила в жесткие рамки биполярного мира. К концу 1950-х гг. довольно отчетливо начали проявляться эрозийные тенденции в обоих блоках. Следует отметить, что доминирующее после Второй мировой войны убеждение в том, что существуют лишь две возможные модели социального развития – американская и советская, – стало все чаще ставиться под сомнение, и это также стимулировало размывание монолитности двух противостоящих друг другу блоков.

На рубеже 60–70-х гг. все очевиднее становилось и другое обстоятельство, угрожавшее подорвать устои биполярного мира. Поддержание «равновесия страха», предполагающее необходимость постоянно наращивать и совершенствовать свой военный потенциал, тяжелым бременем ложилось на экономику сверхдержав, особенно СССР. «Изматывающая» гонка вооружений сыграла не последнюю роль в нарастании кризисных тенденций в советском обществе в 1980-е гг. Все это демонстрировало, что возможности сохранения стабильности биполярной системы имели свой предел.

На характер становления и дальнейшего функционирования биполярной модели немалое воздействие оказало то обстоятельство, что на международной арене в ходе войны произошло резкое смещение тех основных опорных центров, благодаря которым прежняя модель удерживалась в состоянии равновесия. Речь идет о радикальном изменении геополитических характеристик возникшей после Второй мировой войны модели международных отношений. Основные центры силы, цементирующие систему, переместились из Западной Европы на просторы Евразии (СССР) и Северной Америки (США).

Проблема заключалась в следующем. С одной стороны, западноевропейские государства, традиционно игравшие ключевые роли в мировой политике, теперь их явно утратили. Тем не менее в менталитет их политических элит эти новые реальности вписывались с большим трудом. Лишь к середине 1950-х гг. лидеры европейцев в полном объеме осознали эти истины. С другой стороны, тем полем, на котором происходило взаимодействие этих двух гигантов, где начинал отрабатываться модус их взаимоотношений, оставалась именно Европа. Именно там «поляризация приняла наиболее кристально-четкие формы. В этой нестыковке привычных стереотипов с новыми геополитическими реалиями таилось немало подводных камней, серьезно осложнявших все долгосрочное внешнеполитическое планирование. И это не могло не сказываться на стабильности биполярной системы.

В реальности послевоенный мир при всей его внешней двухполюсности оказался не менее сложным, чем полицентрические модели международных отношений прошлых лет. Не успела завершиться фаза становления биполярной системы, как в ее организме зарождаются новые тенденции. В биполярном мире появляются совершенно новые геополитические факторы, которые стали самым серьезным образом воздействовать на функционирование системы международных отношений. В эти годы начинается, пусть и медленная, но все же эрозия казавшихся монолитными противоборствующих военно-политических блоков. Ни в Вашингтоне, ни в Москве к этому были явно не готовы, что, естественно, осложняло разработку их внешнеполитической стратегии и вносило дополнительный заряд нестабильности в уже достаточно прочно отработанный модус взаимоотношений сверхдержав, следовательно, увеличивало потенциал факторов, дестабилизирующих системный комплекс.

Таким образом, и США, и СССР шли к пониманию своих новых задач в сфере международных отношений методом проб и ошибок. Отсюда постоянные стол-

кновения, частые и весьма острые кризисы, механизм урегулирования которых еще не был создан. Вплоть до Карибского кризиса (1962) в ходе почти каждого крупного международного конфликта существовала серьезная опасность, что он перерастет в лобовое столкновение супердержав с непредсказуемыми последствиями.

Вопрос о том, насколько реальна была новая мировая война в условиях, пока окончательно не выработался устойчивый модус взаимоотношений сверхдержав, пока не завершилось формирование тех норм и принципов, по которым жило мировое сообщество в рамках биполярного мира, является одним из самых дискуссионных в научной литературе. И ответы на него носят диаметрально противоположный характер: от практически полного отрицания такой возможности (А. Гэддис, Р. Сибури, К. Уолтц) до утверждения, что в эти годы мир постоянно жил под «дамокловым мечом» термоядерной войны (У. Липпман, М. Каштан, Р. Уолтон). Сегодня, вероятно, можно утверждать, что обе эти крайности не отражали реального положения. В первом утверждении проскальзывают ностальгические нотки в общем-то, вполне предсказуемые по ушедшему в небытие миру, во втором – содержится изрядная доля пропагандистских стереотипов, порожденных острой идеологической полемикой тех лет.

В реальности ситуация была далеко не такой черно-белой. С одной стороны, появление ядерного, а чуть позднее термоядерного оружия, обладавшего колоссальной разрушительной мощностью, сразу же поставило вопрос: могут ли быть победители в неконтролируемом термоядерном конфликте? Даже на стадии становления биполярной системы, когда новое оружие еще только-только появилось и его возможности не были ясны в полной мере, не вызывало сомнений, что его применение вызовет такие разрушения, компенсировать которые будет невозможно.

С другой стороны, во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. весь стиль мышления военно-политических элит обеих сверхдержав определялся опытом предвоенных и военных лет, когда при решении любых спорных международных вопросов акцент делался на сугубо силовые методы. При подобном подходе сама мысль о том, что следует воздерживаться, а уж тем более отказываться от использования нового мощнейшего оружия, казалась нелепой, по крайней мере, в планах военных ему отводилась ключевая роль.

Итак, можно констатировать, что биполярная система была образованием, имевшим как несомненные достоинства (стабильность, устойчивость, предсказуемость, жестко определенные правила игры, по сути, исключавшие глобальный военный конфликт сверхдержав), так и очевидные недостатки (чрезвычайно высокая цена поддержания равновесия, сознательное ограничение поисков иных, чем два доминировавших, вариантов общественного прогресса, чрезмерная идеологизация внешнеполитических установок сверхдержав, препятствующая поиску развязок в региональных конфликтах).

Такие противоречивые характеристики этой модели – следствие уникальной ситуации, которая сложилась в мире к окончанию Второй мировой войны. Только

в условиях колоссального перекоса в традиционном соотношении сил на мировой арене, образования многочисленных «вакуумов силы», резкого ослабления большинства старых великих держав даже из стана победителей и, наоборот, громадного усиления совокупной мощи лишь двух стран и смогла возникнуть не имевшая аналогов в истории модель международных отношений, именуемая биполярной. Поскольку подобные условия стали реальностью только в результате огромного по своим масштабам военного конфликта, можно, вероятно, утверждать, что биполярная модель – скорее аномалия, чем закономерное звено в общей цепи развития международных отношений.

Учебно-методическая литература

Основная

Системная история международных отношений: в 2 т. Т. 1. События 1918–1945 гг. / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Культурная революция, 2007.

Основы общей теории международных отношений: Учебное пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Клейменова Н.Е., Сидоров А.Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития / МГИМО; МИД РФ. М., 1995.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002.

История международных отношений: в 3 т. Т. 3. Ялтинско-Потсдамская система. М.: Аспект-Пресс, 2012.

Дополнительная

Лельчук В.С., Пивовар Е.И. СССР и «холодная война». М., 1995.

Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.: Молодая гвардия, 1983.

Системная история международных отношений: в 2 т. Т. 1. События 1918–1945 гг. / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Культурная революция, 2007.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Документы международных отношений и внешней политики СССР (1917–1945) / Сост. И.А. Ахтамзян; МГИМО; МИД РФ. М., 1996.

Солдат и президент. М.: Книга ЛТД, 1993.

Черчилль У. Вторая мировая война М.: Воениздат, 1991. Т. 3.

История России – утопия у власти: Учеб. Пособие / Под ред. М. Геллера, А. Некрича. М.: Мик, 1996.

Арцибасов И.Н. Истоки противостояния. Л.: Междунар. право, 1989.

Боффа Д. История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущёв. 1941–1964 гг. М, 1994.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. 2-е изд. / Пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1994.

Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М., 1997.

Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия. М., 1999. Т. 1–2.

Камбон Ж. Дипломат. Никольсон Г. Дипломатия. М.: Научная книга, 2006.

Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006.

История международных отношений: в 3 т. Т. I. От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. М.: Аспект-Пресс, 2012.

Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. Учебник для вузов. М.: Просвещение, 2007.

История международных отношений: в 3 т. Т. 3. Ялтинско-Потсдамская система. М.: Аспект-Пресс, 2012.

Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.

Казанцев Ю.И. Международные отношения и внешняя политика России (XX в.). Ростов/нД., 2002.

Корниенко Г.М. Холодная война. М., 2001.

Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002.

Павлов Ю.М. Международные отношения и мировая политика. М., 2000.

Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России 1648–2000. М., 2001; 2006.

Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945–1985): Новое чтение / Под ред. Л.Н.Нежинского. М., 1995.

Сударев В.П. Две Америки после окончания холодной войны. М., 2004.

Филитов А.М. «Холодная война». Историографическая дискуссия на Западе. М., 1991.

Тема 21. Европейская модель системы международных отношений (миропорядок по-европейски)

1. Цивилизационные основы европейской модели международных отношений.
2. Дилеммы европейского объединения.
3. Современная Европа – воплощение идеи нового мирового порядка.

Проблема формирования модели международных отношений и мирового порядка в Европе – одна из основных в современной науке о международных отношениях. В ней сконцентрировано представление о взаимодействующих на мировой арене социальных общностях как о составных частях, элементах единого социума европейского пространства – своеобразного международного общества. Это не международное сообщество в обычном, традиционном понимании. Характер отношений между элементами данного международного общества все больше напоминает отношения, существующие внутри тех или иных государств. Иначе говоря, здесь мы сталкиваемся с новым типом международной системной целостности.

Как известно, идея единения европейских стран стала высказываться уже в отдаленном прошлом. Слишком очевидными были потери, которые народы несли в результате разрушительных войн, ведущихся для утверждения господства того или иного государства на континенте. Но Европе нужно было пройти длинную дорогу бесконечных межгосударственных столкновений, две мировые войны, прежде чем эта идея стала реальностью.

Никогда ранее Европа не была столь процветающей, безопасной и свободной, как в наши дни. Полоса угнетающего насилия первой половины XX столетия сменилась в европейской истории периодом мира и стабильности. И это, несмотря на то, что Европа совсем недавно оказалась в объятиях мирового экономического кризиса, из которого выбирается с большим трудом.

Среди шести континентов Земли Европа – самый скромный по площади (10,5 млн кв. км. – 7 % мировой суши), но самый густонаселенный (650 млн человек – 12 % жителей планеты). По численности населения она далеко уступает Азии, где живет больше половины человечества (только в Китае и Индии – треть), но все еще опережает Африку, Северную и Южную Америку, Австралию.

Объясняя выдающуюся роль в мировом пространстве европейской цивилизации на протяжении последних трех столетий, некоторые авторы акцентируют внимание, прежде всего, на природных условиях, послуживших, по их мнению, основой быстрого прогресса, который сдерживался в других климатических поясах жарой, холодом, тропическими болезнями.

Другие ученые ссылаются на использование европейцами интеллектуальных и технических достижений более ранних цивилизаций (известно, например, что бумага, компас, порох, фарфор, шелк пришли в Европу из Китая, многие математические понятия – из Индии, медицинские – от арабов и т. д.). Эти достижения давали импульс творческой мысли самих европейцев, создавая две необходимые, по мнению А. Бергсона, предпосылки развития цивилизации – «усилия некоторых людей создать новое и усилия остальных принять это новое и приспособиться к нему».

Ряд исследователей отдает предпочтение социальным процессам – раннему становлению в Европе рыночной экономики, освобожденной от феодальных препонов, и утверждению на ее основе капиталистического способа производства, послужившего мощным катализатором развития науки и техники.

Высказываются и прямо противоположные мнения. Так, возражая тем, кто связывает подъем европейской цивилизации с благоприятными природными условиями, А. Тойнби отнюдь не считал их идиллическими. Он видел главный стимул развития европейской цивилизации как раз в обратном – в необходимости напряженных творческих усилий в преодолении естественных препятствий, а также своевременных ответов на внешние вызовы. В его представлении культурно-цивилизационная составляющая сыграла решающую роль в стремительном подъеме европейских стран.

В результате этого военная техника, в которой прошедшие через тысячелетие междоусобиц европейцы впервые превзошли жителей других континентов, всегда служила мощным локомотивом развития гражданской жизни. В разнообразном по природным и культурным условиям, но тесно связанном сетью транспортных путей сообщения европейском пространстве стимулировались разделение труда, специализация производства, торговля.

Итак, миропорядок Европы (миропорядок по-европейски) – реальное понятие, неразрывно связанное не только с политикой, но и со всеми аспектами жизнедеятельности людей. Понятие европейского миропорядка имеет как узкое определение: «Миропорядок как взаимодействие государств на политической арене», так и более широкое: «Миропорядок как постоянное стремление к наиболее взаимно комфортному состоянию на международной арене»¹. Также прояснились реалии состояния современного миропорядка Европы и тенденций его развития и изменения, например, тенденция к *интегральному объединению*.

Исходя из данных суждений, можно сказать, что по европейской модели международных отношений и миропорядка возможность достижения любой страной высокого уровня определяется тремя взаимосвязанными факторами развития: социально-экономическим, культурно-цивилизационным, национально-государственным. В современной Европе они органичным образом совпали.

Итак, современный европейский миропорядок формировался под воздействием следующих исторических факторов: 1) многовекового существования

---

¹ Рыбаков В. «Розовая Европа» в час глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3.

мировой Римской Империи, по отношению к которой первичные этносы, формирующие лицо континента, должны были позиционироваться. Влияние Римской Империи подразумевало также индукционное воздействие римского права и греческой культуры; 2) сильнейшего, структурообразующего воздействия христианской религии в ее наиболее организованной римско-католической «редакции»; 3) культурного и цивилизационного шока, вызванного падением Рима и последующими событиями, связанными с «Великим переселением народов»; 4) тысячелетием господства феодального миропорядка в его «классической» форме (вассалитет, личная зависимость крестьян, замковая социальная архитектура); 5) расколом церкви (Реформацией) и столетием религиозных войн; 6) Вестфальской системой международных договоренностей, канализировавших проявления этно-конфессиональных идентичностей в социально-приемлемое русло; 7) Великой французской буржуазной революцией, инсталлировавшей понятие демократии и переплавившей постфеодальные этносы в современные нации; 8) тремя мировыми войнами (в том числе «холодной»), произошедшими на протяжении столетия и вовлекшими в свою орбиту прямо и косвенно практически всю Европу; 9) интенсивным глобальным разворачиванием на рубеже XX–XXI вв. межрегиональной торгово-экономической конкуренции

Названное выше привело к необычайно прогрессу европейской цивилизации, которая вступила в XVI–XVII столетиях в индустриальную фазу развития и к началу XX в. распространила свое влияние на все страны мира¹. Обратной стороной этого прогресса была политическая и военная разобщенность Европы, народы которой пользовались одним и тем же алфавитом, одной и той же культурой, одной и той же логикой.

К числу географических факторов политико-экономической значимости следует отнести наличие множества внутренних и внешних морей: Балтийского, Северного, Средиземного, Адриатического, Тирренского, Эгейского, Черного, Азовского, Каспийского. Свою роль играет центральная горная цепь Альпы-Балканы-Карпаты. Усложняют структуру плиты многочисленные острова и полуострова, наконец, несколько крупных рек (Эльба, Висла, Дунай, Волга, Днепр). «Сложность» географического устройства европейского субконтинента обусловила необычную диверсификацию этнокультурной плиты, объединяющей множество стран. Интегрирующие структуры Европейского Союза лишь частично решают проблему разнородности континента.

Несмотря на насыщенность субконтинента путями сообщения (многие из которых непрерывно функционируют со времен мезолита, то есть пережили две фазы развития), для множества европейских стран США находятся «ближе» чем сосед на другом конце континента. С точки зрения транспортных потоков и теории связности Европа может быть представлена как «колесо со спицами». Центральные регионы: Германия, Бельгия, Франция, Северная Италия, Австрия, Чехия образуют кольцо, движение по которому возможно в любую сторону, однако обычно люди перемещаются по этому колесу с юга на север, а товары – с севера

---

¹ Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Новый мир. 1990. С. 49.

на юг. Спицами «работают» периферийные страны: Британия на Северо-западе, Испания и Португалия на Юго-западе, Южная Италия на Юге, Греция и Турция на Юго-востоке, Польша на Северо-востоке, Дания, Швеция и Норвегия на Севере. В этой картине «западное» направление принадлежит США, «восточное» – России.

Исходя из известной теоремы о том, что сумма обобщенных потенциальных энергий этнокультурной плиты должна быть равна нулю, получаем, что подобный антропоэкономический механизм должен постоянно подвергаться воздействию «западного переноса»: потока людей, товаров и капиталов с востока на запад. Только в таком случае лишние товары из Британии и Франции могут найти покупателя (Германия стоит восточнее, она продает свои товары на запад и север).

В результате европейский круговорот представляет собой вращающуюся против часовой стрелки систему антропоэкономических потоков, причем западный регион является «зоной срыва потока», а восточный: «зоной присоединения». Это означает, что Европа представляет собой очень большой социальный тепловой двигатель типа «водяное колесо».

Вместе с тем следующая вещь, которую необходимо выяснить, это влияние конкретных исторических периодов и, в особенности Возрождения и Нового времени, в построении европейской концепции миропорядка, необходимо ответить на вопрос: как эти процессы повлияли на сознание людей? Поистине, истоки колоссального рывка вперед, осуществленного Европой в течение последних трех-четырех столетий, заключены в характере и темпах преобразований эпохи Возрождения и Реформации (XV–XVII вв.).

Прежде всего необходимо отметить такую черту, как расширение масштабов всепроникающего и всеобъемлющего духа *рационализма*. Этот период – уникальный, противоречивый и во многом трагический – сыграл значительную роль в том, чтобы когнитивный потенциал, накопленный ранее, смог найти применение на практике. Действительно, рационализм XVI–XVII вв. (не как направление философской мысли, но как вера во всеисилие разума) практически целиком базируется на феноменальном рывке, который по преимуществу осуществляется в механике, а эти два века подарили Европе научно-технических открытий почти в два раза больше, нежели вся история Средневековья.

И, самое существенное, речь должна, видимо, идти не только о социально-экономической, но и политической и культурно-психологической *готовности* европейских стран к изменяющейся мировой конъюнктуре. Здесь решающую роль в той исторической обстановке играли несколько взаимодействующих факторов. Во-первых, уровень и характер ломки феодальных структур и внедрения буржуазно-капиталистических отношений. Во-вторых, перевод значительной степени предприятий мелкого и среднего ремесленно-цехового производства в расширенное мануфактурное. В-третьих, становление единой централизованной власти, нацеленной на формирование национальной государственности. В-четвертых, образование общего национального рынка страны. В-пятых, превращение товарно-денежных отношений в движущий нерв организации жизни общества, а «презренных денег» в определяющий культурно-психологический мотив поведе-

ния и сознания людей, вместо прежнего «облагораживающего кровь» землевладения и натурального хозяйствования.

Причем, чтобы та или иная страна полностью соответствовала предъявляемым требованиям готовности, эти факторы должны были действовать в органической взаимозависимости друг с другом. Перемещение «центра силового притяжения» в атлантический регион в довольно короткий период времени сказалось на хозяйственном оскудении и торгово-экономическом упадке Средиземноморского региона. По цепной реакции это привело к хроническому ослаблению Юго-Западной Германии и ряда других, исторически тесно привязанных к средиземноморской торговле областей Центральной Европы. Купеческая Ганза, на протяжении всего феодального периода безраздельно доминировавшая в торговом обмене стран Балтийского бассейна, в новых исторических условиях, не выдерживая конкуренции с зарождающимися национальными государствами, также находилась на нисходящей фазе своего развития. Естественно, в свою очередь, это повлекло за собой ухудшение хозяйственной конъюнктуры остэальбской Германии, Дании, Польши и Восточной Прибалтики.

С окончанием «холодной войны» на задний план отошли проблемы национальной и европейской безопасности и прежде всего опасность широкомасштабного вооруженного конфликта между двумя военными блоками.

Исчезновение блокового противостояния в Европе, объединение Германии, начало системной трансформации в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ) поставили страны Европейского союза (ЕС) перед новыми вызовами. Стремление «растворить» возрастающее влияние Германии на европейскую политику подталкивало партнеров Бонна к углублению интеграции в рамках ЕС. Сторонниками этой линии, хотя и с определенными оговорками, выступали, в частности, Франция, Италия, ряд малых стран ЕС. С самого начала эту линию поддержала и Германия. Наиболее скептически относившаяся к углублению интеграции Великобритания отдавала предпочтение иному варианту адаптации ЕС к новым условиям, а именно: расширению состава ЕС за счет государств ЦВЕ. В течение короткого периода основные дискуссии в рамках ЕС сводились к обсуждению дилеммы: углубление или расширение? В конечном счете выбор был сделан в пользу углубления интеграции, которое сопровождалось бы ее последующим расширением сначала за счет развитых западноевропейских государств, а затем и стран ЦВЕ.

К числу основных дилемм европейской политики, от разрешения которых во многом зависит будущая система межгосударственных отношений в Европе, относятся следующие:

1. Объединение Германии и снятие последних формальных ограничений ее суверенитета способствовали возрождению в ряде стран опасений по поводу возможных притязаний Германии на доминирующую роль в Европе. Активизация политических и экономических связей Германии со странами ЦВЕ и Россией; ее ведущая роль в поддержке проводимых здесь реформ и в обеспечении притока иностранных инвестиций лишь усилили подозрения, что на каком-то этапе Германия может поддаться соблазну проведения не согласованной с партнерами по ЕС

и НАТО политики. «Ренационализация» политики Германии, а в результате и других государств может возродить соперничество европейских держав, чреватого новыми конфликтами.

В процессе объединения Германии западные страны исходили из того, что основной гарантией предсказуемости ее политики является интеграция Германии в ЕС и НАТО. Эту точку зрения в итоге приняло и советское руководство, согласившееся с участием объединенной Германии в НАТО и оговорившее ряд ограничений для военной деятельности НАТО на территории бывшей ГДР. Стремление обеспечить более глубокую интеграцию Германии в многосторонние структуры стало одним из побудительных мотивов ускорения процесса преобразования Европейских сообществ в Европейский союз, постепенного расширения наднациональных полномочий союза, в рамках которых предполагается «растворить» возросшее влияние ФРГ

Хотя в самой Германии дискуссия о ее роли в Европе и мире только начинается, политика страны после объединения направлена на снятие опасений соседних государств. В политическом классе ФРГ с начала 90-х годов сложился консенсус относительно приоритетов европейской политики, в число которых входят следующие:

- сохранение приверженности интеграции в ЕС и НАТО, отказ ФРГ от односторонних действий; Германия не только согласилась с расширением полномочий ЕС, но и является сторонницей этого процесса;
- содействие вступлению стран ЦВЕ в западные структуры; тем самым Бонн стремится преодолеть противоречие между интеграцией в ЕС и НАТО, с одной стороны, и активной политикой в ЦВЕ – с другой;
- Германия стремится к сохранению партнерских отношений с Россией, избегая при этом установления «особых», способных возродить опасения по поводу «ревизионистского» характера германской политики в Европе; баланс собственных интересов, интересов европейских государств и России при этом видится в определении оптимальных путей интеграции России в новую систему отношений в Европе.

2. На протяжении ряда веков отношения России с Европой в концептуальном и в практическом плане характеризовались как взаимным притяжением, так и взаимным отталкиванием. Демократизация сначала в СССР, а затем в России, политика рыночных реформ и адаптации к мирохозяйственным процессам создают предпосылки для постепенной интеграции России в новую систему европейских и глобальных отношений на основе партнерства. Тем не менее судьба и конечный результат российских реформ, самоидентификация России, определение ее места и роли в новой Европе еще в высшей степени неопределенны. Завершатся ли российские реформы созданием подлинно демократического общества с эффективной рыночной экономикой или, как это не раз случалось в истории, вновь возобладает национал-патриотическая реакция? Ответ на этот вопрос должна дать сама Россия.

3. Преодоление политического и идеологического раскола Европы в конце 1980-х гг. не сняло и не могло автоматически снять проблему разрыва в уровнях

социально-экономического развития между государствами Запада и Востока Европы. Десятилетия коммунистического господства и плановой экономики затормозили развитие ЦВЕ, отбросили ее на обочину мирового и европейского хозяйства. Наиболее развитые страны ЦВЕ по уровню ВВП на душу населения сопоставимы с беднейшими странами ЕС. Проблемы и продолжительность переходного периода в ЦВЕ существенно недооценивались в начале 1990-х гг., поэтому социально-экономические разделительные линии сохраняются в Европе и в обозримой перспективе. Трудности переходного периода порождают опасность внутренней дестабилизации в отдельных странах, способной иметь трансграничные последствия. Наиболее тревожным примером внутренней дестабилизации явился хаос в Албании в 1996–1997 гг.

4. После окончания «холодной войны» Европа не избежала возникновения локальных и региональных конфликтов, в том числе вооруженных. Массовое применение силы в бывшей Югославии стало самым тяжелым шоком для Европы, не испытывавшей столь масштабных потрясений на протяжении всего послевоенного периода. В связи с возникновением открытых конфликтов в странах бывшего СССР, проведением этнократической политики рядом новых независимых государств, порой приобретающей характер «этнических чисток», латентной опасностью сепаратизма и ирредентизма в ЦВЕ проблема внутренних конфликтов и «агрессивного национализма» сегодня рассматривается в качестве одного из главных вызовов европейской безопасности.

Большинство современных конфликтов в Европе приобрело форму военного противостояния в тех странах, которые не прошли этап формирования национальных государств (или государств-наций), завершившейся в большинстве европейских государств в XIX в. Во многих странах Юго-Восточной Европы и бывшего СССР действуют и иные комплексные факторы, позволяющие предположить, что конфликтность и нестабильность, скорее всего, будут неизменными спутниками процессов формирования новых национальных государств и модернизации. Все это в начале 1990-х гг. поставило сообщество европейских государств перед необходимостью определения эффективных инструментов управления кризисными ситуациями, а также разработки долгосрочной стратегии и политики предупреждения внутренних конфликтов.

5. Военное вмешательство НАТО в конфликт в Косово (СРЮ) в марте – июне 1999 г. поставило перед Европой ряд новых проблем. Первая из них – продемонстрированная НАТО претензия на право военной интервенции без санкции Совета Безопасности ООН или ОБСЕ за пределами зоны собственной ответственности в случае (как это имело место в СРЮ) грубых нарушений прав человека и национальных меньшинств. Вместе с тем косовский кризис 1998–1999 гг. обнажил другую, более серьезную и долгосрочную проблему. Она связана с отсутствием у международного, в частности европейского сообщества государств, инструментов мирного, без военной эскалации вмешательства во внутренние процессы в том или ином государстве, когда они ставят данное государство на грань гуманитарной катастрофы или массового нарушения прав человека и на-

циональных меньшинств. Необходимость разработки соответствующих международных инструментов стала очевидной именно и прежде всего на фоне косовского кризиса.

6. Новые вызовы безопасности позволили в 90-е годы говорить о нетрадиционных измерениях политики безопасности, не сводимой больше к политике обороны, ограничения вооружений и контроля над вооружениями. Среди новых вызовов безопасности наибольшее внимание в последнее время привлекает массовая миграция населения, в том числе возросшие потоки беженцев; незаконный оборот наркотиков и торговля оружием; приобретающие международный характер терроризм и организованная преступность.

Если в 1989–1992 гг. большинство европейских государств проявляли осторожность в оценке возможных вариантов формирования новой европейской системы, то с 1993–1994 гг. по ряду объективных причин набор обсуждаемых вариантов постепенно сужался. К 1997 г. этап дискуссий завершился. Более очевидными стали контуры формирующегося облика Европы, хотя его детали еще остаются предметом обсуждений. По существу, в 1993–1997 гг. произошла «смена парадигмы» формирования единой Европы, которая рождается сегодня не на основе «сближения» Востока и Запада, а в результате постепенного расширения западных организаций. Наиболее существенным в этом плане является расширение на Восток ЕС и НАТО. В то же время многообразие европейских процессов не сводится к расширению этих организаций, а ведет к формированию «концерта» европейских институтов, каждый из которых по-своему уникален и незаменим с точки зрения управления европейскими процессами.

Усилия по углублению интеграции в рамках ЕС неоднократно предпринимались и до окончания «холодной войны», хотя в силу разногласий между основными государствами-участниками они ограничивались, как правило, половинчатыми решениями. В 1985 г. главы государств и правительств стран ЕС согласовали пакет реформ и дополнений к договорам о ЕС, сведенных в Единый европейский акт, вступивший в силу в 1987 г. Этот документ предусматривал, в частности, завершение формирования общего внутреннего рынка до конца 1992 г., возврат к принятию значительной части решений в ЕС большинством голосов, а также расширение полномочий Европарламента. Одновременно с этим расширялась сфера компетенции ЕС за счет включения в нее политики в области исследований, технологии и охраны окружающей среды. С принятием Единого европейского акта была создана договорная основа деятельности Европейского совета, а также «европейского политического сотрудничества», предполагавшего согласование внешней политики государств ЕС.

Перемены в Европе подтолкнули страны ЕС к более радикальным шагам в деле углубления интеграции. 9–10 декабря 1991 г. на встрече лидеров стран ЕС в Маастрихте (Нидерланды) был одобрен проект договора о Европейском союзе, подписанного министрами иностранных дел и финансов 7 февраля 1992 г. и вступившего в силу 1 ноября 1993 г. Договор предусматривает существенное углубление интеграции по ряду направлений:

1. Европейское экономическое сообщество, учрежденное Римским договором 1957 г., преобразовано в Европейский союз. Заметно расширена сфера деятельности ЕС. Таможенный союз, общий рынок, общая сельскохозяйственная и внешнеторговая политика с 1999 г. были дополнены Европейским валютным союзом (ЕВС), согласованной политикой в сферах охраны окружающей среды, здравоохранения, образования и социальной сфере. В силу компромиссного характера Маастрихтского договора компетенция органов ЕС в перечисленных областях неодинакова и не всегда безусловна. Договором предусматривается введение института «гражданства ЕС», не отменяющего гражданства отдельных государств. Сформирован комитет по региональным вопросам. Расширены полномочия Европарламента.

2. Новым направлением деятельности ЕС стало осуществление совместной внешней политики и политики безопасности (СВПБ), развивающей опыт «европейского политического сотрудничества» и предусматривающей согласование и осуществление странами ЕС совместных внешнеполитических действий на основе единогласно принятых решений.

3. Новым направлением стало сотрудничество в сфере внутренней политики. Речь идет, в частности, о согласовании политики стран ЕС по предоставлению политического убежища, регулированию иммиграционных процессов, борьбе с незаконным оборотом наркотиков и преступностью, о более тесном сотрудничестве полицейских служб. Однако и в этой области для принятия согласованных мер требуется единогласие в Совете министров ЕС.

Сам Маастрихтский договор стал результатом сложных компромиссов между еврооптимистами и евроскептиками внутри союза. Договором была предусмотрена возможность пересмотра и дальнейшего развития его положений межправительственной конференцией стран ЕС, к компетенции которой относилось рассмотрение вопросов дальнейшего развития сотрудничества в областях СВПБ, внутренней политики и юстиции. Конференция открылась 29 марта 1996 г. в Турине (Италия) заседанием Европейского совета на уровне глав государств и правительств и завершилась в Амстердаме 16–17 июня 1997 г. принятием Амстердамского договора, подписанного министрами иностранных дел 2 октября 1997 г. Договор оформил продвижение вперед по ряду направлений, в том числе являвшихся предметом разногласий в процессе подготовки Маастрихтского договора. Договор, вступивший в силу 1 мая 1999 г., в частности, предусматривает следующее:

- расширение компетенции ЕС в сфере внутренней политики. Европол, созданный в Гааге в качестве центра по сбору, обработке и обмену информацией, наделяется оперативными функциями. Расширяется международное сотрудничество национальных полицейских и таможенных ведомств, органов правосудия. В течение пяти лет после вступления договора в силу должен быть снят контроль на границах между всеми странами ЕС (за исключением Великобритании и Ирландии) и установлены общие стандарты контроля за внешними границами. Расширяется компетенция ЕС в сфере

политики по предоставлению политического убежища, иммиграции, в отношении беженцев;

- регулирование правового положения граждан стран ЕС. Расширяются возможности ЕС принимать меры против проявлений дискриминации. Обязательным для всех стран союза становится принцип равноправия мужчины и женщины;
- расширение функций союза в сфере социальной политики. В договоре впервые появилась глава о координации политики занятости. Великобритания впервые согласилась признать в полном объеме обязательства, вытекающие из согласованной социальной политики стран ЕС. Договором устанавливаются минимальные стандарты в области здравоохранения. Политика ЕС в любой области должна соответствовать экологическим критериям;
- укрепление и совершенствование механизма СВПБ. Усовершенствована процедура принятия решений в рамках СВПБ. Хотя принципиальные решения по-прежнему требуют единогласия, так называемые исполнительные решения могут теперь приниматься большинством голосов. Учреждена должность генерального секретаря Европейского совета, ответственного за разработку и осуществление СВПБ;
- новые функции по регулированию международных кризисов Амстердамским договором к компетенции ЕС отнесено осуществление гуманитарных акций, а также операций по поддержанию и укреплению мира. На основе единогласия ЕС может принимать политические решения, уполномочивающие ЗЕС на проведение таких операций. Поскольку в ходе межправительственной конференции так и не был решен вопрос о перспективе интеграции Западноевропейского союза (ЗЕС) в структуры ЕС, была предусмотрена возможность принятия ЕС политических решений на основе единогласия, уполномочивающих ЗЕС на проведение миротворческих операций. После изменения негативной позиции Англии в отношении интеграции ЗЕС в Европейский союз (что нашло отражение во францужско-британской декларации, подписанной в Сен Мало 4 декабря 1998 г.) на данном направлении сотрудничества стран ЕС обозначился принципиальный сдвиг. На саммите ЕС в Кёльне 3–4 июня 1999 г. было принято решение о разработке и реализации в рамках СВПБ совместной европейской политики в области безопасности и обороны. Кёльнское решение, предусматривающее предоставление полномочий для самостоятельного осуществления военных операций по обеспечению мира в условиях вооруженных кризисов при опоре на инфраструктуру НАТО, а также создания необходимых для этого органов ЕС, включая комитет по политике безопасности, военный комитет, штаб ЕС и др., по существу означает полную интеграцию ЗЕС в структуры Европейского союза;
- реформу структур и институтов ЕС цель которой – укрепление позиций Европейского парламента и Европейской комиссии, совершенствование пра-

вил принятия решений, в том числе путем расширения перечня вопросов, по которым решения принимаются большинством голосов.

15 июля 1997 г. Комиссия ЕС представила «Повестку дня 2000», содержащую рекомендации относительно основных направлений реформы в деятельности союза, обусловленных положениями Амстердамского договора и предстоящим расширением ЕС на Восток. Эти рекомендации были одобрены главами государств и правительств стран ЕС на специальном заседании Европейского совета в Берлине 26 марта 1999 г.

Согласование «Повестки дня 2000» призвано разрешить противоречия, возникающие в ходе одновременного углубления интеграции и расширения Европейского союза. Наименее спорным был вопрос о вхождении в ЕС развитых стран Европы. В 1993 г. вступило в силу соглашение между странами ЕС и Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) о создании Европейского экономического пространства (ЕЭП), фактически позволившее странам ЕАСТ войти в единый рынок ЕС. Однако соглашение о ЕЭП довольно быстро отошло на задний план в связи с тем, что Швейцария не ратифицировала его в ходе референдума, а четыре государства – Австрия, Норвегия, Финляндия и Швеция – начали переговоры о вступлении в ЕС. С 1 января 1995 г. Австрия, Финляндия и Швеция стали членами ЕС, число участников которого возросло с 12 до 15.

Наиболее сложным и спорным был вопрос о вступлении в ЕС стран ЦВЕ. В течение ряда лет после краха коммунистических режимов в Европе ЕС не занимал четкой позиции по этому вопросу, хотя уже на раннем этапе им была разработана стратегия более тесного сотрудничества со странами ЦВЕ на основе соглашений об ассоциации, известных как «европейские соглашения». Первыми такие соглашения с ЕС 16 декабря 1991 г. подписали Венгрия, Польша и Чехословакия. Впоследствии они были подписаны со всеми 10 государствами ЦВЕ.

«Европейские соглашения» предоставили подписавшим их странам статус ассоциированных членов и предполагают возможность их вступления в ЕС, регулируют политические и экономические отношения с союзом, включая установление режима свободной торговли. Соглашениями устанавливаются механизмы поддержания постоянного диалога между сторонами, обеспечивается более широкий доступ стран ЦВЕ к информации о процессе принятия решений в ЕС, определяются механизмы оказания технической и финансовой помощи реформам, в частности, в рамках программы ФАРЕ.

Однако само по себе приобретение статуса ассоциированных членов не являлось гарантией вступления в Европейский союз. Лишь на заседании в Копенгагене 21–22 июня 1993 г. Европейский совет принял политическое решение о том, что «ассоциированные страны Центральной и Восточной Европы, желающие того, станут членами Европейского союза». При этом высший политический орган ЕС не обозначил временные рамки возможного вступления, оговорив лишь, что для полноправного членства в союзе кандидаты должны соответствовать ряду экономических и политических критериев. При этом совет оговорил, что вступление новых членов не должно нанести ущерб дееспособности союза. Помимо ориен-

тации программы ФАРЕ на подготовку стран ЦВЕ к вступлению в ЕС в Копенгагене странам-кандидатам было предложено вступить в «структурированный диалог» с ЕС, в ходе которого могли бы быть прояснены все вопросы их отношений с союзом.

Более конкретная стратегия ЕС по интеграции стран ЦВЕ была принята на заседании Европейского совета в Эссене (Германия) 9–10 декабря 1994 г. Совет отметил, что переговоры о вступлении стран ЦВЕ в ЕС смогут начаться лишь после завершения межправительственной конференции, а также после тщательного анализа возможного влияния расширения ЕС на его дееспособность и готовности кандидатов к вступлению в союз. Совет определил набор краткосрочных и долгосрочных мер по подготовке стран ЦВЕ к вступлению в союз.

Несмотря на существовавшие в союзе разногласия и наличие сторонников одновременного начала переговоров со всеми странами-кандидатами, ЕС в результате проводит дифференцированную политику в отношении стран ЦВЕ. В пятерку первых кандидатов из числа стран ЦВЕ вошли Венгрия, Польша, Словения, Чехия и Эстония. 31 марта 1998 г. с ними, а также с Кипром, были начаты переговоры. Считается, что они смогут вступить в ЕС в 2001 г., но Комиссия ЕС исходит из более реалистичного срока – 2003 г.

Остальным пяти кандидатам на вступление в ЕС была предложена особая программа партнерства, учреждена специальная конференция с участием всех стран-кандидатов на вступление в ЕС для обеспечения более тесной координации и гармонизации их политики с политикой союза. Проанализировав зависимость количества стран-членов европейского интеграционного процесса от времени, можно разделить историю ЕС на два этапа. С 1946 до 1991 г. в состав содружества каждые четыре года вступала, в среднем, одна страна. С 1991 по 2008 г. угол наклона кривой резко увеличивается: теперь в ЕС вступают за четырехлетний цикл три страны. Не удивительно, что графики пересекаются в 1991 г.: Беловежские соглашения, которые «подвели черту» под историей СССР, предоставили Евросоюзу обширное поле деятельности.

Сегодня ЕС – это 373 млн. чел. (США – 268 млн., Россия – 110 млн) и 9,2 трлн долл. совокупного ВВП. По этому показателю союз несколько уступает США с их 9,9 трлн, но значительно превосходит Россию (чуть больше 0,5 трлн. «белого» ВВП). ЕС не является империей, федерацией, конфедерацией или иной формой наднационального государства. Это, скорее, сложный комплекс международно-правовых договоренностей, подписантами которых является большинство европейских государств, единый ареал действия множества сервитутов, определенная «рамка», выстроенная для любых жизненных форматов.

Евросоюз представляет собой единый рынок, в рамках которого выполняются четыре свободы передвижения: людей, капитала, товара и услуг. ЕС, однако, нельзя в полной мере отнести к либеральной экономической модели, потому что общеевропейский рынок является хотя и антимонопольным, но зато жестко регулируемым через систему квотирования. Для того чтобы представить геополитические перспективы ЕС, необходимо понять, за счет чего Европейский союз живет и что обеспечивает ему конкурентные преимущества в современном мире.

Прежде всего отметим, что объединение (ресурсов, рынков, территорий) само по себе никаких выгод не дает. Напротив, с ростом размеров управляемой системы увеличиваются непроизводительные затраты на управление – тем быстрее, чем выше степень неоднородности системы. Собственно, именно этим обстоятельством был обусловлен процесс распада колониальных империй (в т. ч. Советского Союза), характерный для второй половины XX в. Это утверждение, однако, справедливо только в статике, когда система перестает расширяться и начинает нуждаться в снижении издержек на управление. В стадии же экспансии возникает столь значительный разовый выигрыш за счет падения трансграничного транспортного сопротивления, что он перекрывает любые издержки. Следует также иметь в виду, что растущая система способна получать конкурентные преимущества, управляя ценами на мировом рынке, или же поглощая «чужие» не до конца оформленные производственные кластеры.

Европейский союз, как и всякое общество, в котором экономика подчинена чуждой ей формальной логической схеме (в данном случае правовой) представляет собой неэффективный хозяйственный механизм. Когда рост ЕС – реальный или потенциальный – прекратится, начнут проявляться имманентные недостатки европейского интеграционного механизма: бюрократичность системы управления квотами, зарегулированность локальных рынков, неадекватность коммуникационных форматов, плохая логистика транспортных потоков.

Следовательно, элиты Европейского союза сделают все, чтобы расширение ЕС продолжалось. «Общий рынок» в его современном виде обречен на экспансию, на экстенсивное развитие. Одной из таких проблем является формальный географический характер Европы. Принято понимать под этим названием часть евроазиатского суперконтинента, ограниченную Северным Ледовитым океаном, Уральскими горами, рекой Урал, побережьем Каспийского моря, Главным Кавказским хребтом, Черным, Мраморным и Средиземным морями, Атлантическим океаном. Если Британские острова издревле воспринимались как часть Европы, то уже относительно Ирландии и Исландии этого сказать нельзя. Не определен и статус островов Средиземного моря, хотя сейчас их принято относить к Европе.

В любом случае, если не считать России, после 2004 г. останется не слишком много земель, на которые ЕС может претендовать, оставаясь Европейским союзом. Украина с Белоруссией и Молдавией, Болгария и Румыния, островные государства Мальта и Кипр, которые то присоединяются к интеграции, то отказываются от нее, наконец, Турция, которая имеет территории в Европе. Значительная часть этих земель всегда относилась к российской сфере влияния, и, естественно, восстанавливая свой геополитический статус, Россия стремится выстроить с ними адекватную систему экономических связей. Тем самым, ее логика возвращения в круг великих держав сталкивается с логикой Европейского союза, вынужденного играть в экстенсивное развитие.

Одна из проблем ЕС – перегруженность экономики содружества политическими и экологическими обязательствами. В течение какого-то времени союз «выжи-

мал» из экологии конкурентные преимущества, но сейчас возможности в этом направлении почти исчерпаны... если только Россия не согласится сама по доброй воле подписать Киотский протокол.

Наиболее значимыми для судеб ЕС стали этнические и конфессиональные проблемы. Страны Западной Европы находятся под двойным демографическим давлением. С юга на их территорию проникают представители афроазиатской (исламской) цивилизации, причем алжирцы и марокканцы обосновались на территории Франции, в то время как турки все более меняют демографический облик Германии. С востока антропопоток переносит в развитые страны ЕС эмигрантов из стран СНГ, дальних «задворков» Восточной Европы и даже из Центральной Азии. Между тем социальные структуры ЕС уже потеряли способность к быстрой социокультурной переработке масс пришельцев. В результате иммигранты не ассимилируются, образуя в физическом или фазовом (например, профессиональном) пространстве своеобразные анклав. Как следствие, Европейский союз теряет ту свою идентичность, которая выражена в форматах, стандартах, правилах, законах и, по сути, представляет главный предмет европейского экспорта.

Сегодня Германия и Франция сложными путями, сплошь и рядом нарушающими букву и дух смыслообразующих документов содружества, удерживают миграционные потоки в определенных рамках. Но Турция может формально войти в ЕС, тогда ее граждане получат полную свободу перемещения в пределах содружества, и трудолюбиво выстроенная немцами система миграционных «стяжек и противовесов» разрушится.

Обострились проблемы ЕС с энергоносителями. На территории содружества сосредоточено 0,7 % мировых запасов нефти, 2,5 % газа, 7,3 % угля, но 16 % – мировых мощностей по переработке нефти и 17 % – по выработке электроэнергии. С годами эта диспропорция будет увеличиваться, поскольку новые, принимаемые в ЕС, страны ресурснедостаточны, а месторождения Северного и Норвежского морей близки к истощению. Еще более опасной выглядит ситуация с производством электроэнергии. ЕС попал в собственную ловушку природоохранных принципов и выйти из нее самостоятельно, по-видимому, не сможет.

В связи с радиофобией, спровоцированной у европейцев Чернобыльской катастрофой и собственными СМИ, в ЕС действует мораторий на строительство новых атомных электростанций. Этот мораторий не носит характер закона, и может быть отменен. Однако никто не хочет брать на себя ответственность за его отмену, поскольку с учетом господствующих настроений сегодня это равносильно политическому самоубийству. С другой стороны, защитники окружающей среды возражают против строительства ГЭС (да и в Европе их почти нигде строить). Нефти и газа не хватает, а угольные энергоцентры во-первых, малорентабельны, во-вторых, действительно, зримо загрязняют природу. Как следствие, принципиальное решение о путях развития энергетики ЕС не принято до сих пор, что заставляет предположить серьезный кризис в конце 2010-2015 гг. Принципиальную схему развития такого кризиса можно наблюдать на примере летней (2003 г.) катастрофы в США и Канаде – с той разницей, что там был нарушен локальный баланс теку-

щего производства/потребления электроэнергии, а в странах Европейского союза, по-видимому, образуется глобальный энергетический дефицит.

К структурообразующим проблемам ЕС следует отнести структурную и транспортную неоднородность организации, при определенных обстоятельствах провоцирующую выделение в отдельный рынок Северной Европы и замыкание Южной Европы на рынки Магриба и Леванта. Фраза Рамсдорфа о «старой Европе» воспринята немецкими лингвистами как одна из важнейших семантических находок года. Это означает, что уже сейчас начинает формироваться противоречие между «малой Антантой» (заметим, политически ориентирующейся в большей степени на США) и ядром Европейского союза, то есть – Францией и Германией.

С юга Европа подвергается раскалывающему давлению афро-азиатской плиты, включившей в себя южное побережье Средиземного моря. Образованный столкновением плит антропопоток имеет три составляющие: из Алжира и Мавритании – во Францию, из Турции – на Балканы и в Германию. Югославия, по-видимому, будет рассматриваться будущими поколениями историков как первое государство, погибшее при расколе европейской этнокультурной плиты.

В конце 2003 г. впервые за постперестроечный период открыто проявились противоречия между Европейским союзом и Россией. Уже указывалось, что Европейская плита отделена от Русской междуречьем линий Сан – Висла и Днепр – Западная Двина. Эта территория (Припятские болота, Полесье, Мазурские озера) до последнего времени была бедна дорогами и представляла скорее преграду, нежели коммуникационную линию. Народы, живущие здесь, извлекали выгоду из своего расположения между Россией и Европой, но оказывались заложниками постоянных военных и экономических конфликтов. После поражения в Третьей мировой («холодной») войне Россия оказалась отброшена за стратегический рубеж Днепра, а на ее западной границе возникли новые (или хорошо забытые) государства – Молдавия, Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония.

Поскольку, несмотря на потерю внешних «имперских земель», Россия сохранила за собой территориальный и геополитический ресурс, поскольку она по-прежнему богата практически всеми полезными ископаемыми, поскольку созданный в советское время ракетно-ядерный щит способен прикрыть ее от традиционных форм агрессии, современная экономическая ремиссия означает возвращение России в неформальный клуб великих держав, который она никогда и не покидала. А это значит, что перед Россией встает проблема политической и экономической организации постсоветского пространства и геополитически родственных ему территорий.

Следовательно, уже сейчас на западной границе России сталкиваются два альтернативных интеграционных плана: российский и европейский, воплощенный в сотнях томов документов, в миллиардах евро, в историческом опыте, в адекватной инфраструктуре.

Понятно, что России с ее 0,5 трлн долл. валового продукта не пришло время все-речь противостоять экспансии ЕС. Действительно, в 2003 г. оба стратегических стол-

кновения – в Молдавии и в Грузии были проиграны Россией. Рискну, однако, предположить, что в этих поражениях Россия сейчас заинтересована. Ресурсы ЕС не безграничны. Эти ресурсы уже связаны: в Восточной Германии, в Испании и Португалии, в Греции – странах, к моменту вступления в союз далеких от европейских стандартов потребления. Очень сильно связаны Польшей. Связаны экологическим законодательством. Связаны «гражданским обществом», «правами человека», «международной законностью», «международными обязательствами». Даже Киотским протоколом.

России стратегически выгодно, чтобы Европейский союз втянулся на ближайшие несколько лет (2004–2015 гг.) в трудноразрешимые внутренние проблемы российской периферии. За временные жертвы в Грузии, Молдавии и на Украине Россия может вознаградить себя в Литве и Польше. Вся сложность положения Европейского союза на востоке в том и заключается, что давление, которое ЕС оказывает на территорию лимитрофа, возвращается к форме геополитического напряжения между Восточной и Западной Европой.

Это напряжение неоднократно прорывалось летом 2003 г. в речах европейских политиков по неприятному для них иракскому поводу. В декабре 2003 г. (после событий в Молдавии, Грузии и на Украине!) противоречия между «старой» и «новой» Европой оформилось протокольно.

Раскол по малосущественному иракскому вопросу, возникший между «старой Европой», то есть Германией и Францией, и «малой Антантой», группирующейся вокруг Польши, неожиданно трансформировался в проблему «различного подхода» к конституции содружества. Конфликт вспыхнул из-за проблемы распределения голосов при голосовании. Вновь «германскому союзу» (Германия Франция) противостояла Польша, слишком поздно разглядевшая в ЕС все тот же СЭВ с «Варшавским договором», с единственной разницей, что место Советского Союза занимает Германия.

Испания поддержала Польшу. Великобритания заняла нейтральную позицию, но давление на Польшу оказывать не стала, чем, по сути, и определила срыв переговорного процесса. Это заставляет предположить серьезный кризис исполнительных механизмов Единой Европы.

Совершенно неожиданно свой вклад в усложнение геополитической обстановки в Европе внесла Швейцария. Парламентарии этой страны сначала под давлением финансового бизнеса в резкой форме отказались предоставлять ЕС, Европейскому суду или каким бы то ни было иным инстанциям сведения о хранящихся на территории страны вкладах. Трудно было ожидать чего-то иного – вся швейцарская экономика построена на принципе абсолютной независимости банковской системы – формальная резкость ответа стала для комиссаров Европейского союза неприятной неожиданностью. Швейцария воспользовалась своими связями в мире бизнеса и исключительно удачным географическим положением: страна представляет собой «выколотую точку» в политическом пространстве ЕС и важнейший в содружестве узел коммуникаций.

Ввиду важности вопроса о вкладах ЕС оказала на швейцарское правительство и парламент значительное давление, опираясь в основном на аргументацию

относительно «отмывания денег», «наркобизнеса», «грязных сделок с оружием», «государств-изгоев» и «примата международного права над государственным суверенитетом». Поскольку это давление оказалось безрезультатным, возникает впечатление, что этот участок общеевропейской позиции также ослаблен.

Серьезность каждой из перечисленных проблем не следует переоценивать, но их сочетание приводит к медленному распаду единой европейской системы антропоэкономических потоков на ряд местных систем. Другими словами, европейская плита, сжимаемая с трех сторон, начинает раскалываться. И в этом отношении ЕС попадает в классический сюжет любой многонациональной империи: такая империя начинает распадаться прежде, чем завершается ее создание.

Ввиду принятия в 1997 г., прежде всего ЕС и НАТО, решений о начале процесса их поэтапного расширения на Восток, а также с учетом промежуточных результатов дискуссии в рамках ОБСЕ о модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI в., ведущейся с 1995 г. по инициативе России, можно утверждать, что в настоящее время Европа вступила в решающую фазу формирования новой системы межгосударственных отношений, контуры которой вырисовываются все более четко.

Во-первых, это начавшееся расширение западноевропейского и атлантического сообществ безопасности. Динамика европейского развития в последние годы характеризовалась сменой парадигмы формирования «большой Европы». Сближение восточной и западной частей континента в рамках общеевропейских структур, идея которого пронизывает парижскую Хартию 1990 г., не стало доминирующей тенденцией. Превалировала тенденция к расширению западных организаций на Восток. Можно спорить о том, какие события привели к подобной смене парадигмы европейского единства, и была ли эта смена неизбежной. Но важно осознавать, что начавшееся расширение западных организаций означает не новый раскол Европы, а ее объединение.

Во-вторых, это плюралистический характер формирующейся системы европейской безопасности, если рассматривать ее с институциональной точки зрения. Уже на ранней стадии дискуссий об «архитектуре» европейской безопасности стало очевидно, что она не должна быть и не будет иерархичной. Речь сегодня идет, скорее, о том, как лучше выстроить «концерт» европейских организаций, в котором каждая из них исполняла бы свою «партию», исходя из необходимости их тесного взаимодействия, а не конкуренции, и учитывая ресурсы и возможности остальных.

Этот вывод предполагает признание того факта, что сейчас и в обозримом будущем ни одна европейская организация не сможет самостоятельно решить все проблемы переживаемого Европой переходного периода, а также справиться с возникающими рисками. Данный вывод в равной степени относится и к ОБСЕ, и к НАТО. Ни укрепление и расширение возможностей первой, ни расширение второй не являются ответом на все проблемы европейской безопасности, хотя порой в пылу полемики сторонники той или другой точки зрения абсолютизируют возможности отдельных организаций.

Таким образом, в действительности мы не стоим перед выбором: либо ОБСЕ, либо НАТО. Если расширение НАТО позволяет распространить стабилизирующее действие атлантического сообщества безопасности на ряд стран Центральной и Восточной Европы, то ОБСЕ сохраняет неоспоримое первенство в целом ряде областей европейской политики. Это единственная универсальная организация европейских государств, способная санкционировать действия других региональных организаций за пределами их непосредственной «зоны ответственности». ОБСЕ незаменима в сферах предотвращения и урегулирования локальных конфликтов, контроля над вооружениями и укрепления доверия в военной области, контроля за соблюдением прав человека и национальных меньшинств во всех государствах-участниках организации.

В-третьих, это отсутствие необходимости создавать новые организации в Европе. Задача сегодня состоит в том, чтобы упорядочить взаимодействие существующих региональных организаций, при этом устраняя неоправданное дублирование в их деятельности там, где оно возникает, улучшить координацию в интересах достижения синергетического эффекта от согласованных действий. Иными словами, речь идет о совершенствовании взаимодействия между ОБСЕ, НАТО, ЕС, ЗЕС, Советом Европы в соответствии с концепцией безопасности, основанной на сотрудничестве, а не о формировании системы коллективной безопасности в Европе.

Наконец, это вопрос о том, каким образом Россия будет встраиваться в новую систему отношений в Европе. Смена парадигмы формирования единой Европы, безусловно, имеет для России иное значение, чем для большинства восточноевропейских стран. Прежде всего потому, что в отличие от них перед Россией не стоит вопрос о вступлении в ЕС или НАТО. Расширение же последних сужает для России выбор путей интеграции в новую европейскую систему. Вместе с тем нет никаких оснований драматизировать происходящее в Европе¹.

Главный интерес России заключается в том, чтобы иметь дело с единой, а не с раздробленной Европой. И хотя соблазн поиграть на противоречиях между европейскими державами велик, для России важнее стабильность и предсказуемость Европы, обеспечиваемые в первую очередь многогранными интеграционными процессами как в ЕС, так и в НАТО. В этом смысле главное заключается в том, чтобы европейцы не растеряли, а, наоборот, укрепили и расширили свое единство.

Второй, не менее важный интерес России заключается в том, чтобы не допустить возрождения враждебных отношений между Россией и Западом, и в частности с Европой; найти пути приобщения России к расширяющемуся европейскому сообществу безопасности. Институционализация партнерских отношений с ЕС и НАТО должна стать одним из основных приоритетов российской политики в Европе. Специальные механизмы и институты, связывающие Россию с ЕС и НАТО, позволяющие согласовывать общие интересы и политику, должны стать новым звеном в системе европейских институтов (пока оно находится в рудиментном состоянии). Без этого звена новая система европейской безопасности выглядела бы

---

¹ См.: Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2001.

незавершенной, а заявления о том, что без участия России невозможно обеспечить стабильную безопасность в Европе, остались бы «пустым звуком».

Именно поэтому, а не потому, что Североатлантический союз расширяется на Восток, необходим диалог с НАТО. Хотя вопрос о строительстве отношений России с НАТО в последние годы оказался тесно увязанным с вопросом о расширении последней, углубление партнерства с альянсом имеет самостоятельное значение. Формирование долгосрочного партнерства между Россией и НАТО не просто отвечает интересам всех сторон, но и призвано стать одной из основ новой системы европейской безопасности. Для России же институционализация партнерства с НАТО наряду с развитием отношений с Европейским союзом является одним из важнейших условий обеспечения достойного места в этой системе.

Итак, в заключение отметим, в качестве предпосылок, обусловивших формирование *общеевропейской системы международных отношений*, выступают следующие моменты.

Во-первых, формирование осознанных элитами национально-государственных интересов, происшедших, как и сами государства, в результате развития капиталистических отношений и «политического класса». С формированием национально-государственных интересов появляется необходимость в стабильности и предсказуемости международных отношений.

Во-вторых, осознание оптимального характера политического, экономического, культурного режима системных контактов.

В-третьих, социально-политическая ситуация, требованием которой стала необходимость сплочения европейской цивилизационной международно-государственной системы.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В.Торкунов. М.:Просвещение, 2004.

Алгулян Д. В. Современные международные отношения. М., 2001.

Бузан Б. Уровни анализа в международных отношениях // Международные отношения: социологические подходы. М., 1998.

История дипломатии: В 3 т. / Под ред. В. П. Потемкина. М., 1941. Т. 1.

Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах / М. Жирар (рук. авт. колл.) // Индивиды в международной политике. М., 1996.

Поздняков Э.А. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986.

Поршнев Б.Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Под ред. В.И. Гантмана. М., 1984.

Современные международные отношения / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2001.

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2004.

Богомолов О.Т. Анатомия глобальной экономики: Учеб. пособие. М.: Академкнига, 2004.

Десягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: Курс лекций. 3 изд. М.: ИНФРА-М, 2003.

Гаджиев А.А. Геополитика. М., 2003.

Абралава А. Глобальное технологическое пространство и национальная экономика // Общество и экономика. 2004. № 3.

Бельчук А.И. Будущее глобализации и межкультурные отношения // Внешнеэкономический бюллетень. 2004. № 7.

Соколинский В.М. Феномен глобализации: надежда и сомнения // Финансовый бизнес. 2004. № 3.

Назаров М.В. Новый мировой порядок. Вероятный образ XXI в. М., 2003.

Борко Ю.А. Европа: новое начало, Декларация Шумана 1950–1990 гг. М., 1994.

Борко Ю.А. На пути к европейскому единству. М., 1992.

Горшкова С.А. Стандарты Совета Европы по правам человека. М., 2001.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы 1814–1878. М., 1995.

Кожевников М.Л. ЕС после Маастрихта: федерация, конфедерация. М., 1994.

Кортошкин В.А. Как подать жалобу в Европейский суд. М., 1998.

Лукашук И.И. Международное право М.:Бек, 2000.

Мареско М.В. Западная Европа на переломе веков: аспекты интеграционных процессов в ЕС. М., 1994.

Окунькова А.Р. Конституция государств Европейского союза. М., 1997.

Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. М.: Норма, 2000.

Энтин Л.М. Европейское право. М., 2001.

Кочетов Э. «Осознание глобального мира // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 5.

Рыбаков В. «Розовая Европа» в час глобализации» // Мировая экономика и международные отношения. 2001 // URL: <http://imemo.ru>

Фурсов А.И. Исследования современного миропорядка //URL: http://www.knogg.net/2006_006.htm

Сунгуров А. Миропорядок в XXI в.: суверенитет государства и защита прав человека // URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/balk/005.htm/>

ГЛАВА 5. МИРОВОЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК: СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Тема 22. Мировой и международный порядок как предмет изучения

1. Понятия «мировой» и «международный порядок».
2. Реалии взаимосвязи мирового и международного порядка.
3. Синергетический взгляд на становление мирового и международного порядка.

Одна из важных задач курса «Теория международных отношений» – методологически и методически правильное раскрытие содержательных характеристик таких понятий, как «мировой порядок» («миропорядок») и «международный порядок».

Указанная проблема затрагивалась древнегреческим историком Фукидидом и известным политическим теоретиком конца XV – начала XVI вв. Н. Макиавелли, над ней задумывались такие выдающиеся философы прошлого, как Т. Гоббс и Д. Локк, И. Кант и Г.В.Ф. Гегель, ей принадлежит одно из важных мест в теории К. Маркса. В связи с политическими, экономическими, глобализационными, интеграционными и другими процессами, ставшими неотъемлемыми элементами современного мира, данная тема, по-видимому, надолго не утратит своей актуальности. Такое внимание, разумеется, не может быть случайным.

В настоящее время интерес к проблеме мирового и международного порядка в научном сообществе огромен. Выходят сотни и тысячи монографий, статей, популярных изданий, посвященных этой теме. Пытаясь понять логику данного интереса, пожалуй, следует остановиться на том, что на рубеже XX и XXI вв. стал очевиден для всех распад так называемой Вестфальской системы мироустройства с ее двумя важнейшими принципами: «суверенитета государств» и «сосуществования государств». Как известно, длительное время они служили своеобразной опорной рамой, поддерживающей определенный порядок во взаимоотношениях государств. И вот сейчас мир оказывается в зыбком непредвиденном состоянии.

Исследователи отмечают, что международные отношения в первое десятилетие XXI в. завершили переход от биполярной, конфронтационной модели мира к новым очертаниям. Исчезновение политических основ Ялтинско-Потсдамского миропорядка не обрушило институционально-правовую основу старой системы, которая оказалась более прогрессивной, чем ее политико-идеологическое *alter*

его. Это обеспечило мирный (в отличие от всех предыдущих) переход от одной системы международных отношений к другой – без крупномасштабных конфликтов. Вместе с тем формирование относительно устойчивого мирового порядка пока далеко от завершения. Постоянно возникают новые факторы неопределенности, неожиданности и переменчивости.

В литературе, посвященной анализу международных отношений, не существует однозначного, общепризнанного определения понятия «мирового порядка». Некоторые исследователи склонны сводить его к совокупности юридических норм, то есть к международному праву, другие – делают упор на международную стабильность, третьи связывают с сохранением на международной арене определенного статус-кво в отношениях между государствами.

Понятие «мировой порядок» в научном общении встречается особенно часто. И это объяснимо. Однако мировой порядок определяется по-разному. «Миропорядок, – полагает Г.Х. Шахназаров, – это совокупность доминирующих в международных отношениях политических принципов, правовых норм и условий экономического обмена...»¹. На мой взгляд, мировой порядок – это *парадигма* (т. е. норма в широком контексте), определяющая суть, характер, стержень системы международных отношений.

Такое определение имеет важное теоретико-методологическое значение. Первое, понятие «миропорядок» охватывает совокупность факторов, прямо или косвенно влияющих на состояние и развитие международных отношений. Таким образом, удастся преодолеть или хотя бы свести к минимуму основную слабость научного анализа этой сферы – фрагментарность. Не приходится специально доказывать, какое это имеет значение и для теории, и для практики. Ведь оценки и тем более прогнозы, основанные на учете какого-то одного элемента или двух-трех, имеют весьма невысокую степень достоверности. Следовательно, могут вести к серьезным ошибкам в политике со всеми вытекающими отсюда последствиями. Второе, понятие «миропорядок» дает возможность организовать весь разнообразный материал, связанный с изучением международных отношений, рассмотреть его системно и разработать на этой основе единую теорию, тем самым резко расширив пределы предвидения будущего, повысив его достоверность. Третье, понятие «миропорядок» помогает органично связать международные отношения с процессом общественного развития в его глобальном выражении. Четвертое, понятие «миропорядок» позволяет скоординировать усилия многих наук как социально-гуманитарного, так и естественно-технического профиля, в поиске решения наиболее острых глобальных проблем современности.

Как справедливо замечает Дж. Айкенберри, центральной в международных отношениях является проблема порядка – как он устроен, как разрушается и как восстанавливается. Но чтобы подойти во всеоружии к рассмотрению «порядка в мировой политике», надо мысленно пройти по цепочке понятий: «порядок» – «социальный порядок» – «политический порядок». Только располагая ответом на об-

---

¹ Шахназаров Г.Х. Грядущий миропорядок. О тенденциях и перспективах международных отношений. М., 1981. С. 8.

щий, абстрактный (философский) вопрос: «что есть порядок вообще, порядок как таковой?», мы сможем составить представление о том, что такое порядок в мировой политике, мировой порядок, глобальный порядок, международный порядок.

О «порядке» писали такие крупные социологи и социальные психологи, как Ч. Кули, Р. Мертон, Л. Козер, Д. Ронг. Касались этого вопроса и некоторые международники, в частности, С. Хоффман и Я. Тинберген. В 1960–1970-х гг. над проблемой «нового мирового порядка» упорно трудились гуманисты-радикалы – Р. Фолк, С. Мендловиц и др., рассматривающие «порядок» как «установление», воплощающее «систему социальных и политических отношений». Но, пожалуй, наибольший вклад в разработку концептуального аппарата, необходимого для исследования проблемы, внес Х. Булл, автор ставшей классической книги «Анархическое общество. Исследование порядка в мировой политике».

Обосновывая свои взгляды, он проходит по той самой «цепочке», о которой говорилось выше. По его мнению, «сказать о некотором количестве вещей, что вместе они образуют порядок, – это значит сказать, в самой простой и самой общей форме, что они соотносятся друг с другом определенным образом, что их отношения не носят чисто случайного характера, а построены в соответствии с некоторым, отчетливо выраженным, образцом. Так, ряд книг, стоящих на полке, являют собой порядок, чего нельзя сказать о груде книг на полу».

Х. Булл в общем прав: порядок предполагает наличие определенных связей между образующими его вещами, а точнее, наличие корреляции, или взаимной соотнесенности всех элементов порядка друг с другом, при которой существенное изменение одного элемента неизбежно влечет за собой изменение (пусть отложенное во времени) остальных и, в конечном итоге, порядка в целом. Правда, при этом он оставляет нераскрытыми другие свойства порядка как родового феномена. Речь идет, прежде всего, об устойчивости (стабильности) связей, придающих порядку, если можно так выразиться, стационарность, т. е. обеспечивающих его устойчивость при взаимодействии со средой, в которую он погружен. Важно также подчеркнуть, что в динамических системах (а международные системы относятся к числу таковых) связи между элементами при всей их структурной устойчивости носят динамический характер, повторяются (воспроизводятся) при сохранении качественной определенности системы в изменяющихся ситуациях. Сказанное предполагает, что любому порядку присущи пространственные ограничения или, другими словами, упорядочение возможно лишь в рамках ограниченного пространства и необходимо представлять себе, каково оно.

Порядок в мировой политике – разновидность политического порядка, а политический порядок – разновидность порядка социального, который не может не воспроизводить, пусть в специфической форме, основные черты порядка как родового феномена. Специфика эта проявляется в его человеческой природе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Социальный порядок – это порядок, устанавливаемый людьми, среди людей и ради людей.

Мы говорим «среди людей», имея в виду, что он связывает их между собой, задает определенные параметры их взаимоотношений. Социальный порядок –

незримый каркас общества. Он находит конкретное воплощение в системе социальных институтов (не путать с социальными организациями) нравственных, правовых, эстетических и иных принципов и норм, регулирующих отношения между людьми.

Мы говорим «ради людей», желая тем самым подчеркнуть, что социальный порядок всегда выстраивается во имя определенной цели, причем желательно, чтобы этой целью стало обеспечение блага как можно большего числа людей. В этом духе и строит свои рассуждения Булл. «Под порядком в общественной жизни, – пишет он, – я понимаю образец человеческой деятельности, которая поддерживает элементарные, первостепенные или универсальные цели общественной жизни». Эти цели – обезопасить человеческую жизнь от насилия; добиться выполнения соглашений и договоренностей между людьми; гарантировать им обладание собственностью, т. е. обеспечить «три базовые ценности всякой социальной жизни, именуемые иногда ценностями жизни, истины и собственности».

Гуманистическая настроенность Х. Булла заслуживает всяческой поддержки. Но сводить социальный порядок к идеалу – значит закрывать глаза на реальность, которая, как правило, далека от идеала, что не мешает ей оставаться порядком. Человеческим порядком, который правильнее называть не устанавливаемым (установленным), а устанавливающимся (установившимся), ибо он являет собой непрогнозируемый результат столкновения воли различных (групп) людей и их взаимодействия со средой существования. Порядком, в котором находит отражение изначально заложенная в природе социального бытия ограниченность возможностей человека как проектировщика и строителя социума, и такой порядок в этом качестве не имеет альтернатив.

Уровень эффективности и устойчивости социального порядка зависит от степени его поддержки теми, на кого он распространяется. Действенный и стабильный социальный порядок – тот, относительно основных параметров которого, в обществе существует консенсус. Если же таковой отсутствует, если порядок навязан силой, то его исчезновение или ослабление неминуемо ведут к распаду данного порядка.

Разновидностью социального порядка является порядок политический. Наиболее популярное определение «политики» трактует ее как отношения по поводу власти. И это в принципе закономерно: без власти нет политики. Но выражает ли она сущность последней? Ведь власть для общества – не цель, а средство, инструмент самосохранения. Обеспечить же самосохранение, т. е. нормальное функционирование и развитие социального целого, призвана политика. В таком случае политический порядок можно охарактеризовать как структуру общественных отношений (материализующихся в разного рода институтах, принципах, правилах), которые должны сохранять целостность той или иной социальной системы – от небольшого поселения до мирового сообщества. И воспроизводится этот порядок путем принятия и реализации управленческих решений, что, собственно, и составляет суть политики.

Определение порядка как некоторой структуры отношений подразумевает,

что он должен опираться на формальную юридическую базу – договор или комплекс взаимосвязанных соглашений, устав международной организации и т. п., если только, конечно, не имеется в виду порядок в условиях однополярного мира.

В свою очередь, специфической разновидностью политического порядка выступает порядок в мировой политике. Сам факт его существования принимается сегодня специалистами почти как аксиома. Четверть века назад Х. Буллу приходилось доказывать, что отношения между государствами и другими акторами, действующими на мировой арене, имеют упорядоченный характер, несмотря на «анархию в международных отношениях» – отсутствие органов власти (вроде мирового правительства), которым были бы готовы подчиняться суверенные государства, международные организации и другие субъекты мировой политики.

М. Уайт и Х. Булл определяли международный порядок как регулирование межгосударственных взаимодействий, создающее и поддерживающее определенные ценности и нормы. Он содержит три основных компонента, представляющих собой первичные цели членов международного общества: 1) стремление всех государств к безопасности; 2) их заинтересованность в выполнении достигнутых соглашений; 3) забота о сохранении своего суверенитета.

В качестве примера можно привести государства, между которыми существуют отношения взаимного уважения и в то же время полного безразличия к внутренним делам друг друга, что делает возможным в том или ином из них геноцид или экономическую эксплуатацию основной массы населения. Напротив, мировой порядок немыслим без создания эффективных процедур межгосударственного сотрудничества, предполагающих особый международный порядок, отвечающий общим основным целям и ценностям их граждан. В юридических терминах речь идет о различии между правами государств (взаимном уважении суверенитета) и правами человека. Разница между рассматриваемыми понятиями заключается и в том, что если международный порядок как более или менее оптимальное устройство международных отношений, отражающее возможности общественных условий, существовал практически на всех этапах истории межгосударственных отношений, то этого нельзя сказать о мировом порядке.

В проблеме мирового и международного порядка сконцентрировано представление о взаимодействующих на мировой арене социальных общностях как о составных частях, элементах единого социума – «международного общества», – характер отношений между которыми все больше напоминает характер отношений, существующий в рамках тех или иных внутригосударственных границ. Британская школа, возглавляемая Х. Буллом, исходит из трех допущений: 1) международное общество – это *факт* международных отношений; 2) из этого факта вытекают *обязательства* со стороны членов международного общества по отношению друг к другу; 3) международное общество находится в процессе перехода от общества государств к обществу людей (т. е. к мировому обществу) и от международного порядка к мировому. Последнее означает, что по мере такого перехода формируется международное общественное сознание, распространенное по всему миру как чувство *сообщества*.

При сохранении своих отличительных особенностей (отсутствие центральной

власти, плюрализм суверенитетов, территориальная разделенность и т. п.), рудиментов «права сильного», конфликтов и войн, международные отношения наших дней уже не могут быть представлены в виде «естественного состояния», когда сильный делает все то, что он хочет, а слабый – лишь то, что может¹.

Конечно, как единой социально-политической организации, управляемой единым правительством на основе общих законов, международного общества не существует. Трудно предполагать, что оно вообще возможно в обозримом будущем. Однако столь же трудно и отрицать, что государства и народы, населяющие планету, связаны сегодня нитями единой мировой экономики, представлены в совместных политических и иных структурах и сталкиваются с общими вызовами и проблемами. Иначе говоря, существует тот минимум единства и организации, который позволяет говорить о том, что существование международного общества – вполне очевидная реальность. А это означает, что такой же реальностью является мировой и международный порядок.

В определении мирового и международного порядка следует исходить из характеристики социального, или общественного порядка. Общественный порядок – такая организация социальной жизни, которая противоположна анархии, отрицающей всякую власть одних социальных общностей над другими, проповедующей неподчинение любому руководству и ничем неограниченную свободу личности. Иначе говоря, общественный порядок – это определенная организация в жизни социума, ее регулирование на основе определенных (например, государственно-правовых) норм и общих (например, национальных, культурных, морально-этических и т.п.) ценностей. Определение порядка как некоторой структуры отношений подразумевает, что он должен опираться на формальную юридическую базу – договор или комплекс взаимосвязанных соглашений, устав международной организации и т. п., если только, конечно, не имеется в виду порядок в условиях однополярного мира.

Понятия «мировой» и «международный порядок» относятся к глобальной социальной общности, образованной совокупностью различных общественных субъектов (акторов), действующих на мировой арене. Возникает вопрос, возможен ли общественный порядок в сфере международных отношений, которая характеризуется отсутствием единой центральной власти, многообразием несовпадающих между собой ценностей, а также отсутствием высшего органа, который определял бы правомерность или неправомерность действий участников международных отношений? Ведь общие ценности здесь играют весьма слабую роль, а нормы международного права, в сущности, носят необязательный характер.

Пытаясь ответить на поставленный вопрос, следует иметь в виду то, что с самого начала истории международных отношений человечеству было свойственно стремление к их сознательному регулированию, в основе которого лежала всеобщая потребность их участников в безопасности и выживании. По мере возрастания степени зрелости международных отношений, это стремление находило свое

---

¹ Торкунов А.В. Современные международные отношения М.: Рос. полит. энциклопедия (РОС-СПЭН), 1999. С. 584.

выражение во все более интенсивном развитии международного права, создании и укреплении международных организаций и институтов, в усилении их роли в стабилизации международной жизни и, наконец, в постепенном формировании на этом пути целостной глобальной международной системы¹.

Поскольку содержание термина «международный порядок» традиционно связано с межгосударственными отношениями, С. Хоффманн предложил отличать его от термина «мировой порядок». С этой точки зрения, международный (а вернее, межгосударственный) порядок вполне может существовать без наличия мирового порядка. В качестве примера можно привести государства, между которыми существуют отношения взаимного уважения и в то же время полного безразличия к внутренним делам друг друга, что делает возможным в том или ином из них геноцид или экономическую эксплуатацию основной массы населения. Напротив, мировой порядок немыслим без создания эффективных процедур межгосударственного сотрудничества, предполагающих особый международный порядок, отвечающий общим основным целям и ценностям их граждан. В юридических терминах речь идет о различии между правами государств (взаимном уважении суверенитета) и правами человека.

Под «международным порядком» А.Д. Богатуров понимает систему межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения; согласованных на их основе конкретных установлений; набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения; потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить; политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться².

Например, с точки зрения Т. Франка, основу международного порядка составляет законность – совокупность правил, созданных в ходе общепринятых юридических процедур, характеризующихся ясностью, взаимосвязанностью и вписывающихся в существующую систему международного права³. Однако с позиций, основанных на существовании международного общества, такая точка зрения представляется слишком узкой, поскольку она не только сводит проблему международного порядка к межгосударственным отношениям, но и эти последние рассматривает лишь в одном измерении.

Большую известность также приобрела концепция Линна Миллера. Он считает главным признаком порядка присутствие в мировой системе некоторого основополагающего принципа, которым сознательно или стихийно руководствовались бы государства. Однако Л. Миллер в своей книге «Глобальный порядок» определяет «порядок» не как «устройство», а как «образ действия».

В отличие от Л. Миллера большинство авторов склоняется к более конкретному видению порядка как воплощению разумно ограничительного начала во внешней политике государств и их взаимоотношениях, связывая с функцией тако-

---

¹ Курс международного права. М., 1989. Т. 1. С. 10.

² Богатуров А.Д. Самоопределение наций и потенциал международной конфликтности // Международная жизнь. 1999. № 2. С. 44.

³ Franck T. The Power of Legitimacy among Nations. Oxford, 1990.

го ограничения упрочение стабильности мировой системы. Роберт Купер, отталкиваясь от классической работы Хэдли Булла¹, например, предложил несколько возможных интерпретаций «порядка». Во-первых, таковым может считаться преобладающий тип внешнеполитического поведения государств (pattern of actions), независимо от того, служит ли оно упорядочению или дезорганизации системы (здесь Р. Купер близок Л. Миллеру); во-вторых, порядок может означать определенную степень стабильности и целостности системы (исторически такое видение преобладало); в-третьих, порядок можно понимать как «правила, которые управляют системой и поддерживают ее в состоянии стабильности; моральное содержание, воплощающее идеи справедливости и свободы»².

Н. Ренгер полагает, что международный порядок воплощает модели поведения, связанные с реализацией главных задач сообщества государств или международного сообщества³. Признавая значимость постановки вопроса о моделях внешнеполитического поведения государств, трудно согласиться с мнением, что сами эти модели воплощают международный порядок. Такое понимание, кажется, слишком абстрактным и излишне сориентированным на бихевиористский анализ внешней политики. История же международных отношений, начиная с 70-х годов, подвигает к заключению о преобладании на практике видения порядка, промежуточного между «поведенческим» (по Л. Миллеру, Р. Куперу и Н. Ренгеру) и структурным. Таковым, например, оно было у Г. Киссинджера. В воспоминаниях о годах дипломатической активности он подчеркивал, что не видит возможности обеспечить мир без равновесия (структурное понимание) и справедливость без самоограничения (поведенческое)⁴.

Таким образом, международный порядок – устройство международных (прежде всего межгосударственных) отношений, которое призвано обеспечить основные потребности государств и других институтов, создавать и поддерживать условия их существования, безопасности и развития. В данном случае речь идет об институциональном понимании, которое, конечно, не исчерпывает всего содержания понятия «международный порядок».

Один из крупнейших немецких философов XX в. Карл Ясперс определил мировой порядок как «принятое всеми устройство, возникшее вследствие отказа каждого от абсолютного суверенитета», как общечеловеческие ценности и юридические нормы, как «правовое устройство мира посредством политической формы и связывающего всех этносов»⁵. Мировая история до сих пор не знала подобного устройства, но это не означает, что мировой порядок невозможен в принципе. С расширением круга участников международных отношений, а также усилением взаимозависимости мира, стимулируемым и научно-техническим прогрессом, и

---

¹ Bull H. The Anarchical Society. A Study Order in World Politics. N.-Y.: Columbia University Press, 1977.

² Cooper R. Is there a New World Order? // Prospects for Global Order. Vol. 2. Ed. by Seizaburo Sato and Trevor Taylor. London: Royal Institute of International Relations, 1993. P. 8.

³ Rengger N.J. No Longer «A Tournament of Distinctive Knights»? London, 1990. P. 146.

⁴ Kissinger H.A. The White House Years. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1979. P. 55.

⁵ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1991. С. 89, 91, 94.

обострением глобальных проблем, тенденция к общемировому устройству человеческой жизни становится все более отчетливой. В самой этой тенденции отражаются общесоциологические процессы и закономерности, обусловленные деятельностью социальных общностей на мировой арене.

Таким образом, международный порядок – важная составная часть мирового порядка, его ядро, но к нему не сводится все содержание мирового порядка. Эти понятия не следует отождествлять. В то же время неверно и абсолютизировать их различие. Они имеют общие основы, которые цементируют единство человеческого общества, обеспечивают его целостность. К числу таких основ относятся международные экономические обмены, возрастающее значение которых резюмируется в формировании единого мирового рынка; научно-технические достижения (особенно в области коммуникационных систем, средств связи и информации); политические структуры и интересы; социокультурные ценности. Они играют неодинаковую роль в формировании и поддержании международного порядка: на различных этапах исторического развития одни из них выступают на передний план, тогда как значение других снижается; точно так же изменения, происходящие в структуре, например, политических основ того или иного типа международного порядка, не ведут автоматически к изменениям в мировой экономике или в ценностных ориентациях международных акторов, хотя и влияют на них.

Дифференцируют эти понятия также С. Хоффман, Дж. Айкенберри и многие другие исследователи. Сама идея принадлежит Х. Буллу, обосновавшему ее в своем «Анархическом обществе». «Под международным порядком, – подчеркивал он, – я понимаю образец деятельности, которая направлена на поддержание элементарных или первичных целей общества государств или международного общества». «Общество государств», по мнению Булла, складывается тогда, когда группа государств осознает некоторую общность интересов и ценностей и чувствует себя связанной «общей системой» правил, регулирующих их взаимоотношения, и принимает участие в работе общих институтов». «Международное общество в обозначенном смысле предполагает существование международной системы. Но сама международная система может существовать, не являясь при этом международным обществом».

Другими словами, государства могут поддерживать контакты друг с другом, но при этом не чувствовать себя единым целым и не кооперироваться в работе общих политических институтов. Однако общество государств, убежден Булл, способно подняться на такую ступень международного сотрудничества, когда его целью станет всеобщее благо. Это будет уже не международный, а мировой порядок, т. е. «такие образцы или предрасположенности человеческой деятельности, которые ориентированы на поддержание элементарных, или первичных, целей социальной жизни всего человечества». Мировой порядок, по Буллу, «шире», «фундаментальнее» и «исконнее» порядка международного. Он регулирует отношения не только на межгосударственном, но и на других уровнях, причем «конечными элементами» «великого общества всего человечества» выступают «не государства (или нации, племена, империи, классы или партии), а индивидуальные челове-

ские существа, которые постоянны и неуничтожимы в отличие от образуемых ими разного рода объединений». Более того, он обладает «моральным приоритетом» по отношению к порядку международному, так как ведет к упорядочению отношений не между отдельными государствами, а «в человеческом обществе в целом».

Согласно Буллу, мировой порядок – порождение XX в. До второй половины XIX в. вообще не существовало политической системы, охватывающей весь мир, наличествовала лишь «сумма различных политических систем которые привносили порядок в различные части света». Только в начале минувшего столетия складывается первая глобальная политическая система, позволяющая вести речь о мировом порядке в строгом смысле слова, то есть как об упорядоченности политической жизни человечества.

Ценность концепции Булла заключается, прежде всего, в том, что ее автор одним из первых зафиксировал тенденцию к глобализации мирового порядка – и зафиксировал ее не просто в плане пространственного расширения, но и в содержательном смысле, когда государства оказываются вынужденными распахнуть, пусть не настежь, «двери» своих «национальных квартир», несколько умерить *национальный эгоизм* и строить как двусторонние, так и многосторонние отношения с учетом интересов других стран.

В последние десятилетия человечество существенно продвинулось в формировании общества государств, а значит, и мирового порядка. В орбиту мировой политики оказались втянуты страны, прежде мало в нее вовлеченные. Проблемы гуманитарного плана, касающиеся не только этносов, но и отдельных граждан, становятся предметом международного интереса. Возрастает роль межгосударственных и неправительственных организаций. И если о появлении мирового гражданского общества говорить пока рано, то тенденция к его становлению налицо.

Что же представляет собой мировой политический порядок в современном его толковании? Как сегодня можно расшифровать и развить формулу автора «Анархического общества», переводя ее из бихевиоралистского в институционально-структурный регистр?

Мировой политический порядок следовало бы определить как систему коррелятивных связей между субъектами мирового политического процесса, к числу которых относятся государства (пока еще главные акторы), международные и «неправительственные» организации, а также отдельные граждане и группы граждан, способные в силу финансовых, политических или иных возможностей оказывать ощутимое влияние на мировой политический процесс. При этом речь идет о связях глобальных, более или менее структурированных и стабильных, но вместе с тем достаточно динамичных, а главное – соответствующих определенному поведенческо-институциональному образцу. Порядок направлен на обеспечение функционирования и развития мировой политической системы в соответствии с доминирующими в мире (на данном этапе исторического развития) целями и ценностями. Еще один важный момент касается «легитимности» мирового порядка. Он мыслится способным «работать» либо при условии его добровольного принятия большей частью мировых акторов, либо если он навязан мировому сообществу теми акторами, которые на данном этапе вершат судьбы мира.

Мировой порядок можно трактовать в узком и широком понимании слова. В широком смысле – это мировое сообщество в его тотальности. И такое сообщество включает всех без исключения акторов: могущественных и слабых, крупных и малых (от Китая до Андорры), пассионарно активных и предельно пассивных. В узком смысле мировой порядок представляет собой систему взаимоотношений более или менее активных акторов мирового сообщества, основанную на комплексе неофициальных и официальных норм поведения, а также созданных на их базе институтов, организаций и союзов.

Можно ли вообще говорить о том, что в мире существует какой-то «порядок»? Ведь на международной арене нет монополии на власть, и наличие большого количества самостоятельных государств, действующих исключительно в собственных интересах, заставляет говорить, скорее, о международной «анархии». И все-таки в реальной действительности свобода действий субъектов международного права не приводит к не имеющей предела международной анархии. Исходя из собственных интересов, государства налагают определенные ограничения на свою внешнеполитическую деятельность. Вот эти-то упорядоченные международные отношения, проявляющие себя в рамках определенного набора *ограничений*, делающие их относительно стабильными и предсказуемыми, называют обычно системой международных отношений.

Миропорядок не есть результат всецело или преимущественно сознательных, планомерных действий какого-либо одного государства или даже группы государств. В этой сфере нет и не может быть органа или инстанции, которые были бы вправе указать тому или иному субъекту на то, какие у него должны быть интересы, цели, стратегия и т. д. В этом контексте можно согласиться с Р. Гилпином, который характеризовал сущность международной политики как постоянную борьбу между независимыми акторами, находящимися в состоянии анархии¹.

Как отмечается в научной литературе, устойчивый миропорядок появился не сразу. Он стал возможным лишь на определенной стадии развития цивилизации. Не случайно первая в истории человечества прочная и устойчивая система международных отношений – так называемый «европейский концерт» – сложилась лишь в начале XIX в., т. е. после образования мирового рынка и наполеоновских войн, покончивших с партикуляризмом и феодальной замкнутостью в странах Западной и Центральной Европы. Просуществовав вплоть до середины XX в., «европейский концерт», бывший своего рода кондоминиумом великих европейских держав, прекратил свое существование, сменившись новой международной системой – биполярной. Биполярный миропорядок рухнул и на смену ему идет новый мировой порядок.

В целом, наблюдаемые в истории типы мирового и международного порядка колеблются в пределах двух классических моделей: модели «состояния войны» и модели «ненадежного мира» или «нарушаемого порядка»². Согласно первой из них, сущностью международных отношений является война или подготовка к ней. Общие нормы – хрупки, временны, они пропорциональны поддерживающей их

¹ См.: *Gilpin R. War and Change in World Politics*. Cambridge, 1981. P. 7.

² *Hoffmann S. L'ordre international // Traite de science politique*. Paris, 1985. Vol.1. P. 673–675.

силе, подчинены преходящему совпадению интересов. Сторонники этой модели (Фукидид, Макиавелли, Гоббс, Руссо, Кант, Гегель) сходятся во мнении, согласно которому в международных отношениях не существует общего разума, который умирал бы амбиции каждого актора, а есть лишь институциональная рациональность: поиски наилучших средств для особых целей, расчет сил, приводящие не к гегемонии, а к конфликтам. Вместе с тем они расходятся в своих оценках подобного типа международного порядка, а, следовательно, и путей его преодоления и замены новым, более совершенным.

Гоббс, например, считал состояние войны вполне терпимым, хотя и различал индивидуальную войну «всех против всех», вытекающую из самой человеческой природы, и войну между государствами, которая не обязательно угрожает выживанию каждого человека, особенно если речь идет о сильных государствах. Отсюда его призыв к отказу от индивидуальной свободы людей в пользу государства – Левиафана. Гегель видел в войне необходимое и благоприятное, хотя и суровое средство против упадка гражданского общества и считал, что в конечном итоге конфликты между цивилизованными обществами трансформируются в некий ритуал, не угрожающий их безопасности. В противоположность такому подходу Кант рассматривал войны как нетерпимое явление. Идеальным состоянием общества он считал мир между отдельными лицами в естественном состоянии и мир между государствами. Но вечный мир, с его точки зрения, может наступить лишь в очень отдаленном будущем.

Вторая модель является реакцией на возникновение государств-наций с их принципом суверенности, утрату абсолютного авторитета христианской церкви и римского папы. Международные отношения рассматриваются в ней как среда, в которой имеются силы, способные гарантировать минимум порядка. Такие силы формируются из государств, объединяющихся на основе совместных интересов, которые приводят их к созданию общих правовых норм. Так, с точки зрения Локка, мировая политика не есть состояние войны. В противоположность Гоббсу он считал, что естественное состояние человека означает не «войну всех против всех», а личную свободу и равенство людей и, кроме того, отсутствие единого союза и общего суверена. Последнее обстоятельство создает предпосылки злоупотребления, поэтому государство призвано соблюдать и защищать принципы естественного права и ограждать от злоупотребления ими. Для государств являются «естественными» признание взаимных обязательств, уважение друг к другу и взаимопомощь, война же является продуктом злоупотребления суверенитетом и наносит всеобщий вред. Тем не менее, войны практически неизбежны, поэтому международный порядок всегда является ненадежным.

Каждая из приведенных моделей отражала часть действительности своего времени. В определенной мере это остается верным и для наших дней, хотя следует подчеркнуть, что последние десятилетия привнесли в международный порядок существенные изменения.

Особенностью периода новейшей истории международных отношений, во-первых, является возрастание зависимости судьбы отдельных стран от по-

литических, экономических и социокультурных процессов мирового развития. Во-вторых, понятие «прогресс», предполагающее постоянную и однозначную направленность изменений, входит в противоречие с историческими фактами, свидетельствующими о том, что социальные процессы могут разворачиваться назад, замедляться и останавливаться. Естествен вопрос: какими должны быть характеристики мирового и международного порядка в таких изменяющихся условиях?

Одним из основных достижений системных и синергетических исследований стало признание неустойчивости и нестабильности в качестве фундаментальных характеристик различных форм самоорганизации человеческих сообществ как на государственном, так и на мировом уровне. При этом сами понятия неустойчивости и неравновесности освобождаются от негативного оттенка, поскольку они такие же составляющие мира, как стабильность, устойчивость и равновесие. Они обеспечивают высокий динамизм мировых процессов, который стимулирует активность самих субъектов этих процессов.

Значимость такой постановки вопроса станет очевидной, если учесть, что миропорядок по своим основополагающим принципам формирования и функционирования представляет собой открытую, сложную, неравновесную и в силу этого незавершенную систему, характеризующуюся высокой степенью динамичности, неустойчивости и неопределенности. Как любая такая система, миропорядок подчиняется законам синергетики – теории самоорганизации систем. По мнению И. Пригожина и И. Стенгерса, если использовать синергетическую терминологию, то формирование и постоянную трансформацию мирового порядка можно рассматривать как процесс возникновения порядка из хаоса.

В отличие от естественных и точных наук в социальных и гуманитарных дисциплинах применительно к социальным системам (гражданскому обществу, государству, общественным и политическим организациям, мировому сообществу) вместо термина «хаос» представляется более корректным использовать термин «анархия». Изменение сложившихся в течение многих поколений, веков и даже тысячелетий социально-экономических, политических, духовных и иных структур, кардинальные сдвиги, подрывающие основы системы, приводят к пертурбациям, революциям, кризисам, результатом которых является либо исчезновение соответствующего сообщества (системы), либо приобретение им (благодаря внешним импульсам и мобилизации внутренних ресурсов) новых возможностей для выбора оптимальных ответов на внешние вызовы и вступления на путь самоорганизации на новых основаниях.

Но хаос в социальных и социокультурных системах (особенно современных) в том смысле, в каком он понимается в естественных и точных науках, можно считать предельным случаем, который для целей исследования допустимо вывести за скобки. В такие периоды подвергаются эрозии или исчезают некоторые из основополагающих норм, ценностей, установок, которые в совокупности составляли инфраструктуру прежней системы и обеспечивали ее единство, жизнеспособность, формы и направления функционирования.

Однако нельзя сказать, что человечество при каждой пертурбации возвращалось к первобытному хаосу. Даже при полном распаде цивилизаций, мировых империй или держав, в рамках самого миропорядка продолжали действовать определенные морально-этические, нормативные, традиционные, семейные, экономические и иные принципы, нормы, институты, в совокупности составляющие генетический код мировосприятия, глубинной психологии, культуры, характера народов.

К примеру, западная часть человечества пережила со времени своего возникновения множество трансформаций, которые привели к сменам цивилизаций, социальных, социокультурных систем, форм государственного устройства, политических режимов. Но и по сей день сохраняют значимость некоторые базовые ценности, принципы, правила, стереотипы взаимоотношений людей, социальные параметры человеческого общежития, служившие основой формирования у разных народов культурных кругов, которые сохранялись в течение многих веков. Поэтому к таким трансформациям и процессам переходов от одного состояния к другому применить формулу «от хаоса к порядку» представляется неправомерным. Речь должна идти о преодолении анархии и установлении той или иной формы стабильного порядка.

Значимость разного рода пертурбаций, кризисов, революций состоит в том, что в процессе их преодоления неравновесные системы устраняют устаревшие, исчерпавшие свой ресурс и показавшие нежизнеспособность узлы и элементы. На смену им приходят новые структуры, более соответствующие новым реалиям. Это, как отметил Й. Шумпетер, «созидательное разрушение» – избавление от старого и расчистки места для созидания нового. Иначе говоря, неустойчивость, беспорядок, напряженность, кризис, анархию (хаос) нельзя рассматривать только негативно. Этот вывод может помочь правильно понять динамику неравновесных общественно-исторических процессов, разработать формы, пути и средства более эффективного ответа на порождаемые ими вызовы.

Для международно-политической системы, как и большинства других открытых систем, характерно органическое сочетание таких дополняющих друг друга противоположностей, как статика и динамика, устойчивость и неустойчивость, определенность и неопределенность, единообразие и разнообразие, симметрия и асимметрия, линейность и нелинейность, предсказуемость и непредсказуемость. При таком понимании миропорядок нельзя рассматривать как раз и навсегда установившуюся, завершенную систему. В ней начало становления, динамика преобладает над началом ставшим, завершившимся. Принципы самоорганизации доминируют над принципами организации, понимаемой как деятельность внешних агентов по упорядочению, структурированию и управлению системами.

В формировании, сохранении и в более или менее эффективном функционировании мирового сообщества в качестве инструмента или механизма самоорганизации главную роль играет феномен, который А. Смит назвал «невидимой рукой». Его нельзя трактовать буквально, как это понимал сам Смит применительно к современной ему экономической системе. В расчет нужно принимать более

сложный системный уровень – многообразное переплетение внешних и внутренних факторов, элементов, отношений, принципов.

Всякая система возникает и развивается путем проб и ошибок, конкуренции и экспериментов, в ходе которых разрабатываются правила игры различных субъектов. Многие элементы, в совокупности составляющие «невидимую руку», носят безличный, абстрактный характер, поскольку каждый из субъектов международно-политических отношений действует на свой страх и риск – в соответствии со своими реальными и потенциальными возможностями, целями и интересами, устремлениями, пониманием своего места в сообществе других акторов.

В результате имеет место безграничная неопределенность стечения безграничного множества волей, устремлений, принципов, правил, обстоятельств. В этом плане вслед за древними греками, которые понимали под хаосом неупорядоченную сложность, порядок можно рассматривать как упорядоченную сложность.

При таком понимании, как установлено исследованиями в области синергетики, хаос не всегда нужно представлять как зияющую бездну, как сугубо деструктивное начало. По замечанию Е.Н. Княzewой и С.П. Курдюмова, при определенных условиях хаос «может выступать в качестве созидającego начала, конструктивного механизма эволюции», а значит, из хаоса собственными силами может развиваться новая организация. Поэтому, не боясь повтора, уместно еще раз подчеркнуть: применительно к социальным системам (в том числе и международно-политической) речь идет о хаосе, а не об анархии.

Нередко то, что в тот или иной исторический период воспринимается как анархия, беспорядок, есть лишь проявления нарушений, эрозии привычных форм жизни, представлений, приоритетов и ценностей. Анархия и беспорядок могут служить исходным рубежом для конструирования новых форм порядка и властных отношений. В такие периоды люди обнаруживают способность подвергать сомнению основы собственного существования, самого мироздания, истинность господствующих богов, верований, систем миропонимания.

Любая система создается для достижения определенной сформулированной миссии или цели. Но применительно к миропорядку приходится сделать ряд оговорок. При создании некоей целостной исторической картины К. Ясперс исходил из уверенности, что человечество имеет единые истоки и общую цель: «Эти истоки и эта цель нам неизвестны, во всяком случае, в виде достоверного знания. Они ощутимы лишь в мерцании многозначных символов. Наше существование ограничено ими. В философском осмыслении мы пытаемся приблизиться к тому и другому, к истокам и к цели».

Однако если взять человечество как таковое, то у него не было, нет и не может быть какой-либо единой цели, сформулированной одним человеком или государством, организацией, институтом, империей, «мировым полицейским», «мировым правительством». История представляет собой набор случайностей, которые человеческий ум пытается загнать в сконструированное им русло закономерности. Человечество не знало, не знает и не будет знать, откуда оно пришло, куда идет, какова его миссия и к чему, в конце концов, придет. Более того, оно не имело и не

могло иметь единой для всех народов и стран истории – по крайней мере в периоды, предшествовавшие Новому времени, когда человеческое общество было разрознено на множество цивилизаций и народов, которые часто не ведали о существовании друг друга.

При таком понимании основополагающая цель, которая ставится в процессе формирования конкретного миропорядка, каждым из его участников трактуется по-своему, что обуславливает противоречия и конфликты. Почти всегда, если единой цели и удавалось достигнуть, она оказывалась эфемерной. В рассматриваемом смысле можно говорить об анархической природе миропорядка, поскольку каждый его субъект – будь то национальное государство, региональное интеграционное объединение, транснациональная корпорация, террористическая организация – преследует индивидуальные цели и интересы самостоятельно, мобилизуя свои материальные, финансовые, интеллектуальные и иные ресурсы, на свой страх и риск. Причем действия каждого из субъектов ограничивают или стимулируют возможности остальных воздействовать на общие условия функционирования мирового сообщества. Однако любое действие, направленное на ограничение возможностей других отстаивать свои законные интересы, вызывает противодействие.

Попытки какого-либо агента навязать свою волю всей системе обречены на неудачу, если в должной мере не будут учтены закономерности и принципы ее самоорганизации. Не может быть и речи о какой бы то ни было сознательной и целенаправленной структурной и функциональной организации, регулируемой внешним наднациональным властным органом или институтом. Функции по организации и управлению мировыми процессами могут быть эффективными лишь при соблюдении принципов, закономерностей самоорганизации крупных открытых, неравновесных систем, какой является мировой порядок. Поэтому искусственно, сугубо организационными и управленческими средствами формировать мировой порядок и обеспечить его жизнеспособность и сколько-нибудь эффективное функционирование не под силу ни одному из отдельно взятых акторов, какими бы мощными материальными ресурсами он не обладал.

Особое значение в том, что революционные процессы, вызывающие ломку сложившихся структур, связаны с анархией, неопределенностью и неравновесностью. Это выдвигает на передний план проблему преодоления подобных тенденций восстановления или создания нового порядка, требующего тех или иных организационно-структурных новаций. Большинство водоразделов в истории эволюции международно-политических систем влекло за собой распад великих цивилизаций и империй, мировых держав, и, соответственно, господствовавших в разные исторические периоды форм миропорядка и появление на их месте новых. Вестфальская система ознаменовала конец Священной римской империи; система баланса сил, основы которой были заложены Венским конгрессом 1815 г., образовалась на руинах наполеоновской империи. Версальско-вашингтонский порядок сделал то же самое с Австро-Венгерской и Османской империями, при этом значительно урезав Российскую.

По структурным, организационным и функциональным параметрам мировое сообщество можно представить как многослойную сверхсистему или надсистему, состоящую из множества взаимосвязанных, взаимозависимых, сотрудничающих и конфликтующих между собой подсистем в лице национальных государств, международных, межгосударственных и негосударственных организаций и транснациональных корпораций. Эти ключевые субъекты мирового сообщества отличаются друг от друга специфическими чертами и признаками, определяемыми как историческими и национально-культурными традициями, так и социокультурными, политико-культурными, конфессиональными, геополитическими и иными характеристиками. Особенности присущи и другим системам или субъектам мирового сообщества. Каждая из таких систем имеет свои закономерности, логику развития и функционирования.

Любая система – результат взаимодействия различных факторов, определяющих характер ее структурной самоорганизации и организации. В данном контексте применительно к формированию и функционированию миропорядка важно выяснить различия между процессами организации и самоорганизации, самоуправления и управления как мирового сообщества в целом, так и конкретных его субъектов.

В рассматриваемом контексте под организацией понимается комплекс сознательных, целенаправленных действий людей или институтов (например, государства) по созданию, регулированию и управлению теми или иными феноменами, процессами, событиями для решения сознательно поставленной конкретной задачи. Иначе говоря, организация есть результат воздействия извне на процессы порождообразования.

Самоорганизация предполагает действия определенной группы субъектов, которые вступают во взаимодействие друг с другом, преследуя свои цели без какого-либо принуждения извне, как бы анархически – путем проб и ошибок. В этом случае процесс системообразования, структурирования, обеспечения порядка осуществляется главным образом изнутри, самостоятельно в силу встроенных в саму систему механизмов группирования и координации действий этих субъектов в процессе их взаимодействия, взаимного притяжения и интеграции.

Можно выделить три разных, но теснейшим образом взаимосвязанных и дополняющих друг друга уровня организации и самоорганизации мирового сообщества. Первый (глобальный) предполагает формирование и функционирование самого мирового сообщества в его отношении с акторами регионального и национального уровней. Второй (региональный) уровень подразумевает механизмы, процессы, особенности взаимодействия различных субъектов наднационального и субнационального характера. Третий (национальный) связан с взаимодействием между собой субъектов национального масштаба. В данном случае речь идет прежде всего о государствах как важнейших составляющих мирового сообщества и субъектов международных отношений.

На рубеже XX и XXI вв. усиливается раскол основ того миропорядка, который существовал со времени Вестфальской системы мироустройства (XVII в.). Органическим отражением данного раскола являются два взаимосвязанных и взаи-

мопроникающих процесса: глобализация и фрагментация. Мировая история до утверждения Вестфальской системы, т. е. международной системы национальных государств, – это история господства и противоборства различных империй. Как известно, в Древности и Средневековье миропорядок в значительной степени поддерживался таким политическим организмом, как империя. Расхожее же мнение о том, что империи – это абсолютное зло, является в лучшем случае добросовестным заблуждением, а в худшем – злонамеренной ложью. Все наиболее важные прорывы в мировой истории были связаны с подъемом и расцветом различных империй. И, напротив, упадок империй, как правило, влек за собой наступление смутного времени, экономическое прозябание целых государств и континентов, закат политических и правовых институтов, морально-нравственную деградацию народов. Место творца, осуществлявшего имперскую созидательную работу, в этом случае занимал демон разрушения и хаоса.

В XV–XVII вв. в мировой политике начинается процесс формирования нового государственного и общественного устройства – национальных государств, связанный как с распадом старых империй, так и с появлением и становлением основного субъекта национальных государств – национальной буржуазии. Внутри прежних империй, сохраняющих внешние имперские атрибуты, вызревают такие национальные государства, как Франция, Англия, Португалия, Швеция, Нидерланды, Испания. Все эти страны на протяжении еще нескольких столетий останутся в течение различного времени колониальными империями. Однако империи этого типа классическими империями уже не являлись: колонии захватывались и удерживались этими странами не для того, чтобы создать «мир миров», как это было прежде, а исключительно в целях развития национальных метрополий за счет хищнической эксплуатации заокеанских территорий. Такого рода политика могла весьма искусно прикрываться имперской идеологией: мол, несли в Азию и Африку «цивилизацию», «культуру», «христианскую миссию» и проч. Собственно, именно тогда весьма рельефно проявилась разница между имперской и империалистической политикой, между имперским и империалистическим государствами¹.

В идейном плане становление национальных государств было обосновано в трудах Ж. Бодена («Книга шести государств»), сформулировавшего понятие «суверенитет», Н. Макиавелли («Государь»), разработавшего категорию «государственный интерес» и Г. Гроция («О праве войны и мира»), создавшего основы корпуса международного права. Большую лепту в идейное обоснование национального государства внесли Т. Гоббс и Б. Спиноза.

Из всех европейских государств лишь Россия в эту эпоху продолжает оставаться подлинной империей, т. е. страной, объединенной общим имперским замыслом. К тому же она и не пытается создать национальное государство. Даже при Петре Великом, осуществляющим национальную модернизацию, она остается империей. Рубиконом между эпохой империй и эпохой национальных государств стал Вестфальский мир, заключенный европейскими державами в 1648 г., после

---

¹ Горюхов В.Н. История международных отношений. 1918–1939: Курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 77.

кровавой Тридцатилетней войны в Европе. Она началась в 1618 г. с чешского восстания против гнета австрийских Габсбургов, которые в это время контролировали территорию Священной римской империи германской нации. Правда, к тому времени эта империя, формально включавшая в себя такие страны, как Германия, Пруссия, Австрия, Испания, Италия, Нидерланды и др., уже находилась в состоянии упадка. Будучи конгломератом полусамостоятельных государств, она была весьма рыхлой в административном смысле слова и жила в основном набегами на сопредельные страны. От изначального имперского замысла там не осталось и следа.

Тридцатилетняя война воистину была мировой войной своего времени: она вовлекла в свой огненный водоворот все крупные европейские государства: Швецию, Францию, Германию, Нидерланды, Данию, Чехию, Англию, Испанию, Италию, в меньшей степени – Польшу и Россию. Попытка императора Фердинанда II спасти империю, подчинив себе хотя бы ее ядро – Германию – потерпела полное поражение. Главную роль в этом сыграла Франция, в частности, дипломатия Ришелье, который сделал все, чтобы этого не допустить. Вестфальский мир 1648 г. подвел следующие итоги Тридцатилетней войны: две основные силы того времени – папство и империя – были сокрушены; правда, формально Священная римская империя германской нации существовала еще несколько столетий: последний гвоздь в гроб империи вбил Наполеон в 1806 г.; был создан Швейцарский союз; Испания утратила доминирующие позиции в Европе, уступив их Франции, которая превратилась на полтора столетия в региональную сверхдержаву; другие страны, такие как Швеция, Португалия, Чехия, Дания, Италия и Нидерланды, сложились в национальные государства. Последнее было, пожалуй, главным политическим итогом Тридцатилетней войны, поскольку это стало началом формирования мира национальных государств, который и составил Вестфальский мировой порядок или Вестфальскую систему международных отношений, основные элементы которого действовали до наших дней. Расцветом Вестфальской системы был XX в., который одновременно стал началом ее упадка.

Тем не менее Вестфальская система закрепила в мировом порядке определенные правила игры, которые, с известными поправками и модификациями, работали до сих пор: Вестфальская система не запретила, а разрешила войны, в том числе и агрессивно-наступательные, начало и ведение которых она отнесла к законному праву суверенного государства; Вестфальская система не препятствовала, а по сути дела способствовала закреплению в международном праве права сильного; Вестфальская система утвердила в международном праве принцип невмешательства во внутренние дела других суверенных государств, следуя нормативной максиме, сформулированной Ж. Боденом: «Суверенитет – это абсолютная и постоянная власть государства над подданными и гражданами». Именно поэтому ни в XVII, ни в XVIII, ни в XIX в. никто не считал себя вправе вмешиваться во внутренние дела европейских тираний, в которых откровенно и в массовом порядке нарушались права человека и гражданина. И даже в первой половине XX столетия западные демократии не вмешивались во внутренние дела нацистской Германии

и коммунистического Советского Союза. Мировое сообщество молчало, глядя на разворачивающийся в Германии геноцид евреев или массовые репрессии в сталинском СССР. Да оно и не имело никаких рычагов воздействия на такие режимы.

Таким образом, при том, что формы и нормы взаимоотношений между государствами на протяжении истории подверглись существенным изменениям, принципы согласия и сотрудничества между народами, с одной стороны, соперничества и борьбы за власть и влияние – с другой, остались неизменными. Более сильные государства всегда стремились добиться контроля над другими странами, увеличить свое влияние за счет иных членов международного сообщества и занять более высокие ступени в иерархии государств и народов.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М: Просвещение, 2004.

Шахназаров Г.Х. Грядущий миропорядок. О тенденциях и перспективах международных отношений. М., 1981.

Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1; 1991. Т. 2.

Лейк Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению» // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 3.

Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. 1997. № 2.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка // Pro et contra. Весна-1997.

Загладин Н.В. Новый мировой беспорядок и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1.

Кулагин В.М. Мир в XXI в.: многополюсный баланс сил или глобальный Pax democratica (гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития) // Политические исследования. 2000. № 1.

Некlessа А.И. ORDO QUADRO – четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Политические исследования. 2000. № 6.

Дононбаев А. Международные отношения и политическая культура. Бишкек, 2001.

Дононбаев А. Нация-государство и политическая культура. Бишкек, 2001.

Young O.R. International Governance: Protecning the Environment in a Stateless Society. Ithaca, 1994.

The Comission of Global Governance. Our Global Neighbourhood. Oxford, 1995.

Dark K.D., Harris A.L. The New World and the New World Order. Reading, 1996.

Black A. Islamic Views on International Order // Космополис. М., 1997.

Zolo D. Cosmopolits, Prospects for World Governement. Cambridge, 1997.

Тема 23. Древнекитайская концепция мирового порядка

1. Историческая память в китайском социуме.
2. Борьба за установление миропорядка в эпоху «Чуньцю-Чжаньго».
3. Геополитическая конструкция «Китай-варвары»: мифы и реальность.

Историческая память приобретает большую значимость в характере и направленности формирующегося уклада жизни, культуры, ментальности и национальной психологии каждого народа и страны. В китайском обществе эта категория исторической памяти имеет особое значение.

Анализ современных международных отношений с использованием таких категорий, как «глобальная система», «региональные подсистемы», «однополярность», «биполярность», «многополярность» и т. п. часто наталкивается на феномены внешнеполитического поведения, которые не укладываются в предполагаемую этими понятиями многоуровневую и многомерную схему. Чаще всего подобные нестандартные с точки зрения системного анализа явления появляются из «небытия», из некоего имплицитного состояния в виртуальную ипостась в периоды кризисов, когда субъекты международных отношений действуют в состоянии цейтнота и как бы в разном социальном времени.

Рецидивы «всплесков архаичности» в «горячих точках» планеты заставляют задуматься над тем, что в «исторической памяти» ничто не исчезает бесследно, а лишь многослойно откладывается в глубинах сознания и подсознания, как коллективного, так и индивидуального, ожидая возможности проявления при каждом новом повороте политического калейдоскопа.

Такая гигантская социокультурная лаборатория, как Китай, не укладывающаяся многими своими специфическими чертами в «мирополитическое единство», является благодатной почвой для подобных размышлений.

Осмысление и адекватная оценка современного внешнеполитического курса Китая, а также самоощущение китайцами себя и своего места в современном мире немыслимы без углубленного ретроспективного анализа. Определяется эта необходимость постоянного «оборачивания назад» и поднятия исторических напластований в эволюции китайской дипломатии, в первую очередь, самой логикой научного исследования. Она же предполагает возможность исторических обобщений, а также выявления тенденций и перспектив, работающих в направлении будущего, лишь на базе основательного исторического экскурса.

Не может не обратить на себя внимания и особый «историзм» китайского социума, обладающего как богатейшей историей, так и весьма специфической тра-

дицией исторической памяти. Можно сказать, что, подобно тому, как Индию называют «царством религии», Китай – это «царство истории», и нигде, как в данной стране, справедливо суждение о том, что «историю пишут историки».

После распада некогда единой и могущественной державы, возглавлявшейся династией Чжоу (Западная династия Чжоу, XI–VIII вв. до н.э.), Китай вступает в полосу колоссальных междоусобных потрясений. Эта исторически длительное состояние в жизни страны получает название эпохи «Чуньцю-Чжаньго» (722–221 гг. до н.э.). Она отличается огромной насыщенностью, богатым многообразием совершавшихся международных событий, причем, прежде всего, не только и не столько внешним их выражением, сколько внутренним преобразующим характером.

Следовательно, складывание основ политической культуры международных отношений Китая можно отнести к так называемой Восточной династии Чжоу, которая как раз-то включает в себя периоды Чуньцю («Весны и Осени») (VIII–V вв. до н.э.) и Чжаньго («Сражающихся царств») (V–III вв. до н.э.), когда сложилась богатая практика иерархизированных отношений между «воюющими государствами» чжоуского Китая с окружающими его соседями.

Международные события, происходившие именно в эпоху «Чуньцю-Чжаньго», наложили неизгладимый отпечаток на все последующие поколения и обусловили манеру понимания, отношения и устройства окружающего мира. Если мы хотим понять ментальность китайцев: почему они такие, а не другие, нам нужно, в первую очередь, внимательнее приглядеться к особенностям этой эпохи. Китайская поговорка: «Лишь врагу пожелаю жить в эпоху перемен» – видимо, восходит к тем временам.

Центробежные силы действовали столь мощно и неустанно, что в начале периода «Чуньцю» страна раскололась на множество осколков. Существовали и боролись друг с другом порядка свыше 100 самостоятельных государств и княжеств. А вместе с владениями, находившимися в положении зависимых, это число увеличивалось в более значительной степени. Самостоятельные государства боролись за верховенство в Поднебесной, а полусамостоятельные княжества стремились стать независимыми царствами. Эта логика определяла историческую динамику политической борьбы.

В мире, где понятия «равноправие», «суверенность» существующих рядом государств, не обрели еще никакого реального статуса в политических представлениях людей, борьба не на жизнь, а на смерть становится неизбежной. Каждое государство этого времени было поставлено перед дилеммой: либо господство, либо подчинение и исчезновение. Борьба за господство над всеми другими государствами и присоединение их территорий стала для всех правителей царств альтернативой гибели. Здесь складывается та историческая ситуация, которая много позже и в иной обстановке Т. Гоббсом была обозначена как «война всех против всех».

Если в бесконечных войнах разрушались царства, сотнями тысяч и миллионами гибли солдаты и мирные жители, исчезали материальные и духовные ценности, царили неразбериха и хаос, то каким образом поддерживался определен-

ный порядок взаимоотношений государств, обеспечивалась нормальная жизнь, развивались производство и торговля между царствами, регионами и землями? Почему пучина небытия не поглотила саму жизнь в ее основаниях? Как человек выдержал состояние многовекового напряжения, отчаяния и ожесточения сил?

Представляется, что здесь своеобразную амортизирующую и защитную роль играл политический институт гегемонства – «ба». «Гегемон» («ба»), вначале весьма расплывчатое понятие, затем в поздней китайской традиции уже четко обозначавшее государство, достигшее путем военной силы преобладания над остальными, в период «Чуньцю» признавался и утверждался обычно на съездах глав и представителей царств. Гегемония была специфической формой поддержания системы господства-подчинения, а также определенного порядка и элементарной стабилизации в межгосударственных отношениях царств в обстановке полной утери верховной власти чжоуским ваном¹. Однако власть гегемонов, сменявших друг друга, постепенно теряет свою силу, становится временной и распространяется лишь на отдельные государства. В этой ситуации создаются союзы, коалиции государств.

В период «Чуньцю» претенденты на роль объединителей широко используют тактику союзов с наиболее удаленными царствами. Так сформировался союз «Хэцзун» («Вертикальный союз»), объединивший царства Чжао и Чу. Другой союз «Ляньхэн» («Горизонтальный союз») объединял царства Цинь и Ци. Союзы создавали видимость стабилизации межгосударственных отношений. Но они были весьма непрочными и временными образованиями, сотканными из множества противоречий и конфликтов. Придя к согласию по каким-то вопросам, правители царств и их сановники искали пути и способы его нарушения, если это диктовалось сиюминутной выгодой и целесообразностью.

Консенсусы были непрочны и кратковременны, а конфликты неодолимы и постоянны. Не сумев найти точку компромисса и не имея особого желания преодолеть существующие конфликты, неизбежно перераставшие в конфронтацию, эфемерные политические союзы разваливались подобно картонным домикам. Ко второй половине периода «Чжаньго» они теряют всякое реальное политическое значение.

Но следует все-таки заметить, что даже в усеченных исторических формах политические союзы царств открывали в определенной мере дорогу развитию благотворных общественных тенденций в сферах производства и торговли. В этой связи ускоряется процесс, в результате которого создается ситуация, когда наиболее сильное царство приобретает возможность не только доминировать, но и реально обладает способностью уничтожать своих соперников. Это и происходит. Так, в 228 г. до н.э. под ударами войск царства Цинь пало Чжао, в 225 г. – Вэй, в 223 г. – Чу, в 222 г. – Янь и, наконец, в 221 г. – Ци.

Таким образом, эта эпоха являет собой крутой исторический перелом, на гребне которого Китай пережил невиданные катастрофы, казалось разрушавшие до основания истоки человеческого сосуществования и единства. В огне разру-

---

¹ См.: *Деопик Д.В.* Гегемония и гегемоны по данным «Чуньцю» // Государство и общество в Китае. М., 1978. С. 11–16.

шительных войн, нескончаемых и напряженных, гибли царства и люди, наносился огромный ущерб материальным и духовным ценностям, созданным усилиями и трудом многих поколений. И это все погибало и вновь, и вновь создавалось. Естественно, в эту историческую эпоху решающим фактором становится такая закономерность, как «покорение» и «поглощение» государств друг другом, а в политической культуре международных отношений древнекитайских царств доминирующая роль переходит к принципам «конфронтационности» и «конфликтности».

Эта доминирующая политическая культура «конфронтационности» и «конфликтности» направляет поведенческие ориентации людей в их отношениях друг с другом в русло взаимного ожесточения и «озверения». Всякий обладавший силой правитель царства стремился бросить вызов своим очередным врагам с позиций непримиримой конфронтационности и конфликтности потому, что уважали и признавали только силу. А силу можно было продемонстрировать только в конфликтных ситуациях, неизбежно перераставших в кровавые войны. Идея существования, тем более, существования функционирующих рядом друг с другом государств, еще совершенно неведома в эту эпоху. И, как следствие, в международных отношениях политическая культура «компромисса» и «консенсуса» становилась прибежищем слабых царств.

Но менталитет, сформировавшийся в условиях изощренной борьбы вначале в политической сфере, позже распространился и на гражданскую жизнь. Человек теперь не придерживается древних этических норм, моральных принципов, не обуздывает свою эгоистическую стихию, а желает обуздать и подчинить своим страстям других людей. В действиях людей доминирует не только индивидуализм, т. е. стремление обозначить свое личностное «Я», определиться в своем индивидуальном бытии, обособиться от ближайшего окружения в своих интересах и притязаниях, но и эгоизм, эгоцентризм, который диктует человеку не просто жажду самоутверждения, но самоутверждения посредством ущемления жизненного пространства других людей и даже их уничтожения.

Интересно то, что в эпоху «Чуньцю-Чжаньго» мыслители и политики в прагматическом плане признают силу, конечно, в первую очередь военную, в качестве главного фактора достижения гегемонии и поддержания нормальных межгосударственных связей. Однако превосходство грубой военной силы не всегда и не во всем оказывается решающим условием. Ей противопоставляют изощренную политическую интригу. Дипломатические хитрости и уловки становятся жизненно важными средствами обуздания противников. Поэтому искусство и технология обмана, притворства, лицемерия и предательства являются повседневными знаками и символами того времени. Как это ни удивительно, сложность многоходовых комбинаций в противоборстве соперников, создает многоцветную картину «уравновешивающегося» взаимодействия между силой одних и слабостью других царств. По-видимому, это обстоятельство и продлевало в своей бесконечной протяженности время междоусобных схваток и борений.

В «Планах Сражающихся царств» встречается эпизод, в котором повествуется о том, как в 341 г. до н.э. войска двух царств Ци и Вэй, сошлись на поле брани.

В этой битве сотысячная вэйская армия была разбита и погиб наследник вэйского престола. Обуреваемый жадой мести вэйский ван обращается к своему ближайшему сановнику за советом: «Ведь Ци – мой враг, ненависть к которому не ослабнет до конца дней моих. Хотя моя страна невелика, но у меня часто возникает желание собрать все войска и ударить по нему». Сановник царства Вэй отвечает, что этого нельзя делать и поучает своего правителя, говоря о необходимости в своих политических действиях держаться правила «меры» и «расчета». Он предлагает своему господину отправиться к царскому двору Ци и там объявить, что он готов стать подданным правителя этого государства. Такой шаг приведет к тому, что вызовет гнев и ревность правителя царства Чу. Его войска начнут войну с царством Ци. И действительно, этот хитроумный маневр вызвал гнев царя Чу и ненависть царя Чжао в отношении правителя Ци. Войска Чу выступили в поход против Ци, а армия Чжао оказало им содействие. В результате Ци потерпело сокрушительное поражение.

Объясняя этот эпизод, К.В. Васильев совершенно справедливо подчеркивает, что непомерная гордыня царства Ци, принимающего от вэйского царя почести, полагающиеся по традиции лишь Сыну Неба, нужно рассматривать «не как нарушение нравственного принципа, а как опасный политический просчет». Людям того времени, непрерывно находившимся под жестким прессом повседневного сурового опыта и потому относившимся к жизни с позиций обыденного реализма, «политические планы и замыслы», содержание которых сводилось к вероломству и предательству, к вооруженному грабежу и ежеминутному переходу от обмана к насилию, «казались единственными источниками исторических перемен»¹. В тех жесточайших условиях, в которых дистанция между жизнью и смертью была слишком короткой, чтобы пренебречь какими-то нюансами существующей ситуации, поневоле приходилось отбрасывать напрочь морально-этические принципы, приноравливаясь к поистине «свинцовой» действительности, постоянно придерживаясь ориентации на прагматические соображения.

Родоначальник одного из важнейших идейно-политических учений древнего Китая, школы «законников» – легизма («фацзя»), оказавшего огромное влияние на историю этой страны, Шан Ян (390–338 гг. до н.э.), откровенно писал в своей «Книге правителя области Шан» о невозможности и нецелесообразности придерживаться в политической деятельности конфуцианских норм гуманности, милосердия и долга. Древность, когда этические нормы находили применение в разных областях жизни, в том числе и в политике, исчезла безвозвратно. Ее порядки не вернуть. Современность, т.е. время междоусобной борьбы, является совсем иной политической реальностью.

Другой последователь легизма Хань Фэйцзы (ок. 288–233 г. до н.э.) доказывал, что в настоящее время правителям приходится иметь дело с совсем иным народом, чем в древности. Теперь «пропитания на всех не хватает. Поэтому в народе идет борьба... ибо бедность и богатство – это не одно и то же»². Правитель, если он хочет одолеть и свалить своих врагов, преуспеть в осуществлении своих целей и замыс-

¹ См.: Васильев К.В. «Планы Сражающихся царств»... С. 120–122.

² Древнекитайская философия. М., 1972. Т. 2. С. 261.

лов, должен не стесняться идти путем использования таких средств, как коварство, вероломство и хитрость. Это возможно, когда правитель рассчитывает каждый свой шаг на много ходов вперед, соблюдает меру в своих притязаниях, учитывая особенности складывающегося момента. Объединение раздробленной «Поднебесной» в единое государство правителем царства возможно лишь при условии постоянного и трезвого учета политической ситуации и способности принимать решения, в которых для достижения конечной цели используются любые средства.

Шан Ян и Хань Фэйцзы и другие представители легизма были истинными прагматиками своего времени, подходившими к оценке прошлого с позиций настоящего. Они считали возможным и даже нужным правителю в случае необходимости жертвовать этическими принципами должного поведения, утвердившимися в древнем чжоуском обществе, но утратившими свое значение в современном им реально-сущем мире, во имя достижения конечных целей. Иначе говоря, идея, которая в европейских условиях получила концептуальное выражение во взглядах Н. Макиавелли в XVI в., не раз посещала и древнекитайских политических мыслителей. Более того, в теории легизма она получает основательное развитие.

Но откровенно признавая доминирующий характер «патронажа силы» в практических делах, политики и мыслители времен «Чуньцю-Чжаньго» в своей риторике и необходимых жизненных ситуациях опирались на морально-этические принципы, которые, по-видимому, уже стали органичным компонентом системы миропонимания и политической культуры древних китайцев. Кстати, эта политическая культура являлась скрытым движущим мотивом в межгосударственных отношениях. Поэтому каждый гегемон провозглашал в своей деятельности достижение двух целей. Во-первых, в обстановке утери Сыном Неба реальной власти, дарованной ему Небом, стать связующим звеном между ним и правителями царств, для чего решить задачу объединения Поднебесной. Эта функция, которую брал на себя гегемон, близка к позиции, занимаемой впоследствии в средневековой Японии сёгуном в его отношениях с императором. Во-вторых, объединив страну, дать отпор многочисленным варварам и расчистить путь к «умиротворению» Поднебесной.

Для народного мирозерцания в эпоху «Чуньцю-Чжаньго» характерно выведение нравственности и этики из космического миропорядка. Мораль оценивается сугубо натуралистически: она есть космический миропорядок, проецирующийся на человека. Область нравов не осознается еще как специфически общественная, уникально человеческая сфера. С этой точки зрения священная особа чжоуского вана как бы незримо возвышается над всеми подданными. Она, находясь на земле («ди»), одновременно пребывает на небе («тянь»), сообщаясь с небесным владыкой. Его величие основывается не столько на авторитете силы, сколько на предустановленном космическом порядке обладания «этической благодатью» («дэ»)¹. Если бы чжоуского вана отличало от подданных только наличие силы, то он ничем бы не выделялся из толпы и любой владетель удела, почувствовавший свою мощь, мог бросить вызов, и в случае победы, отнять власть и сесть на его место.

---

¹ См.: Васильев К.В. Религиозно-магическая интерпретация власти вана в западночжоуских эпиграфических текстах // Китай: общество и государство. М., 1974. С. 10–12.

Для каждого очередного гегемона, глубоко в душе лелеявшего мечту объединить страну и стать основателем новой династии, всегда мучительно вставал вопрос о том, обладает ли он «мандатом» на управление Поднебесной, дарована ли ему власть Небом, причастен ли он к «дэ» – «небесной благодати»? И если в практической деятельности он терпел крах, то тем самым как бы убеждался, что Небо отвернулось от него и что он не обладает «благодатью» в достаточной мере, чтобы претендовать на управление Поднебесной. Чжоуский ван, даже в настоящий момент потерявший власть, тем не менее, как потомок У-вана, родоначальника правящей династии, которому Небо даровало «мандат» на управление, может вернуть благосклонность небесного владыки. Иначе говоря, признание суровой политической реальности постоянно сопрягалось с образом идеально-должного мира, присутствующего в сознании людей и повелевающего действовать в соответствии с его принципами¹.

Итак, древнекитайское международно-политическое сознание того времени было расколотым. Раскололось оно на два отторгающих друг друга, но и одновременно взаимодействующих «круга», существовавших в разных координатах измерения миропорядка, каждое из которых имеет свой внутренний стержень и ориентир. Один из этих кругов миропорядка функционирует в мире «здорового смысла», который ориентирует на любое приспособление к окружающей реальности, отношение к складывающейся ситуации с позиций «расчета» и «меры». В этом круге мироосознания политическая и гражданская жизнь отделяется от всяких этических соображений. Данная тенденция миропорядка отражается в политических идеях школы «легизма» («законников»), в частности концепции Шан Яна (390–338 гг. до н.э.).

Другой круг миропредставлений, напротив, отвергает всякий «здоровый смысл», не может мириться с ситуацией распада, войн, жестокостей, озверения людей, несправедливого обогащения. Его стержнем становится этическая норма. Наиболее последовательное развитие этот вектор исторического развития Китая находит свое воплощение в учении Конфуция (551–479 гг. до н.э.). Следовательно, массовое политическое сознание вращалось в орбите двух взаимосвязанных и противостоящих кругов или плоскостей. Мир этически «должного» в этом сознании был не менее, а даже более реален, чем мир прагматически «сущего». Как справедливо подчеркивают современные исследователи, этика здесь имела не только социальный и антропологический, но и гносеологический и онтологический статус. Это привело к тому, что в китайском представлении сфера распространения этики считалась безграничной. В свою очередь, такое положение не способствовало категориальному и методологическому выделению и обособлению из общей системы знаний специфического предмета этики. «Основные виды знания различались по их моральной значимости»².

---

¹ См. подробно: Мартынов А.С. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы Азии и Африки. 1972. № 5.

² См.: Rosemont H. Notes from the Confucian Perspective: Which Human Acts Are Moral Acts? // International Philosophy Quarterly. N.-Y. 1976. Vol. 16. № 1; Кобзев А.И. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988.

«Должное» представляет собой тот «порядок», которому люди должны следовать в своей деятельности, потому что он выражает волю «Неба». Нарушение этого «порядка» проявляется в форме различных стихийных бедствий, войн, неурожая, голода и других сигналов, поступающих от «Неба», предупреждающего таким способом, что люди отклонились от правильного пути. Это сознание имело уже сложившуюся привычку критически оценивать мир «сущего» с позиций мира «должного». Оно, это сознание, чтобы хоть как-то уйти от непрерывно растягивавшейся жесточайшей реальности непрерывной междоусобной войны, создавало свой особый мир мечты: «состояние гармоничного спокойствия и умиротворения Поднебесной», практическое устройство которого оно жаждало и лелеяло.

В переломные моменты китайской истории, подобные тем, о котором здесь ведется разговор, сознание работало в направлении решения задачи преобразования мира «сущего» как нарушающего принципы космического миропорядка и достижения мира «должного», то есть этически истинного пути, указываемого «Небом». Согласно этой точке зрения вся Поднебесная, направляемая в своем развитии всеобщим космическим порядком, в основе которого лежит воля Неба, представляет неразделимую, единую политическую структуру. Распад единого чжоуского государства, становление и развитие множества самостоятельных царств с этой точки зрения воспринимается как аномалия, отклонение от правильного пути и, следовательно, явление временного, переходного характера, представляющее собой отход от «умиротворения и спокойствия Поднебесной», а потому нуждающееся в изменении в направлении достижения былого единства.

Не удивительно поэтому, что в древнекитайском политическом сознании не возникает идеи о легитимности существования государств, независимых от Сына Неба и ему не подчиняющихся. Данная исходная позиция сыграла значительную роль в формировании культурной общности «хуася», т. е. единого древнекитайского этноса, заложившего основу развития в дальнейшем китайской народности «ханьцзу». Формирование единого культурного стереотипа в укладе жизни, стабилизация представлений о духовной и цивилизационной общности всего населения царств, развитие общего этнического самосознания китайцев не только подготавливали почву для будущего объединения, но и ставили на повестку дня задачу его быстрой реализации.

Наряду с этим самостоятельное развитие обособленных государств накладывало свой отпечаток на жизнедеятельность народа. В политических обычаях и привычках китайцев, живших в отгородившихся царствах, намечается явная тенденция к обособлению и появлению языковых диалектов, стремлению к развитию местного патриотизма и т.д. Это проявлялось, например, в том, что во второй половине периода «Чуньцю» жители царства Лу осознавали себя, прежде всего, лусцами, а затем лишь признавали свою культурную и этническую общность с представителями других царств. Такова была ситуация и в других царствах. И чем больше проходило времени, тем больше жители Поднебесной идентифицировали себя не с некогда общей родиной, а с местом обитания. Межгосударственное разграничение неизбежно отделяло царства друг от друга, делая их чуждыми.

В этом контексте эпоха «Чуньцю-Чжаньго» пронизана сознанием политического кризиса и кризисом политического сознания. Раздвоенность, внутренняя разорванность сознания является доминирующей чертой личности того времени. Человеку казалось, что он живет в распадающемся мире, где историческая связь времен прервалась. Конечно, этот настрой, передающий ощущение трагедии времени и, напротив, усиливающий трагическое ощущение времени, находил отражение в различных формах духовной деятельности. Например, в философских и политических идеях соперничавших между собой «Ста философских школ» как бы кристаллизуются тенденции общественного сознания той исторической эпохи. В них слышны и господствующие голоса, и мотивы еще слабые, идеи, еще полностью не выявившиеся, подспудные, никем еще не услышанные, и мысли, только вызревающие, эмбрионы будущих мировоззрений. Вместе с тем в нестройной идеологической разноголосице, в страстной борьбе противников все отчетливее появляются темы, звучащие лейтмотивом духовной жизни общества и направляющие развитие политической культуры международных отношений.

Две цели в векторе противоборствующих идей и устремлений эпохи становятся доминантными точками народного сознания, все более и более овладевая помыслами и чувствами людей. Во-первых, огромная жажда политического объединения, интеграции страны. Раскол государственной и общественной целостности был столь затянувшимся, межгосударственные войны столь продолжительными во времени и колоссальными в размерах, распад общинных и клановых мирков столь неотвратимым, что в душах людей постоянно господствовал страх перед внешними стихийными силами. Когда выдающегося конфуцианского философа Мэн-цзы (около 372–289 гг. до н.э.) спросили: «В чем выражается путь к «умиротворению Поднебесной?» Он ответил: «В объединении страны». Человек в этих безжалостных условиях все больше терял человеческий облик и приобретал поистине звериные свойства. Причем этот процесс имел тенденцию к массовому расширению. Что делать с человеком, становящимся зверем, как сохранить ему человеческий облик? Этот вопрос становился основным в духовных поисках той страшной эпохи. Во-вторых, стихийно пробивающаяся сквозь толщу традиционного-ритуалистического сознания стремление к новым свободным формам общественного и личного жизнеустройства. Эти цели подготавливали почву для формирования разнохарактерных идеалов и образов этико-политической жизни.

И поскольку идеал превращался в мотив нравственного и политического поведения, все чаще появляются люди, которые, не считаясь с санкциями, нередко даже перед лицом смертельной опасности, реализуют свои мечты. Как сказал бы Гегель, эти люди впервые «подслушали» еще неясный, еще глухой призыв исторического движения и, ощутив его, пошли вперед. Причем этико-политический идеал развивается не только как прямое осуждение определенных сторон жизни, отрицание норм, прежде освящавших отношения, ставших препятствием на пути общественного развития, но и как утверждение позитивных ценностей, прокладывающих пути к будущему. Народное сознание в эпоху «Чуньцю-Чжаньго» продвигает огромную критическую работу, просеивая и отсеивая факты и события

настоящего и прошлого. Ужасы настоящего не только потрясали и приводили в состояние безысходного отчаяния но, вместе с тем требовали активно-преобразующих усилий человека. Сравнивая Западное и Восточное Чжоу, прошлое и настоящее, это сознание вырабатывало образ идеального будущего. Это будущее предстает как необходимость возврата к принципам и правилам мироустройства, существовавшего в прошлом, во времена правления легендарных императоров древности и первых ванов Западного Чжоу.

Таким образом, в недрах общественно-политической жизни древнего Китая в эпоху «Чуньцю-Чжаньго» созревает целый пучок разнонаправленных объективных тенденций, борющихся между собой. Основной узел противоречий завязывается, на мой взгляд, между государственно-клановым и товарно-денежным способами регулирования взаимоотношений государств и людей. Закономерности развертывания этих двух тенденций отражали механизмы социально-экономического противостояния «личных» и «вещных», натуральных и товарных, патриархальных и античных форм общественных производственных отношений. Противоборство между этими направлениями, подспудно развивавшееся в недрах экономической системы, оказало существенное влияние на все стороны социальных, политических и духовных процессов, протекавших в организме древнего международного сообщества Китая.

В этой связи тот исторический факт, что в период «Чжаньго» правители соперничающих царств, нередко объединившись с имущественной знатью, наносят сокрушительные удары по остаткам погибающей в процессе междоусобных войн наследственной аристократии и сводят на нет ее бывшее могущество, имеет глубокие основания в медленно нараставшем доминировании «вещных» начал над «личными» в экономических отношениях того времени. В политическом плане именно падение престижа и значимости наследственной аристократии вырывало социально-экономическую почву из-под непрекращающихся столетиями междоусобиц, раздробленности и войн, создавало благоприятные условия для объединения раздробленной страны в единое государственное целое. Феодалная раздробленность послужила причиной исчезновения единого государства Киевской Руси и становления множества самостоятельных княжеств. Московская Русь смогла объединить разбегающиеся княжества только тогда, когда безжалостно истребила наследственную феодалную знать. Только долголетняя война Алой и Белой Роз между Ланкастерами и Йорками, приведшая к гибели большей части феодалной аристократии, позволила Тюдорам наконец-то создать абсолютистскую монархию в Англии. Феодалные черты, присущие организации чжоуского государства, сыграли роковую роль, приведя к его гибели.

Мыслители последующих поколений хорошо усвоили этот трагический урок и поэтому в большинстве своем советовали китайским правителям и императорам иной тип организации государственной структуры. В эпоху «Чуньцю-Чжаньго» постепенно получает распространение практика, когда многочисленных родственников правителей царств и крупных сановников, оказавших большие услуги государству, начинают одаривать владениями временно, отдавая отдельные территории этим лицам лишь в форме пожалований для кормления в период службы.

В недрах этих царств развивались одновременно две тенденции: с одной стороны, шел интенсивный процесс укрепления частнособственнических отношений в общинно-клановой и торгово-ремесленной среде, выделения и обособления богатой части общества; с другой стороны, осуществлялась целенаправленная политика формирования бюрократического аппарата управления, который кормился за счет жалованья, получаемого от государства.

Более того, начиная с этих времен, ставится задача воспрепятствовать центробежным тенденциям и повысить роль государства в управлении обществом. В частности, ученые-легисты предлагали Цинь Шихуану, первому императору новой централизованной империи Цинь (221–207 гг. до н.э.), придерживаться принципа «ослаблять народ и возвышать государство». И этот император, опираясь на принципы легистского учения, создал такую жесточайшую государственную систему, которая незамедлительно вызвала мощную волну крестьянских восстаний, в ходе которых империя была сметена. Политическая концепция, согласно которой государство высоко возвышается над обществом, подминает под себя свободу человеческой деятельности и превращается в режим деспотического господства и управления страной, начинается от корневых побегов именно этих времен.

Деспотическое государство по самой исторической логике несовместимо с развитием демократически ориентированного гражданского общества, в котором свободно и активно реализующиеся частнособственнические интересы являются движущими мотивами деятельности людей. В программе реформ, предложенной легистским направлением, была предпринята попытка соединить по логике несоединимое: активизировать деятельность личности и одновременно полностью подчинить ее тотальному государству.

Итак, длительная борьба, истоки которой, по-видимому, обнаруживаются уже в раннюю эпоху Инь (Шан), далее разрастаясь на всем протяжении Западного Чжоу, достигает своего апогея в эпоху «Чуньцю-Чжаньго». Логическое завершение она получила в конце этой эпохи, с установлением полного господства Цинь над территорией страны. Это была первая в истории Китая имперская держава. Наряду с этим, такой финал означал гибель свободного товарного начала, *античных форм* гражданских частнособственнических отношений и победу *деспотически-тоталитарной тенденции*. Победа нового была достигнута ценою многовековых межгосударственных, социальных, политических и духовных потрясений общества. Но тоталитарно-деспотическая система империи Цинь также оказалась невыносимо тяжелой и вскоре в результате широкомасштабных крестьянских восстаний, уступила место новой имперской династии Хань (III вв. до н.э. – III вв. н.э.). Именно в эту эпоху получают завершение концептуальные основы *древнекитайских представлений о миропорядке*.

Возвращаясь к высказанному тезису, хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, что причины установления власти китайских императоров, как представляется, нужно, прежде всего, искать в особенностях исторической памяти народа. Считают, что нанесение физической и духовной боли надолго сохраняется в душе человека. Аналогично и в этом случае.

Во-первых, в китайском самосознании на века отпечаталась память о раздробленности государства как об аномальном явлении, своеобразном «вывихе», выпадении из нормального течения времени. В китайской политической культуре «норма» отождествляется с мощью и силой государства, а «ненормальность» – со слабостью государственного начала в жизни страны. В ней же эпоха «смут», «темных времен» связывается с распадом государственности и расколом в обществе.

Во-вторых, мыслительный процесс в обществе, особенно со времени жизнедеятельности Конфуция, пошел в направлении выделения особой роли Китая во взаимодействии с окружающими близкими и дальними народами и странами. В конце концов, сформировалась идея о том, что Китай является центром мироздания. Китайский император, получая мандат от Неба, излучает на окружающий мир так называемую «небесную этическую благодать». Поэтому Китай и его народ представляют собой «Срединную империю» в окружении «варварских племен».

Китайский император – «Сын Неба» – предстал в виде единственного устроителя миропорядка на земле, носителя «универсальной добродетели» – «Дэ», выступающего одновременно и как самый компетентный администратор и военачальник, судья и прокурор, философ и меценат искусства и литературы, а также как верховный жрец, обеспечивающий гармонию между обществом и космосом. Именно он призван был распространять «благотворное влияние» из «центра земли» на весь остальной мир, воздействовать на «варваров» и произвести в их душе глубочайшую перемену, заставить их перейти в новое состояние – состояние «искренности», реальным содержанием которого было, в сущности, поклонение «Срединной империи».

С раннего Средневековья конфуциански канонизированное «династийное летописание» в Китае в силу ряда причин стало само по себе важнейшим «социообразующим фактором», во многих чертах способствующим формированию облика китайской цивилизационной модели миропорядка. Этноцентрические представления в их китайском варианте, базирующиеся на огромном пласте традиционных идей о социальном идеале и системе ценностей в течение Средневековья и Нового времени, культивируемых в общественном сознании жителей Китая, нашли достаточное отражение в мировой синологической литературе.

Специфика этноцентризма в его китайском варианте заключается в том, что отвергается сама возможность существования оригинальных ценностей вне самодостаточной и непревзойденной, в первую очередь по морально-этическим параметрам, китайской цивилизации. Доктрина о «Сыне Неба» как мироустроителе и владыке Вселенной и «варварской периферии» легла в основу учения Конфуция об исключительности «хуася», а затем «ханьцзу» (самоназвания китайцев) и о врожденной неполноценности «варваров», оказав существенное воздействие на внешнеполитическую теорию и практику Китая. Конфуцианство распространяло свои нормы и ценности не только на сферу морали, но и на ритуал, церемониал, обряды, обычаи, обычное право и т.п. и по своей значимости, степени проникновения в душу и воспитания сознания народа, воздействию на формирование стереотипа поведения успешно выполняло роль религии.

Это учение на многие века оплодотворило идеализированной системой морально-этических категорий политическую культуру Китая, а затем других стран конфуцианского культурного ареала. Характерно, что категории конфуцианства, в частности «человеколюбие», не распространялись на «варваров», по отношению к которым в силу их «этической неполноценности» можно было быть менее разборчивыми в средствах и методах и даже «относиться к ним как к диким зверям и птицам». Формирование основных принципов, на которых китайские правители строили отношения с близкими и дальними соседями, протекало одновременно с процессом складывания государственности, оформления идеологических и политических основ китайского общества, поэтому неудивительно, что формирующаяся система внешнеполитических отношений в известной степени копировала иерархическую систему взаимосвязей, возникших в самом Китае. Сразу оговоримся, что термин «внешнеполитический», равно как и само понятие «международные отношения», обладают весьма малой «объясняющей способностью» применительно к традиционным воззрениям китайцев на окружающий мир, особенно после образования на территории Китая империй Цинь и Хань.

Достаточно вспомнить конфуцианскую сентенцию о том, что «истинный владыка (ван, ди) ничто не считает внешним», а также то, что под наименованием Поднебесная (Тянься) мыслился не только Китай, но и весь мир, состоявший из «острова» китайской культуры (нэй) и «моря» «варварской периферии» (вай), причем «внешнее» становилось частью «китайского мира», как только вступало в контакт с «внутренним». Еще в чжоуском Китае, как писал Дж. Фэрбэнк, народам, определяемым нами греческим понятием «варвары», «давались обобщающие названия в классических книгах и исторических трактатах: «И» – «варвары» на востоке, «Мань» – на юге, «Жун» – на западе и «Ди» – на севере. Когда европейцы впервые прибыли в Китай морем, они стали официально именоваться вплоть до конца XIX в. как «И».

Объединение Китая в рамках империи явилось мощным катализатором укрепления в сознании «ханьцев» эгоцентрической концепции ойкумены, базирующейся на идее этнокультурного и этического превосходства китайцев над окружающим окраинным миром и «варварами четырех сторон света». Своеобразное самоощущение, в духе рефрена «мы за все в ответе на планете», наложило отпечаток и на характер территориальной экспансии китайских императоров, которая отличалась характерной особенностью. Предполагая распространение власти Сына Неба по всей Поднебесной, традиционная доктрина не придавала, во всяком случае до начала Нового времени, особого значения демаркации границ Срединного государства, а порой даже отрицала существование границы между «варварами четырех сторон» и «периферией». Все это, впрочем, не мешало использовать вышеупомянутую концепцию в качестве изощенного идеологического оправдания далеко не виртуальной, а, напротив, весьма зримой внешней экспансии императорского Китая. Отметим, справедливости ради, что циклические всплески собственно территориальной экспансии Китая приходится на периоды «естественного продолжения» походов вторгающихся в Китай завоевателей, а затем на с той же периодичностью повторяющиеся времена активной борьбы

новых владык китайского трона за «наследство» свергнутых династий и распавшихся соседних сатрапий.

Обогащенное понятийным аппаратом конфуцианства китаецентристское представление о международной среде как некоем моноцентрическом пространстве «затухало» в периоды ослабления централизации в Китае, но вновь «реанимировалось» и развивалось во времена воссоздания единой империи. Такого рода колебания совпадали по циклу с чередованием периодов роста внешнеполитической активности Китая и периодов его как бы «повернутости вовнутрь». Но даже когда эти концептуальные представления вступали в противоречие с реальным характером взаимоотношений, складывающихся с окружающими народами и государствами, и китайцам не удавалось ни победить «варваров», преобразовав их по своему образу и подобию, ни предотвратить образования по соседству крупного государственного или племенного объединения, отношения априорно-го неравенства Китая и всех «варваров» неизменно представлялись китайскими чиновниками-летописцами как нечто всеобъемлющее и абсолютное.

Подтвердить незыблемость подобного положения призвана была гигантская система «международных отношений по-китайски», получившая в синологической литературе название «система вассалитета» или «данническая система». Контуры этой великоханьской конструкции взаимоотношений в их общих чертах сложились в эпоху династии Тан (X в.), поистине считающейся «золотым веком» в развитии китайской цивилизации. Составляющие «систему вассалитета» формальные проявления «покорности», такие, как соблюдение определенных «протокольных» норм и ритуалов, соответствующий язык в официальной переписке – высокомерный с китайской стороны и уничижительный со стороны «покорного вассала», вручение зарубежным властителям пышных титулов и знаков отличия, подношение «вассалом» соответствующих даров («дани») и т. п., сами по себе не являлись чем-то уникальным в международной практике Древности и Средневековья.

Однако только в Китае настолько детально был разработан и столь скрупулезно на протяжении многих веков соблюдался ритуал взаимоотношений правителей периферийных владений и народов с владыкой Поднебесной, что это позволяет говорить о существовании целостной, претендующей на глобальную универсальность, системы международных отношений, функционировании некоего «китайского мирового порядка». По своим масштабам подобная система может быть сопоставима с международными отношениями, например, европейских государств, но по своему содержанию она разительно отличается от норм, образцов внешнеполитического поведения, теории и практики взаимоотношений наций-государств, сложившихся на европейской почве.

Как невозможно проникнуть до конца в глубины китайского имперского сознания, так и нереально воссоздать полную картину того, что являет собой «китайский миропорядок». В связи с этим уместно привести следующий развернутый тезис: «Конфуцианство сумело занять ведущие позиции в китайском обществе, приобрести структурную прочность и идеологически обосновать свой крайний консерватизм, нашедший наивысшее выражение в культе неизменной формы.

Соблюсти форму, во что бы то ни стало, сохранить вид, не потерять лицо – все это стало играть особо важную роль, ибо рассматривалось как гарантия стабильности». Напомним, что именно внешние ритуальные проявления дипломатии особого «китайского типа», в частности церемониал «коутоу», заставили первых европейцев задуматься о пропасти, разделяющей менталитеты представителей различных цивилизаций.

Итак, к устойчивым элементам системы «вассалитета», которые можно назвать «классическими» и «обязательными», относятся следующие: 1) приобщение неких тайских правителей к китайской культуре через «церемониал» (ли), предусматривающий неоднократное исполнение ими сложного обряда «саньгуй цзюкоу», или сокращенно «коутоу», что переводится как «три раза встать на колени и девять раз совершить земной поклон», т. е. при каждом коленопреклонении трижды коснуться лбом земли; 2) получение правителем «варваров» инвеституры, т. е. своеобразной лицензии на правление (обычно в виде грамоты, печати, ритуального сосуда и т. п.) от китайского императора, а также звания и официального титула для сношений с Китаем; 3) предоставление ему соответствующего ранга в китайской иерархии; 4) принятие некоторых элементов китайской системы территориального деления и административного устройства; 5) принятие «варваром» китайского календаря и летоисчисления, обязательного при датировании своих посланий названиями годов правления китайского императора; 6) регулярная присылка ко двору поздравлений и соответствующим образом составленных грамот по случаю бракосочетания, дня рождения и т. д.; 7) прибытие лично или направление строго определенной периодичностью посольств и делегаций ко двору; 8) уплата символической «дани» (гун) товарами местного производства; 9) содержание высокородных «заложников» при дворе китайского императора; 10) удостоивание визитера высочайшей аудиенции; 11) получение ответных даров от китайского императора; 12) предоставление иноземцам некоторых привилегий в передвижении по Китаю, а также в торговле на границе и в столице.

Конечно, не «уплата дани» и тем более не «торговые привилегии» составляли суть «системы вассалитета», хотя это были те элементы, которые легче всего воспринимались иноземцами, включенными в «китайский миропорядок». Для сменявших друг друга династий в Китае «ядром» этой системы оставалась идея «приобщения варваров к цивилизации», и на передний план неизменно выдвигались и педантично воспроизводились изощренные ритуалы, призванные стать подтверждением идеологического обоснования вселенской власти императора.

Примечательно, что чужеземные династии, например, монгольская Юань (1271–1368 гг.) или маньчжурская Цин (1644–1912 гг.) с еще большим рвением, чем собственно китайские династии, следили за строжайшей регламентацией внешних контактов империи и придерживались тезиса о непогрешимости и превосходстве ортодоксальной китайской культуры над культурой других народов. Концепция «открытости» китайской цивилизации для всех, кто попадает в поле ее влияния, и неизбежной культурной ассимиляции, а фактически китаизации других народов, а также более или менее искренняя уверенность, что рано или позд-

но все народы пойдут по «пути Китая», стала внешнеполитической парадигмой идеологии китаецентризма.

Достаточно вспомнить, как чиновники из «Ведомства церемоний» (Либу) заставляли прибывающих из разных стран, в т. ч. и из России, посланцев зарубежных «вассалов» тщательно репетировать, а затем неоднократно – перед грамотой императора, при въезде в пределы империи, перед передними (южными) воротами дворца, перед пустым тронном и, наконец, во время аудиенции императора – исполнять обряд коленопреклонения.

Невыполнение требований подобного этикета, унижительного для других государств, в большинстве случаев имело своими последствиями фиаско миссии, возвращение даров и выдворение «посольств», а также сворачивание всяческих контактов с непокорным «вассалом». Поражает то, с какой скрупулезностью расписывались «даннические» контакты, насколько они были институционализированы и дифференцированы. Размер «дани» и периодичность ее поднесения зависели от степени «приближенности», отнюдь не географической, конкретно данной страны.

Объективной основой этого влияния был огромный цивилизационный потенциал Китая, поражающий рядом своих параметров представителей других культур и, несомненно, притягательный для соседей «Срединной империи». Усиливалась эта притягательность ситуацией «безальтернативного» культурного обмена в условиях длительной географической и этнопсихологической изолированности и социально-исторической замкнутости как «донора», так и «реципиентов». Другой вопрос: каким образом спекуляции на собственном потенциале гипертрофировали у китайцев ложные представления об исключительности и превосходстве всего китайского, породили настроения высокомерия и ксенофобии, а в итоге привели к тому, что «задавленные» огромным пластом собственной традиции, они оказались не в состоянии адекватно воспринять ценность приходящего извне?

Можно привести бесчисленное количество примеров заимствования ценностей китайской цивилизации окружающими народами. Нас интересует, в первую очередь, усвоение соседями вышеперечисленных элементов «вассальной системы». Правящие династии стран, оказывавшиеся в поле влияния Китая, быстро осознавали, что воспринимаемые ими китайские сакрально-ритуальные «правила игры» являются мощным инструментом обеспечения легитимности их нахождения на престоле и эффективным механизмом репродукции их монополии на власть.

Наиболее действенным являлся такой принцип легитимизации местных династийных пирамид, как признание верховного права китайского императора вручать правителям инвеституру и соответствующий титул, то есть, по китайской версии, «даровать им для управления определенные земли». С одной стороны, строго придерживаясь традиционного порядка запрашивания инвеституры, обряда торжественного ее вручения и подтверждения при смене как императора в Китае, так и монарха «вассала», Китай получал возможность «церемонно» вмешиваться в дела о престолонаследии и дворцовые интриги соседей, но – с другой, складыва-

ется впечатление, что, например в случае с Кореей и Вьетнамом, соперничающие правители и кланы были сами в неменьшей степени заинтересованы в поддержании подобной традиции.

В момент угрозы покорному «вассалу» со стороны внутренних и внешних врагов он всегда мог запрашивать и либо реально получать военную помощь со стороны Китая, либо, как это чаще бывало, всячески «блефовать» неотвратимым заступничеством «сюзерена». Мощь и авторитет местных правителей, таким образом, как бы подпитывались за счет той или иной приобщенности к величию китайской империи.

Существует большое количество свидетельств того, что в отдельные периоды катаклизмов в Китае наиболее ретивыми блюстителями конфуцианских ритуалов, своего рода «жрецами-хранителями огня», выступали властители Кореи, Вьетнама, Японии и других стран, которые соблюдали нормы китайской ортодоксии порой ревностнее, чем сами китайские императоры. Особенно подобная ревность пробуждалась во времена династийных кризисов и обострения борьбы за трон, а также в периоды конфликтов между «вассалами», когда сами обладатели китайской инвеституры апеллировали к Китаю, дабы он не уклонялся от жесткого исполнения своей роли «верховного арбитра».

На настойчивые попытки иноземцев получить «привилегии» в перемещении и торговле минский двор ответил запретом на любые связи с «заморскими дьяволами», осуществлявшиеся частным порядком. Это лишь нанесло ущерб внешней торговле Китая, но не могло предотвратить проникновения иностранцев, в частности миссионеров, в страну. Тем не менее перед лицом разрушительного влияния чуждой христианской культуры Китай, по крайней мере, психологически, оказался защищенным всем пластом богатейшей многовековой традиции. Ни Минская, ни затем «огороженная» помимо усвоенного конфуцианства еще и «доморощенным» ламаизмом Цинская династии не демонстрировали явных признаков подрыва в китайском сознании комплекса безусловного превосходства традиционных ценностей и социально-политических институтов Китая. И потребовался мощнейший внешний импульс, насильственная ломка системы «даннических отношений» для того, чтобы породить сомнения в умах китайцев, упивающихся собственной самодостаточностью и небесным величием империи.

Ряд сокрушительных поражений Китая в «опиумных войнах», китайско-французской 1884–1885 гг. и самое, с китайской точки зрения, «позорное» – от еще недавнего «вассала» – Японии в 1894–1895 гг. – не вызвали, впрочем, радикальной переоценки традиционных ценностей и не привели к подрыву в китайском сознании комплекса безусловного превосходства конфуцианских социально-политических институтов. Напротив, сам насильственный, военно-силовой характер воздействия и навязывание Китаю новых для него норм и институтов международных отношений вызвали ответную реакцию «отторжения» чуждой модели поведения и форсированную апелляцию к морально-этическим категориям в условиях, когда в плане экономической и военной мощи Китай мало чем мог противостоять западным державам и Японии. Роль «психологической анестезии» при этом стала

играть концепция «ти- юн» («китайское учение – основное; западное учение – прикладное»), призванная отдать китайцам пальму первенства в важнейшей политико-идеологической сфере человеческого бытия.

Само подписание договоров расценивалось двором, как это уже неоднократно случалось в истории Китая, некоей мерой, вынужденной для умиротворения более сильного противника, и временной, до преодоления смуты в «Срединном государстве». Впрочем, «договорное унижение» Китая вскоре было идеологически компенсировано концепцией «системы неравноправных договоров», а практическая внешнеполитическая деятельность стала носить «многоярусный характер», демонстрируя во всей ее изощренности черты китайской тактики и стратегии, известной в литературе как «стратагемная дипломатия».

Мучительная «перестройка» и адаптация повергнутого императорского Китая к требованиям держав-победительниц осложнялась помимо прочего буквальным «взаимным непониманием» в рамках начинающегося «межцивилизационного диалога». Ведь традиционное китайское сознание не выработало терминов, адекватных понятиям «народ», «нация», «общество», а такие категории, как «национальные интересы», «суверенитет», «право» и т.д., вообще вплоть до XX в. отсутствовали. Этимология же содержания таких китайских понятий, как «чжэнчжи» и «цзинцзи», не укладывалась в семантическое поле их ложно подразумеваемых европейских аналогов «политика» и «экономика».

Следует признать, что, даже осознавая свою военную и политическую слабость, цинские дипломаты всячески пытались «сохранить лицо», вели переговоры с державами весьма изобретательно и напористо и уж, во всяком случае, были далеки от того, что можно бы было назвать «капитулянтством». Верные классическому принципу китайской дипломатии «использовать одних варваров против других», они стремились по возможности избегать вооруженных конфликтов с более мощными державами, постоянно старались затягивать переговоры и шли на уступки главным образом за счет «вассалов» Китая.

Практически ожидаемого радикального перехода от традиционных «данических» к современным «договорным» отношениям и вступления Китая в равноправную «семью наций» не произошло. Система «вассалитета» не могла исчезнуть бесследно и продолжала по инерции «работать на себя», и в результате обе модели внешнеполитического устройства еще длительное время сосуществовали как бы «параллельно», отнюдь не только в подсознании китайских царедворцев. Наглядными иллюстрациями этому служат продолжающиеся миссии с «данью» уже, казалось бы, после договорно-правового изменения статуса и «вассалов», и «сюзерена».

История Китая XX в. свидетельствует не о «ломке» и «вымывании» архаичных структур и представлений, а, скорее, об их трансформации и послойном «нанизывании» на некий китаецентристский стержень. Китайская традиционная культура оказалась недостаточно гибкой, слаборасчлененной, слишком этноцентричной для того, чтобы быстро воспринять и «переварить» обрушившийся на нее поток разнообразных «образцов поведения». Динамизм внутренних и внешнеполитиче-

ских событий новейшего времени не давал возможности «передохнуть» и провести тщательную селекцию и дозированную апробацию заимствуемых идей и институтов, особенно в сфере международного общения.

Прагматизм и недостаточная акцентированность современного внешнеполитического курса Пекина, отрешающегося от роли какого-либо лидера или «сверхдержавы», заставляют задуматься над тем, является ли это временной тактикой «замирания империи», готовящейся к реализации формулы «XXI век – век Большого Китая», или китайское руководство намерено довольствоваться ролью не более чем одного из полюсов в «многополюсном мире».

Как известно, итогом возрождения в эпоху Мао Цзэдуна китаецентристской парадигмы явилось торможение процесса формирования в Китае гражданского общества, наиболее чуткого, как свидетельствует мировой опыт, к внешним «вызовам» и «сигналам». Время покажет, в какой степени дальнейшая трансформация этнопсихологии китайского социума, в которой сегодня причудливо переплетаются элементы сразу нескольких социально-исторических эпох, позволит этой стране встать на путь подлинной открытости, мобильности и диверсифицированности, дав адекватный «ответ» на «вызовы» современной жизни. И вместе с тем нельзя не отметить, что в настоящее время, начиная с экономических реформ, инициированных Дэн Сяопином, происходят радикальные перемены в китайской концепции миропорядка. Современный Китай, отбросив традиционную концепцию миропорядка, органично включается в глобализирующуюся международную систему.

Учебно-методическая литература

Основная

Конфуций. Лунь юй: Изречения. М., 1982.

Бань Гу. Хань шу (Книга [о династии] Хань): Изречения. Пекин, 1964.

Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / Пер. и прим. Н.И. Монастырёва. М., 1999.

Васильев К.В. «Планы сражающихся царств»: Исследование и переводы. М., 1968.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.

Дононбаев А.Д. Политическая культура и международные отношения. Бишкек, 2002.

История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, 1998.

Китайская философия (энциклопедический словарь). М., 1994.

Дополнительная

Малявин В.В. Сумерки Дао. М, 2000.

Малявин В.В. Китайская цивилизация. СПб., 2000.

Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. М., 1998.

Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1975. Т. 2.

Цзи Вэньфу. Чуньцю Чжаньго сысян шихуа (Беседы по истории идеологии эпохи Чуньцю-Чжаньго). Пекин, 1958.

Аллаберт А.В. О роли конфуцианских ценностей в формировании морально-нравственного облика китайского руководителя // Восток. 2005. № 4.

Захаров А.И. Проблема понятия государства в традиционном Китае // Восток. 2005. № 6.

Кобзев А.И. Генезис китайской философии и категории «философия» в традиционном Китае // Восток. 2001. № 3.

Марков Л.А. Инь – на спине, Ян – на руках // Восток. 2002. № 1.

Тема 24. Античная концепция миропорядка

1. Модель античного полиса в Древней Греции.
2. Противостояние городов-государств как фактор международных отношений.
3. Причины крушения античного миропорядка.

Изучение любой концепции мирового порядка требует органичного соединения в аналитическом дискурсе *институционального* и *человеческого* факторов. Мировой порядок, складывающийся как определенный баланс взаимодействующих и разнонаправленных сил и тенденций, часто возникал как результирующая сумма взаимодействующих объективных и субъективных факторов исторического развития. Разумеется, на поверхности исторической реальности субъективная сторона человеческой деятельности всегда остается в тени. Но исследования, осуществленные во многих странах, показывают, что именно эта субъективная сторона, нередко игнорируемая в процессе осуществления международных контактов, оказывалась решающей причиной, приведшей, в конечном счете, к изменению самого рисунка и даже характера функционирующего мирового порядка.

Следовательно, в международных отношениях результат определяется не только объективно действующими факторами, но и субъективными – волевыми моментами. В самом же многоцветном спектре международных отношений связующей основой всего мозаичного полотна сил и тенденций, как показывает опыт истории, очень часто оказывалась именно ментальность. В этой связи менталитет государства проявляется в основном в его международных отношениях, точно так же, как характер человека – в его общении с людьми.

Рассматривая античную концепцию миропорядка, можно на реальном историческом материале убедиться сколь органичным оказывается взаимосвязь институционального и человеческого начал. В античной Греции впервые в истории складывается и функционирует совершенно уникальная система государственной власти – здесь государство совпадает и даже сливается с обществом. Понятие «полис» органично сочетает в себе три объединившихся явления – государство, город с прилегающей сельской территорией и гражданскую общину. Эта была первая исторически нам известная умеренная форма прямой демократии. Народ управляет своими делами и сам же исполняет принятые решения. В отношениях граждан этот принцип выражался в том, чтобы не управлять и не быть управляемым кем-либо, или по-другому, управлять по очереди – сегодня ты, завтра я, затем он, о чем мы знаем, и в этом мы равны.

В делах, которые рассматривались на агоре (место, где происходило народное собрание), касающихся всего полисного сообщества и каждого гражданина, профессиональное, экспертное знание не пригодно. Знания ремесла, земледелия,

мореплавания и т. д., полезные в каких-то отношениях, ничем не способны помочь в политических делах. Отсюда сама мысль о профессионализации политической деятельности могла бы показаться античным грекам в сути нелепой и смешной. Ничего в этих политических делах, как замечает Сократ, заранее неизвестно. Огромная напряженность политической жизни заключается в том, что здесь даже Бог – не судья в делах человеческих, поскольку они требуют и критического размышления, и взвешенного обсуждения, и умения прийти к разумным выводам. И только в этом тяжелом и длительном мыслительном процессе, в конце концов, решение открывается человеку.

Что являлось руководящим принципом в массе дел? Конечно же, в повседневной жизни, в решении всего многообразия конкретных вопросов, античные греки руководствовались повелениями закона (*nomos, dike*). В «Истории» Геродота запечатлен широкоизвестный эпизод, прекрасно раскрывающий роль античного закона в жизни греков. Во время военного вторжения в Грецию в 480 г., между персидским царем Ксерксом и спартанским царем Демаратом состоялся весьма знаменательный разговор. «...Спартанцы, – заявил Демарат, – никогда не выполнят твоих приказов, несущих эллинам рабство». Ксеркс расмеявшись, сказал: «Я бы поверил твоим словам, если бы они, как это бывает у нас, подчинялись воле одного господина. Тогда под бичами пошли бы и против более сильного врага». Демарат отвечал: «Спартанцы свободны, но не полностью. У них есть господин. Им является закон. Они боятся его еще больше, чем твои подданные тебя. Спартанцы всегда делают то, что велит им закон». Подчиняться воле одного человека или подчиняться воле общего закона? Ведь закон – воля всех и каждого из свободных граждан. Грек отличался от варвара и раба тем, что считал унижительным подчиняться воле одного человека, пусть мудрейшего и наидобродетельного, предпочитая подчиняться закону, выражающему волю всех или большинства граждан. Дело не в числе, а в том, что граждане свободны и равны, и выполняя закон, они подчиняются не чужой, а общей воле. Повиновение воле одного человека открывает дорогу к деспотическому или тираническому произволу и капризу. Поэтому между словами и действиями персидского царя Ксеркса и спартанского царя Демарата пролегла огромная дистанция.

В античной Греции город довлеет над окружающим сельским пространством¹. Причем это пространство в сравнительном измерении не представляло громадной территориальной протяженности, поддавалось охвату взглядом. Сельский пейзаж полностью подчиняется ритму городского бытия. Преимущественно горожане владеют участками земли, обрабатывают их, но живут в основном в городе. «Полис, – подчеркивает А.Ф. Лосев, – это сразу и государство и город. Это – государство, которое не распространяется дальше города, и город, который хочет быть независимым от всех прочих городов»².

Население таких городов-государств было, по нашим современным меркам, совсем мизерным. Данные, которые еще в XIX в. приводил А. Бек, свидетельствуют

¹ См. об этом: Античный город. М., 1963.

² См.: Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963 С. 109.

о том, что в Афинах V–IV вв. до н.э. примерно насчитывалось: граждан – 20000, а с женщинами и детьми – 350000. К началу Пелопоннесской войны (431 г. до н.э.) в Афинах, по мнению Белоха, проживало граждан (не считая женщин и детей) – 35000, метеков – 10000, рабов – около 100000¹. А.Ф. Лосев считает сведения Бека, который на основе ряда античных источников, определяет общую численность населения Аттики V–IV вв. до н.э. в 500 тыс., отнеся 135 тыс. на свободных и 365 тыс. на рабов, слишком произвольными. Приведенные данные по численности рабов также разноречивы. Майер дает (для 431 г.) – 170 тыс. свободных, но 100–150 тыс. рабов, т. е. рабов меньше, чем свободных; Атений, упоминая перепись населения при Димитрии Фалерейском (309 г.), доводит число рабов до 1,5 млн, т. е. в 13 раз больше, чем свободных и неполноправных². Ю.В. Андреев считает, что в Афинах во второй половине V в. до н.э. было 45 тыс. полноправных граждан, а в Спарте не больше 9–10 тыс³.

Это «миниатюрное» государство-полис, лишенное огромных пространств и колоссального народонаселения, непосредственно обозреваемое, без далеких горизонтов, естественно, политически тяготело к самодовлению и автаркии, самостоятельности и раздробленности. С учетом изложенного, можно предположить, какая сила лежала в основе того, что каждая такая гражданская община конституируется как независимая, автономная единица, как суверенное государство с характерными чертами республиканского правления. Хотя термин «*res publica*» («общее дело», «общее достояние») римского происхождения, но понятие и идея того, что кроме частных дел, граждан объединяет это общее дело, общее достояние, реализуемое в полисном устройстве, восходит к античным грекам. Социальные различия между людьми античный полис переводит из сферы преимущественно политических статусов в сферу преимущественно экономических, имущественных отношений. В составе полиса объединялись как богатые, так и бедные, как крупные, так и мелкие собственники, землевладельцы, рабовладельцы, свободные крестьяне, ремесленники и т.д. Каждому из них полис гарантировал неприкосновенность личности и имущества, сохранение прав. Именно это уникальная инновация и давала мощный толчок всестороннему развитию античного полиса⁴.

Для того чтобы полноценно участвовать в таких мероприятиях, гражданин должен был обладать досугом (схоле – *chole*), что, конечно, было доступно не всем. Иметь досуг для полноценного участия в политической и интеллектуальной жизни мог позволить себе лишь зажиточный крестьянин и ремесленник, обладающий собственностью в виде «живой вещи» – раба. М.М. Ковалевский полагает, что при общей численности гражданского населения Афин при Перикле в V в. до н.э. в 21000 человек, без женщин и детей, в народном собрании реально прини-

¹ См.: Бузескул В. История афинской демократии. СПб., 1909. С. 198–199.

² См.: Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика)... С. 70.

³ См.: История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1982. С. 93.

⁴ См. подробно: Hammond M. City-State and World State in Greek and Roman Political Theory until Augustus. Cambridge (Mass.), 1951.

мали участие не более 1000 граждан¹. Правда, по мере увеличения численности рабов-чужеземцев, используемых уже не только в домашнем хозяйстве, но и в общественном производстве, росли возможности расширения сферы досуга и для простых граждан. Статус гражданина распространялся только на взрослых мужчин полиса. Рабы, иностранцы (метеки в Афинах), женщины и дети не обладали таким статусом.

В конце этого периода перед античной Грецией встала дилемма: либо превращать оказавшихся в кабале общинников в рабов, либо идти по пути превращения покупных и военнопленных чужеземцев в рабов. Это был поистине решающий, судьбоносный момент. Развитие по первому пути заключало в себе страшную опасность для только что встававших на ноги молодых и еще не окрепших государств-полисов. Была поколеблена материальная основа полисной структуры – связь гражданского полноправия с земельной собственностью. Ведь член гражданского коллектива обладал правоспособностью, выражавшейся наряду с другими моментами, и вправе иметь земельный надел. Это был фундаментальный принцип самого бытия полиса, его организационной сущности. Гражданство как принцип предполагало как свободу личности, так и право на собственность.

И самое существенное, античный путь развития позволял сохранить внутреннее единство, требуя, прежде всего, постоянной внешней борьбы и агрессивных войн за привлечение все большего количества чужеземных рабов. В этом случае сплоченная изнутри корпорация свободных граждан полиса противостояла внешней силе – все увеличивающейся массе рабов.

Эмпирически разворачивающиеся в социальном пространстве и времени события, деяния людей, отражают некую глубинную логику. В конечном счете, определяющим оказалось нахождение координации, баланса, равновесия между такими фундаментальными вещами, как античное рабство и античная демократия. Вопрос, видимо, стоял в такой плоскости: как организовать рентабельный рабский труд, эффективное производство и, одновременно, обеспечить полисное равноправие и свободу, т. е. гражданство? Необходимо было найти в тех исторических условиях наиболее оптимальную форму, способ координации, равновесия между рабством и демократией.

Был избран тот путь, который называют античным. Исследователи останавливаются на трех факторах, обусловивших переход античного общества к новой форме труда, выразившейся в эксплуатации физической силы рабов-чужеземцев: 1) высокая концентрация земли, находящейся в частной собственности; 2) бурное развитие товарного производства; 3) отсутствие альтернативных внутренних источников рабочей силы.

Специфически человеческий способ античной жизнедеятельности, как уже отмечалось, разделяется на два исторически и логически взаимосвязанных фазы: общинно-коллективистскую и индивидуально-личностную. Но поскольку в своем традиционном сознании античный индивид наделял родовой коллективизм

---

¹ Ковалевский М.М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М., 1906, Т. 1. С. 8–9.

космической сущностью, следующим шагом в общем процессе выделения из природной среды, конечно, было индивидуально-личностное обособление человека от общины. Причем, принцип коллективизма абсолютно господствует в родовой общине, но теряет свои доминирующие позиции в общине гражданской. Принцип индивидуализма складывается и развивается в гражданской общине. На этапе зрелой классики, когда гражданская община находится еще в равновесии, внутренней и внешней, несмотря на возникающие противоречия, индивидуализм согласуется и уживается с коллективизмом. В пору поздней классики, а затем в эллинистическую эпоху, индивидуализм абсолютно доминирует над коллективизмом. Как отмечает А.Ф. Лосев, на стыке ранней и средней классики, в связи с ростом производительных сил и населения, общинно-родовой коллективизм терял свою «рентабельность» и тем самым наступала очередь выдвижения также и некоторого рода индивидуальной инициативы. И, действительно, товарное производство, денежное обращение, частная собственность, parcelлярная обработка пахотной земли, индивидуальное ремесло и частное присвоение их плодов и т. д. создают почву для индивидуализации личности. Индивидуализация экономического и социального бытия, сопряженная с parcelлярным хозяйствованием, открывала перспективу для перехода к новым формам жизнеустройства. Античный город-государство, существующий в форме гражданской общины, в своих жизненных ориентациях, наряду с поощрением коллективизма, поневоле не может не допускать и развития индивидуализма. Появляется человек, чувствующий себя не просто членом гражданского сословия, но вступивший на путь индивидуального развития.

Однако сама гражданская община не может с одинаковым успехом уживаться как с коллективизмом, так и индивидуализмом. Равная сила, приданная обоим этим принципам, неизбежно обостряла конфликты и взрывала изнутри полисную жизнь. Речь не идет о том, что реально вообще между коллективизмом и индивидуализмом невозможно найти примирение. Речь идет только о том, что в той ситуации, которая здесь анализируется, эти принципы не могли надолго быть примиренными. Поэтому полис вынужден утвердить для себя главенствующий принцип. Им становится коллективизм. Тем более, что только коллективизмом можно было противостоять растущему числу рабов и внешним агрессивным силам. Но если полис организационно и политически утверждает принцип коллективизма, то жизнь, вопреки этому, экономически и социально утверждает принцип индивидуализма.

К примеру, без растущего рабовладения, этого специфического способа воспроизводства жизнеобеспечения, как самого гражданина, так и в целом всего полиса, дальнейшее развитие античного государства лишается своей основы. Но такую основу теперь уже может создавать только индивидуально развивающаяся личность полисного гражданина. Если так, то как быть с тем, что гражданская община органически чувствует, как коллективизм политически удерживает его целостность и единство, а спонтанно вырывающийся индивидуализм социально-экономически и нравственно-психологически ведет его к грядущему разложению

и распаду? И здесь, естественным образом, античный полис вступает в полосу неразрешимого противоречия, быстрыми темпами перераставшего в жесткий конфликт.

Дело не только в исторически созревшем античном индивидуализме, но и в самом коллективизме. В ситуации, сложившейся вслед за периодом кратковременного подъема и расцвета античного полиса, гражданский и н д и в и д у а л и з м развивается в направлении э г о и з м а , а гражданский к о л л е к т и в и з м незаметно и верно вырождается в своеобразный к о р п о р а т и в и з м.

Античный полис-государство есть совокупная власть граждан. Граждане, естественным образом, озабочены своим жизнеобеспечением. Таким способом жизнеобеспечения для них становится непрерывно развивающееся рабовладение. Рабовладение, т. е. захват или купля чужеземцев, превращение в рабов и эксплуатация их труда, могло стать рентабельным и нормальным воспроизводственным конвейером только при агрессивной внешнеполитической деятельности государства. Элементарно, чтобы обеспечить себя в достатке, при сравнительно низкой эффективности труда в условиях античности, надо забрать у других. И, очевидно, рабовладение как принцип государственной политики, в отличие от прошлого родового коллективного опыта, сразу же раскрепостило динамические и агрессивные силы полиса, скованные отсутствием индивидуального предпринимательства. Античный человек начинает производить не только для себя, сколько для рынка, не столько потребительные, сколько меновые ценности. Неизбежно наступает время денег, рынков, предпринимательства, колонизации, промышленности. Появляется богатство. Античные люди, не только единицы, но и большие группы, вкусили сладость денег, власть богатства. Теперь уже неумная жажда денег, богатства, власти овладевает помыслами и стремлениями многих. Индивидуализм, перерастающий в эгоизм, питает эти страсти.

На авансцену политической жизни выдвигается новый интерес – захват чужих территорий, населения, овладение материальными ценностями и т. д. Причем, как подчеркивает А.Ф. Лосев, процесс расширения территориальных и рабовладельческих appetitов шел преимущественно в среде афинской рабовладельческой демократии. Греческая рабовладельческая аристократия, продолжавшая тяготеть к традиционным коллективным обычаям и авторитетам, не нуждаясь ни в новых территориях, ни в расширении рабовладения, выступала с отпором этой уже далеко заходившей прогрессивной тенденции. Однако из этого вовсе не следует предполагать о том, что полисная демократия отвергала коллективизм ради индивидуализма. Дело гораздо сложнее. Демократия, с одной стороны, по-прежнему, ужасалась в социально-политическом контексте своей жизни покинуть коллективистские установления, поддерживавшие полисный авторитет. Понимала, сколь данный шаг чреват грядущими кризисами и катастрофами. С другой стороны, стихия торгово-экономической и предпринимательской жизни поворачивала ее деятельность в сторону все усиливающейся практики индивидуализма и эгоизма. Эта двойственность, все более обнаруживающей себя природы демократии, причудливым образом запечатлевалась в умонастроении и психологии различ-

ных политических групп и в целом граждан античного полиса. Как бы то ни было, в практике жизни полисный гражданин встает на путь экспансии, авантюрных предприятий, расширения своего жизненного пространства. Теперь полисные коллективные нормы не только мешают, но уже тяготят. Поэтому он смело идет на разрыв с полисным коллективом, стремясь к максимуму свободы и предприимчивости, отвергая коллективистский, предпочитая индивидуалистический путь развития. Но, как всегда бывает в конкретной истории, в своем реальном индивидуализме, он доходит до крайних пределов эгоизма и субъективизма.

Ход греко-персидских войн (490–449 гг. до н.э.), растянувшийся на 40 лет, ясно показал, что существующим самостоятельно греческим полисам-государствам, не удастся разрозненными силами одолеть мощного врага и лишь объединившись, создав крепкий союз, возможно довести войну до победоносного завершения. Поэтому, когда военные операции в основном перешли на море, греческие союзники предложили Афинам взять на себя верховное командование, как государству, имеющему сильный флот. Так, в течение 478–477 гг. образовался Делосский, или Афинский морской союз. Правда, еще раньше, в VI в. до н.э. олигархическая Спарта основала Пелопоннесскую лигу государств, объединяющую в своих рядах в основном консервативно-аристократические гражданские общины Южной Греции. Афины, сыгравшие решающую роль в предыдущих победах над персами, признавались гегемоном нового союза. Число государств, вошедших в Морской союз, колебалось от 200 до 400 членов. Он подчинял своему влиянию все греческое побережье и острова Эгейского моря и имел свою казну, вначале находившуюся на острове Делос, а позже перенесенную в Афины. Каждый участник обязан был ежегодно вносить в казну взносы (форос), размер которых зависел от состоятельности государства. Предполагалось, что каждый год в союзную казну будет поступать 460 талантов. Афины освобождались от взносов, но брали на себя обязательство выставять свой флот и воинов в случае грозящей союзникам опасности. Но и другие участники были обязаны во время военных походов поставлять войска и корабли. Союзный совет, называвшийся синодом, в котором каждое государство имело один голос, проводил свои заседания на Делосе. Добровольно вошедшие в союз полисы, видимо, надеялись, что демократические Афины, где между членами гражданской общины господствовал дух равенства и свободы, перенесут этот принцип на деятельность новой всегреческой организации. Однако новый гегемон повел себя решительно и непреклонно. Разумеется, эти надежды были нереальными. Когда прямая угроза вторжения персов на греческую землю окончательно исчезла, многие государства-участники союза, хотели сбросить с плеч принятые обязательства. Но афиняне жестко подавляли такие устремления и силой взимали взносы. Заставляли давать контингент войск и снаряжать корабли. Ряд государств предпочитал платить дополнительные взносы, чтобы избежать последнего. Имея в руках союзную казну, афиняне построили огромный и мощный флот. Это давало им возможность беспрепятственно наказывать всех тех, кто не подчинялся их воле. А такие появлялись все чаще.

Эллины все больше начинали понимать, что вступив в Морской союз, стали заложниками в эгоцентрической и агрессивной политике афинян. Сами же Афины

еще не видели, что из гегемона превращаются в тирана эллинских народов, не поняли, что их империалистическая политика в Морском союзе напоминает разговор не равноправных партнеров, а методы, существующие между властителем и подданными. Хорошее начало – оформление политического единства эллинских полисов, обещающего в дальнейшем при самом благоприятном стечении обстоятельств, стать основой всегреческого единого государства, – не имело удовлетворительного продолжения и, к сожалению, увенчалось дурным концом. Великолепная идея была похоронена омерзительной практикой. Эта практика, взращенная на почве великодержавия, эгоизма, корысти, жадности афинского народа, стала главным направлением политической деятельности честолюбивых, но не прозорливых демократических лидеров. В свою очередь, эти лидеры своими призывами и действиями возбуждали в толпах афинян ненасытную жажду обогащения.

Подписанный в 449 г. долгожданный мир с Персией эллинские государства встретили с радостью. Вдвойне радовались этому члены Морского союза. Теперь выплата фороса теряла всякий смысл. Морской союз не имел больше значения. Однако радость была преждевременной. Афинское народное собрание по предложению Перикла вынесло решение о том, что в следующем (449–448) году взносы в союзную казну отменяются. Афины выступили с предложением провести Всегреческий конгресс, на котором решить все общие неотложные вопросы. Как и предвидели многие, конгресс не удался. Поэтому афинское народное собрание в одностороннем порядке вынесло решение, что начиная с нового (448–447) года союзники обязаны возобновить выплату фороса в прежнем размере. Решение аргументировалось просто: «Раз государства Эллады не хотят обеспечивать безопасность на морях, то эта обязанность ложится на Афины и их союзников». В своем наступлении Афины пошли еще дальше. Во всех союзных полисах запрещалось чеканить собственную серебряную монету, разрешалось пользоваться только афинскими серебряными деньгами. Вводились единые для всех союзников аттические меры веса и длины. Далее, через какое-то время от союзных полисов стали требовать, чтобы любые судебные дела, в том числе и частные, направлялись и разбирались в Афинах. Таким образом, союзные государства лишались элементарных символов своей суверенности и превращались в подданных Афин. Это давало возможность афинскому государству вмешиваться во внутренние дела соседей. Созревающее между античными полисами в з а и м о п о н и м а н и е, в ходе греко-персидских войн постепенно перераставшее в хрупкое в з а и м о д о в е р и е, мгновенно улетучивалось.

Внимательного читателя не может не удивлять скоро происшедшая трансформация политической ориентации афинской демократии. Ведь только недавно эллины во главе с афинянами, твердо придерживаясь одной политической линии, сумели сокрушить общего врага – персов. Но сегодня эллины не с меньшей жесткостью раздирали друг друга. И в этом задают тон главным образом те, кто должен более всех стремиться сблечь общеэллинское согласие. Афиняне, на словах провозглашая принцип общеэллинского единства, на практике неизменно преследовали свою выгоду в ущерб интересам других эллинских государств. Такая полити-

ка не могла ни увеличивать число афинских врагов. Следовательно, мы сталкиваемся здесь с двойственностью природы афинской демократии. Афинский гражданский коллективизм – явление сугубо корпоративное. Корпоративное сознание действует в двух плоскостях. Одна плоскость объединяет всех тех, кого такое сознание причисляет к категории «мы». С точки зрения афинского гражданского сознания, к «мы» относятся, прежде всего, афиняне. Преобладающая роль такого сознания явно проявилась в принятии закона, когда у руля государства находился Перикл. Согласно этому закону, полноправными гражданами признавались лишь те, чьи родители, и отец, и мать, были афинянами. Наплыв чужеземцев, а также постоянное соприкосновение во время дальних военных походов и торговых путешествий, приводили к тому, что смешанных браков афинян становилось все больше. Но чем больше благ и привилегий предоставляла афинская демократия, тем меньше народ желал допускать в свой круг чужих людей. Афиняне смотрели на свое государство, как на торговое предприятие, доходы от которого должны доставаться только им. И лишь после этого, категория «мы» может охватывать эллинов, живущих в других полисах. Мера причисления всех эллинов к категории «мы» возрастает в периоды борьбы против внешних агрессоров.

Таким образом, общеэллинское сознание значительно возросло в годы войны с Персией. Но после греко-персидских войн, когда внутриэллинские противоречия и конфликты вновь вышли на передний план, категория «мы» объединяется с полисным сознанием. Другая плоскость соединяет всех тех, кто относится к категории «они». «Они» могут быть в зависимости от ситуации самыми разными. К «ним» можно отнести рабов, варваров. Если складывается такая обстановка, то к категории «они» могут быть причислены и эллины других государств. Причем корпоративным сознанием характеризуются не только Афины, но и все другие полисы. Иначе говоря, корпоративизм мышления вытекает из реалий существования многочисленных городов-государств. В данном конкретном случае этот корпоративизм еще более обострялся непрерывно растущим социальным и политическим эгоизмом интересов афинского гражданства.

Здесь мы видим действие двойного стандарта. Во-первых, внутри родной общины афинянин в своем сознании и поведении придерживается правил и принципов политической культуры «гражданственности». Во-вторых, во внешнем мире, за пределами гражданской общины, эта культура не может быть использована. В большинстве случаев исходной точкой является сознание и поведение афинянина в соответствии с правилами и принципами культуры «подданничества». Причем надо видеть содержательные перемены, происходящие в политической культуре, при переходе из внутреннего во внешний контекст. Так, распространение культуры «гражданственности» из сферы внутренней жизни в сферу жизни внешней, ведет к становлению культуры «партнерства» участников международного общения. Культура «подданничества», переброшенная из внутреннего во внешний мир, трансформируется в культуру «подчинения» одних участников другим в процессе международного общения. Следовательно, в международном общении со своими близкими и отдаленными соседями, афинское гражданское общество в принципе

могло отталкиваться из двух противостоящих типов политической культуры: «партнерства» или «подчинения». Конечно, нельзя отрицать, что в античной Греции вообще, в афинском государстве в частности, не было никакой почвы для становления культуры «партнерских отношений». Культура «партнерства» существовала и развивалась, но она не являлась стержневой линией в гражданской культуре античных полисов. Движение по пути культуры «партнерства» было возможным, но не реальным в сформировавшихся тогда условиях. Не реальным оно являлось потому, что античные государства в таком случае должны были измениться в своей сущности. Стать из рабовладельческих нерабовладельческими. Рабовладельческая демократия Афин должна была превратиться в нерабовладельческую.

Как подчеркивалось, античный путь рабовладения заключался в превращении купленных или взятых в плен чужеземцев в рабов. Могла ли рабовладельческое гражданское общество в Афинах в корне изменить свою социально-экономическую суть? Разумеется, это оказывалось не реальным. Вообще-то афинянин выступает в трех лицах (ипостасях): гражданин, частное лицо, подданный. Практика реализации принципов равенства и свободы внутри афинской общины превращает культуру «гражданственности» в определяющий механизм регулирования взаимоотношений людей. Но и здесь, поскольку равенство и свобода ограничены определенными рамками и демократия выражается в подчинении меньшинства большинству, личности – обществу, постольку используются элементы культуры «подданничества». Конкретно это противоречие проявляется в действии соционормативных культур «интереса» и «принуждения». Афинянин действует в соответствии со своим интересом. Он свободен и имеет равные права с другими в преследовании своего интереса. Однако, если этот интерес приходит в противоречие с установленными правилами и принципами полисной жизни, то в отношении него уже действует принуждение.

Признаки и черты политического сознания и поведения, характеризующие отношение афинян к другим эллинам, как к своим подданным, усиливались по мере возрастания их великодержавной роли в общегреческих делах. Иначе говоря, принцип коллективизма, равенства и свободы в античной культуре «гражданственности» распространяется лишь в пределах собственного маленького города-государства. Именно этим, пожалуй, объясняется то немаловажное обстоятельство, что даже в период общей борьбы против персов, не все эллинские государства встали на сторону греков. Общеэллинское патриотическое сознание в силу указанных здесь факторов не перерастало в общенациональное самосознание. Лишь единое государство могло постепенно привести к формированию национальной общности. Конечно, в конкретных условиях той эпохи, такая задача не могла стоять на повестке дня, но Афины реально могли сделать в этом направлении первые шаги. Многие причины не давали возможности это сделать и, в первую очередь, необузданный афинский социальный и политический эгоизм. Этот со временем разрастающийся эгоцентризм разрушал установившийся баланс сил и интересов в полисном сообществе. Все чаще афиняне в своей межэллинской политике забывают об интересах других и применяют силу. Но всякое действие силы

вызывает ответное противодействие. И это, естественно, нарушало существующее в полисном мире равновесие.

Прежние героические идеалы, суровые, но красивые, простые и ясные, которые имели значение еще в начале V в. до н.э., теперь были отброшены и забыты. Нравственно-психологический климат афинской жизни уже был иным. Многие афиняне купались в роскоши, богатстве. Приток золота и других ценностей превращал афинян в самодовольных и эгоцентрических людей, смотрящих на других эллинов с позиций выгоды. Происходят коренные изменения в нравственном состоянии и психологическом настрое афинского народа. «Неизменно богатевшие рабовладельческие Афины, – с горькой иронией замечает А.Ф. Лосев, – жили грабительскими войнами, погоней за барышами, новыми территориями. На гнилой почве вырождавшейся демократии зародились крайний индивидуализм, всегдашняя уверенность в себе, эгоизм и жажда власти»¹. Отдельные группы афинян наживали большие состояния.

Афинское гражданское общество было нравственно больно. Справедливости ради, нужно сказать, что этим недугом страдал уже весь полисный мир. Итак, во второй половине V в. до н. э. совершается метаморфоза в душах и помыслах афинских граждан. Они хотели иметь, владеть, чем больше, тем лучше. Но где граница этого желания, в каком пределе истощается неумная человеческая жажда? В легенде об Одиссее, отмечает А. Боннар, проявляется не только свойственное человеку стремление к наживе, но и отличающая греков беспредельная любознательность в отношении мира и его чудес. «Проникновение в тайны природы и овладение ими – вот что движет Одиссеем. Он хочет в конечном счете подчинить природу и над ней господствовать. Это показывает, что он уже цивилизованный человек»². Но это в своей сути бескорыстное любознательное стремление открывать новые миры в историческом процессе органично вплетено в ткань корыстной жажды овладения и присвоения себе господства над открытым и захваченным. Вспомним открытие Америки Колумбом, человеком, посвятившим себя бескорыстному служению идее и самоотверженно реализовавшим ее. За свои заслуги он требует от католической королевы Кастилии назначения вице-королем открытых им земель, какой-то части доходов, поступающих от новых территорий, т. е. владения и присвоения. Авантюристы всех мастей, собственно, открывали дотоле неизведанное, расширяли наши горизонты.

Но в этом деле эгоистическая выгода движется «в обнимку» с общечеловеческим прогрессом. Когда мы пытаемся проникнуть в глубины исторических явлений, то неизбежно наталкиваемся на сцепление благородных целей и низменных средств, корыстных побуждений и прогрессивных достижений, дурного и хорошего и т. д. Недаром, уже много позже, Гегель обозначает зло движущим мотивом исторического прогресса.

Фукидид показывает, чем дальше время продвигалось к Пелопоннесской войне, тем более конфликты в Морском союзе углублялись, интересы Афин все чаще

---

¹ Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона // *Платон*. Собр. соч: в 4. т. М., 1994, Т. 1. С. 13–14.

² См.: Боннар А. *Греческая цивилизация*. М., 1959. Т. 1. С. 87.

расходились с интересами союзных государств, и тем больше возрастали в этих обостряющихся условиях афинские аппетиты и амбиции. Как бы продолжая эту линию размышлений Фукидида, в дальнейшем Платон, ставший очевидцем полного распада классического полиса, с горьким сарказмом указывал на то, что в душах большинства людей есть врожденное зло, величайшее из всех зол; каждый извиняет его в себе и вовсе не думает его избегать. «Это зло заключается вот в чем: говорят, что каждый человек, по природе, любит самого себя и что правильно ему быть таким»¹.

На место героического, скромного защитника старого, мелкого, свободного демократического полиса приходит алчный, необузданный в своих устремлениях, жаждущий овладеть всем миром, честолюбивый афинянин. Интенсивно развивавшееся рабовладельческое и земледельческое производство требовало не только завоевания новых территорий, привлечения большего количества рабского населения, но и соответствующей изменившимся условиям преобразованной политической организации. Афины видели возможность реализации таких замыслов в укреплении Морского союза в том виде, в каком он функционировал под их руководством. В свою очередь, деятельность такой политической организации выдвигала на первый план потребность в опережающем развитии особого индивидуалистического типа человека, роста корпоративно-эгоцентрического сознания и поведения. Ведь если государственный деятель будет защищать не корпоративные интересы своего полиса, а коллективные общеэллинские, тем самым проиграют афинская демократия и афинские граждане. Конечно, новая ситуация способствовала высвобождению ранее дремавших, скованных монолитным полисным коллективизмом, актуальных и потенциальных сил и возможностей человека. Но благотворный в своей направленности процесс роста личности, индивидуализации сознания и поведения развертывался в ужасающем социально-политическом, нравственно-психологическом контексте разложения и распада античного общества.

В начале 30-гг. V в. до н.э. эта ситуация уже полностью проявилась. Великодержавная политика Афин постепенно втягивала греческие государства в орбиту все более обостряющихся и усложняющихся конфликтов. Они вели к развалу полисного мира. Вначале добровольно вступавшие в Морской союз государства, теперь удерживались в его орбите лишь насильем и страхом. Эллинов, живущих в этих государствах, угнетало не столько сознание того, что они экономически страдают, выплачивая форос и неся иные траты, сколько то, что они оказались в политической зависимости. Если мы не можем чеканить свою монету, решаем наши дела в Афинах, то где же равноправие? Кто худший тиран: персидский царь или афинский народ? Такие, далеко не риторические вопросы и реально проявлявшиеся в самой практике жизни ответы, естественным образом, отталкивали все большее число античных государств от Афин.

Как бы незаметно, одно событие сцеплялось с другим, непотушенный огонь одного конфликта перебрасывался на другой, и полисный мир подходил вплот-

---

¹ Платон. Творения. М., 1923. Т. 13. С. 147.

ную к Пелопоннесской войне. Итак, к о р п о р а т и в н ы й э г о и з м, ставший движущим мотивом сознания и поведения античных полисов, привел в действие затаившийся в толщах народного мирозерцания механизм политической культуры международных отношений – конфликтность и конфронтационность.

Пелопоннесская война (431–404 гг. до н.э.) развернулась между двумя державами – Спартой и Афинами, но в нее оказался втянутым почти весь полисный мир. Эта война вызвала колоссальные разрушительные процессы как в ходе своего развертывания, так и после своего завершения. Все скрытые конфликты, разъедавшие изподволь организм античного общества, вышли наружу и проявили себя со всей омерзительной энергией. Всякая война ведет к разрушениям. Но в истории бывали не раз такие войны, в процессе которых складывался творческий импульс к созиданию, вдохновлявший людей на последующие благотворные преобразования. Пелопоннесская война явилась лишь мощным разрушительным звеном в общей цепи кризисных явлений, охвативших античный мир в период заката классического полиса, способствовала углублению в дальнейшем набиравших силу конфликтов, приведших в конечном итоге к полнейшему крушению древнегреческой цивилизации. В ней можно выделить два аспекта. Первый аспект – это театр военных действий, второй – театр гражданских действий. Так вот, эти гражданские действия были не менее, а может более разрушительными, чем только военные действия. Военные столкновения между Морским союзом и Пелопоннесской лигой тесно смыкаются с непрерывными гражданскими смутами и распрями. «Эта необычная по длительности и ожесточению междоусобная война, – тонко подметил Э.Д. Фролов, – вызвала к открытому проявлению те разрушительные силы, которые уже дремали в недрах античного общества, а однажды спущенные с цепи, эти демоны разрушения уже ничем не могли быть остановлены»¹.

Фукидид с потрясающей силой живописал картину ужасающих бедствий, обрушившихся на головы эллинов в ходе этой войны. Эллада, подчеркивает он, испытала столько бедствий, сколько не испытывала раньше в равный промежуток времени. Война вынудила большинство греческих полисов встать на ту или иную сторону. Те же, кто хотел сохранить нейтральность, подвергались еще большему насилию с обеих сторон. Поэтому они поневоле, в силу обстоятельств, оказывались либо на стороне Афин, либо на стороне Спарты. К тому же мало кто мог выдержать то принуждение, с которым Афины и Спарта заставляли эллинов примкнуть к их лагерю. Афины и Спарта вынуждались самой же логикой военных действий группировать вокруг себя более обширную, прочную систему союзных полисов. Постепенно забывалась священная норма о суверенном характере жизни и деятельности каждого отдельно взятого полиса. Бесцеремонное вмешательство во внутренние дела друг друга превратилось в привычку. Особенно в этом отношении усердствовали Афины и Спарта. Оправдывая свои действия войной, они фактически смотрели на другие греческие государства, как на объект подчинения и принуждения. Вовсе не варвары, а сами эллины начали захватывать друг у дру-

---

¹ Фролов Э.Д. Факел Прометея... С. 194.

га города и поселения, чтобы убивать, насиловать, грабить, разорять и изгонять. И своим примером поощряли варваров, которых привлекали на военную службу.

Но трагедия заключалась в том, что это было первым в длинном ряду подобных событий. Волна гражданских раздоров и войн покатилась дальше. Вся Эллада была потрясена до основания. Соперничавшие группы людей обращались либо к демократам, либо к олигархам, чтобы разрешить в свою пользу конфликт. В мирное время, как отмечает Фукидид, эти партии не имели бы ни повода, ни подходящих данных, призывать тех или других к применению оружия. В такие моменты как государства, так и люди, имеют более честные намерения, потому что они не попадают в ситуации, лишаящие свободы действий. Напротив, военная обстановка, лишив людей благополучия и удобств в повседневной жизни, настраивает страсти большинства сообразно с сиюминутными обстоятельствами. В период войны жажда получить выгоду и нанести вред противнику приобретает дополнительную силу. И вследствие такой череды междоусобиц множество тяжких бед обрушились на государства, «которые бывают и будут всегда, пока человеческая природа остается тою же».

Казалось бы, цепь этих непрерывно накатывавшихся несчастий должна была образумить воюющие стороны и заставить прийти к скорейшему заключению мира. И такая возможность открывалась не раз. Однако, как считает А. Боннар, афинский империализм глубоко проник в ткань народного мышления. Понимая невозможность противостоять такому настроению, Перикл в своей речи второго года войны, вынужден лишь подстегивать афинян к активному противостоянию, признавая, что их власть, несомненно, основана на несправедливости, но они не должны обращать внимания на ненависть подвластных народов. Если стать справедливыми в один миг, то можно потерять государство и свободу, поэтому перед афинянами встает выбор: либо продолжать тиранию, либо исчезнуть как государство и народ.

Фукидид был первым из античных историков, сформулировавшим идею «силового принципа» политической культуры международных отношений. Но на чем проверяется сила государства? Разумеется, на войнах. Сильнейший стремится приумножить свою силу и опирается на нее, а потому войны являются сутью естественного состояния международных отношений античных полисов¹.

Наконец, когда в 404 г. был подписан мир между Афинами и Спартой, не только оба воевавших государства, но и весь эллинский мир был крайне истощен и обескровлен. Причем речь, прежде всего, идет о социально-политическом истощении. Становилось ясным, что полисная организация жизни не приемлет столь длительных и мощных внутренних схваток.

Вскоре после войны обнаружилось, что долгожданного оздоровления полисного общества не наступило, а, напротив, межэллинское соперничество лишь усилилось. Полисные государственные институты ясно демонстрировали свою неспособность в послевоенных условиях нормально функционировать и направ-

---

¹ См.: Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca, 1969; *His work*. The Archidamian War. Ithaca, 1974; *His work*. The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981; *His work*. The Fall of the Athenian Empire. Ithaca, 1987.

лять общество по руслу последовательного развития. Слабость полисного мира сразу же почувствовали соседние государства, такие, как Персия, которая восстановила свой ранее утраченный контроль над малоазийским побережьем Средиземноморья, Карфаген, активно начинавший устанавливать свой диктат над Сицилией и т. д. Кризис традиционных институтов сопровождался нарастанием как межэллинических конфликтов, так и внутрисполисных гражданских распрей и вражды политических группировок.

Идея гражданского компромисса, согласия, когда-то выдвинутая реформатором Солоном, как фундаментальное условие целостности полиса, размывается и заменяется на согласие внутри политических групп, между сообщниками. Естественно, если согласие утверждается только внутри группового сообщества, то вовне, в самом полисе, между такими группами, практически утверждается принцип конфронтации, соперничества, вражды. По сути, эгоистические групповые интересы в полисе берут верх над гражданским единством. Постепенно такие институты, как народное собрание, суды, превращаются в публичные места, где политические группировки сводят счеты друг с другом, преследуют не общий, совокупный интерес всех граждан, а добиваются решений в пользу частных и личных побуждений и желаний. Знаменем того времени, когда распад классического полиса стал уже неукротимым, становится выдвижение на передний край политической авансцены деятелей, вышедших из простонародья, но по сути являвшихся демагогами, неспособными решать крупномасштабные задачи. Эти демагоги, особенно в Афинах, окончательно вытесняют представителей либеральной аристократии и овладевают трибуной в народном собрании и других местах. Это были уже не идейные вожди эпохи классического полиса, а беспринципные вожаки политических групп, готовые ради корпоративных и личных интересов, пожертвовать любыми святынями полиса и самим полисом.

Рассматривая эту проблему, А.Ф. Лосев обоснованно указывает на то, что *н е п о с р е д с т в е н н о е* рабовладение, характеризующее классическое эллинистическое государство уже завершалось и требовало замены в виде *о п о с р е д о в а н н о г о* рабовладения, что исторически означало переход к эллинистической эпохе. На этом переходном этапе стало очевидным, что очень невыгодно ходить за рабом шаг за шагом. Гораздо рентабельнее частично освободить раба, посадить его на землю, заменить непосредственное рабство натуральными повинностями, оброками или барщиной, т.е. перейти к элементам крепостничества, что заставляет поднять собственную инициативу работающего. Но такое производство не может быть налажено в условиях миниатюрного классического полиса, нужны большие группы работающего населения. Следовательно, необходимы завоевания новых территорий и расширение пахотных земель. Объективно шла тенденция к укрупнению государств.

Но это значит, что античная Греция со своими многочисленными, маленькими, автономными, полисами, не способная перейти к универсальному государству, как это еще раз было доказано Пелопоннесской войной, должна в перспективе потерять свою независимость и исчезнуть как самостоятельное политическое

образование. Поэтому столь драматичным образом терпит крах принцип как полисной аристократии, так и полисной демократии. На смену им пришел монархический принцип, реализовавшийся в империи Александра Македонского. Интенсивно развивавшееся и в период Пелопоннесской войны производство, бурный рост торгово-экономических связей греческих полисов, в корне подрывали устои автаркичного существования. Страх превратиться не в равноправных партнеров, а в зависимых подданных, также мешал объединению. В конце первой половины IV в. до н.э. стали очевидными невозможность внутренними усилиями создать общегреческое государство и неизбежность вмешательства внешней силы для решения такой задачи.

По рассуждению Сократа, дело было не в том, что государственные институты демократии в Афинах, ранее действовавшие эффективно, вдруг стали другими, сами по себе в корне переродились. Причину такого малозаметного на поверхностный взгляд перерождения философ видел в изменениях, происходивших в духовном состоянии афинян. В своем внутреннем мире они стали другими и целенаправленными действиями вели дело к перерождению «отеческого строя». Не плохие институты стали определяющим мотивом перерождения людей, а, напротив, плохие люди своей деятельностью создавали мотивы перерождения хороших институтов. Если в демократических Афинах дела гражданственности приняли плачевный характер, то причина не в самих институтах, а в людях, направляющих деятельность этих институтов. Если в олигархической Спарте дела гражданственности обстоят благополучно, то причина опять-таки не в институтах, а в людях, продвигающих деятельность этих институтов.

Но, во-первых, корень бед находился также в полисной государственности. Эта политическая форма не имела в себе объединяющей, сплачивающей силы. Напротив, каждый раз она становилась фактором разжигания межполисного соперничества, конфликтов, войн, а также неутрачивающей гражданской смуты и распрей. Полисный мир не успевал прийти в себя, втягиваясь в бесконечную цепь конфликтов и войн. Так, только через 10 лет после завершения Пелопоннесской войны в 405 г. до н.э., античные государства вновь оказались вовлеченными в большую Коринфскую войну (395–387 гг. до н.э.). Уже в то античное время становилось очевидным, что классическая модель городов-государств до тех пор остается жизнестойкой, пока полис, эта универсальная форма экономического, социального, политического и идеологического бытия древнегреческого общества, сохранял все свои качественные характеристики как самоорганизующейся системы. Деформация совокупности институтов или отдельных их характеристик вела к утрате полисом своей специфической природы и в скором времени, к кризису и распаду.

Во-вторых, античная культура «гражданственности» расщеплялась изнутри на расходящиеся между собой, несоединимые интересы противостоящих групп, партий. Этот процесс усугублял противоречия в полисном гражданстве, создавая обстановку дальнейшего распада государственности прямой демократии, ухода людей из сферы народного управления в частную жизнь. В общественном сознании потихоньку начинает «кристаллизоваться» исходная идея о том, что граждан-

ственность вовсе не равнозначна непосредственному участию человека в политических делах, но также может и должна отражать признаки и свойства частной деятельности. Постепенно в европейском сознании уже в Новое время эта идея развиваясь, превращается в целостную концепцию разграничения сферы политического государства и гражданского общества.

Парадоксально лишь то, что всеобъемлющий кризис разворачивается на фоне бурного экономического роста. Это свидетельствует о том, что рабовладельческий способ производства к тому моменту не исчерпал себя. Производство находится на подъеме. Расширяется международная торговля. Наблюдается значительный прогресс в развитии товарно-денежных отношений. Жизнь в античном мире того времени бурлила и была ключом. Говоря иначе, всеобъемлющий кризис не был отнюдь равнозначен всеобщему упадку. Речь может идти лишь о том, что социально-политический и духовно-идеологический кризис «объял», т. е. отбрасывал негативную тень на все сферы жизнедеятельности античного гражданства, оказывался тормозом в их развитии. Упадок в одних сферах был отражением и выражением подъема в других.

Кризис проявляет себя в ряде аспектов. *Во-первых*, отчетливо ослабляется традиционная связь между принадлежностью к гражданскому коллективу и владением земельной собственностью. Ранее условием гражданского полноправия человека было владение земельным участком на территории полиса. Теперь же появились безземельные не только в среде бедных, но и богатых. Это приводит к тому, что прежде реально осязаемое ощущение гражданина о своей слитности с полисом постепенно улетучивается. *Во-вторых*, стремительное развитие товарно-денежных отношений имело результатом выделение значительной прослойки богатых землевладельцев, предпринимателей и торговцев, наживающих огромные состояния. Зачастую их экономические интересы, связанные, например, с внешней торговлей, заморскими владениями, морскими займами и т. д., выходили далеко за пределы узких территориальных рамок полиса. Они начинают тяготиться контролем государства и возлагаемыми на них повинностями. Естественно, в глазах таких граждан прежний высокий престиж полисного гражданства падает.

В-третьих, как следствие, это ведет к тому, что все больше слабеет готовность богатых тратить свои средства на покрытие государственных и общественных нужд. Хотя граждане полисов обычно не платили налогов, но в IV в. тяжкое бремя больших расходов на военные нужды, оплату должностных лиц, общественное строительство, помощь беднейшим гражданам, заставляло государство оказывать давление на богатую прослойку общества, с тем чтобы выбивать у нее все новые и новые финансовые средства. Чтобы избежать этого, повсеместно распространяется практика превращения так называемого «видимого имущества» в «невидимое», т. е. продажа, к примеру, земельной собственности и другой недвижимости, с целью скрыть от глаз государства и граждан подлинные размеры состояния. Данное обстоятельство размывало прежде непоколебимую полисную солидарность. Конфликт между интересами государства и частных лиц приобретает более острые формы.

В-четвертых, столь же острыми формами начинает отличаться противостояние бедных и богатых. В некоторых полисах борьба между ними приводит к кровавым столкновениям. Например, это произошло в 392 г. до н.э. в Коринфе, где ожесточение с обеих сторон приняло такой характер, что люди убивали друг друга в театре, на состязаниях, в других местах, не щадя даже тех, кто искал защиты у статуй и алтарей богов. Алчность, зависть, корысть овладевает помыслами и поступками людей. Бедные жаждут захватить добро богатых, а богатые упрятать свои состояния от бедных.

В-пятых, внутрисполисные распри становились также причиной угасания полисного патриотизма. В IV в. до н. э. расширяется практика использования наемных войск. Служба в гражданском ополчении превращалась для многих в тягостную обязанность. Хотя гоплиты и матросы в период военных походов получали жалованье для пропитания, люди отправлялись туда с большой неохотой. Это было связано не только с опасностью для жизни. Походы были нередко далекими и длительными. Все это время семьи оставались без кормильца, а хозяйства разваливались и разорялись. К тому же бедняки не могли на свои скудные средства приобрести дорогостоящее вооружение гоплита. Наемные же воины отличались профессиональным мастерством. Они быстрее привыкали к постоянно меняющимся военным условиям. Но наемники служили за плату и, разумеется, у них не могло быть патриотического чувства, присущего гражданскому населению. Сами же они нуждались в постоянных войнах и чурались мирной обстановки. И чем больше они становились фактором внутрисполитической жизни в греческих полисах, тем чаще возникали возможности их использования для захвата власти, завоевания чужих территорий, грабежа, различных авантур. И это обстоятельство также усиливало тенденцию к разобщенности.

И, наконец, *в-шестых*, медленно, но неуклонно само античное государство развивается в направлении обособления от гражданского населения. Появляются нечто вроде зачатков бюрократического аппарата. Например, ежегодно выбираемые путем жеребьевки шесть тысяч судей, различного рода советники и чиновники, выполнявшие служебные функции в органах государственного управления, могут быть неким прообразом будущего бюрократического аппарата. Служение отчизне, прежде считавшееся почетной обязанностью, теперь становится для многих источником существования. Зарождается тенденция к переходу от прямого народного, к опосредованному бюрократическому государству. В нем намечаются признаки, свидетельствующие о дифференциации государства на аппарат и на некую частную жизнь, которые раньше представляли единое, неразличимое целое.

Афинское государство в IV в. было не менее, а более богатым, чем в предшествующем V в. Но увеличилась лавина забот. Нарастал социальный и военный пресс. Таким образом, экономический подъем многочисленных античных городов-государств сопровождался во второй половине IV в. ужасающим духовным и политическим кризисом. Духовный кризис разлагающим способом воздействовал на политическое единство государства. Раньше сознание органической неразрывности очень четко проявлялось даже в самих названиях: «Афины», «Спарта»,

«Коринф» являли собой единство географического местоположения и суверенной государственности. «Афиняне», «спартанцы», «коринфяне» представляли собой свободное гражданство полисного государства. Само государство мыслилось как гражданство, т. е. самодеятельное население, управляющее своим полисом. Полисные граждане зачастую отождествляли себя со своим государством. Подразумевалось, что и коллективные интересы гражданства стояли выше, чем интересы частных лиц. Теперь же в языковых интонациях возникают различия. «Афиняне», «спартанцы», «коринфяне» – это не только граждане городов-государств, но и конкретные индивиды, частные лица, проживающие в этих городах, личные интересы которых могут существенным образом расходиться с их общегражданскими интересами. И нередко частные интересы начинают доминировать над гражданскими. Наблюдается два острых момента. Во-первых, если так можно выразиться, усиливается процесс «разбегания интересов» граждан внутри некогда единого полиса. Это способствует распадению духовных качеств «гражданина» и, напротив, наращиванию духовных качеств «частного лица». Во-вторых, конфликтное соперничество полисов настолько живуче и притягательно, что даже осознавая надвигающуюся опасность македонской агрессии царя Филиппа, города-государства не находят в себе политической воли к единению. Парадокс состоит в том, что принцип суверенитета, свободы каждого города-государства, «намертво» вошедший в «кровь и плоть» древнегреческого античного организма, не позволяет переступить черту ни одному из мощных полисов, чтобы с и л о й овладеть другими полисами и объединить их для борьбы с македонским империализмом. Получалось так, что в Греции того периода не обнаруживалось никакой в н у т р е н н е й силы, способной сплотить полисы в решении задачи преодоления переживаемого катастрофического кризиса. Бесконечные распри, авантюристические планы и действия, истощение финансовых ресурсов на никчемные цели, полнейшая апатия и абсолютное неверие античных граждан в возможность собственными силами выйти из создавшегося тупика – такова реальная атмосфера жизни в Греции середины и второй половины IV в. до н.э. И как всегда случается в истории, если нет в н у т р е н н е й силы, то появляется в н е ш н я я сила, способная разрешить долго зревшую кризисную ситуацию. Греция, подобно сгнившему плоду, уже была готова упасть в македонские объятия. Агония великой античной демократии в Греции была ужасной и длительной, затянувшись на сотню лет, но коротким был ее конец. В течение одного-двух лет демократия сменилась монархией македонского царя Филиппа.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Аверинцев С. Меняющийся образ античности // Общественные науки и современность. 1980. № 1.

Бергер А.К. Политическая мысль в древнегреческой демократии. М., 1966.

Боннар А. Греческая цивилизация. М., 1959. Т. 1–3.

Вернан Ж.П. Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.

Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1966.

Ксенофонт Афинский. Воспоминания о Сократе. Сократические сочинения. М.;Л., 1935.

Ленцман Я.А. Пелопонесская война // Древняя Греция. М., 1956.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969.

Минеева Ю.А. Сократ как последний философ-гражданин // Политические исследования. 1998. № 5.

Платон. Собр. соч. М., 1990. Т.1–4.

К истории международных отношений в античном мире // Вестник древней истории. 1950. № 2.

Толстых В.И. Сократ и мы. М., 1981.

Томсон Д.Дж. Первые философы. М., 1965. Т. 2.

Тема 25. Исламская концепция миропорядка

***Аллах не меняет того, что с людьми,
пока они сами не перемелят того, что с ними.
(Коран: 13, 12)***

1. Ислам как фактор международных отношений.
2. Специфика исламской концепции миропорядка.
3. Исламская модель в условиях глобализации.

На рубеже XX–XXI вв. наблюдается развитие религиозных тенденций в международных отношениях. Влияние религиозного фактора проявляется в различных аспектах жизнедеятельности современного международного сообщества, в том числе стремительном увеличении числа различных религиозных организаций, движений, партий. Ряд межнациональных или межгосударственных столкновений тоже носят явный религиозный характер.

Современные социальные и духовные процессы в странах Востока, ведущийся в них напряженный поиск путей самоопределения и дальнейшего развития, подчас переходящий в открытую борьбу, наглядно демонстрирует, что на историческую арену выходят не только классы, нации, партии и государства, но также культуры и цивилизации. При этом развивающиеся процессы возрождения и самоопределения облекаются в общественном сознании народов этих стран не только в социально-политические, но и в культурно-цивилизационные формы. В этой связи необходимо подчеркнуть, что во всех незападных цивилизациях основной несущей частью духовного производства является именно религия, которая выполняет при этом важные функции по соединению идеологического с мифологическим, элитарного с массовым, сознательного с бессознательным, словесного с символическим и т. д.

Под цивилизацией понимается «совокупность отношений между людьми общей конфессии, соответствующим религиозным учениям, что обеспечивает устойчивость, и протяженность во времени базовых нормативов общественного и индивидуального поведения». Многие авторитетные ученые (А. Тойнби, Д. Икэда) при определении содержания этого термина придают именно религии первостепенное значение. Так, по мнению Дайсаку Икэды, «религиозные формы есть основа творческой работы по созиданию цивилизации», а «образ жизни цивилизации – суть выражение ее религии». Известный исламовед Л.Р. Полонская также считает религию «определяющей основой региональной цивилизации».

Было бы оправданным разграничить в цивилизации две составляющие: ее материальную и нематериальную стороны. Первая представляет собой некий ди-

намичный компонент, вторая же нечто постоянное, своеобразный «аккумулятор» цивилизационных нормативов и ценностей. Реальность исламской цивилизационной константы дает основание предполагать, что мусульманин (несмотря на эволюцию общества, в котором он живет) остается мусульманином и в X, и в XX в., в отличие от представителя христианской цивилизации.

Претерпевая сложные изменения в процессе своего становления и превращаясь, в конце концов, во вполне сложившуюся догматическую, ритуальную и институциональную систему, религия, тем не менее, сохраняет в своем теле генетические элементы и характеристики, способные вновь и вновь актуализироваться в соответствующих условиях. По предположению А. Тойнби, примерно пять веков уходит на формирование духовного и социального механизма цивилизации. В ходе такого становления устранялись течения, не выдержавшие проверки временем, утверждались и созревали те, которые отвечали социальным и цивилизационным запросам. Хорошо известно, что, не обретая действительных основ, обеспечивающих социальный и духовный механизм признания новых «откровений», всякий опыт остается уделом узкой группы последователей или свидетелей, или предметом позднейших исследований.

Ислам – одна из мировых религий, проповедует добро и милосердие, выступает за мир, против насилия. Иначе, конечно, она не получила бы столь широкого распространения и не стала бы мировой. Ислам зародился в Аравии в VII в. н. э. Происхождение его яснее, чем происхождение христианства и буддизма, ибо оно почти с самого начала освещается письменными источниками. Но и здесь много легендарного. По мусульманской традиции, основателем ислама был пророк божий Мухаммед, араб, живший в Мекке; он якобы получил от бога ряд «откровений», записанных в священной книге Коране, и передал их людям. Коран – основная священная книга мусульман, как Пятикнижие Моисеево для евреев, Евангелие для христиан.

Сам Мухаммед ничего не писал: он был, видимо, неграмотен. После него остались разрозненные записи его изречений и поучений, сделанные в разное время. Мухаммеду приписываются тексты и более раннего времени и более поздние. Около 650 года (при третьем преемнике Мухаммеда – Османе) из этих записей был сделан свод, получивший название Коран («чтение»). Книга эта была объявлена священной, продиктованной самому пророку Архангелом Джабраилом; не вошедшие в нее записи были уничтожены.

История не располагает письменными свидетельствами современников о Мухаммеде. Предания о его жизни и деяниях (хадисы), долгое время распространявшиеся устно, были записаны позднее. Основанная на хадисах первая биография Мухаммеда была составлена Ибн Исхаком (ум. в 767 г.), а до нас она дошла в переработке Ибн Хишама (ум. в 834 г.) и отчасти в обширных выдержках из трудов историка ат-Табари (ум. в 923 г.).

По традиции принято считать, что Мухаммед ибн Абдаллах, курейшит из рода Хашим, родился в «год слона» – год неудачного похода Абрахи против Мекки (ок. 570 г.). Он принадлежал к одной из благородных мекканских семей, ведущей

свое происхождение от Кусая. Мухаммед рано осиротел – он совсем не знал своего отца Абдаллаха, который умер до его рождения, а в шесть лет лишился и матери. Когда ему было лет девять-десять, умер его дед Абд Мутталиб. Отец Мухаммеда был небогатым купцом и, умирая, оставил своей жене Амине пять верблюдов, несколько овец и одну рабыню. Мухаммеда взял на воспитание дядя Абу Талиб, глава рода Хашимидов, человек великодушный и добрый, но чрезвычайно бедный. Мухаммед вел трудовую жизнь. Будучи ребенком, пас овец и коз – презренное занятие с точки зрения мекканцев, а когда подрос, стал наниматься сопровождать караваны. С ними он побывал в Сирии, где познакомился с христианским вероучением, ритуалы которого остались для него непонятными. В детстве Мухаммед был очень одинок и много времени проводил на горе Хира, у подножия которой расположена Мекка. В двадцать пять лет Мухаммед женился на Хадидже, вдове богатого купца, которая и сама возглавляла большое торговое дело. У него родились дети, в том числе дочь Фатима, ставшая прародительницей многочисленных потомков династий Пророка – Хасанидов и Хусейнидов.

Первыми уверовали в проповедь Мухаммеда его жена Хадиджа, дочери Рукайя, Умм Кульсум и Фатима, а также Али, двоюродный брат Мухаммеда, сын Абу Талиба. В то время Али было двенадцать или тринадцать лет. Впоследствии, женившись на Фатиме, он стал зятем Пророка и четвертым халифом. Уверовали в Мухаммеда его вольноотпущенник и приемный сын Зайд ибн Харис, богатый купец Абу Бекр (впоследствии первый халиф), родственники Мухаммеда – аз-Зубайр и Саад ибн Абу Ваккас (впоследствии знаменитый полководец, победитель персов в битве при Кадисии в 637 г.). Тогда же примкнули к Мухаммеду купцы Тальха, Абдаррахман ибн Ауф и Абдаллах ибн Саад, а также Усман ибн Аффан из рода Омейядов (впоследствии третий халиф и зять Пророка, его женой стала Рукайя) и, кроме того, бывший раб, пастух Абдаллах ибн Масуд – один из виднейших сподвижников Мухаммеда.

Мекканская знать отнеслась к проповеди Мухаммеда с неприкрытой враждебностью. Его врагами стали богатый купец Абу Суфьян, глава рода Омейядов, его жена Хинда и их зять, а также Амр ибн Хишам, прозванный сторонниками Мухаммеда Абу Джахль («Отец невежества»), и родной дядя Мухаммеда – Абд Узза ибн Абд Мутталиб, прозванный им Абу Лахаб («Отец адского огня»). Через пять лет последователей Мухаммеда в Мекке насчитывалось не более ста пятидесяти человек. К этому времени, то есть около 615 г., в ислам обратились Хамза ибн Абд Мутталиб – второй дядя Мухаммеда, прозванный позже «Лев Аллаха и Его посланника», и Умар ибн ал-Хаттаб, молодой человек двадцати шести лет, не богатый и не знатный, богатырского сложения, решительный, пылкий и чрезвычайно добрый. Умар настоял на том, чтобы мусульмане молились не в частном доме, а открыто, у Каабы. Мекканцы насмехались над ними, спрашивая: «Когда же наступит, наконец, ваш Судный день?»

Немаловажным представляется следующее: если бы проповедь Мухаммеда оказалась недоступной пониманию его современников, он не обрел бы последователей, и вскоре и сам он, и его миссия были бы преданы забвению, подобно

тому, как это происходило и происходит с большинством новых учений о Боге. Мухаммед явился своему народу как арабский Пророк, возвещающий неизменную с начала времен истину: «Поистине, молитва моя и благочестие мое, жизнь моя и смерть – у Аллаха, Владыки миров, у Которого нет подобных Ему. Это мне повелено, и я – первый из предавшихся» (Коран: 6:163).

Ислам в Средние века стал мощным консолидирующим фактором для многих племен и народностей Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, вследствие чего возникло теократическое государство – халифат, ставший основой для возникновения новой цивилизации. В наше время по ряду причин мусульманский мир оказался раздробленным. При этом в большинстве стран, где распространен ислам, продолжается процесс поиска собственной модели развития, которая, основываясь на принципах ислама, сумела бы аккумулировать современные достижения.

Как известно, мусульманские общины существуют практически во всех странах мира и объединяют более 1,2 млрд. человек. В настоящее время около 1,5 млрд человек в 127 странах исповедуют ислам. В ряде стран ислам является государственной религией, в других проживает значительное число мусульман. Среди них Болгария, Китай, Россия, Англия, Франция и другие. 57 государств являются членами ОИК (Организация «Исламская конференция»).

Разнообразны и многолики политические режимы в мусульманских странах – от монархических (Марокко, Иордания, Саудовская Аравия), эмиратов и султанатов (ОАЭ, Кувейт, Бахрейн, Катар и Оман) до республиканских (Тунис, Египет, Сенегал и др.). В 35 странах мусульмане составляют большинство населения, а в 29 – последователи ислама представляют собой влиятельные меньшинства. В 28 странах ислам признан государственной или официальной религией. В их числе Египет, Кувейт, Иран, Ирак, Марокко, Пакистан, Саудовская Аравия и др. Подавляющее большинство мусульман сосредоточено на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной, Южной, Юго-Восточной Азии и Северной Африке.

Однако помимо государств с различными политическими режимами, формами правления и государственного устройства «исламский мир» представлен и другими субъектами, принимающими активное участие в международной политике. Среди них народы, не имеющие собственной государственности, но прилагающие усилия к ее получению (например, курды, палестинцы и т. д.); международные организации, призванные обеспечить региональную стабильность и координацию действий в системе межгосударственных отношений (Лига арабских государств, Организация «Исламская конференция»); международные негосударственные организации (Лига исламского мира, Народный исламский конгресс и др.); многочисленные неправительственные религиозно-политические организации и т.д.

В связи с трагическими событиями в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. и последовавшими за ними войнами в Афганистане и Ираке ислам стал центром внимания всей мировой общественности. Развернулись острые дискуссии по поводу роли этой религии в международных отношениях. Сегодня в сознании Запада исламский мир выступает как потенциально опасная общность со специфическим пове-

дением жителей, определенными установками относительно положения человека в обществе, системой социального и духовного контроля. Ислам в представлении немусульман ассоциируется с терроризмом. В формировании такого общественного мнения, пожалуй, повинны и СМИ, которые буквально навязывают людям, по какую сторону баррикады находиться и что испытывать по отношению друг к другу. Но не стоит, разумеется, отрицать и существования исламского радикализма, и нетерпимости, которые держат в страхе весь немусульманский мир. Именно это агрессивно настроенное течение наносит ущерб авторитету ислама как религии.

Все многообразие субъектов исламского действия и образует собою так называемый исламский фактор, под которым в научной литературе принято понимать совокупность догм и практик ислама, прямо или косвенно оказывающих воздействие на социально-политическую, экономическую и духовную жизнь отдельной страны, группы стран и даже регионов. Его влияние в современном мире неуклонно усиливается. Мир ислама, сообщества мусульман и людей исламской культуры динамично развиваются с перспективой на XXI в.

Ислам, будучи всеохватывающей интегральной системой, включает в себя проблемы глобального развития. Его концепцию миропорядка можно описать следующим образом: мусульманский мир включает в себя множество различных стран и народов, которые имеют существенные отличия по уровням экономического развития и по некоторым культурным аспектам. Но это, тем не менее, не мешает им чувствовать себя представителями единой цивилизации, единой уммы.

Исламская концепция мирового порядка исходит из принципа делимости мира на *мир истинной веры (община мусульман)*; *мир неистинной веры (представители других религий)*; и *мир безверия (кафр – люди, не уверовавшие в Бога)*. Следует отметить, что первоначально мусульмане терпеливо относились к так называемому миру неистинной веры. В мусульманских государствах не возникало проблемы религиозной нетерпимости. Существуют сведения, согласно которым всех евреев и христиан Мухаммед не только охотно приглашал включиться в общину правоверных, но и считал их духовными братьями. Показательно, что в первые годы распространения нового учения Мухаммед даже молился, обратив лицо к святому городу иудеев и христиан – Иерусалиму. Напротив, мир безверия считался самым неприемлемым, поэтому язычники подвергались жестокому гонениям. Но в процессе истории приоритеты менялись. Крестовые походы, бесконечные распри между мусульманами и христианами разрушили былой мир. Это дало повод правоверным по-другому интерпретировать заветы Мухаммеда.

1. Основные акторы: умма (мировое мусульманское сообщество) и куфр (неверие во всех его формах, которыми, согласно исламу, признаются помимо атеизма, все формы пантеизма, идолопоклонства и проч.). Роль ислама, согласно мусульманским теоретикам, и роль куфра являются двумя противоположными тенденциями в истории и ни одна из них не имеет ничего общего с другой.

Согласно Корану умма является сообществом наместников единого Бога на Земле, «лучшей из общин», «придерживающейся середины», которая, будучи «поставленной в центр» истории, призвана активно участвовать в реализации «Его за-

мысла». Аллах в Коране говорит: «И пусть будет среди вас община, которая призывает к добру, приказывает одобренное и удерживает от неодобряемого» (3:104); «Вот твой Господь сказал ангелам: «Я установлю на земле наместника». Они сказали: «Неужели Ты поселишь там того, кто будет распространять нечестие и проливать кровь, тогда как мы прославляем Тебя хвалой и освящаем Тебя?» Он сказал: «Воистину, Я знаю то, чего вы не знаете» (2:30); «Мы сделали вас общиной, придерживающейся середины (или поставленной в центр), чтобы вы свидетельствовали обо всем человечестве, а Посланник свидетельствовал о вас самих».

2. Цели акторов. Цели уммы: глобальное утверждение таухида (принципа единства и единственности Бога); формирование миропорядка на основе политической доктрины ислама; ликвидация всех форм насилия, угнетения, национализма, расизма во всех формах и проявлениях; устранение куфра из всех сфер жизнедеятельности – политической, экономической, социальной, культурной, научной; установление принципа справедливости во всех человеческих отношениях на всех уровнях в мире. Согласно Корану Всевышний говорит: «Мы отправили наших посланников с ясными знамениями и ниспослали с ними Писание и Весы, чтобы люди придерживались справедливости».

Цели куфра: сохранения своего господства, основанного, согласно Корану, на «угнетении», «притеснении» и «нарушении прав». Куфр игнорирует единобожие как основной принцип мироздания.

3. Специфика (природа) отношений на мировой арене. Религия и политика с точки зрения ислама представляются неразделимыми. В этой связи мировое пространство делится на дар уль-ислам (территория ислама) и дар уль-куфр (территория куфра). Первое – это страны, в которых обеспечена исламская форма правления как с точки зрения права, так и практики. Второе – антипод дар уль-ислам, внутри которого выделяются дар уль-ахд (территория договора) и дар уль-харб (территория войны). Дар уль-ахд – это страны, власти которого подписали с мусульманами в лице их руководства мирный договор и гарантировали им основные права. Дар уль-харб – страны, объявившие войну мусульманам; оккупированные земли дар уль-ислам; территория, на которой мусульмане подвергаются угнетению и лишены основных прав, где отсутствует договор между населением и мусульманами, определяющий их взаимоотношения и подтверждающий гарантии неприкосновенности жизни, чести и имущества мусульман; территории, в пределах которых запрещено ведение проповеди ислама; территория, откуда исходит реальная угроза мусульманам.

В некоторых современных подходах наметилась редакция этого разделения, поскольку дар уль-ислам, а зачастую и дар уль-куфр, фактически перестали существовать в том смысле, как это было выражено в работах ранних исламских теологов-правоведов, а в дар уль-куфр еще и появились значительные мусульманские общины. Таким образом, понятия дар уль-ислам, дар уль-харб, дар уль-ахд, перемешавшись, по меньшей мере, потеряли свое строгое географическое измерение. В то же время исламская концепция миропорядка признает существование единого международного сообщества, вне зависимости от вероисповедания. Ряд аятов

Корана обращен именно к человечеству как единому сообществу. Но отношение ислама к этому сообществу активно, поскольку распространение таухида является как общественным, так и государственным и личным религиозным долгом.

4. Основной процесс на мировой арене – это утверждение принципов единобожия во всех сферах жизни, обеспечивающее подлинный универсализм человечества.

5. Основное средство формирования исламского миропорядка – джихад. С точки зрения исламских ученых, в юридическо-теологическом смысле джихад означает «приложение напряженных усилий для распространения веры в Аллаха и утверждение Его Слова (т. е. Корана.) в высшее слово над этим миром». Применение силы, как указывается в фундаментальных источниках по мусульманскому праву, в данном случае допустимо лишь для самообороны и в случае запрета на проповедь ислама.

6. Предполагаемый миропорядок. В результате утверждения ислама возникнет единое глобальное человеческое сообщество, основывающееся на «сбалансированном», «срединном» миропорядке, обеспечивающем прогресс, справедливость и благо людей в обоих мирах.

7. Исходными положениями исламской концепции миропорядка являются Коран и Сунна. Но при этом широко используются рациональные методы иджитхада – истислах, истихсан, кийяс, иджма. Идеология, построенная на этой базе, должна лежать в основе глобального общества.

По мнению Б.С. Ерасова, каждая религия действительно нуждается для своего оформления и существования в поддержании разделения на «мы – они». Именно по отношению к христианству формировался и созрел ислам. Восприняв принцип монотеизма, ислам отверг его репрезентативность, отодвинул Христа в цепь пророков на «предпоследнее место» и объявил последним и окончательным Мухаммеда. Тем самым ислам положил символический раздел между собой и христианством.

Исламская концепция мирового порядка исходит из принципа делимости мира на умму (общину мусульман) и весь остальной мир. При этом признание подобной делимости мира на исламский и неисламский не означает юридического равенства между ними. С точки зрения исламской доктрины предварительным условием мирных отношений между мусульманами и немусульманами является признание единобожия, что, согласно исламской концепции миропорядка, является признаком определенного уровня развития цивилизации. Данная практика не является новой, если вспомнить, что вплоть до XX в. в международном праве господствовала концепция делимости мира на цивилизованные и нецивилизованные народы. Одним из критериев цивилизованности стало исповедание христианства.

В исламе признается существование международного сообщества и отношение к этому сообществу активно, поскольку распространение ислама является религиозным долгом. Вооруженное насилие не только вошло в историю распространения ислама, но и стало элементом извечного спора между суннитами и ши-

итами, фундаменталистами и исповедующими ислам националистами. Целью во всех этих случаях была политическая власть.

Необходимо отметить, что инструментом реализации исламской системы (иначе исламского порядка, миропорядка) выступает политика. Исламская концепция политики основана на том, что вся власть принадлежит Аллаху, и тот, кому даны полномочия заниматься делами людей или сообщества, не является их правителем, поскольку единственным правителем человечества выступает Аллах. Современной формой реализации выдвигаемых идей создания единого государства всех мусульман является панисламизм – теория мусульманского космополитизма, не признающая существования наций, но провозглашающая единство всех мусульманских народов.

В историко-политической практике идея панисламизма использовалась в качестве обоснования тенденции к гегемонизму одного из мусульманских государств. Процессу реализации концепции панисламизма в исламском мире препятствует ряд факторов – от различий в степени социально-политического и социально-экономического развития, до разногласий и противоречий между основными направлениями ислама (суннизм и шиизм). Такая обстановка в зоне распространения ислама создала предпосылки для возникновения концепции «исламской солидарности» как наиболее гибкой, промежуточной (межнациональной формой существования мусульманских стран и конечной целью – создание единого исламского государства) – формулы идеи межгосударственного сотрудничества и единства на религиозной основе.

Формула эта принята на вооружение как арабскими политическими лидерами, так и религиозными авторитетами. Идея «исламской солидарности» является наиболее практически целесообразной в современных условиях для взаимоотношений между мусульманскими странами. По мнению Н.В. Жданова, целостность мира в исламской концепции не отражает объективных закономерностей развития человеческой цивилизации, взаимосвязи и взаимозависимости ее отдельных элементов, а достигается на основе «идеологического распространения» ислама. Мир будет универсален и целостен только на основе ислама – таков логический вывод из структуры концепции исламского миропорядка, своеобразной модификации концепции панисламизма, претендующей на эффективность в современных условиях. Неизменно существует тесная связь общих религиозных и культурных принципов, и именно религия, прежде всего, формирует облик искусства и литературы – как по содержанию, так по стилевым особенностям.

Право. Далеко не все сферы регулируются на основе священного права, предписывающего нормы благочестивого поведения, соблюдая которые верующий может приблизиться к сакральному идеалу. Помимо такого права всякое развитое общество имело еще и разработанный корпус норм двух видов: а) по регуляции сферы практического поведения различных социальных слоев; б) по регуляции управления государственными делами и организации власти.

В исламе шариат как священное право покрывает значительную часть не только культовых, но и юридических норм. Накопленные сообщения о поступках

и мнениях Пророка и его сподвижников, то есть сумма прецедентов, составили основной источник санкционированных норм поведения и оценки неправильно-го поведения. Государственного уложения законов мусульманский мир не знал вплоть до очень позднего времени. Однако обычно наряду с шариатом в большинстве стран постоянно поддерживались и нормы традиционного права – адата. Особую сферу составлял фикх, который подчас толковался как внесакральное юридическое дополнение к шариату в тех сферах, где необходимо было решение, основанное на и джихаде, то есть на согласованном суждении юристов по вопросам, не имеющим канонических решений.

Наука. В исламской науке предусматривается преодоление дробления знания по отдельным дисциплинам и утверждение целостного восприятия природы в неразрывной связи с человеком. Если западные науки основаны на изоляции отдельных фактов, доступных точному количественному измерению, тем самым утрачивая целостность бытия, то исламская наука охватывает качественный и духовный аспекты природы и благодаря этому соединяет познания с этикой и эстетикой.

В рамках духовного производства восточных цивилизаций так и не произошло окончательного отделения науки от сакральных представлений, восходящих к умозрительным обоснованиям религиозного универсализма. Это обстоятельство и стало той внутренней причиной, которая ограничила возможности развития науки в восточных цивилизациях.

Художественная культура. Наличие общего языка и общей системы образования создавали возможность интенсивного обмена плодами духовной деятельности между самыми отдаленными центрами. Овладение орудиями этой культуры обеспечивало мыслителю и художнику приобщение к духовным сокровищам огромного региона и столь же широкое признание в случае успеха.

Именно огромная потребность в общем языке общения привела к возвышению арабского в огромном регионе. Историческая «случайность» и «божественная воля» привели к тому, что именно на арабском языке прозвучало и было записано Откровение, на нем была создана огромная каноническая и нормативная литература, и он стал официальным литературным, научным языком огромной цивилизации.

В исламе единственной определяющей нормой, в соответствии с которой может быть организована политическая жизнь сообщества, является выдвигаемая на первый план общность уз веры. Эти узлы образуют основу политической интеграции, социальной солидарности, экономической помощи и духовного братства. Аллах является суверенным правителем всех государств.

3–6 августа 1983 г. в Лондоне проходил Международный семинар на тему: «Государство и политика в исламе», организованный мусульманским институтом исследований и планирования. На семинаре была принята декларация, более детально освещающая концепцию миропорядка и пути его достижения.

1. Базовая концепция

1. Вся власть принадлежит Аллаху, и поэтому любое мусульманское государство, которое само подчинилось власти или идеологии вне ислама, является по существу выступающим против правления Аллаха.

2. Религия и политика (политическая практика) составляют неделимое целое, и любое представление ислама на основе разделения религии и политики (политической практики) является неприемлемым для уммы.

3. Политическая роль ислама и политическая роль богохульства (неверия) являются двумя противоположными тенденциями в истории, и ни одна из них не имеет ничего общего с другой.

4. Концепция деятельности политических партий в западных демократиях, основанная на расколе общества, не устраивает умму.

5. «Джихад» является важным долгом каждого мусульманина во все времена и должен стать существенным элементом современного исламского движения.

II. Политические цели уммы:

1. Ликвидировать всю власть, находящуюся в конфликте с Аллахом и Его Пророком.

2. Ликвидировать национализм во всех его проявлениях и формах, и в особенности в форме «нация-государство».

3. Объединить все исламские движения в единое глобальное движение, с тем чтобы создать исламское государство.

4. Преобразовать мир ислама в систему исламских государств, связанных друг с другом такими институтами, какие являются необходимыми, чтобы выразить единство уммы.

5. Ликвидировать все политические, экономические, социальные, культурные и философские влияния западной цивилизации, которые внедрились в мир ислама.

6. Возродить доминирующую, глобальную исламскую цивилизацию, основанную на концепции «Таухид» (догмат о единственности и единстве Аллаха).

7. Создать необходимые институты, чтобы следовать принципу «Не делай ничего греховного и сторонись постыдного».

8. Установить справедливость во всех человеческих отношениях на всех уровнях в мире».

Согласно этой концепции исламское единство представляется как инструмент устранения национальных преград в процессе демократизации общества мусульманских стран и дальнейшего углубления национально-освободительного процесса. По своему содержанию панисламизм подчеркивает исключительность и богоизбранность всех мусульман.

Учитывая, что в современном мире богословие объективно уступает место конкретным социально-экономическим и политическим проблемам, теоретики панисламизма пытаются найти определенную форму в сочетании панисламизма с национализмом, ставя своей целью социально-этническую интеграцию мусульманских стран под эгидой идей панисламизма. Получившийся таким образом блок должен противостоять мировому капитализму, так как исламское единство существует только в комментариях и заявлениях. Ничто не объединяет этот исламский мир или определяет его направления в мировой политике.

В рамках этой тенденции в сентябре 1981 г. Иран выступил с инициативой создать «антисионистский исламский фронт, который бы позволил: 1) поднять роль ислама в мире; 2) активизировать борьбу мусульман против внутренних угнетателей (реакционные режимы Марокко, Саудовской Аравии, Туниса, Иордании, Ирака, ОАЭ, Кувейта, Бахрейна и т. д.); 3) осознать мусульманами и угнетенными мира действительную мощь ислама и подняться как гигантская сила, чтобы сокрушить мировой империализм и ложь». Такое предложение, безусловно, направлено на создание международного механизма распространения иранского опыта, как в мусульманских, так и немусульманских странах, то есть во всем мире.

Панисламизм противопоставляет интернациональный дух теории мусульманского братства «региональной узости». В историко-политической практике идея панисламизма используется в качестве обоснования тенденции к гегемонизму одного из мусульманских государств. Так, если в своей начальной стадии панисламизм был инструментом укрепления Османской империи, после Второй мировой войны он стал орудием соперничества между Пакистаном, Саудовской Аравией, Ираном, Ливией и рядом других стран за гегемонию в мусульманском мире. Эту точку зрения разделяют и некоторые мусульманские исследователи, например пакистанский автор Фатех М. Сандила отмечает: «Если идеалисты и теоретики постоянно подчеркивали необходимость всемирного мусульманского единства, то практики редко проявляли интерес к этой задаче. Главным образом они были заняты узкими местными задачами: сохранением власти в данном районе, поддержанием личного престижа или же заботой о тех или иных ограниченных интересах».

Панисламизм в современных условиях вынужден приспособляться, отказываясь от всех форм ограничения частного предпринимательства, защищая принцип примата духовной власти над политической; выдвигая тезис о единстве религии и политики; резко выступая против секуляризма. С наибольшей полнотой панисламизм представлен в идеологии и практике организации «Братья-мусульмане». Следуя им, весь мир делится на две части: мир ислама и «нового варварства»; для спасения человечества, погрязшего в «новом варварстве», необходимо установить теократию; возврат к халифату – лучший путь к социальной справедливости; спасение человечества – в возвращении к Богу. Устав «Исламского фронта» (антиправительственная организация «Братья-мусульмане» в Сирии), принятый 17 января 1981 г., в статье 6 провозглашает такую цель движения: «Мусульмане должны создать единый блок и ... движение, направленное к достижению высшей и обязательной цели ... установлению господства Аллаха на земле...». Естественно, что только руководство «Исламского фронта» способно «возложить на себя бремя спасения и защиты ислама, а также всех мусульман», говорится в 7 статье Устава.

Центральными элементами концепции панисламизма являются надклассовость, наднациональность «мусульманского единства», всемирная общность правоверных, то есть панисламизм является по своим характеристикам теорией исламского космополитизма, не признающей существования наций, но провозгла-

шающей единство всех мусульманских народов.

Процессу реализации концепции панисламизма в зоне распространения ислама препятствует ряд следующих факторов: противоречия между феодально-монархическими, буржуазно-националистическими и радикальными режимами; различия в степени социально-политического и социально-экономического развития; соперничество за лидерство в мусульманском мире, развернувшееся между странами, имеющими различные социальные системы (Саудовская Аравия, Пакистан, Иран, Ирак, Египет, Ливия); стремление некоторых государств проводить независимую внешнюю политику; нерешенные национальные проблемы, затрагивающие территорию нескольких государств (проблемы: палестинская, курдская, белуджей, «пуштунистана»); наличие взаимных территориальных притязаний (Саудовская Аравия – Оман, Ирак – Кувейт, Ирак – Иран, Марокко – Алжир, Иран – Афганистан, Саудовская Аравия – Йемен, Саудовская Аравия – Ирак, Иран – ОАЭ, Иран – Бахрейн и т. д.); разногласия и противоречия между основными направлениями ислама (суннизм и шиизм), играющие определенную роль в усложнении системы межгосударственных противоречий мусульманских стран; в силу своего участия в различных международных и региональных организациях мусульманские страны не могут пренебрегать своими обязательствами ради «исламской солидарности». Противоречия между государственными интересами и религиозной общностью не всегда однозначно решаются в пользу исламского единства.

Такая обстановка в зоне распространения ислама создала предпосылки для возникновения концепции «исламской солидарности» как наиболее гибкой промежуточной (между национальной формой существования мусульманских стран и конечной целью – созданием единого исламского государства) формулой идеи межгосударственного сотрудничества и императивного единства на религиозной основе. Сама формула: «Умма – религиозная общность – исламская солидарность – исламский блок – единое исламское государство», на практике не реализуется, и наблюдаются острые противоречия при попытке ее осуществления, поэтому выделяется идея «исламской солидарности» как наиболее практически целесообразная в современных условиях формула для взаимоотношений между мусульманскими странами.

Современное движение «Исламская солидарность» не имеет признанных теоретиков, но широко представлено политическими практиками, в том числе и на государственном уровне, которые видят результатом своей деятельности выход мусульманских организаций и стран из ООН и образование Организации объединенных мусульманских наций со своим советом безопасности, образование мусульманского «общего рынка», создание объединенных мусульманских вооруженных сил с единым военным командованием, с тем чтобы мусульманские страны стали третьей силой в мире, независимой от капиталистических и коммунистических держав.

Исламская экономическая модель в общих чертах может быть сведена к нескольким равноценным в концептуальном отношении положениям, сформули-

рованным на проходившей в ноябре 1988 г. в Тунисе под эгидой Лиги Арабских государств научно-практической конференции по проблемам экономической системы ислама:

1) полное право собственности на все, что существует в мире, принадлежит только Аллаху (а через Него – всей мусульманской общине). Человек выступает лишь доверительным собственником имеющихся в его распоряжении богатств и благ;

2) все, что делает человек в этом мире, происходит с согласия и с ведома Аллаха;

3) частная собственность, которую утвердил ислам, ограничивается законными способами присвоения, расходования средств и уплатой финансовых долгов;

4) экономический порядок в исламе сочетает сбалансированность с социальной справедливостью.

Начало дискуссий о том, как может сочетаться доктрина ислама с практическими моделями экономики, относится к концу 50-х–началу 60-х гг. С конца 70-х гг. концепция исламской экономики развивается во взаимозависимости с проектами хозяйственных преобразований во всем мусульманском мире. И если до этого времени мусульманские ученые предпочитали ориентироваться на западные экономические модели, то 1970-е гг. характеризуются возвратом к исламским ценностям. В 80-е гг. Иран, Пакистан, Судан предприняли попытки реализации исламских идей на практике (в том числе путем исламизации экономики). В разработке модели мусульманской экономики участвовали теологи из Пакистана, Египта, Саудовской Аравии. Попытки создания исламской экономики или ее отдельных элементов предпринимались в рамках организации «Исламская конференция» (ОИК), а также на неправительственной основе.

Концепция исламского экономического порядка и вытекающих из него прав в сжатом виде содержится во Всеобщей исламской декларации прав человека, включая следующие пункты.

1. В своей хозяйственной деятельности все люди имеют право пользоваться природными богатствами. Это блага, дарованные Аллахом в интересах всего человечества.

2. Все люди имеют право добывать средства к существованию в соответствии с законом (шариатом).

3. Каждый человек обладает правом собственности, которой владеет индивидуально или совместно с другими лицами. Национализация некоторых экономических средств законна с точки зрения общественных интересов.

4. Бедняки имеют право на определенную часть состояния богатых, установленную закятom и выделяемую в соответствии с законом.

5. Все средства производства должны использоваться в интересах всей общины (уммы), запрещается не принимать их в расчет или плохо ими распоряжаться.

6. Для развития сбалансированной экономики и защиты общества от эксплуатации исламский закон запрещает монополии, чрезмерно ограничительную коммерческую деятельность, ростовщичество, использование принудительных мер при заключении сделок и публикацию лживой рекламы.

7. В обществе разрешены все виды экономической деятельности, если они не приносят вреда интересам общины (уммы) и не нарушают исламские законы и ценности.

Согласно исламскому вероучению в основе получения материальных ресурсов (в том числе денег) лежит труд. «По свидетельству Рифа`а бин Рафи`: «Однажды Пророка спросили: «Какое из приобретений является лучшим?» Он сказал: «То, что человек приобрел трудом рук своих, а также то, что принесла ему добрая торговля». В Коране слово работа (ал-`амал) упоминается в 360 айатах, его синоним – ал-фи`ал – присутствует также в 109 стихах. Все вышеупомянутые айаты подчеркивают необходимость работы. Не случайно ислам называют «религией действия».

Работа в концепции ислама – нераздельная часть религии. Тот, кто честно зарабатывает себе на жизнь, достоин наивысшей похвалы. Результаты своего труда человек почувствует не только в этой, но и в будущей жизни, и ничто из его деяний не укроется от Аллаха. Работа – это право и обязанность одновременно. Ислам предоставляет человеку право выбирать тот вид деятельности, который ему по душе. Индивид, однако, должен учитывать потребности общины в той или иной специальности. Так, совершенно бесполезной окажется профессия ювелира в голодном и нищем обществе, нуждающемся в производителях продуктов питания. Любая непродуктивная работа запрещена шариатом. Более того, считается, что бесполезный труд приводит к неверию. Не поощряется не только сознательное, но и вынужденное безделье. Поэтому для общества лучше не давать подачки бедным в виде пособий и дотаций, а предоставить им возможность заработать самим средства к существованию с учетом их пожеланий.

При выборе работы недопустима дискриминация. Все люди имеют равное право на труд. Однако работодатель должен принимать во внимание личные качества тех, кто ищет работу (таланты, опыт, склонности, навыки). Главный критерий хорошего работника – продуктивность его труда и полезность выполняемой им работы для общества. Ислам защищает и тех, кто по возрасту или вследствие физических недостатков не способен трудиться. Другой богоугодный источник дохода – получение материальных ценностей вследствие заключения признаваемых шариатом сделок (дар, наследство, купля-продажа и т. д.). Таким путем происходит законный переход права собственности от одного лица к другому.

Шариат уделяет огромное внимание защите права собственности. Например, за кражу в мусульманском деликтном праве существует жесткое фиксированное наказание «...и вору, и воровке рубите руку», в то время как убийство человека не обязательно влечет за собой возмездие. По шариату убийца может быть прощен родственниками убитого. Объясняется это тем, что кража входит в группу преступлений, представляющих наибольшую общественную опасность, влекущих за собой фиксированное наказание – «хадд» (мн. ч. «худуд»). Преступления этой категории направлены против интересов всей общины, нарушают права самого Аллаха. Убийство же человека относится ко второй категории – «кисас» (или «дийа»). Сюда входят менее опасные, с точки зрения шариата, пре-

ступления, нарушающие интересы отдельных людей (убийство и причинение телесных повреждений). За них Кораном и сунной предусмотрено другое фиксированное наказание. Например, за совершение умышленного убийства преступник может подвергнуться казни, если родственники убитого не согласятся взять с него выкуп за кровь – «дийа», либо простить его. В последнем случае к убийце со стороны государства может быть применена какая-либо санкция, но это уже не будет высшей мерой наказания.

Краеугольный камень исламской экономики – свобода заключения договора, поскольку почти все сделки основаны на договорно-правовой базе. Даже правитель государства при вступлении в должность должен заключать с мусульманской уммой в лице ее представителей (как правило, муджтахидов) договор, именуемый «мубай`а» (или «бай`а»), где оговорены права и обязанности главы государства и верующих по отношению друг к другу.

Не менее важен принцип соблюдения договоров. В Коране неоднократно подчеркивается требование соблюдать договоры. Существует знаменитый хадис, что мусульмане связаны своими обязательствами. С этим согласны все мусульманские правоведы. Верующие должны равняться на Аллаха, который никогда не нарушает своих обязательств. Да и сам ислам – не что иное, как договор с Богом. Важную роль при заключении договора играет не только соблюдение необходимых формальностей, но и истинные намерения его участников. По свидетельству `Умара бин ал-Хаттаба, который передал слова пророка: «Поистине, дела оцениваются по намерениям...». Например, если одна из сторон при заключении договора имела намерение обмануть своего партнера, такой контракт может быть признан недействительным и обманщик будет обязан возместить нанесенный другой стороне ущерб.

Честность – главное условие для участников экономических отношений. В современном мире, особенно в масштабах мировой экономики, ориентация на честность партнера должна подкрепляться объективной информацией. Данное обстоятельство представляет существенную проблему для исламских финансовых учреждений, вынужденных часто тратить много времени и денег на получение необходимых сведений о потенциальном партнере. Все вышесказанное относится и к исламским страховым компаниям, которым для правильной оценки возможных рисков приходится добывать информацию не только о проектах, куда будут вложены полученные страховые взносы, но и о самих страхователях.

Как уже отмечалось, по шариату человек – это лишь распорядитель собственности Всевышнего, который должен бережно относиться к имеющемуся у него богатству. Это не значит, что он может обращать его в сокровище, копить деньги ради денег. Находящиеся в распоряжении индивида избыточные материальные блага должны использоваться в интересах всей мусульманской общины (уммы). Но прежде человек должен удовлетворить свои потребности, а также потребности своей семьи: «По свидетельству Абу Хурайры, который передал слова Пророка: «"Из всех динаров, которые вы расходуете на пути Господнем, те динары, что вы тратите на выкуп раба, те, что подаете как милостыню бедным, и те динары, что

вы расходуете на жену и детей, – самыми ценными (для Аллаха) будут те, что вы тратите на свою семью”».

Считается, что тот человек, который усердно трудится, чтобы обеспечить свою семью всем необходимым, более угоден Аллаху, чем тот, кто целые дни посвящает молитве, забывая о нуждах родных ему людей. Богатство ради самого богатства осуждаемо шариатом как алчность. В определенной степени, богатство – это испытание для верующего: «Для каждой общины людей предусмотрено испытание, испытание для моей общины – богатство».

Материальные ресурсы верующего не должны использоваться для причинения другим людям вреда. А там, где между людьми существует имущественное неравенство, создается почва для эксплуатации человека человеком, что недопустимо с точки зрения ислама. Поэтому распоряжение накопленным богатством должно ограничиваться интересами других лиц. Например, в отношении некоторых видов природных ресурсов известный ханбалитский правовед ибн Кудама писал, что тот, кто первый нашел в бесхозной земле минерал, имеет первостепенное право в удовлетворении за его счет своих потребностей. Но он не должен забывать о других, – им также нужно предоставить возможность использовать природные ресурсы для своих нужд, поскольку все люди имеют право на богатства, дарованные Аллахом. Необходимо по возможности найти применение всему, что предоставил людям Всевышний. Пренебрежение же дарами Аллаха означает неблагодарность к Его дозволениям. Кроме того, в целях ограничения богатства и установления справедливого порядка распределения общественного продукта исламом предусмотрены обязательные сборы и налоги, а также те, выплата которых оставлена на усмотрение владельца собственности (инфак).

Осуждается и бессмысленная трата денег. Лицо, транжирящее деньги, может быть признано сафихом, т. е. не осознающим в полной мере, что делает. Имущество этого человека может быть передано под опеку общества или его представителей. Подопечный же будет пользоваться своим состоянием только в том объеме, в котором это необходимо для удовлетворения его первейших жизненных нужд: «И не давайте неразумным вашего имущества, которое Аллах устроил вам для поддержки, и наделяйте их из него, и одевайте их, и говорите им слово благое». Другое дело, если человек помогает людям (в том числе, материально), не ожидая от них вознаграждения, а лишь с целью угодить Аллаху. Такая деятельность только увеличит доходы благодетеля, и на всех законных сделках этого лица будет присутствовать милость и благословение Аллаха (концепция «барака»). Но если он отклонится от прямого пути в способах приобретения, владения и распоряжения своим богатством, то Всевышний лишит его «барака».

Концепция «барака» – это своего рода материальный и одновременно духовный побудитель для верующего совершать правильные поступки (в том числе и в экономической сфере). Стремление получить «барак» применимо не только к индивиду. Коран призывает верующих соревноваться в совершении добрых дел. Правоведы усматривают здесь дозволение Аллахом экономической конкуренции

(разумеется, честной). Деньги должны постоянно находиться в обороте. Владельцу избыточных средств следует обратить внимание на нужды общества, чтобы умело и с пользой для уммы употребить свой капитал.

В исламе не допускается обмен неодинаковыми по номинальной стоимости суммами денег (как это имеет место при кредитной операции), использование ресурсов, если требуется их объединение, происходит через долевое участие их обладателей в прибылях и убытках делового предприятия. Прибыль участников напрямую и полностью зависит от конечного результата планируемой операции, правильности проведенной оценки ожидаемого дохода, перспектив конъюнктуры в данном сегменте рынка, управленческих и предпринимательских способностей партнеров по бизнесу. Все это в полной мере относится и к деятельности исламских страховых компаний.

Главное техническое отличие исламских финансов от господствующей в мире модели может быть сведено к отказу от ссудного процента. Это позволяет мусульманским экономистам вместо такого инструмента, как «цена денег», подверженного воздействию огромного числа субъективных и сугубо спекулятивных факторов, ввести более приемлемую категорию «эффективности капитала». Ресурсы, ориентируясь на норму доходности непосредственно, перетекают в те секторы экономики, потенциал которых наиболее положительно оценивается рынком.

Финансирование за счет собственных средств или мобилизация средств через прямое участие в капитале – основа исламской экономической системы. В последнее время все чаще высказывается мнение, что именно за финансированием за счет собственных средств будущее корпоративных финансов – в противоположность чуждому для ислама долговому финансированию (через традиционный банковский кредит). Поэтому мусульманская экономическая теория, еще в VII в. сформулировавшая данный постулат, бесспорно, заслуживает тщательного изучения, особенно на фоне усиления в последнее время влияния этических ограничителей человеческой деятельности на процессы глобализации мировой экономики.

В последнее время многие мусульманские экономисты и финансисты пришли к выводу, что исламская экономика в чистом виде приемлема лишь в рамках уммы (и то с большими оговорками), но никак ни в масштабах мировых экономических отношений. Создать автономную исламскую экономическую систему, значит, полностью отстраниться от международного экономического и торгового сотрудничества, что невозможно в современном мире, как невозможно продолжать игнорировать те институты, которые уже многие века существуют на Западе, и которые по тем или иным причинам не прижились на мусульманском Востоке.

Крупнейшим из политических исламских институтов является организация «Исламская конференция (ОИК)», которая была основана в сентябре 1969 г. на конференции глав государств и правительств мусульманских стран в Рабате (Марокко), на которой присутствовали делегации 22 государств, а также наблюдатели от Организации Освобождения Палестины. Согласно уставу членом ОИК может стать любое государство, заявляющее о своей принадлежности к исламскому

миру. Предусмотрен также статус наблюдателя при ОИК, который предоставляется международным организациям (Лига арабских государств, ряд мусульманских организаций), некоторым государственным образованиям, не признанным мировым сообществом (Турецкая республика Северного Кипра), отдельным освободительным движениям и организациям (Организация освобождения Палестины, филиппинский Фронт освобождения Моро). Штаб-квартира ОИК находится в г. Джидда (Саудовская Аравия). В настоящее время членами этой влиятельнейшей исламской организации являются около 50 государств.

Цели ОИК были сформулированы в основном на конференциях глав мусульманских стран в Рабате (1969 г.) и Мекке (1981 г.), где была принята Мекканская декларация. Согласно утвержденным на этих встречах документам основные цели деятельности ОИК следующие: укрепление исламской солидарности; развитие разносторонних связей между исламскими государствами; содействие ликвидации расовой дискриминации и колониализма; поддержание мира и международной безопасности; оказание поддержки народу Палестины в его борьбе за свои права, включая освобождение оккупированных территорий; поддержка борьбы всех исламских народов за независимость и национальные права; создание условий для сотрудничества между государствами-членами ОИК и другими государствами.

Среди других международных исламских организаций можно назвать Исламскую комиссию Международного Красного Полумесяца, Исламский банк развития (ИБР), Исламскую организацию по образованию, науке и культуре (ИЦЕСКО), Исламскую федерацию спортивной солидарности и т. д. Очевидно, что исламские международные организации выступают как дублирующие или даже альтернативные международным организациям глобального масштаба. Даже «семерке» индустриально развитых стран Запада в 1996 г. была найдена альтернатива, задуманная в рамках разработанной бывшим премьер-министром Турции Н. Эрбаканом стратегии «справедливого исламского порядка» – «исламская восьмерка» в составе Турции, Ирана, Пакистана, Египта, Бангладеш, Малайзии, Индонезии и Нигерии.

В этом, по мнению А.А. Игнатенко, просматривается относительная альтернатива системы международных организаций исламского мира аналогичным системам Запада как неорганичным для исламских государств. Так, поводом для возникновения ОИК стала нерешенность проблемы Иерусалима в желательном для исламских государств духе с использованием международного права и международных инструментов.

Отдельные исламские страны, особенно претендующие на лидирующую роль в мусульманском мире, создали организации, осуществляющие свою деятельность на международном уровне. Среди них можно назвать Лигу исламского мира (со штаб-квартирой в Мекке), Народную исламскую конференцию (Хартум, Судан), Всемирное исламское народное руководство (Триполи, Ливия), Всемирную исламскую организацию (Кувейт), Всемирную исламскую организацию вспомоществования (Саудовская Аравия), Ассоциацию сближения между исламскими

направлениями (Тегеран, Иран), Исламское агентство по оказанию помощи, Международную организацию исламского призыва, Международную организацию исламских женщин, Всемирную ассамблею исламской молодежи и т. д.

Наибольшим влиянием обладает Лига исламского мира – ЛИМ (в русскоязычных публикациях иногда именуется как Всемирная исламская лига, Рабита аль-алям аль-ислами), которая была создана Королевством Саудовская Аравия (КСА) в 1962 г. в качестве одного из инструментов для проведения своей внешней политики. По уставу, с которым можно ознакомиться на официальном сайте данной структуры в Интернете, ЛИМ является неправительственной религиозно-политической организацией, преследующей следующие цели: пропаганда исламского учения; борьба с враждебными исламу идейными и сектантскими течениями; укрепление политических позиций мусульманского духовенства; объединение молодежи «под знаменем ислама» и т. д. Своей главной задачей ЛИМ считает укрепление политических позиций мусульманского духовенства, расширение контактов между исламскими организациями, выработку общих теологических обоснований по важнейшим политическим вопросам, борьбу в защиту прав мусульманских меньшинств и оказание влияния на их организации в различных странах мира. Штаб-квартира ЛИМ расположена в Мекке (КСА).

Высшим органом Лиги является Всеобщий исламский конгресс, состоящий из 500 исламских авторитетов всего мира. Он созывается в Мекке раз в пять лет и избирает для текущей работы Консультативный совет и Генеральный секретариат. Практическая деятельность ЛИМ осуществляется через региональные координационные советы – для Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки. ЛИМ имеет официальные представительства в странах, где мусульмане составляют большинство населения. Всего в ней представлены исламские организации более чем ста стран мира, а объектом ее контактов и воздействия в этих странах выступают неправительственные организации (общины, учебные заведения, мечети и т. п.). Там, где они не конституированы, Лига их создает. Для координации деятельности многочисленных исламских организаций ею созданы, например, Высший комитет по координации работы (1974 г.), Всемирный совет мечетей, Высший комитет по исламским делам и др.

Итак, сама идеология ислама предоставляет большие возможности для широкого использования этой религии разнообразными общественными течениями. В отличие от «христианского мира», где победила традиция разделения власти на светскую и духовную и где секуляризация определила характер политической культуры народов, «мир ислама» не допускает в (теории) разграничения между божественной и светской властью. И хотя фактически в большинстве стран традиционного распространения ислама произошло отделение религии от политики, формально оно не признано и отвергается мусульманским духовенством, улемами, авторитет и влияние которых чрезвычайно высоки.

По сути своей ислам демократичен, так как допускает сосуществование различных позиций и оценок. Вместе с тем при всех авансах в пользу определяющей роли мусульманской общины (уммы), эта религия настроена подозрительно в

отношении концепции политической демократии, так как в ней видится попытка превознести власть человека в ущерб власти Бога.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 1991.

Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. М., 1986.

Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. М., 1996.

Полонская Л.Р. Ислам и проблема адаптации к условиям «чужой» цивилизации // Ислам и проблемы межкультурного взаимодействия. М., 1992.

Малышев Д. Б. Религия и общественно-политическое развитие арабских и африканских стран. 70–80-е гг. М.: Наука, 1986.

Трофимов Д.А. Исламский фундаментализм в арабских странах: истоки и реалии // Восток. 1992.

Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (очерки общей теории). М., 1990.

Волков Ю.Г. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Р/нд., 2001.

The Islamic Concept of State. Papers Presented at Symposium on the Teaching of the Holy Prophet. L., 1983. P.138.

Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 1991.

Arnold Toynbee and Daisaku Ikeda. Chose life. A dialogue. L.: Oxford University Press, 1976.

Mortimer E., Power. L., Madkour I. The Genius of Arab Civilisation. Sources of Renaissance. Phaidon, 1978.

Тема 26. Православно-христианская концепция мирового порядка

1. Основные постулаты идеи «Москва – третий Рим».
2. Византийское наследие в политике Московского государства.
3. Принципы абсолютной власти московского царя.

В 1453 г. под ударами турок-османов пала столица Византии – Константинополь. Вместе с этим событием с лица земли исчезла некогда могущественная Византийская империя. Изумленная Европа со страхом наблюдала, как на ее юго-восточных границах набирает силу новое мощное государство – Османская империя. Затянувшийся раскол Христианской церкви – западной (католической) и восточной (православно-христианской) – стал одной из причин того, что Европа не смогла или не захотела объединиться и прийти на помощь погибающей Византии. Такой разворот событий имел неожиданные, далеко идущие последствия в исторической судьбе Московского государства. Естественным образом, нашлись люди, которые считали, что православно-христианская Русь является наследницей православно-христианской Византии. Соответственно, должна возникнуть прямая связь: Рим–Константинополь–Москва. Если следовать по логической цепи, то в итоге складывается формула «Москва – третий Рим».

Идею «Москва – третий Рим» впервые выдвинул монах, или настоятель Псковского Елизарово монастыря Филофей, о жизнедеятельности которого мало что известно. Он был идеологическим последователем Волоколамского игумена Иосифа Волоцкого (1439–1515), автора политической теории о власти. После Соборов 1503–1504 гг., когда великий князь Московский Иван III пошел на прочный союз с Церковью и господствующими в ней иерархами, поддерживавшими теорию Иосифа Волоцкого, открывается прямая дорога к возвеличиванию властвующей персоны и безоговорочного подчинения ее авторитету. Иосиф Волоцкий сравнивает монарха с Богом и даже уподобляет Богу.

Эту же линию последовательно проводил монах Филофей. Основное содержание его идеи отражено в письмах к великому князю Василию Ивановичу и будущему царю Ивану Васильевичу. Он возводит династическое родословие московских князей к византийским императорам, называя их прадедами, в числе которых, в первую очередь, упоминается «великий Константин». Московский царь «поставлен от Бога». Он – «высокостолпнейший государь и самодержец, боговенчаный христианский царь, браздодержатель, всем христианским исполнением обладающий». На нем лежит обязанность заботиться о своих подданных, а для этого необходимо содержать свое «царствие со страхом Божиим», к чему обязывает князя

«скипетр в руке» и «венец на голове», и быть властелином над своими подвластными, ибо «который царь не властвует над подвластными», тот «не избегнет суровой Божьей кары». По мнению Филофея, все подданные дают обет государю волю его «творити и заповеди храните во всем», а если и придется кому-либо понапрасну терпеть «царское великое наказание», то возможно только выразить свою печаль «горьким стенанием и истинным покаянием».

Филофей понимал значение для всей русской земли объединительной политики Московских царей и ее ближайшие, а также отдаленные последствия для становления единой страны. Анализируя современный ему ход исторических событий конца XV – начала XVI в., определяющих дальнейшую судьбу русской земли, он считает, что именно сейчас и наступил тот момент, когда Русь стала объектом высшей «провиденции». Филофей связывает судьбу русского народа с судьбой православной христианской религии. Ныне «вся христианские царства попрыны от неверных... придоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя». И произошло это в осуществление древних пророчеств: «два убо Рима подоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Русь, по мнению Филофея, непобедима, сохраняя верность православию. Так, православное воинство сумело избавиться от татарского ига и ныне успешно обороняет рубежи родины. Величие Руси, как полагал Филофей, имеет свои истоки в славной истории Рима и Византии. Особенно он подчеркивал, как близка русским византийская история.

Необходимо отметить, что провиденциалистская идея «третьего Рима», выражаемая устами Филофея, даже близко не соприкасалась с устремлениями агрессивного характера, жаждой распространения влияния Московского государства на другие страны и народы, а тем более их завоевания. Также письма Филофея не содержат призыва к лицам, не исповедующим православие, перейти в эту религиозную конфессию.

Однако в жизненных ситуациях теория и практика чаще всего расходятся. В реальной политике, как показывает история международных отношений, теория поворачивается, можно сказать, переворачивается таким образом, чтобы обслуживать те вполне прагматические цели, которые ставят перед собой власти и правители.

Известно изречение: «Без идеи в голове человек не видит фактов». Теория «Москва – третий Рим» стала весьма удобным идеологическим плацдармом, например, в политических устремлениях Ивана Грозного. В геополитическом контексте маленькая по своей территории Европа в конце Средневековья оказалась как бы в перенаселенной «коммунальной квартире», где всем было тесно. И тогда находится реальный выход в том, чтобы перейти к такой организации государственного устройства, в которой существующая территория и живущее население совпадают в функциональном назначении так называемой «нации-государства», или иначе, «национального государства». Эти национальные государства обладают суверенитетом. Московское государство пошло по другому пути. Оно приняло на вооружение феодально-крепостническую Византийскую имперскую форму устройства государственной жизни, уходящую своими корнями в эпоху Средневековья.

В такой модели государственного устройства имперский принцип пронизывает ее внутреннюю и внешнюю организационную структуру. Само понятие «империя», как указывают исследователи, весьма многозначно. В функциональном аспекте данного понятия выделяются следующие моменты: во-первых, форма организации государственной власти; во-вторых, способ господства того или иного государства вовне; в-третьих, принцип организации внутреннего и внешнего пространства социального организма; в-четвертых, единица членения мирового пространства – экономического, социального, исторического, культурного; в-пятых, механизм, воздействие которого приводит изменяющуюся во времени и пространстве историю в историю мирового характера.

Важнейшими организационными чертами империи выступают следующие: 1) возникновение в результате военного покорения и (или) политического, экономического подчинения одним народом других; 2) включение покоренных (подчиненных) народов и территорий в государственную структуру, единую с народом, вокруг которого и под чьей эгидой эта структура образуется; 3) иерархический принцип организации возникшей имперской структуры; 4) высокая роль армии, вообще военного элемента в структуре имперской державы; 5) этническая, национальная, историческая разнородность составных частей империи; 6) тяготение имперской организации к иерархической структуре с авторитарной властью на вершине государственной пирамиды¹.

Неотъемлемым признаком имперской иерархии является разграничение единого пространства на «центр» и «периферию». Центр доминирует над периферией. Сущность имперской формы организации государственного устройства проявляется в исторической неравномерности развития производительных сил различных регионов страны. Это происходит даже в условиях существующих объективной взаимозависимости и взаимосвязанности, а также опережающей интеграции экономических частей империи. Организационный механизм империи действует таким образом, что научно-культурные, военно-технические, технико-экономические новации могут получить применение вначале только в центре, а лишь затем распространиться и на периферию.

Как известно, эпоха Средневековья дает нам бесконечную, мозаичную картину феодальных раздроблений и объединений территорий, их взаимопревращений в зависимости от величины – то в имперские державы, то в королевства, то в удельные княжества и т. д. Как же во всех этих разнородных и динамично меняющихся феодальных образованиях преломляется идея богоизбранности? Здесь, пожалуй, необходимо напомнить, что в Средневековье, как ни в какую другую эпоху, в феодальном сознании владетельных персон доминирующую роль играет идея, согласно которой каждое удельное княжество хочет стать самостоятельным королевством, а самостоятельное королевство имперской державой.

Например, Бургундское герцогство вело длительную и упорную борьбу с Французским королевством, чтобы, в конце концов, стать полностью независимым от него и провозгласить себя самостоятельным королевством. И может быть,

---

¹ См. подробно: Закат империй: Семинар // Восток. 1991. № 4.

затем, поглотить французские земли. В истории были такие мгновения, когда французский король оказывался в полной зависимости от бургундского герцога. Но судьба распорядилась так, что горделивым бургундским замыслам не было суждено сбыться.

В этих бесконечных столкновениях и борьбе вопрос для средневекового сознания вставал в плоскости: «На чьей стороне божья милость?» Конечная цель всех этих феодальных стремлений состояла в том, чтобы превратиться в могучую и необозримую империю. Анализируя условия формирования имперской державы, С.И. Каспэ выделяет следующие моменты: 1) наличие в системе политической легитимации государства некоего указания на его абсолютное значение; 2) присутствие в политической практике государства устойчивой тенденции к территориальному расширению; 3) отсутствие либо ограниченность ассимиляции народов вновь включаемых в состав государства территории, сохранение ими своих этнокультурных особенностей¹.

В политической истории европейского Средневековья первое из названных здесь условий реализуется посредством с а к р а л и з а ц и и власти правящей персоны, непосредственно л и ч н о с т и монарха. В восточных странах при достаточно развитых деперсонифицированных представлениях о государстве с а к р а л ь н ы й смысл приписывается самому г о с у д а р с т в у, отдельным его институтам и представителям. К примеру, В.С. Соловьев замечал, что в традиционном Китае «всякий начальник, высший или низший, есть со ipso и религиозный глава народа в пределах своей юрисдикции»².

По мнению Л.Г. Казаряна, власть имперской державы всеобъемлюща. Она «простирается не только на заселенную территорию, но и на целый мир, охватывая и круговорот природных явлений»³. В реальности она может быть ограничена пределами простирающейся территории. Она может быть даже небольшой, маленькой. Но это не означает многого. Реально-сущая жизнь, то что «есть», не отменяет действие идеально-должной жизни, того, что «должно быть» Сакрализация конкретной власти конкретного государства и его конкретного властелина осуществляется в соответствии с принципами христианской морали. Материальное величие должно соответствовать моральному величию. Моральная реальность не менее и даже более значима, чем материальная реальность.

Имеет ли данное государство и его монарх моральное право называться «священным», если их деятельность не согласуется с христианскими добродетелями – вот в чем коренной вопрос ?! Поэтому важнейшим свойством имперской державы является безграничность, наделение ее абсолютным, вселенским смыслом, транслируемым на весь обозримый круг земель, связанная таким образом, не только и не столько с протяженностью ее пространства, сколько с силой имперской уни-

---

¹ См.: Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // Политические исследования. 1997. № 5. С. 36.

² См.: Соловьев В.С. Китай и Европа // Соловьев В.С. Собр. соч. СПб., 1912 Т. 6. С. 115.

³ См.: Казарян Л.Г. Россия – Евразия – Мир. Сварка понятий – цивилизация, геополитика, империя // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3. С. 105.

версальной идеи. В данном контексте средневековое феодальное государство воспринимается современниками как с а к р а л и з о в а н н а я д е р ж а в а.

Государство существует не как средство приумножения мирских благ для этой «посюсторонней» жизни, Земного Града, а как инструмент спасения для той «потусторонней» жизни, Небесного Града¹. Эта сакральная идея несет в себе и нравственно-этическое содержание. Земное государство обязано готовить нравственно чистых, морально совершенных людей, живущих в соответствии с христианскими заповедями. В этой универсальной идее держава как бы получает санкцию на моральное право господствовать над остальными. Эта христианская традиция восходит к античному Риму. «Вечный Город» воспринимал себя в качестве «особого неповторимого и в этом смысле замкнутого в себе явления, отделенного от окружающего мира, как бы стоящего иерархически несравненно выше его». Рим отличался от остальных народов, как «более или менее неполноценных и созданных для подчинения»².

Держава существует в условиях наложения двух противостоящих тенденций. С одной стороны, она, фиксируя свое положение, как определенного геополитического образования, в тенденции стремится к созданию стабильной, прочной системы властвования. С другой стороны, вопреки этой тенденции, не удовлетворяясь тем, что имеет, она хочет постоянно расширяться, т.е. вызывает иную тенденцию, к универсализации и глобализации. В этой связи держава не может удержаться от пространственной экспансии. Как раз-то здесь достигается выполнение второго условия становления державы. «Напряжение, рождаемое этими ориентациями, – подчеркивает Б. Бади, – определяет основные имперские характеристики: милитаризм, неопределенность территории, двусмысленность границ, воспаленный прозелитизм, слабую институционализацию»³.

По сложившейся традиции правители Московского государства в Средние века обозначали свой титул как «великий князь». Обычно этот титул даровался ханом Золотой Орды. Титул «царь» впервые официально вводится при Иване IV Грозном. Термин «царь» представляет сокращенный вариант «кесаря» – титул римского императора. Слово «кесарь» восходит к Гаю Юлию Цезарю. Эта символическая перемена была непосредственно связана с той новой исторической ситуацией, в результате которой в Московском государстве устанавливается абсолютная власть монарха. Князь Андрей Курбский полагал, что бедствия на Руси начались после брака Ивана III с греческой царевной Софьей Палеолог. На свою новую родину Софья привезла идею абсолютной монархии. Причем в данном случае речь шла не о западноевропейской, а о византийской модели абсолютной монархии. Каждый подданный, все сословия превращались в беспрекословно подчиняющихся холопов царя.

Между тем более ранней истории средневековой Руси была ведома совершенно иная атмосфера. В 1211 г. князь Всеволод Большое Гнездо созывает во Вла-

¹ См.: Zubov A.B. Сотериологическая модель генезиса государственности // Восток. 1993. № 6.

² Кнабе Г.С. Историческое пространство Древнего Рима // Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994. С. 265.

³ См.: Badie B. L'Etat imperie: L'occidentalisation de l'ordre politique. P., 1992. P. 245.

димире собрание разных сословий. Это народное вече представляло уже сложившуюся традицию, вошедшую в «плоть и кровь» русских сословий. Помимо Новгорода, который становился своеобразной «купеческой республикой», вече работало и укоренялось также в других центрах русской земли. При соответствующих условиях данная тенденция могла бы породить из своих недр предгражданское сообщество средневековых городов-государств, из которого вырастает «третье сословие».

Отметим, что на русской земле одновременно с ростом городов с их «парламентами» и усиливающейся ролью народного вече, укреплялась и княжеская власть. Несмотря на признаки явного специфического отличия, на восточнославянской окраине Европы перед татаро-монгольским завоеванием складывается несколько государств-княжеств, приближающихся по своим типологическим характеристикам к Германии, Италии, Испании и другим западным странам. Внешний рисунок исторической картины феодальных княжеств средневековой Руси весьма напоминал то, что происходило и в Западной Европе. В общественном организме закладывался созидательный импульс для формирования корневых побегов грядущего гражданского общества с его независимыми от государства институтами. Внеэкономическая система «личной зависимости» медленно, но неуклонно оттеснялась на задний план, заменяясь постепенно системой «вещной, товарно-денежной зависимости».

Надо думать, что татаро-монгольское иго, длившееся почти три столетия и, наконец, победоносная Куликовская битва 1380 г., когда объединенные русские войска нанесли сокрушительное поражение золотоордынскому хану Мамаю, прервало развитие этой тенденции. К великому сожалению, процесс дальнейшего формирования и полноценного выхода на историческую сцену буржуазного сословия был остановлен. В русском самосознании еще более обострилась жгучая потребность объединения и созидания единого мощного государства. Эта тенденция проявляет себя в возвышении над обществом централизованной власти московского государя. Однако здесь, вопреки утвердившейся в исторической литературе точке зрения, по-видимому, нет преобладающего влияния феномена «азиатского деспотизма». Хотя власть золотоордынских ханов над подданными нередко являлась произволом и деспотией, она не имела абсолютного самодовлеющего характера. Кочевники не были рабами, холопами или крепостными своих ханов. Этой же традиции придерживались монгольские завоеватели и на покоренной русской земле.

Возвращаясь к уже высказанному тезису, хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, что причины установления самодержавной власти московских царей, как представляется, нужно, прежде всего, искать в особенностях исторической памяти русского народа. Считают, что нанесение физической и духовной боли надолго сохраняется в душе человека. В русском самосознании на века отпечаталась память о раздробленности государства как об аномальном явлении, своеобразном «вывихе», выпадении из нормального течения времени. В русской политической культуре «норма» отождествляется с мощью и силой государства, а

«ненормальность» – со слабостью государственного начала в жизни страны. В ней же эпоха «смут», «темных времен» связывается с распадом государственности и расколом в обществе.

В течение нескольких столетий Средневековья Русь представляла раздробленное образование. Европа в геополитическом контексте даже перестала принимать ее в расчет. И вдруг на завершающих этапах Средневековья она стала возрождаться. В своей «Тайной дипломатии XVIII в.» К. Маркс писал о возникновении единого Русского государства в конце XV столетия: «Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, стиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных рубежах огромного государства». Действительно, образование между Европой и Азией мощного Русского государства стало одним из важнейших рубежей в истории Старого Света, не менее значимым, чем открытие Нового Света, происшедшее, кстати, почти одновременно (вообще, конец XV века был временем, удивительно насыщенным эпохальными историческими событиями. Кстати, и Россию Запад «открыл» приблизительно в то же время, так же, как и Америку.

Исторически сложилось так, что уже Киевской Руси пришлось обороняться от непрерывных набегов кочевых племен, новгородскому князю Александру Невскому защищаться от шведских и немецких рыцарей, Московскому государству вести войну с агрессорами как с востока, так и с запада. Позже, в 1812 г. Россия выдержала напор огромной армии Наполеона. Фашистская Германия, завладев промышленным потенциалом почти всей Европы, в 1941 г. напала на Советский Союз.

Поэтому замысел царя Ивана Грозного уже в XV столетии раздвинуть границы государства на восток и запад, пожалуй, с геополитической точки зрения вполне объяснимо. Концепция «Москва – третий Рим» стала весьма логичным идеологическим инструментом осуществления далеко идущих политических целей территориального расширения. Решая эту задачу, московские цари и санкт-петербургские императоры в течение XVI–XIX вв. создали огромное по своему территориальному размаху государство. Такая же политика осуществлялась в первой половине XX столетия Советским государством.

Однако парадокс истории выражен в явлении, согласно которому централизованное государство, установившееся в Московской Руси, оказалось настолько сильным, что сумело не только уничтожить внешних агрессоров и далеко расширить свою территорию, но и закабалить огромную массу крестьянского населения страны, в отличие от слабосильных феодальных государств Европы, вынужденных шаг за шагом давать свободу своим крестьянам. «Москва спасла Россию, – отметил А.И. Герцен, – задушив все, что было свободного в русской жизни. Первый импульс, в конце концов, возобладал во всей Восточной Европе, а второй, напротив, в Западной Европе».

В Западной Европе политическую культуру «подданничества» заменила политическая культура «гражданственности». В течение всего Нового времени медленно и неуклонно «присвоение воли» подданного трансформировалось в «свободу воли» гражданина. В Восточной Европе, особенно в России, политическая культу-

ра «подданничества» выполняла основную функцию в регулировании взаимоотношений сословий, классов, социальных групп и людей на всем протяжении Нового времени. Разумеется, в этих условиях «присвоение воли» человека остается доминирующим способом подчинения одних лиц другим лицам. «Свобода воли» носит лишь частичный и неглубинный характер. Если в народном духе тяга в государственном устройстве своей жизни гипертрофируется, то, естественно, сила гражданского устройства своей жизни атрофируется. И как следствие, не общество формирует государство, а напротив, государство формирует общество.

В России историческая тенденция государственного суверенитета над обществом и личностью приняла абсолютную форму. В длительной исторической судьбе России проявил себя такой тип взаимосвязи государства и общества, при котором наблюдалось подчинение второго первым, так сказать, в абсолютном измерении, что обусловило недостаток собственно гражданских интегрирующих основ и очень слабую способность народа к самоорганизации. К тому же, ни один общественный класс в России не сумел дорасти до такого самосознания, чтобы стать силой, способной консолидировать общество и противостоять тиранической мощи государства. Результатом явилось то, что в эпохи политических катаклизмов, когда государство разрушается или находится в болезненной стадии, российское население частенько демонстрировало удивительную беспомощность и панический страх. И в силу действия таких обстоятельств как «низы», так и «верхи» общества, не имели вплоть до второй половины XIX в. каких-либо независимых от власти объединений, организаций (кроме тайных), что сужало до предела круг участвующих в принятии судьбоносных для страны государственных решений.

Следовательно, московский великий князь по мере присоединения ранее самостоятельных княжеств постепенно обретает статус единовластного царя всей русской земли. Тенденция самодержавия усиливается в значительной мере. По инерции продолжала работать и противоположная тенденция. В России XVI–XVII вв. – время Земских соборов, где так же, как и в английском парламенте, генеральных штатах Франции и кортесах Испании, собираются представители различных сословий, даже казенные крестьяне, и решают разные государственные дела. Английский дипломат Горсей в 1584 г. посылал своему правительству извещения о деятельности «русского парламента». В этой связи В. Ключевский отмечал, что на Руси, привыкли из глубин веков управлять страной соборно, в согласии, к решению важных проблем призывались все авторитетные силы страны: сам Великий князь, Боярская Дума, духовенство, споры тут были жаркие и великие.

Вплоть до правления Ивана IV фактически существовало только два рода дел, по которым требовалось указание царя: местнические дела (кадры) и приговоры по тяжким преступлениям (сыск). В остальных случаях бояре принимали решение самостоятельно и их приговор становился законом, не достигая уровня государя. Власть Великого князя и царя ограничивалась и в кадровой политике. Институт местничества ставил преграду кадровому волюнтаризму. Тщательно разбирая этот момент, С. Веселовский описывал, что местничество определяло положение

князя или боярина в системе власти, причем не родовитостью, как ошибочно считают некоторые историки, а сочетанием заслуг его самого со службой отца, деда, прямых и боковых предков. Русская знать не поощряла княжеских выдвинутых и фаворитов. Представители новой знати должны были с самого начала добывать себе и своему роду «честь и место».

Историки отмечают, что не взаимная помощь и обмен услугами, характерные для феодального сословия европейского Средневековья, а односторонняя холопская зависимость низших от высших определяла облик Византийской империи. Знатные и богатые люди, получившие высшие должности в государстве, трепетали перед императором, потому что были совершенно лишены каких-либо прав, оказывались не защищенными законом перед его произволом. Он мог в любую минуту лишить их имущества, чина и даже самой жизни. Так же, как мог возвысить любого, например, по своей прихоти превратить грязного холопа или раба в первого сановника империи. Знатные люди, не говоря о простонародье, не обладали правовым иммунитетом.

Обычай позволял крупному собственнику лишь в качестве третейского судьи разбирать дела своих слуг. Однако элементы частной власти здесь все-таки существовали. Крупные сеньоры имели свои «этерии» – отряды вооруженных слуг, собственные дворы и сборщиков податей. Своих слуг они могли наделять землей. Во владении вельмож находились не только деревни и ярмарки, но и укрепленные замки. Они выступали в поход в сопровождении большой свиты и так же, как западноевропейские феодалы, нередко вели между собой частные войны. Но, самое главное, даже в XIV в. частная власть и собственность феодала находились в зачаточном состоянии. Византия представляла собой самодержавие с централизованным бюрократическим управлением.

Как подчеркивает А.П. Каждан, наиболее знаменательно то, что власть василевса неограниченно карать и экспроприировать подданных никем в Византии не оспаривалась, воспринимаясь как естественный порядок вещей. Византийской империи были вовсе неведомы такие правовые явления, как феодальный договор, принцип вассальной преданности и верности, сословной солидарности знати. Вместо горизонтальных связей, сплавляющих людей одинакового статуса, преобладающую роль играли вертикальные, острие которых направлялось на беспрекословное повиновение императору. Никакого сознания рыцарской верности, чести и личной преданности у византийских вассалов не было и в помине. Для них был священен носитель императорского сана, но не сама индивидуальная личность конкретного василевса.

Поэтому, в отличие от европейских вассалов, византийские вельможи, падавшие ниц перед императорским символом, а не перед личностью, могли при внезапно изменившихся обстоятельствах, сию же минуту предать своего повелителя. Сам же император – сакральная фигура, его жилище – священный дворец, его одежда, как и дворец, – священна. Появление государя перед народом превращалось в строго ритуализированный церемониал. Оказываясь заложником сложнейшего дворцового этикета, василевс также был лишен свободы проявлять свои индиви-

дуально-личностные качества. Сверху донизу все были рабами государства¹. Эта была своего рода культура «феодално-крепостнического подданничества».

Но, можно сказать, «подданничество» «подданничеству» рознь. Совсем иными реальными чертами характеризуются взаимоотношения «подданничества» в истории стран древнего и средневекового Востока. Институты «подданничества» и вассалитета существовали в Китае и Индии, Японии и Византии, а также других странах. Но во всех этих странах отношения «подданничества» и вассалитета имеют общее основание – «поголовное рабство».

Необходимо подчеркнуть, что характер сословно-клановой структуры китайского общества в Средние века отличается жесткой вертикальностью отношений «подданничества» и вассалитета. Отсутствие горизонтального среза в структуре общества приводит к полной взаимозависимости людей. Нет даже намека на какое-то равенство между представителями хотя бы высших рангов, следовательно, существования подобия с ободы отдельно взятой личности. Корень всего этого, по-видимому, надо видеть во всесии государства, заинтересованного в том, чтобы ставить заслон стихийно развивающейся частной собственности на землю и превращать ее вновь в пожалованное за службу держани е. Даже в те моменты истории, когда правящая династия шла к упадку и слабеющее государство не имело сил противостоять нарастающей стихии частной собственности, все равно не вырабатывался кодекс и мун т е т а в отношении прав отдельного человека на владение землей.

Подданный в Китае, и не только там, но и в других восточных странах, не имеет иммунитета имущества, которым он владеет, что делает его полностью зависимым. Подданный в средневековой Европе имеет такой иммунитет, что делает его относительно свободным и одновременно относительно зависимым. За исключением эпохи «Чуньцю-Чжаньго» (VIII–III вв. до н.э.) в истории традиционного Китая, статус индивида в общественной структуре определяется местом на иерархической лестнице государственной службы. Личность имеет права на землю лишь до тех пор, пока она исполняет определенные функции в системе государственного управления. «Присвоение воли» подданного «жестко» осуществляется через механизм физического и духовного принуждения и подчинения. Здесь в объективном процессе «присвоения воли» совершенно отсутствует субъективное действие «свободы воли» подданного.

В этикетном поведении китайского подданного все направлено на то, чтобы подчеркнуть не права, а только обязанности индивида. Иерархическая зависимость людей предстает предельно жесткой и безусловной. Поэтому в этой системе на передний край взаимоотношений людей, в отличие от европейской культуры «преданности» («верности»), выходит культура «долга». Не возникает даже вопроса о «взаимности» обязательств между ниже- и вышестоящим. «Долг», по сравнению с «преданностью» («верностью»), в рассматриваемом контексте, больше соприкасается с «внешними атрибутами» поведения человека, чем с «внутренними» характеристиками сознания личности. В этой связи

¹ См.: *Каждан А.П.* Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968. С. 79 и др.

р и т у а л и з а ц и я этикетного поведения достигает нигде более не виденной глубины и масштабности.

Выражение «китайские церемонии» передает тот колоссальный смысл, согласно которому человека, включенного в данную систему, начинает волновать как цель не столько само содержание поведения, сколько форма, символика, жесты, мимика и прочее. По данной аналогии подчинение нижестоящего вышестоящему должно быть неукоснительным. Повиновение проявляется в пассивном послушании и исполнении. Иначе говоря, в личности подданного «востребованы» только внешние типичные признаки, но не индивидуальные черты. Согласуется ли внешняя покорность с внутренним чувством индивида – остается за пределами этой система регулирования. Тогда как «присвоение воли» европейского вассала «мягко» реализуется через механизм чувства верности и преданности, т.е. духовного принуждения и подчинения. В этом случае, напротив, объективный процесс «присвоения воли» согласуется с действием «свободы воли» вассала. Личность согласует внешний характер своего поведения с внутренним чувством, убеждением и т.д.

Признается, что феодальная структура средневековой Японии по ряду моментов приближается к европейской. Но и в этой стране вассал не имел никаких гарантий против произвола сюзерена. Признавалась оскорбительной даже сама мысль о том, что вассал может претендовать на какие-то права против сюзерена. «Между ними, – пишет Р. Давид, – не должно существовать никакого договора, ибо такие чувства, как привязанность, верность, самоотверженность, личная преданность, жертва... теряют свой смысл, когда их стремятся поставить в строгие, хотя и разумные рамки»¹.

Таким образом, политическая культура «подданничества» имела свою специфику проявления в различных социальных мирах. Любопытные различия существовали в культуре почитания императорской власти в Византии и королевской власти в Западной Европе. «...И в Риме и в Византии, – пишет, с глубоким проникновением в суть вопроса, С.С. Аверинцев, – монархов легко свергали, умерщвляли, порой публично, при участии глумящейся толпы»². Однако из этого вовсе не следовало, что для византийца не было ничего святого. Прежде всего, святостью в его сознании обладала сама империя. Империя представляла перед его взором средоточием цивилизованного мира, сочетающего в себе самодостаточную полноту политико-юридических и культурно-религиозных ценностей. Естественно, свят императорский сан и его носитель.

В византийском сознании священное государство неизмеримо возвышается над каждой личностью. Личность возвышается над остальными в силу своего сана. Самоценна лишь имперская власть и ее символы, а не конкретная личность, реализующая полномочия василевса. Эта особенность мировосприятия была связана с тем, что византийская традиция престолонаследия многие свои черты восприняла из позднееримских обычаев. В поздний период Римской империи солдаты убивали неугодного им императора и возводили на престол очередного, наибо-

¹ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967. С. 458 и др.

² Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. Ст. 1. С. 229.

лее удачливого полководца. Но, как только удача отворачивалась от него, взоры солдат обращались к другому претенденту. Этот римский обычай стал византийской традицией. Императорским саном должен быть облачен самый способный и самый удачливый среди претендентов. Если же он узурпировал власть, тем очевиднее это свидетельствует о его способности и удачливости. Удачливость воспринималась не как внешнее по отношению к самому претенденту стечение благоприятных обстоятельств, а как внутреннее свойство его личности. В этом видели мирскую «харизму».

С точки зрения византийцев, Бог за того, кто победитель. Эта ситуация приближается к ситуации, существовавшей в Китае. «Небо» дарует «мандат на управление Поднебесной» тому, на кого снизошла его благодать. Небесная благодать снисходила к тому, кто в реальной борьбе сумел одержать победу над своими противниками, т.е. оказался удачливым. Он становился основателем новой династии. Люди, презрев свергнутого монарха, тут же бросались поклоняться новому повелителю. Примерно так же, своей державе византиец предан на веки, но своему императору верен лишь до тех пор, пока уверен, что личность государя соответствует величию державы. Такое миропонимание нашло свое воплощение в своеобразном династическом принципе. В империи долгое время не было наследственности императорской власти. В византийском праве не существовало положения, согласно которому власть автоматически переходила от отца к сыну. Если же сын наследовал престол, то не в качестве ближайшего кровного родственника, а потому, что отец успевал еще при жизни объявить его соправителем.

В этой связи С.С. Аверинцев отмечает, что термин «порфирородный» концентрирует внимание не на том, что дитя монарха – «царской крови», но на том, что оно рождено, согласно священной традиции, в «Порфировом покое» императорского дворца. Так что, уже рождение предполагаемого наследника престола было введено в круг сакрально-политической обрядности, совершалось по сану. Византийский император желал бы быть вовсе не «природным», т.е. по рождению принадлежащим к правящему дому, а, скорее, «сверхприродным» государем, который всем обязан таинству своего сана. Иначе говоря, не кровь, не род, не фамилия несет в себе трансцендентную, «потустороннюю», божественную благодать, а, напротив, божественная благодать, излучающаяся от императорского сана, достигнутого этой удачливой персоной, распространяется и на ее потомков. Здесь сакрализуется не отдельное лицо как высший представитель правящего дома, а сам институт императорской власти и само государство. Беспредельно деспотическая власть византийского монарха, на удивление, в реальности оказывалась хрупкой и нестабильной¹.

Таким образом, московское государство, приняв концепцию «Москва – третий Рим», интерпретировало ее не в римском, а в византийском варианте. В отличие от Римской империи, где господствующую роль играли римляне, т.е. граждане «вечного города» и где даже италийцы не имели гражданских прав, не говоря уже о других покоренных народах, в Византийской империи не было социально-политической градации по этнонациональному признаку.

¹ См.: Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 17–18.

Как справедливо отмечает В.П. Цымбурский, «империя создается отношением между ценностями локальных, этнических, конфессиональных и тому подобных групп и тем единым «пространством нормы», куда интегрируются эти группы, утрачивая свой суверенитет. Причем в основе этой интеграции лежит наличие единой силы, единой власти, образующей это «пространство нормы»¹.

В Византийской империи возвышается не какая-то этническая нация, а само державное государство. В результате империя не имела, если так можно сказать, избранной, титульной, господствующей нации. Таким же путем пошло великодержавное развитие Московского государства. По-иному говоря, на Руси исторический процесс типологизации государства разворачивался не по западно-европейской версии. Здесь не произошло слияния этноса (нации) и государства в единое целое и образования на данной основе «нации-государства». Пиетет перед верховной властью, о котором уже шла речь, привел к тому, что русская духовная ментальность и политическая культура пошла по линии самоидентификации не с национальным, а с имперским началом. Фактор национального в имперском сознании людей оказался расплывчатым, нецентрированным. Он не становится узловым моментом самоопределения личности в ее отношениях с окружающим миром. Недаром, представители других народов продолжали в XVI–XVII вв. называть русских «московитами», «москалями». Основой политического системообразования становится в единственном числе империя, но не многоэтническая нация.

Если буржуазная Англия побуждается к завоеванию колоний, прежде всего, экономическими интересами, то Московское государство далеко расширяет свои границы, исходя, в первую очередь, из геополитических соображений Мессианская роль государства, проявляющаяся в созидании «справедливого миропорядка» на обширном имперском пространстве, имела итогом то, что не получилось специального выделения русского народа из общего конгломерата других народов. В имперской державе интересы русского народа не были конституированы и закреплены особым образом. Все народы, в том числе и русский, были подданными, зависимыми от имперского государства. Так же как и другие народы, русский народ в своей подавляющей массе подвергался гнету царского самодержавия и капиталистической эксплуатации.

В совсем иных красках трактуется королевская власть в Западной Европе. Конечно, и здесь вполне зримо наблюдается процесс сакрализации самого института государства. Например, смысл названия «Священная римская империя» не передает иного символического содержания, кроме того, что между «посюсторонним» мирским государством и «потусторонним» божественным творцом существует некая связь. Но, в отличие от китайской или византийской трактовки, в европейской концепции взаимосвязи Земного и Божьего Града появляется специфическая идея об особом личностном взаимодействии между кесарем и богом.

Если китайский «сын Неба» и византийский василевс контактируют с «вышним» как наилучшее воплощение в управляемой ими империи черт «избран-

---

¹ См: Закат империй : Семинар // Восток. 1991. № 4. С. 15.

ности», т.е. государственное начало доминирует над личностным, то европейский король, напротив, контактирует с «всевышним» как наилучшее воплощение в его личности черт избранности для управления государством, т. е. личностное начало доминирует над государственным. В восточной концепции государство определяет государя, в западной, наоборот, – государь определяет государство.

Не только Людовик XVI, пришедший на пороге Нового времени к абсолютистской монархии во Франции и чувствовавший необъятность своей власти, мог в экстазе воскликнуть: «Государство – это я!», но и феодальные владетели Средневековья тоже. Причем экстаз короля не имел серьезных оснований. Франция его времени была уже не феодальным владением, а национальным государством, правда с абсолютистской властью короля. В представлении средневековых феодальных сеньоров государство предстает в образе географически, религиозно и этнически различающейся территории, на которую распространяется их суверенная власть. Средневековое государство не есть отражение целостности политической, экономической, социальной, культурной жизни. Оно еще не мыслится в образе целого, представленного в виде постоянного, стабильного состава населения и не меняющейся протяженности территории. Не может быть никакого даже разговора о границах государства.

Государство – это суверенная власть феодального владыки. Оно в реальности охватывает земли, докуда простирается рука владетеля. Здесь государство является перед нами в образе «державы». Государство есть то, что «д е р ж и т» в своих руках феодальный владыка. Пусть даже если эта «держава» в реалии является малюсеньким владением. Таким было, к примеру, крошечное королевство Наваррское. Волею исторических обстоятельств домен, которым непосредственно владел король Франции, порой сокращался в такой степени, что его территория оказывалась меньшей, чем иные герцогства и графства. Нередко случалось так, что слабый король зависел от более сильного герцога или графа. Иначе говоря, фактически сюзерен трепетал перед вассалом. Но в идеале феодальное владение, в первую очередь, разумеется, королевское, может расширяться до бесконечности. И, следовательно, самое важное, оно, т. е. владение не есть самостоятельный субъект политической жизни в строгом смысле, вне взаимосвязи с феодальной персоной.

Бесконечное «рассеяние суверенитета» приводит к непременным конфликтам и войнам. И поскольку феодальные войны являются постоянными спутниками жизни средневековых людей, постольку пределы государства находятся в непрестанном изменении. Причем средневековые люди ощущают эти войны не как столкновения государств, а как схватку борющихся между собой феодальных особ. Й. Хейзинга пишет о том, что преданность своему государю у средневековых людей носила по-детски импульсивный характер и выражалась в чувстве верности и общности. Она воспламеняла сердца во время битвы или в период вражды, заставляла забывать обо всем на свете. Но это не было выражением чувства принадлежности к тому или иному государству. Доминирующим является чувство принадлежности к какой-то феодальной группировке, партии. Слепая страсть в следовании своей партии, своему сюзерену или святому делу была отчасти фор-

мой выражения твердого как камень и незыблемого как скала чувства справедливости, свойственного человеку средневековья. Формой выражения его непоколебимой уверенности в том, что всякое деяние требует конечного воздаяния.

В строгом смысле слова феодальные войны были «персоналистическими». Здесь отсутствует то, что сейчас называют «национальными интересами». Конечно же, войны феодальных персоналий выражали и государственные интересы. Но они не осознавались в актуальном своем контексте как войны за государственные интересы. Эти интересы заслонялись выходившими на передний край интересами феодального государя. И, естественно, в этой схватке не на жизнь, а на смерть, расточаются ресурсы государства.

Столетняя война не была, по существу, войной между Англией и Францией. Историк Р. Амбелен, взявший на себя неблагодарную задачу – разоблачать укоренившиеся мифы, отмечает, что «Столетняя война – это самая обыкновенная семейная ссора и стороны, оспаривающие друг у друга власть над Французским королевством – французские, как та, так и другая»¹. И, действительно, феодальная знать, связанная сложными, насчитывающими века семейными узами, в существе самого дела, являла собой гигантский родственный клан, правивший всей Западной Европой. Ведь крупный феодальный землевладелец являлся государем на своей земле.

Государство здесь предстает как некая вотчина. Поэтому-то его, т. е. государство, как вотчину делят, завещают, отдают в виде приданого. В результате путем бракосочетаний создаются новые государства весьма странного и пестрого состава, часто случайного и недолговечного характера. Естественно, дележ вызывает раздоры и войны. В феодальной схватке не бывает лишь одного неизменного победителя. Политический ландшафт феодальных конфликтов и компромиссов постоянно меняется. Двусторонняя борьба сменяется коалиционной и наоборот. Сегодня феодал может быть лишь герцогом, завтра фортуна сделает его королем, послезавтра счастье улыбнется так, что он может создать свою имперскую державу. Поэтому не феодальный повелитель представляет государство, а государство представляет феодального повелителя.

Последний с большим основанием, чем Людовик XIV, мог воскликнуть: «Государство – это я!» Отсюда очевидно то, почему феодалы должны были вести перманентные войны друг с другом. Их бесконечные распри сводились к тому, чтобы всеми возможными усилиями расширить пространство своих владений и, напротив, сузить пространство чужих владений. «Лоскутные» империи, королевства и герцогства были обычным явлением феодальной эпохи. Чересполосица владений многократно, после многих споров о правах и порядке наследования, переходившие из рук в руки, были не исключением, а правилом. И если бог пошлет удачу этой персоне, то государство будет расти до имперских масштабов.

Ярким примером этого может служить держава Карла V (1515–1555), включавшая в свой состав Германию, Австрию, Испанию, Нидерланды, Неаполитанское королевство, а также обширные колониальные владения. Поэтому во вза-

---

¹ См.: Амбелен Р. Драмы и секреты истории. М., 1993. С. 122.

имодействии государя и государства активной стороной является первая. Не государь олицетворяет государство, а государство олицетворяет государя. Восточный деспот мог воскликнуть: «Я – это государство!». Без государства persona его – ничто. Он деспот не от своего имени, а от имени государства. Восточный государь есть образ государства. Напротив, западное государство есть образ государя. Лучшим подтверждением этой метаморфозы является христианизация Рима, которую определяют как «постепенное перерождение римского принцепата в теократическую монархию, где император становится связующим звеном между Богом и миром, а государство – земным отображением небесного закона».

Как полагает А. Шмеман, цезарь Константин пришел к христианской вере не через Церковь, вера была дарована ему «лично, непосредственно и для победы над врагом, то есть при выполнении им его царского служения». «Христос санкционировал его власть, делая его своим нарочитым избранником, а в его лице и Империю соединил с Собой некоей особой связью». Именно поэтому «обращение Константина не повлекло за собой никакого пересмотра, никакой «переоценки» теократического самосознания Империи, а напротив, самих христиан, саму Церковь убедило в избранничестве Императора, в Империи заставило видеть богоизбранное и священное Царство»¹. Уже здесь, в концептуальных выкладках А. Шмемана, отчетливо проявляется христианская тенденция, получившая дальнейшее развитие в европейском политическом мировоззрении, что между кесарем и Богом нет посредников.

Не государство связывает их, а напротив, кесарь связывает идеи государственности и божественности. Несомненно, создатели великих империй чувствовали свою богоизбранность. Это чувство явно проявляется в ответе императора Франкской державы Карла Великого на вопрос, который уже в конце своего правления он поставил перед епископами и на который они не смогли дать удовлетворительного ответа: для них обряд крещения был, прежде всего, религиозной процедурой, для Карла же – первым актом присяги императорской власти. Светскую власть сей властелин стремился обосновать посредством теократической идеи. Личность «богоизбранника» как бы оттесняет в тень действующую фигуру государства. Государство воплощается в образе государя. Он есть и символ, и реальность имперской державы. Здесь акценты во взаимосвязи властителя и власти смещаются в сторону личностного начала.

Папский дипломат А. Посевино, побывавший в России еще в XVI в., отмечал сильно поразившее его обыкновение москвитов говорить и думать: «Что бы мы ни имели, когда преуспеваем и находимся в добром здравии, все это мы имеем по милости великого государя»². Каждый человек, какого бы сословия, ранга и звания он ни был, чувствовал себя рабом, холопом московского царя. Знатный боярин падал перед ним ниц и лобызал его ноги. Князь по происхождению становился на колени и как простолюдин просил государя о милости.

¹ См.: Шмеман А. Исторический путь православия. М., 1993. С. 101–104.

² См. Посевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 23.

«Царистская идеология» превратилась в стержневой принцип исторического сознания россиян. Простой человек и в западных странах также надеялся на королевскую справедливость, видел в монархе управу на своевольных феодалов, сеньоров. Однако лишь в России царская власть превращается в неодолимую могучую силу.

Одной из основных причин этого, по-видимому, является то, что России с давних исторических времен пришлось отражать бесконечные внешние агрессии. В историческом сознании россиян глубоко укоренилась мысль о начале тяжких бед народа со времени распада единого Киевского государства на множество враждующих между собой княжеств. Внутренние распри ослабляют силу государства. Поэтому это сознание признавало как абсолютный приоритет для национального развития страны мощное преобладание центростремительной тенденции. Наряду с этим, оно же отвергало любые центробежные импульсы. В глазах народа, страдающего особенно в периоды «смутных времен», когда власть раскалывалась на осколки, единое и сильное государство, способное сплотить и консолидировать общество, приобретало высшую ценность. Очевидно, именно эта особенность исторического сознания давала государству возможность подавлять любые ростки гражданских институтов и проявления свободы индивидуума.

Итак, коренным образом положение меняется в период царствования Ивана Грозного. Две противоборствующие тенденции не могли сосуществовать вечно. Естественно, между жаждущим самоутверждения Великим князем и гордой родовой знатью вспыхнула вражда. Иван Грозный решил покончить с этой враждой, длившейся в периоды правления его деда и отца.

В первые 15 лет после своего утверждения на троне Иван Грозный еще не решается на жесточайшие меры и поэтому репрессии против знати носили бескровный экономический и статусный характер. Но в 1564–1565 гг. в результате решительных действий царю удается уничтожить старую систему власти. По настоянию ближайшего окружения он проводит через Боярскую Думу решение о праве без ее согласия «опалиться» на знать. Одновременно ему был выделен огромный опричный удел, где он сосредоточил своих сторонников. Имея новые полномочия, царь незамедлительно казнил резко противостоящего ему лидера Боярской Думы князя Шуйского-Горбатого и передал бразды правления своим выдвиженцам. Иван Васильевич противопоставил свой удел как истинное государство остальной Руси – Земщине как государству ложному, требующему искоренения. Развернулись грандиозные репрессии, закончившиеся гибелью многих и многих славных, знатных княжеских, боярских и дворянских родов. Новая служилая знать полностью была зависима от прихотей царя и ни малейшим образом не проявляла непокорности.

Книжник Иван IV, русский царь, живет далеко от центра «ренессансной ойкумены», на ее восточной окраине и, казалось бы, его душа лишь поверхностно подвергается разлагающему влиянию общеевропейской духовной атмосферы того времени. Однако, видимо, это не так. Он много читал, общался с людьми, в том числе с иностранцами. И, несомненно, что многое почерпнул. Об этом говорят

исторические факты. В юности он еще сдерживал себя. Но по мере взросления, воля его, вкусив сладость власти, распрямлялась, подобно отпущенной пружине, стремясь к самодержавию. Современники отмечают, что главной чертой характера царя была неистовость, необузданность, неспособность сдерживать себя в чем-либо, нежелание ставить своим прихотям какие-то границы. Смерть сына Ивана от его руки потрясла царя. Он горько и безутешно рыдал над бездыханным телом. Но чувство глубокого покаяния в нем не обнаружилось. Натура его оставалась прежней. Не счесть страшных злодеяний, совершенных им. Приводят пример, когда при его участии беременным женщинам вспаривали животы. Или событие, которое произошло в 1567 г. Царь вызвал во дворец видного воеводу И.П. Федорова, отпрыска знатного боярского рода, богатейшего человека во всей державе, пользовавшегося всенародным уважением, облачил его в царские одежды, посадил его на трон, с притворным смирением приветствовал его как своего государя. Вдоволь наигравшись, как кошка с мышкой, царь сам заколол его ножом, обвиняя того в заговоре. По «делу» Федорова уничтожили 370 человек. Московский самодержец искоренял целые знатные фамилии, боярские роды.

Причем историки, глубоко изучавшие политическую атмосферу периода Ивана Грозного, отмечали, что сепаратистские настроения удельных князей, имевшие место в прошлом, к тому времени в основных своих чертах уже были искоренены и подавляющее большинство сановных вельмож стремилось на службу к великорусскому царю. Люди погибали сотнями и тысячами. Расправляясь со своими «мнимыми» врагами, царь захватывал их имущество. Обратите внимание, он не просто убивает, а играет со своими жертвами. В его действиях проглядываются не просто самодержавные инстинкты, а нечто такое, что напоминает о влиянии общеевропейского ренессансного индивидуализма и эгоизма. Для него это, с какой-то стороны, «эстетическое зрелище», любовное, забава, охота.

В нем начисто отсутствуют присущие московским великим князьям, его деду Ивану III и отцу Василию III, чувство царственной соборности, органичного единения собственных желаний со всеобщими задачами и надеждами различных сословий Руси. Люди внимательные замечали разительное несходство характера гневного и вспыльчивого правления государством Ивана Грозного и того величавого спокойствия, мудрой терпеливости, которые были свойственны державной натуре его отца и деда. Напротив, эгоистические цели, ставшие ориентиром в его личных интересах, пробуждают в его царской душе неодолимый звериный инстинкт. Государственная воля была поставлена в услужение личному деспотизму одной властвующей персоны. Ведь его кровавые, разрушительные злодеяния подготовили почву для скорого наступления так называемого «Смутного времени», сыгравшего роковую роль в исторической судьбе России.

Начинается долгая эпоха самодержавия и единовластия. В результате своего длительного укоренения монархическая идея превратилась в стержневой принцип восприятия народом природы и сущности государственной власти. «Иоанн, – обоснованно утверждал Н.М. Карамзин, – губительной рукой касался... будущих времен: ибо туча гладоносных насекомых, исчезнув, оставляла целое семя в наро-

де; и если иго Батыево унизило дух россиян, то, без сомнения, не возвысило его и царствование Иоанново». Начиная с царствования Ивана Васильевича в народе утверждался и укреплялся авторитарно-монархический дух. Образ «царя-батюшки» стал «живительным духом», обитающим в повседневном сознании и поведении масс. Народ как бы жил этим духом.

Один из участников декабристского восстания 1825 г. Никита Муравьев твердо понимал, что народные массы самим фактом исторического развития России еще не доросли до идеи республиканизма и потому революцию возможно произвести лишь, приноравливаясь к их царистским иллюзиям. Когда обнаружится, что почти невозможно поднять солдат и вывести их на Сенатскую площадь против существующей системы, казалось бы ясными, им выгодными экономическими и политическими лозунгами: «Долой крепостничество, самодержавие, рекрутчину!», он находит выход из сложной ситуации, возгласив: «Ура, Константин!».

Вздрогнув, но не шелохнувшись при первом призыве, полки отозвались на второй призыв и вышли из казарм¹. Н. Эйдельман дает блестящее описание того, как народ повсеместно радовался, что царь, по крестьянским представлениям «источник добра», 14 декабря в Петербурге побил дворян – «носителей зла». И, стало быть, вскоре выйдет воля крестьянам, дарованная царем. Этого не случилось, и в церквях прочитали манифест Николая I о сохранении прежней покорности властям и помещикам. Тогда народ понял, что этот царь «самозванный», и стал терпеливо ждать прихода «настоящего» царя. Таким им казался в то время правитель Польши, Великий князь Константин. В итоге на свет явилось несколько «лже-Константинов». Массы могли восстать против «плохого царя», но только в случае, если их поведет «добрый царь». Недаром народный вождь русских смутьянов и бунтарей Емельян Пугачев вынужден был скрываться под именем Петра III, чтобы привлечь к себе толпы людей. Вплоть до XX в. политическая культура крестьянской России оставалась по преимуществу монархической. Правда, после «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. вера в «царя-батюшку» была низвергнута и, по выражению В.И.Ленина, за один день политическое сознание народа поднялось на ту ступень, которая достигалась прежде через десятилетия и века.

Но при этом важно не смещать плоскости осознания крестьянскими массами роли царя. Была низвергнута вековая вера в справедливость царя, самодержавия. Однако идея «сакральной личности», харизматического «вождя», который принесет волю, равенство народу, вовсе не была, по замечанию одного философа, «вышиблена из темных голов». Монархическая идея сохранилась, переместившись из сферы идеологии «царизма» в сферу идеологии «вождизма». Идея «вождизма» в СССР уходит своими корнями глубоко в исторические пласты «царистского» сознания.

---

¹ См.: Эйдельман Н. Революция сверху в России // Наука и жизнь. 1988. № 12. С. 112.

Учебно-методическая литература

Основная

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С.Манькина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1–2.

История политических и правовых учений. Гл.9. Политико-правовые учения в России в XV– первой половине XVII в. §2. Политическая концепция Филофея «Москва – третий Рим». М.: ИНФРА-М-КОДЕКС, 1995. С.197–201.

Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном Искусстве // Государь. М.: Мысль, 1996. С. 37–108.

Лапкин В.В., Пантин В.И. Русский порядок // Полис. 1997. № 3.

Флоровский Г. Евразийский соблазн // Новый мир. 1991. № 1.

Яковенко И. Цивилизация и варварство в истории России // Общественные науки и современность. 1995. № 6.

Афинагор. Прощение о христианах // Раннехристианские отцы Церкви. Брюссель, 1978.

Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Новый мир. 1990.

Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Сварог и К, 1997.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Сварог и К, 1997.

Библия // Библейские общества. М., 1992.

Булгаков С.Н. Об Откровении // Вестник Русского христианского движения. 1983.

Горичева Т. Кенозис в современной философии // Беседа. Л.; Париж, 1990.

Евтухов И.О. Формирование христианской концепции человека // Среда, личность, общество: Докл. конф. М., 1992.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980.

Лосский В.Н. Богословское понятие человеческой личности // БТ. 1975.

Моисеев Н. Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991.

Флоровский Г.В. О типах исторического истолкования // Симпозиум в честь В. Златарского. София, 1925.

Флоровский Г. Евразийский соблазн // Новый мир. 1991. № 1.

Чаплин В. Быть собой в меняющемся мире (основы социальной концепции Русской православной церкви) // Русский мир. 2002. № 5.

Зубов А.Б. Сотериологическая модель генезиса государственности // Восток. 1993. № 6.

Кнабе Г.С. Историческое пространство Древнего Рима // Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994.

Каспэ С.И. Империи: генезис, структура, функции // Политические исследования. 1997. № 5.

Соловьев В.С. Китай и Европа // *Соловьев В.С.* Собр. соч. СПб., 1912. Т. 6.

Казарян Л.Г. Россия – Евразия – Мир. Сварка понятий – цивилизация, геополитика, империя // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3.

Закат империй: Семинар // Восток. 1991. № 4.

Каждан А.П. Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968.

Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 229.

Шмеман А. Исторический путь православия. М., 1993.

Badie B. L Etat imperie: L occidentalisation de l ordre politique. P., 1992. P. 245.

Тема 27. Национально-государственная концепция мирового порядка

1. Национальное государство как фактор международных отношений.
2. Принцип «баланса сил» в межгосударственных отношениях.
3. Ментальная основа новоевропейского миропорядка.

Как известно, возможность повышения уровня развития любого государства определяется тремя взаимосвязанными факторами развития: социально-экономическим, культурно-цивилизационным, национально-государственным. Строительство национального государства, в европейском восприятии «нации-государства» («nation-state») или «государства-нации» («state-nation»), является необходимым этапом в развитии любой страны. Исторический опыт показывает, что страна, не прошедшая этапа национально-государственного строительства, не достигает в своем совершенствовании достаточной зрелости и стабильности. Национальное государство – это своеобразный тип политической организации общества, сложившейся в определенных конкретно-исторических условиях развития Западной Европы в Новое время (XVI–XIX вв.). В течение XX столетия эта форма государственности распространялась по всем континентам и регионам. В настоящее время она стала основополагающим институциональным фактором международных отношений.

В 1648 г. в Европе закончилась долгая и мучительная Тридцатилетняя война. Был подписан Вестфальский договор, закрепивший новые правила международной политики. В тот исторический период в Европе противостояли друг другу две мировые тенденции развития европейских стран – «универсально-имперская» и «национально-государственная». Первая тенденция, представленная австрийско-испанской династией Габсбургов, стремилась восстановить во всех европейских государствах власть так называемой «Священной римской империи». Вторая же тенденция, возглавляемая такими странами, как Англия, Франция, Швеция, выражала потребности суверенного национально-государственного развития каждой европейской страны. Рассматриваемая в контексте противостояния этих двух исторических тенденций развития – «универсальной империи» и «национального государства» – жесткая борьба европейских государств, в конце концов, завершается триумфом второго направления. Национальные государства получают международные гарантии свободного развития.

Однако европейские страны вновь попадают в ловушку войн, теперь уже внутренних гражданских и религиозных. Результаты этих войн для Европы были ужасающими и катастрофичными. В Германии и Франции массовый террор, войны,

голод, болезни и другие бедствия унесли жизни двух третей населения этих стран. Европейские страны страдали от бесчисленных диких разбойничьих банд. Земледелие находилось в страшном упадке. Некогда цветущие земли превратились в мертвые пустыни. В Англии же религиозные распри вызвали нескончаемый поток гражданских распри и политических междоусобиц. Нищета и бедность стали обыденными в жизни громадных масс населения. И казалось, этим разорительным процессам нет конца и края.

Для Европы остро встал вопрос жизни и смерти. Необходимо было искать выход из сложившейся ситуации, думать о дальнейшем выживании общества и предотвращении распада государства. Только мир мог обеспечить сохранность жизни. Решение вопроса о достижении мира приобретало в общественном сознании характер приоритетной ценности. Кто был способен умиротворить идущий по пути взаимоистребления народ, обуздать стихию антагонистичных частных интересов, обеспечить единство страны и о б щ и е интересы всех слоев населения?

Мыслящим людям того времени становилось понятным, что новоевропейское гражданское общество, в отличие от средневекового, по логике своего внутреннего развития нередко тяготеет к тому, что его частные интересы приобретают самодовлеющий характер по сути неразрешимых противоречий. Они разрушают целостность гражданской жизни. И только такой политический строй, который бы встал над этим пространством частных интересов, умерял и примирял их, тем самым сохранял единство социального бытия, был способен вывести из катастрофического положения. Пожалуй, впервые политическое мышление начинает придавать самодовлеющее значение в сохранении целостности рода человеческого такому фактору, как привитие культур «гражданственности» и «подданничества» в их взаимном сочетании.

Какое же государство адекватно отвечало этим требованиям? Таковым могло быть только н а ц и о н а л ь н о е г о с у д а р с т в о, идущее на смену феодальной «сакрализованной державе». Именно оно обладало реальными возможностями стать в раздираемых конфликтами европейских странах централизованной, верховной, законной, суверенной властью. Только оно было способно навести цивилизованный порядок и привести народ к умиротворению. Оно обладало внутренними возможностями органично совмещать в своей структуре гражданственность и «подданничество», как свойства, противоположно ориентирующие человеческую натуру. В этом европейцы убедились на опыте развития успешно продвигавшихся вперед в плане консолидации борющихся между собой внутренних сил и обеспечения реального единства страны Нидерландов, Англии и Франции.

В концептуальной основе Вестфальской системы международных отношений лежала идея, еще в древности изложенная античным историком Фукидидом, согласно которой движение международной жизни обуславливается неизменными и объективными законами политического поведения людей, преследующих свои интересы и выгоды. Жить, иметь, владеть – вот руководящие жизненные инстинкты человеческой природы. Жить – это, прежде всего, сохранять себя, укреплять безопасность своего существования. Человек, как подчеркивал Фукидид, подвер-

гает себя опасности смерти в войнах только затем, чтобы избежать смерти, обеспечить свое благополучие. В государство люди объединяются в надежде сохранить свою безопасность и достичь каких-то выгод. И н т е р е с движет человеческими побуждениями.

Новоевропейские мыслители – Н. Макиавелли, Г. Гроций, Т. Гоббс, Ж. Боден и другие – развивали эту идею столь основательно, что в последующем на этой теоретической почве выросла разветвленная система политической мысли, доминировавшая в течение нескольких столетий. С этой точки зрения «узловой нерв» поведения любых государств на международной арене – «н а ц и о н а л ь н ы й и н т е р е с», определенный в терминах власти и влияния – связывает существование законов земного миропорядка не с религиозными постулатами универсального «небесного мироустройства», а с потребностями людей в безопасности, процветании и развитии. Эти жизненные потребности и должно защищать государство в своей внешнеполитической деятельности.

Например, выдвинутая Макиавелли «натуралистическая» концепция исторического развития более не нуждалась в гипотезе Бога. В противоположность средневековому постулату б о ж е с т в е н н о г о объяснения причин исторического процесса, новоевропейская мысль выдвигает идею е с т е с т в е н н о г о происхождения и развития общественных явлений. Политические процессы и события, а также изменения в государстве, смена его исторических форм, происходят з а п р е д е л а м и воли Бога. И поскольку Бог мыслился как высшее сверхъестественное нравственное существо, гарант морального совершенства и справедливости, направляющий ход человеческих дел, постольку его отсутствие в корне меняло саму логическую основу объяснения исторических событий.

В отличие от средневековых мыслителей у новоевропейских теоретиков как бы спадает «религиозно-божественная» пелена с глаз, действительность представляется в своей «естественной реальности». «...Уже Макиавелли, Кампанелла, – обоснованно указывал Маркс, – а впоследствии Гоббс, Спиноза, Гуго Гроций, вплоть до Руссо, Фихте, Гегеля, стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии». Уходит в прошлое средневековая вера в божественную предопределенность исторического процесса. Новое время, в отличие от средневековой системы мышления, начинает рассматривать ход исторических событий не как «железно» предрешенный, а как неопределенно пластичный, состоящий из множества возможностей. Макиавелли был одним из немногих мыслителей, кто уже в начале эпохи Возрождения увидел, что в сопоставлении со Средневековьем, новоевропейская реальность отличается в значительной мере. По сравнению с прошлым конфликтное противостояние людей и государств усилилось.

Во-первых, в феодально-сословной иерархии Средневековья политическая культура «подданничества» формировала систему духовных качеств людей, в которой интересы зависимых заглушались и приносились в жертву интересам вышестоящих. Процесс «присвоения воли» приводил к тому, что интересы подчиненных, разумеется, никуда не исчезавшие, как бы теряли свой актуальный

характер, уходили в нишу потенциального состояния. Интересами зависимого вассала становились интересы сюзерена. В этой связи пространство сталкивающихся и борющихся между собой интересов людей было не столь обширным. В новоевропейских условиях, когда гражданское равенство и свобода становятся реальностью для множества людей, конфликтное пространство противостоящих интересов неизмеримо расширяется, приобретает напряженно драматический характер, что грозит распадом общественной целостности.

Во-вторых, в средневековом сознании доминировало представление, согласно которому побеждает тот, на чьей стороне Бог. За кого Бог, тот и победитель. Новоевропейская реальность показывала совсем иную картину. Побеждает тот, на чьей стороне с и л а. Получалось так, что если уж уповать на Бога, то Бог на стороне сильного. Иначе говоря, картина реальности стала совершенно другой. Естественно, сильными оказывались не раздробленные политические образования, вроде Италии и Германии, а консолидированные национальные государства, такие, как Англия и Франция. Агрессивность усилившихся национальных государств направлялась в первую очередь против слабых соседей. С и л о в о й принцип определяет поведение новоевропейских государств на международной арене.

В этих условиях военно-политическая мощь «наций-государств» имела решающее значение. Недаром Макиавелли был убежден, что первым успеха достигает то из государств, которое опередит других в деле собственной военной мощи. Начиная с XVI в. восхождение звезды Франции на общеевропейской сцене было, прежде всего, связано с национальным объединением ранее разрозненных земель и многократно возросшей военной силой страны. «Французы ослеплены своим могуществом, – с горечью отмечал Макиавелли в своем письме от 27 августа 1500 г., рассматривая причины вторжения Франции в Италию, – и считаются лишь с теми, кто обладает оружием или готов давать деньги». Непосредственно соприкасаясь с этим пока еще юным, но уже «ослепленным» своим могуществом, «национальным Левиафаном», Макиавелли, конечно же, был озабочен, прежде всего, тем, каким образом можно было бы отвлечь его агрессивные намерения, направленные против его отчизны – Италии?! Он понимал, что Франция, устремленная к захвату итальянских земель, не боится ни Бога, ни черта. Здесь возможно было удержать силу агрессора только силой оружия. Лишь объединившись, Италия могла выковать такое сильное оружие.

Проверить, кто сильнее, было возможно только в военных столкновениях. Как всегда в войнах были победители и побежденные. Формула Фукидида: «Сильные делают все, что им позволяет делать их власть; слабые соглашаются на все, что им подсказывает их слабость» – по-прежнему определяла международную конфигурацию на европейской арене. В этой связи справедливым является утверждение, в свое время высказанное К. Марксом, что начиная с мыслителей Нового времени с и л а изображалась как основа права. Силовой принцип представал как сердцевина правового сознания национальных государств на международной арене. Причем сила постепенно стала трактоваться не только как военно-политическая мощь державы, способная сокрушить врага на полях сражений, но гораздо шире,

как власть, авторитет в мировых делах, возможность влиять на ход международных событий и т. д. (Кстати, восприятие русского слова «с и л а», как побуждающего в нашем воображении к тому агрессивному состоянию взаимоотношений между людьми, которое ведет человеческое поведение к н а с и л и ю, является неадекватным переводом английского понятия «р о w е r», означающего не только силу, мощь, власть, но и авторитет, влияние, оказываемое страной на другие государства и международную обстановку в целом.)

Анализируя проблемы раздробленной Италии, Макиавелли, пожалуй, первым занялся поиском новых форм политической жизни, способных соответствовать реалиям новоевропейского времени. С решимостью «хирурга или революционера» он предложил «разрушить все связи со старым и ввести новый порядок». Этот порядок прежде всего выражался во впервые введенном им термине «*stato*». Что он обозначал в понимании Макиавелли? В распоряжении мыслителя было множество понятий, обозначавших разнообразие европейских и восточных государственных образований: империя, республика, монархия, царство, автократия, тирания, полис, цивитас, доминат, принципат, деспотия, сатрапия, султанат, каганат и т. д. Он останавливается на «*stato*» для того, чтобы четко выделить новоевропейскую политическую реальность – большие, независимые централизованные, национальные государства, основывающиеся, во-первых, на «стоянии» («*stare*»); во-вторых, на «постоянном месте» («*statio*»), т. е. национальной территории.

И (самое существенное), в-третьих, именно со становлением «*stato*» Макиавелли связывает то, что он выразил в лапидарной формуле: «Величие государств основывается не на частной выгоде, а на общем благосостоянии». «Нация-государство» или «государство-нация» – это политическое формирование, ставящее себе целью благо не отдельных людей, групп и сословий с их частно-корпоративными интересами, а благосостояние всей нации с ее общими интересами. В зачаточной форме здесь обозначается идея о специфической сфере деятельности политического государства в отличие от сферы, в которой разворачивается жизнь гражданского общества. Макиавелли находится на начальном пути выявления предметного содержания национальных интересов государства.

В отличие от средневековых п е р с о н а л и с т и ч е с к и х государств, являющихся олицетворением личных амбиций феодального владыки, флорентийский мыслитель здесь столкнулся с совершенно новым политическим феноменом, в котором, напротив, всякие персоналистические интересы государей являются выражением в той или иной степени полноты интересов самостоятельно существующего государства. Сфера государственных интересов отделяется и обособляется от персональных интересов государей. Теперь государь достоин величия в той мере, в коей в своей персональной деятельности сумел наилучшим способом воплотить в жизнь интересы государства.

Национальное государство в понимании Макиавелли предстает принципиально новым образованием на пути восхождения государственности к своей более зрелой форме. Далее он приходит к убеждению, что в сложившихся конкретных условиях будущее сплочение и объединение Италии возможно лишь на

пути утверждения сильной авторитарной власти. Кстати, в своих чувствах он симпатизировал республиканским институтам. Однако трезвый прагматичный взгляд ума заставлял анализировать, признавать и давать должную оценку роли национального государства в его исторически обусловленной политической форме абсолютной монархии, стремящейся стать доминирующей в европейских странах в начале Нового времени.

Он, как подчеркивает А. Грамши, «теоретизировал в Италии то, что в Англии было совершено Елизаветой, в Испании – Фердинандом Католиком, во Франции – Людовиком XI, в России – Иваном Грозным»¹. И поэтому вполне справедлива характеристика Макиавелли как теоретика «национальных государств, имеющих тенденцию к превращению в абсолютные монархии». Наблюдая и изучая общеевропейские события, он преломлял их через призму реалий собственной политически раздробленной страны. Он предвидел, что с превращением ряда европейских стран в национальные государства, внутренние распри, имевшие место в прошлые феодальные времена, будут преодолеваются и это неизбежно приведет к консолидации сил. В результате потенциал конфликтов со всей силой выплеснется наружу, в международные отношения. Сплотившиеся вокруг своих национальных интересов Англия, Франция, Испания усилят свое давление на другие раздробленные страны. Ему важно было понять, каким образом общеевропейский ход исторических процессов, ведущий в итоге к образованию национальных государств, может оказать свое влияние на итальянские дела? Становилось очевидным, что разобщенная Италия будет неизбежно проигрывать в схватках с молодыми европейскими национальными государствами.

Несмотря на отмеченные жесткие реалии, в новых исторических условиях утверждающейся Вестфальской системы мироустройства принцип суверенитета государств вносил значительные коррективы в международную практику европейских стран. Конечно, он не устранял силовую доминанту в международных отношениях, но существенно ограничивал пределы ее проявления. Войны велись так же, как и прежде. Но теперь уже на полях сражений сталкивались не разрозненные средневековые рыцарские ополчения, а сплоченные, регулярные национальные армии. Причем битвы между противоборствующими сторонами носили еще более ожесточенный и массовый характер.

Таким образом, постепенно, в течение эпохи Возрождения, последующей Реформации и Контрреформации, Европа из вязкого смешения феодальных образований отливалась в ряд независимых, суверенных государств. Монополия на власть и силу в международных делах теперь уже сосредоточивалась в их руках. Данное обстоятельство породило такую ситуацию, когда между наиболее могущественными европейскими государствами спонтанно формируется многополярный баланс сил, поскольку оказалось невозможным ни для одного из них покорить все другие. Разумеется, появлялись сверхмощные державы, претендующие на гегемонию. И через каждые несколько десятилетий какая-либо одна держава,

---

¹ Цит. по: Темнов Е.И. Макиавелли – политический писатель // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 47.

пытаясь поглотить остальные, всякий раз получала отпор и терпела поражение от противостоящей ей коалиции объединившихся государств.

Как в природе действие одной силы вызывает противодействие другой, в международной сфере против слишком усилившегося государства объединялась группа других государств, заинтересованных в его ослаблении. В конце концов, европейские национальные государства были вынуждены перейти к новой стратегии взаимодействия на международной арене. Если возникает группа государств, примерно равных по силе, то их взаимодействие на международной арене направляется двумя способами: либо одно из государств окажется до такой степени сильным, что сумеет обеспечить свое господство над другими и создать единую империю, либо ни одно из них не обладает достаточной силой для достижения подобной цели. Во втором случае претензии наиболее агрессивного и сильного члена международного сообщества будут сдерживаться объединенными усилиями всех остальных членов. Складывается обстановка зыбкого равновесия, когда ни одно государство без ущерба для себя не может претендовать на имперское господство. Так в новоевропейских условиях начинает функционировать принцип «б а л а н с а с и л» или «р а в н о в е с и я с и л».

Конечно, как и раньше, в изменившихся новоевропейских условиях считалось, что применять военную силу, защищая государственные интересы, есть совершенно необходимое условие обеспечения безопасности страны. Поэтому войны казались неизбежными. Формирующаяся система «баланса сил» не предполагала предотвращения международных кризисов и военных конфликтов. Она лишь сужала до определенных масштабов военные действия и господство одних государств над другими. Ее целью было не достижение постоянного мира, а обеспечение стабильности и умеренности, не позволяющей ниспровергнуть существующий международный порядок и ввести мир в состояние хаоса.

Можно согласиться с мнением тех исследователей, которые склонны вести историю системности в международных отношениях с середины XVII в., точнее, с момента окончания Тридцатилетней войны и заключения в 1648 г. Вестфальского мира. На чем основывается это утверждение? XVII в. – время бурного развития буржуазных отношений в Европе, в короткий срок изменивших лицо континента. Именно они дали решающий импульс, приведший к оформлению в Западной Европе первых устойчивых национальных государств – Англии, Франции, Нидерландов, Швеции, Испании, которые и стали играть роль несущих конструкций, держащих на себе здание всей системы. Появление первых национальных государств серьезно видоизменило не только политическую карту Европы, но и характер межгосударственных отношений. От ничем, кроме воли монарха, не мотивированных связей национальные государства постепенно начинают переходить к системному типу контактов, которые характеризуются рядом вполне определенных признаков и прежде всего относительной устойчивостью и предсказуемостью, что базировалось на появлении у них целого комплекса осознанных интересов. Это в свою очередь создает предпосылки для структурирования всей совокупности межгосударственных отношений, выстраивания определенной иерархии

вокруг основных центров силы, т. е. государств, которые аккумулировали достаточный объем мощи для оказания решающего влияния на развитие событий в том или ином регионе.

Борьба за реализацию государственных интересов превращается в главную силу развития международных отношений. Термин «государственные интересы» ныне прочно вошел в лексикон практически всех политических деятелей независимо от их национальной принадлежности и идеологической окраски. Им охотно оперируют по любому поводу. В гораздо меньшей степени политики любят расшифровывать свое толкование этого термина. В общем-то, это и понятно, ибо какого-то краткого и в то же время емкого определения этого понятия, отражающего всю его многогранность, нет. В самом общем виде можно предложить следующее определение. Под государственными интересами понимается такая совокупность долгосрочных программно-целевых установок (военных, экономических, пропагандистских и прочих), реализация которых гарантировала бы данной стране сохранение суверенитета и безопасности. Суверенитет и безопасность – неотъемлемые условия существования любого государства и выполнения им своих функций как на собственной территории, так и на международной арене. Авторитетный исследователь Ф. Нортедж отмечает: «Суверенитет гарантирует государству вхождение в мировое сообщество. А сила определяет, насколько весом голос суверенного государства в этом сообществе». Иными словами, речь идет о создании условий, позволяющих государству уверенно развиваться.

Возникает вопрос: как добиться этого? В принципе ответ ясен – за счет всемерного развития собственного потенциала и поддержания выгодного для страны баланса сил на международной арене. Термин этот появился на рубеже XV–XVI вв., когда Н. Макиавелли сформулировал гипотезу, ставшую позднее аксиомой: устойчивый миропорядок может сохраняться только при примерном равенстве сил между ведущими государствами или союзами государств и недопущении чрезмерного усиления какого-либо из них. На каждом историческом отрезке это достигается путем комбинации различных методов, причем, чем более совершенными и современными становятся общественные отношения и само общество, чем быстрее развиваются наука и техника, знания о самом обществе, тем более усложняется и эта комбинация. Так, в XVII–XVIII вв. для того, чтобы добиться прочной безопасности, необходимо было, прежде всего, иметь сильные вооруженные силы, а поскольку уровень технологической оснащенности армии был невелик, то под силой понималось количество людей, находящихся под ружьем, и размеры сети оборонительных сооружений. Следовательно, чем большей территорией обладало государство и чем более густонаселенным оно было, тем больше шансов у него имелось на то, чтобы попасть в разряд «великих держав». В такой ситуации государственные интересы выглядели, как правило, достаточно просто, если не сказать примитивно: борись за новые территории и укрепляй границы. Собственно говоря, именно к этому по сути дела призывал Арман Жан дю Плеси де Ришелье, который и ввел в оборот понятие «государственные интересы» (*«raison d'état»*), за это ратовал Петр I, подчинивший все свои преобразования единой цели – увели-

чению мощи России, понимаемой в том ключе, в котором мы говорили. Так мыслили и действовали и другие политические деятели той эпохи.

По мере развития общества, усложнения его экономической инфраструктуры стала меняться и ситуация, связанная с конкретным наполнением понятия «государственные интересы». Безопасность страны, прочность ее суверенитета по-прежнему напрямую зависели от мощи вооруженных сил, но сама она обуславливалась не только численностью армии и флота, но и качеством их оснащенности, а это было уже связано с уровнем развития промышленности. Забота о наращивании экономического потенциала постепенно становится одной из важнейших составляющих государственных интересов ведущих стран мира. А это сразу резко усложняло всю деятельность, связанную с разработкой и реализацией концепции государственных интересов. Наряду с силовыми методами все большую роль в обеспечении безопасности начали отводить политико-дипломатическим средствам. Не случайно именно в XIX в. дипломатическая интрига приобретает большое значение в борьбе за воплощение в жизнь тех или иных концепций государственных интересов великих держав. Профессия дипломата в это время становится, пожалуй, самым престижным видом государственной службы. И как раз на этот исторический отрезок приходится деятельность таких корифеев дипломатии, как Талейран, Меттерних, Каннинг, Горчаков, Палмерстон и Бисмарк.

Сегодня в понятии «государственные интересы» выделяются, как правило, пять составляющих: стратегические, политические, экономические, правовые и идеологические интересы. Именно их переплетение и формирует ту общую результирующую, которая является воплощением государственных интересов. Естественно, что соотношение, удельный вес этих пяти составляющих у каждой страны в различные исторические эпохи был неодинаковым, но с того момента, как началось становление государства современного типа, они всегда присутствовали в понятии «государственные интересы».

Появление у ведущих стран четких, долговременных, осознанных правящими элитами государственных интересов внесло в международные отношения известную стабильность и предсказуемость. Все это, несомненно, повлияло на отношение государства к договорным обязательствам, повысило значение последних в регулировании отношений между составными элементами системы и дало серьезный импульс попыткам внедрения правовых норм в эту сферу. И хотя до сих пор механизм правового регулирования – этой важной области жизни мирового сообщества – развит относительно слабо, общий вектор эволюции международных отношений направлен именно в сторону укрепления правовых начал, а, следовательно, и элементов системности.

Важно подчеркнуть, что реализация долгосрочных государственных интересов, как правило, требует поиска союзников, что предполагает выработку компромиссов, формирование определенного соотношения между объективно существующими межгосударственными противоречиями (то есть конфликтом) и необходимостью поддержания известного уровня сотрудничества (то есть консенсуса). Постоянное взаимодействие этих двух начал позволяет поддерживать

абсолютно необходимое для эффективного функционирования любой системы состояние «эластичного» равновесия. Применительно к системе международных отношений это состояние обычно называют «балансом сил».

К середине XVII в. в общественной мысли уже достаточно прочно укоренилось положение, заимствованное из естественных наук, о том, что в сфере общественных отношений действуют те же закономерности, что и в механике. А любой механизм, как известно, работает хорошо только тогда, когда он сбалансирован. Таким образом, достигнутый уровень знаний о природе и обществе подготовил почву для закрепления в сознании политической элиты европейских стран постулата о желательности определенного упорядочения, регламентирования и стабилизации межгосударственных отношений. Говоря современным политологическим языком, они начали осознавать, что системный режим – более оптимальная форма функционирования государств на международной арене.

К этой мысли подталкивала и практика той эпохи. Европа, как уже отмечалось, только что пережила затяжную серию кровопролитных и разрушительных гражданских и религиозных войн. Она только вышла из очень жестокого военного конфликта – Тридцатилетней войны, в результате которой были опустошены целые области в Центральной Европе. К этому надо добавить, что приблизительно в тот же период Европа столкнулась с весьма опасным вызовом со стороны принципиально иной, резко враждебной цивилизации, которую олицетворяла Османская империя. Это мощное, крайне агрессивное государство вело атаку на Европу сразу по нескольким направлениям. Все это истощало потенциал региона, и лишь упорядочение норм и принципов межгосударственных отношений могло создать условия для прогрессивного развития европейской цивилизации.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать следующее: 1) бурное развитие буржуазно-капиталистических отношений стимулировало становление национальных государств, у которых постепенно формируются осознанные, долгосрочные интересы; 2) достигнутый уровень развития общественной мысли, характер знаний и представлений о сущности государства и межгосударственных отношений создавали благоприятную интеллектуальную среду для усвоения постулата о необходимости упорядочения и регламентации поведения государств на международной арене; 3) общая социально-политическая ситуация в Западной и Центральной Европе убедительно говорила в пользу того, что утверждение устойчивого баланса сил на континенте – основа прогресса европейской цивилизации.

Как утверждают эксперты, система баланса сил в длительной истории международных отношений встречается редко. По мнению Г. Киссинджера, «в западном полушарии она вообще неизвестна»¹. Как подчеркивалось ранее, на протяжении долгих столетий и даже тысячелетий для большей части социума типичной была имперская форма правления. Империи вовсе не нуждались в международной системе, они сами жаждали быть мировой системой. Поэтому им не нужен был международный баланс сил. Существование баланса сил просто мешало им в их

---

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 13.

универсальных имперских устремлениях. «Именно подобным образом, – отмечает Г. Киссинджер, – Соединенные Штаты проводили внешнюю политику на всей территории американского континента, а Китай на протяжении большей части своего исторического существования – в Азии»¹.

После бесконечных сумбурных столкновений феодальных государств Средневековья, следующим этапом в становлении системы баланса сил являются города-государства Италии эпохи Возрождения, а также система европейских государств, рожденная Вестфальским миром 1648 г. Спецификой данных систем стало превращение конкретного факта сосуществования множества государств, обладающих примерно равной мощностью, в ведущий принцип европейского мирового порядка. Однако этот принцип стал определяющим ход международных событий не сразу. Лишь в следующем XVIII в. он утвердился в европейском сознании.

Именно действие данного фактора привело к значительным переменам во взглядах европейских народов на принципы мироустройства. Общераспространенным стал довод, что поставив на колени побежденного, победитель не имеет права совершенно уничтожить его, стереть с лица земли. Побежденное государство имеет право на существование. Это было начало зарождения философии международного «с о с у щ е с т в о в а н и я» государств. Древняя и средневековая концепция «п о г л о щ е н и я» всех других государственных образований и земель, во имя созидания единой универсальной «сакрализованной державы», уступает свое место идее «суверенности» сосуществующих рядом государств. Политическая культура «поглощения» как самосознание международного сообщества постепенно сменяется политической культурой «сосуществования» конфликтующих и воюющих друг с другом государств.

В древнем и средневековом мироустройстве, где понятия «равноправие», «суверенность» существующих рядом государств не обрели никакого реального статуса в представлениях людей, борьба не на жизнь, а на смерть становится неизбежной. Каждое государство того времени было поставлено перед дилеммой: либо господство, либо подчинение и исчезновение. Борьба за господство над всеми другими государствами и присоединение их территорий стала для всех правителей древних и средневековых царств альтернативой гибели. Здесь складывается та историческая ситуация, которая много позже и в иной обстановке Т. Гоббсом была обозначена как «война всех против всех».

Но, отвергнув в своем тесном доме имперский принцип, европейские государства нашли ему применение в заморских землях. Вместо единой всеевропейской империи национальные государства Европы – в особенности те, которые располагались вдоль побережья Атлантики – создали ряд заморских колониальных империй. Это были так называемые «параллельные» империи, созданные в качестве продолжения национального могущества и богатства в рамках европейского многополярного соперничества, а не традиционные прилегающие империи с притязанием на всемирное влияние («universal authority»). Все более и более богатство и могущество тяготели к североатлантическим странам, которые превращались

---

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 13.

в государства, формирующие «ядро» или «центр» общеевропейской глобальной системы. Неевропейский мир в продолжение Нового времени оказался поделенным между «параллельными» империями и составил своеобразную «периферию» по отношению к «центру».

Англия начиная с Нового времени постепенно конституировалась в «нацию-государство». Происходит консолидация населения страны в национальное государство. Необходимо подчеркнуть, что прежде всего и главным образом именно экономические мотивы индустриально-промышленного развития побуждают Англию захватить многочисленные колонии и преобразоваться в Британскую империю. По этой же схеме идет процесс трансформации и других европейских держав. Образовавшаяся Британская империя имеет четкую организационную конфигурацию. Центр – метрополия, совпадает с национальным государством, а периферию представляют колонии. Суть данной империи выражается в полном неравенстве центра и периферии, метрополии и колоний, английской нации и колониальных народов. Это неравенство проявляется в существенном различии политических, экономических, культурных и прочих прав английской нации и колониальных народов.

История международных отношений показывает, сколь зыбкой и совсем непрочной представала система баланса сил во времена тяжких испытаний. Национальные государства как будто вовсе не жаждали ее утверждения. Каждое более или менее сильное государство каким-то образом быстро пропитывалось имперскими амбициями. Стоило кому-то возвыситься, набрать большую силу, как дело начинало «пахнуть порохом» и, в конце концов, завершалось войной. Как гласит легенда, «гордиев узел» межгосударственных противоречий древнего мира Александр Македонский рассек мечом. А завоевательный поход на Восток, предпринятый им, имел целью создание грандиозной, универсальной империи, в которой бы соединились цивилизации Запада и Востока. Людовик XIV (1661–1715 гг.) приказал начертать на стволах своих пушек ставшие «крылатыми» слова: «Последний довод королей». Прибегая к этому «доводу» весьма часто и, как правило, удачно для французской короны, в нескончаемых войнах с Испанией, Голландией, Англией, Швецией, Австрией он добился того, что к концу его более чем полувекового царствования Франция стала самой могущественной европейской державой. «Большие батальоны всегда правы» – утверждал Наполеон и, как известно, достаточно успешно использовал их для того, чтобы перекроить политическую карту феодальной Европы в пользу буржуазной Франции. В начале XIX столетия почти вся Европа за исключением России и Англии оказалась в подчинении Франции. О чем же мечтали они – Людовик XIV и Наполеон Бонапарт? Несомненно, о превращении своего государства в универсальную империю. Правда, первый, хотя и очень жаждал, но не добился своего, а второй сумел достичь лелеемого, но ненадолго.

В общеисторическом масштабе процесс формирования единой нации и становления централизованного государства в ряде стран Западной Европы совпал как по времени, так и по содержанию. Поэтому в современной научной литературе

получило распространение два равнозначных и равновеликих термина: «нация-государство» и «государство-нация». В европейском сознании понятия «нация» и «государство» имеют примерно одинаковое значение и смысловое содержание. Например, смысловой контекст Организации Объединенных Наций не означает ничего иного, кроме как «организация объединившихся государств». В некоторых исследовательских работах авторы пытаются определить иерархическую соподчиненность и значимость нации по отношению к государству и наоборот¹.

Но на практике, в конкретно-исторических условиях чаще всего можно наблюдать процесс взаимообусловленности образования нации единым государством и становления государства единой нацией. Во всяком случае, как свидетельствуют исторические факты, в Западной Европе генезис «нации-государства» был взаимообусловленным и взаимопределяемым процессом. По мнению французского исследователя Р. Мартелли, исторически тенденция к централизации во Франции обнаружилась ранее становления нации, в силу чего «государство создало нацию, которая и существует... в форме национального государства»².

И, действительно, как отмечал в свое время Ф. Энгельс, во Франции формирование нации происходило на базе нескольких средневековых феодальных народностей. Провансальская (южнофранцузская) народность «в Средние века была не более родственна северофранцузской»³. С таким же успехом можно добавить, что между северо-восточными пикардийцами и юго-западными гасконцами также было мало общего. Централизованное государство создало основу для сплочения и формирования из различных этносов единой французской нации. Начало формирования единой нации в Англии точно совпало по времени с возникновением централизованного государства в XVI в. На базе развития внутреннего рынка, территориального единства, языковой и культурной общности, стала складываться экономическая и политическая целостность английской нации. Однако единая нация уже во второй половине XVII в. превращается в новое качественное образование, воздействующее на процесс дальнейшего упрочения централизованного государства. В такой же степени, как государство консолидирует нацию, обратным своим влиянием нация консолидирует государство. Современные научные исследования доказали, что глубинные причины распада государства в истории нередко кроются в многоэтническом его характере.

С политико-культурологической точки зрения ряд моментов приводит к преобразованию «сакрализованной державы» в национальное государство. *Во-первых*, «сакральный покров» с государства в новоевропейском сознании падает. Если обоснование суверенной власти государя в средневековом христианском сознании идет сверху, от небесного, божественного начала, то нет никакого смысла обосновывать ее снизу, от земного, мирского начала. Поэтому в Средние века

---

¹ См. напр.: Varshney A. Contested Meaning: Indias National Identity, Hindu Nationalism and the Politics of Anxiety // Daedalus. Summer, 1993.

² См.: Martelli R. La Nation: Ethnics, formation sociales, traditions, luttres politiques en France. P., 1979. P. 25.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 5. С. 377–378.

власть феодальных государей подпиралась церковью. В Новое время, коренным образом изменившаяся ситуация, уже требует обосновывать власть европейских королей самим волеизъявлением народа. В политической культуре Нового времени постепенно пробивается сознание того, что взаимосвязь государя и государства не является порождением божественного промысла. Медленно, но все же неуклонно, людьми овладевает мысль о земном характере такой взаимосвязи. На государство одевается «земной покров». Исчезает представление о государе как личности, обладающей «сакральной» силой. Развенчивается идея божественного права королей на власть. Связь государя и государства предстает в своем мирском обликии.

Во-вторых, государство мыслится уже не в образе самодержавия, т.е. территории, которую держит в своих руках государь. Государство обретает образ не просто какой-то территории и населения, а конкретной социально-экономической, политико-правовой и культурно-исторической целостности. Иначе говоря, целостности «народной жизни», национального организма, части которого находятся в динамичном взаимодействии и взаимоподчинении. Государство обретает как бы «живую душу». Именно этот образ в Новое время конституируется в ряде стран Западной Европы в историческом институте «нации-государства» или «государства-нации». Нация складывается в пределах государства, а государство формируется в рамках нации.

В-третьих, новоевропейское политико-культурологическое видение начинает постепенно отходить от универсалистской «модели» государственности, строение которой определено имперской идеей о безграничности территории державы. Определяющим образ национальной «модели» государственности становится принцип единства и целостности «национальной жизни». По-иному выражаясь, государство распространяется в пределах того пространства, в котором протекает жизнедеятельность нации. Пространственные границы национальной жизни являются критериями территориальных границ государства. Государство конституирует себя в масштабах национального бытия. Нация обретает в государстве свою политическую форму существования.

В-четвертых, в новоевропейской политической культуре происходит медленное, но неизбежное, смещение понятия «суверенитета» с образа государя на образ государства. Говоря точнее, власть государя есть отражение суверенного существования самого государства. Она дарована не Богом, а народом. Само же государство есть не божественное волеизъявление, выражаемое в образе государя, а, напротив, народное волеизъявление, согласно которому по общественному договору власть вручается государю. Субъектом суверенной власти признается не государь, а само государство.

В-пятых, чтобы разложить феодальную систему и свести общество к его основе в лице отдельного индивидуума, новоевропейская политическая революция в эпохи Возрождения и Реформации была призвана ликвидировать все сословия, корпорации, цехи, гильдии, привилегии, свойственные природе средневекового иерархического замкнутого миропорядка. Идея «нации-государства» отвергает

все внутренние границы и перегородки, предполагает намного большую внутреннюю сплоченность, проявляющуюся в становлении общенационального самосознания. Например, доминирующим в сознании жителя Франции оказывается идея, что, в первую очередь, «он – француз», и только во вторую – «провансалец, гасконец, пикардиец». В противовес средневековому сословному обществу, общество национального типа неделимо. Снятие внутренних барьеров и стабильное состояние внешних границ – это органичная черта «нации-государства» в отличие от «сакрализованной державы», в которой незыблемость внутренних перегородок сочетается с расплывчатостью, переменчивостью внешних рубежей. Ведь становление национального самосознания предполагает свободу людей как граждан, а также их равенство как подданных перед государством. Здесь политическая культура «гражданственности» наполняется такими содержательными характеристиками, как деятельное гражданское участие в жизнедеятельности «нации-государства», так и подданническое чувство по отношению к отчизне. С другой стороны, политическая культура «подданничества» обретает такую важнейшую характеристику, когда свободное волеизъявление гражданина органично вплетается в поведение и сознание новоевропейского подданного государства.

Конечно же, эти изменения политического сознания и поведения людей шли очень часто как бы «потаенным ходом», малозаметным поверхностному взгляду, приобретая нередко весьма запутанный и причудливый облик. Разумеется, в ту противоречивую эпоху историческое сознание не могло еще выработать адекватного происходившим политическим и экономическим процессам понятия «национального государства». К тому же было очевидным, что задачи, которые возлагаются на такое национальное государство, в тех условиях могла выполнить в большей части европейских стран лишь королевская монархия. Причем централизация всей власти требовала утверждения абсолютистского королевского режима правления. «Королевская власть, – писал Ф. Энгельс, – опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество»¹. Во Франции дело обернулось таким образом, что коренные интересы королевской абсолютистской монархии и растущего буржуазного класса в какой-то мере слились. Оба были заинтересованы в централизации власти в стране, искоренении феодального сепаратизма и наведении законного порядка. К тому же зажиточные горожане, заинтересованные в защите своего растущего благосостояния со стороны королевской власти, оказывали заметное влияние на управление государством. Выступая в качестве знатоков права, экономики, технически подготовленной бюрократии, имея средства для приобретения своих должностей, которые королевской властью, постоянно искавшей источники пополнения казны, продавались за деньги, представители третьего сословия заполнили все управленческие этажи государственного института. Дворянство же, теряя прежние источники земельных доходов, объятая «героической ленью», по-прежнему было отрешено от всякого «презренного» труда.

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 345–346.

Пожалуй, здесь мы видим начальную фазу совпадения интересов гражданского общества и государства. Возникает тот исторический мотив развития страны, который впоследствии получит емкое название «национального интереса». По историческим меркам очень медленно, но все же приходит осознание того, что государство должно защищать общие интересы всей нации. Собственный интерес государства есть как раз-то должным образом выраженный национальный интерес. Конечно, такого рода осознание шло по мере преодоления государством той роли, которую оно выполняло как защитник специфических классовых дворянских, а затем буржуазных интересов. Соответственно, появляются люди, которые в своей государственной деятельности ставят превыше всего достижение этих национальных интересов. Во Франции наиболее колоритной фигурой в таком плане, конечно же, был кардинал Ришелье. Этот человек волею жизненных обстоятельств в течение восемнадцати лет, с 1624 по 1642 гг., стоял у руля государственного управления. Именно он заложил основы той мощи и величия Франции в делах Европы, которые демонстрировались в течение второй половины XVII и первой половины XVIII в. всему просвещенному миру.

В своем «Политическом завещании» Ришелье, обращаясь к королю Людовику XIII, писал, что в период, когда он только приступил к государственным делам, «вельможи вели себя так, как будто они не были Вашими подданными, а наиболее могущественные губернаторы провинций чувствовали себя в своих должностях настоящими государями». Теперь же ситуация коренным образом изменилась. Кардинал связывал величие и славу государства с его внутренней сплоченностью и внешним могуществом. «Моей первой целью, – восклицал он, – было величие короля, моей второй целью было могущество королевства». Несомненно, он верно служил своему королю, потому что король был олицетворением страны и ее единства. Однако факт того, что Ришелье хитроумными способами заставлял Людовика XIII изменять принятые им ошибочные решения, не возвышающие интересы государства, подтверждает мнение, согласно которому служба королю была лишь отражением преданности кардинала национальным интересам Франции.

Ришелье «государственный интерес» (*raison d'etat*) ставил превыше всего. Можно многое забыть и простить своим подданным, советовал он королю, но «правители должны помнить проступки, которые наносят ущерб общему интересу». Он был католиком и к тому же кардиналом Римской церкви, но исходя из национальных интересов Франции, в зависимости от сложившейся ситуации, то выступал против католической Испании и Австрии в союзе с протестантскими князьями Германии, то стремился ослабить императора Германии, поддерживая мятежный дух немецких князей, то объединял континентальную Европу против островной Англии, чувствуя в ней будущего грозного соперника и т. д.

Как заметил К. Маркс, начиная с момента возвышения городов, французская буржуазия становится весьма влиятельной силой в государстве, благодаря тому, что организуется в виде парламентов и управленческой элиты. Поэтому формирующийся буржуазный класс во Франции оказался в роли не антагониста, а, напротив, протагониста абсолютной монархии. Он обеспечил достаточными мате-

риально-финансовыми и административно-правовыми средствами королевскую власть для преодоления затяжных гражданских и политических конфликтов и войн XVII в. Этот союз гарантировал продление старых феодальных порядков еще на полтора столетия. Нарождающийся капиталистический уклад надстраивается над традиционным стихийно размывающимся феодальным строем отношений и в определенном смысле срачивается с ним.

Во Франции в итоге длительного раскола абсолютистский режим все-таки нашел достаточно приемлемые способы объединения страны и сплочения различных сословий в национальное целое. В Англии же, королевский режим и все те круги, которые оказались близкими к нему, быстрыми темпами освоили рыночные механизмы, захватили в свои руки все рычаги управления государством и не подпускали туда «новое дворянство» и буржуазный класс. Они использовали государственные рычаги для экономического обогащения. В этой связи «новое дворянство» и буржуазный класс оказались лишенными реальных механизмов воздействия на сферу политических решений и довольствовались лишь своим влиянием на торговлю и промышленность.

Следовательно, такого сращения, которое происходило во Франции между существующей тогда «властью и бизнесом», в Англии не наблюдалось, что вызвало пожар буржуазной революции 1640–1660 гг. В объективном плане становление английской нации к этому времени уже произошло, тем не менее, сильнеешие противостояния между различными политическими группировками мешали дальнейшей ее консолидации в субъективной плоскости.

О силе сословных предубеждений, характеризующих политический раскол страны в ту противоречивую эпоху, красноречиво свидетельствуют умозаключения М. Вебера: «Приписывать англичанам XVII в. единый «национальный характер» исторически просто неверно. «Кавалеры» и «круглоголовые» ощущали себя в те времена не только представителями разных партий, но и людьми совершенно различной породы, и внимательный наблюдатель не может не согласиться с этим»¹. И только после короткого протектората Оливера Кромвеля, когда Англия вновь вернулась в 1660 г. к власти Стюартов, во главе с королем Карлом II, был найден приемлемый компромисс между притязаниями абсолютизма, «новым дворянством» и буржуазным классом. Однако речь идет лишь о более или менее приемлемом компромиссе, потому что на новом витке взаимодействия сил, когда буржуазный строй окончательно утвердился в стране, абсолютистские притязания Стюартов становились уже нестерпимыми. И тогда в 1689 г. король Яков II, брат предыдущего короля Карла II, был низложен и власть передана штатгальтеру Голландии Вильгельму Оранскому. Абсолютизм был уничтожен. Король начинает лишь царствовать, а правительство управлять Англией. К этому же времени реально обозначились четкие и рельефные черты единого английского национального самосознания. И в этой стране исторический опыт привел к тому, что королевская власть сыграла роль объединяющего начала. Наверное, в силу этих обстоятельств она в дальнейшем становится традиционным символом единства страны на долгое время.

---

¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 104.

Французский абсолютизм достигает своего апогея в период правления короля Людовика XIV (1661–1715 гг.) Переживавшая в продолжение долгого периода колоссальные потрясения, истомленная бесконечными религиозными и гражданскими неурядицами Франция, ее аристократическая знать, среднее и мелкое дворянство, буржуазные слои, горожане и крестьяне, в общем все новые сословия, жаждали умиротворения и увидели в сильном монархе «носителя порядка в беспорядке». Во Франции, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, крупные и мелкие сеньоры-землевладельцы уже давно не вели своего самостоятельного поместного хозяйства. Рента, которую они получали от крестьян, обрабатывающих свои земельные наделы, не в натуральной, а денежной форме, не приносила ощутимого дохода, потому что она по закону оставалась неизменной, несмотря на постоянное обесценение денег. В период Людовика XIV она покрывала лишь 25–30 % бюджетных расходов дворянской семьи. Поэтому потомственные дворяне, бросая свои замки и земли, вынуждены были искать различные способы добывания средств достойного существования. Одни шли на войну. Другие массами стекались к королевскому двору в надежде получить выгодную службу, не порочащую честь воина-дворянина. Так что вымышленный литературный герой д'Артаньян в «Трех мушкетерах» А. Дюма отражает вовсе не вымышленные, а реальные черты жителя Франции того времени.

Для гордых знатных вельмож и просто рядовых дворян единственным источником существования становится не сеньориальная рента, а централизованная королевская казна. Лишь мощный насос королевской казны, бесперебойно выкачивавший необходимые средства из многочисленных городов и деревень, мог стать спасением и прокормить эту «прожорливую армию» царедворцев. Когда-то высокомерная феодальная знать, признававшая короля лишь «первым среди равных», в изменившихся условиях, не считала для себя постыдным подобострастное преклонение перед его величеством – повелителем и кормильцем. Политическая культура различных сословий в новой Франции разительным образом переменилась. Все без исключения, недавно чувствовавшие себя свободными гражданами, стали покорными подданными короля. Причем многие воспринимали перемену своего состояния с удовлетворением. Ведь на покорно склоненные головы день за днем изливался благодатный дождь щедрых королевских подачек. Отныне служба королю, праздно царствующий двор, бездонная казна и дисциплинированное войско олицетворяли в массовом сознании дворян беззаботную жизнь, защиту привилегий и успешную карьеру.

Именно в таких условиях, коренным образом отличающихся от прежних феодальных времен, утверждается неограниченное полновластие Людовика XIV. Он «скромно» говорил о своей персоне: «Выше мира, но ниже Бога!». Его царственное положение напоминает восточного деспота. Но все же, разумеется, это не был восточный деспотизм в его всеобъемлющей реальности. Есть исторические свидетельства, что при правлении Людовика XIV всерьез обсуждались вопросы: не следует ли королю вступить в фактическое владение всеми землями Франции? Может, превратить их в королевские домены, с тем, чтобы сдавать их в аренду

или в кормление на период службы новоиспеченным царедворцам? Абсолютизм достиг своего зенита и король считал возможным не обращать внимания на прежних владельцев, их наследственные права и давние привилегии.

Генеральный инспектор финансов Кольбер, имевший неограниченное влияние на короля, нашел человека, который долгое время прожил на Востоке. Им оказался Франсуа Бернье, служивший придворным врачом индийского падишаха Аурангзеба и в 1669 г. вернувшийся во Францию. В ответ на просьбу Кольбера рассказать о положении в странах Востока, Бернье подготовил подробную аналитическую записку, в которой на основе своей книги «История политических переворотов в государстве Великого Могола» давал резко отрицательную характеристику социально-экономической системе всеобъемлющей государственной собственности и объяснял этим обстоятельством, а также отсутствием частной собственности, причину «жестокости тирании» и «запустения прекраснейших стран»¹. По-видимому, именно эта записка и благоразумные советы Кольбера, а также трезвые размышления о возможных катастрофических последствиях подобного шага, отвратили Людовика XIV от его затей.

Разумеется, если бы не частная собственность, традиционно пустившая глубокие корни в жизненную почву французского общества, не система правовых гарантий индивидуума, выработавшая иммунитет свободы волеизъявления и владения собственностью и основательно внедрившаяся в массовое, индивидуальное сознание людей, вполне возможно, король мог бы предпринять решительные шаги по пути превращения своей персоны в божественного восточного повелителя. Но атмосфера европейской жизни Нового времени была совершенно иной, не восточной. Возрожденческие идеи уже пустили глубокие корни в народном духе. Гражданственность сознания и поведения стала неотъемлемым элементом жизненной ориентации. И эта черта определенным образом воздействовала на характер «подданничества».

В европейской культуре «подданничества» перед абсолютным монархом не было тех рабски унижительных правил этикета, которыми отличались политические режимы, регулирующие взаимоотношения людей в восточных странах. Конечно же, абсолютизм хотел бы лицезреть лишь коленопреклоненных подданных, но не свободолюбивых граждан. И прилагал немало усилий в утверждении такого состояния. Вместе с тем историческое время и жизненная обстановка были совсем иными. Однако ритуальный церемониал поклонения и почтения перед королевским «солнечным» величеством не уступал восточным. К примеру, придворные, удостоенные величайшей милости присутствовать на богослужении в дворцовой капелле, отворачивали свои лица от алтаря, чтобы не дай бог оказаться стоящими спиной к королю. Бог мог простить этот невольный грех, но король, кто его хорошо знал, мог заметить невежливость и обделить своим вниманием.

---

¹ См.: *Bernier F. Voyages de Francois Bernier, Docteur EN Medicine de la Fakulte de Montpellier, contenant la Description des Etats du Grand Mogol, de l' Hindostan, du Royaume de Kachemire, etc. Vol. 1. Amsterdam, 1710; Vol. 2. Amsterdam, 1711.*

Дворянское сообщество, возносившее своего короля-кормильца на пьедестал божественного существа, в своем неумном пресмыкании перед ним жаждало выглядеть в своих собственных глазах не холопами и лакеями, а как бы жрецами. В этом контексте культ короля превращался в неизбежную необходимость. Противоречивая историческая основа, на которой взошел абсолютизм, видимо, определялась тем, что в закатный час старого феодального миропорядка, дворянское сословие уже не было способно обойтись без короля-благодетеля, тогда как набиравшая силу буржуазная Франция в рассветный час своего рождения еще не была способна обойтись без монарха, воплощавшего в себе образ единства и сплоченности страны.

Таковой была духовная атмосфера в конце XVII – начале XVIII в. Однако ситуация коренным образом меняется в предгрозовые десятилетия конца XVIII в., когда уже чувствовались приближающиеся раскаты грома и сверкание молнии Великой французской буржуазной революции. Один из самых тонких исследователей политической психологии той эпохи, А. де Токвиль, анализируя причинные истоки, приведшие Францию к колоссальному революционному потрясению, делает глубокий вывод, что правление Людовика XVI было даже весьма либеральным и благоприятным в социальном и экономическом отношениях. Вместе с тем именно это относительное благополучие стало точкой приближения революции. «Зло, – отмечает он, – которое переносилось терпеливо, как нечто неизбежное, кажется невыносимым при мысли, что от него можно избавиться. Тогда, сколько бы злоупотреблений ни устранялось, от этого как будто яснее выступают наружу оставшиеся злоупотребления. И чувство становится более жгучим: зло, правда, уменьшилось, но зато чувствительность возросла. Феодализм в расцвете своих сил никогда не внушал французам такой ненависти, как накануне своего исчезновения. Даже незначительные проявления произвола у Людовика XVI казались более несносными, чем весь деспотизм Людовика XIV»¹. И действительно, состояние «подданничества», которое раньше, в период деспотизма Людовика XIV не вызывало столь острого и гневного неприятия, сейчас, в период относительного либерализма Людовика XVI, кажется не только унижительным, но и просто невыносимым. Свободолюбивые просветительские идеи Вольтера, Руссо зажигали умы, комедии Бомарше воспламеняли сердца. Идея всеобщей гражданственности овладевает душами людей. «Реально-сущая» культура «королевского подданничества» вошла в резкое противоречие с «идеально-должной» культурой «республиканской гражданственности». То, что творилось в душах людей, опережающим образом воздействовало на саму материальную жизнь. «Государственное начало», олицетворенное в образе абсолютистского режима, угнетающим образом воздействовало на «личностное начало», т. е. индивидуальное развитие человека. Обновленный «дух» личности выдвигал требование адекватного преобразования «материи» государства. Теперь унижение вызывает само чувство быть зависимым подданным короля и только лишь обуреваемая жажда стать свободным гражданином республики утоляет чувство гордости. Во

¹ См.: Токвиль А. де Старый порядок и революция. М., 1896. С.197.

имя уничтожения «подданничества», утверждения гражданственности, была совершена кровавая революция.

Конечно, королевский абсолютизм не мог уничтожить политические завоевания возрожденческой революции и реформационных преобразований. Это положение наглядно отражается в концептуальных построениях того переходного периода. Так, еще на раннем этапе Нового времени французский мыслитель Жан Боден (1530–1596) в своем трактате «Шесть книг о республике» выдвинул концепцию суверенного и единого государства. Исходя из римской традиции, он под «республикой» понимал государство. Государство, с его точки зрения, представляет организацию, которая возникает посредством общественного договора. По существу получается так, что граждане по взаимному согласию, ради осуществления общих дел, создают организацию, которой вручают бразды правления. Таким образом, не Бог, а народ выступает создателем государства. Граждане, в отношениях с созданным ими государством, оказываются в качестве подданных. Иначе говоря, каждый человек одновременно выполняет две роли: гражданина и подданного.

Государство же призвано не только и не столько обеспечивать внешнее благоденствие, сколько гарантировать внутреннее благополучие граждан и подданных. Здесь основной вопрос заключается в суверенитете государства. В его основе, по мнению мыслителя, находится волеизъявление свободных и разумных существ, составляющих в совокупности народ. Боден считает, что верховную и постоянную власть над гражданами с правом жизни и смерти народ передает одному из граждан, без всяких ограничений. Примерно так же, как собственник, желающий одарить кого-либо своим имуществом и передающий ему во владение. Таким гражданином оказывается монарх. Следовательно, монарх, выступая от имени народа, становится сувереном. Государство, где подданные повинуются законам суверена, а сам суверен подчиняется законам природы, сохраняя за своими подданными их естественные права, прежде всего, свободу и собственность, признается философом наиболее удачным и долговременным. Идеальной формой такого государства является абсолютная монархия. С политико-культурологической точки зрения в концепции Бодена выделяются следующие моменты. Во-первых, в новоевропейском политическом мышлении доминирующим оказывается представление, согласно которому суверенная власть обосновывается не божественным промыслом, а народным волеизъявлением. Во-вторых, свободные граждане по взаимному соглашению передают суверенную власть одному из граждан, обязуясь в качестве подданных, повиноваться законам суверена. В-третьих, суверен, в свою очередь, обязуется сохранять, защищать свободу и имущество подданных.

На наш взгляд, в концептуальных идеях Бодена в наибольшей мере чувствуется близость политико-культурологических реалий жизни европейских стран, только что вступивших на порог Нового времени. Наряду с этим моментом, очевидно и то, что многообразие реальных исторических событий выходило далеко за рамки любых концептуальных построений. К примеру, жизненные коллизии периода буржуазной революции в Англии, связанные с цепью событий противосто-

яния абсолютизма и парламента, суда и казни короля Карла I Стюарта 30 января 1649 г., показывают сложную, противоречивую картину эволюции политической культуры. В этой драме жизни трещины в общественном организме идут не только по линии жизненных интересов, действий, но и в самом сознании, представлении людей. Так, король, в обоснование своей власти положивший принцип божественного права, апеллировал к тому принципу, что власть дана ему от Бога и попытка судить его от имени народа, не представляет ничего иного, кроме как кощунства и беззакония.

Современники, описывавшие это событие, отмечали, что не одни лишь прямые сторонники короля, но и многие из тех, кто истово выступал против абсолютизма, были уверены в правомерности доводов короля. И колебались в своих решениях и действиях. Идти против короля, по их мнению, – то же самое, что идти против Бога. Поэтому, являясь членами суда, предпочитали не являться на его заседания. И все же наиболее твердые и мужественные члены суда, выступая от имени парламента, обосновывали свою позицию тем, что король не выполнил свои договорные обязательства перед народом и тем самым нарушил закон. Между королем и народом существуют взаимные обязанности. Король защищает свой народ и страну, а народ является верным ему. «Были ли Вы, – обратился к Карлу I парламентский судья Бредшоу, – заступником Англии, кем Вы по должности обязаны были являться, или ее врагом и разорителем, пусть судит вся Англия и весь мир». Это была борьба прошлого и будущего, нового и старого, нарождающегося и уходящего.

Итак, характерная черта новоевропейского политического мышления заключается в том, что в нем происходит расщепление, с одной стороны, гражданского общества, а с другой – государства. Они начинают выделяться как самостоятельные сферы общественного бытия, имеющие свои специфические функции. Договор между ними определяет грани их взаимоотношений. Правовое регулирование жизненных противоречий и конфликтов признается фактором сохранения целостности и жизнеспособности общества. Политическая культура «гражданственности» и «подданничества», напротив, в новоевропейской политической мысли объединяются и даже сливаются. Гражданин – это человек, который активно участвует в политической жизни своего общества и одновременно является добропорядочным подданным своего государства, монарха.

Если в античной политической культуре признается лишь действенная роль гражданственности, в контексте участия индивидуума в политическом управлении, то в феодальной политической культуре, наоборот, признается лишь значимость в жизненных реалиях подданических отношений, взаимозависимости людей. В первом случае, античный индивидуализм перерастает в эгоизм. Во втором, средневековый сословный «коллективизм» переопределяется в корпоративизм. И только новоевропейское мышление постепенно начинает отходить от односторонности обеих исторических позиций и соединить их в одно. Здесь простор для индивидуального развития человека обозначается в плоскости коллективного взаимодействия в рамках государства. Само государство преобразуется из «сакрализованной державы» в «нацию-государство».

Поскольку государство выражает чаяния всей нации, т. е. всех членов общества, постольку сословно-иерархическое деление феодальных времен теряет реальное значение, каждый человек воспринимается как равноправный гражданин. Равноправные граждане являются подданными государства, олицетворенного в начальный период Нового времени в образе абсолютной монархии и короля. И только на следующих этапах, как это было в Англии в конце XVII в., а затем через одно столетие во Франции в ходе революции конца XVIII в., взаимодействующие политические культуры «подданничества» и «гражданственности», окончательно соединяются в демократически ориентированном «государстве-нации». Противостояние частных интересов гражданского общества, приобретающее разрушительный характер без крепкого, прочно сдерживающего обруча, «нейтрализуется» сосредоточением единства общих интересов всех членов общества в деятельности национального государства. «Гражданственность» и «подданничество» рассматриваются как взаимосвязанные типологические черты новоевропейского человека. Признается их равноценность. Политическая мысль добирается до идеи об их органичном единстве как необходимом условии благополучия государства и человека.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Дополнительная

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

Мурадян А.А. Самая благородная наука. Об основных понятиях международно-политической теории. М.: Международные отношения, 1999.

Современная мировая политика. Прикладной анализ: Учеб. пособие / Под ред. А.Д. Богатурова; МГИМО (У) МИД РФ. М.: Аспект-Пресс, 2009.

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.

Аверинцев С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976.

Амбулен Р. Драмы и секреты истории. М., 1993.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.

Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1904.

Виллари П. Макьявелли и его время. СПб., 1914.

Гегель. Г.В.Ф. Философия истории // Соч. М.;Л., 1935. Т. 8.

Герцен А.И. Избр. философские произведения. М., 1946. Т. 1.

Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М., Т. 1; 1989; Т. 2, 1991.

Гроций Г. О праве войны и мира. Прологомены к трем книгам. М., 1956.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Каждан А.Б. Византийская культура (X–XП вв.). М., 1968.

Кон И.С. Открытие «Я» («Я» как культурно-исторический феномен). М., 1978.

Конрад Н.И. Об эпохе Возрождения. // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной истории. М., 1967.

Локк Дж. Избр. филос. произведения. М., 1960. Т. 2.

Локк Дж. Соч. : В 3 т. М., 1985–1988.

Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1969.

Макьявелли Н. История Флоренции. М., 1987.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т.3. Время мира. М., 1992.

Жигарев С.А. Россия в среде европейских народов. СПб., 1910.

История Европы. Т. 3. От Средневековья к новому времени. М.: Наука, 1993.

Кайзер К. Смена эпох // Международная политика. 2003. № 3.

Косолапов Н. Внешняя политика и внешнеполитический процесс субъектов международных отношений // МЭМО. 1999. № 3.

Курс международного права. М., 1989. Т. 1.

Мурадян А.А. Буржуазные теории международной политики. М., 1988.

Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война в современной немецкой историографии // Университетский историк: Альманах. СПб.: Изд-во СПб.-го ун-а. 2002. Вып. 1.

Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2002.

Тарле Е.В. Три катастрофы. Вестфальский мир. Тильзитский мир. Версальский мир. М.; Петроград. 1923.

Тема 28. Новый мировой порядок: концепции и реалии

1. Трансформация международных отношений в условиях переходного периода.
2. Концептуальные характеристики формирующегося нового миропорядка.
3. Реалии международных тенденций и противоречия нового мирового порядка.

В научных работах отмечено, что новый мировой порядок стал формироваться с момента окончания «холодной войны» и распада Советского Союза. Данные события, неоспоримо, оказали огромное влияние на условия функционирования и развития мирового порядка и привели к тому, что был нарушен относительный паритет сил и интересов двух сверхдержав – СССР и США. После слома мирового социализма и распада СССР мир в определенной мере вступил в полосу *хаотично-упорядоченного* развития.

Синергетический подход помогает исследователю взглянуть на международную, в том числе нормативно-ценностную, реальность современной жизни сквозь призму категориальной антитезы *порядок – хаос*. Правда, в данном случае эти две категории обретают более частный вид понятий *международного (мирового) порядка* и *международного (мирового) хаоса*. При этом порядок обычно связывают с наличием устойчивых законов и закономерностей, а хаос – с преобладанием непредсказуемых случайностей. Вопрос о том, какая система станет доминирующей в международных отношениях, какие правила и какие центры сил действуют сегодня и будут основными акторами завтра, вызывал и вызывает немало дискуссий.

С данной позиции мировую ситуацию сегодня можно определить как переход человечества от старой Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и старого миропорядка эпохи «холодной войны» к новому, пока еще не имеющего общепринятого обозначения миропорядку. С одной стороны, в каждый момент этого перехода мир пребывает в более или менее упорядоченном состоянии – состоянии, характеризуемом наличием признаков порядка. Иная проблема, что степень стабильности и срок жизни переходного порядка (точнее – переходных порядков) невелик. И говорим мы о переходе именно потому, что ожидаем появления новой, более устойчивой и упорядоченной миросистемы, которая продержится, сохраняя свою качественную определенность, сравнительно долгий срок. Но, естественно, возникает вопрос: если такая система действительно сложится в недалеком будущем, то на каких принципах она будет выстроена? Другими словами, каким окажется новый миропорядок?

Новый мировой порядок, начавший формироваться в последние годы, никем не установлен и не освящен. Не случайно его нередко называют «новым мировым

беспорядком». В отличие от прошлого, сейчас нет каких-то общепринятых «правил игры» на международной арене. Одновременно действуют различные уставы, в значительной степени противоречащие друг другу. Это создает опасную ситуацию неопределенности, двусмысленностей, конфликтующих подходов¹. В свое время «Рим погубила не великая персидская империя, а варвары». Наступлению нового варварства и хаоса должен быть поставлен заслон; и если кто и сможет это сделать, так только легитимные государства, действуя сообща.

Однако реальная ситуация, складывающаяся в настоящее время, далеко не безоблачна. Очевидно, что классическая Вестфальская система в начале XXI столетия приходит в упадок. Особый вопрос, по мнению исследователей, – политико-правовой режим современных международных отношений. Качественные изменения, происходящие в мировой политике, не могут не оказывать влияния и на, казалось бы, устоявшиеся правила, которые призваны регулировать поведение участников международного взаимодействия. Как известно, попытки переосмысления ряда базовых принципов публичного международного права предпринимаются не только учеными. Некоторые страны и блоковые союзы по-новому, нетрадиционно толкуют ряд фундаментальных положений международного права, а то и вовсе закрывают на них глаза.

Словом, проблематика современных международных исследований значительно усложнилась, к тому же и современные международные отношения еще не представляют собой окончательно сформировавшуюся систему, продолжают находиться в процессе динамичного становления. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить определение суверенитета, данное Ж. Боденом (абсолютная и постоянная власть государства над подданными и гражданами).

В современном мире мы наблюдаем следующее: объем суверенитета ограничен внутренними и внешними факторами; США проводят политику ограниченного суверенитета; действует примат института прав человека над институтом суверенитета; за последние два десятилетия сложилось международное гуманитарное право, которое существенно ограничивает власть государства над его гражданами; на наших глазах идет становление сетевого сверхгосударства – Евросоюза, которое последовательно и целенаправленно преодолевает синдром национального государства; в этом суть нового европейского проекта; один из основных принципов современного международного права – принцип самоопределения народов и наций – на практике нередко вступает в противоречие с двумя основными принципами – принципом суверенного равенства государств и принципом территориальной целостности государств; растет количество несостоявшихся государств, которые, как стало совершенно ясно всем, никогда и ни при каких обстоятельствах не станут полноценными суверенными государствами; процессы глобализации размывают метафизическую основу национального суверенитета – национальную идентичность всех без исключения стран мира; миграционные потоки (второе «великое переселение народов»), в свою очередь, стремительно раз-

---

¹ Conflicts in the 21st Century Lucia Annunziata. Marta Dassu (eds.). Roma // Aspen Institute Italia. 2002. P. 79.

рушают идентичность сложившихся национальных государств Европы и Америки. Одновременно мы видим, что в XXI в. подавляющее большинство государств мира не борется за свой суверенитет, а, напротив, сознательно передает его либо США (страны ЦВЕ, Балтии, Грузия и др.), либо наднациональным структурам (Германия, Франция, Бенилюкс, Португалия, Испания и др.).

Поэтому новый миропорядок нельзя считать раз и навсегда установившейся, завершенной системой: динамический момент преобладает здесь над статикой. В основе своей существующее в этой сфере положение вещей определяется тем фактом, что каждый из субъектов международно-политических отношений действует на свой страх и риск, в соответствии со своими возможностями, целями и интересами, пониманием собственного места в сообществе других акторов мировой политики. Любое действие, направленное на ограничение возможностей других отстаивать свои законные интересы, вызывает противодействие¹.

В целом в мире усиливается неопределенность, неидентифицируемость конкретных источников угроз и рисков. После исчезновения биполярного миропорядка значительно возросла вероятность неблагоприятного развития событий в различных регионах земного шара, социальной маргинализации, этнических конфликтов, гражданских и региональных войн и терроризма. Формирующийся миропорядок, по всей видимости, не будет отличаться особой устойчивостью. В условиях ускорения времени и сужения пространства как никогда раньше обнаруживается неопределенный характер истории международных отношений с ее неожиданностями, сюрпризами, отклонениями и разрывами, отнюдь не понизившимися рисками кризисов, войн, насилия.

Таким образом, основные характеристики переходного периода, наступившего после биполярной системы международных отношений, пока размыты, лабильны и концептуально хаотичны. Следует обратить внимание и на то, что становление современной системы международных отношений, несмотря на новые глобальные тенденции, преодоление поляризующих конфликтов и формирование элементов единого мирового сообщества отнюдь не равнозначны окончательно приходу в мировую политику стабильности и гармонии, порядка и прогресса. Появились новые дестабилизирующие силы и тенденции, «проснулись» старые, часто в своей основе архаичные конфликты, родились конфликты «нового поколения».

Новые локальные, прежде всего, этнополитические конфликты, новые напряжения по линии Север–Юг, многообразие новых, не всегда сочетающихся друг с другом международных режимов, новые миграционные потоки, ведущие, в частности, к появлению нового, не интегрированного в развитые общества низшего класса, политическая и иная дестабилизация в результате глобальных режимных изменений («волны демократизации») и др. – все это мы тоже должны учитывать при анализе и попытках концептуализации современных международных отношений.

Грядущий миропорядок чаще всего отождествляют с *однополярностью* (*плюралистической однополярностью*) – образованием международно-политической

---

¹ Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge, 1981. P. 7.

системы моноцентризма с гегемонистской ролью США. И, напротив, с *многополярностью* – организацией международно-политической системы на началах полицентризма. Высказывается предположение о том, что на место «старой» bipolarности придет новая система, в которой роль «полюсов» сыграют, соответственно, США и Китай или «страны золотого миллиарда» и «обездоленная часть человечества». Иногда предлагают считать постбиполярность феноменом 1990-х гг., который подвел черту под распадом Ялтинско-Потсдамской международной системы. По этой логике, в 2000-х гг. мир вступил в фазу нового, условно пост-постбиполярного развития.

В этой связи, с одной стороны, глобальный масштаб и радикальность происходящих в наши дни изменений в политической, экономической, духовной областях жизни мирового сообщества, в сфере военной безопасности позволяют выдвинуть предположение о формировании новой системы международных отношений, отличной от тех, которые функционировали на протяжении предыдущих столетий, а во многом и начиная с классической Вестфальской системы. С другой стороны, завершающий этап переходного периода – это возникновение некоторых достаточно устойчивых несущих конструкций глобальной системы международных отношений, и вместе с тем, не финальная точка ее структурной трансформации. Поэтому в настоящее время чаще всего употребляется такая терминология как *«новый мировой порядок»*, а не *«новая система международных отношений»*. Кстати, миропорядок – это основополагающий принцип в процессе формирования и функционирования любой системы международных отношений. И, наоборот, стабильная система международных отношений создает атмосферу устойчивости для нормального функционирования сложившегося миропорядка.

Прежде всего необходимо охарактеризовать, хотя бы в самых общих чертах, само понятие «новый мировой порядок». Понятие «новый мировой порядок» употреблялось в дискуссиях о будущем устройстве мира в разные исторические периоды: после Первой мировой войны, Второй мировой войны и особенно в период перестройки и крушения социалистического блока. Разработке понятия «новый мировой порядок» посвящён также ряд работ англоязычных публицистов начала 1990-х гг., обычно относимых к конспирологической литературе. И в настоящее время данное понятие находится в центре оживленных научно-теоретических дискуссий.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что проблема «нового мирового порядка», «современного глобального порядка», «порядка в современной глобальной политике», а по сути – мирового политического порядка начала XXI в. стала в последние годы одной из самых злободневных и широко обсуждаемых в научной литературе. Причин для дискуссий немало. В их числе – неодинаковая интерпретация одних и тех же понятий, и прежде всего – ключевого понятия «порядок». Путаницу вносит и некорректное употребление ряда других терминов, особенно концепта «полюс» и производных от него. Дает о себе знать и различие культурных, цивилизационных, географических и геополитических «оптик». Добавим к этому неизбежную идеологическую насыщенность и экзистенциальную

пропитанность самых объективных (по рациональным намерениям их создателей) теорий.

Новый мировой порядок (англ. New World Order, лат. Novus Ordo Seclorum) – устойчивое словосочетание, применяемое в основном в политике для обозначения разнообразных явлений в настоящем и прогнозов на будущее мирового устройства. Общепринятого значения не имеет. Латинский девиз «Новый мировой порядок» размещён Чарльзом Томпсоном в 1782 г. на печати США, в основании изображения пирамиды. В свою очередь он восходит к знаменитой IV эклоге Вергилия, где изображается будущее процветание человечества; в Средние века эти строки трактовались как пророчество об эпохе христианства. Ироническая трактовка словосочетания «Дивный новый мир» (англ. Brave New World) у Киплинга и Хаксли полемизирует с этими представлениями и носит уже антиутопический характер.

Проводя анализ нового мирового порядка, видимо, следовало бы исходить из того, что окончание «холодной войны» завершило в принципе процесс оформления единого международного сообщества. Путь, пройденный человечеством от изолированности континентов, регионов, цивилизаций и народов через колониальное собирание мира, расширение географии торговли, через катаклизмы двух мировых войн, массовый выход на мировую арену освободившихся от колониализма государств, мобилизацию противоположными лагерями ресурсов всех уголков мира в противостоянии «холодной войны», повышение компактности планеты в результате научно-технической революции, завершился, наконец, крушением «железного занавеса» между Востоком и Западом и превращением мира в единый организм с определенным общим набором принципов и закономерностей развития его отдельных частей. Мировое сообщество все больше становится таковым в реальности. Поэтому в последнее время, повышенное внимание уделяется проблемам взаимозависимости и глобализации мира, общему знаменателю национальных составляющих мировой политики. Видимо, анализ этих трансцендентных универсальных тенденций поможет более достоверно представить направление изменения мировой политики и международных отношений.

Уход с мировой арены Организации Варшавского Договора и Советского Союза реально открыл путь к формированию «нового мирового порядка». Его становление с самого начала проходило в обстановке резкого нарушения баланса сил в мире. Непредвиденное исчезновение СССР как одного из главных субъектов международных отношений сразу же отразилось на их структуре. Появившиеся на Западе трактовки, будто Советский Союз потерпел поражение в «холодной войне», можно было отнести на совесть их авторов, если бы не появившаяся манера ряда политических деятелей стран НАТО, в первую очередь США, вести себя в духе «победителей». Какой-то повод для такой манеры дала и советская дипломатия в последний год существования СССР. Речь идет о ее позиции в связи с кризисом во второй половине 1990 – начале 1991 г. на Ближнем Востоке, вызванным вторжением Ирака на территорию Кувейта. С полным основанием поддержав

резолюции Совета Безопасности ООН, осуждавшие Ирак за этот акт агрессии и требовавшие вывода его войск из Кувейта, советское руководство дало вместе с тем свое согласие на применение США и их союзниками по НАТО военной силы против Ирака. Их действия вышли далеко за допустимые рамки, привели к массовой гибели людей, однако предоставили им возможность опробовать новые виды оружия и методы ведения войны. «Буря в пустыне» (кодовое наименование этих действий) стала первой ласточкой, предвещавшей контуры «нового мирового порядка».

Интересные выводы можно сделать, наблюдая за синхронизацией действий международных организаций и политическими процессами, протекавшими в Советском Союзе. Их действия были сравнительно умеренными до провала попытки путча в СССР 19–21 августа 1991 г. После этого, в ходе начавшегося распада СССР и по мере его нарастания, они стали более решительными. Это сразу же отразилось на решении ЕС, принятом в начале сентября 1991 г., о созыве постоянной Международной конференции по Югославии и наделении ее арбитражными функциями. Деятельность этой конференции под руководством лорда Каррингтона, а также ее арбитражной комиссии, нашла отражение в подготовке предложений о разрешении югославского кризиса. Все четыре варианта, представленные конференцией в течение осени 1991 г., поощряли сепаратистскую линию республик, решивших отколоться от югославской федерации, особенно Словении и Хорватии, и играли деструктивную роль по отношению к югославской государственности, причем, с заметно возрастающей с каждым разом антисербской направленностью.

Характерен поворот, происшедший в деятельности ЕС после подписания 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений, провозглашавших прекращение существования СССР. Реакция ЕС была мгновенной. 17 декабря министры иностранных дел стран-членов ЕС, собравшиеся в Брюсселе, под мощнейшим давлением германской дипломатии приняли Декларацию о критериях признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе. Процедура предусматривалась упрощенная: фактически достаточно было заявить о своей независимости и соблюдении норм международного права. Отдельные положения были уточнены в принятой в тот же день специальной Декларации о Югославии, в которой заявлялось о решении ЕС и входивших в него государств признать независимость югославских республик и открытии этого процесса с 15 января 1992 г. Обе эти декларации как бы связывали воедино дезинтеграционные процессы, происходившие в Советском Союзе и в Югославии, хотя и содержали некоторые нюансы в подходе к ним. По отношению к бывшим советским республикам они носили, скорее, поощрительный, рекомендательный характер, тогда как по отношению к югославским республикам – императивный.

При анализе этих деклараций, прежде всего, заметно, что ЕС узурпировал права, принадлежавшие совсем другим международным организациям, а именно, СБСЕ и ООН. Отсутствие протестов с их стороны свидетельствовало о том, что они смирились с таким положением. Следствием стало, прежде всего, первое крупное искажение в структуре международных отношений, проявившееся в наглядном

снижении их роли на мировой арене, а также – что не менее важно – создание прецедента международного признания самопровозглашенной независимости для одних и отказ в таком признании для других.

Дело даже не в «двойных стандартах», вводимых этим прецедентом. Декларации ЕС грубо нарушали основные положения Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которые содержали гарантии неприкосновенности границ Югославии, а не административных границ входивших в нее республик. Таким образом, был нанесен мощный удар по основам международного права, сложившимся в послевоенные годы, что активизировало волюнтаристские действия в нарушение общепринятых норм.

За действиями ЕС просматривались контуры НАТО. Их совместными усилиями – списки входивших в них государств почти совпадали – к событиям в Югославии была подключена ООН. На Совете Безопасности ООН в конце 1991 г. была рассмотрена возможность отправки миротворческого контингента в Югославию. Об этом же просило и правительство федеральной Югославии, надеясь с помощью миротворцев предотвратить дальнейшее разорение сербских сел и убийства сербского населения на территории Хорватии. «Голубые каски» появились там только весной 1992 г., после того, как эпицентр этногражданских конфликтов «перекочевал» на территорию Боснии и Герцеговины. Однако деятельность представителей и органов ООН на территории Югославии продолжала линию, заложенную действиями ЕС с ее антисербскими установками, которые после образования 27 апреля 1992 г. Союзной Республики Югославии (СРЮ) в составе Сербии и Черногории обратились против нее. Не удовлетворившись выводом войск ЮНА с территории Боснии и Герцеговины, Совет Безопасности ООН 30 мая 1992 г. ввел санкции против СРЮ, предусматривавшие эмбарго на поставки нефти и топлива, запрет на воздушное сообщение, замораживание финансовых счетов за границей. Как бы подчеркивая негативное отношение к СРЮ, заявившей о своей правопреемственности с прошлой Югославией, Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой отрицалось за ней такое право и она отстранялась от работы в ООН, тогда как Словения, Хорватия и Босния и Герцеговина были приняты в ряды этой организации. Аналогичное положение сложилось и в рамках СБСЕ. Это был курс на дискриминацию СРЮ на международной арене.

Значительная доля вины за такой поворот событий лежала на России. Вслед за периодом «романтических иллюзий» в отношениях с Западом, что было характерно для эпохи Горбачева – Шеварднадзе, после распада Советского Союза в 1991 г. при Ельцине и его новом министре иностранных дел А. Козыреве наступил период «инфантильной эйфории». Если во внутренней политике Ельцин стремился и во многом был антиподом Горбачева, то во внешней – он будто соревновался с ним в снискании расположения западных держав и особенно США. Козырев неоднократно и в разных вариациях подчеркивал, что главной целью российской дипломатии является поддержание взаимодействия и диалога с НАТО. Российский МИД избегал всего, что могло бы хоть отчасти омрачить его «медовый месяц», растянувшийся на годы, в отношениях с Западом, хотя последний последовательно

проводил свою линию. В конце концов, такой курс обернулся крупными потерями для международного имиджа России, ущемлением ее национальных интересов и сказался на общей структуре международных отношений.

Прикрываясь словами о новомодной «концепции партнерства», западные державы развернули активную деятельность, втягивая страны Восточной Европы в сферу своего влияния. Мощный стимул этому процессу был дан подключением НАТО к миротворческим операциям ООН на территории бывшей Югославии. Впервые НАТО вышла за пределы своей территории и привлекла к содействию своим операциям Венгрию и Албанию. Начались разговоры и появились статьи в средствах массовой информации о новых угрозах безопасности и нестабильности «на территории между Россией и Германией». Они особенно усилились после прихода к власти в январе 1993 г. в США администрации президента Клинтона. Послышались голоса о двух «кризисных дугах» в Европе – на ее южном и восточном флангах, а также открытые призывы к включению в НАТО Польши, Венгрии и Чехословакии. Югославский кризис, несомненно, стал катализатором происходивших перемен. И, как это ни покажется странным, именно российская дипломатия дала дополнительный импульс наметившимся сдвигам. Во время государственного визита президента Ельцина в Варшаву в августе 1993 г. он в беседе с польским президентом Валенсой при обсуждении проблем, связанных с НАТО, неожиданно заявил, что присоединение к этому альянсу – внутреннее дело самой Польши. Характерно, что в подготовленных для Ельцина документах для этого визита таких «пассажей» не содержалось и сделанное заявление было его импровизацией, скорее всего, с подачи сопровождавшего его Козырева. По разрушительным последствиям это заявление можно сравнить разве что с печально знаменитой тирадой Ельцина, обращенной к главам автономных республик Российской Федерации во время его внутривластной борьбы за власть с Горбачевым: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Не удивительно, что его новое откровение было немедленно подхвачено всей мировой прессой и повсеместно расценено как согласие российского руководства с планами расширения НАТО, тогда еще только обсуждавшимися.

Своей политикой российское руководство в немалой степени провоцировало западные державы и особенно США в их стремлении закрепить сложившуюся расстановку сил на мировой арене, утвердить за США роль единственной сверхдержавы, а за НАТО – единственного военно-политического блока, доминирующего во всем мире. Развитие же югославского кризиса во многом подсказывало Западу формы такого доминирования, прежде всего в Европе. Инициативы в этом направлении не заставили себя долго ждать. Уже во второй половине 1993 г. началась разработка программы «Партнерство во имя мира», ставшая своего рода подготовительным классом для ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы в процессе последующего присоединения к НАТО. Вскоре были названы и первые кандидаты на прием – страны Вышеградской группы: Польша, Венгрия, Чехия и Словакия. Все эти действия развивались на фоне быстрого расширения участия НАТО в миротворческих операциях в Боснии и Герцеговине, которые стали вско-

ре принимать форму участия войск НАТО, особенно авиации, в борьбе против боснийских сербов и односторонней поддержки мусульман и хорватов. Именно под американским патронатом в марте 1994 г. в Вашингтоне было подписано рамочное соглашение мусульман и боснийских хорватов о федерации, а фактически – о союзе двух этнических групп против боснийских сербов. Но главное заключалось в другом: НАТО на деле превратилась в соучастника этногражданского конфликта не только на территории Боснии и Герцеговины, но и на всей территории бывшей Югославии. Это был решительный поворот к открытому вмешательству во внутренние дела других государств. Термин «миротворчество» стал быстро заменяться термином «принуждение к миру».

В течение 1995 г., используя военные, политические и экономические рычаги, НАТО и США сумели добиться перелома в этногражданской войне на территории Боснии и Герцеговины. Перевооружив армии боснийских мусульман и хорватов, объединив их усилия, применив авиацию НАТО, дав согласие на проведение операций вооруженных сил Хорватии против сербских анклавов на ее территории, формально находившихся под защитой ООН, альянс навязал боснийской Республике Сербской свои условия мира. Они были зафиксированы в Дейтонском соглашении, парафированном в ноябре 1995 г. и подписанном в Париже 14 декабря. Характерно, что под ним поставили подписи президент Боснии и Герцеговины А. Изетбегович, президент Хорватии Ф. Туджман и президент Сербии С. Милошевич.

Последний поставил свою подпись по настоянию американской дипломатии, чтобы избежать контактов с главой Республики Сербской Р. Караджичем, который был объявлен Международным трибуналом по военным преступлениям на территории бывшей Югославии военным преступником. В этом еще раз проявилась политика «двойных стандартов», поскольку Изетбегович и Туджман несли, по крайней мере, равную долю ответственности за все эксцессы, имевшие место в ходе межэтнических конфликтов. Запад, в частности, закрыл глаза на одну из самых крупномасштабных этнических чисток, совершенных хорватской армией, главнокомандующим которой по конституции был Туджман, против сербского населения Сербской Краины и восточной Словении на территории Хорватии. Воспользовавшись услугами Милошевича, личная неприязнь которого к Караджичу была общеизвестна, Запад вскоре стал рассматривать его как одного из главных противников «мирного урегулирования» на Балканах.

В соответствии с условиями Дейтонского мирного соглашения на территории Боснии и Герцеговины расположился значительный контингент войск НАТО. Эта бывшая югославская республика, считавшаяся номинально независимым государством и даже членом ООН и ОБСЕ, на деле превратилась в «международный протекторат», а, точнее, в плацдарм НАТО на Балканах. Последнее имело особое значение для дальнейшего развития как обстановки в Европе, так и в целом для структуры международных отношений.

Между тем в России уже давно крепла и ширилась критика в адрес внешней политики, особенно в адрес руководителя МИД Козырева. После бурного 1993 г., после декабрьского референдума по новой Конституции Российской Федерации

и выборов в Государственную Думу, в жизни страны наступил новый период, более упорядоченный в политическом отношении. Помимо думского комитета по внешней политике к этой критике активно подключилась общественность и средства массовой информации. Критика шла по всем направлениям. Отмечались нереалистичные надежды на помощь и понимание российских интересов Западом, обращалось внимание на «детскую болезнь обожания Америки», говорилось о странном невнимании к развитию отношений со странами-членами СНГ, не говоря уже о странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Нарастало возмущение немотивированной поддержкой действий НАТО в Югославии и отсутствием продуманного курса в таком важном регионе для внешнеполитических интересов России, как Балканы. Эта критика растянулась во времени. Особое значение имело мнение ряда ключевых ведомств государства – Министерства обороны, Службы внешней разведки, внешнеторгового ведомства и др. – о недопустимом монополизме МИД в определении внешнеполитического курса страны. Эта борьба завершилась вскоре после подписания Дейтонского соглашения, подведшего черту под первым, как выяснилось впоследствии, этапом югославского кризиса. В январе 1996 г. Козырев был, наконец, заменен на должности министра иностранных дел Е.М. Примаковым. Как после тяжелого похмелья, наступал период медленного отрезвления.

Первая половина 90-х годов оставила тяжелое наследие. Были упущены неповторимые возможности. Поезд ушел, оставив на перроне российскую дипломатию, уронившую авторитет страны и усугубившую и без того сложное положение России. Более того, ее курс, особенно на первом этапе югославского кризиса, привел к развитию негативных тенденций в структуре международных отношений, наращиванию склонности к гегемонизму со стороны НАТО и входящих в этот альянс стран, в первую очередь со стороны США. И эти устремления не замедлили проявиться в самом скором времени.

По мнению ряда ученых и политических деятелей, исчезновение идеологического возбудителя мировой политики в виде противоборства «коммунизм – антикоммунизм» позволяет вернуться к традиционной структуре отношений между национальными государствами, характерной для более ранних этапов Вестфальской системы. В этом случае распад биполярности предполагает образование многополярного мира, полюсами которого должны стать наиболее могущественные державы, сбросившие с себя ограничения корпоративной дисциплины в результате дезинтеграции двух блоков, миров или содружеств. Известный ученый и бывший госсекретарь США Г. Киссинджер в одной из последних своих монографий «Дипломатия» предсказывает, что формирующиеся после «холодной войны» международные отношения все больше будут напоминать европейскую политику XIX в., когда традиционные национальные интересы и меняющееся соотношение сил определяли дипломатическую игру, образование и распад союзов, изменение сфер влияния. Действительный член Российской академии наук в бытность свою министром иностранных дел РФ Е.М. Примаков уделял значительное внимание феномену зарождения многополярности. Необходимо отметить, что сторонники доктрины многополярности оперируют прежними категориями, такими, как

«великодержавность», «сферы влияния», «баланс сил» и т. д. Идея многополярности стала одной из центральных в программных партийных и государственных документах КНР, хотя акцент в них делается, скорее, не на попытке адекватного отражения сути нового этапа международных отношений, а на задаче противодействия реальному или мнимому гегемонизму, недопущения формирования однополярного мира во главе с Соединенными Штатами. В западной литературе, как и в некоторых заявлениях американских официальных лиц, речь нередко идет о «единоличном лидерстве США», т. е. об однополярности.

Не совсем корректным представляется также постулат о капиталистической основе нового мирового порядка, хотя все бывшие социалистические страны, дружно заявившие о намерении развивать капиталистические отношения как единственно способные обеспечить высокий уровень экономического развития и материальную базу демократии. Уязвим и постулат о либеральной природе политических ценностей, образующих фундамент нового миропорядка, и либеральном характере социально-политических ориентаций, определяющих поведение большинства индивидуальных (нации-государства) и групповых (международные организации) акторов, действующих на мировой арене.

Наконец, серьезные сомнения вызывает тезис о глобальном лидерстве США. Даже те, кто признает, что Америка после окончания «холодной войны» утратила роль мирового лидера, убеждены, что США должны вести за собой человечество. Нынешний мир, как утверждает, в частности, Г. Киссинджер, отчаянно нуждается в просвещенном руководстве, прежде всего, нравственном, и Америке предстоит выполнить эту миссию.

Уместно напомнить, что концепция «конца истории», выдвинутая в 1989 г. Ф. Фукуямой, наделавшая столько шума в академических кругах, исходила именно из представления о полной и окончательной победе либеральной идеи как высшего воплощения свободы, которой больше нет альтернативы. Ф. Фукуяма утверждал, что в США уже создана окончательная, прагматичная модель для всего мира, лучше которой ничего невозможно; поэтому ее единые для всех экономические (капиталистические) законы должны стать «этической» нормой жизни объединенного человечества, критерием добра и зла. «Всесильный Молох» рынка отменяет само понятие греха и добивается легализации того, что еще недавно считалось недопустимым.

Такова нравственная суть «конечной» экономической цивилизации Фукуямы. Карикатурный образ этого «порядка» Ж. Аттали («На пороге нового тысячелетия», 1991) описывает как торговый строй или «номадизм», в котором более нет государственных границ, по всей планете движутся номады-кочевники, «утратившие традиционную привязанность к стране, общине, семье». «Порядок, основанный на силе, уступает место порядку, основанному на деньгах...». Весь мир станет электронным: «Основой технологии будущего... является микросхема», вмонтированная во всевозможные предметы, которые «станут как бы продолжением наших органов чувств, функций нашего организма». Средства связи (а значит, и контроля) станут вездесущими.

«В грядущем новом мировом порядке будут и побежденные страны, – признает Аттали, – те, кто не сможет атомизироваться для нового мирового порядка ... Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят... Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимание из-за простого безразличия».

Многие современные концепции мирового развития и нового миропорядка выдержаны в эсхатологическом духе. Человечество, говорят нам, подошло к «последней черте» – по крайней мере, в пределах исторического цикла. Силы «добра», воплощенные в капитализме, демократии и либерализме, одержали окончательную победу над силами «зла», воплощением которых служили социализм (коммунизм), тоталитаризм и марксизм. Наступил «конец истории», долгожданная эра господства Америки как «первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы».

Звучат и алармистские ноты, тоже, как известно, характерные для эсхатологических построений. Яркое подтверждение тому – статья С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» (а потом и одноименная книга – уже без вопросительного знака). Грядущий мир автор рассматривает как арену столкновения западной, конфуцианской, японской, исламской, православно-славянской и африканской цивилизаций – столкновения, которое при неблагоприятном стечении обстоятельств, способно поставить человечество на грань катастрофы. Тревогой проникнута книга П. Кеннеди «Вступая в двадцать первый век». Серьезную озабоченность вызывает будущее человечества у К. Коукера, утверждающего, что «западный мир... потерял ощущение цели и... создается впечатление, что он вступил в сумеречную пору своего существования».

П. Бьюкенен говорит уже не о «сумерках», а о «смерти» Запада. «Запад умирает, – пишет он. – Народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается... Нынешний кризис грозит уничтожить западную цивилизацию... Католики, протестанты, православные – участвуют в грандиозной похоронной процессии западной цивилизации».

После событий 11 сентября 2001 г. – даты, которая воспринимается как рубежная, подтверждающая «прозрение» С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций», – эсхатологические мотивы появились в работах многих других авторов. Эти настроения в какой-то степени провоцируются реальными процессами. Человечество впервые встречает новый век и новый миллениум на грани жизни и смерти: гигантские запасы термоядерного, химического и бактериологического оружия способны в одночасье истребить все живое и превратить Землю в пустыню.

Угрозы, подстерегавшие человечество в XX в., не только сохранились в новом столетии, но приобрели еще более зловещий характер. К ним добавились новые – международный терроризм, увеличение числа и рост интенсивности межэтнических конфликтов, возникновение новых типов войн, напоминающих партизанские, но значительно более разрушительных; наконец растущая виртуализация

среды обитания человека. Вызывает тревогу и низкий уровень управляемости существующей мировой системой, а главное – качество этого управления.

Другая причина широкого распространения эсхатологических настроений связана со спецификой восприятия человеком исторического времени в «пограничных» (или «канунических») ситуациях, когда один порядок – век, тысячелетие – сменяется другим. Такой переход – всегда переход границы (нередко окрашиваемой культурной традицией в сакральные тона), отделяющей один экзистенциальный цикл от другого. Он формирует «кануническое» сознание, рождающее массу ожиданий, надежд и еще больше – фобий.

Как свидетельствует исторический опыт, казалось бы, таившие смертельную угрозу недуги в большинстве случаев успешно преодолевались. И немалая часть того, что сегодня воспринимается «кануническим» сознанием как мртогенное, вряд ли окажется таковым в ближайшей (или отдаленной) перспективе. Поэтому нужно с большой осторожностью относиться к тем концепциям мирового развития, которые предрекают скорое наступление «концов», будь они радостными или печальными. Мы живем в эпоху катастроф, резких исторических сдвигов, социальных и политических поворотов и переворотов. Но не всякая катастрофа прерывает существование системы, в рамках которой происходит. Вместе с тем человечеству едва ли удастся в обозримом будущем покончить с обрушившимися на него проблемами. Словом, нас ожидают не «конец истории» и не «конец света», а новые катастрофы и новые испытания.

Интересно, что эти воображаемые постулаты трактуют отдельные черты «грядущего мира», тенденциозно истолкованные, как устойчивые стратегические тенденции, генерирующие новый мировой порядок и определяющие его долгосрочные характеристики. При этом игнорируются тенденции и процессы, зафиксированные еще в конце прошлого века в концепциях «постиндустриального», «информационного» и «глобального общества» – концепциях, которые подводят к выводу, что время классических миросистемных структур приближается к концу и наступает эпоха неклассических релятивистских миросистем и миропорядков, не укладывающихся в привычные идентификационные схемы XIX и XX вв.

Сегодня эти концептуальные системы и порядки могут быть описаны лишь как вероятностные, ибо определяющие их тенденции проявились к настоящему времени с разной, зачастую невысокой, степенью отчетливости. Тем не менее информация, доступная исследователю, позволяет высказать ряд гипотетических суждений о некоторых базовых принципах нового миропорядка, точнее, одного из возможных (и, на наш взгляд, наиболее вероятного) порядков, который может принять зримые очертания в ближайшие десятилетия.

Однако дело не только в эсхатологических преувеличениях. Многие модели нового мирового порядка строятся на постулатах, которые, на наш взгляд, не являются ни теоретически состоятельными, ни политически релевантными. Таков, прежде всего, постулат о полюсной структуре нового мирового порядка. Споры идут о том, будет ли последний «однополюсным» или «многополюсным»; какое количество «полюсов» следует признать оптимальным; каковы реальная, возможная

и оптимальная структуры «полюсов» и наиболее вероятная динамика перехода от одной «полюсной» модели к другой. «Полюсное» видение укоренилось в сознании аналитиков и политиков, постоянно воспроизводится как само собой разумеющееся в документах, фиксирующих состояние международных отношений. Дискуссии ведутся лишь о том, следует ли мириться с якобы уже сложившимся «однополюсным» порядком (единственный полюс – США) или же надо стремиться к построению «многополюсного» мира, в котором сила Америки и ее союзников уравновешивалась бы другими странами (группами стран).

В противовес отмеченной позиции, в научно-теоретической литературе высказываются и иные точки зрения о международном будущем человечества. Одна из них предлагает на рассмотрение ряд тезисов. *Во-первых*, грядущий миропорядок будет, по всей вероятности, «бесполюсным», каковым, собственно, является уже сегодня. Полюса – это полярные, т.е. контрарные, одновременно отрицающие и предполагающие существование друг друга, симметричные, соизмеримые по жизненному потенциалу (военному, экономическому, политическому, научно-техническому) центры силы. Они образуют противоположные точки силовой «оси», стягивающей воедино мировую систему. Взаимодействуя друг с другом, полюса определяют специфику ее функционирования, динамику и направление развития. В рамках одной системы могут существовать только два противоположных силовых центра, только два полюса. А это значит, что мировые системы могут быть либо двухполюсными, а, правильнее, просто «полюсными», либо «бесполюсными». В последнем случае мы имеем дело с моноцентрическими и полицентрическими системами (их и именуют, без серьезных оснований, «однополюсными» и «многополюсными»).

Полюсная (в точном смысле этого слова) организация мировой системы обуславливает не только особый характер ее структуры, но и специфику ее функционирования и развития: повышенный уровень конкуренции и борьбы за выживание; высокую степень ресурсной мобилизации каждого из полюсов; устойчивое разделение сфер влияния; невозможность появления «третьей силы». Но главная черта полюсного мира – системная стабильность и отсутствие гегемона, даже если один из полюсов несколько сильнее другого.

Воображаемый момент вероятности того, что в обозримой перспективе человечество вновь окажется в двухполюсном мире, крайне мала. Складывающаяся система международных отношений будет иметь, скорее всего, «бесполюсную» структуру, что отнюдь не исключает наличия глобальных и региональных центров. Какими они будут, и кто войдет в их число – вопросы открытые. Многие, в первую очередь заокеанские, аналитики, констатируя нынешнее преимущество Соединенных Штатов, полагают, что возможен лишь один глобальный центр – в лице США. Но есть и другая, более обоснованная точка зрения, согласно которой мировой системе предстоит стать полицентричной, а самим центрам – диверсифицированными, так что глобальная структура силы окажется многоуровневой и многомерной (центры военной силы не будут совпадать с центрами экономической силы и т.п.), хотя и не обязательно сбалансированной.

Во-вторых, мировой порядок XXI столетия не может покоиться на социально-экономической основе, тождественной постклассическому капитализму второй половины XX и первых десятилетий XXI в. В частности, аргументированной критике современной капиталистической мир-экономики посвятил свои основные труды И. Валлерстайн. Но в этом отдают себе отчет не только теоретики-международники левого, но также правого направления. «Парадоксально, что как раз в то время, когда у капитализма не осталось общественных конкурентов, – пишет, например, один из ведущих экономистов-теоретиков Л. Туроу, – когда умерли его прежние конкуренты, социализм и коммунизм, ему придется испытать глубокую метаморфозу». Тревогу бьет и Дж. Сорос. «Система мирового капитализма, которой мы обязаны необыкновенным процветанием нашей страны, трещит по всем швам», – говорил он, выступая в Конгрессе США 15 сентября 1998 г. Еще жестче ставится вопрос в нашумевшей книге Сороса «Кризис мирового капитализма»¹.

Необходимо отметить также, что сама возможность «построения капитализма» в бывших социалистических странах, особенно в Китае и России, вызывает, мягко говоря, большие сомнения. И, прежде всего, потому, что капитализм – не просто экономический механизм или система социальных отношений, но и определенный тип цивилизации. Капиталистическая экономика, как подчеркивает Й. Шумпетер, имеет «культурное дополнение» в виде социопсихологической надстройки – «того менталитета, который характерен для капиталистического общества, и в особенности для буржуазного класса».

Впрочем, будем ли мы рассматривать капитализм как общественно-экономическую формацию или как цивилизацию, он в любом случае предстает перед нами как системный продукт исторической эволюции общества, итог длительного спонтанного экономического, социального, политического и культурного процесса, характеризующегося множеством перманентно появляющихся случайных переменных.

Капитализм не был «построен» человеком по собственному желанию, по заранее определенному плану или проекту. Он сложился естественноисторическим путем. Если, выразиться точнее, то первоначальный европейский капитализм есть продукт случайного стечения исторических обстоятельств. Сложился он, разумеется, не без участия людей. Как писал в этой связи Шумпетер: «Экономические и социальные процессы развиваются по собственной инерции, и возникающие в результате ситуации вынуждают отдельных людей и социальные группы вести себя определенным образом, хотя они того или не хотят, – вынуждают, разумеется, не путем лишения их свободы выбора, но путем формирования менталитета, ответственного за этот выбор, и путем сужения перечня возможностей, из которых этот выбор осуществляется».

Отсюда следует, что тот, кто пожелал бы «построить капитализм» у себя в стране – не рынок в той или иной его форме, не систему свободного предпринимательства или частнособственнических отношений, но именно «капитализм» в полном смысле этого слова, – тот должен был бы попытаться воспроизвести не

---

¹ См.: Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М.: ИНФРА-М, 1999.

только соответствующие ему экономические, социальные, политические, культурные «элементы», но и ту трудноуловимую и вместе с тем чрезвычайно важную составляющую, которую М. Вебер именовал «духом капитализма». А это – трудновыполнимая задача, ибо человечество пока не умеет – что, вероятнее всего, к лучшему, – управлять собственной эволюцией.

Безусловно, ни Туроу, ни Сорос, ни другие либеральные критики капитализма не собираются отправлять его «на свалку истории». Но в отличие от многих своих коллег, они понимают, что его выживание сопряжено с выходом за пределы сложившейся системы капиталистических отношений, с появлением социально-политических, экономических и культурных альтернатив, которые могли бы составить конкуренцию капитализму и вместе с тем дать ему мощный трансформационный импульс. Эти альтернативы, даже не очень четко обозначившиеся и сформулированные, не могут быть «вынесены за скобки» при построении моделей нового мирового порядка и определении политики управления новыми глобальными структурами XXI в.

В-третьих, в основе миропорядка, отвечающего императивам наступившего века, не может лежать система либеральных (неолиберальных) ценностей, господствовавшая на Западе вплоть до конца века минувшего. К настоящему моменту либеральная идея достигла содержательного и пространственного предела. Да, она остается действенной и еще какое-то время будет оставаться таковой, прежде всего, в странах Запада. Однако потенциал ее внутреннего развития в общем исчерпан. Иначе говоря, либерализм перестал быть силой, способной качественно трансформировать общество, обновлять его.

На протяжении последних трех-четырёх столетий развитие либерального капитализма шло за счет реализации внутреннего потенциала автономного индивида как самостоятельного, инициативного производителя, субъекта права, творца материальных и духовных ценностей, центра социума. В этом, собственно, и состояла либеральная идея, которая, вопреки широко распространенному заблуждению, далеко не всегда мирно уживалась и, тем более, гармонизировала с демократической идеей. Ныне этот источник социальной энергии, питавший капитализм, иссяк.

Но капитализм не имеет и перспективы пространственного роста: ему просто больше некуда двигаться, что подтверждает «второе пришествие» либерализма на постсоветское пространство, завершившееся его поражением. Конечно, те или иные либеральные идеи и принципы могут войти (и уже входят) в постсоветское общественное сознание и получить воплощение на практике. Но либерализм в том варианте, который служил двигателем английского и американского общества в течение последних двух столетий, не способен стать источником развития в новых условиях. Это относилось в недалеком прошлом к Японии. Ныне относится не только к России, но и к такой стране, как Китай. И вообще, там, где либерализм не успел пустить сколько-нибудь глубоких корней в общественном сознании, культуре, жизненном укладе, не говоря уже о политике и экономике, он не в состоянии сделать это в реально ощутимых масштабах. А любые попытки насадить

его искусственным путем оказываются малоэффективными. Либеральная идея просто не работает.

Не может также рассчитывать на «возвращение в мир» в своей прежней марксистской или псевдомарксистской форме и социалистическая идея. Горький опыт Советского Союза и других стран социалистической ориентации подтвердил неэффективность «реального социализма». Однако социалистическая традиция как таковая – а она полиморфна – жива, о чем убедительно свидетельствует процесс становления на Западе, включая и либеральную Америку, социального государства.

Резонно предположить, что новый мировой порядок будет базироваться не на одной, а на нескольких дополняющих друг друга и в чем-то соперничающих ценностных системах. При этом каждая из них будет иметь более или менее отчетливо выраженный симбиотический характер, сочетая установки на обеспечение интересов общего (социумы разных уровней и масштабов, вплоть до глобального) и единичного (индивид, организация, нация-государство, регион и т. п.).

В-четвертых, если исходить из представления о политическом лидерстве не как о гегемонии, определяемой превосходящей силой актора, а как о целерациональном управлении функционированием и развитием системы (в данном случае мировой политической системы, имеющей глобальный характер и приближающейся к системе всемирной), то придется признать: Соединенные Штаты, будучи «самой могущественной державой мира» и «главным арбитром между евразийскими государствами», пока еще могут силой навязывать путь развития в качестве политического и морального лидера человечества, но не в состоянии в одиночку сформировать новый мировой порядок и рационально управлять им. Осознавая эту угрожающую ситуацию для национальных интересов США и для сохранения доминирующей роли Америки в мире, сотрудники RAND Corporation выдвинули даже концепцию «управляемого хаоса». Поддерживать относительный «хаос», чтобы было легче управлять международными процессами. Ныне Америка слишком эгоистична, чтобы принести на алтарь общего блага хотя бы часть своих интересов и ресурсов, а без этого нельзя стать признанным лидером глобализирующегося мира. Защита национальных интересов США в реальной жизни фактически превращается в «национальный эгоизм». Эта держава слишком самоуверенна, чтобы прислушиваться к голосам других. Она слишком эгоцентрична, чтобы играть роль политического и морального вожака. Мирового же лидерства в условиях XXI в. невозможно достичь без устойчивой обратной связи. Но главное препятствие на пути ее глобального лидерства заключается, быть может, в том, что она не знает, куда идет мир и куда его следует вести. Она не знает даже, как разумно распорядиться собственной силой.

Кто же готов сегодня взять на себя и достойно нести бремя глобального лидерства? Западная Европа? Япония? Китай? Россия? По-видимому, специфическая черта современной ситуации состоит в том, что она исключает универсальное индивидуальное мировое лидерство. Мiroустройство, отвечающее императивам XXI в., не может быть навязано одной державой, сколь бы сильна она ни была и как бы напористо ни пыталась это сделать. Новый миропорядок способен родиться лишь в результате совместного творчества членов мирового сообщества. Да и мо-

дели такого порядка могут появиться на свет только как продукт кооперативных усилий. Равным образом, оптимальной формой управления новой мировой системой было бы, по-видимому, коллективное управление, осуществляемое через гибкую сетевую систему, ячейками которой выступали бы международные организации типа ООН, транснациональные корпорации, а также глобальные конгломераты, объединяющие государственные и негосударственные организации регионального и планетарного масштаба.

В-пятых, новый мировой порядок будет, скорее всего, отличаться повышенной динамикой изменений, обусловленной ускорением и обновлением информационных технологий, появлением новых видов транспортных средств, источников энергии, что позволит отдельным странам выходить на новые рубежи в мировой политике и менять свое место в системе международных отношений. Резонно предположить, что новый миропорядок будет иметь несколько точек роста и изменяться одновременно в нескольких направлениях, в т.ч. взаимоисключающих. Это потребует столь же динамичной смены алгоритмов управления этим миропорядком и соответствующего «управленческого инструментария».

В-шестых, развитие информационных технологий и расширение возможностей психологического воздействия на многомиллионные аудитории по всему миру способны привести к тому, что границы между материальной и виртуальной составляющими нового мирового порядка станут не просто гибкими, но лишенными четких, устойчивых очертаний, так что в каких-то ситуациях будет не вполне ясно – либо даже совсем не ясно – произошли ли те или иные события в сфере материального бытия или же они имеют сугубо виртуальный, нематериальный характер. Влияние последних на ход мирового развития и жизнь отдельных народов может оказаться не меньшим, если не большим, чем влияние реальных событий.

Это может способствовать как повышению управляемости (манипулируемости), а в чем-то и программируемости политики развития международных отношений, так и нарастанию неуправляемых изменений мирового порядка, возможно, с катастрофическими для него последствиями. Какая из этих альтернатив возьмет верх, во многом зависит от того, научатся ли субъекты (акторы) международных отношений управлять новой мировой системой.

Поэтому при рассмотрении проблематики нового мирового порядка нельзя ограничиваться исследованием принципов и механизмов его стихийного формирования. Если любой социально-политический, экономический и иной порядок – это порядок человеческий, то мы вправе ставить вопрос не просто о смене, но и о замене одного миропорядка другим, т. е. о процессе, осуществляемом человеком (в заданных объективными возможностями рамках) в соответствии с определенными целями, ценностными ориентациями и планомерными действиями.

Делая выводы, необходимо отметить следующее. Действительно, в начале 90-х гг. прошлого столетия, если рассматривать мир с точки зрения геополитики, карта мира претерпела серьезные изменения. Распад Советского Союза в принципе изменил геополитическую ситуацию в мире. В результате этих изменений в мировой политике с 1991 г. начала складываться своеобразная иерархия, ру-

ководящим звеном которой де-факто стали США. К ним достаточно жестко были привязаны семь ключевых партнеров, входящих в «Большую восьмерку»: пять союзников США по НАТО – Великобритания, Франция, Германия, Канада, Италия; находящаяся с США в военном союзе по договору 1960 г. Япония и, наконец, Россия, находящаяся с США в отношениях стратегического партнерства.

Из всей «семерки» партнеров США лишь Россия даже в 90-е гг. прошлого века оспаривала главенствующую роль США и выступала в роли партнера США избирательно. По ряду вопросов она поддерживала Вашингтон, а по другим – югославский кризис, расширение НАТО – дистанцировалась от него и даже подвергала его действия жесткой критике. Однако слабость экономики России, болезненные последствия плохо продуманных реформ 90-х годов не позволяли считать ее в полной мере суверенным государством. Россия полностью зависит от мировой экономики, которую контролируют США. Ее национальная валюта намертво «завязана» на американский доллар. Другие государства «семерки» целиком и полностью зависят от США в вопросах безопасности.

В мировую иерархию стран при лидерстве США не были включены с 1991 гг. Китай и Индия. Они оказывали и оказывают влияние на мировой порядок благодаря наличию у них динамично растущего экономического потенциала, статуса мощных военных держав регионального уровня, а также колоссальных ресурсов народонаселения, способных в перспективе обеспечить Китаю и Индии решающее воздействие на глобальные демографические и миграционные процессы, а в более далекой перспективе – и на мировую торговлю. Однако спектр политического сотрудничества КНР и Индии с «Большой восьмеркой» всегда был ограничен. Эти страны также полностью зависят от мировой экономики, в которой пока безраздельно командуют США. Очевидно, что ни Индия, ни Китай – не соперники США в глобальной политике.

Складывавшуюся в 1991–2001 гг. систему мироустройства можно было бы назвать *полицентрической однополярностью*. Суть этого миропорядка состояла в реализации исторического проекта на базе экономической, военно-политической и этико-правовой общности стран Запада и распространения этих стандартов на весь мир. Естественно, это вызвало достаточно ожесточенное сопротивление во всем мире, в том числе и активизацию «асимметричного ответа» в форме транснационального терроризма. Другой особенностью данного проекта было то, что новый миропорядок был основан на процессах глобализации. Это была попытка создать глобальный мир по единым стандартам.

Однополярный мир просуществовал только 10 лет – с 1991 по 2001 гг. Началом его крушения стали террористические акты в США 11 сентября 2001 г. С 2001 г. по настоящее время мы наблюдаем его крушение. И это очередной водораздел в мировой политике. В этой связи главным содержанием современной эпохи в сфере международных отношений является переход от *биполярной системы мироустройства к многополярному миру*. Однако особенно область международных отношений характеризуется альтернативностью пути развития. Сегодня мы наблюдаем некое «хаотическое брожение» различных тенденций международной жизни.

ни. Особенно четко проявляет себя так называемое попятное движение. Вместе с тем как будто не теряет реальных очертаний тенденция к однополярности или моноцентричности. Однако ход событий последних лет в мире показывает, что эта тенденция лишь одна из граней сложного комплекса явлений в сфере международной жизни. Налицо неопределенность, альтернативность, многовариантность пути развития современного мира. Переходность характера существующего миропорядка обуславливает то, что можно было бы назвать его многоукладностью, т.е. ростки будущего и черты прошлого.

Учебно-методическая литература

Основная

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С. А.Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2009.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. Учебник. М.: Гардарики, 2007.

Мировая политика и международные отношения: Учеб. пособие / Под ред. С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2009.

Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Ответ. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

Дополнительная

Баталов Э.Я. Новый мировой порядок: к методологии анализа // Полис. 2003. № 5.

за год. Дрезнер Д. Россия в глобальной политике // Foreign Affairs. 2007. № 2.

Межуев Б. Новый мировой порядок: нищета конспирологии // Журнал о мировой политике и международных отношениях. 2007. 23 июля.

Авдеев В.Б. Метафизическая антропология. Сер.: Библиотека расовой мысли. М.: Белые альвы, 2002.

Мельвиль А.Ю. Глобальные социальные и политические перемены в мире // Материалы российско-американского семинара. 23– 24 октября 2002 г. М., 2002.

Дугин А. Приговоренная Родина // Новый мир .1999. № 9.

Нестеренко А.Е. Потенциал ООН // Международная жизнь. 1990. № 5; 2001. №3.

Поздняков Э.А., Шадрин И.П. О гуманизации и демократизации международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 4.

Торкунов А.В. Современные международные отношения М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), М., 1999.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1.

Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика: Учебное пособие. М.: Интерпракс, 1995.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002.

Цыганков А.П. Предмет и метод политической науки. М., 1992.

- Цыганков П.А.* Политическая социология международных отношений. М.: Радикс, 1995.
- Шахназаров Г.Х.* Мировое сообщество управляемо // Известия. 1988. 15 января.
- Эркхарт Б., Чайлдс Э.* Мир нуждается в руководстве: завтрашний день ООН // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 10–11.
- Ясперс К.* Истоки истории и ее цель. М., 1991.
- Вишняков И.* Новый мировой порядок. Saturday, 2007. January .
- Хомски Н.* Что дядя Сэм на самом деле хочет? // URL:<http://www.lbbs.org/>
- Bull H.* The Anarchical Society. A Study Order in World Politics. N.-Y.: Columbia University Press, 1977.
- Cooper R.* Is there a New World Order? // Prospects for Global Order. Vol. 2. Ed. by Seizaburo Sato and Trevor Taylor. London: Royal Institute of International Relations, 1993.
- Franck T.* The Power of Legitimacy among Nations. Oxford, 1990.
- Haas E.* The Balance of Power: Prescription Concept or Propagand // World Politics. 1953.
- Miller L.H.* Global Order. Values and Power in International Politics. 3rd ed. Boulder. S.-Francisco; Oxford: Westview, 1994.
- Kaplan M.* The System Approach to International Politics // New Approach to International Politics. N.-Y.: Sharpe, 1968.
- Kissinger H.* Russian and American Interests after the Cold War // Rethinking Russia's National Interests / Ed. by Stephen Sestanovich. Washington: Center for Strategic and International Studies, 1994.
- Kissinger H.A.* The White House Years. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1979.
- Rengger N.J.* No Longer «A Tournament of Distinctive Knights»? London, 1990.

Алим Дононбаев

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Учебник. Часть 1

Редактор О.А. Старцева
Компьютерная верстка А.С. Шелестовой

Подписано в печать 2.02.2015
Формат 60×84 ¹/₈. Печать офсетная.
Объем 73,25 п.л. Тираж 500 экз. Заказ 1

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2